N2046

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Годъ XII-й. № 6-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Ч 666

ІЮНЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

AP50
.M61
v.12
no.6

Дозволено цензурою 28-го мая 1903 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. (Истор. очеркъ). **А. Корнилова.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЗАРНИЦЫ. **Вл. Ладыженскаго.** . . . 34
3. ПО АМЕРИКАНСКИ. **Ник. Мельницкаго.** 35
4. ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). (Продолженіе). Гл. V. Церковь и духовенство. **Н. Рожкова.** 53
5. МАТЬ И ДОЧЬ. Романъ Часть I. (Продолженіе). **И. Потапенки.** 76
6. ДОСТОЕВСКІЙ И НИТЦШЕ. **М. Хейсина.** 119
7. МОЛОХЪ. Романъ **Якова Вассермана.** (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго. **Л. Горбуновой.** 142
8. СТИХОТВОРЕНІЯ ИЗЪ ЕЛИЗАВЕТЫ БРОУНИНГЪ: I) ДАЛЬ. II) ГОРЕЦЪ И ПОЭТЪ. **О. Чюминой.** 173
9. ВОСЕМЬ ПЛЕМЕНЪ. Романъ изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока. (Продолженіе). **Тана.** 174
10. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ.** Перев. съ англійскаго **З. Журавской.** (Окончаніе). 202
11. ЗЕМЛЕДѢЛІЕ И ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ. **Дм. Лещенко.** 237
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПОДЪ СОСНАМИ. **Галиной.** 261
13. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. (1857—1864 гг.). **Мих. Лемке.** 262
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЖУРАВЛИ. (Изъ М. Конопницкой). **Е. Чернобаева.** 303

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ «НА ДНѢ» ГОРЬКАГО. **Ѳ. Батюшкова.** 1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** «Желѣзный» съѣздъ.—Законодательство о сектантахъ.—Заводскій врачъ.—Рабочіе-торфяники. — Какъ узнать писателя. — Оригинальный процессъ.—Первый провинціальный журналъ. — Отчетъ москов-

стр.

ской консультаціи.—Акробаты въ деревнѣ.—За мѣсяцъ.—Некрологи 16

17. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Вѣстникъ Знанія». №№ 1 и 2.—«Историческій Вѣстникъ». № 1.—«Вѣстникъ Европы». № 5) 40

18. **За границей.** Германскія дѣла: закрытіе рейхстага и начало избирательнаго періода.—Театральная цензура.—Ирландскій билль.—Рѣчь Карнеджи о проблемахъ промышленности.—Лондонскія картинки.—Новое примѣненіе доктины Монроё.—Демократія въ американскихъ университетахъ 46

19. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Шекспиръ на японской сценѣ.—Положеніе артистическаго пролетаріата въ Германіи.—Англійская герцогиня въ Уайтъ-Чэпелѣ.—Жилищный вопросъ въ Европѣ 59

20. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія и политическая экономія.—Естествознаніе и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва 64

21. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 106

22. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. О природѣ человѣка и о «сущности» жизни. **В. Агафонова.** 109

23. ТУМАННОСТИ. **К. Покровскаго** 121

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ІЕРНЪ УЛЬ. Романъ **Густава Френсена.** Перев. съ нѣмецкаго **Л. Гуревичъ.** (Продолженіе). 149

25. ЗЕМНАЯ КОРА. Проф. **Карла Запперъ.** Съ многочислен. рис. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей **В. К. Агафонова.** (Продолженіе). 153

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Историческій очеркъ).

Глава I.

Семейство Тургеневыхъ.—Отецъ, братья.—Воспитаніе.—Гёттингенскій университетъ.—Германія и идеи, господствовавшія въ нѣмецкомъ обществѣ въ 1807—1813 гг.—Служба Тургенева при Штейнѣ.—Личность Штейна и его миссія.—Его дѣятельность по возрожденію Германіи и его вліяніе на европейскую политику (черезъ посредство императора Александра).—Вліяніе Штейна на окончательное сформированіе нравственнаго облика Николая Тургенева.

Не имѣя въ виду писать въ настоящее время полную біографію Н. И. Тургенева, я не собиралъ матеріаловъ о его дѣтскихъ и отроческихъ годахъ и располагаю лишь очень немногими свѣдѣніями о его воспитаніи и юношескихъ связяхъ. Главная задача настоящей статьи дать очеркъ его общественной, литературной и государственной дѣятельности, а для этой цѣли имѣется уже достаточно опубликованныхъ матеріаловъ и данныхъ, чтобы дать правильную оцѣнку этой замѣчательной личности.

Николай Тургеневъ, братъ Андрея и Александра, небезъизвѣстныхъ въ нашей литературѣ по ихъ связямъ съ Жуковскимъ и другими писателями, родился въ Симбирскѣ въ 1789 году. Родъ Тургеневыхъ принадлежитъ къ числу старыхъ дворянскихъ родовъ и записанъ въ VI части дворянской родословной книги Симбирской и Московской губерній *). Отецъ Николая Ивановича Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ просвѣщеннымъ и весьма замѣтнымъ въ свое время дѣятелемъ. Онъ былъ однимъ изъ выдающихся массоновъ екатерининскаго времени. Въ Симбирскѣ онъ основалъ ложу, въ которую между прочимъ принялъ молодого тогда Карамзина. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ Н. И. Новиковымъ и не только, какъ массонъ, но и какъ постоянный и близкій сотрудникъ всѣхъ издававшихся Новиковымъ

*) Ник. Ив. Тургеневъ не былъ родственникомъ Ив. Серг. Тургенева, какъ думаютъ нѣкоторые. Они принадлежали къ двумъ различнымъ родамъ: Н. И.—къ симбирскому, и Ив. Серг.—къ тульскому (срав. „Энцикл. слов." Брокгауза и Ефрона, полутомъ 67, стр. 113).

журналовъ *). Когда Новиковъ подвергся, въ концѣ царствованія Екатерины преслѣдованію, то и И. П. Тургеневъ отправленъ былъ въ ссылку и возвращенъ лишь при Павлѣ **). Въ началѣ царствованія Александра онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и куратором Московскаго университета.

Иванъ Петровичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Качаловой и имѣлъ отъ нея пятерыхъ сыновей ***): Ивана, умершаго въ дѣтствѣ, Андрея, родившагося въ 1781 году и скончавшагося въ 1803 г., Александра, родившагося въ 1785 и умершаго въ декабрѣ 1846, Николая, родившагося 11-го октября 1789 и умершаго 29-го октября 1881 г., и, наконецъ, Сергѣя, умершаго молодымъ человѣкомъ въ 1827 г. на рукахъ у брата Александра и Жуковскаго въ Парижѣ, отъ нервной болѣзни, развившейся вслѣдъ за вызовомъ его по недоразумѣнію вмѣсто брата его Николая къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ ****).

Раннее дѣтство Николай Тургеневъ провелъ въ Симбирскѣ въ лонѣ своей просвѣщенной семьи; затѣмъ онъ переѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Москву и здѣсь поступилъ черезъ нѣсколько времени въ университетскій благородный пансіонъ, въ которомъ воспитывались и братья его Андрей и Александръ, встрѣтившіеся и подружившіеся здѣсь на всю жизнь съ В. А. Жуковскимъ. Изъ пансіона онъ перешелъ въ университетъ, а по окончаніи курса въ послѣднемъ, поѣхалъ для довершенія своего образованія за границу и поступилъ здѣсь такъ же, какъ и его старшій братъ Александръ, въ гёттингентскій университетъ, гдѣ слушалъ знаменитыхъ въ то время профессоровъ Шлецера, Геерена, Гёде *****) и другихъ.

Гёттингенскій университетъ со второй половины XVIII-го стол. славился, какъ одинъ изъ лучшихъ разсадниковъ просвѣщенія и гуманныхъ идей въ Германіи. Въ этомъ университетѣ получили свое образованіе два величайшихъ государственныхъ дѣятеля тогдашней Гер-

---

*) Свѣдѣнія объ этомъ въ книгѣ проф. Незеленова „Н. И. Новиковъ". Спб. 1875 г., стр. 95, 124, 145, 237, 238, 407, 418, 435.

**) Пыпинъ. „Общественное движеніе при Александрѣ I". Стр. 533.

***) Эти свѣдѣнія приведены въ некрологѣ, составленномъ И. С. Тургеневымъ. Т. X его сочиненій (изд. 2-е, 1884 г.), стр. 445—447. И. С. Тургеневъ часто бывалъ за границей у Николая Ивановича и эти свѣдѣнія получилъ не сомнѣнно отъ него лично.

****) См. письма А. Тургенева и Жуковскаго въ „Русск. Старинѣ" 1902 г. № 4.

*****) Самъ Н. И. Тургеневъ особенно цѣнилъ лекціи Гёде, молодого криминалиста, преждевременно умершаго и не оставившаго по себѣ печатныхъ трудовъ. „Преподаваніе Гёде, пишетъ Тургеневъ, произвело на меня живѣйшее впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что повязка спала съ моихъ глазъ. Я вдругъ увидѣлъ, что ходячія понятія о наказаніяхъ, о преступленіяхъ, объ осуществленіи права наказывать исчезаютъ, какъ пустые и вредные предразсудки предъ этой простой и раціональной теоріей..." „La Russie et les Russes", I, 391.

маніи — баронъ Штейнъ и князь Гарденбергъ, своими великими преобразованіями положившіе начало обновленію прусскаго гражданскаго и государственнаго строя, какъ разъ въ то время, когда Николай Тургеневъ прибылъ въ Германію для завершенія своего образованія...

Это былъ замѣчательный моментъ въ исторіи Германіи. Порабощенная Наполеономъ страна, управлявшаяся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ мелкими и крупными деспотами, теперь пришла въ броженіе. Это броженіе, направленное противъ иноземнаго ига, подняло въ то же время духъ націи, и идеи, занесенныя во время революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ изъ Франціи, стали быстро распространяться въ германскомъ обществѣ. Невозможность дѣйствовать противъ завоевателя открыто, привела въ Пруссіи къ возникновенію тайныхъ обществъ и организацій, дѣятельность которыхъ была однако извѣстна королю и его министрамъ. Изъ нихъ Штейнъ считался даже главнымъ фактическимъ вдохновителемъ этихъ патріотическихъ организацій. Не имѣя силы безъ содѣйствія народныхъ массъ сбросить съ себя унизительный гнетъ французовъ, самъ король обѣщалъ впослѣдствіи (въ 1813 г.) своимъ возставшимъ противъ французовъ подданнымъ свободу и право голоса въ государственныхъ дѣлахъ. Это освободительное движеніе, рѣзко проявившееся въ Германіи послѣ неудачнаго похода Наполеона въ Россію, подготовлялось съ 1807 года реформами Штейна и Гарденберга, приступившими къ отмѣнѣ крѣпостного права и даровавшими самоуправленіе городскимъ общинамъ. Освободительное движеніе въ Германіи поставило крестьянскій вопросъ на первый планъ, такъ что, напримѣръ, по уставу Tugendbund'a, для лицъ, вступившихъ въ его члены было обязательно прежде всего освободить своихъ крестьянъ. Въ гёттингенскомъ университетѣ крестьянскій вопросъ также сосредоточивалъ на себѣ вниманіе лучшей части учащейся молодежи. Это отразилось не на одномъ Тургеневѣ, а и на другихъ его товарищахъ, слушавшихъ въ то время гёттингенскихъ профессоровъ. Еще въ 1803 г. здѣсь была издана небольшая брошюрка (на французскомъ языкѣ) объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, написанная русскимъ дипломатическимъ чиновникомъ Фрейгангомъ, а въ 1806 г. въ Геттингенѣ же была напечатана на латинскомъ языкѣ диссертація Кайсарова «Объ освобожденіи крѣпостныхъ въ Россіи», посвященная авторомъ императору Александру и доставленная ему при посредствѣ Александра Тургенева черезъ Н. Н. Новосильцева. Авторъ этого сочиненія учился въ гёттингенскомъ университетѣ вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ, а затѣмъ съ нимъ же путешествовалъ по Европѣ и по славянскимъ землямъ *).

Николай Ивановичъ Тургеневъ пишетъ о себѣ, что его занятія въ

*) В. И. Семевскій „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка", I, 286—287.

Геттингенскомъ университетѣ усилили отвращеніе къ рабству и къ крѣпостнымъ порядкамъ, заложенное въ немъ съ дѣтства, и въ тоже время просвѣтили его на счетъ неправедности тѣхъ учрежденій, которыя господствовали въ его отечествѣ *).

Въ бытность свою въ гёттингенскомъ университетѣ онъ написалъ сочиненіе, посвященное теоріи налоговъ, въ которомъ касался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. Это сочиненіе было имъ издано впослѣдствіи въ Петербургѣ (лишь въ 1818 г.) въ переработанномъ видѣ подъ заглавіемъ «Опытъ теоріи налоговъ» **). Въ своемъ мѣстѣ я остановлюсь на немъ болѣе подробно.

Великія событія развивались передъ глазами молодого Тургенева. Въ 1810 году онъ видѣлъ Наполеона во время эрфуртскаго свиданія его съ Александромъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ пишетъ, что горько почувствовалъ въ тотъ моментъ униженіе Александра и преобладаніе Наполеона, который былъ тогда дѣйствительнымъ распорядителемъ судебъ Европы ***). Вообще Тургеневу, какъ воспитаннику гёттингенскаго университета, видѣвшему своими глазами притѣсненія и униженія, испытываемыя нѣмецкимъ народомъ отъ французскихъ побѣдителей, было глубоко несимпатично торжество французовъ. Впрочемъ это не помѣшало ему нѣсколько позже понять и оцѣнить тѣ блага гражданскаго обновленія, которыя внесены были французскимъ владычествомъ въ завоеванныя французами страны. Эту сторону французскаго вліянія онъ особенно ясно почувствовалъ во время своего второго посѣщенія Швейцаріи и Италіи въ 1816 году. Въ 1811 году его живѣйшія симпатіи были на сторонѣ прусскихъ патріотовъ, работавшихъ въ тиши надъ возрожденіемъ народа. Упоминая въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ о героическихъ попыткахъ возстанія Шилля и другихъ несчастныхъ его сообщниковъ, Тургеневъ говоритъ: «Однако, какъ ни безнадежны казались усилія, производимыя Пруссіей, столь слабой и подавленной въ то время, они все же свидѣтельствовали, что національное чувство не умерло въ сердцахъ ея сыновъ, и обѣщали въ будущемъ несомнѣнное и славное возстановленіе.

Вскорѣ ему пришлось принять непосредственное участіе во временной администраціи освобожденныхъ германскихъ земель и близко видѣть возрожденіе нѣмецкаго народа.

Въ началѣ 1812 года Николай Тургеневъ возвратился въ Россію и поступилъ было на службу въ коммиссію законовъ, гдѣ служилъ его братъ Александръ. Но уже въ слѣдующемъ 1813 году онъ получилъ

---

*) „La Russie et les Russes", I, 1, 2.
**) "La Russie et les Russes", I, 74.
***) La Russie et les Russes", I, 11

назначеніе состоять при знаменитомъ прусскомъ реформаторѣ баронѣ Штейнѣ.

Вліяніе этой необыкновенной личности на образованіе взглядовъ и всей нравственной физіономіи Николая Тургенева было такъ велико, что нельзя не остановиться здѣсь, чтобы обрисовать хотя нѣсколькими штрихами личность и дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка *).

Будучи аристократомъ по происхожденію, по воспитанію и даже въ значительной мѣрѣ по своему образу мыслей, баронъ Штейнъ ставилъ, однако же, всегда на первый планъ народные интересы **). Горячій и искренній патріотъ, онъ умѣлъ вѣрно понять коренные нужды и интересы народа и умѣлъ во время положить правильное и твердое начало ихъ удовлетворенію. Не удивительно поэтому, что въ годину народнаго бѣдствія онъ съумѣлъ отбросить свой аристократизмъ и сдѣлался истинно народнымъ вождемъ и главнымъ дѣятелемъ германскаго возрожденія. Призванный къ участію въ центральномъ управленіи Пруссіи еще въ 1804 году, онъ не могъ, однако, въ то время добиться довѣрія короля и необходимой свободы дѣйствій. Правдивый

*) Огромную біографію Штейна написалъ нѣмецкій историкъ Пертцъ „Stein's Leben, Perts, Berlin, 1850 — 1855, 6 томовъ. На русскомъ языкѣ собирался дать его біографію въ 1857 г. Ю. Ѳ. Самаринъ, но затѣмъ онъ вмѣсто того написалъ для „Сельск. благоустройства" рядъ статей подъ заглавіемъ „Упраздненіе крѣпостного права Пруссіи", въ которыхъ содержится лишь краткій очеркъ жизни барона Штейна (См. Собраніе сочиненій Самарина. Томъ II, стр. 193, 237 и слѣдующ.). Свѣдѣнія о дѣятельности Штейна имѣются также въ 7 и 8-мъ томахъ „Исторіи XVIII вѣка" Шлоссера. Н. И. Тургеневъ упоминаетъ о немъ многократно и даетъ краткій очеркъ его жизни въ I томѣ „La Russie et les Russes". Стр. 293 и слѣдующ. О пребываніи Штейна въ Россіи и его вліяніи на императора Александра и на русскія дѣла вообще приводитъ интереснѣйшія свѣдѣнія, по обыкновенію, въ сжатомъ видѣ А. И. Пыпинъ въ „Общественномъ движеніи при Александрѣ I". Стр. 178—290.

**) „По его убѣжденію,—говоритъ его біографъ,—дворянинъ долженъ всегда быть готовымъ служить своими совѣтами и мечомъ государю и государству. Государь, по его мнѣнію, долженъ быть человѣкъ простой, храбрый, первый крестьянинъ своего государства, образецъ порядка, экономіи, нравственности, принадлежащій безраздѣльно душой и тѣломъ тому сообществу, которымъ онъ управляетъ" („La Russie et les Russes", I, 299). Вотъ какъ онъ отзывался (въ одномъ изъ писемъ) о мекленбургскихъ крѣпостникахъ: „Домъ мекленбургскаго помѣщика, такъ мало заботящагося объ улучшеніи быта своихъ крестьянъ, напоминаетъ мнѣ,—писалъ Штейнъ,—нору хищнаго звѣря, опустошающаго окрестность и окружающаго себя гробовымъ безмолвіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и выгоды, имъ извлекаемыя, въ сущности, ничтожны, ибо хлѣбопашество не можетъ достигнуть полноты своего развитія и совершенства при недостаткѣ людей и напряженія человѣческихъ силъ. Въ земляхъ, гдѣ населеніе гуще и гдѣ промышленность движется свободнымъ усердіемъ, цѣнность имѣній выше, доходы изобильнѣе, сбытъ вѣрнѣе и гораздо легче приводятся въ исполненіе общеполезныя предпріятія, чѣмъ тамъ, гдѣ человѣкъ причисляется къ животному инвентарю имѣнія" (Самаринъ. „Сочиненія", т. II, 241).

и рѣзкій, онъ плохо уживался въ придворной атмосферѣ, и король Фридрихъ-Вильгельмъ не могъ спокойно выносить его независимаго и смѣлаго образа дѣйствій *). Однако, въ 1807 г., когда Пруссія была на краю гибели и не была совершенно уничтожена, лишь благодаря заступничеству императора Александра, Фридрихъ-Вильгельмъ призвалъ Штейна къ управленію дѣлами вмѣстѣ съ княземъ Гарденбергомъ, а когда Гарденбергъ былъ вскорѣ устраненъ по требованію Наполеона, Штейнъ остался единственнымъ руководителемъ судебъ разгромленнаго королевства. Онъ внушилъ королю мысль, что только подъемомъ всей націи можно спасти королевство, и король предоставилъ ему дѣйствовать. Онъ началъ, еще совмѣстно съ Гарденбергомъ, съ отмѣны крѣпостныхъ отношеній и съ проведенія началъ самоуправленія въ демократическіе слои населенія. Но и ему, въ свою очередь, не пришлось дѣйствовать долго. Уже въ 1808 г. французской полиціей было перехвачено его письмо къ князю Виттентшейну, которое обнаружило Наполеону его смѣлые и дальновидные планы. Штейнъ былъ не только смѣщенъ, но изгнанъ **). Семья его отправилась въ Ганноверъ, а онъ принужденъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жить въ различныхъ

*) Біографы Штейна приводятъ слѣдующій любопытный разсказъ, свидѣтельствующій о горячности, съ какой Штейнъ отстаивалъ свои задушевныя убѣжденія, гдѣ бы онъ ни находился. „По выступленіи французовъ изъ Москвы, когда въ Петербургѣ распространилась большая радость, Штейнъ былъ приглашенъ на обѣдъ ко двору. Императрица Марія, которая еще недавно такъ настаивала на мирѣ, много говорила о великомъ событіи и, наконецъ, сказала: „Право если хоть одинъ человѣкъ изъ французской арміи вернется за Рейнъ на родину, я буду стыдиться, что я нѣмка!“ Штейнъ поблѣднѣлъ и тотчасъ, вставши, отвѣчалъ: „В. В. очень неправы, когда говорите это, и притомъ передъ русскими, которые столько обязаны нѣмцамъ. Вамъ надо было сказать не то, что вы будете стыдиться за нѣмцевъ, а надо было назвать вашихъ родственниковъ, нѣмецкихъ государей. Я жилъ на Рейнѣ въ 1792, 1793, 1794, 1795, 1796 г. и т. д. Честный нѣмецкій народъ не былъ виноватъ; если бы ему довѣряли, если бы съумѣли воспользоваться имъ, ни одинъ французъ не перешелъ бы за Эльбу, не говоря уже за Вислу или Днѣпръ“. Императрица сначала смутилась отъ этихъ рѣзкихъ словъ, но потомъ оправилась и съ достоинствомъ отвѣчала: „Быть можетъ, вы правы, баронъ; благодарю васъ за урокъ“. Пыпинъ, „Общественное движеніе“, стр. 284.

**) Въ приказѣ по случаю взятія штурмомъ Бургоса было тогда напечатано въ „Монитёрѣ“, оффиціальномъ органѣ Наполеона: „Можно бы пожелать, чтобы тѣ, которые, подобно г. Штейну, за недостаткомъ регулярныхъ войскъ, нами сокрушенныхъ, задумываютъ поднять народныя массы, могли увидѣть сами, какія бѣдствія они ведутъ за собою и какъ они безсильны противъ правильно устроенной арміи“.

„Понятно и извинительно, прибавляетъ Самаринъ,—что французское правительство клеймило Штейна прозвищемъ врага общественнаго порядка и злого революціонера; но, къ стыду высшаго берлинскаго общества, должно сказать, что эти обвиненія были ревностно подхвачены и пущены въ ходъ домашними противниками министра, уже сходившаго съ политическаго поприща“ (Самаринъ. „Сочиненія“, т. I. 269).

странахъ и, наконецъ, по приглашенію императора Александра, прибылъ въ Петербургъ, гдѣ былъ окруженъ почестями и знаками вниманія, хотя наотрѣзъ отказался вступить въ русскую службу *).

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Берлина въ 1808 году онъ оставилъ своимъ друзьямъ нѣчто вродѣ политическаго завѣщанія, которое свято и по справедливости чтилось германскими патріотами. Вотъ что писалъ онъ, между прочимъ, въ этомъ замѣчательномъ циркулярѣ **): «Я взялъ на свою долю внутреннее управленіе страной. Нужно было примирить домашнюю вражду въ самомъ народѣ, положить конецъ губящей насъ борьбѣ сословій, предоставить каждой личности законную свободу развитія всѣхъ ея силъ и этимъ поднять въ народѣ любовь къ государю и отечеству до полной готовности пожертвовать за нихъ имуществомъ и жизнью... Многое уже сдѣлано. Послѣднее проявленіе рабства, крѣпостное право, упразднено и воля свободныхъ гражданъ признана краеугольнымъ камнемъ, на которомъ держится престолъ. Даровано неограниченное право пріобрѣтенія собственности. Народу предоставлена возможность собственными средствами добывать свой хлѣбъ... Новый городовой уставъ далъ городамъ право управлять собственными дѣлами... Немного шаговъ остается сдѣлать, и я беру смѣлость указать на нихъ». Затѣмъ Штейнъ указываетъ еще восемь главныхъ потребностей ***), которыя должны быть удовлетворены для превращенія прусскаго государства изъ мертвой машины въ одно органическое цѣлое, одаренное самостоятельною жизнью. Вотъ эти принципы: 1) правленіе должно быть исключительно въ рукахъ верховной власти. «Какъ скоро, пишетъ Штейнъ, право опредѣлять и ограничивать дѣйствія согражданъ передается и покупается вмѣстѣ съ клочкомъ земли (феодализмъ), верховная власть теряетъ свое достоинство, а въ оскорбленномъ подданномъ слабѣетъ привязанность къ государю...» 2) Судья долженъ зависѣть только отъ верховной власти, потому патримоніальныя судилища должны быть уничтожены; 3) въ довершеніе уничтоженія крѣпостного состоянія должны быть уничтожены постановленія о зависимости домашней прислуги, стѣсняющія свободу, особенно въ Силезіи; 4) представительство народа устроено очень неудовлетворительно даже тамъ, гдѣ существуетъ; должно быть введено общее національное представительство, отъ этого зависитъ спасеніе или погибель прусскаго государства ****); 5) между дворянствомъ и среднимъ

*) Онъ принялъ лишь пожалованный ему Александромъ орденъ Андрея Первозваннаго и небольшой пенсіонъ, достаточный для удовлетворенія его несложныхъ потребностей. („La Russie“, I, 295).

**) Ю. Ѳ. Самаринъ. „Сочиненія“, т. II, 269.

***) Ф. К. Шлоссеръ. „Исторія XVIII столѣтія“, т. VIII, стр. 73 (русск. перев. изд. 1860 г.)

****) Вотъ его аргументація по этому пункту, приводимая у Тургенева („La Russie et les Russes“, I, 300): „Всенародное національное представительство

сословіемъ нѣтъ никакой связи; дворянство должно быть преобразовано и поставлено въ связь съ другими сословіями; изъ этого слѣдуетъ: 6) необходимость учредить *всеобщую* обязательность службы на защиту отечества; 7) сословіе поселянъ надобно возвысить установленіемъ законныхъ правилъ къ отмѣненію обязательныхъ работъ; 8) оживленіемъ религіознаго духа (Штейнъ былъ ревностный лютеранинъ) въ народѣ и заботою о просвѣщеніи и училищахъ надобно вообще возвысить народъ. Штейнъ прибавляетъ, что по введеніи такихъ основаній для государственной жизни скоро уничтожатся мелкіе недостатки другихъ и въ особенности финансовыхъ учрежденій королевства.

Изъ этого циркуляра мы видимъ насколько демократиченъ по своимъ тенденціямъ былъ планъ реформъ составленный этимъ аристократомъ. Современникамъ онъ казался прямо революціоннымъ. Прусскіе дворяне въ оффиціальныхъ заявленіяхъ королю, не обинуясь, честили Штейна и Гарденберга выскочками, якобинцами, революціонерами.

Тургеневъ, еще въ Геттингенѣ пріобщившійся къ принципамъ одушевлявшимъ лучшую часть нѣмецкаго общества, конечно, съ радостью воспользовался представившимся ему случаемъ попасть въ число сотрудниковъ великаго прусскаго реформатора. Его рекомендовалъ Штейну Уваровъ, сблизившійся со Штейномъ во время пребыванія его въ Россіи *). Штейнъ въ это время былъ поставленъ во главѣ временнаго центральнаго управленія областей, отвоеванныхъ у Наполеона союзными арміями. При немъ были назначены, кромѣ прусскаго коммиссара и нѣсколькихъ прусскихъ чиновниковъ, коммиссары австрійскій и русскій. Послѣдняя должность и была предоставлена Николаю Тургеневу.

Тургеневу въ это время было всего 24 года. Не имѣя никакой

необходимо. Права и могущество нашего короля всегда были и останутся для меня священны; но для того, чтобы эти права и могущество могли быть направлены къ дѣйствительному благу страны, мнѣ представляется необходимымъ придать верховной власти способъ узнавать желаніе народа и сообщать жизненность своимъ собственнымъ распоряженіямъ. Народъ, лишенный совершенно участія въ дѣлахъ страны, всегда, въ концѣ концовъ, смотритъ на правительство или глазами индефферентнаго къ общественному благу человѣка, или становится къ нему въ оппозицію. Тамъ, гдѣ народное представительство имѣло у насъ мѣсто, оно было недостаточно урегулировано; вотъ почему я проектировалъ предоставить право участія въ представительствѣ каждому дѣйствительному гражданину, владѣетъ ли онъ сто арпанами земли или однимъ, занимается ли онъ земледѣліемъ или какимъ-либо промысломъ выполняетъ ли онъ какое-нибудь ремесло или привязанъ къ государству лишь интеллектуальною связью.

„По этому предмету существуетъ нѣсколько проектовъ. Отъ принятія какого-либо изъ этихъ проектовъ или отверженія ихъ зависитъ спасеніе или погибель нашей страны, потому что лишь этимъ путемъ духъ народный можетъ быть пробужденъ и оживленъ“.

*) Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, стр. 284.

опытности, онъ, понятно, не пользовался въ этой должности вліяніемъ на дѣла и исполнялъ лишь порученія, даваемыя ему Штейномъ. Но зато самъ онъ получилъ здѣсь такое завершеніе своего политическаго и юридическаго образованія, какое не можетъ дать никакой университетъ. Находясь въ центрѣ великихъ событій, отражавшихся на судьбѣ всѣхъ европейскихъ народовъ, притомъ состоя при человѣкѣ, который имѣлъ въ то время несомнѣнно наибольшее вліяніе на императора Александра, главнаго вершителя судебъ Европы, и являясь представителемъ самыхъ либеральныхъ и благородныхъ принциповъ, Тургеневъ въ эти два года получилъ для окончанія своего образованія такъ много, какъ можетъ только получить человѣкъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Надо при этомъ имѣть въ виду, что Штейнъ относился съ неизмѣнной симпатіей къ своему молодому сотруднику. Имя Тургенева для него было, по его собственному выраженію, синонимомъ чести и честности *).

Какъ только французы были прогнаны въ концѣ 1812 г. за Нѣманъ, прусскія войска подъ командою генерала Іорка, входившія въ составъ корпуса Макдональда, отдѣлились отъ послѣдняго и заключили перемиріе съ русскими. Хотя король прусскій продолжалъ считаться до конца февраля 1813 года въ союзѣ съ Наполеономъ, но его подданные уже возстали въ это время противъ владычества французовъ. Патріоты, руководимые друзьями Штейна Шарнгорстомъ и Гнейзенау, дѣйствовали весьма энергично. Они призвали въ войска всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, уничтоживъ при этомъ привилегіи дворянства и обѣщая равныя права на повышеніе всѣмъ военнымъ. 1-го марта былъ оффиціально заключенъ оборонительный и наступательный союзъ между Россіей и Пруссіей. 19-го марта была заключена при дѣятельномъ участіи Штейна дополнительная конвенція, въ которой было между прочимъ сказано, что союзники будутъ приглашать къ сверженію французскаго ига не однихъ государей, какъ дѣлалось прежде, когда не обращали вниманія на народъ, но и народы, особенною прокламаціею. «Это значило,—поясняетъ Шлоссеръ,—что союзники будутъ призывать народы къ сверженію тѣхъ государей, которые стали бы держаться французовъ» **).

Прокламація, обнародованная 17-го марта, прямо говорила, что начинающаяся война не похожа на обыкновенныя войны, что тутъ все ставится на карту и надобно погибнуть или побѣдить. Въ награду за неслыханныя усилія была именемъ короля обѣщана всѣмъ свобода и право имѣть голосъ въ государственныхъ дѣлахъ ***). Такова была начинавшаяся народная война за освобожденіе Германіи ****).

*) „La Russie et les Russes“, I, 133.

**) Шлоссеръ. „Исторія XVIII-го столѣтія“, VIII, 202.

***) Шлоссеръ. „Исторія XVIII-го столѣтія“, 202—203.

****) Хотя всѣ эти мѣры предпринимались прусскими патріотами въ Прус-

Въ III-й главѣ своей книги «La Russie et les Russes» Тургеневъ очерчиваетъ огромную роль Штейна въ событіяхъ 1813—1814 гг. Видѣвшему въ 1810 г. Наполеона въ Парижѣ наверху славы, Тургеневу пришлось теперь увидѣть Парижъ, принимавшій съ овапіями и ликованіями союзниковъ и особенно императора Александра, великодушію котораго Тургеневъ отдаетъ должное. Необыкновенная роль, которую сыгралъ этотъ монархъ, оставила въ душѣ Тургенева особое впечатлѣніе. Въ своихъ воспоминаніяхъ, при всей ихъ бѣглости, онъ останавливается довольно подробно на такихъ поступкахъ Александра, какъ поддержка имъ конституціонныхъ требованій французскихъ гражданъ и твердая рѣшимость дать конституціонное устройство царству польскому, несмотря на всю оппозицію этому его намѣренію не только со стороны Меттерниха, но даже и со стороны такихъ лицъ, какъ Штейнъ (который желалъ дать жителямъ Польши лишь гарантіи личной свободы и провинціальныя собранія совѣщательнаго характера *). Самъ Тургеневъ, несмотря на всю авторитетность въ его глазахъ мнѣнія Штейна стоитъ всецѣло на сторонѣ великодушнаго рѣшенія Александра. Въ своихъ мемуарахъ онъ даетъ еще и другія любопытныя черты характера Александра и условій, въ которыя онъ былъ поставленъ тогда силою сложившихся обстоятельствъ. «Онъ былъ,—пишетъ Тургеневъ,—главнымъ двигателемъ всѣхъ великихъ предпріятій; но дѣйствовать онъ могъ не при помощи приказовъ и самовластныхъ распоряженій; онъ долженъ былъ добиваться всего путемъ переговоровъ и убѣжденія. Иногда онъ вставалъ среди ночи и въ сопровожденіи адъютанта съ фонаремъ шелъ на совѣщаніе съ Шварценбергомъ **), котораго заставалъ въ постели. Онъ не позволялъ ему вставать и, взявъ себѣ стулъ, начиналъ разговоръ съ главнокомандующимъ. Начальникъ штаба Шварценберга, Лангенау, былъ почтенъ однажды подобнымъ же посѣщеніемъ Александра» ***).

Вмѣстѣ со Штейномъ Тургеневъ былъ и на вѣнскомъ конгрессѣ, куда Штейнъ, не будучи акредитованнымъ представителемъ ни одной изъ державъ, явился по выраженію Тургенева «представителемъ своего собственнаго генія».

сіи, но цѣлью войны было именно освобожденіе и объединеніе Германіи. „Мое желаніе,—писалъ въ одномъ письмѣ Штейнъ,—видѣть Пруссію великой и сильной вовсе не проистекало изъ слѣпой преданности къ этой монархіи, а изъ убѣжденія, что всякое раздробленіе ослабляетъ Германію, лишаетъ ее національной гордости, національнаго чувства, препятствуетъ хорошему веденію ея хозяйства и, лишая отдѣльныхъ лицъ одного изъ величайшихъ нравственныхъ благъ, каковымъ является любовь къ отечеству, способствуетъ ихъ порчѣ“ („La Russie et les Russes“, I, 46).

*) „La Russie et les Russes“, I, 48—50, 310—322.

**) Князь Шварценбергъ—австрійскій полководецъ—былъ главнокомандующимъ союзныхъ войскъ.

***) „La Russie et les Russes“, I, 30.

Въ 1815 году, когда «центральный департаментъ», управлявшійся Штейномъ, ликвидировалъ свои дѣла, Тургеневъ былъ прикомандированъ къ бывшему русскому послу въ Парижѣ, Алопеусу, назначенному тогда генералъ-губернаторомъ занятыхъ русскими войсками французскихъ провинцій. Отъ него послѣ Штейна Тургеневу нечему было учиться, но и здѣсь его пребываніе въ смыслѣ накопленія опытности, наблюденія и практическихъ знаній было далеко небезполезно. Здѣсь ему пришлось познакомиться съ сложнымъ дѣломъ снабженія арміи припасами и принимать участіе въ разборѣ различныхъ недоразумѣній между жителями занятыхъ союзными войсками французскихъ провинцій и квартировавшими въ нихъ и проходившими по нимъ войсками. Въ заключеніе онъ еще разъ видѣлъ занятый союзниками Парижъ уже послѣ вторичнаго низложенія Наполеона; видѣлъ вторичное водвореніе Бурбоновъ и поднятое ими преслѣдованіе и казни бонапартистовъ. При этомъ онъ испытывалъ чувства подобныя тѣмъ, которыя описалъ въ недавно изданныхъ запискахъ другой его современникъ, постигнутый впослѣдствіи одинаковымъ съ нимъ приговоромъ, кн. С. Г. Волконскій *).

Въ концѣ 1816 года Тургеневъ возвратился въ Россію. «Оставайтесь съ нами, вамъ будетъ здѣсь лучше, чѣмъ въ вашей странѣ»,— сказалъ ему Штейнъ, когда онъ пріѣхалъ къ нему проститься передъ отъѣздомъ на родину. Но Тургеневъ, вѣрный своему долгу и патріотически настроенный, не могъ воспользоваться этимъ совѣтомъ.

Глава II.

Возвращеніе Тургенева въ Россію.—Петербургское общество того времени.—Положеніе дѣлъ въ Россіи.—Господство либеральныхъ идей среди просвѣщенной части русскаго общества.—Положеніе, которое занялъ въ ней Тургеневъ.—Близость его къ военнымъ кружкамъ.—Его научно-литературная дѣятельность.—„Опытъ теоріи налоговъ".—Дружба Тургенева съ Жуковскимъ, семьей Карамзиныхъ и связи съ арзамасцами.—Отношеніе Николая Тургенева къ Арзамасу.—Намѣреніе издавать журналъ вмѣстѣ съ Куницынымъ.

Тургеневъ возвратился въ Россію въ концѣ 1816 года, одушевленный самыми лучшими гражданскими и патріотическими намѣреніями. Онъ подробно описываетъ состояніе умовъ въ русскомъ обществѣ въ эту эпоху въ своихъ мемуарахъ. «Съ войсками, возвратившимися на родину,—говоритъ онъ въ самомъ началѣ своей книги—проникли черезъ границу кой-какія либеральныя идеи: казалось, что въ Россіи должна была наступить новая эра.

«Кромѣ войскъ регулярныхъ, — пишетъ онъ далѣе,—за границей были также большія массы ополченія; эти ополченцы всѣхъ ранговъ,

*) „Записки С. Г. Волконскаго (декабриста"). Спб. 1901 г., стр. 381 и слѣд.

переходя русскую границу, возвращались по домамъ и разсказывали о томъ, что видѣли въ Европѣ. Сами событія говорили громче всякаго человѣческаго голоса. Это была настоящая пропаганда. Это новое расположеніе умовъ проявлялось, главнымъ образомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были собраны военныя силы, и особенно въ Петербургѣ, который былъ средоточіемъ дѣлового міра и гдѣ былъ многочисленный гарнизонъ изъ отборныхъ войскъ».

Указавъ между прочимъ на рукописную литературу, какъ на одинъ изъ важныхъ источниковъ, по которому можно узнать о настроеніи общественнаго мнѣнія въ странахъ, гдѣ нѣтъ свободы печати *), Тургеневъ продолжаетъ: «Въ то время можно было видѣть довольно многочисленныя произведенія этого рода, замѣчательныя иногда по остротѣ сарказма, иногда по высокому и поэтическому вдохновенію. Маленькіе шедевры, неизвѣстные ранѣе, отмѣтили дни своего расцвѣта, какъ время жизни, надежды и — надо добавить — здраваго смысла и трезваго разсудка. Сама дозволенная печать принимала участіе въ этомъ движеніи умовъ. Предметы, до тѣхъ поръ недоступные публичному обсужденію, стали трактоваться въ серьезныхъ работахъ. Періодическая печать болѣе, нежели прежде, стала заниматься тѣмъ, что происходитъ въ чужихъ краяхъ и въ особенности во Франціи, гдѣ происходили опыты новыхъ учрежденій **). Имена извѣстныхъ французскихъ публицистовъ были въ Россіи ***) также популярны, какъ они могли быть у себя на родинѣ; и русскіе воины, забывая великаго полководца, только что павшаго, освоивались съ именами Бенжамена Констана и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ и писателей, которые, казалось, предпринимали тогда политическое воспитаніе европейскаго континента» ****).

«Многіе,—продолжаетъ Тургеневъ, — возвращаясь въ Петербургъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, высказывали чрезвычайное удивленіе при видѣ перемѣны, происшедшей въ нравахъ, разговорахъ и

*) Сравнительное показаніе Вильгельма Кюхельбекера о томъ же, приведенное у Богдановича („Исторія царствованія Александра I-го", т. VI, стр. 412).

**) Т.-е. конституціи съ народнымъ представительствомъ, данной реставрированными Бурбонами по настоянію императора Александра.

***) Здѣсь Тургеневъ разумѣетъ конечно лишь тотъ слой болѣе или менѣе образованнаго общества, среди котораго онъ вращался, и главнымъ образомъ военную молодежь.

****) Здѣсь Тургеневъ дѣлаетъ примѣчаніе, въ которомъ обращаетъ вниманіе на то, что либеральныя идеи и конституціонныя теоріи во всей континентальной Европѣ принимались большинствомъ публики, какъ новость: „Многія вещи—замѣчаетъ онъ—представляющіяся теперь намъ просто банальными, принципы, которые теперь можно считать общими мѣстами, были новы тогда и разсматривались почти какъ открытія. Даже идеи и политическія правила, провозглашенныя во время французской революціи и въ особенности безсмертной конституантой, казалось стерлись изъ памяти народа во время войнъ республики и имперіи". La Russie et les Russes", I, 65 примѣчаніе.

самыхъ поступкахъ молодежи этой столицы: молодежь какъ будто пробудилась для новой жизни, чтобы воодушевляться всѣмъ, что было благороднаго и чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ. Гвардейскіе офицеры въ особенности обращали на себя вниманіе свободой и смѣлостью, съ какой они высказывали свои мнѣнія, мало заботясь о томъ, гдѣ они говорили — въ общественномъ мѣстѣ или въ частномъ домѣ, были ли тѣ, съ кѣмъ они говорили, приверженцы или противники ихъ мнѣній. Никто не думалъ о шпіонствѣ, которое въ это время было почти ничтожно и неизвѣстно».

Правительство, какъ многимъ казалось въ то время, «не только не противилось направленію, которое повидимому принимало общественное мнѣніе, но своими дѣйствіями показывало, что его симпатіи были согласны съ симпатіями здравой и просвѣщенной части общества. Въ доказательство можно—пишетъ Тургеневъ—привести образъ дѣйствій императора въ Польшѣ. Въ рѣчи, которую онъ произнесъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, Александръ въ форменныхъ выраженіяхъ объявилъ, что намѣренъ даровать представительныя учрежденія и самой Россіи».

Правда, это продолжалось недолго. Немного времени спустя правительственная реакція обнаружилась явно. Молодые люди за неосторожныя рѣчи стали расплачиваться высылками и переводами изъ гвардіи въ армейскіе полки *). Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія водворились Магницкій и Руничъ и пошли преслѣдованія свободомыслящихъ и прогрессивныхъ профессоровъ **). И въ то самое время, какъ благосклонный цензоръ (Тимковскій) пропустилъ «Опытъ теоріи налоговъ» Тургенева, попечитель Руничъ наложилъ руку на совершенно невинную книгу его пріятеля проф. Куницына «Право естественное», причемъ самъ авторъ былъ отставленъ отъ преподаванія (въ 1818 г.) ***).

Въ 1816 году это новое реакціонное направленіе правительства еще не было замѣтно; хотя по справедливому замѣчанію Н. К. Шильдера, его уже можно было предчувствовать по манифесту 1 января 1816 г., написанному Шишковымъ, въ которомъ сказано было, между прочимъ, о Парижѣ, что онъ является гнѣздомъ мятежа, разврата и пагубы народной, и по поводу котораго искренно огорченный его появленіемъ Лагарпъ писалъ Александру, что онъ уже болѣе не сомнѣвается въ существованіи заговора противъ славы Александра, пріобрѣтенной имъ въ 1814 г. ****).

---

*) Такова, напримѣръ, ссылка Пушкина въ 1820 г., переводъ Вадковскаго изъ гвардіи въ армейскій полкъ.

**) Богдановичъ. „Исторія царствованія Александра", т. V. Шильдеръ „Жизнь и царствованіе Александра I-го", т. IV.

***) А. П. Куницынъ (1783—1841), проф. Александровскаго лицея, которому Пушкинъ посвятилъ извѣстное стихотвореніе: „Куницыну дань сердца и вина" и проч.

****) Шильдеръ „Жизнь и царствованіе Александра I-го", т. IV, 1 и 449.

Ни молодые офицеры, вернувшіеся изъ-за границы, ни самъ Н. И. Тургеневъ не предчувствовали еще тогда этого поворота въ настроеніи правительства.

Тургеневъ, сдѣлавшій (въ качествѣ гражданскаго чиновника) всю кампанію 1813—1814 гг. и остававшійся во Франціи вмѣстѣ съ русскими войсками, временно тамъ расположенными *), до 1816 года, имѣлъ среди военныхъ всѣхъ ранговъ и особенно молодежи много знакомствъ и другихъ связей. Популярность Тургенева въ военномъ кругу Петербурга была такъ велика въ это время, что для него было сдѣлано даже исключеніе изъ правилъ одной массонской ложи, въ которую вообще принимались одни лишь военные и тѣмъ не менѣе былъ принятъ и онъ, никогда не служившій въ военной службѣ **).

Тургеневъ много помогалъ военной молодежи, стремившейся къ самообразованію, своими разносторонними знаніями и особенно своимъ выдающимся политическимъ образованіемъ. Онъ устраивалъ для молодыхъ людей частные кружки и лекціи по политическимъ наукамъ и указывалъ имъ книги для ознакомленія съ началами политической экономіи и теоріей конституціоннаго права ***).

Было бы однако, ошибочно думать, что Тургеневъ велъ въ этомъ случаѣ какую-либо опредѣленную пропаганду съ опредѣленными политическими цѣлями, или даже что этого рода дѣятельность поглощала значительную часть его времени. По возвращеніи въ Россію онъ былъ назначенъ исполняющимъ должность статсъ-секретаря государственнаго совѣта въ департаментѣ экономіи, важнѣйшемъ изъ департаментовъ государственнаго совѣта. Къ этому вскорѣ присоединились весьма сложныя и отвѣтственныя работы по министерству финансовъ, въ которомъ онъ получилъ должность директора канцеляріи по кредитной части.

Независимо отъ этихъ оффиціальныхъ занятій онъ приступилъ вскорѣ по возвращеніи своемъ на родину къ обработкѣ своего ученаго трактата, первоначально составленнаго имъ еще въ Гёттингенѣ. Онъ издалъ его въ 1818 г. подъ заглавіемъ «Опытъ теоріи налоговъ».

---

*) Корпусъ гр. М. С. Воронцова, начальникомъ штаба котораго былъ извѣстный М. Ѳ. Орловъ, пріятель Тургенева. Впослѣдствіи Бенкендорфъ упоминалъ въ своемъ донесеніи объ особомъ вліяніи Тургеневыхъ (Н. и А.) на Воронцова (Н. К. Шильдеръ. „Жизнь и царст. Алекс.“. Т. IV. Стр. 210). При Воронцовѣ состоялъ въ это время и младшій братъ Тургенева — Сергѣй Ивановичъ—(срав. „Записки“ Н. И. Греча. Стр. 415 и слѣд. тоже въ воспоминаніяхъ Ф. Ф. Вигеля)

**) Пыпинъ. „Общественное движеніе“. Стр. 326.

***) „La Russie et les Russes“. I, 82. Бенкендорфъ въ донесеніи, поданномъ императору Александру въ 1821 г. выставлялъ Тургенева опаснѣйшимъ членомъ тайныхъ обществъ именно за эти его лекціи. Онъ утверждалъ, что „его наставленіями и побужденіями многимъ молодымъ людямъ вселенъ пагубный образъ мыслей“, и предлагалъ запретить офицерамъ посѣщать частно преподаваемые курсы, особенно политическихъ наукъ (Шильдеръ „Жизнь и царств. Александра“, IV, 210—215).

«Безпрестанно занимаясь наукою государственнаго хозяйства—пишетъ Тургеневъ въ предисловіи къ этой книгѣ — мы открыли много недостатковъ въ изложенной нами теоріи налоговъ, особливо въ отношеніи къ общему свойству и дѣйствію оныхъ. Замѣтно также, что о налогахъ въ Россіи существующихъ, почти совсѣмъ не упоминается въ сей книгѣ: сіе происходитъ оттого, что книга сія написана внѣ Россіи. Извѣстно, сколь непріятно и даже неудобно передѣлывать оконченное однажды; потому я рѣшился издать мой первый опытъ въ первобытномъ его видѣ, надѣясь, что онъ будетъ для меня не послѣднимъ въ обширной области политики. Впрочемъ я полагалъ, что изложеніе теоріи налоговъ—служащихъ основаніемъ финансовъ—какъ бы недостаточно оно ни было, не можетъ быть совершенно излишнимъ въ такое время, когда у насъ столь многіе говорятъ о финансахъ и столь немногіе о нихъ пишутъ» *).

Книга эта, написанная легкимъ и изящнымъ для того времени языкомъ, даетъ очень ясное изложеніе усвоенныхъ авторомъ истинъ, господствовавшихъ въ то время въ политической экономіи и экономической политикѣ. По свидѣтельству проф. Куницына сочиненіе Тургенева является первымъ оригинальнымъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ. Подробно излагая въ своей статьѣ содержаніе этого сочиненія ученый критикъ не рѣшается однако сдѣлать ни одного критическаго замѣчанія объ этомъ трудѣ, къ которому онъ относится съ величайшимъ почтеніемъ. Онъ не пытается даже указать источники идей, взглядовъ и фактовъ, изложенныхъ Тургеневымъ **). Въ сущности это было не самостоятельное изслѣдованіе въ области финансовъ, а лишь обстоятельная, умно и добросовѣстно составленная ученая компиляція. Главнымъ теоретическимъ основаніемъ этого трактата явились истины и идеи, провозглашенныя Адамомъ Смитомъ въ его знаменитомъ «Изслѣдованіи о природѣ и причинахъ богатства народовъ», особенно въ книгѣ V («О доходѣ государя или государства») ***). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Тургеневъ въ трактатѣ своемъ обнаруживаетъ на ряду съ весьма значительной, даже по тому времени необыкновенной эрудиціей умѣніе очень стройно и систематично расположить матеріалъ. Положенія, взятыя у Адама Смита, Сея, Стюарта

*) „Опытъ теоріи налоговъ". Изд. 2-ое. Спб. 1819 г. Стр. VII.

**) Статья Куницына перепечатана во 2-мъ изданіи книги Тургенева вслѣдъ за предисловіемъ автора. Стр. XIX—XLI.

***) См. томъ III перевода Бибикова. Изд. 1866 года. Если мы развернемъ III томъ Адама Смита и сравнимъ главу II книги V „Объ источникахъ государственныхъ доходовъ" съ трудомъ Тургенева, то увидимъ, что двѣ основныя главы „Опыта теоріи налоговъ", именно: глава II „Главныя правила взиманія налоговъ" и глава III „Источники и разные роды налоговъ" составляютъ въ сущности нечто иное какъ изложеніе знаменитыхъ четырехъ правилъ или законовъ Адама Смита (стр. 185 — 191. Т. III перевода Бибикова) и его анализа источниковъ обложенія (стр. 191—314 русск. перевода).

и другихъ первоклассныхъ экономистовъ того времени, постоянно иллюстрируются авторомъ удачно подобранными примѣрами изъ исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ. Первоначально составленный очеркъ дополненъ впослѣдствіи ссылками на новѣйшую литературу, за ходомъ которой авторъ не упускалъ слѣдить и въ Россіи, и свѣжими статистическими свѣдѣніями и парламентскими отчетами (по 1816 годъ включительно). Въ двухъ-трехъ мѣстахъ сдѣланы большія примѣчанія, относящіяся къ вопросамъ и фактамъ современной автору русской дѣйствительности, довольно рѣзко и смѣло задѣвающія крѣпостное право и основанную на немъ податную систему. Къ нимъ мы возвратимся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Появленіе этой книги вызвало въ обществѣ большую сенсацію. Не говоря о болѣе просвѣщенныхъ людяхъ, какъ адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, гр. Потоцкій, даже болѣе отсталые люди, сановники и дѣльцы стараго времени, какъ, напр., членъ государственнаго совѣта Тутолминъ, высказывали, что книга эта можетъ служить важнымъ пособіемъ даже для членовъ высшаго законодательнаго учрежденія имперіи. Государственный канцлеръ графъ Румянцевъ, прочитавъ книгу, пожелалъ лично познакомиться съ молодымъ авторомъ *).

Многіе удивлялись, какъ такая книга могла быть допущена цензурой, и самъ Тургеневъ считалъ большимъ счастьемъ, что ему пришлось въ этомъ случаѣ имѣть дѣло съ доброжелательнымъ цензоромъ, который, не безъ риска для себя, разрѣшилъ ее къ печати.

Въ публикѣ появленіе этого труда было сразу замѣчено и автору своему эта книга создала сразу почетную извѣстность. Общественное значеніе появленія этого труда уясняется, прежде всего, слѣдующими строками статьи Куницына: «До перевода сочиненія графа Верри мы ничего на русскомъ языкѣ не читали о государственномъ хозяйствѣ. До перевода творенія Адама Смита мы ничего не могли знать о налогахъ изъ русскихъ сочиненій, и искусство опредѣлять и собирать подати почитали непринадлежащимъ къ кругу свѣдѣній частнаго человѣка. То, что непосредственно насъ касается, почитали мы дѣломъ чуждымъ и отдаленнымъ отъ нашихъ выгодъ; то, что составляетъ общій предметъ нашего вниманія, мы признавали собственностью нѣкотораго только класса людей. Нынѣ другое получаемъ понятіе о финансахъ; *дѣло общее становится предметемъ общаго разсужденія*. Дабы убѣдиться въ пользѣ познанія государственнаго хозяйства вообще и науки финансовъ въ особенности, любопытнымъ совѣтуемъ читать предисловіе разсматриваемой нами книги» **).

И «любопытныхъ» нашлось, очевидно, не мало, потому что, несмотря на серьезность сюжета, все первое изданіе разошлось въ нѣ-

*) „La Russie et les Russes", I, 76.

**) „Опытъ теоріи налоговъ". Изд. 2-ое. Стр. XX, стат. Куницына.

сколько мѣсяцевъ и уже въ слѣдующемъ 1819 году выпущено было второе.

Предисловіе, на которое Куницынъ указываетъ, чрезвычайно знаменательно и по ясности мысли, и по благородству тона.

«Кромѣ существенныхъ выгодъ, — писалъ въ этомъ предисловіи Тургеневъ,—которыя доставляетъ политическая экономія, научая, напримѣръ, не дѣлать вреда, когда стремишься къ пользѣ, она благотворна въ своихъ дѣйствіяхъ на нравственность политическую. Занимающійся политической экономіею, разсматривая систему меркантилистовъ, невольно привыкаетъ ненавидѣть всякое насиліе, самовольство и въ особенности методы дѣлать людей счастливыми вопреки имъ самимъ. Проходя систему физіократовъ, онъ пріучается любить правоту, свободу, уважать классъ земледѣльцевъ, столь достойный уваженія сограждан и особенной попечительности правительства, и потомъ, видя пользу, принесенную сею, впрочемъ неосновательною системою, убѣждается, что при самыхъ великихъ заблужденіяхъ дѣйствія людей могутъ быть благодѣтельны, когда имѣютъ источникомъ желаніе добра, чистоту намѣреній и благоволеніе къ ближнему. Система физіократовъ и происхожденіемъ и духомъ своимъ принадлежитъ XVIII-му вѣку. Тогда каждая идея о свободѣ принималась съ восхищеніемъ и быстро проникала въ умы людей, особенно во Франціи. Къ несчастью, такой энтузіазмъ не допускалъ строгаго разбора, и вредное рѣдко было отличаемо отъ полезнаго. Физіократы однимъ изъ главныхъ правилъ представляли свободу совмѣстничества (конкуренціи) въ промышленности народной: система ихъ необходимо долженствовала плѣнить современниковъ, утомленныхъ игомъ меркантилизма. Наконецъ занимающійся политическою экономіею, проходя систему, называемую Смитовою, или *критическою*, научается вѣрить однимъ только изслѣдованіямъ и соображеніямъ разсудка, простому здравому смыслу, и всему, что естественно, непринужденно. Онъ и здѣсь увидитъ, что все благое основывается на свободѣ, а злое происходитъ оттого, что нѣкоторые изъ людей, обманываясь въ своемъ предназначеніи, берутъ на себя дерзкую обязанность за другихъ смотрѣть, думать, за другихъ дѣйствовать и прилагать о нихъ самое мелочное и всегда тщетное попеченіе...» *)

Понятно, какое дѣйствіе могли вызывать подобныя строки, написанныя въ эпоху, когда аракчеевщина уже достаточно осязательно давала себя чувствовать, и мудрено ли, что графъ Аракчеевъ ужасался, что можно писать и печатать подобныя вещи. Тургеневъ намекаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Аракчеевъ только потому не принялъ по этому поводу репрессивныхъ мѣръ, что зналъ, что такія мѣры про-

*) „Опытъ теоріи налоговъ", 2 изд., IV—VI.

тивъ Тургенева не понравятся Александру, который дорожилъ даровитымъ молодымъ человѣкомъ *).

Огромное общественное и воспитательное значеніе для тогдашнихъ читателей этой книги должны были имѣть такія мѣста ея, какъ требованіе въ нѣкоторыхъ странахъ народнаго согласія на взиманіе и распредѣленіе налоговъ, какъ разсужденіе о необходимости «отклоненія тяжести налоговъ отъ простого народа» или о пользѣ гласности бюджета. Разсужденіе о необходимости справедливаго распредѣленія налоговъ между лицами разныхъ сословій и классовъ общества Тургеневъ заканчиваетъ такой фразой: «Древніе римляне поставляли себѣ за честь платить тѣмъ болѣе, чѣмъ знатнѣе они были: знатные люди новѣйшаго времени, какъ мы видѣли, находятъ честь свою совсѣмъ въ противномъ».

Само собой разумѣется, что подобныя указанія не всѣмъ могли нравиться. Но еще болѣе непозволительными казались многимъ прямыя нападки автора на крѣпостной строй въ Россіи. Такъ, говоря о личныхъ повинностяхъ крѣпостныхъ людей въ Россіи, авторъ помѣстилъ въ выноскѣ особое замѣчаніе о крѣпостномъ состояніи. Указавъ въ немъ, что въ послѣднее время довольно говорили «и даже иногда писали» о крѣпостномъ правѣ, авторъ останавливается на двухъ крайнихъ мнѣніяхъ: одни (главнымъ образомъ иностранцы) сравнивали крѣпостныхъ съ африканскими невольниками, другіе сравнивали господина съ отцомъ семейства. Упомянувъ, что тогда какъ первыхъ позволялось опровергать свободно, а возраженія вторымъ встрѣчали затрудненія, Тургеневъ поясняетъ: «Если послѣднимъ (т.-е. сторонникамъ патріархальныхъ теорій) говорено было о необходимости постепеннаго дарованія крестьянамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ, если говорено было о необходимости постепеннаго ограниченія власти помѣщиковъ, которая въ дѣйствіяхъ своихъ часто бываетъ противна религіи и человѣчеству, то они дѣлали восклицаніе противъ царства разума во Франціи, какъ будто права собственности и личной свободы, на коихъ созидается благосостояніе государствъ, должны влечи за собой уничтоженіе религіи и законовъ! Пусть сіи люди взглянутъ въ исторію. Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія? Всегда и вездѣ народъ платилъ любовію, признательностью и повиновеніемъ за дѣлаемыя ему благодѣянія. Возмущенія народныя всегда происходили отъ противнаго. Но таковы люди! Введеніе добраго вездѣ легче, нежели искорененіе злого. Въ Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ въ народѣ показалось сильное стремленіе къ нравственному усовершенствованію, въ соразмѣрности съ большими успѣхами въ хорошемъ, мы гораздо менѣе отстали отъ

*) „La Russie et les Russes“, I, 75.

дурного. Будемъ, однако же питать сладостную надежду, что Россія, имѣющая много другихъ преимуществъ предъ прочими государствами, станетъ на ряду съ ними и въ семъ отношеніи. Духъ времени, выгоды самыхъ помѣщиковъ служатъ основаніемъ сей надеждѣ. Благоустроенное государство не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно добраго народа».

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о мѣрахъ взысканія съ неисправныхъ плательщиковъ, Тургеневъ возставалъ противъ тѣлеснаго наказанія. «Во всякомъ случаѣ—говоритъ онъ—тѣлесныя наказанія никогда не должны быть употребляемы: сіе противно не токмо достоинству человѣка вообще, но и свойству самой вещи въ особенности: налоги берутся не съ лица подданнаго, а съ его имѣнія; и такъ въ самой величайшей крайности правительство можетъ лишить его имѣнія, но никогда не должно касаться его особы».

Послѣднюю главу своей книги авторъ посвятилъ вопросу «о бумажныхъ деньгахъ, какъ налогѣ», причемъ изложилъ довольно подробно исторію банковъ и господствовавшія тогда въ политической экономіи теоріи денегъ и кредита. Главу эту онъ заключилъ слѣдующими словами: «Вѣкъ бумажныхъ денегъ прошелъ для теоріи,—и прошелъ безвозвратно. Вѣкъ кредита наступаетъ для всей Европы. Усовершенствованіе системы кредитной пойдетъ на ряду съ усовершенствованіемъ политическаго законодательства, въ особенности съ усовершенствованіемъ системы народнаго представительства. Да благословитъ небо благіе подвиги мудрыхъ правительствъ и преданныхъ отечеству гражданъ» *).

---

*) „Опытъ теоріи налоговъ", 336. Въ виду того, что „Опытъ теоріи налоговъ" представляетъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость, я укажу здѣсь вкратцѣ его содержаніе по главамъ. Въ первой главѣ „О происхожденіи налоговъ" авторъ излагаетъ происхожденіе современныхъ системъ обложенія, относя начало ихъ къ среднимъ вѣкамъ; даетъ очеркъ феодальной системы; и выясняетъ вліяніе развитія городовъ и мирной цивилизаціи; доказываетъ необходимость налоговъ, какъ неизбѣжнаго зла, безъ котораго немыслимо существованіе государства. Здѣсь же онъ высказываетъ мысль, что по дѣйствующей въ каждомъ государствѣ системѣ налоговъ можно судить о степени его цивилизаціи. Во второй главѣ онъ излагаетъ четыре основныхъ правила всякой порядочной системы налоговъ, заимствованныя у Адама Смита и къ нимъ прибавляетъ пятое, по которому налогъ всегда долженъ быть взимаемъ съ чистаго дохода, а не съ капитала, дабы не уничтожился самый источникъ обложенія. Всѣ эти положенія авторъ подкрѣпляетъ и иллюстрируетъ примѣрами изъ исторіи разныхъ странъ. Въ главѣ III изложены и разсмотрѣны источники и разные виды налоговъ, причемъ авторъ также придерживался Адама Смита, иллюстрируя лишь взятыя у него положенія историческими примѣрами. Попутно онъ излагаетъ и критически разсматриваетъ мнѣнія физіократовъ, Стюарта и нѣкоторыхъ другихъ писателей. Въ IV главѣ—„Собираніе налоговъ"—Тургеневъ излагаетъ и критикуетъ откупную систему, какъ она про-

*

«Опытъ теоріи налоговъ» сильно содѣйствовалъ расширенію связей Тургенева. Впрочемъ его литературныя связи были значительны и до того времени. По своимъ родственнымъ отношеніямъ или вѣрнѣе, по стариннымъ дружескимъ связямъ своего семейства Тургеневъ ближе всего стоялъ въ это время къ кружку арзамасцевъ. Его братья Андрей и Александръ были со школьной скамьи въ большой дружбѣ съ В. А. Жуковскимъ. Андрей Тургеневъ умеръ почти юношей въ 1803 г., успѣвъ написать лишь нѣсколько, отмѣченныхъ дарованіемъ, стихотвореній, но дружба Александра, а затѣмъ и Николая Тургеневыхъ съ Жуковскимъ съ годами росла и крѣпла. Карамзинъ, изъ-за котораго арзамасцы и ломали, главнымъ образомъ, копья, былъ землякъ Тургеневыхъ и связь его съ этимъ семействомъ началась еще во времена его молодости, когда онъ былъ введенъ въ массонскую ложу въ Симбирскѣ отцомъ Николая Ивановича И. П. Тургеневымъ. Эта дружеская связь перешла и къ дѣтямъ И. П. Тургенева и окрѣпла особенно въ виду тѣхъ литературныхъ и научныхъ услугъ, которыя Александръ Тургеневъ постоянно оказывалъ Карамзину *). О дружескихъ отношеніяхъ всего семейства Карамзина къ Николаю Тургеневу свидѣтельствуютъ письма, недавно напечатныя въ «Русскомъ Архивѣ» **). Эта связь не нарушалась, повидимому, и значительной

явилась во Франціи, Испаніи, Голландіи и у древнихъ, а затѣмъ устанавливаетъ принципы собиранія налоговъ посредствомъ правительственныхъ агентовъ и разсматриваетъ средства понужденія неисправныхъ плательщиковъ. Въ V главѣ онъ разсматриваетъ способы „уравненія налоговъ“, изслѣдуя при этомъ, при какихъ условіяхъ и на какіе классы населенія падаютъ въ дѣйствительности тѣ или другіе налоги. Тутъ онъ критикуетъ мнѣніе Канара, причемъ доказываетъ необходимость при изслѣдованіи налоговыхъ системъ имѣть въ виду, въ какомъ состояніи находится данное государство: „упадающемъ“, „неперемѣняющемся“, или „успѣвающемъ“. Тургеневъ старается прослѣдить распредѣленіе налоговой тяжести при каждомъ изъ этихъ трехъ состояній, постоянно приводя въ поясненіе примѣры изъ исторіи разныхъ странъ. Въ VI главѣ авторъ разсматриваетъ вліяніе налоговъ на состояніе народнаго богатства, на промыслы, движеніе народонаселенія, успѣхи цивилизаціи и нравственность народную, причемъ начинаетъ съ опроверженія различныхъ невѣрныхъ взглядовъ на этотъ предметъ. Въ концѣ главы онъ останавливается на значеніи министровъ, управляющихъ финансами, и доказываетъ необходимость гласности бюджета. Въ главѣ VII (послѣдней) авторъ разсматриваетъ вопросъ о бумажныхъ деньгахъ, какъ о своего рода налогѣ, причемъ излагаетъ довольно подробно исторію бумажныхъ денегъ и банковъ въ разныхъ странахъ и разбираетъ разные способы подъема курса бумажныхъ денегъ, причемъ указываетъ и мѣры къ прекращенію или ограниченію дѣйствія ажіотажа и спекуляцій. Въ концѣ главы авторъ высказываетъ убѣжденіе, что съ успѣхами цивилизаціи и политической свободы получатъ прочное развитіе правильныя системы государственнаго кредита.

*) П. Н. Милюковъ. „Главныя теченія русской исторической мысли“, I, 188, 189.

**) „Русскій Архивъ“ 1895 г. № 12, тамъ же портретъ Н. И. Тургенева того времени.

разницей во взглядахъ, въ 1818 г. уже достаточно обнаружившейся. Нападая на политическое направленіе «Исторіи Государства Россійскаго» и совершенно расходясь съ Карамзинымъ во взглядахъ на политическій строй Россіи, на польскій вопросъ и особенно на крестьянскій вопросъ, Н. И. Тургеневъ сохранилъ и въ позднѣйшія времена полное уваженіе къ его нравственному облику, къ его честному и безкорыстному отношенію къ императору Александру *). Мы видѣли, что одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ «Арзамаса» Уваровъ еще въ 1812 г. рекомендовалъ Николая Тургенева Штейну. По возвращеніи въ Петербургъ въ 1816 г. Николай Ивановичъ и самъ вступилъ въ число членовъ «Арзамаса». Литературный споръ съ представителями ветхо-завѣтнаго направленія (шишковцами), который послужилъ поводомъ для основанія «Арзамаса», самъ по себѣ конечно мало увлекалъ Николая Тургенева, но въ этомъ спорѣ была несомнѣнно и общественная сторона, довольно ясно выразившаяся въ полемикѣ Шишкова съ Дашковымъ **), къ которой онъ уже не могъ относиться равнодушно. Ему также же, какъ и его другу М. Ѳ. Орлову, не нравилась шутовская внѣшность и общій легкомысленный тонъ бесѣдъ «Арзамаса»; но такъ какъ въ собраніяхъ арзамасцевъ были не одни чисто литературные разговоры и потѣшные ужины, а происходили нерѣдко и интересные споры и разговоры о текущей дѣйствительности, причемъ члены кружка были безспорно люди умные, тонко образованные и прекрасно обо всемъ освѣдомленные, то Николай Тургеневъ часто посѣщалъ ихъ собранія—гораздо чаще, нежели собранія членовъ союза благоденствія, которыя вообще происходили не часто ***). Въ своихъ воспоминаніяхъ Тургеневъ говоритъ даже, въ видѣ упрека Блудову, составителю впослѣдствіи «Донесенія» слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ, а въ то время одному изъ главныхъ членовъ и даже иниціатору кружка арзамасцевъ—что эти разговоры при желаніи можно было бы также легко обратить въ матеріалъ для обвиненія въ государственномъ преступленіи, какъ тѣ рѣчи и фразы, которыя произносились въ собраніяхъ членовъ союза благоденствія и послужили впослѣдствіи противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ обвинительными пунктами ****). Конечно, на этихъ саркастическихъ строкахъ нельзя построить вѣрнаго представленія о физіономіи «Арзамаса», члены котораго были люди въ политическомъ отношеніи безусловно невинные и вполнѣ лояльные, но самое присутствіе въ ихъ средѣ такихъ людей, какъ Николай Тургеневъ и Ѳ. М Орловъ *****), съ которыми нѣкоторые

*) „La Russie et les Russes“, I, 68—69 и 323.

**) Е. П. Ковалевскій. „Гр. Блудовъ и его время“, 105.

***) „La Russie et les Russes“, I, 125.

****) „La Russie et les Russes“, стр. 125, т. I.

*****) М. Ѳ. Орловъ, одинъ изъ блестящихъ молодыхъ генераловъ того времени, заключившій въ 1814 году капитуляцію Парижа, бывшій потомъ пред-

изъ нихъ были и остались и послѣ 14-го декабря 1825 г. въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ (В. А. Жуковскій, А. И. Тургеневъ), показываетъ, какъ близко соприкасались въ это время такіе кружки, какъ «Арзамасъ», изъ котораго вышли впослѣдствіи министры и государственные дѣятели Николаевскаго царствованія (Уваровъ, Дашковъ, Блудовъ, кн. Вяземскій и воспитатель наслѣдника престола В. А. Жуковскій), и союзъ благоденствія, изъ котораго вышли декабристы.

М. Ѳ. Орловъ пытался впрочемъ, какъ разсказываетъ Н. И. Тургеневъ, при самомъ вступленіи въ своемъ въ «Арзамасъ», измѣнить содержаніе его бесѣдъ и вмѣсто обычной (полагавшейся по уставу) шутовской рѣчи въ похвалу какому-нибудь шишковцу, онъ произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой проводилъ мысль, что стыдно и нелѣпо серьезнымъ и образованнымъ людямъ заниматься столь легкомысленнымъ времяпрепровожденіемъ, какое принято было въ «Арзамасѣ», въ то время, когда страна нуждается въ глубокомъ и внимательномъ обсужденіи самыхъ серьезныхъ и назрѣвшихъ народныхъ нуждъ и общественныхъ дѣлъ. Рѣчь Орлова по свидѣтельству Н. И. Тургенева произвела на членовъ кружка сильное впечатлѣніе, но большого и прочнаго вліянія на ихъ настроеніе не оказала *). Впрочемъ, и самый кружокъ вскорѣ распался, вслѣдствіе отъѣзда главнѣйшихъ его членовъ **).

На ряду съ отношеніями Тургенева къ Арзамасу здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о другихъ его литературныхъ связяхъ того времени. Такова его связь съ профессоромъ Александровскаго лицея А. П. Куницынымъ. Выше я приводилъ выписки изъ статьи Куницына о книгѣ Тургенева «Опытъ теоріи налоговъ». Куницынъ, о которомъ съ благодарностью вспоминали его ученики-лицеисты ***), занимался не одной

ставителемъ Александра и дѣйствовавшій очень самостоятельно по вопросу о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи. Въ 1816—1821 годахъ онъ былъ участникомъ и часто иниціаторомъ многихъ либеральныхъ предпріятій того времени, имѣвшихъ политическій характеръ. О немъ въ „La Russie et les Russes“ Тургеневъ говоритъ довольно часто; срав. также у Пыпина „Общественное движеніе“, стр. 365 и др. въ „Запискахъ“ С. Г. Волконскаго, 401 и слѣд. Свѣдѣнія о характерѣ участія Орлова въ закрытіи „союза благоденствія„, приведенныя въ „Запискахъ“ Якушкина и въ „Исторіи царствованія Александра I-го“ Богдановича опровергнуты въ „Русск. Старинѣ“ сыномъ Орлова (Н. М.) въ 1871 г., IV, 775 и письмомъ гр. Граббе. 1873 г., III, 374, а равно воспоминаніями Тургенева „La Russie et les Russes“ и „Записками„ С. Г. Волконскаго.

*) „La Russie et les Russes“, I, 126, 127. Ср. „Воспоминанія“ Ф. Ф. Вигеля, V, стр. 48, 49, 51—52,

**) Ковалевскій. „Графъ Блудовъ“, стр. 115. Арзамасское прозвище Тургенева было „Варвикъ“, Орлова—„Рейнъ“. Изъ будущихъ декабристовъ въ „Арзамасѣ“ участвовалъ еще Никита Михайловичъ Муравьевъ (Вигель, V, 45—50).

***) Достаточно вспомнить извѣстное Пушкинское стихотвореніе:

„Куницыну дань сердца и вина“ и т. д.

преподавательской дѣятельностью. Онъ служилъ также въ коммиссіи составленія законовъ, гдѣ однимъ изъ вліятельныхъ членовъ былъ А. И. Тургеневъ, и занимался литературною дѣятельностью. Въ 1818 году за книгу «Право естественное», которую попечитель Руничъ призналъ антихристіанскою и направленною противъ союза родителей и дѣтей, онъ былъ отставленъ отъ преподаванія *). Около того времени Н. И. Тургеневъ собирался при его участіи издавать журналъ, о чемъ упоминается и въ донесеніи Бенкендорфа и что было поставлено Тургеневу въ вину слѣдственной коммиссіей по дѣлу декабристовъ. По словамъ Тургенева, журналъ этотъ долженъ былъ быть ежемѣсячнымъ обозрѣніемъ. Предполагалось, между прочимъ, посвятить особое вниманіе вопросу судебной реформы, которою Тургеневъ въ это время довольно много занимался; Тургеневу хотѣлось провести въ русскую публику идеи современныхъ германскихъ юристовъ: Геде, Миттермайера и другихъ. Но все это предпріятіе осталось, какъ замѣчаетъ Тургеневъ, однимъ изъ тѣхъ добрыхъ намѣреній, которыми вымощенъ адъ.

Глава III.

Крестьянскій вопросъ и мѣсто, которое онъ занималъ въ міросозерцаніи и дѣятельности Тургенева.—Отношеніе къ собственнымъ крестьянамъ.—Записка, поданная Милорадовичу.—Попытка одного кружка учредить общество для освобожденія крестьянъ помѣщиками.

Главнѣйшимъ вопросомъ русской жизни, отодвигавшимъ на второй планъ всѣ другіе вопросы, Тургеневъ считалъ въ это время, какъ и впослѣдствіи, вопросъ крестьянскій. Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Тургеневъ писалъ: «Принадлежа по своему происхожденію къ классу рабовладѣльцевъ, я съ дѣтства зналъ жестокія условія, въ которыхъ стонутъ эти милліоны людей въ Россіи въ цѣпяхъ рабства. Зрѣлище столь явной несправедливости живо поразило мое юное воображеніе и оставило въ душѣ моей слѣдъ, который никогда не долженъ былъ уже исчезнуть...

«Для меня, въ самомъ дѣлѣ,—пишетъ онъ далѣе,—всѣ вопросы были подчинены этому вопросу и если я, несмотря на обременявшія меня дѣла по службѣ въ государственномъ совѣтѣ и въ министерствѣ финансовъ находилъ въ себѣ еще достаточно энергіи для изслѣдованія въ разныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ вопросовъ юридическихъ, административныхъ, финансовыхъ, то это только потому, что въ основѣ всѣхъ моихъ мыслей при этомъ лежало освобожденіе крестьянъ; въ ихъ интересахъ желалъ я успѣховъ цивилизаціи, потому что они больше всего въ этомъ нуждались и казались мнѣ болѣе всѣхъ до-

*) „Энциклоп. словарь" Брокгауза и Ефрона.

стойными. Классъ русскихъ крестьянъ всегда былъ для меня прежде всего и преимущественно предъ другими объектомъ моихъ стремленій, тѣмъ болѣе горячихъ, что я никогда не видѣлъ, чтобы этимъ людямъ отдавали должную имъ справедливость; вопросу ихъ благосостоянія были посвящены въ это время почти всѣ мои думы и впослѣдствіи это братское чувство только усиливалось...» *).

Прослѣдивъ дѣятельность Тургенева за то время, можно съ увѣренностью сказать, что она была дѣйствительно вся сполна посвящена пропагандѣ и выясненію этого вопроса. Съ большой настойчивостью и искусствомъ онъ постоянно связывалъ всѣ экономическіе и финансовые вопросы съ крестьянскимъ, стараясь вліять и на членовъ государственнаго совѣта въ качествѣ статсъ-секретаря сперва департамента экономіи, а затѣмъ департамента гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, и въ министерствѣ финансовъ, гдѣ онъ во время своей непродолжительной службы тамъ въ качествѣ директора канцеляріи по кредитной части исполнялъ также спеціальныя законодательныя работы. Руководствуясь тѣми же стремленіями, онъ пытался пропагандировать свои идеи и въ частныхъ запискахъ, составлявшихся имъ или при его участіи независимо отъ его прямыхъ служебныхъ занятій. Съ тою же цѣлью, по его словамъ, онъ вступилъ и въ союзъ благоденствія, разсчитывая и тамъ пропагандировать эти свои излюбленныя идеи. Ниже мы займемся подробнѣе выясненіемъ его роли и характера его участія въ этомъ сообществѣ; теперь же остановимся на различнаго рода попыткахъ практическаго осуществленія и распространенія его освободительныхъ плановъ и идей.

Прежде всего заслуживаетъ вниманія отношеніе Турненева къ его собственнымъ крѣпостнымъ людямъ. Что касается дворовыхъ людей, бывшихъ въ его личномъ распоряженіи, то онъ далъ имъ всѣмъ отпускныя. Крѣпостныхъ же крестьянъ въ родовомъ симбирскомъ имѣніи, принадлежавшихъ ему вмѣстѣ съ братьями и матерью, Н. И. Тургеневъ ѣздилъ устраивать лѣтомъ 1818 года. Онъ перевелъ ихъ тогда же съ барщины на оброкъ, причемъ обязалъ крестьянъ уплачивать лишь $^2/_3$ прежняго дохода. Нѣсколько позже онъ вошелъ съ крестьянами въ соглашеніе, которое онъ сравнивалъ впослѣдствіи съ договорами, заключавшимися на основаніи указа 2-го апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ **). Вопросъ, почему онъ не устроилъ своихъ крестьянъ на основаніи указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ 1803 г. остается пока не вполнѣ разъясненнымъ. Предположительное объясненіе мы можемъ найти въ томъ, что имѣніе это принадлежало не ему лично, а составляло собственность всей семьи и слѣдовательно,

*) „La Russie et les Russes“, I, 3.

**) Ibidem, II, 342. Ср. статью В. И. Семевскаго о Н. И. Тургеневѣ въ „Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона“ (полутомъ 67, стр. 107.

Н. И. Тургеневъ могъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ членовъ своей семьи, т.-е. двухъ братьевъ и матери. Съ другой стороны, онъ и самъ видѣлъ въ законѣ 1803 года много условій, затрудняющихъ дѣло. Къ числу ихъ онъ ошибочно (какъ это указалъ В. И. Семевскій) *), причислялъ необходимость надѣлить крестьянъ восьмидесятиннымъ душевымъ надѣломъ и разныя другія формальности, которыя и въ данномъ случаѣ могли затормозить дѣло **).

Въ декабрѣ 1819 года Н. И. Тургеневъ составилъ и подалъ гр. Милорадовичу особую записку о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, узнавъ черезъ своего пріятеля Глинку ***), адъютанта Милорадовича, о томъ, что графъ желалъ бы имѣть записку по этому предмету для представленія ея государю ****). Въ этой запискѣ *****) Тургеневъ не выражалъ мысли о необходимости *немедленнаго* освобожденія крестьянъ. «Составляя эту записку,—писалъ Тургеневъ впослѣдствіи,—я употребилъ всѣ усилія, чтобы сдержать проявленіе ужаса, который внушало мнѣ рабство. Я обращался вѣдь къ человѣку и такъ уже убѣжденному. Мнѣ хотѣлось въ особенности обратить вниманіе царственнаго читателя на тотъ мракъ, которымъ крѣпостной вопросъ обволакивался въ Россіи, и на причины этого явленія; я старался показать, какъ тѣ, кто создаютъ и направляютъ общественное мнѣніе, тѣ, кто пишутъ исторію, тѣ, кто составляютъ и выполняютъ законы, будучи всѣ владѣльцами крѣпостныхъ душъ, заинтересованы въ томъ, чтобы этотъ вопросъ обсуждался какъ можно менѣе» ******).

Въ самомъ началѣ своей записки Тургеневъ ставитъ вопросъ, слѣдуетъ ли желать въ Россіи расширенія политическихъ правъ, которыми пользуется привилегированное сословіе. Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно.

«Чтобы разрѣшить по совѣсти этотъ вопросъ, надо помнить, что въ Россіи милліоны человѣческихъ существъ не пользуются даже гражданскими правами. Всякое расширеніе политическихъ правъ въ пользу дворянскаго сословія противорѣчило бы интересамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи самодержавная власть можетъ быть разсматриваема какъ якорь спасенія въ нашей странѣ; отъ этой только власти мы можемъ ожидать уничтоженія рабства, столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго. Непозволительно мечтать о политической

---

*) „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, т. I, стр. 279.

**) „La Russie et les Russes“, II, 46—50.

***) Полковникъ Ѳ. Н. Глинка, членъ союза благоденствія, осужденный верховнымъ уголовнымъ судомъ въ 1826 году.

****) „La Russie et les Russes“, II, 149.

*****) та записка издана впослѣдствіи Тургеневымъ въ видѣ приложенія ко II-му тому „La Russie et les Russes“, стр. 323 и слѣд.

******) „La Russie et les Russes“, II, 150 стр.

свободѣ тамъ, гдѣ милліоны несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы» *).

Переходя далѣе къ оцѣнкѣ того, что же сдѣлала до тѣхъ поръ эта абсолютная власть въ пользу крестьянъ, Тургеневъ писалъ:

«Что отличаетъ въ нашихъ лѣтописяхъ нынѣшнее правительство, это то, что оно думаетъ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ объ участи поселянъ. Оно отказалось отъ обычая вознаграждать за услуги государству пожалованіемъ населенныхъ имѣній; оно предприняло освобожденіе крестьянъ въ балтійскихъ провинціяхъ. Эти дѣйствія дѣлаютъ ему величайшую честь...

«Но слѣдуетъ ли удовлетворяться этими благодѣяніями и отказаться отъ надежды видѣть ихъ продолженіе? Развѣ достаточно этихъ мѣръ въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое терпѣли и продолжаютъ терпѣть милліоны крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ?

«Конечно, нѣтъ! Наша вѣра въ божественную справедливость и довѣріе къ благоразумію просвѣщеннаго и доброжелательнаго правительства заставляетъ насъ предчувствовать для Россіи наступленіе того радостнаго дня, когда ея сыны вмѣсто того, чтобы принадлежать одни другимъ, будутъ всѣ принадлежать отечеству, одному только отечеству».

Отъ этой сладкой надежды авторъ переходитъ къ суровой дѣйствительности.

Онъ начинаетъ съ указанія, что двѣнадцать милліоновъ душъ принадлежитъ въ Россіи дворянамъ, разбогатѣвшимъ откупщикамъ и лицамъ, владѣющимъ фабриками и заводами. Указавъ мимоходомъ на бѣдственное положеніе крестьянъ на фабрикахъ и на безразсудство политики, которая установила этотъ порядокъ, авторъ подробно очерчиваетъ разницу въ положеніи крестьянъ въ барщинныхъ и въ оброчныхъ имѣніяхъ. Разъяснивъ, что рабство никогда не было установлено въ Россіи закономъ, что всего за 150 лѣтъ передъ тѣмъ крестьяне были свободны, онъ указываетъ, что простая мѣра прикрѣпленія ихъ къ землѣ превратила ихъ съ теченіемъ времени, благодаря невмѣшательству правительства и господству сильнаго, въ настоящихъ рабовъ. Тутъ-то онъ и замѣчаетъ, что если исторія не разъяснила какъ слѣдуетъ этого обстоятельства, то это лишь потому, что она писалась не крестьянами, а ихъ господами. Упомянувъ о законѣ Павла I, ограничившаго барщину 3 днями въ недѣлю, Тургеневъ говоритъ, что законъ этотъ не исполняется, очевидно, по той же причинѣ, по которой русскіе историки не разъяснили незаконностью постепеннаго превращенія крестьянъ въ рабовъ. Останавливаясь далѣе на вопіющихъ злоупотребленіяхъ крѣпостниковъ, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что лишь ничтожная часть изъ нихъ доходитъ до суда и преслѣдуется,

*) Ibidem, 324.

а что въ огромномъ большинствѣ случаевъ всѣ такія злоупотребленія покрываются предводителями дворянства и ближайшимъ начальствомъ, какъ людьми заинтересованными въ сохраненіи существующаго порядка вещей. Указывая на рѣдкость жалобъ со стороны крестьянъ, Тургеневъ писалъ: «А главное, въ случаяхъ жалобъ, правительство несмотря на все доброжелательство къ этимъ несчастнымъ крестьянамъ, не перестаетъ твердить себѣ, что если принимать всѣ эти жалобы къ разсмотрѣнію и по каждой назначать разслѣдованіе, то это можетъ возбудить въ краѣ извѣстное безпокойство, а потому оно воздерживается и, изъ любви къ порядку, слишкомъ часто забываетъ, что слѣдовало бы любить также и справедливость» *).

Упоминая, что защитники рабства любятъ заявлять, что злоупотребленія помѣщичьей властью есть вещь противузаконная и что правительство можетъ противъ виновныхъ принимать мѣры строгости, Тургеневъ старается раскрыть лицемѣріе этихъ заявленій. «Есть ли, говоритъ онъ, въ этомъ справедливость, чтобы человѣкъ, который незаслуженно терпитъ притѣсненія, долженъ былъ терпѣливо дожидаться, когда правительство соберется принять участіе въ его дѣлѣ? И какое же правительство въ мірѣ можетъ съ успѣхомъ поддерживать справедливость тамъ, гдѣ оно находитъ на одной сторонѣ всѣ права, а на другой всѣ обязанности?..»

Еще хуже положеніе дворовыхъ. «Здѣсь, по замѣчанію Тургенева, мы находимъ всѣ послѣдствія рабства во всей ихъ отвратительной наготѣ: привычка лгать, обманывать, единственная защита слабаго противъ сильнаго, и столько другихъ пороковъ, производящихъ, въ общемъ глубокую безнравственность. Но слуги не рождаются слугами, т.-е. они не рождаются со всѣми этими дурными качествами; они пріобрѣтаютъ ихъ лишь понемногу, по мѣрѣ того, какъ они старѣются въ ихъ положеніи...»

«Неужели и здѣсь, предпринимая улучшеніе въ судьбѣ этого вида рабовъ, слѣдуетъ ограничиться для настоящаго времени лишь какими-нибудь паліативами и отложить попеченіе объ истинномъ прогрессѣ до слѣдующаго поколѣнія? Но вѣдь не легко рѣшиться жертвовать такимъ образомъ настоящимъ для будущаго. Одинъ Богъ знаетъ, будутъ ли существовать слѣдующія поколѣнія. Какъ же рѣшиться человѣку отложить до неизвѣстнаго будущаго добро, сдѣлать которое онъ можетъ безотлагательно?..»

Разсматривая далѣе различныя улучшенія, которыя можно внести въ положеніе крестьянъ, авторъ доказываетъ, что иниціативы въ этомъ случаѣ нельзя ожидать отъ дворянства, представители котораго обык-

*) „La Russie et les Russes", II, 329. По уложенію о наказаніяхъ 1845 года жалоба крестьянъ на помѣщика прямо уже признавалась дѣяніемъ запрещеннымъ и наказуемымъ.

новенно не живутъ въ своихъ имѣніяхъ, а иногда даже и вовсе ихъ не видали. Поэтому онъ полагаетъ, что представители дворянства, особенно богатаго, не столько враждебны реформамъ въ бытѣ крестьянъ, сколько къ нимъ равнодушны и бездѣятельны.

Онъ полагалъ даже, что многіе помѣщики въ Россіи ничего не имѣютъ противъ освобожденія крестьянъ. Наоборотъ, онъ утверждалъ, что сомнѣніе въ этомъ являлось бы обидой для русскаго дворянства. «Въ самомъ дѣлѣ, какъ повѣрить, чтобы люди, посвящающіе свою жизнь отечеству, въ гражданской службѣ или на полѣ брани, вдругъ оказались бы ему невѣрны, если бы оно призвало ихъ устами своего верховнаго вождя поднять ихъ униженныхъ братьевъ, такихъ же, какъ они, сыновъ великой вѣчной Россіи?»

Итакъ, по мнѣнію Тургенева, правительству слѣдовало принять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ, и всѣ порядочные люди съ восторгомъ отозвались бы на его призывъ.

Полагая, однако, что каждый человѣкъ, не равнодушный къ общественному благу, имѣетъ право предложить проектъ уничтоженія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій, Тургеневъ высказываетъ далѣе свои предположенія этого рода.

Останавливаясь, прежде всего, на чрезмѣрномъ обремененіи работой крѣпостныхъ крестьянъ, Тургеневъ указывалъ на необходимость добиться строгаго выполненія закона Павла I, для чего предлагалъ установить, что за отбытіемъ 3-хъ-дневной барщины крестьяне свободны отъ исполненія всякой иной повинности. Затѣмъ, указывая опять на беззастѣнчивую эксплуатацію крестьянъ, даже женщинъ и дѣтей, на помѣщичьихъ фабрикахъ, Тургеневъ, какъ мѣру пресѣченія этого зла, предлагалъ обязать помѣщиковъ представлять ежегодно уѣздному предводителю дворянства планъ хозяйственныхъ работъ и повинностей въ ихъ имѣніяхъ и затѣмъ эти планы публиковать во всеобщее свѣдѣніе. Онъ полагалъ, что вынося существующіе порядки на свѣтъ Божій, можно привлечь къ обсужденію ихъ общественное мнѣніе и тѣмъ самымъ устранить массу притѣсненій и злоупотребленій, совершавшихся безпрепятственно во мракѣ.

Останавливаясь далѣе на необходимости болѣе опредѣленнаго и строгаго запрещенія продажи людей безъ земли и разлученія членовъ семействъ, онъ предлагалъ запретить всякому человѣку, не владѣющему земледѣльческими имѣніями, имѣть крѣпостныхъ людей. При этомъ Тургеневъ основательно замѣчалъ, что въ подобныхъ случаяхъ законъ безъ санкціи останется мертвой буквой. Въ видѣ санкціи онъ предлагалъ объявить, что всякій человѣкъ, купленный съ нарушеніемъ закона, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ свободу, и предписать судамъ немедленно признавать свободными всѣхъ тѣхъ, кто представитъ доказательство неправильности совершенной при ихъ продажѣ. Онъ полагалъ также желательнымъ воспретить обращеніе крестьянъ въ дворовые, причемъ

въ случаѣ нарушенія этого запрещенія, предлагалъ и этихъ крестьянъ объявлять свободными.

Въ устраненіе жестокаго и несправедливаго обращенія господъ съ крѣпостными Тургеневъ предложилъ слѣдующія правила. Что касается дворовыхъ, находящихся въ городахъ, онъ находилъ полезнымъ установить, чтобы помѣщикъ не имѣлъ права лично наказывать или бить ихъ, предоставляя налагать и исполнять наказанія полиціи, которая однако не должна быть сведена къ роли пассивныхъ исполнителей, что противорѣчило бы достоинству правительственной власти, а должна бы подвергать наказанію виновныхъ лишь убѣдившись въ дѣйствительности проступка и сообразуя съ нимъ размѣръ наказанія. Каждый человѣкъ, самовольно наказанный или избитый помѣщикомъ, долженъ быть отпускаемъ на волю. Что касается дворовыхъ, находящихся въ деревняхъ, и крестьянъ, то ихъ наказанія должны быть регламентированы съ запрещеніемъ давать болѣе опредѣленнаго числа ударовъ и подвергать тѣлесному наказанію одного и того же человѣка чаще опредѣленнаго срока. Всѣ налагаемыя помѣщикомъ наказанія должны быть записываемы въ особый журналъ или реестръ. Тургеневъ предлагалъ также ограничить компетенцію помѣщиковъ по роду преступленій и проступковъ, передавъ большую часть ихъ въ обыкновенные суды *).

Для защиты крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщичьей власти Тургеневъ проектировалъ особыя должности правительственныхъ коммиссаровъ, которые бы непосредственно наблюдали за обращеніемъ вотчинныхъ властей съ крестьянами, особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ сами помѣщики не живутъ, и принимали бы отъ крестьянъ жалобы на злоупотребленія и притѣсненія помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ. Сверхъ того, по мысли Тургенева, долженъ былъ быть учрежденъ особый губернскій комитетъ изъ губернатора, предводителя дворянства и представителя интересовъ крестьянъ, назначаемаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Этотъ комитетъ долженъ былъ бы разсматривать жалобы крестьянъ, представленныя коммиссарами, и въ потребныхъ случаяхъ назначать по нимъ разслѣдованія. Если такія разслѣдованія устанавливали бы наличность злоупотребленій и превышеній помѣщикомъ предоставленной ему власти, то предводитель дворянства долженъ былъ принимать мѣры къ огражденію крестьянъ, отдавая имѣніе уличеннаго помѣщика въ опеку. Если же разслѣдованіемъ были обнаружены случаи, влекущіе ipso facto освобожденіе потерпѣвшаго отъ крѣпостной зависимости, то комитетъ долженъ былъ бы немедленно истре-

*) Тургеневъ хорошо понималъ всю недостаточность этихъ мѣръ, но считалъ, что и подобныя преобразованія, при всемъ ихъ несовершенствѣ, были бы въ то время для крестьянъ истиннымъ благодѣяніемъ... «Благодѣяніе! — восклицаетъ Тургеневъ—А вотъ уже восемнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Тотъ, Кто искупилъ людей своею кровью, сказалъ: „любите другъ друга и дѣлайте добро вашимъ врагамъ“ („La Russie...“ II, 337).

бовать въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ соотвѣтствующій приговоръ. Въ подобныхъ случахъ Тургеневъ находилъ справедливымъ установить, чтобы вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ получала свободу и вся его семья: отецъ, дѣти, жена.

Обращаясь затѣмъ къ способамъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Тургеневъ критикуетъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Признавая его вообще мѣрой весьма благодѣтельной, онъ жаловался на излишнія формальности, требуемыя этимъ закономъ, и указывалъ въ цѣляхъ поощренія помѣщиковъ къ освобожденію крестьянъ на необходимость предусмотрѣть и такіе договоры, которые оставляли бы всю землю въ рукахъ помѣщиковъ, сообщая крестьянамъ лишь личную свободу, причемъ Тургеневъ признавалъ желательнымъ предоставить крестьянамъ свободу переселеній.

Эти послѣднія замѣчанія, разобранныя В. И. Семевскимъ въ его книгѣ «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», вызывали съ его стороны основательную критику *).

Въ концѣ записки Тургеневъ указываетъ на необходимость свободнаго обсужденія вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ повременной печати.

Мѣры, предложенныя Тургеневымъ въ этой запискѣ, носятъ несомнѣнный отпечатокъ вліянія Штейна. Въ настоящее время нѣкоторыя мѣста этой записки на неподготовленнаго читателя могутъ произвести впечатлѣніе слишкомъ большого опортюнизма; но если мы сравнимъ ихъ именно съ законодательствомъ Штейна и Гарденберга и вообще съ ходомъ крестьянской реформы въ тогдашней Пруссіи, а равно примемъ въ соображеніе среду и обстоятельства, въ которыхъ составлена была эта записка, то безъ сомнѣнія должны будемъ признать, что въ глазахъ современниковъ она должна была представляться скорѣе выраженіемъ крайняго радикализма. Недаромъ же Тургенева за его взгляды честили тогдашніе консерваторы якобинцемъ и революціонеромъ, «готовымъ на все» **).

Доброжелательному Милорадовичу эта записка такъ понравилась, что, когда во время чтенія ея входилъ въ комнату тотъ или другой изъ слугъ, онъ немедленно объявлялъ его свободнымъ ***). Встрѣтивъ

---

*) Т. I, стр. 277—281.

**) Сравни донесеніе Бенкендорфа у Шильдера „Жизнь и царствованіе Александра I-го", т. IV, 213. „La Russie et les Russes", II, 148. В. И. Семевскій признаетъ, что при всей умѣренности требованій, выставленныхъ Тургеневымъ въ этой запискѣ, мѣры, имъ предложенныя, были однѣ изъ наиболѣе необходимыхъ и практичныхъ.

***) В. И. Семевскій („Крестьянскій вопросъ", томъ I, 453) приводитъ этотъ эпизодъ изъ „Писемъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу", изданныхъ въ Лейпцигѣ въ 1872 г.

Тургенева въ государственномъ совѣтѣ, онъ такъ шумно выражалъ ему свое одобреніе, что Тургеневъ даже нашелъ нужнымъ шепнуть ему на ухо, чтобы онъ не компрометировалъ его такъ сильно въ глазахъ присутствовавшихъ при этомъ крѣпостниковъ *).

На императора Александра записка также произвела благопріятное впечатлѣніе. Онъ былъ задѣтъ за живое и сказалъ Милорадовичу, что непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь для крестьянъ, выбравъ изъ всѣхъ собранныхъ имъ записокъ самое лучшее **).

Около того же времени Николай Тургеневъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ участвовалъ въ другой попыткѣ обратить вниманіе правительства на крестьянскій вопросъ. Вотъ его собственный разсказъ объ этомъ весьма характерномъ для того времени эпизодѣ:

«Два лица, отличавшіяся столько же своимъ высокимъ положеніемъ, какъ и своею просвѣщенностью, гр. Воронцовъ ***) и князь Меншиковъ ****), приняли однажды рѣшеніе начать дѣло освобожденія и начать его серьезно... Желая искренно успѣха своему предпріятію, они сочли важнымъ оградить его и самихъ себя отъ недоброжелательства и для этого они постарались гарантировать его отъ всякихъ ложныхъ толкованій. Они хотѣли, чтобы само правительство взяло на себя верховное руководство мѣрами, которыя они ему предлагали, и потому рѣшились ничего не предпринимать до разговора съ императоромъ. Они желали не только ознакомить его съ сущностью своего предпріятія, но и сообщить, что и другіе помѣщики имѣютъ тѣ же намѣренія относительно своихъ крѣпостныхъ. Для этого одинъ изъ нихъ составилъ нѣчто въ родѣ декларации, въ которой подписавшіе ее обязывались совершенно освободить своихъ крестьянъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, они просили императора разрѣшить учрежденіе общества изъ помѣщиковъ, въ составъ котораго вошли бы всѣ лица, подписавшія декларацію, и которое тотчасъ по открытіи выбрало бы изъ своей среды комитетъ для выработки положенія о совершенномъ освобожденіи крестьянъ. По обсужденіи и одобреніи всѣми членами и лицами, подписавшими декларацію, проектъ положенія долженъ былъ быть представленъ министру внутреннихъ дѣлъ, который уже испросилъ бы на этотъ счетъ указанія императора. Заканчивая эту замѣчательную за-

---

*) „La Russie et les Russes", II, стр. 149.

**) „La Russie et les Russes", II, 150.

***) Гр. М. С. Воронцовъ, впослѣдствіи князь, генералъ-губернаторъ Новороссійскій, а потомъ намѣстникъ Кавказскій (въ 1815—1818 гг. онъ былъ начальникомъ русскаго корпуса, остававшагося во Франціи).

****) Меншиковъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ, повидимому, тотъ самый кн. А. С. Меншиковъ, который превратился впослѣдствіи въ рѣшительнаго защитника крѣпостныхъ порядковъ и такъ неудачно командовалъ арміей въ Крыму въ 1854—1855 гг. (Семевскій. „Крестьянскій вопросъ", I, 458).

писку, авторъ высказалъ государю, что послѣ столькихъ тріумфовъ и славы, пріобрѣтенной Россіей, становилось неотложнымъ стереть единственное пятно, которое оставалось на имени русскомъ.

«Гр. Воронцовъ сообщилъ эту бумагу нѣкоторымъ изъ своихъ родныхъ и друзей. Она была подписана съ готовностью гр. П(отоцкимъ) и г. В(асильчиковымъ), генералъ-адъютантами императора, гр. В(оронцовымъ)-Д(ашковымъ), тогда камергеромъ и дипломатомъ, княземъ В(яземскимъ), однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ писателей,—все людьми очень богатыми, владѣвшими, въ общемъ, болѣе 100.000 крѣпостныхъ. Мой братъ и я,—прибавляетъ Тургеневъ,—очень скромные помѣщики, также подписали эту записку».

«Гр. Воронцовъ взялся представить ее императору. Въ первый разъ, когда Александръ услыхалъ объ этомъ проектѣ эмансипаціи, онъ, казалось, былъ имъ очень доволенъ, выслушалъ благосклонно объясненія графа и сказалъ, что не видитъ препятствій къ осуществленію намѣреній лицъ, подписавшихъ декларацію.

«Авторы проекта, никогда не дѣлавшіе изъ него большого секрета, не думали, чтобы проектъ встрѣтилъ серьезную оппозицію; между тѣмъ какъ только одинъ изъ нихъ сообщилъ проектъ государю, нѣкоторыя лица забили тревогу и начали обычныя декламаціи противъ либераловъ и революціонеровъ. Одна придворная дама, между прочимъ извѣстная рѣзкостью своего языка, увидѣвъ между другими подписями подпись одного изъ своихъ зятьевъ, устроила ему сцену и бѣдный человѣкъ (кажется это былъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ) поспѣшилъ взять свою подпись обратно. Бумага эта—заявляли другіе—могла бы еще пройти подъ покровомъ именъ гр. Воронцова, гр. Потоцкаго и др.; но имена якобинцевъ, такихъ, какъ Тургенева, не можетъ оставлять никакого сомнѣнія насчетъ революціонной цѣли этого предпріятія» *).

---

*) Годъ спустя послѣ этого предпріятія генералъ Бенкендорфъ (впослѣдствіи шефъ жандармовъ при императорѣ Николаѣ) писалъ въ своемъ донесеніи о тайныхъ обществахъ про Николая Тургенева, котораго онъ поставилъ на первомъ мѣстѣ въ спискѣ опасныхъ по его мнѣнію лицъ: „1. Николай Тургеневъ, который ни мало не скрываетъ своихъ правилъ, гордится званіемъ якобинца, грезитъ гильотиною и, не имѣя ничего святого, готовъ всѣмъ пожертвовать въ надеждѣ выиграть все при переворотѣ. Его то наставленіями и побужденіями многимъ молодымъ людямъ вселенъ пагубный образъ мыслей“... (Шильдеръ, н. с. IV, 212). Въ той же запискѣ Бенкендорфъ увѣряетъ, что члены тайныхъ обществъ возлагали большую надежду на гр. Воронцова, „на котораго дѣйствовали Тургеневы“. (Тамъ же, 210). Шильдеръ говоритъ, что записка Бенкендорфа очень не понравилась Александру и самъ Бенкендорфъ попалъ въ немилость, въ которой и находился до конца царствованія.

Впрочемъ, около того же времени попечитель московскаго университета Голенищевъ-Кутузовъ писалъ о Карамзинѣ, что сочиненія этого опаснаго для общества и правительства литератора исполнены „вольнодумскаго и якобинскаго яда“ (Ковалевскій. „Гр. Блудовъ и его время“. Стр. 115).

«Я не знаю,—продолжаетъ Тургеневъ,—повліялъ ли на настроеніе императора крикъ старухъ *); но вѣрно во всякомъ случаѣ, что при второмъ свиданіи съ Воронцовымъ государь высказалъ колебаніе. «Для чего вамъ соединяться? сказалъ онъ въ концѣ концовъ. Подписавшіе изъ разныхъ губерній; пусть же каждый работаетъ самъ для себя и представитъ свой отдѣльный проектъ министру внутреннихъ дѣлъ»...

«И эти ледяныя слова оказались достаточными, — пишетъ Тургеневъ, — чтобы заставить графа и другихъ подписавшихся отказаться отъ ихъ плана. Мнѣ говорили, что генералъ-адъютанты, подписавшіе декларацію, встрѣчали нѣкоторое время при дворѣ очень холодный пріемъ. Одинъ изъ нихъ даже оставилъ по этому поводу службу.

«Таковъ былъ исходъ,—заключаетъ свой разсказъ Тургеневъ,—этой попытки, наиболѣе важной и наиболѣе искренней изъ всѣхъ, какія предпринимались когда-либо для уничтоженія крѣпостного права».

А. Корниловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Князь Вяземскій разсказываетъ въ своей „Исповѣди". (Сочиненія, т. II, стр. 88), что главной причиной неудачи этого предпріятія былъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, сперва подписавшій эту бумагу, а потомъ отказавшійся отъ своей подписи. Повидимому это у него была та строгач тещи, о которой упоминаетъ Тургеневъ. Быть можетъ одной изъ причинъ неудачи были и интриги извѣстнаго Каразина, который желалъ принять участіе въ этомъ предпріятіи, но отъ котораго постарались отстранить, такъ какъ онъ хотѣлъ примѣшать сюда другія весьма неблаговидныя цѣли. Объ этомъ срав. Семевскаго „Крестьянск. вопросъ въ Россіи", т. I, стр. 454 и слѣд. и Шильдера „Жизнь и царствованіе Александра I", IV, стр. 146.

ЗАРНИЦЫ.

Какъ душно и темно! Какъ все томится зноемъ!
Какъ бьется въ берегахъ чуть слышная рѣка!
И тщетно ждетъ земля съ прохладой и покоемъ
Опять привычныхъ ласкъ въ порывахъ вѣтерка.
Надъ нивою склонясь, колосья золотые
За ночь короткую остынуть не могли,
И яркіе цвѣты, печальные, нѣмые,
Съ мольбой безмолвною склонились до земли.
Какъ душно и темно! Томленью нѣтъ границы,—
Оно растетъ,—безжалостнѣй, сильнѣй...
Вдругъ вспыхнули вдали блестящія зарницы,
Прорѣзавъ мракъ снопомъ сіяющихъ лучей.
Еще одна... еще... горятъ во мракѣ ночи
Онѣ, какъ пламенныя очи,
Неотразимыя, зовущія къ себѣ.
И вѣрится,—придетъ покой, такъ долго жданный.
И снова мѣсто есть надеждѣ и борьбѣ,
И кажется, сейчасъ польется дождь желанный,
Чтобы землю пробудить въ сіяньи красоты,
Ужъ просыпаются цвѣты.
Но снова мракъ и зной... Угаснули зарницы
Съ надеждой лживою на счастье и покой.
Ползутъ, какъ призраки, свинцовыхъ тучъ станицы
Надъ имъ невѣрящей землей.

—

Въ тоскующей душѣ, какъ яркія зарницы,
Вдругъ вдохновеніе нежданное блеснетъ,
И въ прошломъ развернетъ забытыя страницы.
Надежду воскреситъ, обманетъ и замретъ.
И снова мракъ кругомъ, и ночь еще душнѣе,
Въ безсиліи брошенъ вновь едва начатый трудъ,
Укоры совѣсти мучительнѣй, больнѣе,
Больнѣй пустыхъ людей несправедливый судъ.
Лишь сердце глупое въ смущеніи не знаетъ
Любить или проклинать ту руку, что зажгла
Небесный пламенникъ, который вдохновляетъ,
Съ кѣмъ борется трепещущая мгла.

В. Ладыженскій.

ПО АМЕРИКАНСКИ.

I.

— «Въ праздникъ, а также и въ долгіе зимніе вечера, любимое занятіе норвежца—чтеніе... Въ каждомъ поселкѣ есть книжная лавка... Въ самомъ немудрящемъ домишкѣ всегда можно найти газету...»

Шестнадцатилѣтній Семка читалъ не особенно складно, но громко, и слушатели были вполнѣ довольны. Его мать, женщина съ безкровнымъ и морщинистымъ лицомъ, протянувшись на кровати костлявымъ тѣломъ, машинально гладила рукою свѣтлорусую головку прижавшейся къ ней маленькой дѣвочки, внимательно смотрѣвшей въ ротъ Семки... Около печки сидѣлъ Захаръ Головешкинъ и, дымя длинной вертушкой, сплевывалъ въ уголъ.

У Головешкина прежде всего бросалась въ глаза густая шапка спутанныхъ грязнобурыхъ волосъ. Лицо его не сразу можно было найти: все оно заросло жесткими рыжими волосами, среди которыхъ уродливо торчалъ толстый облупившійся носъ. Низкій лобъ былъ изрѣзанъ глубокими кривыми морщинами; ихъ было такъ много, что казалось, если бы растянуть эту морщинистую кожу, то ея хватило бы на все лицо. Изъ-подъ сросшихся щетинистыхъ бровей выглядывали маленькіе слезящіеся глазки, пытливо устремленные на чтеца...

— Это, слышь, о комъ же написано-то, Семка?

— Про норвежцевъ...

«Гм... не слыхалъ што-то... подумалъ Головешкинъ.—Французовъ знаю, турокъ, нѣмцевъ... англичанъ тоже... А про этихъ не слыхалъ...»

— Какъ будто и правда!—недовѣрчиво откликнулась мать.

— Знамо, правда!—разсердился Семка, не любившій, чтобъ его прерывали.—Не сказку-жъ я вамъ читаю!

— А я думаю—враки все...

— Ну, брось ты...—остановилъ ее Головешкинъ.—А какъ государство-то называется?

— Я ужъ говорилъ—Норвегія...

— Норвегія... гм... А гдѣ это?

— Да вѣдь я ужъ читалъ вамъ!

Семка нетерпѣливо перевернулъ книжку и торопливо перечиталъ начальныя страницы, гдѣ пространно говорилось о безграничномъ морѣ, о высокихъ скалистыхъ горахъ, о водопадахъ и мрачныхъ ущельяхъ и т. д., а о мѣстонахожденіи Норвегіи предлагалось понимать изъ двухъ строчекъ: «Норвегія лежитъ рядомъ съ Швеціей и вмѣстѣ съ нею пріютилась на Скандинавскомъ полуостровѣ, по сосѣдству съ Россіей»...

— Видишь, рядомъ съ Россіей!—объяснилъ Семка.

— То-то, я говорю не слыхать было о такомъ государствѣ... Рядомъ, а не слыхать!.. Рази, слышь, новое какое...

Онъ подошелъ къ столу и, словно желая удостовѣриться собственными глазами, посмотрѣлъ въ книжечку, но ничего не увидалъ въ ней, кромѣ едва замѣтныхъ точечекъ...

На Головешкинѣ были надѣты теплые, ватные штаны. Отъ грязи и отъ заплатъ, нашивавшихся въ теченіе десяти лѣтъ на старыя заплаты, они сдѣлались тяжелы, и Головешкинъ ежеминутно поддергивалъ ихъ...

— А што за народъ живетъ тамъ?—спросила мать.

— Да вѣдь десять разъ сказалъ и прочиталъ—норвежцы!.. Вотъ и читай вамъ!

— Я слышала, что ты читалъ-то!... Спрашиваю я, къ какому племю они принадлежатъ: къ нѣмцамъ али французамъ?

— А я почемъ знаю...

— Къ шведамъ, надо быть,—вставилъ мужъ:—онъ, слышь, прочиталъ—рядомъ со шведами...

«Чудно!—подумалъ онъ про себя:—рядомъ живутъ, а не слышно было...»

Онъ протяжно зѣвнулъ, почесался, поддернулъ штаны и взглянулъ на торопливо тикавшіе часы.

— Пора собираться: шестой часъ ужъ!—молвилъ онъ, проходя въ кухню.—Ты, Марья, отрѣжь-ка хлѣбца...

— О-охо-хо... Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ!—заключила Марья свои размышленія по поводу прочитаннаго.—Пусти-ка, Сашутка, я хлѣба батькѣ отрѣжу...

Дѣвочка подвинулась и пропустила мать.

Головешкинъ одѣлъ по верхъ ситцевой рубахи грязную деревенскую, замѣнявшую ему блузу. Напяливъ лоснившійся полушубокъ и обмотавъ шею грязнымъ цвѣтнымъ шарфомъ, онъ ждалъ, пока жена завязывала въ платокъ хлѣбъ и соленые огурцы.

Сашутка лежала на кровати, подогнувъ чуть не къ головѣ ножонки, и выжидающе смотрѣла на брата.

— Сема!—тихонько позвала она.

Семка, нахмурившись, читалъ.

— А, Сема?..

— Ну? чего тебѣ?—буркнулъ братъ.

— Почитай, Сема!..

— Я читаю...

— Да! про себя-то читаешь... Ты вгулъ почитай!

Семка молчалъ.

— Сема, почита-ай!—тянула Сашутка.

— Да ну тебя!.. отстань!..

Семка любилъ читать вслухъ, если его слушали взрослые... Сегодня онъ былъ разобиженъ невнимательнымъ отношеніемъ: читалъ, читалъ, а они все спрашиваютъ—про кого, да про что говорится въ книжкѣ...

— Чего это Лизка-то такъ долго гуляетъ!—брезгливо замѣтилъ Головешкинъ, надѣвая рваную шапку съ ушами.—Давно ночь, а она шляется...

— Къ Орлихѣ, небось, ушла... Чего-жъ не погулять: сегодня праздникъ!

— Праздникъ!. Потакай имъ на свою шею... Праздникъ, такъ можно всю ночь гулять?

— Ну, кака еще ночь—шести часовъ нѣтъ!..

Но Головешкинъ не сталъ слушать и, хлопнувъ дверью, ушелъ.

Въ сущности онъ не на дочь сердился, а только на то, что другіе гуляютъ, онъ же долженъ идти работать. Для него бывалъ лишь одинъ праздникъ за весь годъ—Пасха, когда фабрика останавливалась на 10 дней: топка не прекращалась круглый годъ, и кочегары работали ежедневно въ двѣ смѣны—по шести часовъ каждая...

II.

Въ кочегаркѣ было темно. Обледенѣлыя стекла полукруглыхъ, устроенныхъ на уровнѣ земли, оконъ не хотѣли пропускать сюда дневного свѣта.

Противъ оконъ громоздились двѣ вымазанныя глиною печки, а за ними изъ полумрака вырисовывались большіе и маленькіе паровые котлы и трубы. Въ печахъ выло и трещало пламя, около котловъ шипѣлъ паръ, а за стѣною слышалось равномѣрное постукиванье и тяжелые вздохи центральной паровой машины. Откуда-то издали, словно изъ-подъ земли, доносилось глухое гудѣніе фабричнаго корпуса...

За второю печкою, около большого парового котла, горѣлъ

газовый рожокъ, и его маленькій желтоватый огонекъ сиротливо колыхался въ окружающемъ сумракѣ...

— Ну, чай, такъ чай... будемъ пить!—благодушно бурчалъ Головешкинъ, ставя на ящикъ двѣ черныя глиняныя кружки.

Онъ пилъ изъ одного чайника съ Козыремъ, сухопарымъ и жилистымъ мужикомъ средняго роста, работавшимъ у одной съ нимъ печи.

Въ противоположность Головешкину, сморщенному и обросшему волосами до самыхъ глазъ, скуластое лицо Козыря было гладко и лишено растительности: только въ углахъ губъ торчали два жидкихъ клочка, да на подбородкѣ имѣлось съ десятокъ короткихъ толстыхъ волосинокъ. Бровей у него не было, а красные глаза безъ рѣсницъ смотрѣли на все прямо—не мигаючи.

Изъ другихъ кочегаровъ одинъ былъ высокій и широкоплечій, съ густою черною бородою, уже испещренной бѣлыми нитями, а другой совсѣмъ маленькій, съ маленькимъ сухонькимъ личикомъ, которое, казалось, всегда о чемъ-то умоляло, и съ длинными цѣпкими руками... Первый назывался Носовъ, второй—Сухановъ Носовъ былъ мраченъ и молчаливъ, Сухановъ же часто разговаривалъ самъ съ собою и почти всегда жалобнымъ голосомъ.

Каждый изъ нихъ пилъ изъ своего чайника, ибо Сухановъ говорилъ, что не можетъ пить такой крѣпкій чай, какой любилъ Носовъ.

— Сердце у меня скулитъ отъ него!—жаловался онъ.—Какъ выпью крѣпкаго, такъ и заскулитъ, и заноетъ...

Кочегары сидѣли въ простѣнкѣ, противъ печки, изъ поддувала которой на ихъ ноги падалъ красный дрожащій свѣтъ.

— Разбудить рази Петьку-то!.. Можетъ завтракать пойдетъ,—замѣтилъ Козырь, приглаживая клочки усовъ.

На утрамбованномъ земляномъ полу между печами спалъ, скорчившись, котельщикъ Лузга. Каждую «заработку» онъ приходилъ сюда отсыпаться съ похмелья.

— Эй, Петька!.. Пётра!..—толкнулъ его Козырь.—Вставай... завтракать ушли...

Лузга мычалъ и отмахивался.

— Вставай!..

— Мм... не хочу... рано...

Тогда подошелъ Сухановъ.

— Лузга, дилехторъ!!

Лузга моментально вскочилъ и, тряся головой, дико озирался по сторонамъ. Коротко остриженные волосы торчали на его головѣ, какъ щетина, грязное лицо съ уныло повисшими рыжими усами имѣло заспанное и испуганное выраженіе. Рваное, вывалянное въ землѣ пальто болталось на его худомъ тѣлѣ, какъ на палкѣ.

Лузга потянулся съ болѣзненнымъ стономъ и ухватился обѣими руками за голову.

— Што? Трещитъ?—участливо обратился къ нему Козырь.

Лузга безнадежно махнулъ рукою. Зубы его стучали.

— Сбѣгай «къ Дашѣ» опохмелись!

— Не дастъ!—хрипло отозвался Лузга.

— Почему такъ?

— Ругался съ ней вчерась...

— Ну, ничего... Съ пьянаго какой взыскъ!

— А сколько время-то теперича, братцы?

— Да ужъ девятый часъ... Слесаря давно пробѣжали...

— Пойду!—рѣшилъ Лузга и, пытаясь напялить на затылокъ жокейскую фуражку, невѣрными шагами засѣменилъ къ выходу...

— Охъ... ноженьки разломило!—пожаловался Сухановъ, присаживаясь опять къ чаю.

— Я говорилъ, попробуй настойку изъ шалфея!—упрекнулъ его Головешкинъ.—Думаешь, вру?

— Пробовалъ!—уныло отмахнулся тотъ.

— Ну... и что жъ?

— Да нѣтъ пользы!.. Пить-то противно... съ души воротитъ, а помощи нѣту...

— Коли противно, значитъ у тебя животъ не въ порядкѣ... А то ничего... я завсегда пью...

— А, по моему, нѣтъ лучше нашатырнаго спирту!—увѣренно вставилъ Козырь.—Тоже карасинъ съ солью хорошо... Протрешь, такъ будто огнемъ жгетъ!.. Здóрово кровь разгоняетъ...

Всѣ они страдали ревматизмомъ, и каждый лѣчился по своему, кромѣ Суханова, который пробовалъ все, но ни на чемъ опредѣленномъ не могъ остановиться... Носовъ же совсѣмъ отрицалъ лѣченье: если ему становилось не въ моготу, онъ лишній разъ забѣгалъ «къ Дашѣ» и выпивалъ хорошій стаканъ...

— Должно быть, къ снѣгу!—рѣшилъ Сухановъ и успокоился. Какъ большинство рабочихъ, онъ не любилъ много говорить о своихъ болѣзняхъ.

— Да, любопытная книжка!—продолжалъ Головешкинъ начатый еще утромъ разговоръ.—Всѣ, слышь, хрестьяне грамотны... по праздникамъ книжки, газеты читаютъ...

— Ну, а живутъ-то какъ?—полюбопытствовалъ Козырь.

— И живутъ, слышь, ничего!.. Безъ нужды живутъ...

— Какъ, говоришь, государство-то называется?

— Да вотъ, слышь, забылъ!.. Марлегія... Мажеребія... какъ-то такъ... Изъ памяти вонъ! Рядомъ со шведами, слышь...

— За Питеромъ, значитъ,—вставилъ Сухановъ своимъ жалобнымъ голоскомъ.

— Гдѣ-жъ за Питеромъ! Што ты, Илья Иванычъ!—укоряюще возразилъ Козырь, ставя кружку съ чаемъ.—За Питеромъ чухны живутъ—это всякій знаетъ...

— Такъ что-жъ! Чухны подъ Питеромъ, а шведы съ энтими, значитъ, дальше... за моремъ... Вѣдь Питеръ-то у шведовъ отняли при Петрѣ!

— За моремъ—это такъ, а не за Питеромъ...

— Все-таки въ той же сторонѣ!—жалобно настаивалъ Сухановъ.

— Это вѣрно!.. Про море тамъ, слышь, сказано... про горы тожъ!—подтвердилъ, прожовывая хлѣбъ, Головешкинъ.

— А то приносилъ какъ-то Семка книжку про американцевъ!—помолчавъ, продолжалъ онъ.—Тоже любопытно... про рабочихъ тамъ разсказывается...

— Ты ужъ говорилъ...

— Рази говорилъ?.. Про рабочихъ-то тамъ хорошо описано... Ни одинъ рабочій, слышь, не можетъ жить безъ кофею и безъ газеты!

— Привыкли...

— Встаетъ, слышь, утромъ, и сейчасъ это ему стаканъ кофею съ молокомъ подаютъ... и «Вѣдомости» передъ нимъ лежатъ!.. прочитаетъ, слышь, а потомъ на работу...

— Стало быть, достатокъ дозволяетъ... да и время есть!..

— Грамота — великая вещь!—глубокомысленно заявилъ Сухановъ.

— Грамота—все!—неожиданно горячо подхватилъ мрачный Носовъ. Голосъ у него былъ густой, какъ труба.

— Кабы мнѣ грамота, я, можетъ, и до сихъ поръ служилъ бы на желѣзной дорогѣ!—прибавилъ онъ.

— Да, безъ грамоты ноньче, какъ безъ глазъ!—согласился и Козырь.—Хотѣлось мнѣ, чтобъ Васька городское училище кончилъ... да нѣтъ—хребетъ не вытерпитъ!.. А надыть бы поучиться ему...

— А я вотъ и не знаю, отдать свою Сашку али нѣтъ?—задумался Головешкинъ.

— Ну, дѣвчонка-то наплевать!.. На што ей грамота: баба и безъ ней проживетъ...

— Знамо, бабѣ грамота, што курицѣ хохолъ...

Головешкинъ завязалъ остатки хлѣба и сахаръ и, убравъ все въ ящикъ, оглянулся на печь.

— Пора, слышь, шуровать!—кивнулъ онъ Козырю.

Длинной кочергою онъ открылъ чугунныя заслонки. Красное пламя ярко освѣтило кочегарку, а тяжелый сумракъ торопливо попрятался въ дальніе углы и подъ крышу, гдѣ едва вырисовывались почернѣвшія стропила.

Козырь поспѣшно допилъ кружку и присоединился къ Головешкину.

Одинъ справа, другой слѣва—они быстро подхватывали толстыя сучковатыя полѣнья и швыряли ихъ въ широко разверстую пасть. Громадное чудовище шипѣло и трещало и, обдавая кочегаровъ ѣдкимъ, злымъ полымемъ, обжигало лицо и руки. Но работавшіе не обращали вниманія и молчаливо, сосредоточено наклонялись, разгибались и взмахивали руками. Слышались только короткіе вздохи, похожіе на кряканье: «ух... ух... ух...»

Въ длинныхъ грязныхъ рубахахъ, съ напряженными, почти звѣрскими лицами, ярко освѣщенные кровавымъ пламенемъ, кочегары казались какими-то подземными духами, справлявшими адскую работу...

— Буде!—остановилъ Козырь и, взявъ тяжелую кочергу, сталъ ровнять дрова въ печи.

Головешкинъ глубоко вздохнулъ, поправилъ спутавшіеся волосы и погладилъ обнаженныя до локтей узловатыя руки: кожа на нихъ была сухая и потрескавшаяся отъ ужаснаго жара...

— Эй, земляки, отворяйте!—послышался стукъ въ окно.

Головешкинъ взобрался на ящикъ, а съ него на дрова и, откинувъ щеколду, растворилъ раму. Вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтомъ въ кочегарку ворвались волны морознаго воздуха и, окутавъ Головешкина клубами бѣлаго пара, пронизали его до костей.

Когда паръ немного разсѣялся, за окномъ сталъ видѣнъ большой возъ дровъ; около него стоялъ мужикъ съ сосульками на усахъ и бородѣ и съ обвязанными платкомъ ушами. Поддѣвая крючкомъ полѣнья, мужикъ сбрасывалъ ихъ внизъ въ кочегарку.

— Петруха!—позвалъ его Головешкинъ:—иди, слышь, погрѣйся... покури!..

— Покуришь тутъ!—сердито отозвался возчикъ.—Вонъ, чортъ пузатый такъ и смотритъ, какъ бы прицѣпиться!..

— Недавно курилъ!—спокойно добавилъ онъ, отъѣзжая.

Подкатилъ второй возъ.

Сухановъ съ Носовымъ стали шуровать свою печь. Носовъ работалъ, какъ автоматъ, ни мало не смущаясь нестерпимымъ жаромъ, Сухановъ же, бросивъ полѣно, отдергивалъ руки и пожимался... Изъ открытаго окна въ спину ему дулъ ледяной вѣтеръ...

Въ кочегаркѣ становилось холоднѣе.

— Поскорѣй, поскорѣй бросай!—торопилъ Головешкинъ возчика, укладывая дрова.—Вишь, холодина какая несетъ!

— Ну, холодно... Привыкли, какъ кроты, въ ямѣ сидѣть... А мы вотъ весь день на морозѣ!

— Это ничего што на морозѣ: по крайности ровно... А тутъ съ одного боку Петровки, а съ другого Рожество!..

III.

Изъ машиннаго отдѣленія, въ противоположной стѣнѣ, открылась дверь, и въ кочегарку вошли, разговаривая, директоръ съ механикомъ.

Директоръ былъ молодой, высокаго роста, съ большими карими глазами и выхоленными черными усами, рѣзко оттѣнявшими блѣдность его лица. На немъ красиво сидѣла коротенькая визитка и ярко бѣлѣлъ стоячій воротничокъ надъ цвѣтнымъ галстухомъ... Механикъ былъ ниже его почти на голову. Его сѣрый пиджакъ замаслился на локтяхъ и у кармановъ, а отложной воротничокъ былъ грязенъ и измятъ.

— Во всякомъ случаѣ, можно попробовать!—говорилъ директоръ, взбивая усы.—И я не понимаю, Павелъ Павловичъ, что вы имѣете противъ этого?

Механикъ усмѣхнулся и погладилъ сѣдѣющую бороду.

— Рѣшительно, ничего! Мое дѣло назначить сюда еще четверыхъ и... я, конечно назначу...

Кочегары поклонились. Директоръ кивнулъ головой, а механикъ дотронулся до шапки.

— Какъ дѣла?—спросилъ онъ, не обращаясь ни къ одному.

— Ничего, Палъ Павлычъ!.. Вотъ только дрова сыроваты што-то стали подвозить...

— Опять, должно быть, у литейной берутъ! Говорилъ приказчику, чтобы отъ больницы возили!.. Ничего не видитъ...

Механикъ выругался и отшвырнулъ ногою валявшуюся щепку.

— А что, Лузга опять пьяный пришелъ?

— Не замѣтили, Палъ Павлычъ... Кажись, нѣтъ!..

Директоръ прошелся вдоль и поперекъ кочегарки и остановился около печей.

— Вотъ что...—обратился онъ къ рабочимъ, вскидывая пенснэ на носъ и нахмурился.

Кочегары выжидательно вытянули головы: директоръ очень рѣдко разговаривалъ съ ними. Механикъ отошелъ въ сторону. Директоръ искоса взглянулъ на него и продолжалъ болѣе рѣшительно:

— Вотъ что, братцы: теперь требуютъ, чтобы работающіе при паровыхъ машинахъ и котлахъ были грамотны... Вы хотя и не имѣете непосредственнаго отношенія къ котламъ, но... все-таки... Вы вотъ, вмѣсто того, чтобы справляться съ манометромъ, топите, какъ Богъ на душу положитъ... А этого нельзя!.. Я знаю, вы хорошіе рабочіе, работаете давно... и увольнять васъ мнѣ не хотѣлось бы...

Онъ остановился, вынулъ платокъ и высморкался. Въ кочегаркѣ пролетѣлъ нѣжный запахъ духовъ и торопливо исчезъ, словно испугавшись, что попалъ въ такое мѣсто.

Кочегары съ напряженными физіономіями недоумѣвающе ожидали: они поняли только, что директоръ недоволенъ ими и грозится разсчитать.

— Вѣдь вы всѣ неграмотные?—быстро спросилъ директоръ.

— Неграмотны, Аркадій Андреичъ... всѣ!—уныло откликнулись кочегары.

— Я вотъ цыфирь малость знаю... такъ, самую малость!—прибавилъ Головешкинъ.

— Гм... цыфирь...—уставился на него директоръ.—Вѣдь ни одинъ изъ васъ не понимаетъ значенія манометра... вотъ этой штуки!—кивнулъ онъ на блистѣвшій у передняго котла приборъ.—А между тѣмъ...

— Это градусникъ-то?—обрадовался Головешкинъ.—Чего тутъ не знать, Аркадій Андреичъ! Мы хорошо знаемъ...

Поддергивая штаны, онъ подбѣжалъ къ манометру.

— Вотъ, коли стрѣлка зайдетъ сюды, значитъ шуровать надыть... А коли сюды перевалится, значитъ...

Механикъ юмористически-одобрительно улыбался.

— Хорошо, хорошо!—прервалъ директоръ,. брезгливо морщась.—Дѣло не въ этомъ... Нужно, чтобы вы были грамотные... Я вотъ что придумалъ. Вы походите эту зиму въ воскресную школу и немножко поучитесь... Хотя читать... Я ужъ говорилъ съ учительницами,—онѣ согласны заниматься съ вами два раза въ недѣлю... по вечерамъ... Чтобы у васъ не отнимать время отдыха, мы поставимъ сюда другихъ работать эти часы...

Кочегары стояли пораженные: они меньше бы удивились, если бы ихъ заставили въ чехарду играть или сейчасъ же прогнали бы съ работы...

— Развѣ самимъ вамъ не хотѣлось бы быть грамотными?—не дождавшись отъ нихъ ни звука, задалъ вопросъ директоръ.—Вѣдь вы учите же своихъ дѣтей, слѣдовательно, признаете пользу грамотности!

— Знамо, грамота... хорошо...

— Само собой...

— Полезно... конешно...—раздались безнадежно-унылыя одобренія.

Одинъ Носовъ молчалъ и, мрачно нахмурясь, почесывалъ подъ мышками.

— Ну, вотъ и отлично,—похвалилъ директоръ.—Вы отправляйтесь завтра, къ четыремъ часамъ, а на работу выходите въ восемь... А тамъ учительница скажетъ, когда приходить... Школа-

то воскресная на Московской улицѣ... рядомъ съ прогимназіей... Впрочемъ, вы, вѣроятно, знаете!—торопливо добавилъ онъ и хотѣлъ уходить.

— Аркадій Андреичъ!—умоляюще обратился къ нему Головешкинъ.

— Ну?

— Я ужъ двадцать пять годовъ тутъ работаю... Справлялся безъ грамоты... нельзя ли...

Директоръ нетерпѣливо повернулся.

— Да вѣдь я ужъ сказалъ, что отъ насъ этого требуютъ!.. И неужели вамъ трудно провести часа два-три въ школѣ?.. Расходовъ у васъ не будетъ: вамъ дадутъ и книжки, и все, что нужно...

— Стыдно, Аркадій Андреичъ: не мальчишки мы!—пояснилъ Козырь.

— Стыдно!? Учиться стыдно, а неграмотными быть не стыдно?!

Директоръ забѣгалъ по кочегаркѣ, свирѣпо крутя усы. Потомъ круто повернулся и побѣжалъ вонъ. Механикъ неторопливо пошелъ за нимъ, усмѣхаясь себѣ въ бороду.

Нѣкоторое время кочегары растерянно молчали.

— Што такое, Боже ты мой!—воскликнулъ Головешкинъ.—Двадцать пять годовъ работалъ... всѣ жилы, слышь, повытянулъ, а теперича учить будутъ!..

— Расчитать хочетъ... предлогъ изыскиваетъ!—сдѣлалъ догадку Козырь.

— Да коли расчитать, такъ ты и расчитай, какъ слѣдуетъ... По-человѣчески!.. А чего надсмѣхаться-то?..

— Съ ума сошелъ, чортъ глазастый!—буркнулъ Посовъ, крутя цыгарку.

— Придется подыскивать работу!—жалобно качалъ головою Сухановъ.—А куды теперя пойдешь... зимой-то!..

— Куды пойдешь...

— Нѣтъ, надобно съ Павелъ Павлычемъ поговорить! Такъ нельзя...

IV.

Въ большой высокой комнатѣ, заставленной длинными столами и скамейками, находилось четыре человѣка. Свѣтъ стѣнной лампы ложился на нѣсколько столовъ, около входа, а въ глубинѣ былъ полумракъ, и тамъ, въ чуть пріоткрытую дверь, виднѣлась еще комната—совсѣмъ темная.

Головешкинъ стоялъ у окна и, тяжко вздыхая, смотрѣлъ на освѣщенныя окна противоположнаго дома. Козырь ходилъ по комнатѣ, оглядываясь на мокрые слѣды отъ своихъ валенокъ, оста-

навливался около черной выпачканной мѣломъ доски, около столовъ, ощупывалъ ихъ рукою и, наклоняясь, заглядывалъ подъ ихъ крышки. Сухановъ сосредоточенно разсматривалъ цвѣтную карту на стѣнѣ и шепталъ что-то про себя. Носовъ сидѣлъ у стола и, какъ всегда мрачный, вертѣлъ «цыгарку».

Со времени прихода сюда они ни словомъ не перемолвились другъ съ другомъ...

Въ сосѣдней комнатѣ, рядомъ съ передней, слышались мелкіе шаги и шелестъ бумаги.

Носовъ черкнулъ сѣрную спичку и закурилъ.

— Здравствуйте, господа!—раздался молодой звонкій голосъ и весело прокатился по пустымъ комнатамъ.

Въ отвѣтъ послышалось нестройное гудѣніе и глухо замерло въ темныхъ углахъ

— Почему вы не раздѣнетесь?.. Вѣдь здѣсь тепло... Ахъ, слушайте,—увидала она дымящаго Носова,—курить здѣсь нельзя!.. Вы если хотите покурить, то выходите на лѣстницу... Фу, какъ надымили махоркой!—она подбѣжала къ темной комнатѣ и широко распахнула двери.

Смущенный Носовъ про себя бормоталъ что-то и усердно затаптывалъ ногою «цыгарку». Всѣ торопливо раздѣлись, но не знали, что дѣлать съ платьемъ: одинъ положилъ на столъ, другой на окно, третій на полъ. Потомъ, словно сговорясь, понесли въ уголъ и бросили въ одну кучу.

— Нѣтъ, господа, зачѣмъ на полъ: у насъ есть вѣшалки... вотъ здѣсь, въ передней!—учительница указала имъ, куда повѣсить.

Торопясь и сталкиваясь другъ съ другомъ, они забрали одежду и понесли ее въ переднюю...

Головешкинъ съ Сухановымъ оказались въ поношенныхъ пиджакахъ, а Козырь въ чистой ситцевой рубахѣ. Волосы ихъ были немножко причесаны. Носовъ пришелъ въ грязной рабочей рубахѣ, а голова его, казалось, была еще больше всклочена.

Учительница смотрѣла на нихъ, высоко поднявъ брови, словно она ожидала встрѣтить ихъ не такими... А они исподлобья, съ дѣтскимъ любопытствомъ, приглядывались къ ней.

Она была тоненькая и худая, ниже средняго роста, съ черными глазами и смуглымъ лицомъ. На ней была черная юбка, голубенькая кофточка и широкій кожаный кушакъ.

— Ну-съ, господа, будемъ учиться... Но прежде я должна записать васъ!

Она раскрыла школьный журналъ и стала по очереди вписывать ихъ, что заняло минутъ десять. Нѣкоторое затрудненіе встрѣтилось только при опредѣленіи возраста Головешкина, который говорилъ, что ему «можетъ 45, а можетъ и болѣ»...

— Это вашъ сынъ ходитъ сюда въ воскресную школу?

— Семка-то?.. Мой...

— Очень способный мальчикъ!

— Ничего... сорванецъ, хоть куды...

— Вотъ вамъ по тетради, по азбукѣ и по карандашу!.. Въ тетрадяхъ вы будете писать, а по азбукѣ повторять дома, что пройдемъ здѣсь...

— Барышня! — просительно заговорилъ Козырь: — нельзя-ль насъ поскорѣй обучить-то... поменьше бы: на што намъ много-то знать! Одна склока...

— [redacted] меньше!—усмѣхнулась она.—Но я и не собираюсь многому учить васъ!.. Мы поучимся пока читать и... немножко писать...

— Вотъ спасибо, барышня!

— Меня зовутъ Марьей Васильевной... А относительно скорости, такъ это отъ васъ будетъ зависѣть: старайтесь, и скорѣе выучитесь!..

— Да ужъ мы-то постараемся!.. Што подѣлаешь... все лучше чѣмъ расчетъ брать...

Учительница удивленно обернулась къ говорившему.

— Развѣ хотятъ увольнять васъ изъ-за этого?.. Я что-то не слыхала...

— Эхъ, што ужъ говорить-то!—съ отчаяніемъ махнулъ рукою Головешкинъ. — Двадцать пять годовъ, слышь, работалъ... можно сказать, всѣ соки выпарила изъ меня печка... И былъ хорошъ!.. А теперь, на-т-ко, за азбуку садись подъ старость... Печку топить—грамота понадобилась!—криво усмѣхнулся онъ.

Остальные уныло вздыхали. Учительница недоумѣвала.

— Я, господа, ничего этого не знаю: Аркадій Андреевичъ просилъ меня заняться съ вами, и я согласилась... Впрочемъ, я еще поговорю съ нимъ... А пока, такъ какъ вы все равно пришли, начнемъ заниматься... Ну, усаживайтесь вотъ хоть за этотъ столъ... здѣсь свѣтлѣе...

Она взяла съ окна ящикъ съ буквами и поставила на сосѣдній столъ.

— Вотъ, господа... Говоримъ мы звуками, а на бумагѣ эти звуки изображаются особыми значками, которые называются буквами... Каждый звукъ имѣетъ свой значокъ... или букву... Такъ, напримѣръ, если я скажу «а», это будетъ звукъ, а если изображу этотъ звукъ значкомъ,—она написала на доскѣ «а», — то это будетъ буква... Впрочемъ, вы все равно не запомните!—какъ бы про себя, скороговоркой прибавила она.

Кочегары смотрѣли на нее, полуоткрывъ рты, и напряженно слѣдили за каждымъ ея движеніемъ.

— Звукъ «а» изображается вотъ такимъ значкомъ—буквой!—она подняла двухвершковую букву и нѣсколько секундъ держала ее, оглядывая сидящихъ.

— Видите! двѣ палочки такъ, а третья поперекъ... Такъ запомните, что это «а»!. Ну, скажите «а»!

— А!.. а!.. а!..—раздалось нѣчто въ родѣ карканья и гулко отозвалось въ темнотѣ сосѣдней комнаты.

Учительница вздрогнула и, подойдя къ двери, притворила ее.

— Ну, такъ, какъ же это произносится?

— Звукъ...

— Не... значокъ, слышь...

— Да, это значокъ, или буква... А произносится-то какъ?

Слышно тяжелое пыхтѣнье.

— «А»!.. Запомните же—«а»!.. Я вотъ сюда поставлю... а вы присмотритесь хорошенько и запомните...

— А теперь раскроемъ книжки... вотъ такъ—на первой страницѣ... и укажите мнѣ здѣсь букву «а»!

Головешкинъ смотрѣлъ въ азбуку и ничего не видалъ: буквы здѣсь были какія-то маленькія и всѣ сливались въ одно...

— А вы?—подошла учительница къ Суханову.

Тотъ наудачу ткнулъ пальцемъ.

— Нѣтъ, это не то... Вы посмотрите хорошенько на эту букву!—указала она на противоположный столъ.—Видите, двѣ палочки идутъ сверху внизъ, а третья поперекъ ихъ...

— Ну, вы найдите «а»!—подошла она къ Носову.

Но тотъ занимался разсматриваніемъ картинки и не слыхалъ, что говорила учительница.

Послѣ продолжительныхъ, но тщетныхъ поисковъ буквы «а», учительница сказала:

— Ну, ничего... когда привыкнете, будете скорѣе находить...

И показала другую букву—«у», заставляя произносить соотвѣтствующій звукъ... Потомъ стала учить сливать звукъ «а» со звукомъ «у». Долго билась она, но въ результатѣ получался лишь какой-то дикій вой! ууу... а... ууу...

Провозившись около часу, она вышла въ «учительскую».

Кочегары сидѣли смущенные, избѣгая смотрѣть другъ на друга. Головешкинъ вытеръ рукавомъ мокрый лобъ, во время работы ему никогда не приходилось такъ потѣть.

— Давайте пока учиться карандашомъ владѣть!—предложила вернувшаяся черезъ нѣсколько минутъ учительница.

Она остановилась, повела носомъ, сморщилась и, быстро пройдя въ сосѣднюю комнату, открыла тамъ форточку.

— Карандашъ нужно держать такъ...—показывала она,—а сидѣть такъ...

Головешкинъ взялъ въ правую руку, похожую скорѣе на лапу крупнаго животнаго, чѣмъ на руку, карандашъ, но, какъ ни прилаживалъ его лѣвою, карандашъ не держался и плясалъ.

Учительница взяла тетрадь.

— Вотъ, видите, здѣсь клѣточки... Вотъ по этимъ клѣточкамъ мы и будемъ... отъ черты до черты... сверху внизъ писать палочки... Это пока... Вотъ смотрите!

Она провела нѣсколько черточекъ.

— Теперь вы!—обратилась она къ Головешкину.

Карандашъ въ рукѣ Головешкина долго плясалъ и вдругъ сдѣлалъ какой-то зигзагъ черезъ всю тетрадь.

— Давайте, я покажу вамъ!

Она наклонилась къ Головешкину и попробовала взять своей бѣленькой ручкой его лапу, но это ей не удалось. Тогда она взяла обѣими руками. Ея ладони ощутили что-то жесткое и шершавое, какъ отлитый, но не отдѣланный чугунъ.

— Вотъ такъ... сверху внизъ...—усиливалась она дать направленіе рукѣ Головешкина.—Надо нажимать!

Головешкинъ нажалъ—карандашъ хрустнулъ. У другихъ тоже послышался трескъ карандашей.

— Вы очень сильно... нужно чуть-чуть нажимать!

Головешкинъ сокрушенно вздохнулъ. Учительница невольно отшатнулась: на нее пахнуло сивухой...

— Непривышны, знаете...—смущенно оправдывался Головешкинъ.—Все болѣ съ полѣномъ... а энто тонко ужъ очень...

— Ну, не полѣномъ же писать!—довольно сердито замѣтила учительница, зачинивая карандаши.

Она стала показывать другимъ, отъ всѣхъ пахло водкой. Она не знала, что каждый изъ нихъ передъ школой зашелъ «къ Дашѣ», чтобы хватить «для храбрости»...

Черезъ нѣкоторое время она сказала:

— Какія, однако, у васъ руки... Вы моете ихъ когда-нибудь?

— Какъ же можно—не мыть!—усмѣхнулся Козырь.

— Што мы нехристи—штоль!—возмутился даже Носовъ.

— Это, барышня, така работа!—объяснилъ Головешкинъ.—Впитывается, слышь... и ножомъ не отскоблишь...

— У васъ очень тяжелая работа?

— Ничего... справляемся!.. Вотъ только грамота теперича...

Учительница вынула изъ-за пояса маленькіе часики.

— Вы бы отпустили насъ, барышня!—взмолились кочегары.—Чай, скоро ужъ на работу...

— Хорошо...—устало согласилась она.—Приходите въ пятницу... въ это же время... Если, конечно, будете учиться!..

— Какъ не учитцы!.. Хошь не хошь, а учись...

Кочегары торопливо одѣвались.

— А это вы возьмите съ собой!—показала учительница на тетради и азбуки.—И каждый разъ приносите сюда...

V.

Плохо давалась грамота Головешкину и его товарищамъ. Къ тому же и занятія-то ихъ ограничивались почти одной школой! Дома учиться они стыдились.

Головешкинъ пользовался каждымъ случаемъ, когда никого не оставалось дома, что, впрочемъ, бывало очень рѣдко. Часто онъ притворялся спящимъ, и когда всѣ уходили, вскакивалъ съ постели и, вытащивъ изъ кармана азбуку, упорно всматривался слезящимися глазками въ буквы и безсмысленно тянулъ: аауу... уураа... А какъ только слышался стукъ въ ворота, онъ моментально убиралъ азбуку и закрывался съ головой...

Онъ лишился сна и аппетита. Иногда, съ просонокъ онъ кричалъ дикимъ голосомъ: ауу!.. и прибавлялъ къ этому крѣпкое словечко. Жена вздыхала и крестилась. Всѣ домашніе обходили этотъ вопросъ молчаніемъ и уже рѣдко заставляли Семку почитать вслухъ, да и то тогда только, когда самого Головешкина не было дома .. На сына Головешкинъ сталъ частенько покрикивать: чего, дескать, все за книжкой торчишь, шелъ бы хоть снѣгъ подмелъ..

Въ кочегаркѣ воцарилось уныніе. Уже не слышалось благодушныхъ разсказовъ Головешкина о томъ, «какъ другіе народы живутъ», да и ни о чемъ не разговаривали, а старались обходиться односложными замѣчаніями... Носовъ дѣлался все мрачнѣе и чаще приходилъ на работу «зарядивши»... Сухановъ намекалъ, что хочетъ проситься въ возчики, но говорилъ объ этомъ такъ жалобно и неувѣренно, что его словамъ никто не придавалъ серьезнаго значенія.

Ихъ смѣнщики первое время стали было подтрунивать надъ «учениками», но скоро замолчали: директоръ и ихъ послалъ въ школу, и они такъ же страдали, какъ и первые...

Къ довершенію, всѣ рабочіе узнали объ ученьи кочегаровъ и при всякомъ удобномъ случаѣ смѣялись надъ ними и дразнили ихъ. Но больше всего донималъ ихъ котельный мальчишка Слизень.

Слизню шелъ семнадцатый годъ, но по виду ему нельзя было дать больше одиннадцати. Шестилѣтнимъ взяли его въ «ученики» въ котельную. И хотя на клинообразной гладко остриженной головѣ и на тѣлѣ Слизня было много доказательствъ усерднаго ученья, но онъ до сихъ поръ оставался «мальчикомъ», ибо по тѣлосложенію своему и по гибкости незамѣнимъ былъ для лазанья въ самыхъ узкихъ котлахъ и трубахъ. Отъ долговременнаго пре-

бываніе во внутренностяхъ котловъ кожа на его лицѣ и рукахъ приняла цвѣтъ накипи...

На Головешкина Слизень имѣлъ «зубъ»: тотъ часто издѣвался надъ его малорослостью, проводя нелестное сравненіе между худымъ деревомъ, растущимъ въ сукъ и въ сторону, и худымъ человѣкомъ...

Когда котельщики собирались въ кочегаркѣ, Слизень усаживался гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и, наклонивъ черную обезьянью рожу съ большими оттянутыми напередъ ушами, ехидно замѣчалъ Головешкину:

— А ты бы, Захаръ Семенычъ, прочиталъ намъ что-нибудь!.. Напримѣръ, про мериканцевъ..

И если это не производило желаннаго впечатлѣнія, начиналъ разсказывать о томъ, какъ въ прошлый урокъ учительница поставила Головешкина на колѣни и велѣла ему цѣлыхъ два часа тянуть «ау»...

— Стоитъ это бѣдный Захаръ Семенычъ на колѣнкахъ и жалостно таково поетъ: «аауу... аауу...»

— Я-а те дамъ, слизь проклятая!—грозился Головешкинъ.

Его товарищи угрюмо молчали.

— А ну-ка, какъ по-мерикански-то!.. Ну-ка, Слизень!—поощряли котельщики.

— А! это когда онъ газеты будетъ читать?—оживленно вскакивалъ Слизень. — Просыпается Захаръ Семенычъ и кричитъ: «Марья, кофею давай!...» Марья торопится, труситъ, какъ разбитая кляча, и сейчасъ подаетъ на подносѣ стаканъ кофею со сливками... Захаръ Семенычъ беретъ газетину и надѣваетъ очки: «посмотримъ, што, слышь, пишутъ про Бѣлую Арапію!...»

Слизень изображалъ все это въ лицахъ. Котельщики, надрываясь, хохотали. Головешкинъ схватывалъ полѣно и пускалъ имъ въ удиравшаго насмѣшника: эти невинныя шутки изводили его больше самого ученья...

Послѣ шестого или седьмого урока, на которомъ кочегары еще продолжали тщетные поиски слова «ау», Носовъ запьянствовалъ и не вышелъ на работу.

Зайдя передъ смѣной «къ Дашѣ», Головешкинъ увидалъ тамъ такую картину:

Пьяный и растрепанный, безъ пальто и безъ шапки, Носовъ порывался куда-то и мрачно гудѣлъ:

— Пусти!.. Я имъ въ морду дамъ!

А передъ нимъ стоялъ Сухановъ и, то прижимая къ груди длинныя цѣпкія руки, то хватая Носова за рубаху, попятываясь, жалобно уговаривалъ:

— Нельзя, Вась!.. голубчикъ... нельзя!.. Въ морду онъ не пойметъ... разъяснить надыть...

Въ углу сидѣли два оборванца и, смѣясь, подзадоривали Носова.

— Пойме-етъ!—хохоталъ одинъ.

— Вали, Носовъ: въ морду—это первое!..

— Разъяснить надоть!—твердилъ Сухановъ.—Мы, молъ, Аркадій Андреичъ, старые люди... мохомъ обросли... песокъ сыплется и грамота не удержится... Намъ, молъ, не грамота надобна, а теплая печка... Вотъ!.. Онъ пойметъ, а въ морду не пойметъ...

Въ низкомъ темномъ кабакѣ было парно и накурено. За грязной стойкой стояла толстая съ широкимъ краснымъ лицомъ кабатчица Даша, а за нею виднѣлись полки съ рядами бутылокъ...

Головешкинъ подошелъ и молча указалъ на одинъ зеленоватый стаканчикъ. Даша нацѣдила изъ почернѣвшаго бочонка.

— Загуляли ваши-то!—густо пустила она, кивнувъ на кочегаровъ.

Головешкинъ покачалъ головою и, проглотивъ ѣдкую влагу, отплюнулся. Онъ хотѣлъ уходить, но его увидалъ Сухановъ и полѣзъ къ нему съ объятіями.

— Захаръ Семенычъ!.. голубчикъ... ты куды?—жалобно затянулъ онъ.—Неужто буки-вѣди разыскивать?.. Плюнь, голубчикъ... выпьемъ!.. Вотъ и Вася здѣсь... Вась! Захаръ Семенычъ пришелъ!..

— Въ морду!—кратко отозвался сидѣвшій на скамейкѣ Носовъ.

— На работу пора!—пытался освободиться отъ Суханова Головешкинъ.

— На работу!—всплеснулъ руками Сухановъ.—Плюнь, голубчикъ... Кака теперича работа!.. теперича прямо—ложись да помирай... Выпьемъ, Захаръ Семенычъ!.. Мы съ Васей къ дилектору идемъ... разъяснить... Онъ говоритъ—въ морду, а я говорю—нѣ-ѣтъ... спервоначалу надыть разъяснить...

Скоро они сидѣли вокругъ бутылки, и Сухановъ съ Головешкинымъ горячо разсуждали...

— А? Дарья Харитоновна!—кричалъ Головешкинъ, поддергивая штаны и подбѣгая къ стойкѣ.—Двадцать пять годовъ, слышь, работалъ... а теперича учить надумали!.. Какъ мальчишку... Ты бы, слышь, прежде училъ!..

— Это вѣрно!—соглашалась кабатчица.—Какъ говоритцы, ровняй дерево смолоду, а подъ старость поздо ровнять...

— Двадцать пять годовъ...

— Полно, голубчикъ!—утѣшалъ его Сухановъ.—Не тревожь сердце... плюнь!.. выпьемъ...

Корридорный сторожъ не замѣтилъ, какъ кочегары прошли въ контору. Носовъ остановился около двери и, опустивъ голову на грудь и громко икая, прислонился къ стѣнѣ. А Головешкинъ съ Сухановымъ колеблющимися шагами, лавируя, прошли мимо удивленныхъ конторщиковъ прямо къ директорскому столу.

— Эт-то что такое!—изумленно воскликнулъ директоръ, вскидывая пенснэ на носъ.

— Это мы... насчетъ... слышь, грамоты...

— Аркадій Андреичъ!.. милый человѣкъ!..—жалобно закатился Сухановъ.—Мы разъяснить... дозволь...

— Двадцать пять... годовъ,—бормоталъ въ то же время Головешкинъ.—А што градусникъ-то... такъ это намъ — тьфу! — онъ энергично плюнулъ вправо—на ноги бухгалтеру.

— Эй, сторожъ!.. Кто ихъ пустилъ?.. Позовите сторожа!—кричалъ весь красный директоръ.

Вбѣжалъ сторожъ и развелъ руками.

— Ты зачѣмъ пьяныхъ пускаешь?!.. Гони ихъ вонъ! въ шею!

Съ большимъ трудомъ, при помощи конторщиковъ, удалось сторожу вывести кочегаровъ.

— Разъяснить!..—жалобно твердилъ Сухановъ.

— Пошелъ! пошелъ!—ругался сторожъ:—ужо тебѣ разъяснятъ... Ахъ, черти полосатые!.. Ахъ, Боже ты мой!..

Въ контору вошелъ механикъ и, уловивъ негодующій взглядъ директора, пожалъ плечами.

— Скажите имъ завтра, чтобъ не ходили больше!—обратился къ нему директоръ. И, выбѣгая изъ конторы, скороговоркой добавилъ:—все равно, и учительницы отказываются...

Выгнанные кочегары опять направились «къ Дашѣ»... Здѣсь и нашла Головешкина его жена, узнавшая отъ кого-то, что мужъ запьянствовалъ... Но, ведя мужа домой, она не его ругала, а тѣхъ, кто заставилъ его учиться.

— Съ жиру бѣсятся!—кричала она. — Заставить бы самихъ поработать... захотѣли-бъ тогда грамоты!..

А Головешкинъ, спотыкаясь и карабкаясь на лѣстницу, бормоталъ:

— Семка!.. ррр...очитай про Маж... Ма... Мажрелюбію... Я-а те прочит-таю!.. я-те шп... по-мерикански...

Черезъ недѣлю все шло обычнымъ порядкомъ. Только Головешкинъ уже не заставлялъ больше Семку читать вслухъ, да Слизень еще долго донималъ его школой.

Ник. Мельницкій.

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

*(Продолженіе *).*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Церковь и духовенство.

Особому разсмотрѣнію подлежитъ вопросъ о церкви, какъ учрежденіи, и духовенствѣ, какъ общественной группѣ. О церкви, какъ религіозномъ ученіи, рѣчь пойдетъ позднѣе, при изученіи психологіи русскаго общества въ древнѣйшій періодъ.

Во времена язычества на Руси не существовало особыхъ отъ гражданской власти религіозныхъ учрежденій: по свидѣтельству «Начальной лѣтописи», языческихъ храмовъ не было, идолы даже при Владимірѣ, наканунѣ принятія христіанства, ставились на холмахъ; въ разсказѣ о томъ, какъ язычники убили двоихъ варяговъ-христіанъ, отца съ сыномъ, за то, что отецъ отказался выдать сына для принесенія въ жертву языческимъ богамъ, нѣтъ ни слова о жрецахъ, — дѣйствуютъ только бояре и народъ; ясно, слѣдовательно, что и жрецовъ, какъ особой корпораціи, какъ отдѣльной общественной группы, также не было. Это и неудивительно въ племенныхъ княжествахъ и при господствѣ семейнаго начала въ гражданскомъ правѣ: каждый глава семейства былъ представителемъ его передъ богами, молился имъ, приносилъ имъ жертвы; князь, стоявшій во главѣ племени, исполнялъ жреческія обязанности какъ представитель всего племеннаго союза. Правда, упоминаются волхвы или кудесники — и не только въ языческое время, но и позднѣе — въ Кіевѣ и на Бѣлоозерѣ въ 1071 году, въ Новгородѣ въ 1074—1078 годахъ и въ Ростовѣ въ 1091 году, — но, какъ видно изъ тѣхъ же лѣтописныхъ разсказовъ, волхвы были гадателями, а не жрецами.

Съ появленіемъ христіанства утверждаются и новыя религіозныя

---

*) См. „Міръ Божій", № 5, май, 1903 г.

учрежденія. Они перенесены были къ намъ изъ Византіи, но утвердились на Руси по той причинѣ, что соотвѣтствовали потребности новопросвѣщаемаго христіанствомъ народа въ особыхъ учителяхъ вѣры, и приняли своеобразный видъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Происхожденіе и организацію этихъ учрежденій мы и должны теперь изслѣдовать.

Первый вопросъ при изученіи этой организаціи—это вопросъ объ отношеніи русской церкви къ византійской и въ частности къ главѣ послѣдней,—константинопольскому патріарху. По каноническому праву, каждая частная церковь должна пользоваться самостоятельностью, автокефальностью. Трудно сказать, такъ ли было сначала съ русской церковью; существуетъ взглядъ, что первоначально было такъ; онъ опирается на то наблюденіе, что монахъ Іаковъ и Несторъ въ своихъ сочиненіяхъ о святыхъ князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ называютъ русскихъ митрополитовъ иногда архіепископами, и въ одномъ спискѣ греческаго сочиненія, написаннаго первымъ русскимъ митрополитомъ Леономъ или Львомъ, значится, что это сочиненіе—Λέοντος ἀρχιεπισκόπου, а архіепископомъ у грековъ назывался *самостоятельный* глава *автокефальной* церкви. Какъ бы то ни было, но эта автокефальность существовала очень недолго: русская церковь скоро подчинилась византійской. Это подчиненіе выражалось въ томъ, что, во-первыхъ, русскій митрополитъ поставлялся константинопольскимъ патріархомъ, притомъ не по каноническому праву, т.-е. не посредствомъ выбора его русскими епископами, подтверждаемаго лишь посвященіемъ отъ патріарха, а путемъ непосредственнаго назначенія патріархомъ; во-вторыхъ, патріархъ имѣлъ право судить и наказывать русскаго митрополита; въ-третьихъ, онъ принималъ апелляцію на судъ митрополита; въ-четвертыхъ, патріархъ могъ изъять отдѣльные русскіе монастыри и церкви изъ вѣдѣнія митрополита и подчинить ихъ непосредственно себѣ.

По нѣкоторымъ позднѣйшимъ, недостовѣрнымъ извѣстіямъ, первымъ русскимъ митрополитомъ былъ Михаилъ, явившійся въ годъ крещенія Руси, т.-е. въ 988 г. Но древнѣйшіе и достовѣрные источники свидѣтельствуютъ, что первымъ митрополитомъ былъ Левъ или Леонъ, прибывшій изъ Греціи лишь въ 991 г. вмѣстѣ съ новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ, такъ что до этого времени митрополита и епископовъ на Руси не было; это подтверждается и прямымъ извѣстіемъ «Начальной лѣтописи», что кіевлянъ въ 988 году крестили только одни «попы», а не архіереи. Митрополиты въ кіевскій періодъ обыкновенно ставились изъ грековъ, и только два раза встрѣчаемъ митрополитовъ изъ русскихъ: въ половинѣ XI вѣка—Иларіона, а 100 лѣтъ спустя—Клима или Климента; въ этомъ, вѣроятно, выразилось стремленіе такихъ князей, какъ Ярославъ и Изяславъ Мстиславичъ, сдѣлать русскую церковь автокефальною. Въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ русскіе

митрополиты жили не въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ, какъ видно изъ заглавія греческаго сочиненія митрополита Леона и изъ извѣстія лѣтописи подъ 1089 годомъ, что «бѣ преже въ Переяславлѣ митрополья»; Ярославъ, построивъ соборъ св. Софіи, перевелъ и митрополію въ Кіевъ.

Епархіи и епископы появились на Руси съ 991 г.; при Владимірѣ Святомъ ихъ было 8, въ XI вѣкѣ прибавилось еще 2, столько же въ XII, такъ что къ концу періода считалось 12 епархій. Епископы не выбирались соборомъ епископовъ подъ предсѣдательствомъ митрополита, а назначались волею и распоряженіемъ князей, что̀ составляетъ одну изъ важныхъ особенностей древнѣйшей русской церкви. Съ 1165 г. епископъ новгородскій получилъ отъ патріарха титулъ архіепископа, что возвысило его среди другихъ русскихъ архіереевъ. Тогда какъ въ Византіи въ то время епископы выбирались безразлично изъ бѣлаго и чернаго духовенства, — у насъ ихъ назначали всегда изъ монаховъ, потому что для епископа нужны образованіе и привычка къ административной дѣятельности, т.-е. принадлежность къ высшему общественному слою, а только черное духовенство пополнялось тогда изъ этого слоя.

Епархіальное управленіе отличалось многими чертами, общими ему съ русскимъ гражданскимъ управленіемъ: какъ при князьяхъ были совѣты изъ бояръ, такъ при епископахъ были клиры изъ священниковъ, дававшіе имъ совѣты по дѣламъ епархіальнаго управленія; какъ у князей были посадники и тіуны-приказчики, такъ и у епископовъ видимъ намѣстниковъ и тіуновъ, главнымъ образомъ, для суда и притомъ часто изъ свѣтскихъ лицъ.

По свидѣтельствамъ митрополита Иларіона и монаха Іакова, монахи появились на Руси еще при Владимірѣ Святомъ, но они жили тогда въ отдѣльныхъ кельяхъ около приходскихъ церквей, первый монастырь — Георгіевскій въ Кіевѣ—былъ построенъ Ярославомъ въ 1037 году. Всѣхъ вообще монастырей было въ кіевской Руси до 70, причемъ лишь немногіе изъ нихъ, какъ Кіево-Печерскій, были результатомъ религіознаго усердія самихъ монаховъ, большинство ихъ были монастыри вотчинные, созданные князьями и боярами съ цѣлью обезпечить себѣ особенныя молитвы монашествующей братіи для достиженія царства небеснаго. Строгій студійскій уставъ, введенный св. Ѳеодосіемъ въ Кіево-Печерскій монастырь съ цѣлью установить строгое общежитіе и нестяжательность, не исполнялся на дѣлѣ не только въ другихъ монастыряхъ, но и въ монастырѣ самого Ѳеодосія.

Переходя отъ очерка внѣшняго устройства церкви, которое, какъ мы видѣли, сложилось почти всецѣло подъ вліяніемъ организаціи свѣтскаго управленія, къ внутреннему ея строю, мы должны остановить свое вниманіе на вопросахъ о церковномъ законодательствѣ и судѣ. Основнымъ памятникомъ церковнаго законодательства былъ въ

кіевской Руси заимствованный изъ Греціи «Номоканонъ» или «Кормчая книга». «Номоканонъ» существовалъ у грековъ въ двухъ редакціяхъ,— неполной патріарха Іоанна Схоластика (VI-го вѣка) и полной—патріарха Фотія (IX-го вѣка). Обѣ редакціи существовали въ древнемъ славянскомъ переводѣ и обращались въ древней Россіи, но изслѣдователи расходятся въ вопросѣ о томъ, которая изъ нихъ находилась въ большемъ употребленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ извѣстной, по крайней мѣрѣ, степени «Номоканонъ» или «Кормчая книга» являлась руководствомъ при рѣшеніи дѣлъ на церковномъ судѣ. Но степень примѣненія нормъ византійскаго каноническаго права въ кіевскій періодъ русской исторіи можетъ быть опредѣлена только на основаніи документовъ чисто-русскаго происхожденія, представляющихъ собою переработку Кормчей примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Такими памятниками многіе изслѣдователи признаютъ, прежде всего, дошедшіе до насъ церковные уставы, приписываемые Владиміру Святому и Ярославу. Но въ обоихъ этихъ уставахъ встрѣчаются выраженія и постановленія, внушающія другимъ изслѣдователямъ сомнѣніе и заставляющія ихъ признавать эти уставы позднѣйшей поддѣлкой. Главнѣйшія несообразности заключаются въ томъ, что уставъ Владиміра возводится къ патріарху Фотію, умершему за 100 лѣтъ до крещенія Руси, что тяжбы о наслѣдствѣ поручены въ немъ вѣдѣнію церковнаго суда, что прямо противорѣчитъ «Русской Правдѣ», а уставъ Ярослава даже поджогъ, опять-таки вопреки «Русской Правдѣ», подчиняетъ церковному суду, что, наконецъ, судъ епископовъ, по обоимъ уставамъ, не похожъ на епископскій судъ по «Номоканону», гораздо шире послѣдняго. Эти возраженія настолько серьезны, что, дѣйствительно, мѣшаютъ признать уставы Владиміра и Ярослава достовѣрными; необыкновенная обширность церковной юрисдикціи по этимъ уставамъ даетъ поводъ подозрѣвать, что они составлены въ позднѣйшее время съ цѣлью оправдать притязанія духовенства на расширеніе своего судебнаго значенія. Правда, сторонники подлинности уставовъ старались по своему объяснить нѣкоторыя изъ указанныхъ сейчасъ несообразностей: говорили, напр., что имя патріарха Фотія значится потому, что онъ былъ виднѣйшимъ изъ греческихъ іерарховъ и при немъ крестилась какая-то Русь, нападавшая на Константинополь, какъ крестились тогда же и другіе славянскіе народы; что епископскій судъ о наслѣдствѣ по уставу св. Владиміра не противорѣчитъ княжескому разбору споровъ изъ-за наслѣдства по «Русской Правдѣ», потому что оба порядка существовали рядомъ, былъ періодъ двоеправія. Но первое объясненіе—о Фотіѣ—поражаетъ сразу своей искусственностью и натянутостью: проще дѣло объясняется невѣжествомъ позднѣйшаго составителя. Что же касается двоеправія въ тяжбахъ о наслѣдствѣ, то порученіе разбора такихъ тяжбъ высшему духовенству, вышедшему при Владимірѣ изъ Греціи и, слѣдовательно, чуждому русскихъ юри-

дическихъ понятій, является невозможнымъ по той причинѣ, что, какъ мы убѣдились въ свое время, наслѣдственное и вообще имущественное право кіевскаго періода отличалось сильнымъ мѣстнымъ колоритомъ, было не чѣмъ инымъ, какъ народнымъ юридическимъ обычаемъ, примѣнять который могли только тѣ, кто его зналъ. Предположеніе о заимствованіи наслѣдственнаго права «Русской Правды» изъ византійскаго законодательства, дѣлаемое нѣкоторыми изслѣдователями, не выдерживаетъ критики при ближайшемъ разсмотрѣніи: напр., понятіе о завѣщаніи, какъ «рядѣ», т.-е. договорѣ всѣхъ членовъ семьи, и невыдѣленность личности, какъ субъекта имущественныхъ правъ, изъ состава семейнаго союза—совершенно чужды византійскому или—что почти тоже—римскому праву. Такимъ образомъ, для того, чтобы судить о пространствѣ церковнаго суда въ древнѣйшей Россіи, мы должны обратиться къ другимъ источникамъ, оставивъ въ сторонѣ недостовѣрные уставы Владиміра и Ярослава. Такихъ источниковъ два: церковный уставъ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича 1135 года и грамота князя Ростислава смоленскому епископу, данная въ 1150 году. Первый изъ этихъ источниковъ—уставъ Всеволода—важенъ, главнымъ образомъ, потому, что указываетъ на обычныя въ то время нарушенія «Кормчей» князьями, на неопредѣленность и колебанія церковной юрисдикціи: князь отмѣчаетъ, что онъ раньше «самъ вѣдалъ» тяжбы дѣтей отъ разныхъ браковъ между собою, и только теперь передаетъ «все то епископу управливати», справившись съ греческимъ «Номоканономъ». Грамота Ростислава точно и ясно намѣчаетъ предѣлы юрисдикціи епископовъ: то были по преимуществу преступленія брачныя или такія, которыя требовали суда не по формѣ, а по совѣсти, и въ языческое время преступленіями не считались. Вотъ ихъ перечень: 1) «роспустъ», 2) двоеженство, 3) кровосмѣсительные браки, 4) насильственное похищеніе дѣвушки (собственно тутъ судили органы свѣтской власти. а епископъ получалъ лишь половину штрафа), 5) волшебство и колдовство и 6) драка между двумя женщинами. Но, кромѣ того, епископы судили по *вотъмъ* преступленіямъ все духовенство и еще такъ называемыхъ *прощениковъ*, т.-е. лицъ, получившихъ чудесное исцѣленіе отъ болѣзни.

Чрезвычайно важное значеніе имѣетъ опредѣленіе отношеній церкви къ государству. Мы видѣли уже только что, какъ часто князья нарушали права церкви и духовенства, въ какомъ подчиненіи находились церковь и духовенство княжеской власти въ кіевскій періодъ: князья вмѣшивались въ дѣла, подсудныя епископамъ, смѣщали, выбирали, даже судили іерарховъ русской церкви. Мало того: они пользовались видными представителями духовенства для своихъ чисто политическихъ цѣлей: въ теченіе всего кіевскаго періода епископы призывались князьями нерѣдко въ боярскую думу для дачи совѣта по

разнымъ государственнымъ дѣламъ, — извѣстенъ, напр., разсказъ о совѣщаніи Владиміра Святого съ епископами по поводу наказанія разбойниковъ; нерѣдко епископы отправлялись въ качествѣ княжескихъ пословъ: такъ, епископъ черниговскій Порфирій въ 1177 и 1187 годахъ былъ посломъ къ Всеволоду III Большое Гнѣздо и ходатайствовалъ передъ нимъ за князей рязанскихъ; примирительная миссія вообще нерѣдко выпадала въ то время на долю представителей русской церковной іерархіи: объ этомъ мы имѣемъ извѣстія, относящіяся, напр., къ 1097, 1127 и 1195 годамъ.

Всѣ эти серьезныя политическія задачи, рѣшеніе которыхъ производилось черезъ посредство духовенства, помимо другихъ соображеній, требовали отъ князей заботы объ обезпеченіи духовенству достаточныхъ средствъ существованія. Однимъ изъ источниковъ этихъ средствъ служило, какъ намъ уже извѣстно, церковное и монастырское землевладѣніе, появившееся въ кіевской Руси. Но помимо этого Владиміръ Святой опредѣлилъ на содержаніе архіереевъ десятину отъ всѣхъ княжескихъ доходовъ,—даней, виръ, продажъ и оброковъ. Позднѣе, какъ видно изъ грамоты Ростислава 1150 года, десятина давалась обыкновенно только отъ однѣхъ даней. Третьимъ источникомъ содержанія архіереевъ и ихъ приближенныхъ, т.-е. лицъ епархіальной администраціи, были подать съ приходскаго духовенства и особый сборъ за поставленіе въ священники. Наконецъ, существовалъ и четвертый источникъ, церковные налоги на населеніе: таковы были, напр., свадебныя пошлины. Что касается рядового приходскаго духовенства, то оно впослѣдствіи получало часть необходимыхъ ему средствъ существованія также отъ населенія, но такъ какъ эти доходы въ началѣ, при большой еще силѣ язычества, не могли быть сколько-нибудь значительны, то княжеская власть и здѣсь приходила на помощь: по лѣтописному извѣстію, записанному подъ 1037 годомъ, Ярославъ назначилъ церквамъ въ городахъ и селахъ «отъ имѣнья своего урокъ».

Таково было положеніе церкви, какъ учрежденія, и духовенства, какъ общественной группы, въ кіевской Руси. Не трудно замѣтить, что это положеніе въ сильнѣйшей степени опредѣлялось политическими задачами времени: къ временамъ Владиміра Святого въ древнѣйшей Россіи исчезли почти всѣ слѣды племенныхъ княжествъ, передъ новымъ государствомъ возникъ цѣлый рядъ небывалыхъ и невѣдомыхъ прежде задачъ; какъ ни слабо было стремленіе къ общему благу и порядку, все-таки оно уже существовало; помочь государству въ осуществленіи вновь возникшихъ цѣлей и должна была церковь. Этимъ объясняется и организація церковнаго управленія, и возникновеніе церковнаго суда, и отношеніе государства къ церкви, и снабженіе духовенства средствами содержанія. Мы видѣли сейчасъ, что и съ точки зрѣнія административной техники церковное управленіе во многомъ походило на свѣтское: среди органовъ его были лица хозяйственно-

административныя,—тіуны, вѣдомство не только подчиненныхъ лицъ, но и высшихъ іерарховъ не всегда отличалось опредѣленностью, постоянствомъ и тѣмъ болѣе самостоятельностью. Въ этомъ сказались тѣ же вліянія, которыя опредѣлили собою природу свѣтскаго управленія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Духовная жизнь древнѣйшаго русскаго общества.

Переходимъ къ изученію самаго труднаго, очень сложнаго и наименѣе разработаннаго отдѣла науки русской исторіи, о духовной жизни древнѣйшаго русскаго общества, о его психологіи. По принятому нами обычаю установимъ прежде всего планъ послѣдующаго изложенія. Современная психологія, изучающая общіе законы духовной жизни человѣка, различаетъ обыкновенно три группы психическихъ явленій: первую группу составляютъ явленія умственныя, вторую чувствованія или эмоціи, третья обнимаетъ волю. Проводя это дѣленіе, психологи оговариваются, что оно имѣетъ лишь относительное значеніе, что въ сущности нѣтъ чисто умственныхъ явленій, чистыхъ чувствованій и тѣмъ болѣе волевыхъ актовъ безъ примѣси элементовъ интеллектуальныхъ и эмоціональныхъ: всякій психическій актъ заключаетъ въ себѣ всѣ три элемента, только не въ равной степени, такъ что, говоря объ опредѣленной группѣ явленій духовной жизни, имѣютъ въ виду собственно лишь тотъ элементъ, который въ ней является господствующимъ. Съ этой оговоркой указанное дѣленіе имѣетъ реальное значеніе. Нельзя при этомъ только забывать, что для того, чтобы понять волевую организацію человѣка, надо выяснить прежде свойства его ума и направленіе его эмоціональной жизни, потому что воля идетъ по направленію равнодѣйствующей этихъ двухъ первыхъ психическихъ силъ. Можно пойти еще дальше и высказать мысль, что, сравнивая между собой явленія умственной жизни и чувствованія, въ большинствѣ случаевъ приходится принять за вѣрное перевѣсъ чувствованій надъ умомъ, бо́льшую силу и напряженность первыхъ сравнительно съ вторымъ. Такимъ образомъ естественный порядокъ изученія духовной жизни отдѣльнаго человѣка таковъ: на первый планъ надо поставить изученіе чувствованій, за ними слѣдуетъ умственная организація и, какъ конечный выводъ, опредѣленіе воли. Удобнѣе всего и при изученіи психологіи общества слѣдовать тому же порядку: сначала познакомиться съ эмоціональной жизнью общества, т.-е. съ его нравами и обычаями, съ религіозными чувствами и настроеніями, съ чувствами эстетическими, выражающимися въ искусствѣ, потомъ съ умственнымъ состояніемъ переходомъ къ которому является изученіе литературы, и характеристикой котораго служитъ просвѣщеніе, наука и кругъ идей, въ которомъ вращается общественная мысль; въ результатѣ долженъ

получиться выводъ о томъ, куда направляется воля общества, выводъ, который соединитъ все предыдущее въ одно органическое цѣлое; какимъ именно образомъ надо подойти къ рѣшенію этого послѣдняго, главнаго, все обобщающаго вопроса, это будетъ ясно тогда, когда будутъ разрѣшены на данномъ конкретномъ матеріалѣ всѣ предыдущія сейчасъ намѣченныя задачи.

Итакъ, первый вопросъ—вопросъ о нравственныхъ чувствованіяхъ русскаго общества въ кіевскій періодъ, о его обычаяхъ, привычкахъ, взглядахъ на право, справедливость и взаимныя отношенія людей между собою. Въ жизни человѣка, близкаго къ природѣ, видную роль играетъ обыкновенно грубый инстинктъ, влекущій къ грубымъ наслажденіямъ. То же наблюдается и въ жизни цѣлаго общества, находящагося на одной изъ первыхъ ступеней развитія. Мы имѣемъ множество извѣстій о крайней распространенности пьянства въ древнѣйшей Россіи: еще Ибнъ-Фодланъ говоритъ о необыкновенно сильной склонности славянъ къ пьянству; преданіе о словахъ, будто бы сказанныхъ Владиміромъ: «Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того жити», не могло бы возникнуть, если бы не имѣло реальной почвы; въ XI-мъ вѣкѣ митрополитъ Іоаннъ въ своемъ «Правилѣ» къ черноризцу Іакову говоритъ: «въ монастыряхъ часто пиры творятъ, созывающе вокупи (т.-е. вмѣстѣ) и жены, и въ тѣхъ пирѣхъ другъ друга преспѣваютъ»; по свидѣтельству св. Ѳеодосія Печерскаго, пьянство доходило до того, что одни ползали на колѣнахъ, другіе валялись въ грязи и навозѣ, ежеминутно готовые испустить духъ; въ церковныхъ обличеніяхъ того времени, напр., въ «Словѣ» новгородскаго архіепископа Иліи, жившаго во второй половинѣ XII-го вѣка, много говорится противъ пьянства. На ряду съ этимъ наблюдается чрезвычайная распущенность и извращенность половыхъ отношеній: намъ уже извѣстно, какъ сильно распространено было сначала многоженство. и какъ часты были кровосмѣсительные браки; преданіе о томъ, что у Владиміра, кромѣ 5-ти законныхъ («водимыхъ») женъ, было 800 наложницъ, конечно, преувеличиваетъ то, что́ было въ дѣйствительности, но остается вѣрнымъ духу времени; раба и наложница были синонимами не только во времена Ибнъ-Фодлана, но и позднѣе, вплоть до XII-го вѣка, какъ то видно изъ пространной «Русской Правды». О двоеженствѣ встрѣчаемъ извѣстіе въ грамотѣ Ростислава 1150 года. Новгородскій епископъ XI-го вѣка Нифонтъ въ своихъ отвѣтахъ Кирику не рѣшается даже требовать отъ молодежи сколько-нибудь продолжительнаго воздержанія передъ причащеніемъ. Въ этихъ же вопросахъ Кирика и отвѣтахъ Нифонта встрѣчается рядъ указаній на самые противоестественные пороки. Высшіе классы общества предаваясь самымъ разнузданнымъ наслажденіямъ, заводили необыкновенно роскошную обстановку: одѣвались въ одежды, украшенныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, носили золотыя гривны на шеѣ, золотые обручи на рукахъ, драгоцѣнные

пояса, заводили серебряную и золотую посуду, дорогіе ковры и скатерти. Въ одномъ изъ церковныхъ поученій XII-го вѣка, такъ называемомъ «Словѣ о богатомъ и убогомъ», находимъ такую картину нравовъ высшаго общества того времени: богатый ходитъ «въ багрѣ и паволокѣ» (въ пурпурѣ и шелкахъ), кони его тучны, иноходи, сѣдла позолочены; когда онъ выходитъ изъ дому, передъ нимъ идутъ и за нимъ слѣдуютъ множество рабовъ въ монистахъ (ожерельяхъ), обручахъ (браслетахъ), золотыхъ гривнахъ и роскошной одеждѣ; во время обѣдовъ на золотой и серебряной посудѣ подаются тетерева, гуси, журавли, рябчики, голуби, куры, зайцы, олени, вепри; пьютъ вина, медъ и квасъ; во время пировъ играютъ на гусляхъ и свирѣляхъ, забавляются шутами и «смѣхословцами» и пляской; спитъ богатый на шелковой постели.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти проявленія худшихъ свойствъ человѣческой природы играли очень видную роль въ жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ кіевскаго періода. Но не слѣдуетъ думать, что имъ принадлежало исключительное значеніе. Прежде всего на ряду съ грубыми инстинктами или низшими эгоистическими чувствами можно наблюдать уже тогда и появленіе высшихъ эгоистическихъ чувствъ, болѣе сложныхъ и не противорѣчащихъ истинно-человѣческому достоинству, а, напротивъ, возвышающихъ и укрѣпляющихъ самосознаніе человѣка, его личность: таковы, напр., честолюбіе и славолюбіе. Владиміръ Мономахъ въ своемъ Поученіи совѣтуетъ хорошо обращаться съ иностранцами и гостями, потому что они разносятъ по свѣту добрую славу о хозяинѣ. Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» горячо высказывается за славу, за молодецкую соколиную охоту, за богатство, за почетъ отъ иностранцевъ, за походы и добычу. Затѣмъ и чисто этическіе чувства и идеалы пріобрѣли уже вѣсъ и значеніе въ глазахъ древнѣйшаго русскаго общества. Прежде всего въ этомъ отношеніи наблюдаются отдѣльныя проявленія аскетизма. Такъ, св. Ѳеодосій, еще дома, будучи въ міру, подвергалъ себя аскетическимъ испытаніямъ: одѣвался въ рубище, работалъ вмѣстѣ съ рабами, носилъ вериги. Ставъ во главѣ монастыря, онъ ввелъ строгій студійскій уставъ, вывезенный имъ изъ Греціи, и неуклонно выполнялъ его. Въ Патерикъ Печерскій занесены сказанія о нѣсколькихъ монахахъ, прославившихся аскетическими подвигами,—о Евстратіи постникѣ, Никонѣ многотерпѣливомъ, Аѳанасіи затворникѣ, преподобномъ князѣ Святошѣ. Изрѣдка попадаются также извѣстія о благотворительности, выражавшейся, разумѣется, главнымъ образомъ въ обыкновенной, неорганизованной раздачѣ милостыни нищимъ, какъ то дѣлалъ, напр., Владиміръ Святой. Правда, св. Ѳеодосій устроилъ было въ Печерскомъ монастырѣ богадѣльню, но она вскорѣ исчезла. Но, можетъ быть, ничто такъ ярко не характеризуетъ нравственнаго состоянія общества, какъ господствующія въ немъ понятія о правѣ и справедливости. На

нихъ мы и должны теперь остановиться, пользуясь драгоцѣннымъ матеріаломъ, доставляемымъ въ этомъ отношеніи «Русской Правдой». Прежде всего надо замѣтить, что Русская Правда совершенно чужда племенной исключительности, чувства національной особности. Она не только не лишала чужеземца или чужака уголовной защиты, не только не относилась къ нему, какъ къ паріи и отверженцу, но и давала ему извѣстныя преимущества, принимая, очевидно, во вниманіе, что онъ слабѣе туземцевъ вооруженъ въ житейской борьбѣ: при обвиненіи въ поклепѣ, т.-е. по подозрѣнію, иностранецъ долженъ былъ выставить для своего оправданія *двоихъ* послуховъ, тогда какъ туземецъ обязанъ былъ представить *семерыхъ*; при искѣ о личномъ оскорбленіи для всѣхъ обязательно было представленіе двухъ свидѣтелей, но для иностранцевъ допускалось исключеніе: за отсутствіемъ свидѣтелей или при недостаточности ихъ числа, иностранцы шли на роту, т.-е. присягали, и это считалось достаточнымъ доказательствомъ справедливости иска, ими предъявленнаго; кредиторъ-чужеземецъ при конкурсѣ имѣлъ преимущество передъ кредиторами-туземцами въ отношеніи удовлетворенія своихъ притязаній къ несостоятельному должнику. Чтоже создало эту терпимость къ иностранцамъ и даже покровительство имъ? Конечно, не отвлеченная идея о человѣчествѣ, какъ единомъ цѣломъ, и о братствѣ людей безъ различія племенъ и національностей. Въ основѣ благосклоннаго отношенія къ иностранцамъ лежали инстинктивныя побужденія, заложенныя самой природой и сохранившіяся въ неприкосновенной чистотѣ благодаря примитивнымъ историческимъ условіямъ. Націи ни въ этнографическомъ, ни въ политическомъ смыслѣ еще не было, народились только первоначальные элементы, необходимые для ея образованія; культурныя отличія народовъ не развитыхъ, не сложившись и не вылившись въ окончательную форму, были весьма незначительны: вотъ основная сила, направлявшая общество кіевской Руси въ его отношеніи къ иностранцамъ.

Отмѣченное выше преобладаніе слѣпыхъ, грубыхъ силъ и инстинктовъ при появленіи вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыхъ чистоэтическихъ началъ всего яснѣе выступаетъ на первый планъ при изученіи понятія о преступленіи въ «Русской Правдѣ». Уже въ краткой Правдѣ понятію о преступленіи не чужды были общественные, этическіе элементы. Это видно прежде всего изъ смысла, какой въ то время имѣла кровная месть: она имѣла несомнѣнное общественное значеніе, такъ какъ была обязанностью, и общество слѣдило за ея выполненіемъ, требуя для ея осуществленія или предварительнаго судебнаго рѣшенія, или послѣдующей санкціи. Другое доказательство существованія общественныхъ элементовъ въ понятіи о преступленіи по краткой «Правдѣ» состоитъ въ томъ, что платы краткаго текста въ количественномъ отношеніи соотвѣтствуютъ позднѣйшимъ вирамъ и продажамъ, слѣдовательно, онѣ соотвѣтствуютъ имъ и въ отношеніи каче

ственномъ, т.-е. тоже платились въ пользу князя, чѣмъ и признается общественное значеніе преступленія. Наконецъ, въ-третьихъ, при Владимірѣ Святомъ, по лѣтописи, князю поступали виры за разбой, а въ краткой «Правдѣ» читаемъ о «поклонѣ *вирномъ*» и о сборѣ *вир*ъ вирниками при Ярославѣ. Еще съ большей увѣренностью можно указать на общественный элементъ понятія о преступленіи въ пространной «Русской Правдѣ». Прежде всего «потокъ и разграбленіе», т.-е. смертная казнь или изгнаніе и конфискація имущества въ пользу князя,— наказаніе чистообщественнаго характера. Затѣмъ виры и продажи поступали князю, какъ представителю общественной власти, что видно и изъ лѣтописнаго извѣстія о сборѣ виръ Владиміромъ Святымъ, и изъ свидѣтельствъ разнаго рода актовъ: грамоты Мстислава 1125 г., гдѣ монастырю св. Георгія князь передаетъ право сбора виръ и продажъ, или устава новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 г., по которому виры и продажи «входятъ въ княжъ дворъ»; наконецъ, изъ самой «Русской Правды», которая прямо говоритъ, что смерды «платятъ *князю* продажю», а холоповъ «*князь* продажею не казнитъ» и т. д. Но констатируя наличность общественнаго элемента въ понятіи о преступленіи по «Русской Правдѣ», нельзя не признать вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ элементъ очень слабымъ. Прежде всего тотъ фактъ, что общественная власть брала деньги съ преступника въ свою пользу, позволяла какъбы откупаться, совершивъ преступное дѣяніе, свидѣтельствуетъ о слабости общественнаго, этическаго элемента въ понятіи преступленія. Не надо притомъ забывать, что штрафъ включаетъ въ себѣ еще ненормальность, состоящую въ реальномъ неравенствѣ кары для различныхъ лицъ: штрафъ платился деньгами, а денежный капиталъ былъ распредѣленъ крайне неравномѣрно, такъ что сумма, которую легко было уплатить одному, оказывалась непосильной тяжестью для другого. Далѣе: слабость общественнаго элемента въ понятіи о преступленіи по «Русской Правдѣ» выступитъ для насъ съ еще большею ясностью, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ Правдѣ понятіе о преступленіи почти исключительно матеріальное: это обида, матеріальный, а не нравственный вредъ. Въ виду этого вполнѣ понятно, что объектомъ преступленія по «Русской Правдѣ» считаются лишь права лицъ физическихъ, что Правда не знаетъ цѣлаго ряда преступленій—противъ государства и общества. Наконецъ, въ субъективной сторонѣ преступнаго дѣянія по Русской Правдѣ замѣтно также сильное смѣшеніе разныхъ началъ: степень участія злой воли преступника различалась, но это различіе не было проведено достаточно глубоко и послѣдовательно. Такъ различалось убійство «въ обиду» или «въ разбоѣ», т.-е. злоумышленное, отъ убійства «въ свадѣ» (ссорѣ) или на пиру, т.-е. въ раздраженіи, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія; за имущественныя преступленія продажа назначается лишь при наличности злого умысла: такъ она платилась лишь въ томъ случаѣ,

если закличутъ на торгу о пропажѣ холопа или покражѣ вещи; при «свадѣ» продажу платилъ лишь дѣйствительно виновный; при неосторожной винѣ, т.-е. отсутствіи злого умысла, и закупъ платилъ лишь часть вознагражденіе; кто «пакощами», т.-е. злонамѣренно, порѣжетъ скотъ, тотъ платитъ продажу; то-же назначается и за *злонамѣренный* отказъ платить долгъ. Но часто Русская Правда «заключаетъ изъ внѣшней обстановки правонарушенія на бытіе субъективнаго элемента, такъ сказать примышляетъ внутреннюю сторону правонарушенія къ наличной внѣшней»: такъ, татемъ считается тотъ, кто не отвелъ отъ себя слѣда; ударъ необнаженнымъ мечемъ или рукояткой всегда признается преступленіемъ и т. д. Степень умысла вообще часто не различалась. Правда знала, напр., сообщничество или соучастіе въ преступленіи, но всѣхъ сообщниковъ наказывала одинаково, не отличая главнаго виновника отъ остальныхъ. Остается отмѣтить, что и въ наказаніяхъ за отдѣльныя преступленія ясно видна слабость чистоэтическаго элемента и первенство понятія о матеріальномъ вредѣ какъ результатѣ преступнаго дѣянія. Извѣстно, напр., что за тяжкое увѣчье, лишавшее человѣка работоспособности, назначалось 10 гривенъ частнаго вознагражденія, а за убійство смерда семья убитаго получала лишь 5 гривенъ: причина этого заключается въ томъ, что, хотя убійство съ нравственной точки зрѣнія является преступленіемъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ увѣчье, но матеріальные интересы семьи при тяжкомъ увѣчьи страдали сильнѣе, чѣмъ при убійствѣ: въ первомъ случаѣ она не только, какъ въ послѣднемъ, лишалась работника, но должна была сверхъ того содержать увѣчнаго.

Предшествующее изложеніе, кажется, въ достаточной степени характеризуетъ нравственное состояніе русскаго общества въ первый періодъ его исторической жизни: это было время сильнаго преобладанія грубыхъ инстинктовъ и элементарныхъ эгоистическихъ чувствъ, время когда болѣе сложные эгоистическіе мотивы и этическія побужденія и цѣли сравнительно очень рѣдко руководили человѣкомъ въ его поведеніи и не вступали притомъ въ органическую связь съ грубыми сторонами человѣческой природы, а примѣшивались къ нимъ чисто механически.

Переходимъ къ характеристикѣ *религіозной жизни* въ кіевской Руси. Языческая религія древнихъ славянъ, подобно религіи другихъ арійцевъ, отличалась двумя главными чертами: во-первыхъ, она была почитаніемъ силъ природы, во-вторыхъ, культомъ предковъ. Почитаніе силъ природы выражалось, прежде всего, въ поклоненіи высшему божеству, Сварогу, богу неба; восточные славяне, правда, уже не поклонялись этому богу, но воспоминаніе о культѣ его сохранилось въ названіи Дажь-бога сыномъ Сварога. Вмѣсто Сварога высшимъ божествомъ у восточныхъ славянъ сталъ Перунъ, богъ грома и молніи, дарующій дождь. Сильно распространено было поклоненіе солнцу какъ

благодѣтельной силѣ природы: какъ податель свѣта солнце почиталось подъ именемъ Дажь-бога, творческая сила солнца олицетворялась въ Хорсѣ; представителемъ лѣтняго солнца и божествомъ веселья и любви былъ Ярило; Волосъ или Велесъ первоначально тоже былъ олицетвореніемъ солнца, его зиждительной силы и лишь впослѣдствіи превратился въ бога скота, имѣвшаго такое важное значеніе въ хозяйственной жизни древнихъ восточныхъ славянъ; остатокъ прежняго значенія Велеса, какъ божества солнца, сказался въ признаніи его источникомъ поэтическаго вдохновенія: вѣщій Боянъ называется въ «Словѣ о полку Игоревѣ» Велесовымъ внукомъ. Туръ, богъ войны, также, вѣроятно, былъ олицетвореніемъ одушевляющей силы солнца. Богомъ воздуха считался Стрибогъ, внуками котораго «Слово о полку Игоревѣ» называетъ вѣтры. Лѣса были населены особыми божествами—лѣшими, воды—русалками. Всѣ сейчасъ перечисленныя божества были олицетвореніемъ благодѣтельныхъ силъ щедрой къ первобытному человѣку природы. Но природа не всегда бываетъ щедра и добра къ этому человѣку,—иногда она оказывается страшной для него. Поэтому на ряду съ добрыми богами почитаются злые или чернобоги. Такими чернобогами были Мара—богиня моровыхъ повѣтрій и Морена—богиня смерти. Но, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ боговъ, олицетворявшихъ силы природы, разсматривались уже и какъ предки людей: такъ, дѣдомъ всѣхъ людей считался Дажь-богъ, потому что солнце—источникъ всякой жизни на землѣ; въ «Словѣ о полку Игоревѣ» читаемъ: «погибаетъ жизнь Дажь-бога внука». Богъ-предокъ, впрочемъ, почитался подъ именемъ Рода или Чура, Щура, т.-е. дѣда. Жены дѣда, которыхъ нѣкоторые изслѣдователи неправильно считали богинями судьбы, назывались рожаницами. По словамъ одной старинной рукописи, поклоненію Роду и рожаницамъ предшествовало почитаніе упырей и берегинь: упырь—мертвецъ, т.-е. тотъ же предокъ, а берегини, очевидно, соотвѣтствуютъ рожаницамъ. Позднѣе, когда задруга или вервь отступила на второй планъ передъ семьей, Родъ превратился въ домового. Къ числу семейныхъ божествъ надо присоединить еще Ладу, богиню согласія и супружеской любви. Язычество русскихъ достигло уже той ступени развитія, когда появляется антропоморфизмъ: извѣстно, что Владиміръ—и, конечно, не онъ первый — поставилъ въ Кіевѣ статуи боговъ, сдѣланныя изъ дерева, но украшенныя золотомъ и серебромъ.

Уже начальный лѣтописецъ указываетъ на существованіе языческихъ праздниковъ — «игрищъ межю селы». Другіе источники позволяютъ намъ съ достаточной полнотой и подробностью возстановить эти праздники, опредѣлить ихъ время и значеніе. Бо́льшая часть этихъ праздниковъ связана съ перемѣнами временъ года и относится къ солнцу. Въ день нашего новаго года праздновался поворотъ солнца на лѣто; этотъ праздникъ носилъ названіе коляды. Второй праздникъ, бывшій въ мартѣ и соотвѣтствовавшій по времени нашей масляницѣ,

былъ посвященъ встрѣчѣ весны. Торжество лѣта праздновалось въ іюнѣ и пріурочивается обыкновенно къ празднику Іоанна Крестителя или Ивана Купалы (24 іюня). Кромѣ этихъ трехъ праздниковъ, посвященныхъ спеціально культу солнца, существовалъ еще рядъ другихъ въ честь иныхъ боговъ: такъ, праздникъ Перуну справлялся въ день перваго дождя или грома, Ярило чествовался въ концѣ апрѣля, Лада на красную горку (въ Ѳомино воскресенье) и въ семикъ (Троицынъ день); праздникъ Волоса совпадаетъ съ днемъ св. Георгія (23 апрѣля).

Богослуженіе языческихъ славянъ, совершавшееся не особыми жрецами, которыхъ не было, а князьями и главами семействъ, отличалось простотой и невыработанностью ритуала. Основной, если не единственной, его частью было жертвоприношеніе: не даромъ въ нашихъ источникахъ употребляются объ этомъ богослуженіи выраженія «класть требу» и «молиться»; слово «молить» первоначально значило «приносить жертву, давать обѣтъ»; поэтому къ глаголу «молить» и прибавлено возвратное мѣстоименіе; «молиться» значитъ «приносить себя въ жертву». Жертвы состояли въ закланіи животныхъ, возліяніяхъ и пр.; иногда, какъ показываетъ разсказъ лѣтописи о смерти двоихъ варяговъ-христіанъ при Владимірѣ, приносились и человѣческія жертвы.

Важное значеніе для изученія языческихъ религіозныхъ вѣрованій каждаго народа имѣетъ знакомство съ существующими у него погребальными обрядами, потому что въ нихъ выражаются обыкновенно представленія о загробной жизни. По археологическимъ даннымъ, славянорусскія могилы языческой эпохи представляютъ собою три типа: курганы съ кострищами, т.-е. съ остатками костра, на которомъ сжигался покойникъ, курганы съ сосудами, въ которыхъ заключенъ прахъ умершаго, сожженнаго не на мѣстѣ насыпки кургана, и курганы съ остатками погребенныхъ, не сожженныхъ покойниковъ. На первый типъ погребенія указываютъ арабъ Ибнъ-Фодланъ, оставившій подробное его описаніе, и грекъ Левъ діаконъ разсказывающій о сожженіи убитыхъ воинами Святослава. Второй—сожженіе на другомъ мѣстѣ, не на мѣстѣ насыпки кургана—засвидѣтельствованъ «Начальной лѣтописью», по словамъ которой «творяху краду («крада»—костеръ; такъ надо читать вмѣсто «кладу») велику и възложатъ на краду мертвѣца и съжигаху и по семъ събравше кости вложаху въ ссудъ малъ и поставляху на столпѣ на путехъ». Слово «столпъ» здѣсь нѣкоторые изслѣдователи понимаютъ въ смыслѣ «кургана, могилы», такъ что мѣсто оказывается вполнѣ соотвѣтствующимъ по значенію результатамъ археологическихъ раскопокъ,—устройству кургановъ безъ кострищъ, но съ урнами заключающими въ себѣ прахъ сожженнаго въ другомъ мѣстѣ мертвеца. Наконецъ, о погребеніи безъ сожженія говоритъ Ибнъ-Даста. Похоронамъ или сожженію предшествовала тризна: лѣтопись свидѣтельствуетъ, что «аще кто умряше, творяху трызну надъ нимь и *по семъ* (т.-е. послѣ этого) творяху краду велику». Тризна состояла въ военныхъ играхъ

и борьбѣ и заканчивалась пиромъ. Но иногда, какъ показываетъ примѣръ Ольги, совершившей тризну надъ могилой Игоря черезъ годъ послѣ смерти его, тризна слѣдовала за погребеніемъ; впрочемъ надо думать, что это объясняется исключительными обстоятельствами смерти Игоря. Всѣ эти типы погребенія, несомнѣнно, указываютъ на вѣрованія въ загробную жизнь. Погребеніе умершаго вытекало изъ убѣжденія, что человѣкъ, зарытый въ землю, уходитъ въ тотъ же міръ въ который спускается солнце при закатѣ. Вѣрованіе въ воздушныя свойства души, соединенное съ вѣрованіемъ въ очистительную силу огня, повело къ сожженію мертвыхъ. Однако загробное существованіе восточные славяне рисовали себѣ въ матеріальной обстановкѣ; по ихъ мнѣнію мертвецу необходимо въ его будущей жизни то же, въ чемъ онъ нуждался на землѣ. Это всего яснѣе видно изъ разсказа Ибнъ Фодлана: по его словамъ, покойника клали на скамью, покрытую коврами, въ лодку, вмѣстѣ съ нимъ клали напитки, мясо, хлѣбъ, плоды, лукъ, зарѣзанныхъ собаку, двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха, курицу, оружіе; наконецъ, вмѣстѣ съ нимъ сжигалась также одна изъ наложницъ, которая должна была быть его женой за гробомъ.

Таковы были религіозныя вѣрованія нашихъ предковъ во времена язычества. Не трудно понять, что по самой своей сущности эти вѣрованія не могли удовлетворить потребностямъ русскаго общества въ X-мъ вѣкѣ: язычество было слишкомъ бѣдно нравственнымъ содержаніемъ, а, между тѣмъ, зарождавшееся государство, разбившее старыя племенныя связи, нуждалось въ новыхъ объединяющихъ и возвышающихъ нравственныхъ вліяніяхъ; язычество, кромѣ того, оставляло въ туманѣ основной вопросъ религіознаго сознанія—о загробной жизни, представляя ее неясно и грубо. Въ томъ и другомъ отношеніяхъ христіанство имѣло несомнѣнныя преимущества, чѣмъ и опредѣлилось его торжество въ X-мъ вѣкѣ, тѣмъ болѣе, что оно далеко не было новостью на Руси: прежде всего очень возможно, что Аскольдъ и Диръ приняли христіанство, потому что, по словамъ патріарха Фотія, русскіе, напавшіе на Константинополь въ 860 г., крестились; затѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что при Игорѣ въ Кіевѣ существовала церковь св. Иліи и были христіане: на это указываетъ договоръ его съ греками; наконецъ, извѣстенъ и вполнѣ достовѣренъ фактъ крещенія Ольги. То преданіе объ этомъ, которое внесено въ «Начальную лѣтопись», не заслуживаетъ довѣрія, потому что, по этому преданію, Ольга крестилась въ Константинополѣ, и воспріемникомъ ея былъ византійскій императоръ, а между тѣмъ, Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи о византійскихъ придворныхъ церемоніяхъ свидѣтельствуетъ, что она прибыла въ Константинополь уже крещеной и имѣла при себѣ священника. Очевидно, Ольга крестилась въ Кіевѣ, гдѣ ей легко было познакомиться съ распространеннымъ тамъ христіанствомъ. Существуютъ, наконецъ, нѣкоторыя, недостаточно, впрочемъ, достовѣрныя, данныя

въ пользу того, что старшій сынъ Святослава, Ярополкъ, былъ расположенъ къ христіанству. Какъ бы то ни было, но ясно, что почва для принятія христіанства были совершенно подготовлена къ временамъ Владиміра.

О томъ, какъ крестился Владиміръ, разсказывается, какъ извѣстно, въ «Начальной лѣтописи» по преданію, причемъ, по собственному показанію древняго лѣтописца, уже въ его время существовали объ этомъ событіи различные разсказы: такъ, нѣкоторые утверждали, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ, другіе, что въ Василевѣ, а третьи считали мѣстомъ крещенія греческій городъ Херсонесъ или Корсунь въ Крыму, близь нынѣшняго Севастополя. Лѣтописецъ считаетъ достовѣрнымъ только это послѣднее преданіе и подробно передаетъ его: сначала къ Владиміру прибыли посольства отъ болгаръ-магометанъ, нѣмцевъ-католиковъ, хозаръ, исповѣдывавшихъ іудейство, и грековъ; ознакомившись съ ихъ вѣроученіями, Владиміръ, по совѣту бояръ и старцевъ градскихъ, отправилъ посольство изъ 10-ти человѣкъ къ болгарамъ, нѣмцамъ и грекамъ; вернувшись, эти послы выразили недовольство магометанскимъ и католическимъ богослуженіемъ и восхищеніе богослуженіемъ грековъ; тогда бояре и старцы посовѣтовали Владиміру принять крещеніе отъ грековъ и сослались при этомъ на примѣръ Ольги; рѣшившись послѣдовать этому совѣту, Владиміръ взялъ греческій городъ Корсунь и потребовалъ у греческихъ императоровъ Василія и Константина руки ихъ сестры Анны, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ о желаніи своемъ креститься; въ Корсунѣ и состоялись крещеніе Владиміра и свадьба его съ царевной Анной. Таково преданіе. Внимательный критическій анализъ его убѣдилъ, однако, изслѣдователей въ полной его недостовѣрности; даже то, что въ немъ есть фактически-вѣрнаго, сильно извращено и представлено не въ томъ видѣ, какъ было въ дѣйствительности. Прежде всего нельзя признать достовѣрнымъ прибытіе миссіонеровъ разныхъ вѣроисповѣданій къ Владиміру, потому что митрополитъ Иларіонъ въ «Словѣ о законѣ и благодати», монахъ Іаковъ въ «Похвалѣ св. Владиміру» и Несторъ въ «Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ» не только не упоминаютъ о миссіонерахъ, но прямо говорятъ, что Владиміръ самъ рѣшился принять христіанство. Затѣмъ, недостовѣрно и посольство отъ Владиміра для испытанія вѣръ на мѣстѣ, потому что, во-первыхъ, не имѣло никакого смысла наблюденіе обрядовъ, а во-вторыхъ, такой выборъ вѣры психологически невозможенъ: религію мѣняютъ лишь тогда, когда сначала повѣрятъ въ истину, несогласную съ старой религіей. Далѣе: страннымъ былъ бы походъ на Корсунь при рѣшеніи креститься отъ грековъ; къ тому же монахъ Іаковъ въ «Похвалѣ св. Владиміру» указываетъ, что походъ на Корсунь случился лишь два года спустя послѣ крещенія Владиміра и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ лишь женитьбу на греческой царевнѣ и приводъ священниковъ для крещенія народа; это согласуется и съ

извѣстіемъ арабскаго лѣтописца Яхъя, по словамъ котораго Владиміръ сначала былъ въ дружбѣ съ византійскимъ императоромъ Василіемъ и помогъ ему во время возстанія противъ него Варды Фоки, но потомъ произошелъ разрывъ, результатомъ котораго и былъ походъ на Корсунь. Наконецъ, греческіе лѣтописцы не говорятъ о крещеніи Владиміра, а говорятъ только о женитьбѣ его на царевнѣ. Итакъ, достовѣрно въ преданіи только слѣдующее: 1) годъ крещенія Владиміра—988, 2) самый фактъ крещенія, 3) фактъ похода на Корсунь, бывшій, однако, позднѣе крещенія Владиміра и имѣвшій послѣдствіемъ женитьбу его на греческой царевнѣ и приводъ священниковъ для крещенія народа. Такимъ образомъ, остается, принявъ во вниманіе эти достовѣрныя данныя, объяснить фактъ крещенія Владиміра, пополняя ихъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Прежде всего нельзя не признать, что Владиміръ съ дѣтства былъ знакомъ съ христіанствомъ и могъ постепенно проникаться его истинами, потому что онъ былъ воспитанъ Ольгой, и изъ пяти его законныхъ женъ четыре были христіанками. Затѣмъ много значило и вліяніе кіевскихъ христіанъ, особенно изъ варяговъ. Это обстоятельство подтверждается и скандинавской сагой о норвежскомъ конунгѣ Олавѣ, сынѣ Тригвіевомъ, который помогалъ Владиміру въ борьбѣ его противъ Ярополка и, крестившись въ Греціи, убѣждалъ и его принять христіанство. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что Владиміръ сдѣлался христіаниномъ безъ всякаго участія грековъ и крестился или въ Кіевѣ, или въ Василевѣ, что подтверждается и свидѣтельствомъ монаха Іакова. Это случилось въ 988 г., а два года спустя, послѣ разрыва съ императоромъ Василіемъ, которому онъ раньше помогалъ, Владиміръ пошелъ на Корсунь, взялъ его, женился на царевнѣ, вывелъ изъ Корсуня священниковъ и крестилъ кіевлянъ въ 990 году. Такъ надо представлять себѣ фактическую сторону дѣла.

Распространеніе христіанства по всей русской землѣ не было дѣломъ одного Владиміра или его ближайшихъ преемниковъ: для этого потребовались усилія нѣсколькихъ поколѣній. Наибольшаго распространенія христіанство достигло при Владимірѣ въ кіевской землѣ и вообще въ южной Руси: есть, напр., извѣстіе, что Владиміръ самъ крестилъ Волынь. Гораздо менѣе податливымъ къ принятію христіанства оказался сѣверъ: въ Новгородѣ пришлось прибѣгнуть даже къ силѣ, которую и употребили въ дѣло тысяцкій Путята и дядя Владиміра, Добрыня, послѣ прибытія въ Новгородъ епископъ Іоакима; сложилась поэтому пословица «Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ»; и при всемъ томъ новгородская земля сдѣлалась христіанской лишь постепенно, въ XI-мъ и даже отчасти XII-мъ вѣкахъ. Первымъ епископамъ ростовскимъ также долго не удавалось распространить христіанство, и къ лучшему дѣло пошло здѣсь только во второй половинѣ XI-го вѣка, при третьемъ епископѣ ростовскомъ св. Леонтіи и при его преемникѣ

св. Исаіи. Въ землѣ вятичей христіанство распространено было только въ половинѣ XII-го вѣка св. Кукшей. Еще въ XI-мъ вѣкѣ митрополитъ Иларіонъ называлъ русскихъ христіанъ «*малымъ* стадомъ Христовымъ». Но дѣло не въ одной только малочисленности христіанъ и въ медленности распространенія христіанства между русскими, дѣло въ томъ, что самое усвоеніе истинъ христіанской религіи шло очень туго, и вновь воспринятыя вѣрованія безпорядочно перемѣшивались со старыми, языческими, въ результатѣ чего появлялось *двоевѣріе*, одно изъ важнѣйшихъ явленій въ религіозной жизни кіевской Руси, указывающее на такую же безпорядочность и неорганизованность духовнаго существованія русскаго народа въ то время, съ какой мы познакомились, изучая хозяйственный бытъ, устройство общества и политическій строй. Народъ, принявъ христіанство, продолжалъ вѣрить въ языческихъ боговъ и справлять языческіе праздники. Въ обличительныхъ словахъ того времени часто говорится о «христіанахъ, двоевѣрно живущихъ»; митрополитъ Іоаннъ въ своемъ «Правилѣ» черноризцу Іакову упоминаетъ о христіанахъ, которые «жрутъ бѣсомъ и болотомъ и кладеземъ»; не разъ появлялись въ XI-мъ вѣкѣ волхвы, смущавшіе народную массу своими гаданіями; языческіе праздники слились съ христіанскими, и свойства языческихъ боговъ стали переноситься на христіанскихъ святыхъ: напр., св. Георгій и св. Власій чтились, какъ покровители скота, подобно Волосу. Наконецъ, вѣра въ злыхъ боговъ, чернобоговъ, сполна перешла въ христіанство, причемъ чернобоги отожествились съ злыми духами, съ діаволомъ.

Итакъ, въ религіозную жизнь русскаго народа, какъ и въ нравственную, были только заложены новыя сѣмена, которыя съ трудомъ прививались къ почвѣ и терялись въ массѣ старыхъ преданій языческой эпохи. Тотъ же выводъ о безпорядочности и слабой организованности едва проникшихъ на Русь новыхъ началъ получается при изученіи *эстетической жизни* древнѣйшаго русскаго общества, при изслѣдованіи исторіи искусства. Остановимся прежде всего на архитектурѣ и притомъ сначала на построеніи каменныхъ зданій. Каменное зодчество въ Россіи не восходитъ къ глубокой древности: оно не старѣе первыхъ лѣтъ послѣ принятія христіанства. Главнымъ предметомъ каменной стройки были церкви. Древнѣйшая каменная церковь—Десятинная въ Кіевѣ—была построена Владиміромъ Святымъ въ періодъ времени между 991 и 996 годами. Вообще каменныя церкви не были тогда частымъ явленіемъ даже въ большихъ городахъ: въ Кіевѣ и Новгородѣ было по 20—25 каменныхъ церквей при громадномъ количествѣ деревянныхъ, особенно домовыхъ церквей — княжескихъ и боярскихъ. Изучая архитектуру русскихъ каменныхъ церквей кіевскаго періода, можно различить два ихъ типа: характернымъ представителемъ одного является соборъ св. Софіи въ Кіевѣ, основанный Ярославомъ въ 1037 г.; другой типъ представленъ Дмитріевскимъ соборомъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, построеннымъ въ концѣ XII-го вѣка.

Софійскій соборъ въ Кіевѣ есть произведеніе чисто византійскаго архитектурнаго стиля и близко подходитъ по типу къ константинопольской церкви Пантократора (т.-е. Вседержителя). «Зданіе построено изъ кирпича, и лишь на высотѣ пояса перваго этажа выполненъ мелкій мраморный карнизъ». Планъ церкви—четыреугольникъ изъ четырехъ столбовъ, на которыхъ покоится главный куполъ. Этотъ планъ свойственъ византійскимъ церквамъ не только X-го и XI-го, но и VI-го вѣка, напр., собору св. Софіи Юстиніана. Куполъ на этомъ послѣднемъ соборѣ, какъ извѣстно, сферическій, прообразующій небесный сводъ. Но въ позднѣйшемъ византійскомъ искусствѣ эта идея утратилась, и куполъ видоизмѣнился, какъ измѣнилось вслѣдъ затѣмъ и число куполовъ или церковныхъ главъ по той причинѣ, что съ утратой первоначальной идеи одного большого сферическаго купола исчезла необходимость въ томъ, чтобы онъ былъ одинъ, и главы стали простыми внѣшними украшеніями храмовъ. Такимъ видоизмѣненнымъ византійскимъ куполомъ позднѣйшаго времени является и куполъ кіевскаго собора св. Софіи: это уже не сферическій въ собственномъ смыслѣ этого слова куполъ, а такъ называемый тамбурный: на столбахъ четыреугольника помѣщенъ барабанъ или тамбуръ, покрытый сферическимъ верхомъ. Таковъ въ общихъ чертахъ первый византійскій типъ церковной архитектуры кіевскаго періода. Мы тщетно стали бы искать здѣсь сколько-нибудь значительныхъ оригинальныхъ русскихъ измѣненій и дополненій. Единственнымъ русскимъ архитектурнымъ мотивомъ является пристройка къ каменнымъ церквамъ башенъ или теремовъ, заимствованная изъ мѣстнаго деревяннаго зодчества. Не слѣдуетъ думать, что это колокольни, потому что хотя у насъ въ кіевскій періодъ, по примѣру запада и вопреки греческимъ обычаямъ, и были колокола, но они были незначительны по вѣсу и размѣрамъ, и спеціальныхъ колоколенъ для нихъ не строилось, а вѣшались они обыкновенно на перекладинѣ, укрѣпленной на двухъ деревянныхъ столбахъ. Эти башни и терема устраивались для лѣстницъ на хоры или «полати» и для церковныхъ ризницъ и кладовыхъ. Случалось, что въ церковныхъ теремахъ погребались умершіе: такъ сохранилось извѣстіе, что въ 1150 году тѣло князя Игоря Ольговича, убитаго въ Кіевѣ, было перенесено въ Черниговъ и похоронено «у святого Спаса въ теремѣ», т.-е. въ башнѣ черниговскаго Спасо-Преображенскаго собора. Впрочемъ не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого оригинальнаго архитектурнаго мотива: церковныя башни или терема были рѣдкимъ явленіемъ и скоро исчезли совершенно, не оставивъ слѣдовъ въ позднѣйшемъ каменномъ зодчествѣ. Другой архитектурный типъ, лучшимъ представителемъ котораго является Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, также мало оригиналенъ, какъ и первый, и можетъ быть названъ если не исключительно, то по преимуществу романскимъ, занесеннымъ въ наше отечество западно-европейскими мастерами. Извѣстно, что Владимірскій Успенскій соборъ, построенный при Андреѣ

Боголюбскомъ, былъ сооруженъ мастерами, пришедшими «изъ всѣхъ земель». Дмитріевскій соборъ былъ только продолженіемъ и завершеніемъ того архитектурнаго стиля, который впервые на Руси нашелъ себѣ выраженіе въ соборѣ Успенскомъ. Правда, и здѣсь сохраненъ былъ чисто византійскій планъ зданія, но отличительной чертой изучаемаго стиля является обиліе внѣшнихъ украшеній: съ внѣшней стороны каждая стѣна собора раздѣлена на три части длинными тонкими колоннами во всю высоту собора; вверху эти колонны соединены арками, такъ что получаются три дугообразныхъ фронтона. На половинѣ высоты церкви устроенъ на каждой стѣнѣ карнизъ, внизъ отъ котораго спускаются небольшія колонки, опирающіяся на кронштейны. Между колонками выѣплены фигуры святыхъ. Такія же лѣпныя фигуры помѣщены и на верхней половинѣ каждой стѣны, выше карниза: ими окружены здѣсь окна собора; только здѣсь мы имѣемъ уже не изображенія святыхъ, а фигуры людей, животныхъ—львовъ, центавровъ, оленей,—птицъ, цвѣтовъ и листьевъ растеній. Такого же романо-византійскаго стиля былъ и дворецъ князя Андрея въ Боголюбовѣ, остатки котораго уцѣлѣли до нашего времени. Вообще каменная архитектура русскаго сѣверо-востока вся сохраняла этотъ типъ, переходомъ отъ котораго къ южно-русскому чисто византійскому служило каменное зодчество въ Новгородѣ. Итакъ, въ архитектурѣ каменныхъ зданій древнѣйшей Россіи не замѣтно почти совсѣмъ мѣстнаго, русскаго творчества: то былъ рядъ иностранныхъ вліяній, путемъ переработки которыхъ въ будущемъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и вкусамъ, въ кіевскій періодъ еще не образовавшимся, должно было возникнуть будущее русское строительное искусство.

Другимъ элементомъ этого будущаго русскаго зодчества служила деревянная архитектура кіевскаго періода. Въ этой области строительнаго искусства христіанская эпоха унаслѣдовала отъ языческихъ временъ нѣкоторыя архитектурныя традиціи, открывавшія просторъ для болѣе свободнаго и самостоятельнаго проявленія художественнаго вкуса. Обиліе лѣсовъ издавна пріучило восточныхъ славянъ пользоваться этимъ матеріаломъ съ строительными цѣлями. Жилища частныхъ людей строились, разумѣется, всегда изъ дерева, и тогда еще выработался типъ русской деревянной избы, дѣлящейся на клѣть, т.-е. не отапливаемое помѣщеніе, и избу въ собственномъ смыслѣ, «истъбу», или «истопку», т.-е. помѣщеніе, снабженное печью для отопленія. Въ разсказѣ о смерти варяговъ-христіанъ при Владимірѣ въ 983 году встрѣчаемъ извѣстія, что народъ передъ убійствомъ варяговъ «подрубилъ сѣни», гдѣ они находились. Эти сѣни — крытое болѣе или менѣе обширное пространство между отдѣльными клѣтями или избами—находились, значитъ, въ верхнемъ этажѣ, на высокихъ столбахъ, какъ то было позднѣе. Слѣдовательно, тогда уже былъ порубъ или подклѣть, т.-е. нижній этажъ, и горница—верхній этажъ. О порубѣ, дѣй-

ствительно, говорится въ XII вѣкѣ, а горенка упоминается въ 1152 году. Такимъ же двухъ-этажнымъ деревяннымъ сооруженіемъ былъ, вѣроятно, и теремъ Ольги, упомянутый въ 945 году, и дворцы князей въ XI и XII вѣкахъ, не считая каменнаго дворца Андрея Боголюбскаго. Масса церквей, появившаяся съ введеніемъ христіанства,— въ Кіевѣ онѣ считались сотнями — была построена изъ дерева. Большинство ихъ представляло собою нехитрыя сооруженія, — обыкновенныя, даже одноэтажныя избы съ деревянными куполами и крестами наверху. Церкви эти строились «о клѣтцѣ» или «клѣтцки», т.-е. также, какъ теперь строятся деревянные дома,—путемъ горизонтальной кладки бревенъ одни на другія клѣткой; но былъ и другой, болѣе примитивный способъ стройки — посредствомъ поставленія бревенъ стоймя. Планъ и куполъ деревянныхъ церквей работались, повидимому, по византійскимъ образцамъ: церкви были квадратныя и съ тамбурными или сферическими куполами. Можно только сказать, что деревянныя церкви нерѣдко имѣли большое количество главъ: такъ, древній новгородскій соборъ, построенный первымъ новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ и сгорѣвшій въ 1045 году, былъ о 13-ти верхахъ. Была ли какая-либо орнаментація, рѣзьба—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, и деревянное строительство открывало лишь нѣкоторыя перспективы на дальнѣйшее образованіе и развитіе русскаго зодчества, но въ изучаемый періодъ не являлось еще сложившейся формой, выражавшей опредѣленный эстетическій вкусъ, потому что такого вкуса еще не было. Элементарныя практическія, утилитарныя соображенія играли еще почти исключительную роль въ области древнѣйшаго русскаго строительнаго искусства. Иностранныя вліянія механически перемѣшивались между собою, плохо объединяясь и не подвергаясь оригинальной переработкѣ.

Живопись въ до-христіанское время совершенно не существовала въ кіевской Руси. Но и послѣ принятія христіанства она появилась лишь въ видѣ иконописанія. Ни въ какой сферѣ древнѣйшаго русскаго искусства вліяніе византійскихъ образцовъ не сказалось такъ сильно, какъ въ иконографіи: можно сказать, что здѣсь это вліяніе господствовало всецѣло, совершенно неограниченно. Сохранилось не мало извѣстій о византійскихъ иконописцахъ въ кіевской Руси; и это можно сказать не только о X-мъ вѣкѣ, когда, при построеніи Десятинной церкви, Владиміръ Святой всѣ иконы вывезъ изъ Корсуни, или объ XI-мъ столѣтіи, когда греческіе иконописцы прибыли въ Кіевъ для украшенія иконами Печерской Лавры, но и о XII-мъ вѣкѣ: именно въ концѣ его въ Новгородѣ иконы часто еще писались греками. Первые русскіе иконописцы — Алимпій Печерскій, о которомъ разсказываетъ «Патерикъ», и суздальскіе мастера конца XII-го столѣтія, обновившіе въ 1194 году церковь Богородицы въ Суздалѣ, несомнѣнно, вышли изъ греческой школы и рабски подражали ея живописнымъ пріемамъ. Греки употребляли два способа изображенія святыхъ въ

церквахъ, — мозаику или мусію, которая привозилась изъ Византіи и вслѣдствіе своей дороговизны примѣнялась въ кіевской Руси рѣдко— она извѣстна только въ четырехъ кіевскихъ церквахъ, Десятинной, Софійской, въ церкви Печерскаго монастыря и, наконецъ, Михайловскаго монастыря, — и фресковую живопись, т.-е. живопись по сухой свѣжей штукатуркѣ водяными красками на клею или на яичномъ бѣлкѣ. И въ отношеніи пріемовъ работы, и въ смыслѣ самыхъ ея художественныхъ результатовъ типической для кіевскаго періода является живопись кіевскаго Софійскаго собора, о которой мы поэтому и скажемъ нѣсколько словъ. Въ основу иконописи этого собора было положено двѣ идеи: во-первыхъ, представить, какъ Божественная Премудрость руководила родомъ человѣческимъ, проводя его черезъ Ветхій и Новый Завѣты къ воплощенію Іисуса Христа и къ искупленію, во-вторыхъ, дать рядъ изображеній заступниковъ и патроновъ церкви въ виду значенія собора какъ митрополичьей церкви, группировавшей около себя нарождавшееся на Руси христіанство. Этой чисто византійской иконописной идеологіи соотвѣтствовали и исключительно византійскіе художественные пріемы и традиціи. Мозаики Кіево-Софійскаго собора, главной изъ которыхъ является мозаическая икона Богородицы Нерушимой Стѣны въ алтарѣ, отличаются пестротой тоновъ массой складокъ на одеждѣ, плоскостью и схематичностью изображеній, неестественностью движеній. Мастеръ «пользуется для своихъ изображеній шаблономъ, передающимъ традиціонный образъ или картинную композицію. Здѣсь все согласно съ преданіемъ, все держится старины, главнымъ образомъ догмата». Больше творчества изслѣдователи наблюдаютъ въ фрескахъ Софійскаго собора, но и фрески во многомъ условны: вездѣ повторяются однѣ и тѣ же черты—круглое лицо, широко открытые глаза, прямой правильный носъ, полныя губы. Однимъ словомъ, полное и безраздѣльное господство византійскихъ традицій.

Гораздо больше историческихъ корней въ языческомъ прошломъ имѣли музыка и пѣніе. Уже Ибнъ-Фодланъ сохранилъ намъ извѣстіе, что при похоронахъ съ умершимъ клали лютню. Въ 1015 году, по разсказу житія св. Ѳеодосія, при дворѣ князя Святослава на пиру играли на гусляхъ. Трубы и бубны были въ войскѣ Юрія Долгорукаго въ XII-мъ вѣкѣ. Раньше, когда у насъ шла рѣчь о нравахъ въ древнѣйшей Россіи, былъ приведенъ текстъ, указывающій на обычай игры на гусляхъ и свирѣляхъ во время обѣдовъ у богатыхъ людей. Наконецъ, по «Слову о полку Игоревѣ», Баянъ вѣщій былъ великимъ пѣвцомъ и музыкантомъ. Эта свѣтская музыка носила впрочемъ, несомнѣнно, очень первобытный характеръ, и говорить на основаніи приведенныхъ данныхъ объ эстетическомъ развитіи нашихъ отдаленныхъ предковъ, конечно, не приходится. Еще меньше значенія съ точки зрѣнія эстетической имѣетъ церковное пѣніе кіевскаго періода: въ немъ уже совершенно не было національно русскихъ элементовъ, какого-либо мѣст-

наго колорита; оно было принесено изъ Болгаріи пѣвчими или «демественниками», выписанными Владимиромъ Святымъ, и изъ Греціи тѣми византійскими пѣвчими, которые прибыли съ царевной Анной. Греки и насаждаютъ въ кіевской Руси «изрядное осмогласіе», т.-е. систему восьми греческихъ гласовъ или напѣвовъ. Если въ XI-мъ и XII-мъ вѣкахъ и были какія-либо попытки русскаго церковнаго композиторства, то онѣ во всякомъ случаѣ не выходили изъ предѣловъ рабскаго подражанія византійскимъ образцамъ.

Для того, чтобы точно опредѣлить уровень эстетическаго развитія древнѣйшаго русскаго общества, необходимо познакомиться еще съ исторіей изящной литературы или поэзіи въ кіевскій періодъ. Но такъ какъ, изучая литературу, мы вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно знакомимся также съ умственнымъ состояніемъ общества, съ кругомъ идей, ему доступныхъ, и съ уровнемъ просвѣщенія, то удобнѣе не отдѣлять исторіи поэзіи отъ исторіи литературы вообще и отъ исторіи просвѣщенія и умственнаго развитія.

Начало письменности у славянскихъ народовъ относится, несомнѣнно, къ очень древнему времени, къ эпохѣ, послѣдовавшей довольно скоро за разселеніемъ славянъ изъ прикарпатскаго края. По свидѣтельству болгарскаго писателя X-го вѣка, черноризца Храбра, славяне писали сначала «чертами и рѣзами», а затѣмъ пользовались греческимъ и латинскимъ алфавитами для изображенія звуковъ славянской рѣчи. Св. Кириллъ, надо думать, воспользовался этой совершенной до него продолжительной, вѣковой работой, чтобы усовершенствовать славянскую азбуку и переводомъ Священнаго Писанія на славянскій (болгарскій) языкъ положить прочную основу славянской письменности. Но все, сейчасъ сказанное, относится только къ западнымъ и южнымъ славянамъ, а не къ восточнымъ: восточные славяне долго не знали письменности и, несомнѣнно, заимствовали азбуку изъ Болгаріи. Это видно изъ того, что первыми памятниками письменности на Руси были договоры Олега и Игоря съ греками, договоры эти — несомнѣнный переводъ съ греческаго: по мнѣнію лингвистовъ, выраженіе «равно другого свѣщанья», которымъ начинаются договоры, значитъ «ἴσον τοῦ πρωτοτύπου, т.-е. «точный переводъ (или копія) съ подлинника», и, наконецъ, переводъ этотъ сдѣланъ съ массою болгаризмовъ. Если бы была своя азбука и письменность у восточныхъ славянъ, то незачѣмъ было бы прибѣгать къ такому посредству болгаръ. Но въ языческое время письменность, вѣроятно, и ограничивалась одними текстами договоровъ, потому что тогда не было даже и зачатковъ просвѣщенія или хотя бы самаго элементарнаго образованія.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАТЬ И ДОЧЬ.

Романъ

Часть I.

(*Продолженіе* *).

V.

Другія причины мѣшали спать Людмилѣ. Улегшись въ постель и погасивъ свѣтъ, она долго не могла отдѣлаться отъ этого новаго ощущенія своей преступности противъ матери.

Дверь въ спальню Ирины Васильевны была полупритворена и Людмила слышала, какъ мать укладывалась въ постель, какъ она поправляла подушки и ворочалась, и слухъ ея, помимо ея воли, напрягался, ей все казалось, что мать еще что-нибудь скажетъ ей.

Но Ирина Васильевна не сказала ни слова, и, наконецъ, Людмила убѣдилась, что ожидать этого не слѣдуетъ. Очевидно, она считаетъ ее уснувшей.

И вотъ ею съ новой силой овладѣваетъ это ужасное чувство: точно между этими двумя комнатами была протянута крѣпкая нить, которая связывала ихъ, и эту нить сегодня кто-то разрубилъ.

Никогда прежде не могло бы случиться этого, чтобы она радовалась тѣмъ минутамъ, когда мать не наблюдала за нею и чтобы затѣмъ она, будучи переполнена новыми и важными мыслями, не подѣлилась ими съ матерью.

Не помнитъ она, чтобы былъ хоть одинъ такой часъ, когда она была безъ матери. Во время ея болѣзни мать не отходила отъ нея, когда же Ирина Васильевна сама бывала нездорова, она не отпускала отъ себя дѣвочку.

Она никогда такъ не думала, потому что у нея не возникало подобныхъ вопросовъ; но если бы подумала, то затруднилась бы отдѣлить свое существо отъ существа своей матери. Казалось, что это было одно существованіе. И вотъ настаетъ время, когда

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май, 1903 г.

эта «слитность» начинаетъ какъ бы тяготить ее, являются моменты и настроенія, когда она стала мыслить и чувствовать по своему, а, наконецъ, пришелъ и такой моментъ, когда она даже не нашла въ себѣ силы открыть передъ матерью свою душу или, лучше, нашла въ себѣ силы не открыть ее.

Она помнитъ себя съ пятилѣтняго возраста. Всякій, кто приходилъ въ домъ, засматривался на нее и непремѣнно ласкалъ ее. А въ маленькой душѣ вмѣщался неисчерпаемый источникъ теплоты и довѣрчивости. Дѣвочка довѣряла себя всѣмъ, она не дѣлала разницы между людьми, между своими и чужими, охотно шла ко всѣмъ на руки и принимала ласки.

Но смутно помнитъ она, что всякій разъ, когда это случалось, мать осторожно брала ее за руку и, если ей самой нужно было оставаться здѣсь, держала ее у себя на колѣняхъ, нѣжно гладя ея волосы. Но если это были люди ей не нужные, она уводила дѣвочку въ свою комнату и говорила ей:

— Это чужіе, всѣ люди чужіе для тебя, кромѣ твоей мамы.. ты не должна идти къ нимъ, ты не должна принимать отъ нихъ ласки...

— Мамочка, онъ добрый, онъ такой хорошій,—возражала дѣвочка, если кто-нибудь особенно нравился ей.

— Милая моя дѣтка, ты еще мала, ты ничего не понимаешь. Когда вырастешь, узнаешь, что добрыхъ и хорошихъ людей нѣтъ, всѣ злые и дрянные. Никому довѣряться нельзя, никого любить не слѣдуетъ...

Эти рѣчи сперва звучали въ ея ушахъ, какъ слова чужого языка, но съ каждымъ годомъ становились для нея яснѣе, да и сама Ирина Васильевна высказывалась ярче и пространнѣе по мѣрѣ того, какъ дѣвочка вырастала. Но безсмѣнно она говорила ей все то же, всѣ ея отзывы о людяхъ сводились къ одному: люди—самыя дрянныя существа, ихъ не стоитъ ни любить, ни жалѣть. Если иные изъ нихъ чисты и красивы извнѣ, то внутри у нихъ грязь и мерзость.

Въ это далекое время Людмила, конечно, не умѣла еще наблюдать, да и самъ Модестъ Петровичъ не вызрѣлъ еще въ тотъ опредѣленный типъ, въ какой превратился впослѣдствіи. Онъ никогда не обнаруживалъ особенной нѣжности къ дѣвочкѣ, но и не былъ съ нею суровъ. Случалось даже, что онъ иногда расщедривался и приносилъ ей какія-нибудь дешевыя сласти или грошовую игрушку. Дорогія покупки онъ вообще признавалъ баловствомъ и развратомъ. Онъ говорилъ, что «дѣти бѣдняковъ играютъ камнями и костями, которые находятъ на улицѣ». Это были вѣчные мотивы его разсчетливости.

Но мягкое сердце дѣвочки цѣнило и эти немногія проявленія

любезности, когда онъ ей дѣлалъ ихъ, и маленькія ручонки ея довѣрчиво и благодарно простирались къ нему.

Суровымъ взглядомъ тогда окатывала ее Ирина Васильевна, схватывала за руку и уводила прочь.

— Папа добрый, папа хорошій,—протестующе щебетала дѣвочка.

— Онъ такой же, какъ всѣ... и для тебя онъ то же, что всѣ,— сурово говорила ей Ирина Васильевна.—Никого не надо любить, моя дѣвочка, никого... Всѣ одинаково злы, и никто не стоитъ нашей любви.

Все ея дѣтство было окружено атмосферой этихъ понятій, а она обожала свою мать и не смѣла думать иначе. Въ дѣтствѣ она думала, какъ мать. Когда ей было лѣтъ десять, она уже твердо усвоила все «ученіе» Ирины Васильевны. Она на всѣхъ, кто бывалъ у нихъ въ домѣ, и на тѣхъ, кого она случайно встрѣчала на улицѣ, смотрѣла, какъ на враговъ, которые только желали и могли сдѣлать ей зло. Она не дичилась людей, а какъ бы не удостоивала ихъ своей близости и сторонилась ихъ. Она умѣла прижиматься только къ своей матери, въ которую вѣрила и которая была для нея всѣмъ.

А Ирина Васильевна была для нея все не только на словахъ. Она, дѣйствительно, глубоко вникала въ каждую мелочь ея существованія и старалась обставить ее какъ только можно было лучше при своихъ условіяхъ.

За нее она постоянно сражалась съ Модестомъ Петровичемъ, который съ каждымъ годомъ становился все скареднѣе. Кромѣ того, Людмила своимъ холоднымъ отношеніемъ къ нему вызвала въ немъ сперва равнодушіе, а потомъ и вражду. Она была ему непріятна, она однимъ своимъ существованіемъ заставляла его вспоминать то время, когда онъ унижался передъ Ириной Васильевной, вымаливалъ у нея благосклонность, а она отдала эту благосклонность другому, и о томъ, когда слѣпая любовь заставила его дойти до послѣдняго униженія—жениться на женщинѣ, которая его презирала.

И каждый рубль, который требовала отъ него Ирина Васильевна для дочери, онъ, прежде чѣмъ выдать его, крѣпко зажималъ въ рукѣ, и только ея страшная настойчивость и его боязнь безпорядка въ домѣ заставляли его, въ концѣ концовъ, уступать.

Трудная борьба была съ нимъ, когда наступило время отдать Людмилу въ гимназію. Ирина Васильевна рѣшила отдать ее въ частную гимназію, гдѣ и учатъ лучше, и нравы мягче. Но тамъ полагалась значительная плата, поэтому Модестъ Петровичъ былъ противъ, онъ стоялъ за казенную гимназію, и понадобились мѣсяцы, чтобы вырвать у него согласіе.

Въ гимназію Людмила вступила съ душой, уже вполнѣ отражавшей взгляды Ирины Васильевны. На подругъ она смотрѣла съ недовѣріемъ, каждую подозрѣвая въ томъ, что она всегда готова сдѣлать ей зло. За все время ученія въ гимназіи она сошлась только съ одной дѣвочкой—Любочкой Костровой, да и то потому, что Кострова такъ же недовѣрчиво относилась къ подругамъ, какъ и она. Остальнымъ не вѣрила и гордо отстраняла ихъ отъ себя.

А по мѣрѣ того, какъ она подрастала и ея умственный кругозоръ расширялся, раздвигалась и атмосфера, которою окружила ее Ирина Васильевна. Она раздвигалась, но не измѣнялась по своему составу.

Ирина Васильевна завладѣла всѣмъ. Она выбирала для нея знакомыхъ, развлеченія и книги. Она поставила себѣ задачей осторожно раскрывать передъ нею жизнь съ самыхъ дурныхъ ея сторонъ, чтобы потомъ не было обмана. Поэтому въ четырнадцать лѣтъ она возила Людмилу въ театры на не слишкомъ цѣломудренныя пьесы, гдѣ порокъ выставлялся во всей его наготѣ, поэтому въ томъ же возрастѣ она читала книги, въ которыхъ ярко описывались дурныя страсти, поэтому при ней свободно говорили о подлостяхъ и мерзостяхъ, которыя дѣлали ихъ знакомые.

Мало-по-малу Людмила узнавала все, жизнь не прикрывалась передъ нею завѣсой. Модестъ Петровичъ, принимая тонъ строгаго моралиста, возмущался этимъ.

— Вы умышленно развращаете дѣвочку,—говорилъ онъ Иринѣ Васильевнѣ.

— Неправда, вы, мужчины, лицемѣрно возмущаетесь этимъ и говорите такъ потому, что дѣвушку, воспитанную въ правдѣ, вамъ потомъ труднѣе будетъ развратить... Вы нарочно воспитываете ихъ въ лжи, увѣряете ихъ, что жизнь прекрасна и люди—добрые ангелы, для того, чтобы потомъ, подъ видомъ добрыхъ ангеловъ, ближе подойти къ нимъ, взять отъ нихъ то, что составляетъ цѣль вашего пошлаго бытія, обмануть и уйти... Женщина, вступая въ жизнь, въ сущности вступаетъ въ бой съ мужчиной. Но мужчина знаетъ все, а женщина заблуждается. Нѣтъ, надо, чтобы шансы ихъ были равные. Женщина тоже должна знать жизнь со всѣхъ сторонъ. Она не должна заблуждаться.

— Но, однако, вы этого не доведете до конца и остановите вашу дочь тамъ, гдѣ не останавливаются мужчины,—ѣдко возражалъ Модестъ Петровичъ.

— О, въ этомъ нѣтъ надобности... Она сама остановится, потому что она женщина и, значитъ, чиста до тѣхъ поръ, разумѣется, пока вы ее не развратили.

Такъ шло образованіе міросозерцанія Людмилы. Но на ряду

съ этимъ постоянно возникалъ и цѣлый рядъ другихъ вопросовъ и незамѣтно вырабатывались въ ея головѣ другія понятія.

Модестъ Петровичъ Балясовъ дѣлалъ карьеру усердно. Ему везло. Онъ умѣлъ нравиться начальству, съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ. Его природныя способности помогали ему въ этомъ. Укрѣпившись на вліятельномъ мѣстѣ, отъ котораго зависѣли милліонные подряды, онъ чрезвычайно ловко устраивалъ свои дѣла. Жизнь его протекала весело. Не было почти дня, когда бы онъ не велъ «частные переговоры» съ «искателями». Его возили въ дорогіе рестораны, угощали тонкими обѣдами, заливали дорогимъ виномъ и увеселяли гдѣ-нибудь за городомъ цыганками и другихъ національностей женщинами.

Но эти предварительные переговоры всегда завершались какимъ-нибудь даромъ, въ видѣ ли откровенныхъ банковыхъ билетовъ, или какихъ-нибудь маскирующихъ паевъ, которые самъ же владѣлецъ «искатель»—тутъ же у него покупалъ, и все это были цифры не шуточныя, дававшіе возможность его вкладу въ банкѣ быстро увеличиваться.

Въ послѣдніе годы, когда онъ достигъ статскаго совѣтника и сдѣлался уже вполнѣ вліятельнымъ, онъ разъѣлся, распился, а главное, у него проявилось какое-то почти болѣзненное сластолюбіе, которому онъ давалъ волю, предоставляя его оплачивать «искателямъ», и все это оставляло слѣдъ на его наружности, прежде довольно приличной и даже привлекательной.

Но это не мѣшало ему, на службѣ носившему вицъ-мундиръ, въ частной жизни придерживаться манеръ, усвоенныхъ въ былое время студенчества. Казалось, этотъ человѣкъ ни за что не хотѣлъ уступить своего демократизма, и это проявлялось въ томъ, что онъ цѣпко держался за косоворотую ситцевую рубаху, которую носилъ на выпускъ, покрывая ее грязнымъ заношеннымъ пиджакомъ, пускалъ въ разговорѣ грубыя «народныя словечки», плевалъ на полъ, курилъ плохой и дешевый табакъ и держалъ въ своемъ шкафу и на полкѣ книги, изъ которыхъ нѣкогда почерпалъ цѣлыя страницы умныхъ и благородныхъ словъ.

Его ссылки на то, что «народъ ходитъ въ лаптяхъ и ѣстъ мякину», въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него требовали какой-нибудь траты, сдѣлались трюизмами, ихъ уже можно было предвидѣть.

Онъ любилъ всячески зазывать къ себѣ молодыхъ людей изъ учащихся въ университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ такихъ случаяхъ въ домѣ раздавался его сиплый, но назойливо громкій теноркъ, проповѣдывавшій самыя рискованныя вещи...

Для Ирины Васильевны все это давало поводъ высказываться рѣзко и опредѣленно. Она никогда не спорила, потому что не

признавала возраженій. Она не требовала, чтобы съ нею соглашались, ей было рѣшительно все равно, какъ подумаютъ другіе. Она говорила только для Людмилы, которая это понимала.

Модестъ Петровичъ объяснялся въ любви къ молодежи, говорилъ, что она одна хранитъ чистые идеалы правды. Онъ проливалъ слезы по адресу «народа, который погибаетъ отъ невѣжества и недостатковъ», онъ цитировалъ стихи Некрасова, цѣлыя страницы изъ Герцена, изъ Добролюбова, изъ всѣхъ тѣхъ книгъ, изъ которыхъ онъ когда-то почерпнулъ весь свой умственный багажъ...

А Ирина Васильевна говорила:

— Да, молодежь хранитъ идеалы, пока они ей не помѣшаютъ устраиваться. Собственно даже не молодежь ихъ хранитъ, а студенческій мундиръ, къ которому они пришиты, а вмѣстѣ съ мундиромъ они скидываютъ и идеалы. Снявъ студенческій мундиръ, они надѣваютъ чиновничій, инженерный, докторскій, какой хотятъ, и вмѣстѣ съ нимъ принимаютъ другіе идеалы и начинаютъ устраиваться, дѣлать карьеру, прислуживаться, лицемѣрить, взятки брать и копить деньги... А народъ, онъ, дѣйствительно, гибнетъ отъ невѣжества и недостатковъ, но, право же, если бы онъ, этотъ народъ, стоилъ чего нибудь, то и не гибнулъ бы... Всякій достоинъ своей судьбы, а о народѣ у насъ вздыхаютъ и плачутъ уже тридцать лѣтъ, эти вздохи и слезы одно поколѣніе передаетъ другому, а народу отъ этого стало не только не лучше, а даже хуже... Всѣ, въ концѣ концовъ, думаютъ только о себѣ, устраиваютъ только свою судьбу, да такъ, видно, и надо; но тогда говорите ужъ прямо, что такъ надо, и вы такъ дѣлаете...

Она въ такихъ случахъ говорила много и была краснорѣчива и всѣ ея рѣчи были облиты злобой. Людмилу подавлялъ ея тонъ, рѣзкій, авторитетный, не допускавшій и мысли о возраженіи. Иногда въ ея душѣ смутно мелькало ощущеніе какъ бы совершающейся передъ нею несправедливости, въ головѣ намѣчались неясныя мысли, но она чувствовала себя такой маленькой и незначительной передъ матерью, притомъ же она такъ привыкла довѣрять себя ей и мыслить не своей, а ея головой, что все это замолкало въ ней и не проявлялось.

И вырастала она съ опредѣленнымъ и несокрушимымъ убѣжденіемъ, что жить надо только для себя, что для этого всѣ пути хороши, что любовь, это—слабость, а идеалы добра, это—коньки, на которыхъ умные и хитрые люди выѣзжаютъ, куда имъ надо...

Ирина Васильевна смотрѣла на свою дочь и любовалась тѣмъ, какъ она хорошо «вооружила ее для жизни».

«Я вѣрила во многое изъ того, противъ чего теперь борюсь. я вѣрила почти во все,—говорила она себѣ,—и была обманута.

Она не вѣритъ ни во что, и потому ее не обманутъ. Если я сегодня умру, завтра она можетъ вступить въ жизнь и идти одна безъ посторонней помощи».

Такъ думала Ирина Васильевна, но она ничего не знала о тѣхъ смутныхъ ощущеніяхъ и неясныхъ мысляхъ, которыя иногда поднимались въ душѣ Людмилы и, подавляемыя ея авторитетомъ, замолкали.

При этомъ она совсѣмъ обходила вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится ея дочь къ Модесту Петровичу. Боялась ли она прикоснуться къ этому больному мѣсту или считала это неважнымъ, но никогда ей не приходило въ голову пойти навстрѣчу тѣмъ сомнѣніямъ, какія могли возникнуть въ душѣ Людмилы.

А между тѣмъ Людмила была наблюдательна. Эту наблюдательность развила въ ней сама Ирина Васильевна. Она видѣла, что отношенія ея матери къ Модесту Петровичу всегда были враждебны. Кромѣ того она сравнивала обращеніе его съ нею и съ Михаиломъ. Это были точно два человѣка. Для Михаила онъ тоже скупился, но если и отказывалъ, то какъ будто стыдился и извинялся, да и отказывалъ рѣдко.

Но на него онъ смотрѣлъ нѣжными глазами, въ его жизнь онъ вмѣшивался, тогда какъ она для Модеста Петровича была въ домѣ—точно жилица.

Эти наблюденія заставляли ее напрягать слухъ въ тѣ минуты, когда между Модестомъ Петровичемъ и ея матерью «при закрытыхъ дверяхъ» происходили крупныя объясненія. И до нея долетали странныя фразы, отрывочные намеки. Она собирала ихъ, сопоставляла и, наконецъ, сдѣлала выводъ, что Модестъ Петровичъ ей не отецъ.

И тогда ей стало ясно, что въ ея жизни есть какая-то тайна, которую ей не хотятъ сказать. И это открытіе внесло совершенно новую черту въ ея отношенія къ матери. Да, между ними было все ясно, Ирина Васильевна жила съ дочерью въ открытую, но вотъ нашлось нѣчто, чего мать ей не сказала, значитъ у нея есть что прятать.

Это была капля яду, благодаря которой, незамѣтно для нея самой, началось разложеніе, казавшагося незыблемымъ, ея довѣрія къ матери.

Когда Людмила кончила гимназію, у Ирины Васильевны явилась новая задача. Она, конечно, не думала такъ скоро выдавать ее замужъ, но хотѣла быть во всякое время къ этому готова.

«Ничто въ ея жизни не должно быть внезапно, я все должна предвидѣть», говорила она себѣ.

Людмила выйдетъ замужъ, этотъ вопросъ былъ рѣшенъ у нея давно.

— Дѣвушки обыкновенно выходятъ замужъ,—говорила Ирина Васильевна.—Очень многія увѣряютъ другихъ и себя, что онѣ презираютъ замужество и иногда очень долго длятъ этотъ обманъ, а замужъ онѣ все-таки выходятъ, но уже поздно, когда это глупо, и выходятъ уже не такъ, какъ хотѣли и могли, а какъ придется. Иныя и такъ остаются, но разспроси ихъ хорошенько, и если онѣ захотятъ сказать тебѣ правду, то ты узнаешь, что онѣ страдаютъ.

О любви не было рѣчи. Любовь стѣсняетъ, любовь налагаетъ цѣпи и помогаетъ быть обманутой. Надо жить въ открытую. Бракъ для женщины—устроеніе жизни. Пусть любятъ мужья, пусть они безумствуютъ, валяются у ногъ женщины. Женщина, чтобы быть властной и повелѣвать, должна презирать. Мужчина и женщина даютъ другъ другу клятвы и потомъ обманываютъ другъ друга. Но если нужно обманывать—а это, очевидно, нужно, потому что дѣлаютъ всѣ,—развѣ не лучше дѣлать это безъ клятвъ? Есть только двѣ формы брака для женщины: однѣ идутъ въ рабство къ мужу—это тѣ, которыя любятъ, другія продаютъ себя—это тѣ, которыя презираютъ. И эти властвуютъ. Людмила будетъ властвовать.

Появленіе Поршнева облегчило работу Иринѣ Васильевнѣ. Какъ только она замѣтила, что этотъ удачливый человѣкъ заглядывается на Людмилу, такъ тотчасъ же стала его приручать и всячески одобрять. Она тонкими средствами укрѣпляла въ немъ надежду и подсказывала ему рѣшимость.

И подъ вліяніемъ этихъ незримыхъ указаній, Поршневъ началъ рѣшительную борьбу съ своей женой, добиваясь отъ нея развода. Онъ былъ уже милліонеромъ и такъ счастливо велъ свои дѣла, что передъ нимъ раскрывались блестящіе горизонты. Ему было сорокъ пять лѣтъ, а Людмила красива и сильна характеромъ. Правда, онъ испорченъ, развратенъ, онъ грязенъ. Но про него это по крайней мѣрѣ извѣстно. А кто же изъ мужчинъ, вступающихъ въ бракъ, не загрязненъ съ головы до ногъ? Но они прикидываются чистыми, ихъ надо еще разгадать.

Нѣтъ, Поршневъ, это именно то, что нужно. Людмила достигнетъ высоты для того, чтобы властвовать надъ нимъ, а значитъ и быть счастливой.

И когда этотъ вопросъ былъ поставленъ на очередь, Людмила въ первое время почувствовала въ своей душѣ какой-то органическій протестъ противъ рѣшенія матери. Ея юное чувство взбунтовалось, и она горячо и сильно высказывала это матери.

Но Ирина Васильевна не дала застать себя врасплохъ. Она этого ждала, она была готова. Она никогда не останавливалась на полдорогѣ, и все, что она рѣшала, покоилось на «твердыхъ основаніяхъ».

*

— Я понимаю твою горячность, твой протестъ, твое негодованіе. Я ихъ ждала, я къ нимъ была готова. Я удивилась бы, если бы у тебя ихъ не нашлось. Ты—здоровая, сильная дѣвушка, ты—нетронутая, чистая, каждая точка на твоемъ тѣлѣ свята, каждая капля твоей крови возмущается и кипитъ негодованіемъ при мысли о прикосновеніи къ тебѣ этого стараго сатира. Но, другъ мой, если люди создали тысячи маленькихъ обмановъ, такихъ же маленькихъ, какъ ихъ души, обмановъ, которыми они стараются украсить свою жизнь, то природа создала для насъ, женщинъ, великій обманъ, чтобы при помощи его ловить насъ въ свои сѣти. Когда молодая дѣвушка любитъ молодого мужчину, ей кажется, что прикосновеніе его къ ней будетъ свято. Но это обманъ, злѣйшій изъ обмановъ. Молодой онъ или старый, все равно—его прикосновеніе будетъ грязно. Природа цинична, она преслѣдуетъ свои цѣли самыми низменными способами. Она одуряетъ наши головы, чтобы заставить насъ добровольно идти на эту низость. Развѣ любовь не опьяненіе? Мы влюбляемся и, какъ пьяные, идемъ служить природѣ, воображая, что служимъ какому-то дивному богу... Любимъ или не любимъ—все равно, мы дѣлаемъ одно и то же. Такъ не лучше ли идти на это съ незатуманенной головой и съ открытыми глазами? Ты хочешь любви?—ты ее найдешь, но уже тогда, когда ты будешь властвовать.

Людмила давно уже не убѣждалась убѣжденіями матери, но власть Ирины Васильевны была огромна. Она пасовала передъ нею, внутренній голосъ смолкалъ въ ней, и она пассивно подчинялась. И Поршневъ все больше и больше укрѣплялся въ ихъ домѣ.

Такъ прямолинейно шла жизнь въ женской половинѣ казенной квартиры Балясова, такъ, повидимому, все было въ ней установлено разъ навсегда и, какъ казалось, безъ малѣйшей запинки изъ этихъ «основъ» вырастала и развивалась душа Людмилы.

Но было что-то странное въ этой жизни, что-то необъяснимое, проявлявшееся только тогда, когда Ирина Васильевна бывала одна: вдругъ на нее точно внезапно налетало неотвязное настроеніе и она одна цѣлые часы просиживала неподвижно, съ блѣднымъ лицомъ, вся подавленная, безсильная.

Никто не видѣлъ ее въ эти часы. Она прятала себя отъ людскихъ глазъ, потому что это были часы слабости. Даже отъ Людмилы, жизнь которой была неотдѣлима отъ ея жизни, она скрывала себя въ эти часы и, если Людмила входила къ ней, она дѣлала страшное усиліе надъ собою, какъ-то вся встряхивалась и вызывала улыбку на своемъ лицѣ.

Но Людмила тонко воспринимала все, что касалось ея матери и отъ нея это не ускользало.

Она не понимала этихъ настроеній, но все равно, когда ловила

ихъ, въ душѣ ея точно подтачивалась вѣра въ непогрѣшимость Ирины Васильевны. Значитъ, у нея есть сомнѣнія, значитъ, она не все еще рѣшила и переживаетъ какія-то колебанія, въ душѣ ея не все въ такомъ строгомъ порядкѣ, какъ въ словахъ.

Одна мимолетная сцена надолго запечатлѣлась въ ея памяти. Это былъ день, когда у нихъ былъ долгій и горячій разговоръ о Поршневѣ. Брезгливость къ нему Людмилы встрѣчала энергичный отпоръ со стороны Ирины Васильевны, и въ концѣ концовъ Людмила уступила и вышла къ Поршневу и была любезна съ нимъ.

Ирина Васильевна зачѣмъ-то задержалась въ своей комнатѣ, а Людмилѣ понадобилось что-то взять тамъ. Она вернулась на минуту и увидѣла Ирину Васильевну, лежащую на кровати, съ лицомъ, зарытымъ въ подушки. Плечи ея тихо вздрагивали. Людмила остановилась пораженная.

— Мама,—тихо окликнула она.

— Что тебѣ?—спросила Ирина Васильевна, не поднявъ головы и не показавъ своего лица.

— Что съ тобой?

— Ничего... Ничего... У меня просто... зубъ разболѣлся.

— Зубъ?..

Людмила ушла. Черезъ нѣсколько минутъ явилась Ирина Васильевна. Глаза ея смотрѣли прямо и твердо, но были въ нихъ какіе-то слѣды только что пережитаго волненія и, какъ показалось Людмилѣ, недавнихъ слезъ.

«Отъ зубной боли не плачутъ, въ особенности такія, какъ мама», сказала себѣ Людмила и съ этой минуты она начала догадываться, что въ душѣ Ирины Васильевны не все такъ прямолинейно и стройно, какъ это ей казалось.

И передъ этимъ открытіемъ она становилась втупикъ, и оно съ своей стороны способствовало разложенію въ ея душѣ того міропониманія, надъ которымъ такъ работала Ирина Васильевна.

Встрѣча съ Крученинымъ случилась какъ разъ въ то время, когда она испытывала особенно напряженныя колебанія. Подходили ея двадцать лѣтъ, и Ирина Васильевна, точно боясь, какъ бы она не осталась безъ мужа, видимо нажимала пружину: она все яснѣе и яснѣе подавала Поршневу надежду.

И въ то же время отъ вниманія Людмилы не ускользало то отвращеніе, какое проглядывало въ глазахъ Ирины Васильевны въ тѣ минуты, когда она говорила съ Поршневымъ.

«Какъ же это», думала она, «мама толкаетъ меня на то, что въ ней самой вызываетъ отвращеніе, какъ же такъ?»

И смущеніе въ ея душѣ возрастало до болѣзненности. Въ этотъ вечеръ она пробовала избѣжать свиданія съ Поршневымъ, но это не удалось. И вотъ встрѣча съ Крученинымъ, который съ пер-

ваго же знакомства затянулъ ее въ сѣти своихъ многозначительныхъ намековъ и недомолвокъ...

Теперь, лежа въ постели безъ сна, съ широко раскрытыми глазами, она припоминала. Все то, что онъ говорилъ, показывало, что онъ, дѣйствительно, знаетъ многое, относящееся къ ея жизни. Онъ такъ мѣтко изобразилъ Модеста Петровича, и потомъ эта фраза: «это надо сдѣлать, потому что иначе ваша жизнь будетъ одностороння и несправедлива...»

— И конечно, это надо сдѣлать, то-есть надо во что бы то ни стало найти способъ увидѣться съ нимъ въ болѣе свободной обстановкѣ, но какъ? Вѣдь мать ни зачто, ни зачто не отпуститъ ее надолго. Если ей и нужно было выходить одной, то это позволялось только днемъ и на очень короткое время для какого-нибудь очень опредѣленнаго порученія: что-нибудь купить въ Гостинномъ, перемѣнить книгу въ библіотекѣ.

И вдругъ ея голову освѣтила мысль: Любочка Кострова! И ей показалось, что эта мысль блестяща.

И такъ какъ голова ея была страшно утомлена, то она не разбирала подробностей своей мысли, а просто успокоилась на ней.

Она заснула.

VI.

На другой день Людмила проснулась очень поздно и то потому только, что ее разбудили. Вошла Ирина Васильевна и тономъ легкаго упрека сказала:

— Какъ ты долго спишь сегодня! къ тебѣ пришла уже Кострова!

— Любочка Кострова?— почти еще сквозь сонъ произнесла Людмила и открыла глаза. Былъ моментъ, когда ей казалось, что это продолжаются ея вчерашнія мысли. Вчера она заснула съ этимъ именемъ.

Она еще не припомнила всего того, что было вчера, и ей только смутно припоминалось, что было что-то важное, тревожное, и что съ именемъ Любочки Костровой было связано какое-то избавленіе.

— Почему тебя это удивляетъ?—сказала Ирина Васильевна.— Уже второй часъ; не всѣ такъ поздно встаютъ, какъ ты.—Она ждетъ тебя, она говоритъ, что вы собирались вмѣстѣ покупать ей какую-то шапочку.

«Въ самомъ дѣлѣ, мы собирались, какъ это хорошо!» подумала Людмила, разомъ припомнивъ все вчерашнее.

— Да, да, я ей это обѣщала. Она вѣритъ въ мой вкусъ...

— Такъ вставай и одѣвайся... скоро стемнѣетъ и ничего нельзя

будетъ выбрать. Только, пожалуйста, не забирайтесь далеко, а то я буду безпокоиться...

— О, нѣтъ, мы тутъ, близко, тутъ есть магазинъ...

Людмила вскочила съ постели и чрезвычайно быстро вымылась, одѣлась и наскоро устроила себѣ прическу. Черезъ какія-нибудь пять минутъ она уже была въ маленькой гостинной, гдѣ ждала ее Кострова,—стройная, изящная блондинка съ блѣднымъ красивымъ лицомъ и чудными веселыми глазками.

— Ты забыла свое обѣщаніе... Мнѣ шапочка нужна до зарѣзу, понимаешь,—сегодня я выступаю въ маленькой роли, внезапно заболѣла актриса и мнѣ дали... Это важно... это очень важно... И я должна быть въ шапочкѣ, которая мнѣ къ лицу,—говорила Кострова, цѣлуясь съ подругой. —Понимаешь ли, у меня на этотъ счетъ нѣтъ вкуса, и я тебѣ вѣрю.

Людмила извинилась, ссылаясь на вчерашній балъ, и онѣ рѣшили сейчасъ же идти.

— Ты бы что-нибудь выпила или съѣла,—сказала Ирина Васильевна.

— Не хочется, мама, я потомъ... Мы черезъ полъ-часа вернемся и будемъ вмѣстѣ съ Любочкой завтракать.

Въ сущности ей хотѣлось выпить кофе, но она торопилась. Любочка Кострова, очевидно, послана ей судьбой. Менѣе всего ее интересовала эта шапочка. Но она не хотѣла пропустить случая подвинуть впередъ «свое дѣло»

Онѣ вышли на улицу. Былъ легкій морозъ, безъ вѣтра. Тротуары были засыпаны свѣжимъ снѣгомъ. По улицѣ весело сновали сани,—хорошій зимній день, когда на улицы столицы гурьбой выползаютъ обыватели суровыхъ многоэтажныхъ домовъ и запасаются воздухомъ.

Дѣвушки не взяли извозчика, имъ хотѣлось движенія.

— Ты мнѣ страшно нужна, Любочка. Ты даже не можешь себѣ представить...—сказала Людмила.

— Не могу, — весело смѣясь, отвѣтила Любочка. — Можетъ быть, ты хочешь поступить на сцену и взять у меня нѣсколько уроковъ драматическаго искусства?

— О, нѣтъ, у меня нѣтъ никакихъ способностей...

— Ха, а у меня, думаешь, есть? До сихъ поръ еще никто не открылъ ихъ...

— Неужели ты такъ думаешь въ самомъ дѣлѣ? Тогда зачѣмъ же ты на сценѣ?

— Какъ зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы занимать на землѣ мѣстечко получше того, какое предоставляется всѣмъ.

— Но развѣ безъ способностей это можно?

— О, милая, девяносто девять изъ ста, занимающихъ на сценѣ

первыя мѣста, дѣлаютъ это безъ всякихъ способностей. Но для чего же я тебѣ нужна?

— Ахъ, это такъ нельзя разсказать... Это слишкомъ сложно...

— Ну, какъ-нибудь надо же...

— Да, надо, надо... Видишь ли, я тебѣ послѣ объясню, почему, а теперь только скажу, что мнѣ надо какъ-нибудь уйти изъ дому на нѣсколько часовъ.

— А развѣ это такъ трудно? Я ухожу на полъ-дня.

— Да, ты, но не я. У насъ съ мамой такой молчаливый договоръ. Я безъ нея нигдѣ не бываю. Вотъ вышла съ тобой и, если черезъ полъ-часа не вернусь, она уже будетъ вся—безпокойство.

— Ты вообще, мой другъ, слишкомъ подъ крылышкомъ своей матери. Я давно уже хотѣла сказать тебѣ это. Это надо перемѣнить.

— Этого нельзя перемѣнить. Мама слишкомъ привязана ко мнѣ... Она только и живетъ мною. Такъ какъ же это устроить, Любочка?

— Надо подумать. Вотъ погоди, купимъ шапочку, и тогда у меня явится умственный полетъ... А ты знаешь, зачѣмъ мнѣ нужна шапочка? Понимаешь ли, у насъ есть одинъ изъ директоровъ, его фамилія Оглынскій. Онъ очень богатъ и далеко не старъ. Онъ сильно за мной ухаживаетъ, и я хочу закрѣпить его за собой.

— Какъ? Неужели ты...

— Нѣтъ, нѣтъ, никакихъ «неужели». Я не такъ глупа. Я не пойду на содержаніе, не бойся. Видишь ли, по моему, женщина до тридцати лѣтъ должна думать о замужествѣ. Если за нею кто-нибудь ухаживаетъ, она должна вести дѣло такъ, чтобы онъ женился. И если она энергична, умна и настойчива, то она непремѣнно этого достигнетъ. До тридцати лѣтъ.

— А если онъ женатъ?

— Пусть. Это они дѣлаютъ какъ-то легко. Двѣ-три недѣли, смотришь—уже и свободенъ. Въ особенности, если денегъ много. Ну, а послѣ тридцати лѣтъ она должна смотрѣть съ другой точки зрѣнія. Тутъ, если женится, то хорошо, но настаивать на этомъ ей не резонъ. Шансы ея на это уже не велики.

— Такъ ты думаешь, что онъ на тебѣ женится?

— Кто? Оглынскій? Нѣтъ, я объ этомъ еще не думаю, а просто надо, чтобы онъ немножко обезумѣлъ. Ты знаешь, когда на сценѣ, это необходимо. Непремѣнно надо имѣть кого-нибудь такого, съ вліяніемъ. Вотъ даже и эту маленькую роль, которую играю сегодня, я получила благодаря ему... Не будь онъ влюбленъ въ меня, отдали бы другой.. А шапочки мнѣ вообще очень идутъ... Тамъ есть сцена на улицѣ зимой, и я хочу быть въ хо-

рошей шапочкѣ. Я знаю, что онъ послѣ этого съ ума сойдетъ... Ну, а если онъ сойдетъ съ ума, такъ ужъ мнѣ ничего не будетъ стоить получить и большую роль... Да, а какъ же твой Поршневъ?

— Мой Поршневъ?

— Ну, да, онъ, кажется, уже сошелъ съ ума...

— Не знаю, Любочка, меня онъ мало интересуетъ.

— Напрасно, ты заинтересуйся побольше Я слышала у насъ въ театрѣ, что ему предстоитъ какой-то подрядъ, который дастъ ему милліона три...

— Я это знаю...

— Ну, такъ что же? Онъ, правда, порядочный негодяй, я это тоже слышала. Но, знаешь, это ничего... Это даже лучше... Когда мужъ негодяй, ты можешь дѣлать все, что хочешь. А если онъ честный человѣкъ, да еще влюбленъ, тутъ явятся соображенія совѣсти, и, я думаю, это страшно скучно... А вотъ наши шапочки.

Онѣ давно уже шли по Невскому и дошли до магазина, гдѣ продавались шапки. Начался выборъ. Любочка примѣрила по крайней мѣрѣ, сотню шапокъ и, наконецъ, онѣ выбрали котиковую, стоившую двадцать пять рублей.

— Ужасно дорого, ужасно,—съ жалостнымъ выраженіемъ говорила Любочка,—но необходимо...

Она вчера получила жалованье, и деньги у нея были, но она не разсчитывала такъ много истратить на шапочку. Ей такъ удивительно шла эта шапочка и дѣлала ее такой красивой, что ея колебанія скоро уступили мѣсто рѣшенію, и шапочка была куплена.

Отсюда онѣ пошли обратно. Наступило время, когда Ирина Васильевна должна была начать безпокоиться. Людмила это чувствовала.

— Поторопимся, мама уже прислушивается къ звонкамъ.

— Это ужасно, милая, это просто ужасно! Ты должна отучить се отъ этого. Но шапочка удивительная! Я вижу уже, какъ у Оглынскаго слюнки текутъ...

— Любочка,—остановила ее Людмила,—гдѣ ты научилась такимъ выраженіямъ?

— Это въ театрѣ, у насъ всѣ такъ говорятъ и еще хуже. У насъ не стѣсняются. Ну и привыкаешь, и сама начинаешь такъ говорить... А, постой! меня осѣнило вдохновеніе. Вотъ что значитъ купить шапочку. Вѣдь я сегодня играю маленькую роль. Это чрезвычайно важное событіе въ моей жизни, и было бы странно, если бы ты, моя близкая подруга, не присутствовала въ театрѣ...

— Ты думаешь, мама согласится?.. Ни зачто.

— Она не можетъ не согласиться. Это было бы противъ всѣхъ правилъ дружбы.

— Она не очень-то признаетъ эти правила.

— Я буду просить ее. Я скажу, что ты мнѣ необходима.

— Ну, да, и она рѣшитъ пойти вмѣстѣ со мной.

— Ну, знаешь, ты поставила себя такъ, какъ будто тебѣ четырнадцать лѣтъ. Погоди: вотъ мысль еще болѣе блестящая... О, шапочка!.. Я увѣрю твою маму, что я, какъ дебютанка, трушу невѣроятно, и что мнѣ нужна твоя поддержка... Понимаешь? Ты будешь не въ театрѣ, а въ уборной. А у меня, благодаря сумасшествію Оглынскаго, сегодня будетъ отдѣльная уборная. Не пойдетъ же она съ тобой сидѣть въ моей уборной.

— Это пожалуй... Ахъ, да нѣтъ, все это не годится... Вѣдь я же должна написать ему.

— А, ему!..

— Да нѣтъ, это не то, что ты думаешь... Это нѣчто серьезное.

— Ну, ты и напиши ему свое серьезное.

— Ничего не выйдетъ; его адресъ—университетъ.

— Студентъ?

— Да, студентъ, только совсѣмъ особенный...

— Ну, да, они всѣ особенные.

— А сегодня воскресеніе, онъ тамъ не будетъ, а квартиры я не знаю...

— Какъ это глупо—не знать квартиры!.. Что за таинственная личность!

— Я тебѣ послѣ все разскажу... А теперь... нѣтъ, ничего не выйдетъ...

— Нѣтъ, выйдетъ, отлично выйдетъ... Я тебѣ это устрою за шапочку... Ты напиши ему, адресуй въ университетъ, а я пошлю въ университетъ и тамъ узнаютъ его адресъ. Понимаешь, отъ тебя я зайду въ театръ и возьму два билета—мнѣ дадутъ даромъ. Одинъ будетъ тебѣ, а другой вложу въ конвертъ ему и вы будете сидѣть рядомъ и сколько угодно говорить ваше «серьезное». Поняла?

— Я не могу написать... Мама теперь во мнѣ сомнѣвается и зорко слѣдитъ за мной.

— Боже!.. Но до чего ты глупо устроила свои дѣла!.. Но постой, мы и это уладимъ; зайдемъ куда-нибудь и ты напишешь.

— Какъ куда-нибудь?

— Да просто куда-нибудь, въ мелочную, въ табачную лавочку; ну, вотъ кондитерская, съѣдимъ по пирожку и попросимъ бумагу и конвертъ.

— Какъ ты находчива, удивительно!

Онѣ зашли въ кондитерскую, съѣли по пирожку, хотя Людмилѣ натощакъ это было противно, и Люба безъ всякихъ колебаній спросила бумагу и конвертъ.

— Я не знаю, какъ написать...—сказала Людмила, вдругъ почувствовавшая колебаніе.

— Да никакъ. Напиши только адресъ и фамилію, я вложу билетъ, вотъ и все. Никогда не слѣдуетъ писать записокъ. Это неосторожно... Если онъ не дуракъ, то пойметъ, что его приглашаютъ. И это практично.

Людмила такъ и сдѣлала и отдала ей конвертъ. Послѣ этого онѣ торопливо пошли домой.

Здѣсь уже столъ былъ накрытъ, и Ирина Васильевна ждала ихъ. Ей была показана шапочка и заслужила полное ея одобреніе. Модестъ Петровичъ былъ приглашенъ на какой-то «дружескій» завтракъ. Это значило, что явились новые «искатели», которые добивались отъ него вліянія.

Любочка сейчасъ же напала на Ирину Васильевну и начала самымъ краснорѣчивымъ образомъ доказывать, что дружеская поддержка Людмилы ей совершенно необходима. Ирина Васильевна сдѣлала очень серьезное лицо.

— Простите, Любочка, но я не нахожу это удобнымъ,—сказала она.—Людмила вчера была утомлена, и сегодня ей нуженъ отдыхъ.

— Но она вовсе не будетъ утомляться, она будетъ сидѣть у меня въ уборной, во время представленія можетъ даже лежать, тамъ есть диванъ. Можетъ спать, если захочетъ.

— Я думаю,—отвѣтила Ирина Васильевна,—что и сама Людмила откажется.

И при этихъ словахъ она внушительно посмотрѣла на Людмилу. Людмила отвѣтила ей прямымъ открытымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, мама, я не откажусь, мнѣ очень хочется поѣхать.

— Да?

— Меня интересуетъ этотъ маленькій дебютъ Любочки... И кромѣ того я совсѣмъ не имѣю понятія о закулисной жизни... Ты сама говоришь, что нужно все видѣть и все знать...

— Да, я это говорила,—задумчиво сказала Ирина Васильевна. А сама въ это время думала о томъ, какъ быстро развивается въ ея дочери стремленіе обходиться безъ нея.

Ей это было очень тяжело. Она чувствовала, какъ будто отъ нея самой отдѣляется и отходитъ ея существенная часть, и у нея отъ этого болѣло сердце. Но что же? Наложить на это стремленіе властную руку, придавить его своимъ авторитетомъ, показать свою силу, употребить нравственное насиліе?..

А что, если она почувствуетъ это, и въ душѣ ея поднимется протестъ противъ ея тираніи? Теперь она въ такомъ настроеніи, что это можетъ случиться. Людмила въ томъ возрастѣ, когда легко подчиняются нравственной силѣ, если ея не замѣчаютъ. Но если замѣчаютъ и чувствуютъ давленіе, то не прощаютъ.

Тутъ же она старалась изслѣдовать, есть ли какая-нибудь опасность въ этомъ попустительствѣ, котораго отъ нея требуютъ? Желаніе Любочки получить поддержку отъ подруги—законно. Она будетъ въ уборной, можетъ быть, посидитъ въ партерѣ или въ ложѣ. Обыкновенная театральная опасность, что какой-нибудь нахалъ можетъ позволить себѣ съ нею вольность, Ирину Васильевну не страшила. О, Людмила съумѣетъ устранить отъ себя всякую назойливость. Ирина Васильевна всегда боялась для своей дочери только одного: какого-нибудь вліянія. Никакого вліянія, кромѣ ея собственнаго... И, обсудивъ предложеніе Любочки, она пришла къ заключенію, что опасности нѣтъ, и послѣ этого она вдругъ удивила обѣихъ дѣвушекъ своимъ согласіемъ

— Ну, хорошо, пусть Людмила ѣдетъ, но условіе: вы доставите ее домой.

— О, конечно, я занята только въ трехъ актахъ, и значитъ часовъ въ одиннадцать съ половиной мы обѣ уже будемъ здѣсь.

Получивъ согласіе, Любочка наскоро кончила завтракъ и заторопилась. Ужъ если она взялась устроить «дѣло» подруги, то хотѣла устроить его навѣрняка. А для этого ей нужно было время.

— Я за тобой зайду въ семь часовъ,—сказала она прощаясь.— Вѣдь мнѣ надо одѣться и загримироваться. Ты мнѣ поможешь.

Было уже часа четыре. Она поѣхала прямо въ театръ. Тамъ не было никого, кромѣ кассира, который не имѣлъ права безъ записки режиссера или директора давать мѣста. Но ему была извѣстна слабость Оглынскаго къ молоденькой актрисѣ и, кромѣ того, у Любочки Костровой были хорошенькіе глазки, дѣйствіе которыхъ доходило даже до сердца кассира, и Любочкѣ удалось упросить его.

Въ театрѣ было нѣсколько удобныхъ ложъ съ аванложами. Въ глубинѣ ихъ можно было удобно помѣститься и не быть никѣмъ замѣченнымъ. Такъ какъ сборъ былъ не блестящій, то кассиръ рѣшился дать ей одну изъ этихъ ложъ.

Любочка торжествовала,—подруга будетъ устроена отлично. Въ серьезное дѣло Людмилы она не вѣрила и была глубоко убѣждена, что устраиваетъ любовное свиданіе. Затѣмъ она вложила билетъ въ конвертъ, запечатала и отнесла посыльному, которому дала самую подробную инструкцію. Онъ долженъ былъ отыскать Александра Крученинова во что бы то ни стало, и къ шести часамъ сообщить ей объ этомъ на квартирѣ.

Людмила все больше и больше погружалась въ ощущеніе преступности. У нея было такое чувство, какъ будто она завертывалась въ какія то грязныя сѣти, и въ то же время неотразимая сила толкала ее исполнить то, что задумала.

Ей было тяжело оставаться въ одной комнатѣ съ матерью. Ей казалось, что мать читаетъ въ ея глазахъ, чуетъ, что дѣлается въ ее душѣ. Если Ирина Васильевна задавала ей какой-нибудь простой обыденный вопросъ, и она отвѣчала, ей казалось, что въ ея голосѣ есть что-то предательское. И она страдала.

Наконецъ, раздался звонокъ, стремительно вошла Кострова и тотчасъ же наполнила квартиру своимъ звонкимъ веселымъ голоскомъ.

Людмилѣ достаточно было посмотрѣть Любочкѣ въ глаза, чтобы понять удачу. Въ этихъ глазахъ не было ни малѣйшей тѣни, и почувствовавъ это, Людмила вдругъ испугалась своего рѣшенія. Значитъ, сегодня она непремѣнно встрѣтится съ Крученинovымъ, это рѣшено. И Богъ знаетъ, что разскажетъ онъ ей, куда толкнетъ ее своими рѣчами.

Рѣшительно не предвидѣла она, что именно будетъ онъ говорить, но было у нея какое то чувство, что его сообщеніе будетъ имѣть страшно важное значеніе въ ея жизни.

И когда она прощалась, цѣлуя свою мать, ей сдѣлалось жаль эту бѣдную женщину, потому что сегодня она шла наперекоръ всѣмъ ея желаніямъ.

Онѣ вышли и взяли извозчика. Любочка затараторила:

— Удача, полная удача! Твой герой живетъ у чорта на куличкахъ—ахъ, извини, это опять театральное выраженіе,—гдѣ-то у Тучкова моста, вѣдь это въ другомъ полушаріи; но геніальный посыльный отыскалъ его и вручилъ...

— И что же онъ сказалъ?

— Ну, знаешь, посыльный разсказываетъ какія-то чудеса въ рѣшетѣ; его приняли въ совершенно пустой комнатѣ. Кажется, три стула стояло...

— Ну, такъ что же, можетъ быть, переѣзжаютъ, или просто мебели нѣтъ..

— Онъ говоритъ, что видѣлъ нѣсколько комнатъ-анфиладой и все тоже пустыя. Впрочемъ, это все равно...

— Разумѣется, все равно. Что же онъ сказалъ?

— Да никакого его не было, а былъ нѣкій препочтенный господинъ съ сѣдой бородой. Надѣюсь, у твоего героя нѣтъ сѣдой бороды!

— У него нѣтъ никакой бороды...

— Ну, да, и этотъ почтенный человѣкъ сказалъ, что его, то-есть твоего Крученинова, нѣтъ дома, но что онъ долженъ придти часовъ въ семь и ему сейчасъ передадутъ; спросилъ—отъ кого? Посыльный съ дуру разсказалъ, что послала барышня и въ университетъ и такъ дальше. Онъ сказалъ: «А...» И больше ничего не сказалъ, но, видимо, заинтересовался.

— Ну, значитъ, еще неизвѣстно, будетъ ли онъ.

— А я думаю, будетъ. Пусть-ка попробуетъ не явиться... Изъза него столько хлопотъ было.. А ты мнѣ непремѣнно покажи его, что за птица такая!

— Не знаю, не обѣщаю.

— Ну, вотъ... что же, не боишься же ты, что я стану отбивать...

— Любочка, не говори пошлостей. Я сказала тебѣ: тутъ нѣтъ никакого романа.

— Не вѣрю.

— Увѣряю.

— Ну, значитъ, глупо. Почему нѣтъ романа? Это естественно, чтобы былъ романъ. Ну, вотъ и пріѣхали.

Извозчикъ, дѣйствительно, остановился у театра, онѣ сошли и какими-то сложными путями прошли на сцену.

Здѣсь былъ еще полумракъ. Людмилу, которая никогда не бывала за кулисами, охватилъ холодъ и какое-то жуткое чувство. Повсюду торчали грубые и угловатые предметы,—кулисы, намалеванные кусты, скамейки и множество декорацій, сложенныхъ въ кучи.

— Уфъ, какъ здѣсь неуютно!—сказала она.

— Это пока не освѣтили, а потомъ хорошо!—отвѣтила Любочка.—Я люблю кулисы, мнѣ ужасно нравится эта безпорядочность. Когда я устроюсь своимъ домомъ, у меня будетъ все валяться, гдѣ попало. Право, въ этомъ есть какое-то разнообразіе. Терпѣть не могу, когда все на своемъ мѣстѣ и когда заранѣе знаешь, гдѣ что лежитъ. Это скучно!

Онѣ вошли въ уборную, и Любочка освѣтила ее электрической лампочкой. Это оказалась миніатюрная комнатка, вся завѣшанная какими-то старыми разноцвѣтными тряпками. На стѣнахъ висѣли фотографическія карточки.

Любочка сѣла къ зеркалу и начала гримироваться. Она дѣлала это довольно искусно. Гримъ подчеркивалъ счастливыя качества ея лица, и хорошенькая Любочка мало-по-малу превращалась въ красавицу.

Потомъ явился парикмахеръ и принялся за ея голову. Затѣмъ она начала одѣваться.

На сценѣ началось движеніе. Слышались голоса, передвигали декораціи. Въ корридорѣ между уборныхъ была бѣготня, въ сосѣднихъ уборныхъ говоръ.

Людмила нашла, что это, пожалуй, весело, но когда представила себѣ, что это повторяется каждый день, то ей казалось, что можно съ ума сойти. Нѣсколько разъ стучались въ уборную къ Любочкѣ и происходилъ такой разговоръ.

— Къ вамъ можно, Любовь Михаиловна?—спрашивалъ густой мужской голосъ.

— Кто тамъ?—спрашивала Любочка.

— Это я, Оглынскій.

— Невозможно, я не одѣта.

— Но это еще лучше.

— Убирайтесь къ чорту.

— О, Боже!.. Любочка! — восклицала Людмила, всплеснувъ руками.

— Не безпокойся, здѣсь это считается любезностью.

Уже въ корридорѣ звонили два раза, уже помощникъ режиссера подбѣгалъ къ уборной и звалъ участвующихъ на сцену. Любочка была одѣта и, наконецъ, впустила Оглынскаго.

Вошелъ высокій плотный мужчина, съ хорошо расчесанной черной бородой, съ густыми, завивающимися волосами на головѣ.

— Ахъ, вы не одна?—промолвилъ онъ съ выраженіемъ разочарованія.

— Мой другъ — Балясова, Людмила Модестовна,—познакомила Любочка.—А это Оглынскій, одинъ изъ нашихъ директоровъ.

— Вы сегодня очаровательны. И я увѣренъ, что вы со сцены всѣхъ убьете вашей красотой,—откровенно любуясь ею, сказалъ Оглынскій.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь,—промолвила Любочка, поправляя прическу.—И надѣюсь, что послѣ этого убійства мнѣ дадутъ сыграть что-нибудь получше.

— Я тоже надѣюсь, почти увѣренъ.

— И соотвѣтственно этому прибавятъ жалованья...

— И прибавятъ, какъ они смѣютъ не прибавить?..—шутя говорилъ Оглынскій.

Раздалось рѣшительное приглашеніе на сцену.

— Ну, теперь убирайтесь, мнѣ нужно поговорить съ подругой,—сказала Оглынскому Любочка.

— Можетъ быть, я могу проводить мадмуазель въ партеръ?—предложилъ Оглынскій.

— Нѣтъ, благодарю васъ... я... можетъ быть, не пойду,—съ смущеніемъ сказала Людмила. Оглынскій поклонился ей и вышелъ.

— Ты не ходи туда сейчасъ. Онъ долженъ придти раньше. Вѣдь у него билетъ, хотя тебя и такъ впустятъ. Замѣть, № 7 бенуаръ. Но лучше, если онъ будетъ уже тамъ. Меня ты увидишь, я выхожу въ срединѣ дѣйствія. Ну, поцѣлуй меня... Въ затылокъ, въ затылокъ, тутъ вездѣ намазано.

Людмила поцѣловала ее въ затылокъ. Съ этой минуты она начала переживать усиленное волненіе.

Не встрѣча съ Крученинымъ волновала ее—до него ей не

было никакого дѣла. Что для нея этотъ, въ сущности, неизвѣстный ей человѣкъ? Но то, что онъ разскажетъ... О, она уже знала навѣрное, что это будетъ начало какой-то новой эры въ ея жизни. Она нетерпѣливо посматривала на свои маленькіе часы, и все ей казалось, что они остановились, такъ медленно шло время.

Наконецъ, она дождалась половины девятаго. На сценѣ уже давно былъ поднятъ занавѣсъ и тамъ играли. Она вышла и очутилась за кулисами. Въ пространствѣ между двухъ кулисъ она увидѣла всю сцену. Любочка стояла у кулисы и ждала своего выхода. Она увидѣла Людмилу и дружески кивнула ей головой.

Людмила прошла дальше и не знала, какъ ей попасть въ залъ. Она спросила объ этомъ стоявшаго у двери служителя, и тотъ вызвался проводить ее. Вотъ она въ корридорѣ бенуара. Она отыскала седьмой номеръ.

— Тамъ есть уже кто-нибудь, въ ложѣ?—спросила она капельдинера.

— Одинъ господинъ,—отвѣтилъ тотъ, отворяя дверцу ложи.

«Одинъ господинъ» какъ-то черезчуръ громко раздалось въ ея головѣ, гораздо громче, чѣмъ сказалъ это капельдинеръ, и она съ замирающимъ сердцемъ вошла и тихонько притворила за собою дверь.

Въ маленькой комнаткѣ, освѣщенной электрической лампочкой, никого не было. На столѣ лежала студенческая фуражка. Людмила взглянула въ зеркало, лицо ея было очень блѣдно.

Она пріотворила дверь, которая вела въ самую ложу. Въ театральной залѣ было совсѣмъ темно. Кто-то поднялся въ ложѣ, въ самой глубинѣ ея, свѣтъ изъ комнатки на мгновеніе освѣтилъ мужскую фигуру, и Людмила узнала Крученинова. Онъ тоже узналъ ее.

— Я былъ увѣренъ, что это отъ васъ, благодарю васъ!—шопотомъ произнесъ онъ.—Вы будете смотрѣть?

— Я должна... сейчасъ выйдетъ на сцену моя подруга... Сядемте.

Она сѣла поближе къ барьеру. Въ темнотѣ все равно никто не могъ ее разглядѣть. Крученинов остался на своемъ мѣстѣ за ея спиной.

Какъ разъ въ это время выбѣжала на сцену Любочка и начала смѣяться и что-то говорить и ея звонкій голосъ свободно разносился по театру. Это освѣжило нѣсколько скучавшую публику.

Людмила смотрѣла и слушала и ничего не понимала. Хорошо ли играетъ Любочка, плохо ли, она не могла судить. Ея душа была полна другимъ, и ей было совѣстно передъ подругой. Но съ этимъ она ничего не могла подѣлать. Тамъ изображали какую-то сцену. Любочка двигалась, быстро ходила по сценѣ, за

нею гнались, все это было весело, живо. Въ публикѣ кой-гдѣ смѣялись, кажется, было это хорошо. Наконецъ, Любочка убѣжала а вслѣдъ ей раздались апплодисменты, правда, не очень густые, но все же былъ успѣхъ.

Представленіе продолжалось. Людмила поднялась и сдѣлала шагъ въ глубину ложи.

— Если вамъ все равно, то пойдемте туда,—сказала она и пріотворила дверь.

— Конечно...—отвѣтилъ Крученинов, вѣдь я не зрителемъ пришелъ сюда.

И оба вошли въ комнатку.

— Вы взволнованы?—спросилъ Крученинов.

— Да, очень... Но вы на это не обращайте вниманія. Сядемте.

И она сѣла въ углу дивана, какъ-то съежившись, потому что ее охватила лихорадочная дрожь, а Крученинов не сѣлъ. Онъ прислонился къ стѣнѣ и молча ждалъ, пока она успокоится.

VII.

— Благодарю васъ за то, что вы пришли, — сказала Людмила:—я очень боялась, что васъ не найдутъ. Это такъ вышло неудачно, именно въ воскресенье!..

— Но это вполнѣ удалось, — возразилъ Крученинов,—и я благодарю васъ за то, что вы меня позвали.

Впрочемъ, когда я не нашелъ здѣсь никого, меня взяло сомнѣніе. Я началъ придумывать другія предположенія, но они всѣ были нелѣпы. Въ это время вы вошли...

— Васъ зовутъ Александръ...

— Максимовичъ... А вы—Людмила Модестовна?..

— Сегодня вы будете щедрѣе на слова, Александръ Максимовичъ?

— О, да, я скажу вамъ все, что вы захотите слушать...

— А я хочу слушать все, что вы скажете...

— Такъ давайте будемъ говорить... У васъ много времени?

— Часовъ до одиннадцати... Но иногда надо смотрѣть на сцену, когда играетъ Кострова...—Пожалуйста пріотворите дверь въ ложу. Мы будемъ слышать по голосу, когда выйдетъ Любочка Кострова.

Крученинов пріотворилъ дверь и изъ зала стали глухо доноситься голоса актеровъ, игравшихъ на сценѣ.

— Нужно вамъ замѣтить, что я къ этому разговору готовился—началъ Крученинов.—Я приготовилъ въ головѣ своей все такъ, чтобы быть краткимъ и яснымъ. И я начну, какъ бываетъ въ повѣстяхъ: это было около двадцати лѣтъ тому назадъ...

— Я родилась около двадцати лѣтъ тому назадъ...

— А это было нѣсколько раньше... Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Петербургѣ. Среди передовой молодежи живетъ всѣми почитаемая дѣвушка, молодая, красивая и вѣрующая...

— Во что?

— Въ людей и въ добро, въ то, что на землѣ только по несчастью нѣтъ правды, но что дружной работой можно ее найти и водворить среди людей. Она была цѣломудренна и придерживалась строгихъ нравовъ. Всѣхъ окружающихъ, которые передъ нею преклонялись, она считала ниже себя, да это такъ и было, по крайней мѣрѣ, по силѣ характера они не стоили ея пальца. Но вотъ явился человѣкъ крупнаго калибра. Онъ былъ цѣлой головой выше не только окружающихъ, но и ея самой, и она отдала ему себя. Но, отдавая ему себя, она думала, что знаетъ его, а въ дѣйствительности не знала. Она думала, что онъ то же, что и она, то-есть, что онъ любитъ добро и людей, чтобы пользоваться добромъ и людьми для себя, жить среди этихъ людей, водворяя среди нихъ добро, главенствуя надъ ними и испытывая отъ этого наслажденіе. Она думала, что онъ, призывая людей на дружную работу для водворенія добра на землѣ, ищетъ только успѣха среди людей, чтобы жить своими человѣческими страстями, окруженный общимъ признаніемъ и почетомъ и мечтала, прилѣпившись къ нему, пользоваться тѣмъ же почетомъ.

Но у него были другіе планы. На личное счастье, на страсти и чувства онъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто мимолетное и второстепенное, а всѣ его силы были отданы дѣлу, которому онъ служилъ. И вотъ, когда настало время ему уходить, онъ сказалъ ей:

«Я здѣсь уже сдѣлалъ, что могъ и что долженъ былъ сдѣлать, и теперь я ухожу, чтобы въ другомъ мѣстѣ дѣлать то же, то-есть собирать людей на работу, объединять ихъ, строить ихъ въ ряды. Моя жизнь вся обречена на эту работу, моя жизнь полна лишеній и безпокойства. Но я отдалъ ее дѣлу, которое считаю своимъ долгомъ, и я иду.

— Какъ,—сказала она,—ты, значитъ, можешь обходиться безъ меня? Ты, которому я отдала себя безъ разсчета?

Онъ отвѣтилъ: «Я лично для себя не существую: все, что у меня есть, принадлежитъ моему дѣлу».

— А твои ласки, твои увѣренія въ любви?

— Мои ласки были искренни: увѣряя тебя въ любви, я говорилъ правду.

— Наконецъ, твой ребенокъ, котораго я должна родить чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ?

— Все это большое счастье: и твоя любовь, и ребенокъ, кото-

раго ты родишь; но все это личное, а у меня не должно быть ничего личнаго.

— Но почему же ты не зовешь меня съ собой? Развѣ ты не знаешь, что я охотно пойду за тобой?

— Я не могу звать тебя съ собой, потому что это значило бы, что я взялъ на себя новыя обязательства. На мнѣ лежатъ уже обязательства, которыя требуютъ отъ меня всей моей жизни, и я не имѣю права взять другихъ. Ты можешь идти одна. Ты знаешь цѣль и знаешь дорогу...

И онъ ушелъ, а она осталась оскорбленная И вотъ тутъ проявилось различіе между ними и то, что она его не понимала. Она все примѣряла къ себѣ, къ своей личности. Она считала искреннимъ, правдивымъ только то, что было для нея хорошо. Она признавала великимъ только то, что ее возвышало. И онъ былъ въ ея глазахъ огроменъ, пока и она рядомъ съ нимъ поднималась, но какъ только онъ ушелъ—онъ пересталъ быть для нея добромъ и сдѣлался простымъ обманщикомъ. Онъ оттолкнулъ ее ради чего-то—все равно чего, онъ обманулъ ее, измѣнилъ ей, бросилъ... Въ ней закипѣла гордость, которая была оскорблена, и она озлобилась на все, на весь міръ и изъ вѣрующей превратилась въ презирающую.

Изъ презрѣнія вышла она за человѣка, которымъ прежде пренебрегала, изъ презрѣнія она воспитала свою дочь въ недовѣріи и въ ненависти къ людямъ, изъ презрѣнія она во всю свою остальную жизнь шла наперекоръ своимъ убѣжденіямъ, которыя жили въ ней, въ глубинѣ ея души, и, несмотря ни на что, мучили ее. Изъ презрѣнія она обманула душу своей дочери, систематически, изо дня въ день, впродолженіи почти двадцати лѣтъ подтасовывая въ ея глазахъ жизнь, показывая ей только дрянныя, уродливыя стороны жизни, только пороки людей и скрывая отъ нея все, что есть свѣтлаго въ жизни и въ людяхъ... Наконецъ, изъ презрѣнія она сдѣлала свою дочь почти—замѣтьте, я говорю почти—способной въ двадцать лѣтъ, въ пору чистыхъ порывовъ и безкорыстныхъ, безразсчетныхъ чувствъ, продать себя богатому негодяю, единственно ради того, чтобы, опираясь на его богатство, быть властной... Погодите... кажется, на сценѣ ваша подруга..

Онъ остановился и какъ бы перевелъ духъ. Но Людмила не двигалась съ мѣста, она смотрѣла на него большими внимательными глазами, въ головѣ ея былъ готовъ вопросъ, но она точно страшилась его, у нея было такое чувство, какъ будто, произнеся этотъ вопросъ, она перейдетъ границу, разомъ перешагнетъ въ міръ, изъ котораго ей не будетъ возврата.

Но вопросъ сверлилъ ея мозгъ, стучался въ ея черепъ и

требовалъ выхода. Она смутно слышала его слова о подругѣ, точно изъ безконечнаго далека доносились до нея оттуда, со сцены, какія-то чужія слова, но она ничего не понимала изъ нихъ. Ей до всего этого не было дѣла. У нея было такое ощущеніе, что вотъ сейчасъ рѣшится ея судьба, и это зависитъ отъ ея вопроса.

— Притворите дверь, я не могу теперь...—сказала она.

Крученинов покорно исполнилъ ея желаніе и притворилъ дверь.

— Слушайте... вѣдь вы разсказываете...—наконецъ, произнесла она съ страшнымъ невѣроятнымъ напряженіемъ воли:—вы разсказываете исторію моей матери?

И она смотрѣла на него пристально, не сводя глазъ съ его лица, точно боясь, чтобы онъ какъ-нибудь не увильнулъ съ отвѣтомъ, не спрятался за что-нибудь.

Но онъ отвѣтилъ ей простымъ и яснымъ взглядомъ и такимъ же простымъ и яснымъ голосомъ сказалъ:

— Да, вашей матери и вашего отца...

Людмила приподнялась и выпрямилась.

— Откуда вы знаете все это?

— Я знаю это отъ него...

— Это тотъ человѣкъ съ сѣдой бородой, который принялъ письмо отъ посыльнаго?

— Погодите... Къ этому надо еще придти... Притомъ же вы слишкомъ волнуетесь.

— Вы хотѣли бы, чтобы я въ тѣ минуты, когда чувствую, что вся моя жизнь съ трескомъ переламывается надвое, не волновалась... Это странно!..

— Ну, успокойтесь же... Не совсѣмъ, а хоть немного... Я знаю, что у васъ долженъ быть сильный характеръ.

— Почему вы это знаете?

— Потому что я вѣрю въ кровь женщины, которая способна двадцать лѣтъ неукоснительно преслѣдовать одну и ту же цѣль, и какъ преслѣдовать!—не отклоняясь отъ нея ни на одну минуту какъ въ главномъ, такъ и ничтожномъ,— женщины, которая способна, безумно любя свою дочь, въ угоду своей оскорбленной гордости, своей злобѣ, развращать ея душу до способности продать себя богатому негодяю... Такая женщина должна обладать желѣзнымъ характеромъ. А мужчина, сознательно отдавшій всю свою жизнь на общественное дѣло, отъ котораго не получилъ ни капли выгоды, не вкусилъ ничего, кромѣ страшныхъ лишеній, мужчина, ради своихъ высокихъ цѣлей отказавшійся отъ любви прекрасной, умной, сильной женщины, отъ счастья быть ея мужемъ пользоваться ея лаской и быть отцомъ... такой мужчина обла-

дается несомнѣнно могучей волей, а вы ихъ дочь... Я вѣрю въ кровь, Людмила Модестовна.

— Не называйте меня такъ, прошу васъ,—промолвила Людмила и на лицѣ ея выразилось отвращеніе.

— Я не понимаю,—возразилъ Крученинов и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Называйте меня Людмилой. Поймите же это...

— А, я понимаю, простите. Да, это большое несчастье, что вамъ приходится носить это позорное имя господина Балясова... Господинъ Балясовъ—взяточникъ и развратникъ. Онъ еще и до сихъ поръ пускаетъ пыль въ глаза слабымъ людямъ при помощи звонкихъ фразъ, которыя въ тѣ времена у немногихъ переходили въ дѣло, а для большинства сами были дѣломъ... Вы должны бы носить другое имя...

— Какое оно?

— Его зовутъ—Сергѣй Николаевичъ Рокотовъ.

— Рокотовъ...—тихо повторила Людмила:—Людмила Сергѣевна Рокотова... Какое звучное имя!.. Гдѣ же онъ, этотъ Сергѣй Николаевичъ Рокотовъ?

— Вы впадаете въ безпорядокъ... Что изъ того, что я скажу, что онъ здѣсь, въ Петербургѣ... Это ничего не говоритъ вамъ, вѣдь вы ничего не можете чувствовать къ нему.

— Я его не знаю...

— А онъ знаетъ васъ, немного. Онъ пріѣхалъ сюда три года назадъ. Я встрѣтился съ нимъ почти случайно. Онъ человѣкъ оригинальный. Прежде, до своей дѣятельности и до встрѣчи съ вашей матерью, онъ былъ студентомъ естественнаго факультета и съ увлеченіемъ занимался химіей. Но налетѣло повѣтріе, его захватило, тогда онъ двинулся работать на просвѣщеніе народа, и онъ отдалъ этому дѣлу все безъ остатка. Онъ работалъ двадцать длинныхъ лѣтъ и не странно ли? Въ эти годы онъ совсѣмъ не сталкивался съ народомъ. Онъ жилъ въ городахъ, вращался среди молодежи и вліялъ на нее въ смыслѣ своихъ идей. Въ народъ онъ просто вѣрилъ. Но, наконецъ, онъ усталъ; когда-нибудь, вы, можетъ быть, подробнѣе узнаете, какія онъ терпѣлъ лишенія и какую онъ велъ жизнь. А главное, когда онъ усталъ и оглянулся вокругъ себя, то вдругъ увидѣлъ, что тѣ времена, когда горячія слова зажигали сердца, прошли. И что онъ теперь вопіетъ въ пустыни. Тогда онъ сложилъ оружіе, но не разочаровался и не палъ духомъ... Онъ сказалъ: «значитъ, теперь мы не по времени, но было и наше время. Мы свое сдѣлали, пора отдохнуть. Теперь другія птицы и другія пѣсни. Ну, что жъ, пусть поютъ...» Онъ явился сюда сильно постарѣвшимъ, съ сѣдой бородой. Но его дѣятельный духъ не могъ оставаться безъ движенія.

Ему надо было что-нибудь дѣлать. И вотъ къ нему вернулась прежняя его любовь къ изученію природы и онъ пришелъ къ нашему профессору, его старому знакомому и товарищу, и, какъ юный студентъ, началъ работать въ лабораторіи. Вотъ тутъ я съ нимъ познакомился, понравился ему, мы близко сошлись. Онъ разсказалъ мнѣ всю свою исторію. И съ тѣхъ поръ я сталъ интересоваться вами и вашей жизнью—для него.

— А развѣ моя жизнь ему интересна? Вѣдь онъ меня не знаетъ, никогда не думалъ обо мнѣ.

— Не думалъ, когда высшія цѣли поглощали его всего. Тогда онъ не былъ человѣкомъ, тогда онъ былъ высшимъ существомъ, лишеннымъ страстей и человѣческихъ слабостей. Когда же онъ вернулся къ человѣку, то кровь подсказала ему о васъ... Онъ узналъ всю исторію вашего воспитанія, но не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться. Когда же выяснилось, что васъ ожидаетъ замужество съ этимъ господиномъ, съ Поршневымъ, онъ сказалъ, что ваша мать слишкомъ послѣдовательна въ своей злобѣ и рѣшилъ вмѣшаться въ вашу судьбу... Вотъ вамъ и объясненіе нашей вчерашней встрѣчи.

— Все это похоже на сонъ,—сказала Людмила и закрыла глаза.—Я не знаю, что я должна думать и чувствовать. Не знаю... Я растерялась...

— Позвольте мнѣ попытаться помочь вамъ... Навести васъ... Скажите, что васъ больше всего тревожитъ въ этомъ?

— Я вамъ скажу, что... И это явилось не сейчасъ. Это уже давно. Вы говорите — отецъ; я его не знаю... Онъ для меня не больше, какъ дѣйствующее лицо вашего разсказа...

— Это человѣкъ огромной души.

— Можетъ быть... Я вамъ вѣрю, но я его не знаю. Онъ не игралъ никакой роли въ моей жизни и я ему ничѣмъ не обязана... Но мать — я люблю ее... Еслибъ вы знали, чѣмъ она была для меня, какъ она всю жизнь боролась за меня съ этимъ...

— Съ Балясовымъ.

— Послушайте, но вѣдь она отдала мнѣ двадцать лѣтъ жизни и отдала безраздѣльно... И вотъ моя душа возмутилась противъ того, что она для меня приготовила... Не теперь, нѣтъ; а раньше, гораздо раньше...

— Это кровь... Это Рокотовская кровь..

— Пусть такъ. Но мнѣ надо же быть какъ-нибудь... Не могу же я, живя съ нею одной жизнью, ежеминутно обманывать ее.

— Не обманывайте... Надо жить въ открытую, по крайней мѣрѣ, съ людьми, съ которыми мы дѣлимъ жизнь. Обманывая ихъ, мы поступаемъ, какъ недобросовѣстный компаніонъ, скрываю-

шій часть выгоды въ свою пользу или предпринимающій въ общемъ дѣлѣ рискованный шагъ, скрывая это отъ другого.

— Сказать правду!.. сказать эту правду моей матери!.. Вы не представляете... Вѣдь это значитъ разбить ее.

— Слушайте, я не думаю такъ мрачно, но если бы даже и такъ .. Ваше стремленіе справедливо. Ручей пробиваетъ себѣ дорогу потому, что ему нужно нести куда-нибудь впередъ свои воды. Задержать ихъ онъ не можетъ и пойти обратно тоже не можетъ... Если на пути стоитъ домъ, наполненный людьми, и если эти люди спятъ и не видятъ, что онъ надвигается, онъ смоетъ и домъ, и людей, это неизбѣжно. Но все же для людей лучше, если они во-время услышатъ его шумъ: тогда они не спасутъ дома, но спасутъ свои жизни.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда... двадцать лѣтъ жизни она отдала мнѣ... Никогда!..

— Постойте, вы разсуждаете чувствомъ, а чувство пристрастно, односторонне. Скажите, та жизнь, которую приготовила вамъ мать, она вамъ годится?

— Нѣтъ...

— Вы способны ее вести? Вы способны сдѣлаться женой Поршнева и, опираясь на его милліоны, прожигать жизнь, обманывать его и другихъ или, что еще хуже, служить удовлетворенію его страсти, пока ему это не надоѣстъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Я сошла бы съ ума отъ одного его прикосновенія.

— Такъ. Но если вы останетесь подъ вліяніемъ матери, она неизбѣжно поведетъ васъ туда. У васъ будетъ выборъ между двумя рѣшеніями: если она побѣдитъ ваше отвращеніе, вы пойдете за Поршнева, или вы упретесь на своемъ и откажетесь. Второе, это—уже катастрофа. а первое раньше или позже поведетъ къ катастрофѣ. Во всякомъ случаѣ, неизбѣжно страшное столкновеніе съ нею. Вамъ этого не миновать. Но погодите, погодите. Это не все, что я хочу сказать. Вы говорите: двадцать лѣтъ жизни! Да, это такъ. Но позвольте мнѣ быть откровеннымъ. Двадцать лѣтъ жизни ваша мать пригибала васъ подъ тяжестью своей сильной и властной руки. Двадцать лѣтъ она обливала вашу душу собственной злобой, двадцать лѣтъ старалась вытравить изъ васъ все свѣтлое и доброе...

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать... Я не знаю, правы ли вы... или нѣтъ... я ничего не могу рѣшить...

— Я вамъ подскажу, если вы мнѣ позволите. Мы слишкомъ слабы оба. Мы мало знаемъ жизнь. Да, я согласенъ съ вами, что въ такомъ видѣ, какъ теперь, вы не можете открыть душу вашей матери. Но, можетъ быть, вамъ что-нибудь поможетъ, если

вы согласитесь повидаться съ нимъ. Вѣдь онъ мудрецъ. Вы не можете составить даже приблизительное представленіе объ этомъ человѣкѣ. Когда вы услышите отъ него первыя десять словъ, вы уже почувствуете просвѣтлѣніе... Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ на меня дѣйствуетъ. Передъ тѣмъ, какъ встрѣтиться съ нимъ, я блуждалъ въ темнотѣ сомнѣній и противорѣчій, когда-нибудь я вамъ это объясню. Онъ однимъ словомъ освѣтилъ мнѣ все. Можетъ быть, онъ самъ все это устроитъ. Неужели васъ не тянетъ къ нему?

Людмила сидѣла на диванѣ у круглаго стола, опершись на него обѣими руками и закрывъ лицо. На его слова она не отвѣтила. Онъ ждалъ, она молчала. Теперь она забыла даже и о немъ и погрузилась въ себя.

Крученинов понялъ, что въ душѣ ея происходитъ работа, которая не нуждается въ его участіи. Есть моменты въ жизни, когда человѣкъ долженъ быть одинъ. Есть вопросы, которые нельзя разрѣшить вдвоемъ; бываетъ ноша, которую, какъ бы ни была она тяжела, человѣкъ не можетъ раздѣлить ни съ кѣмъ, а долженъ нести ее одинъ, хотя бы она грозила раздавить его своей тяжестью.

Крученинов понялъ это и, тихонько пріотворивъ дверь, прошелъ въ ложу и сѣлъ тамъ. Посмотрѣвъ на сцену, онъ увидѣлъ, что тамъ была уже совсѣмъ другая обстановка. Изъ этого онъ заключилъ, что они не замѣтили, какъ прошелъ антрактъ и началось новое дѣйствіе.

Онъ сидѣлъ въ углу ложи, поглядывая на сцену и часто прислушиваясь къ тому, что дѣлается въ комнаткѣ.

Прошло минутъ десять. Людмила все сидѣла въ своей позѣ съ закрытымъ лицомъ.

Она думала о томъ, что жизнь какъ бы нарочно толкаетъ ее на иной путь, чѣмъ тотъ, какой приготовила ей мать. Уже давно стала выходить она изъ-подъ ея вліянія и сворачивать на другую дорогу, но это только въ затаенныхъ мысляхъ. Въ послѣдніе два года особенно это стало проявляться.

Когда Ирина Васильевна говорила съ нею въ своемъ обычномъ направленіи, она слушала и чувствовала въ себѣ какой-то голосъ, который непрестанно, неумолчно какъ бы возражалъ. Мать говорила, а голосъ шепталъ: «Это не такъ, это несправедливо, это противъ истины... Жизнь не такова, люди не такъ злы, есть въ жизни свѣтлое и доброе, во что можно вѣрить... развѣ ты не чувствуешь его въ себѣ? Развѣ тебѣ не хотѣлось тысячу разъ откликнуться на людское горе, протянуть руку помощи, выразить сочувствіе? Ты всегда подавляла въ себѣ эти стремленія подъ вліяніемъ твоей матери...»

Да, да, это такъ и было, она подавляла; но откуда же это бралось у нея? Вѣдь никогда во всю свою жизнь она не слышала другихъ взглядовъ. Если она встрѣчала ихъ въ книгахъ, то Ирина Васильевна разбивала ихъ своимъ «толкованіемъ». Она зорко слѣдила за всѣмъ и не пропускала ничего. Все было подчинено ея контролю.

И тѣмъ не менѣе въ ней всегда жило что-то протестующее. «Это кровь», сказалъ Крученинова, его кровь, Рокотова, котораго онъ изображаетъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, святымъ.

А можетъ быть, и не Рокотова только, а и самой Ирины Васильевны, потому что вѣдь и она въ тѣ дальнія времена была другой. Въ тѣ дальнія времена? А потомъ? Въ самомъ ли дѣлѣ она такъ ужъ совсѣмъ похоронила все прежнее и безповоротно стала иной?

А эти долгіе мучительные часы, когда она бывала одна, просиживая въ креслѣ съ блѣднымъ лицомъ, неподвижная, съ глазами, точно устремленными въ то далекое прошлое, изъ котораго она сама вышла и противъ котораго теперь жила, или когда она лежала на кровати, уткнувъ лицо въ подушку и никому не показывая своихъ глазъ...

Можетъ быть, въ эти часы она душой жила въ тѣхъ временахъ... Можетъ быть, ей являлись какіе-нибудь полузабытые образы, укорявшіе ее, каравшіе, и душа ея передъ ними трепетала?

А то отвращеніе, которое иногда являлось у нея въ глазахъ, когда она разговаривала съ Поршневымъ? А та непримиримость, съ которой она относилась къ Балясову!

Вѣдь Балясовъ живетъ совсѣмъ такъ, какъ нужно, по ея взглядамъ. Онъ ни во что не вѣритъ, презрѣлъ всякую правду, живетъ для себя, ѣстъ, пьетъ, развратничаетъ, выжимаетъ изъ людей и изъ случая для себя выгоду, умножаетъ свой капиталъ, чтобы потомъ «властвовать», какъ она любитъ говорить. А между тѣмъ, она его презираетъ...

И какъ вдругъ послѣ разсказа Крученинова ея мать вся освѣтилась въ ея глазахъ! До сихъ поръ она многое не понимала въ ней. Какъ съ ея природной брезгливостью, съ ея тонкой чуткой организаціей она могла сдѣлаться женой Балясова? Какъ она не почувствовала въ немъ того, чѣмъ онъ сталъ? Какъ могла она, любя ее, Людмилу, безумно, сознательно и съ такой желѣзной послѣдовательностью вести ее на тотъ путь, который она, Людмила, не задумываясь, считаетъ гибелью для всего, что есть въ ней человѣческаго?

Теперь она понимаетъ все это. Изъ всѣхъ душевныхъ качествъ, между которыми есть очень цѣнныя, у Ирины Васильевны

больше всего была развита гордость, гордость законная, потому что она была лучше другихъ, тѣхъ, что окружали ее. И эта гордость была оскорблена. Вотъ откуда пошла эта злоба противъ людей и противъ всего свѣтлаго и добраго.

Она берегла себя, была недоступна, она какъ бы хранила себя для *него* и *онъ* пришелъ и она ему отдалась и вотъ не прошло и года, какъ онъ оттолкнулъ ее въ сторону ради какихъ-то высшихъ цѣлей. Для Людмилы эти высшія цѣли непонятны. Она ихъ не знаетъ. И судить сейчасъ о томъ, былъ ли онъ правъ, она не можетъ.

Но почему же ее влечетъ туда? Ей кажется, что тамъ-то именно и есть тотъ другой свѣтлый міръ, который до сихъ поръ былъ закрытъ для нея.

«Надо знать жизнь со всѣхъ сторонъ», всегда говоритъ ей мать, а развѣ это не жизнь? Развѣ это не новая и не важная сторона ея? До сихъ поръ она видѣла только однѣ тѣни, теперь ее зовутъ увидѣть свѣтъ.

Затѣмъ явился у нея практическій вопросъ: какъ сдѣлать это? Если она пойдетъ напрямикъ и сейчасъ вотъ, придя домой, скажетъ все матери—ей никогда не увидѣть того міра. Что сдѣлаетъ Ирина Васильевна, она не знаетъ, но знаетъ навѣрное, что она сдѣлаетъ все, она умретъ, если это будетъ нужно. Значитъ, надо солгать. Такъ она ищетъ свѣта при посредствѣ обмана Должно быть, жизнь такъ устроена, что безъ обмана въ ней ничего не добьешся, даже истины.

И по мѣрѣ того, какъ она сосредоточивалась на этихъ мысляхъ, въ душѣ ея проходило смятеніе, понемногу она освоивалась съ своимъ новымъ положеніемъ. Дѣло начинало казаться ей простымъ.

Когда-то, въ давнія времена, помимо ея участія, случилось что-то—она произошла на свѣтъ и посторонняя воля поставила ее въ такія условія, противъ которыхъ теперь возмущается въ ней что-то, не знаетъ она что—можетъ быть, кровь... И вотъ теперь судьба точно хочетъ поправить свою ошибку и показываетъ ей новую дорогу. Но вѣдь это еще не значитъ, что она непремѣнно выберетъ ту дорогу. Ей почти двадцать лѣтъ, благодаря старанію Ирины Васильевны, въ ней развиты наблюдательность и критическая сторона ума, она увидитъ и разсудитъ. Но что она должна и имѣетъ право увидѣть, въ этомъ она уже ни на минуту не сомнѣвалась.

На сценѣ еще продолжался второй актъ, Крученинов вышелъ изъ ложи и увидѣлъ ее уже совсѣмъ оправившейся, она точно очнулась отъ долгаго сна. Глаза ея смотрѣли разумно, она даже чуть-чуть улыбалась. Она протянула ему руку.

— Благодарю васъ, Александръ Максимовичъ... Вы видите, я уже переварила... Благодарю васъ.

— За что?—съ удивленіемъ спросилъ Крученинов.

— За все. И за то, что вы встрѣтились со мной, и за то, что пришли сюда и разсказали мнѣ то, что близко меня касается, и даже за то, что вы три года были моей тайной полиціей...

— Вы рѣшили?

— Да я рѣшила, хотя еще не знаю, какъ это сдѣлать. Впрочемъ, Любочка Кострова поможетъ мнѣ. Вы ее не знаете?

— Немного знаю...

— И, конечно, не одобряете... У васъ такой тонъ...

— Она еще слишкомъ молода,—неизвѣстно, во что выльется.. но много шансовъ, что выльется она въ...

— Не стѣсняйтесь...

— Въ кокотку.

— А мы развѣ дадимъ ей сдѣлать это?

— Мы?

— Да, это я поторопилась. Мнѣ вдругъ показалось что... ну, однимъ словомъ... да, вы правы; но у Любочки хорошая душа.

— Я не знаю ее. Знаю только, что вы сохранились, несмотря на всѣ старанія извратить васъ, а она какъ разъ напротивъ: сама себѣ создала міросозерцаніе кокотки, несмотря на противодѣйствіе ея матери... Впрочемъ, сейчасъ мнѣ до нея нѣтъ дѣла. Значитъ, я получу отъ васъ предупрежденіе. Я больше вамъ не нуженъ?

— Вы можете досмотрѣть пьесу.

— Но я ея не видѣлъ... Нѣтъ, я пойду, мнѣ вѣдь далеко.

Онъ протянулъ руку:

— До скораго свиданія... Я разскажу много хорошаго моему старому химику...

— Какъ странно!—сказала Людмила. — Я узнала, что существуетъ мой отецъ и что онъ здѣсь и вотъ къ нему лично я не почувствовала никакого влеченія. Меня онъ интересуетъ, но не влечетъ... Онъ мнѣ чужой... Знаете, вотъ вы сказали: вашъ старый химикъ... и мнѣ представляется, что я вышла изъ химической реторты, развѣ это не странно?

— Не знаю. Это вопросъ физіологіи, мы его обсудимъ вмѣстѣ съ нимъ,—съ улыбкой отвѣтилъ Крученинов, простился съ нею и вышелъ.

Тогда Людмила встала, подошла къ зеркалу, поправила свою прическу и привела себя въ порядокъ. Второе дѣйствіе еще шло. Она нашла удобнымъ выйти теперь, когда въ корридорѣ не было публики, и пройти за кулисы. Теперь она нашла дорогу довольно легко.

Любочка была въ уборной.

— Ну, что, ты меня видѣла? Какъ нашла?—спросила она.

— Видѣла, но... милая Любочка, ты прости меня... я была въ такомъ состояніи... что ничего не могла понять... Кажется, хорошо, весело, смѣялись и апплодировали.

Людмила почувствовала себя утомленной и улеглась на диванѣ. Любочка болтала. Во время антракта къ ней стучались, но она гнала всѣхъ.

Потомъ начался третій актъ, она уходила играть, а Людмила все лежала и чувствовала, какъ отдыхаетъ не только ея тѣло, но и душа.

Любочка прибѣжала веселая, радостная. Въ послѣдней сценѣ третьяго дѣйствія она играла такъ весело, что весь театръ хохоталъ и ее проводили дружными апплодисментами. Ее поздравляли не только Оглынскій, но и другіе директора. Всѣ открыли въ ней комическій талантъ.

Она переодѣвалась, снимала гримъ и дѣлала все это чрезвычайно быстро. Онѣ вышли изъ уборной, когда еще продолжался антрактъ, сейчасъ же взяли извозчика и поѣхали къ Балясовымъ.

— Ты не покидай меня сейчасъ,—попросила Людмила,—мнѣ будетъ тяжело одной съ матерью.

— Ну, право же, я могу подумать, что ты замышляешь что-нибудь ужасное.

— Можетъ быть, и такъ, Любочка.

— Но противъ кого же?

— Противъ всего моего прошлаго, мой другъ. Но ты не напрягай свой мозгъ, все равно ничего не поймешь, пока не узнаешь. Ахъ да, ты мнѣ еще нужна. Какъ можно скорѣе придумай что-нибудь, чтобы я могла опять уйти изъ дому часа на четыре.

— И это будетъ всю жизнь продолжаться?

— О, нѣтъ.. Еще только одинъ разъ. А потомъ—потомъ я уже буду въ открытую,—очень твердо и рѣшительно сказала Людмила.

Онѣ пріѣхали.

VIII.

Модестъ Петровичъ Балясовъ въ канцеляріи занималъ отдѣльный кабинетъ. Правда, было начальство выше его, и не одно, къ которому онъ являлся съ докладомъ, но это начальство существовало больше для порядка, чтобы чиновники не думали, что у нихъ нѣтъ высшаго начальства и не распускались. Настоящее начальство—не надъ чиновниками, а надъ дѣлами,—былъ Балясовъ. Въ его кабинетъ тоже приходили съ докладами, но доклады

эти уносились не съ резолюціями, а съ указаніемъ, какъ что надо сдѣлать, какое дать направленіе тому или иному дѣлу.

Почти двадцать лѣтъ работалъ въ этой канцеляріи Балясовъ и зналъ ее «до мозга костей», какъ онъ самъ любилъ говорить. Помимо способностей и знанія спеціальной стороны дѣла, онъ обладалъ еще умѣньемъ дѣлаться необходимымъ. И здѣсь онъ сдѣлался такимъ больше, чѣмъ кто бы то ни было.

Связей у него не было и потому онъ считалъ, что, дойдя за двадцать лѣтъ до «своего» кабинета, онъ свершилъ многое. А главное, что онъ ничего больше не желалъ, и не только не желалъ, но даже боялся. Балясовъ разсуждалъ такимъ образомъ: министромъ я все равно не буду, самое большое, что заткнутъ меня въ какую-нибудь почетную дыру и заставятъ въ ней почетно догнивать свой вѣкъ. А тутъ рангъ не Богъ знаетъ какой высокій, а польза есть. Такъ лучше при пользѣ оставаться.

Правда, за нимъ почему-то установилась репутація человѣка демократическихъ убѣжденій.

Но дѣло въ томъ, что демократизмъ этотъ ему не только не мѣшалъ, а даже способствовалъ.

Когда кто-нибудь отдаленно намекалъ начальству на нѣкоторыя односторонности Балясова въ вопросахъ о казенныхъ подрядахъ, проходившихъ черезъ его руки, то начальство возражало:

— Что вы, помилуйте, Балясовъ,—онъ такой демократъ! Это невозможно!

И не вѣрило. И когда Балясовъ думалъ объ этомъ, то съ полнымъ основаніемъ могъ утверждать, что «демократизмъ тоже имѣетъ свои хорошія стороны».

Это было на другой день послѣ того воскресенія, когда у Модеста Петровича былъ «дружескій завтракъ», а у Людмилы свиданіе съ Крученниновымъ.

Модестъ Петровичъ завтракалъ что-то слишкомъ долго и пріѣхалъ домой часа въ два ночи. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно пользовался чернымъ ходомъ и, пройдя черезъ кухню, входилъ прямо изъ корридора въ свой кабинетъ. Тамъ, въ глубокомъ альковѣ, стояла его кровать и онъ на нее ложился. Происходило это отъ того, что онъ не могъ ручаться за твердость своихъ ногъ и не хотѣлъ своимъ домашнимъ давать матеріалъ для осужденія. Такъ было и въ этомъ случаѣ и никто уже не справлялся, пришелъ ли онъ. Къ этому привыкли. Въ послѣдніе два-три года Модестъ Петровичъ «дружески завтракалъ и обѣдалъ» чуть не каждый день.

Но одной изъ добродѣтелей, на которыхъ держалась его репутація въ канцеляріи, была аккуратность. Несмотря ни на что, онъ всегда приходилъ на службу въ десять съ половиною часовъ.

Для этого надо было вставать въ девять, что онъ сдѣлалъ и въ этотъ день.

Поэтому физіономія его была сонная, глаза сильно воспалены, а мѣшки вокругъ ихъ какъ-то вздуты, точно въ нихъ накачали воздуха. Но дѣлалъ онъ свое дѣло исправно,—чиновники къ нему входили и выходили съ бумагами, а съ двѣнадцати до часу являлись и постороннія лица, имѣвшія дѣло до канцеляріи.

Немного раньше двѣнадцати часовъ курьеръ подалъ ему карточку, на которой было напечатано: «Владиміръ Ивановичъ Поршневъ». Владѣлецъ карточки тотчасъ же былъ приглашенъ въ кабинетъ.

Поршневъ участвовалъ во вчерашнемъ «завтракѣ», но онъ былъ гораздо крѣпче Балясова, и въ лицѣ его не осталось никакихъ слѣдовъ.

— Осмѣлюсь обезпокоить ваше превосходительство, — комически сказалъ Поршневъ, пародируя почтительность, рабски кланяясь и какимъ-то особеннымъ образомъ выгибая свою заднюю часть. Потомъ онъ разсмѣялся и просто сказалъ:—давненько не видались, соскучился...

— Еще бы, со вчерашней ночи, отозвался Балясовъ,—садись-ка.

Поршневъ сѣлъ на предложенный стулъ.—Ну, и лицо же у тебя, не приведи Богъ... Знаешь, для статскаго совѣтника не того, не подходитъ...

— Чортъ возьми, будетъ такое лицо, коли каждый день этакъ-то завтракать... Нѣтъ, это надо прекратить... Здоровье дороже...

— Прекращаютъ обыкновенно завтра, а сегодня въ послѣдній разъ...

— А что такое сегодня?

— Сегодня мы обѣдаемъ съ Разбухаевымъ. Я именно и думалъ, что ты позабудешь и заѣхалъ напомнить...

— Я не поѣду...

— Ну, вотъ... Какъ же не поѣдешь, когда обѣщано?... И мнѣ извѣстно, что уже предприняты мѣры...

— Какія мѣры?

— Мѣры серьезныя—сообразно званію и положенію вашего превосходительства.

— А именно?

— А именно: въ трактирѣ «Малый Ярославецъ» приговорены къ смертной казни черезъ кипяченіе ради ухи три стерляди, съ малыхъ лѣтъ воспитанныя примѣнительно къ потребностямъ и вкусамъ вліятельныхъ петербургскихъ особъ.

— Ну, это что... Это ужъ надоѣло.

— Постой, ты слушай, что будетъ дальше. Къ нимъ изготовляются по особому рецепту, добытому у тѣстовскаго повара, въ бытность мою въ Москвѣ, растегаи съ волшебной кашицей изъ манны небесной съ примѣсью олимпійской амброзіи...

— Толкуй! Прескверные тамъ растегаи...

— Нѣтъ, нѣтъ, это особые... Ужъ это, братъ, съ моимъ благосклоннымъ участіемъ и за моимъ ручательствомъ, и такъ же вѣрно, какъ если бы, напримѣръ, я сдѣлалъ бланковую надпись на векселѣ... За симъ будутъ разнаго рода нектары и между ними одинъ—красный нектаръ изъ бургундской земли такого качества, что пальчики оближешь, если бы они даже были выпачканы въ казенныхъ чернилахъ.

— Хорошее бургонское?—спросилъ Модестъ Петровичъ и въ его до сихъ поръ вялыхъ и сонныхъ глазахъ появился легкій блескъ.

— Да ужъ это повѣрь: всего три бутылки такихъ во всемъ Петербургѣ и они будутъ тамъ... А впослѣдствіи сего—у подъѣзда зазвенятъ бубенцы, и лихая тройка умчитъ насъ въ края, «гдѣ жизнь и любовь, и блаженство».

— Это на Крестовскій, что ли? Ну, знаешь, меня тамъ уже отъ каждаго угла тошнитъ... Помилуй, чуть не каждый день...

— Крестовскій что? Крестовскій, это такъ, для порядка... Ну, въ родѣ какъ если ѣхать въ Мадридъ или въ Лондонъ, то не миновать Парижа. А главное-то будетъ послѣ: съ дебютантками!.. Понимаешь? Свѣжая майская роза...

— Да ну?

У Модеста Петровича заиграли огни въ глазахъ и пухлыя щеки его зарумянились. Онъ даже всталъ со стула, и вся сонливость его прошла.

— Такъ теперь ты не забудешь?—лукаво подмигнувъ, спросилъ Поршневъ.

— Нѣтъ, братъ, не забуду, если не врешь,—отвѣтилъ Балясовъ.

— Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ никогда не вру... Ага, вишь, какъ зарумянился... Ахъ, старый развратникъ!.

Кто-то постучался въ дверь.

— Ну, ну, я сейчасъ убираюсь,—промолвилъ Поршневъ,—я вѣдь только напомнить забѣжалъ. Ахъ, да, вотъ что: обѣдъ въ шесть съ половиной, а ты пріѣзжай пораньше, прямо отсюда.

— Въ вицъ-мундирѣ?

— Ничего, я заѣду къ тебѣ и захвачу твой пиджакъ, тамъ переодѣнешься... Видишь ли, у меня есть кое-что сказать тебѣ, помимо обѣда и помимо Разбухаева!.. Понимаешь? Очень интересное. Иду, иду...

— Войдите!—сказалъ Балясовъ тому, кто стучался.

Вошелъ чиновникъ съ бумагой, а Поршневъ сейчасъ же простился и вышелъ.

Чиновникъ показалъ бумагу и излагалъ какое-то дѣло, а Модестъ Петровичъ слушалъ его разсѣянно и плохо понималъ. Сообщеніе Поршнева о предстоящемъ обѣдѣ мало трогало его, но прибавка относительно поѣздки куда-то послѣ Крестовскаго съ обѣщаніемъ «дебютантокъ» сильно взволновало его порядочно-таки обостренную чувственность.

— Хорошо, пожалуйста оставьте это мнѣ,—сказалъ онъ чиновнику и тотъ поклонился и ушелъ. Въ дѣлахъ онъ на слово никому не вѣрилъ, а между тѣмъ, по совѣсти долженъ былъ сказать, что плохо усвоилъ то, что говорилъ ему чиновникъ. Но онъ былъ добросовѣстный начальникъ и со всякимъ дѣломъ знакомился лично. Притомъ же всѣ дѣла между собою были въ связи, одно цѣплялось за другое. Въ его тонкихъ оборотахъ съ «искателями», при небрежности можно было попасть въ просакъ.

Видъ бумаги и чернилами начертанныхъ буквъ скоро возвратилъ ему присутствіе духа и онъ занялся дѣломъ.

Онъ принималъ чиновниковъ, потомъ частныхъ лицъ, затѣмъ опять чиновниковъ. Пріѣхало начальство, онъ пошелъ къ нему съ докладомъ и получилъ желательныя резолюціи, которыя были имъ подготовлены такимъ образомъ, что ни въ какомъ случаѣ не могли быть другими.

Но среди всѣхъ этихъ дѣлъ его часто волновала мысль о томъ «кое-что», которое пообѣщалъ ему Поршневъ и ради котораго надо было пріѣхать въ ресторанъ пораньше. Что такое? Балясовъ привыкъ, чтобы у него все шло гладко, онъ не признавалъ ничего непредусмотрѣннаго. А тутъ, очевидно, что-то непредусмотрѣнное.

Поршневъ не даромъ воздержался отъ сообщенія сейчасъ. Очевидно, онъ нашелъ неудобнымъ говорить это въ канцелярскихъ стѣнахъ.

Съ Поршневымъ они стали пріятелями и на ты не такъ давно. Въ студенческія времена они хотя и были знакомы, но очень мало и между ними не было ничего общаго. Когда Поршневъ явился въ качествѣ «искателя», то ему пришлось напоминать о себѣ, настолько мало зналъ его Модестъ Петровичъ.

Но когда было «сдѣлано дѣло», очень замѣтно увеличившее вкладъ Модеста Петровича въ банкѣ и когда было воспринято вмѣстѣ нѣсколько завтраковъ и обѣдовъ, они хорошо познали другъ друга, сблизились, а затѣмъ оказалось, что Поршневъ чрезвычайно удобенъ и полезенъ для Балясова. По мѣрѣ того, какъ дѣла расширялись, Балясову все становилось неудобнѣе входить въ личныя сношенія съ «искателями». Поршневъ же зналъ полъ-міра и ему ничего не стоило сдѣлаться посредникомъ. Такимъ образомъ

не было ни одного завтрака и обѣда, въ которыхъ не участвовалъ бы Поршневъ. А въ близкомъ будущемъ предвидѣлось еще большее сближеніе. Поршневъ смотрѣлъ на себя, какъ на будущаго зятя Балясова, и Модестъ Петровичъ, хотя это отъ него и не зависѣло, сильно поощрялъ его. Такимъ образомъ, ихъ отношенія были очень тѣсныя, и если Поршневъ нашелъ нужнымъ для сообщенія назначить особый часъ и мѣсто, то значитъ было что-нибудь тонкое.

Въ пять съ четвертью въ канцеляріи обыкновенно кончались занятія. Собственно, работа кончалась въ пять, а четверть часа шли на расхожденіе чиновниковъ. Модестъ Петровичъ прямо со службы поѣхалъ въ ресторанъ.

Когда онъ вошелъ въ подъѣздъ, швейцаръ чуть не принялъ его въ объятія и сообщилъ, что «Владиміръ Ивановичъ уже съ полчаса дожидаются».

Когда же Балясовъ поднялся наверхъ и путешествовалъ знакомыми ходами въ отдѣльный кабинетъ, встрѣчавшіеся на пути лакеи кланялись ему и говорили: «Мое почтеніе, ваше превосходительство!»

— Ну, вотъ, наконецъ-то,—воскликнулъ Поршневъ, выглядывавшій изъ-за цѣлой горы уставленныхъ на столикѣ закусокъ и водокъ. А вотъ и партикулярный пиджакъ для превращенія его превосходительства въ демократа...—прибавилъ онъ, указывая на пиджакъ, лежавшій на диванѣ.

— Вотъ и отлично!

И Модестъ Петровичъ снялъ вицъ-мундиръ и облачился въ пиджакъ.

— Развѣ я опоздалъ? Я торопился.

— Не то что-бъ... А только я здѣсь погибаю въ одиночествѣ... Знаешь, вѣдь я животное общественное.

— Что ты животное, я въ этомъ не сомнѣваюсь, а насчетъ общественности—это мы подождемъ.

— Ну, ладно, ладно, не въ этомъ дѣло.

— Вотъ именно я хотѣлъ бы знать, въ чемъ дѣло.

— А дѣло въ твоемъ, такъ сказать, предшественникѣ...

— Что? Это кто же?

— Ха, ха! вотъ какъ ты недогадливъ, ваше превосходительство! А еще считаешься умнымъ чиновникомъ. Кто же, какъ не онъ, подвижникъ и агитаторъ, Сергѣй Николаевичъ Рокотовъ?

— Какое мнѣ до него дѣло?—сказалъ Модестъ Петровичъ и на лицѣ его появилась брезгливая мина.

— Тебѣ-то нѣтъ до него дѣла, а ему есть до тебя. Онъ шевелится, а мой Алабекъ не дремлетъ.

— Это твой татаринъ-студентъ?

— Ну, да. Сегодня прибѣжалъ ко мнѣ въ десять часовъ утра и повѣдалъ, что вчера въ нѣкоемъ театрѣ было свиданіе между наперсникомъ Рокотова, этимъ малоумнымъ Крученинымъ, и Людмилой Модестовной.

— Твой Алабекъ навралъ! Это невозможно... Бдительная Ирина этого не допуститъ.

— Ну, знаешь, и бдительную Ирину Васильевну можно обойти. Людмилочка, она святая-святая, а поди-ка, оплела Ирину Васильевну такъ, что она ничего и не подозрѣваетъ.

— Это фактъ?

— Да ужъ если Алабекъ прибѣжалъ въ десять часовъ утра, то значитъ было съ чѣмъ. Зря не станетъ безпокоить; я его въ строгости содержу.

— И, разумѣется, онъ попросилъ у тебя денегъ?

— Само собою. Это вѣдь стоитъ. И кромѣ того я ему разрѣшилъ явиться сегодня, но не сюда, ибо здѣсь будетъ съ Разбухаевымъ дѣловой разговоръ, а прямо на Крестовскій и пріобщиться къ блаженной жизни на счетъ Разбухаева.

— Это для чего же?

— А именно для того, чтобы онъ тебѣ самолично подтвердилъ фактъ.

— Но чего же онъ хочетъ, наконецъ, этотъ господинъ?

— Кто это? Рокотовъ? Да какъ чего? Дѣла его всегда были плохи, а твои вотъ хороши. Ну, отчего же не пошантажировать? Вѣдь если хорошенько приняться, то изъ тебя, ваше превосходительство, можно кое-что выудить... А, какъ ты думаешь? Ха, ха! Ну, ужъ и покраснѣлъ... Ничего, ничего, это я по дружбѣ... А все-таки остерегайся... Людмилочка теперь въ какой-то необыкновенной ажитаціи... Того и гляди—снюхается съ нимъ... И станетъ онъ требовать отъ тебя—не денегъ, о, нѣтъ, а такъ въ родѣ какъ бы отступного... Я тебѣ совѣтую одно изъ двухъ: или внуши Иринѣ Васильевнѣ, чтобы поскорѣе привела ее къ моему знаменателю... Или повѣдай о нахожденіи этого сокровища въ Петербургѣ Иринѣ Васильевнѣ и она ужъ съумѣетъ поступить съ нимъ по его заслугамъ.

— Чортъ его возьми, этого господина! Его присутствіе меня бѣситъ. Я не понимаю, чего это я съ Ириной деликатничаю? вотъ возьму да и скажу... Пусть вѣдается съ нимъ. Вѣдалась же когда-то...

— Ого!.. А что, какъ она возьметъ да и уйдетъ къ нему съ дочерью?..

— Ну и пускай себѣ... На извозчика выдамъ, вотъ и все...

— Ай-ай-ай!.. Мо-дестъ! Ваше превосходительство!.. А мои интересы ты, значитъ, по-боку? Изъ-за чего же я огородъ го-

родилъ? Прими мѣры, прими мѣры, Модестъ Петровичъ. Могутъ быть большія непріятности тебѣ и мнѣ. Хоть ты и очень ловокъ, а все же не неуязвимъ. А онъ, ты знаешь, шутить не умѣетъ.

— Ты это нарочно передъ обѣдомъ разсказалъ мнѣ, чтобы испортить мнѣ аппетитъ?

— Ну, аппетитъ тебѣ испортить трудно. Стой, шаги... Это Разбухаевъ... Я распознаю его мелкіе шаги... Тебѣ онъ нравится этотъ мужчина?

— Нисколько.

— Препротивный мужчиина... Ящерица какая-то...

Постучались въ дверь.

— Милости просимъ,— привѣтливо сказалъ Поршневъ,—а вотъ и онъ самъ, а мы только что объ васъ говорили.

— Бранили небось?—спросилъ какимъ-то хриплымъ жалкимъ надтреснутымъ голосомъ вошедшій человѣкъ страннаго сложенія.

— Что вы? что вы? За что же васъ бранить? Когда дѣло дѣлаютъ вмѣстѣ, и бранить другъ друга, такъ это лучше не начинать.

Разбухаевъ не соотвѣтствовалъ своей фамиліи. Средняго роста, какой-то необыкновенно узкотѣлый, онъ, казалось, состоялъ изъ однѣхъ только костей, обтянутыхъ кожей. Фигура его представляла не прямую, а скорѣе дугообразную линію, хотя онъ не былъ ни горбатъ, ни сутуловатъ. Просто у него была такая манера держаться.

Можетъ быть, онъ выработалъ ее низпоклонствомъ, которымъ занимался въ свое время, когда состоялъ на службѣ, съ которой его выгнали за какую-то чрезмѣрную гадость.

На видъ ему было лѣтъ пятьдесятъ. Волосы на головѣ его были рѣдкіе и сѣдые, лицо обросло тоже рѣдкими, но еще почти сплошь черными, жесткими волосами, торчавшими такимъ образомъ, что казалось, будто каждый изъ нихъ вколотъ въ тѣло отдѣльно. Усы у него были подстрижены и полудугой возвышались надъ ртомъ. На тонкихъ синихъ губахъ, какъ-то мигавшихъ и вздрагивавшихъ, постоянно играла змѣиная усмѣшка. Недобрый огонь горѣлъ въ его глазахъ, а онъ усердно старался придать ему льстивость, вслѣдствіе чего впечатлѣніе получалось какое-то смѣшанное и очень непріятное.

Пиршество началось и продолжалось обычнымъ порядкомъ. Всѣ трое ѣли и пили изрядно, но больше всѣхъ Модестъ Петровичъ.

Балясовъ тутъ являлся просто-таки жертвой своей разсчетливости. Онъ никогда ничего не платилъ за пиршества, но онъ зналъ, что за все предлагаемое заплачено. И онъ не могъ равнодушно видѣть съѣдобныхъ предметовъ, за который заплачены дорогія цѣны и которые оставались не истребленными. Поэтому онъ

съѣдалъ множество закусокъ, въ особенности дорогихъ. Увидитъ, что зернистая икра осталась недоѣденной, и его роковымъ образомъ тянетъ докончить ее.

Когда же его желудокъ отказывался вмѣщать, онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на лакеевъ, уносившихъ закуски вонъ и у него являлась затаенная мысль: «все это можно бы унести домой и угощать знакомыхъ,—вѣдь заплачено».

Благодаря этому онъ во всякомъ обществѣ, несмотря на то, что по природѣ не былъ пьяницей, напивался больше всѣхъ. На этотъ разъ случилось тоже. Въ то время, какъ Поршневъ и Разбухаевъ часамъ къ десяти были только на веселѣ, Модестъ Петровичъ уже сильно нуждался въ свѣжемъ воздухѣ. Глаза его посоловѣли, голова отяжелѣла.

Они собрались уѣзжать и уже надѣли шубы. И вдругъ глаза Балясова остановились на пузатой бутылкѣ, стоявшей на столѣ среди другихъ бутылокъ и грязной посуды. Это была третья изъ тѣхъ знаменитыхъ бутылокъ, которыя такъ расхваливалъ утромъ Поршневъ, дѣйствительно рѣдкое и дорогое вино.

Модестъ Петровичъ, несмотря на то, что былъ уже въ шубѣ и въ калошахъ, пошатываясь, подошелъ къ столу и протянулъ руку къ бутылкѣ.

— Брось,—сказалъ ему Поршневъ, видѣвшій, что ему теперь полезнѣе всего свѣжій воздухъ.

— Ну, нѣтъ, братъ... четверть бутылки осталось... Дорогое!.. Зачѣмъ пропадать будетъ?..—возразилъ Модестъ Петровичъ и, наливъ цѣлый стаканъ краснаго вина, залпомъ выпилъ его.

И пришлось компаніонамъ вести его подъ руки и усаживать въ троечныя сани.

Въ саняхъ онъ заснулъ. Морозный воздухъ обвѣялъ его голову и, когда пріѣхали на Крестовскій, онъ встряхнулся, вышелъ изъ саней и былъ уже трезвъ. Это для него уже сдѣлалось дѣломъ привычки. Участвуя чуть не каждый день въ дружескихъ завтракахъ и обѣдахъ, онъ пріучилъ свою голову экстренно протрезвляться, чтобъ она могла воспринимать новый хмѣль.

Когда они вошли въ залъ, гдѣ раздавались звуки оркестра и выкрикиванія какого-то женскаго голоса, лакеи бросились къ нимъ, какъ къ своимъ лучшимъ друзьямъ, и стали предлагать имъ столъ. Въ то же время изъ-за лакейскихъ спинъ выглянула высокая плечистая фигура съ огромной головой, на которой какъ-то преобладали черные волосы, остриженные ежомъ, захватывая значительную часть лба, отчего самый лобъ казался невѣроятно малымъ. Лицо у него было четырехъугольное, темносѣраго цвѣта, сильно изрытое оспой. Пара черныхъ глазъ горѣли на немъ, какъ угли, растительность на лицѣ была странная, расположенная по

щекамъ кустиками. Фигура была въ свѣжемъ студенческомъ мундирѣ съ отдувавшейся на боку шпагой.

— А вотъ и Алабекъ!.. Поджидаешь?—сказалъ Поршневъ.

— Тугъ какъ тутъ!—сказалъ самъ Алабекъ, раздвинувъ губы въ широкую улыбку и показавъ очень бѣлые зубы и блѣдно-синія десны.

Студентъ Алабековъ былъ татаринъ по происхожденію. Уроженецъ юга, онъ принадлежалъ къ разбогатѣвшей торговой семьѣ и въ дѣтствѣ пользовался благами богатства. Тогда онъ учился въ гимназіи и кончилъ ее.

Но когда ему надо было ѣхать въ университетъ, въ семьѣ его случилась катастрофа. Богатство ихъ оказалось дутымъ. Отецъ Алабекова весь былъ въ долгахъ, и чтобы поправить дѣло, онъ устроилъ грандіозный пожаръ своего магазина, былъ уличенъ и осужденъ въ Сибирь. Семейство осталось безъ гроша.

Но молодой Алабековъ все-таки добрался до Петербурга и поступилъ въ университетъ. Сразу онъ повелъ себя странно. Кромѣ вкусовъ человѣка, вышедшаго изъ богатой, но не культурной семьи, онъ обладалъ еще способностью навязывать себя людямъ, которые вовсе не хотѣли имѣть съ нимъ дѣла.

Онъ ловко составлялъ знакомства, присасывался къ кутящимъ компаніямъ и наслаждался жизнью, ничего не платя, пока его не гнали. Среди товарищей у него была самая скверная репутація, какую только можно представить. Съ нимъ не хотѣли разговаривать; въ аудиторіи скамейка, на которой онъ сидѣлъ, оказывалась обыкновенно пустой.

Про него ходили самые отчаянные слухи, а въ послѣднее время, когда онъ былъ на третьемъ курсѣ, говорили даже, что онъ исполняетъ порученія полиціи и тайно слѣдитъ за товарищами. Было это или нѣтъ, никто достовѣрно не зналъ, и по всей вѣроятности не было, но склонности сыщика у Алабекова были несомнѣнныя. Это онъ доказалъ послѣ своего знакомства съ Поршневымъ.

Познакомились они здѣсь же, на Крестовскомъ. Алабековъ просто пристадъ къ кутящей компаніи, которая была уже достаточно пьяна, чтобы принять въ себя всякаго желающаго. Случилось какъ разъ, что въ этотъ вечеръ Поршневъ выпилъ много лишняго, что съ нимъ бывало рѣдко, и Алабековъ оказалъ ему благодѣяніе: привезъ его домой на извозчикѣ и передалъ швейцару.

Но уже, разумѣется, Алабековъ этого ему не простилъ и на другой день пришелъ узнать о его здоровьи, а затѣмъ сталъ ходить часто.

Въ это время Поршневъ очень интересовался недавно прибывшимъ въ Петербургъ Рокотовымъ. О его знакомствѣ съ Кру-

чениновымъ онъ зналъ, но проникнуть въ ихъ кругъ его попытки не удались.

Ради знакомства съ Крученинovымъ онъ завязалъ сношенія съ однимъ семействомъ, гдѣ тотъ бывалъ и дѣйствительно встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ. Но тамъ его скоро раскусили и онъ не только отъ Крученинова получилъ отпоръ, но и въ семействѣ ему дали понять, что не хотятъ его знакомства.

Когда же однажды Поршневъ пристально взглянулъ въ физіономію Алабекова, который шлялся къ нему безъ всякой нужды и котораго онъ рѣшилъ было отвадить, его вдругъ осѣнила мысль: «Ба! у этого татарина такое лицо, какое бываетъ у людей, готовыхъ на все!» и онъ сдѣлалъ Алабекову «предложеніе»; тотъ, не задумываясь принялъ и до сихъ поръ исполнялъ довольно удачно.

Неизвѣстно, какими способами, но онъ узнавалъ все, что дѣлалось въ квартирѣ Рокотова и Крученинова, гдѣ они жили вмѣстѣ, у Тучкова моста, и все добросовѣстно докладывалъ Поршневу. За это отъ Поршнева онъ получалъ подачки, а иногда, въ видѣ особаго расположенія, допускался и къ «дружескимъ» завтракамъ и обѣдамъ, но, разумѣется, въ его присутствіи никакихъ дѣловыхъ разговоровъ не вели.

— Алабекъ, подтверди, сказалъ ему Поршневъ, когда они усѣлись за столикъ, и при этомъ выразительнымъ взглядомъ пояснилъ, что именно нужно подтвердить.

Алабековъ посмотрѣлъ на Модеста Петровича и сказалъ:—

— Подтверждаю, чистѣйшій достовѣрнѣйшій фактъ.

Модестъ Петровичъ махнулъ головой въ знакъ того, что онъ понимаетъ и вѣритъ и дальнѣйшихъ объясненій по этому поводу не потребовалъ.

Здѣсь они что-то выпили и затѣмъ, захвативъ съ собой Алабекова, отправились въ таинственное мѣсто, упоминаніемъ о которомъ утромъ Поршневъ привелъ въ такое волненіе Модеста Петровича.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОСТОЕВСКІЙ И НИТЦШЕ.

Сопоставленіе не новое, однако, вопросъ далеко не исчерпанъ и стоитъ на немъ остановиться подробнѣе. Читая Нитцше, такъ часто приходится вспоминать Достоевскаго. Его интересовалъ какъ разъ тотъ инстинктъ жизни, который мучилъ Нитцше всю жизнь. Въ сочиненіи Нитцше «Помраченіе кумировъ» нѣсколько строкъ посвящено автору «Записокъ изъ мертваго дома»: «Достоевскій,—пишетъ Нитцше,—это единственный психологъ, отъ котораго я научился многому; онъ принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ случайностямъ моей жизни, къ лучшимъ даже, чѣмъ открытіе Стендаля. Этотъ *глубокій* человѣкъ, который имѣлъ полное право не высоко ставить поверхностныхъ нѣмцевъ, ощутилъ нѣчто неожиданное для себя по отношенію къ сибирскимъ каторжникамъ, среди которыхъ онъ долго жилъ, къ этимъ тяжелымъ преступникамъ, для которыхъ не было возврата къ обществу; онъ почувствовалъ, что они какъ бы выточены изъ лучшаго, прочнѣйшаго, драгоцѣннѣйшаго дерева, которое только росло на русской почвѣ» *).

Достоевскій глубоко проникъ въ *Нитцшеанскую* сторону человѣческой души, но онъ стоялъ на совершенно другой точкѣ зрѣнія, чѣмъ Нитцше. Какая разница между идеалами, оцѣнками этихъ двухъ философовъ морали! То, что авторъ «Заратустры» ставитъ на вершину горы, авторъ «Преступленія и Наказанія» низводитъ въ подполье, казнитъ. Нитцше рветъ цѣпи тамъ, гдѣ Достоевскій заковываетъ. То, что ненавидитъ авторъ «Веселой науки» (Fröhlichc Wissenschaft»), то сіяетъ, какъ солнце, надъ воззрѣніями автора «Братьевъ Карамазовыхъ».

Тамъ, гдѣ Нитцше кричитъ—«стой!»: Достоевскій восклицаетъ: «прочь». Но оба эти моралиста отъ нравственности требовали отвѣта на одинаковые запросы, до поразительности одинаковые. Пиши Достоевскій свои произведенія теперь, мы могли бы видѣть въ нихъ критику нитцшеанства въ формѣ художественныхъ воспроизведеній,

---

*) „Помраченіе кумировъ". Пер. Ефимова, стр. 119.

«сверхчеловѣковъ», преломляемыхъ чрезъ призму христіанской морали Достоевскаго.

I.

Въ самыхъ краткихъ словахъ мы постараемся воспроизвести тѣ вопросы, которые ставилъ морали Нитцше. Въ обычномъ словѣ Нитцше *имморалистъ*. «Меня называютъ разрушителемъ нравственности добрые и праведные: разсказъ мой безнравственнымъ» *).

Дѣйствительно, всю жизнь свою Нитцше воевалъ съ нравственностью или, вѣрнѣе сказать, «съ нравственностью нравовъ». «Есть два рода людей, отрицающихъ нравственность,—говоритъ онъ въ «Morgenröthe» **),—отрицать нравственность, значитъ: отрицать возможность того, чтобы нравственные мотивы, на которые ссылаются люди, дѣйствительно, руководили ими въ ихъ дѣйствіяхъ, другими словами это значитъ, утверждать, что нравственность состоитъ въ словахъ и принадлежитъ къ самымъ грубымъ и тонкимъ обманамъ (именно къ самообману) людей. *Во-вторыхъ*, «отрицать нравственность»—значитъ отрицать, что нравственныя сужденія основываются на истинахъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предполагается, что нравственныя сужденія были, дѣйствительно, мотивами дѣйствія, но что человѣка привели къ его нравственнымъ дѣйствіямъ ошибки, служащія основою всего нравственнаго сужденія. Это *моя* точка зрѣнія. Я не отрицаю, что многихъ поступковъ, которые называются безнравственными, надо избѣгать и надобно сдерживать ихъ. Я не отрицаю, что слѣдуетъ и требовать, чтобы дѣлали многое изъ того, что называется нравственнымъ. Но то и другое *должно стоять на иной почвѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ*. Мы должны переучиться, чтобы, наконецъ, можетъ быть и поздно достигнуть большаго—*измѣнить свои чувства*».

Итакъ, Нитцше началъ съ вопроса, что есть нравственная истина. Гдѣ критерій истины? И онъ нашелъ его въ нашемъ «я» въ нашей «*жизни*», въ «*я творящемъ, хотящемъ и оцѣнивающемъ*». Надо, слѣдовательно, прежде всего, проанализировать этотъ феноменъ.

Что такое *я*, что такое *жизнь*? Какимъ законамъ она подчиняется? Жизнь есть выраженіе нашего тѣла. «Тѣло—великій разумъ». Это не значитъ восхвалять тѣлесную жизнь. Нѣтъ, это только говоритъ, что жизнь нельзя укладывать въ рамки чувства или разума. Она больше всего этого. Жизнь есть *воля я*. Жизнь есть инстинктъ накопленія силъ, жажда къ власти, творчество, активность. Чего же, въ концѣ концовъ, она добивается? «Смотри,—сказала мнѣ жизнь,—я должна всегда *преодолѣвать* себя самое» («Такъ говорилъ Заратустра», пер.

*) „Такъ говорилъ Заратустра". Перев. Ю. Антоновскаго. 1901 г., стр. 127.
**) „Утренняя заря". Пер. И. И. С. М. 1901 г. Стр. 39—40.

Антоновскаго, 1901 г., стр. 215). Жизнь должна перейти въ *новую форму*. Человѣкъ, сосудъ этой жизни, доженъ перейти въ *новый типъ*—въ *сверхчеловѣка* (Uebermensch). «Я учу васъ о сверхчеловѣкѣ. Человѣкъ есть нѣчто, что должно преодолѣть». Итакъ, ключъ къ жизни найденъ. Въ этомъ направленіи сначала и развивался человѣкъ. Между людьми происходила борьба. «Жажда власти» (Wille zur Macht) явилась двигателемъ исторіи. Болѣе сильныя племена побѣждали и устанавливали свои понятія *добраго* и *хорошаго*. Эти понятія, конечно, не имѣли той цѣны у побѣжденныхъ, какъ у побѣдителей. То, что для побѣдителя *добро*, для побѣжденнаго *зло*. Такимъ образомъ слагаются двѣ морали: «*господская*» и «*рабья*». Между ними завязывается борьба. Вскорѣ образуется *духовная* аристократія въ средѣ рабовъ, мало-по-малу она побѣждаетъ господъ и воцаряется со своей моралью. Эту побѣду одержалъ въ Греціи Сократъ со своимъ ученіемъ о добродѣтели. Затѣмъ выступилъ на сцену еврейскій міръ и, наконецъ, христіанскій. И вотъ результатомъ этого явилось то, что человѣкъ остановился въ своемъ развитіи къ сверхчеловѣку и не только не переходитъ въ высшую форму, а наоборотъ, все болѣе мельчаетъ; онъ измельчалъ уже до того, что не смотритъ на идеалъ, а только «*мигаетъ*». Человѣкъ, который по натурѣ «господинъ», «аристократъ», превращенъ еврейскою и христіанской моралью въ «раба»; человѣкъ, который по натурѣ эстетически-жизнерадостное существо, превращался, начиная съ Сократа, въ раціонально-утилитарную формулу и разучился даже смѣяться какъ слѣдуетъ. Человѣкъ, который по натурѣ стремится стать сверхчеловѣкомъ, превращается демократической моралью «въ человѣка «средняго уровня», полезнаго, трудолюбиваго, годнаго на многое, и ловкаго стаднаго животнаго». Это паденіе человѣка прогрессируетъ.

«Все несчастье—въ *современномъ ученіи о счастьи и добродѣтели*». Нравственные же идеалы, которые господствуютъ теперь—это мораль любви къ ближнему, къ угнетенному, мораль любви къ стаду, къ толпѣ, мораль отреченія, мораль равенства, *а главное*, мораль, учащая *о будущемъ счастьи людей и объ уничтоженіи страданія*. И ходитъ Заратустра «между людьми, какъ между облаками и отдѣльными частями человѣка!» Онъ видитъ, что человѣчество идетъ по ложной дорогѣ, и люди не понимаютъ, что дѣло не «въ счастьѣ» большинства, что справедливость гласитъ: «люди не равны и не должны быть равны». Если всѣ люди равны, то гдѣ критерій для оцѣнки общества, гдѣ психологическая возможность думать о высшемъ типѣ человѣка, о сверхчеловѣкѣ? Извѣстное разстояніе между людьми—это психологически и логически необходимое условіе для стремленій людей къ сверхчеловѣку.

Единственное, что можетъ спасти еще человѣчество, это направить всѣ усилія на *воспитаніе новаго типа европейца*. Для этого надо

создать новый общественный строй, аристократическій вмѣсто демократическаго. Вверху сидятъ философы-законодатели, которые повелѣваютъ добру и злу, т.-е. создаютъ цѣнности, а внизу толпа работаетъ на нихъ и для нихъ. Люди должны разбить свои скрижали нравственныхъ цѣнностей и понять, что жизнь не ищетъ счастья, пользы для себя; она хочетъ творчества, красоты, любви, рождающей идеалы, она хочетъ культурной активности, чего бы это ей не стоило, какихъ бы жертвъ это не требовало, ибо *меньше* всего жизнь боится *страданій* и самое сильное страданіе—это признакъ созидающихъ. Пусть человѣчество всегда страдаетъ, но только пусть оно остается при этомъ вѣрно смыслу земли, смыслу жизни—сверхчеловѣку. Долой всякія эвдемонистическія, аскетическія, пессимистическія оковы. Отнынѣ «*пусть дѣломъ вашимъ будетъ созданіе сверхчеловѣка!*»

Мы изложили въ самыхъ краткихъ чертахъ смыслъ ученія Нитцше, чтобы только показать, какіе вопросы онъ ставитъ морали и къ какимъ выводамъ онъ пришелъ. Точка зрѣнія, съ какой Нитцше смотритъ на будущій идеалъ—это идеалъ «страдающаго и измученнаго божества» и идеалъ «новаго типа человѣка», съ которымъ онъ соединяетъ могущество, силу, величіе, творчество и самозаконодательство личности.

Въ дальнѣйшемъ мы будемъ иллюстрировать положенія Достоевскаго соотвѣтствующими цитатами изъ Нитцше.

II.

Если Нитцше можно назвать философомъ-белетристомъ, то Достоевскаго вполнѣ можно окрестить беллетристомъ - философомъ. Этическія проблемы занимали всю жизнь Достоевскаго, особенно же онъ задумался надъ ними, повидимому, въ острогѣ. Но несомнѣнно, что эти проблемы волновали его и до ссылки. Это видно по его произведеніямъ до 1848 г. Увлеченіе Бѣлинскимъ, затѣмъ связь съ кружкомъ Дурова и Петрашевскаго были далеко не такъ серьезны. Но во всякомъ случаѣ острогъ повліямъ на Достоевскаго въ смыслѣ его міровоззрѣнія, какъ онъ самъ въ этомъ признается неоднократно. Въ 1873 году въ «Дневникѣ Писателя» онъ пишетъ: «Нѣтъ, нѣчто другое измѣнило нашъ взглядъ, наши убѣжденія и сердца наши. Это было непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи. Мнѣ не легко было убѣдиться, наконецъ, во лжи и неправдѣ всего того, что я считалъ у себя дома свѣтомъ и истиной».

Въ Дневникѣ за 1880 годъ онъ говоритъ: «Отъ народа я принялъ въ мою душу Христа, котораго узналъ въ родительскомъ еще домѣ ребенкомъ и котораго утратилъ было, когда преобразился въ свою очередь въ «европейскаго либерала».

Свои взгляды Достоевскій началъ отстаивать уже въ началѣ 60-хъ

годовъ въ своихъ журналахъ: «Время» и «Эпоха». Въ романѣ «Преступленіе и Наказаніе» они уже получаютъ очень яркую окраску, и съ этого времени все сильнѣе и сильнѣе выростаетъ идеалъ христіанскаго православнаго смиренія, пока, наконецъ, старецъ Зосимъ окончательно не успокоилъ Достоевскаго. Онъ умеръ успокоенный на найденной имъ истинѣ въ то время, когда у Нитцше созрѣвалъ его «Заратустра» и истина мучила его.

Насъ не столько будетъ занимать идеалъ Достоевскаго, сколько то «преступленіе», которое онъ открылъ въ человѣкѣ и противъ котораго онъ воевалъ всю жизнь. Такой блистательный характеристики этого «преступленія» намъ не далъ никто *). Достоевскій писалъ втеченіе 31 года. Написалъ очень много. Произведенія въ которыхъ главнымъ образомъ разрабатывается «преступленіе» человѣка относятся ко 2-й половинѣ его дѣятельности **), но мы находимъ въ зачаткѣ идеи его уже въ первыхъ произведеніяхъ. Особенное вниманіе обращаетъ въ этомъ отношеніи повѣсть «Неточка Незванова» (1849 г.) Всѣ главные герои Достоевскаго: Раскольниковъ, Верзиловъ, Иванъ и Дмитрій Карамазовы, Ставрогины и др., несмотря на все ихъ различіе имѣютъ одно свойство — всѣ они преступники, или уже совершившіе преступленіе или могущіе совершить. Конечно, само по себѣ преступленіе не можетъ еще служить признакомъ сродства ихъ, но суть въ томъ, что у всѣхъ у нихъ одно «преступленіе». Это все одинъ мыслитель-преступникъ, но подъ разными именами и въ разныхъ формахъ. Это будетъ ясно видно изъ послѣдующаго. Соединивъ всѣ ихъ «преступныя» мысли (насъ они только и интересуютъ въ данный моментъ) мы получимъ одну цѣльную фигуру... сверчеловѣка, прошедшаго чрезъ прокурорскія руки Достоевскаго.

III.

И Раскольниковъ, и Карамазовъ и Верзиловъ и др. всѣ они ищутъ смысла жизни и подвергаютъ сомнѣнію утилитарной, христіанскій, демократическій взгляды на жизнь. Для нихъ еще вопросъ, на сколько истинны всѣ эти воззрѣнія. Тотъ нравственный идеалъ, которымъ живетъ человѣчество, для нихъ является еще съ вопросительнымъ знакомъ и они подвергаютъ его критикѣ. Всѣ они признаютъ истиннымъ прежде всего—это существованіе я, волю этого я. «Je pense, que je suis

*) Теперь когда у насъ имѣется рядъ сочиненій Нитцше и сродныхъ ему писателей, мы глубже понимаемъ ту моральную борьбу, которая составляетъ душу романовъ Достоевскаго.

**) „Записки изъ Мертваго Дома“ 1861 г. „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“ 1863 г. „Записки изъ подполья“ 1865 г. „Игрокъ“ 1867 г. „Преступленіе и наказаніе“ 1866 г. „Идіотъ“ 1868 г. „Бѣсы“ 1870 г. „Подростокъ“ 1875 г. „Братья Карамазовы“ 1879—1880 г. и др.

(я думаю, что я существую) говоритъ Иванъ Карамазовъ, *это я знаю навѣрное. Все остальное сомнѣніе*». (XII. 751) *). Самоцѣнность воли, самоцѣнность жизни—для нихъ является важнѣе всякихъ теорій пользы, дома, счастья. «Дѣло *въ жизни*, говоритъ князь Мышкинъ (Идіотъ), въ одной только жизни, въ откровеніи ея, безпрерывномъ и вѣчномъ, а совсѣмъ не въ открытіи». «И кто знаетъ, философствуетъ герой «Записокъ изъ подполья»—можетъ быть, что и вся та цѣль на землѣ заключается въ одной этой безпрерывности процесса достиженія, иначе сказать, *въ самой жизни*, а не собственно въ цѣли» (Зап. изъ подполья III 97).—«Или отказаться отъ *жизни* совсѣмъ! Послушно принять судьбу, какъ она есть, и разъ на всегда задушить въ себѣ все, отказавшись *отъ права дѣйствовать жить, любить*» (Раскольниковъ въ «Преступленіи и Наказаніи» V, 46—47).

«Я спрашиваю себя, говоритъ Ив. Карамазовъ, есть ли въ мірѣ такое отчаяніе, что бы побѣдило во мнѣ эту иступленность и неприличную, можетъ быть, *жажду жизни* и рѣшилъ, что нѣтъ такого... эту жажду жизни иные чахоточные сопляки моралисты называютъ часто подлою, особенно поэты... Жить хочется и я живу, хотя бы вопреки логикѣ» (Братья Карамазовы т. XII. 272).

Герой «Записокъ изъ Подполья» возмущается всякими системами, рамками, всякимъ утилитаризмомъ. «Съ чего взяли мудрецы, кричитъ онъ, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія. Съ чего взяли, что человѣку надо непремѣнно благоразумно-выгоднаго хотѣнія? Человѣку надо только *самостоятельнаго хотѣнія*, чего бы эта самостоятельность не стоила, къ чему бы не привела» (III. 90).

«Разсудокъ есть вещь безспорно хорошая, но разсудокъ удовлетворяетъ только разсудочной способности человѣка, а *хотѣніе* есть проявленіе *всей жизни*, т.-е. всей человѣческой жизни и съ разсудкомъ и съ его всѣми почесываніями *). И хоть жизнь наша въ этомъ направленіи выходитъ дрянцо зачастую, но все-таки жизнь, а не только извлеченіе изъ квадратнаго корня. Вѣдь я, напримѣръ, совершенно естественно *хочу* для того, чтобы удовлетворить *всей моей способности жить*, а не для того, чтобы удовлетворить одной только моей разсудочной способности, т.-е. какой-нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить...

«Повторяю вамъ въ сотый разъ, есть одинъ такой случай, только одинъ, когда человѣкъ можетъ нарочно, сознательно пожелать себѣ даже вреднаго, глупаго, даже глупѣйшаго, а именно: чтобы *имѣть*

*) „За мыслями и чувствами твоими стоитъ болѣе могущественный повелитель, безвѣстный мудрецъ,—онъ называется *само*. Въ твоемъ тѣлѣ оно живетъ, оно и есть твое тѣло. Въ твоемъ тѣлѣ больше разума, чѣмъ въ твоей лучшей мудрости“ и т. д. (Т. гов. Зар. 57—58).

право пожелать себѣ даже и глупѣйшаго и не быть обязаннымъ желать себѣ только умнаго» (III, 90—92).

Тотъ же герой немного раньше говоритъ:

«Вѣдь вы, господа, сколько мнѣ извѣстно, весь вашъ реэстръ человѣческихъ выгодъ взяли среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формъ. Вѣдь ваши выгоды: *благоденствіе, богатство, свобода, покой и т. д.* Но отчего вы одну выгоду пропускаете всѣ? Всѣ эти прекрасныя системы, всѣ эти теоріи разъясненія человѣчеству его настоящихъ и нормальныхъ интересовъ съ тѣмъ, чтобы оно, необходимо стремясь достигнуть этихъ интересовъ, стало бы тотчасъ и благороднымъ, покамѣстъ по моему одна только *логистика*... Человѣкъ до того пристрастенъ къ системѣ и отвлеченному выводу, что готовъ умышлено исказить правду, готовъ видомъ не видѣть, слухомъ не слыхать, только что бы оправдать свою логику... Слѣдственно эти законы природы стоитъ только открыть и уже за проступки свои человѣкъ не отвѣчаетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко... Человѣкъ любитъ дѣйствовать всегда, и вездѣ, кто бы они ни былъ такъ, *какъ хотѣлъ*, а не такъ какъ повелѣваетъ разумъ и выгода. Хотѣть же можно и противъ своей собственной выгоды, а иногда и *положительно должно. Свое собственное, вольное и свободное хотѣніе*, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшествія—вотъ это-то все и есть та самая пропущенная самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи разлетаются къ чорту» (III, 85—90).

Въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома» Достоевскій описываетъ разныя «продѣлки» арестантовъ и находитъ, что они прямо необходимы для нихъ. «Весь смыслъ слова арестантъ означаетъ человѣка безъ воли, а тратя деньги онъ поступаетъ уже по *своей волѣ*. Несмотря ни на какія клейма, кандалы, клѣтки—онъ можетъ достать вина, т.-е. страшно запрещеннаго наслажденія, пользоваться клубничкой, даже иногда подкупить своихъ ближайшихъ начальниковъ, даже унтеръ-офицера, даже можетъ сверхъ торгу покуражиться надъ ними, а покуражиться арестантъ очень любитъ, т.-е. представиться предъ товарищами или увѣрить даже себя хоть на время, что у него *воли и власти* несравненно больше, чѣмъ кажется... Наклонность къ куражу, хвастовству и т. п., можетъ быть лежитъ въ этомъ. Въ кутежѣ есть свой рискъ—значитъ все это имѣетъ хоть какой-нибудь признакъ *жизни*,-хоть отдаленный признакъ свободы (т. III, ч. I, 83—84) *).

*) Даже въ дѣтской психологіи Достоевскій любилъ найти эту непреклонную волю, гордость, насколько она можетъ быть, конечно, выражена у дѣтей. Вспомните Неточку, Илюшу (въ братьяхъ Карамазовыхъ), Нелли (въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ») Катю (въ „Неточкѣ Незв.“). Вообще, къ слову сказать, Достоевскій замѣчательный психологъ дѣтей. Въ этомъ отношеніи нѣтъ рав-

Изъ приведенныхъ цитатъ уже ясно, какое громадное значеніе придается *волѣ и ея самоцѣнности*. Это презрѣніе къ утилитаризму всѣхъ сортовъ, эта красота жизни самой по себѣ, чувствуется у Достоевскаго всюду. Всѣ его произведенія—это сплошное движеніе, сплошная жизнь, но среди дѣйствующихъ лицъ его романовъ выведена цѣлая категорія лицъ, для которыхъ *жизнь сама по себѣ* выше всякаго счастья, благополучія. Одинъ Дмитрій Карамазовъ чего стоитъ, а затѣмъ цѣлый рядъ женскихъ типовъ: Настасья Филипповна и Аглая въ «Идіотѣ», Екатерина Николаевна въ «Подросткѣ», Екатерина Ивановна въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» и т. д.

Надо, впрочемъ, сейчасъ же отмѣтить одну черту, отличающую «жизнь» Достоевскаго и «жизнь» Нитцше.

У Достоевскаго чувствуется «русскій духъ», «русская удаль». Его «жизнь» временами *менѣе* «культурна», чѣмъ у Нитцше. Самой основной чертой «жизни» Нитцше считаетъ ея *стремленіе къ власти* (Wille zur Macht). Это чувствуется и у Достоевскаго, какъ видно изъ приведенныхъ выписокъ. Человѣка Достоевскій не разъ называетъ «бунтомъ»: «Да человѣкъ *бунтъ*, можно ли жить бунтомъ, а я *хочу* жить» говоритъ Иванъ Карамазовъ. Въ рѣчи «Великаго инквизитора» люди называются бунтовщиками. «*Они невольники, хотя бунтовщики.*» Этотъ бунтъ очень близокъ къ «Wille zur Macht». По Достоевскому это стремленіе къ власти уживается съ невольничествомъ а Заратустра говоритъ: «Вездѣ, гдѣ я находилъ жизнь, находилъ я жажду власти и даже въ *покорности* повинующагося я находилъ желаніе быть господиномъ» («Т. гов. Заратустра», 214).

Нитцше считалъ «жажду власти» историческимъ двигателемъ, исходнымъ пунктомъ культуры. Раскольниковъ въ объясненіи съ Соней говоритъ: «и я теперь знаю: кто крѣпокъ и силенъ, умомъ и духомъ, тотъ надъ ними (людьми) и властелинъ. Кто много *посмѣетъ*, тотъ у нихъ и правъ. Кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ законодатель, а кто *больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣе.* Такъ доселѣ велось и такъ будетъ всегда» (V, 416). «Если я сталъ себя спрашивать, имѣю ли я право *власть имѣть?*—то, стало быть, не имѣю право, или же, если я задаю вопросъ себѣ: вошь ли человѣкъ?—то стало быть не вошь человѣкъ *для меня*, а вошь для того, кому этого и въ голову не заходитъ» (417). У Нитцше жизнь не ищетъ счастья. Эвдемонизмъ противенъ Нитцше до глубины души. Преступ-

---

наго ему въ нашей литературѣ (Повидимому у Горькаго есть тоже талантъ въ этомъ смыслѣ, какъ можно судить по нѣкоторымъ сценамъ изъ „Ѳомы Гордѣева“ и „Трое“). Достоевскій любилъ изображать дѣтей. Напомню, кромѣ упомянутыхъ только что лицъ еще „маленькаго героя“, Колю Красоткина и другихъ школьниковъ въ братьяхъ Карамазовыхъ, сцену изъ Идіота, когда Мышкинъ разсказываетъ о своей любви къ дѣтямъ (VI, 72—82), разсказъ „маточки“ изъ „Бѣдныхъ людей“ и т. д.

никамъ Достоевскаго эвдемонизмъ также противенъ. Ивану Карамазову эвдемонистическій идеалъ представляется «въ образѣ толстой семипудовой купчихи». А Нитцше по поводу его говоритъ: «мы не завидуемъ нравственной коровѣ и жирному счастью, принадлежащему спокойной совѣсти» («Помраченіе кумировъ»). «Не хочу гармоніи, изъ любви къ человѣку не хочу: я хочу оставаться лучше со страданіями неотомщенными»—говоритъ Иванъ Карамазовъ самъ себѣ, когда раздумался о всевозможныхъ фактахъ человѣческаго страданія, записывая ихъ въ свою памятную книжку. «Можетъ быть человѣкъ не одно благоденствіе, но и страданіе любитъ? Я вѣдь не за страданіе или благоденствіе стою, а за свой капризъ. Страданіе – да вѣдь это *единственная причина* сознанія» («Зап. изъ подполья» III, стр. 97). «Страданіе и боль всегда были обязательны,—говоритъ Раскольниковъ,—для широкаго сознанія и глубокаго сердца. Истинно великіе люди должны ощущать на свѣтѣ великую грусть» (V, 261). «Все великое, говоритъ Нитцше, создавалось до сихъ поръ только дисциплиной сильнаго страданія; наиболѣе одухотворенныя натуры переживаютъ наиболѣе глубокія трагедіи» («По ту сторону добра и зла»). «Школа страданія, *великаго* страданія, развѣ не извѣстно вамъ, что *единственно* ею создано все, до чего сумѣлъ возвыситься человѣкъ» («По ту сторону добра и зла»).

«Въ страданіи-то и есть жизнь,—говоритъ Иванъ Карамазовъ въ своей галлюцинаціи, безъ страданія какое бы въ ней было удовольствіе; все обратилось бы въ безконечный молебенъ: оно свято, да скучновато».

«Вы желали бы уничтожить страданіе, если бы это было возможно (и нѣтъ ни одного болѣе безсмысленнаго возможно). А мы? Мы, кажется, предпочли бы, чтобы оно стало сильнѣе, чѣмъ когда-либо было. То благополучіе, которое вы себѣ рисуете—вѣдь это не *цѣль*; мы сказали бы, это конецъ!» («По ту сторону добра и зла»).

Раскольниковъ, растроганный Соней, кланяется ей въ ноги и говоритъ ей потомъ: «не тебѣ, а всему страданію человѣческому я поклонился» (V, 391). А Порфирій Никитичъ на рѣчь Раскольникова замѣчаетъ: «да, страданіе великая вещь! Въ страданіи идея есть». Герои Достоевскаго считаютъ что страданіе тѣсно связано съ жизнью, что оно присуще жизни». «Человѣкъ до страсти любитъ страданіе» заключаетъ герой «Записокъ изъ подполья». «Видя страданіе,—говоритъ Нитцше,—мы испытываемъ какое-то удовольствіе, причиненіе его доставляетъ еще большее удовольствіе. Таковъ законъ жестокій, но старый и могучій» («Genealogie der Moral»). У Нитцше страданіе соединено съ творчествомъ и красотой, что составляетъ также потребность природы человѣка. Здѣсь Достоевскій вполнѣ согласенъ съ Нитцше. «Потребность красоты и творчества неразлучны съ человѣкомъ,—говоритъ онъ, и безъ нихъ человѣкъ, можетъ быть, не захотѣлъ бы жить на свѣтѣ» (Ст. Г—овъ и вопросъ объ искусствѣ). «Болѣзнь

эстетики, говоритъ Раскольниковъ, есть первый признакъ безсилія». Если читатель помнитъ въ «Подросткѣ» Макара Ивановича (одна изъ эмбріональныхъ стадій Зосима), то, конечно, помнитъ, что Достоевскій надѣлилъ его эстетическимъ чувствомъ, которое играетъ роль въ его воззрѣніяхъ на окружающихъ.

IV.

На основаніи своихъ предпосылокъ, Нитцше пришелъ къ выводу о *сверхчеловѣкѣ*. Современный человѣкъ это только *мостъ* къ сверхчеловѣку. Идея сверхчеловѣка была вполнѣ продумана преступниками Достоевскаго, и если не употреблено это слово, то есть синонимъ его: человѣкъ-богъ, который неоднократно упоминается Достоевскимъ.

Читатель, вѣроятно, помнитъ фигуру Кириллова въ «Бѣсахъ» — также «преступника». Этотъ Кирилловъ—эпилептикъ, но мы не будемъ останавливаться *) на чертѣ его болѣзненности. Вспомнимъ его разсужденія о человѣкѣ. «Жизнь есть боль,—говоритъ онъ, жизнь есть страхъ. Теперь человѣкъ еще не тотъ человѣкъ. Будетъ *новый* человѣкъ, счастливый и гордый. Кому будетъ все равно жить или не жить, тотъ будетъ новый человѣкъ. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ *богъ* будетъ. Богъ есть боль страха и смерти. Тогда будетъ все новое и исторію будутъ дѣлить на 2 части: отъ гориллы до уничтоженія Бога и отъ уничтоженія Бога до перемѣны земли и человѣка физически» (VII, 112). Сходство съ Нитцше идетъ дальше. По мнѣнію Нитцше, надо «убить Бога» чтобы жилъ *сверхчеловѣкъ*. «Всѣ боги умерли,—говоритъ Заратустра,—я хочу, чтобы жилъ теперь сверхчеловѣкъ». Въ «Fröhliche Wissenschaft» описывается глубокое впечатлѣніе и значеніе убійства Бога: «Богъ умеръ! Останется мертвымъ. И убили Его мы! Не должны ли мы сами стать богами, чтобы только оказаться достойными Его. Никогда еще не было болѣе великаго поступка, и тотъ, кто родится послѣ насъ, уже поэтому принадлежитъ исторіи *болѣе возвышенной*, чѣмъ какая была до этого времени». Это убійство Бога ахиллесова пята Достоевскаго міровоззрѣнія. Всѣ несчастья происходятъ отъ этого убійства, но что человѣкъ дѣйствительно хочетъ

*) Что Достовскій великій психологъ и не менѣе великій психопатологъ—извѣстная фраза. Но мы должны здѣсь замѣтить, что Достоевскій увлекался своей *психопатіей* и надѣлялъ ею чуть не всѣхъ. Что ни герой, особенно мыслящій герой—то у него психопатъ. Это вредитъ впечатлѣнію, и многіе люди, которые могли бы явиться предъ читателемъ вполнѣ здоровыми умственно, являются больными. Здѣсь уже тенденціозная психопатія. Извѣстная книга Чижа „Достоевскій, какъ психопатологъ“ страдаетъ очень важнымъ недостаткомъ, свойственнымъ многимъ психіатрамъ, а именно *расширеніемъ* понятія психопатіи. Больше всего обрисованъ въ психопатологическомъ отношеніи, по нашему, кн. Мышкинъ въ „Идіотѣ“. Это самое замѣчательное, что только далъ художникъ-психопатологъ.

его совершить и уже это совершили многіе, онъ со страхомъ признается. Вмѣсто бога-человѣка, хотятъ чтобы жилъ человѣкъ-богъ, пишетъ онъ въ отвѣтъ Градовскому на его замѣтку по поводу рѣчи, произнесенной Достоевскимъ въ память Пушкина.

Упоминаемый только что Кириловъ въ разговорѣ съ молодымъ Верховенскимъ опять философствуетъ на ту же тему.

«— Если есть Богъ, то вся воля Его и изъ воли Его я не могу. Если нѣтъ, то вся воля моя и я обязанъ заявить свое своеволіе».

«— Своеволіе? А почему обязанъ?—спросилъ Верховенскій.

«— Потому что вся воля стала моя. Неужели никто на всей землѣ, кончивъ Бога и увѣровавъ въ своеволіе, не осмѣлится заявить своеволіе въ самомъ полномъ пунктѣ!?» «Всѣ несчастны, потому что всѣ боятся заявлять свое своеволіе. Человѣкъ потому и былъ несчастенъ и бѣденъ, что боялся заявить самый главный пунктъ своего своеволія. Я три года искалъ аттрибутъ божества моего и нашелъ: аттрибутъ этотъ—своеволіе» (VII, 597).

Иванъ Карамазовъ долго думалъ на эту тему и написалъ даже статью «о геологическомъ переворотѣ, въ которой онъ, между прочимъ, пишетъ: «Разъ человѣчество отречется поголовно отъ Бога, то падетъ вмѣстѣ съ тѣмъ прежнее міросозерцаніе и, главное, вся прежняя нравственность и наступитъ все новое. Люди совокупятся, чтобы взять отъ жизни все, что она можетъ дать, но непремѣнно для счастья и радости въ одномъ только здѣшнемъ мірѣ. («Сверхчеловѣкъ есть *смыслъ земли*», проповѣдуетъ Заратустра Нитцше). Человѣкъ возвеличится духомъ божественной, титанической гордости и явится *человѣкъ-богъ*. Но такъ какъ въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, это, пожалуй, еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому сознающему уже и теперь истину позволительно устроиться совершенно, какъ ему угодно, на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ «ему все позволительно». Мало того, если даже періодъ этотъ и никогда не наступитъ, такъ какъ бога и безсмертія нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать *человѣкомъ-богомъ*, даже хотя бы *одному* въ цѣломъ мірѣ, и уже, конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить чрезъ всю *прежнюю нравственную преграду* прежняго *раба*-человѣка, если оно понадобится. Для Бога не существуетъ закона» (XII, 754). Идеалъ Раскольникова былъ Наполеонъ, а это одинъ изъ «сверхчеловѣковъ» по Нитцше.

V.

У сверхчеловѣка понятія о добрѣ и злѣ далеко не сходятся съ понятіями современной морали. Съ критики ученія «о добрѣ и злѣ» и началъ Нитцше свой имморализмъ. Понятія совѣсти, долга, любви къ ближнему, состраданіе, добро, зло и пр., все это должно быть провѣ-

рено. Надъ всѣмъ надо было поставить знакъ вопроса. «Гдѣ Эдипъ — гдѣ сфинксъ...»

И преступники Достоевскаго надъ всѣмъ этимъ ставятъ вопросъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ. Нравственность, которой хотятъ исправить жизнь, должна доказать еще свое *право* на это. Можетъ быть, воля, хотѣніе, жизнь имѣетъ право быть противъ этого исправленія?

«Откуда вы знаете,—спрашиваетъ герой «Записокъ изъ подполья»,— что человѣка не только можно, но и *нужно* передѣлать? Изъ чего вы заключаете, что *хотѣнію* человѣческому *надо* исправиться?» (III, 96).

«Зачѣмъ непремѣнно надо быть благороднымъ?» спрашиваетъ подростокъ Долгоруковъ (VIII, 57). А когда въ кружкѣ Дергачева спорятъ и доказываютъ необходимость служить общему благу, этотъ подростокъ заканчиваетъ отвѣтъ свой на эту тему такими словами: «но я только хочу, чтобы этого (т.-е. службы человѣчеству) *никто не смѣлъ требовать*» (VIII, 56). «Кто же *не имѣетъ права* желать?» восклицаетъ Дмитрій Карамазовъ. Герои Достоевскаго постоянно сталкиваются съ общественной моралью и принуждены отрицать ее, какъ вредную для жизни. Мизерность всей морали окружающихъ ясно бросается въ глаза, когда имъ приходится сталкиваться съ «преступниками» Достоевскаго. Добродѣтельные люди являются въ романахъ Достоевскаго, можетъ быть, помимо воли автора, какими-то пигмеями предъ преступниками. Художественная правда столкнулась здѣсь у Достоевскаго съ его этической правдой. Пробывъ 5 лѣтъ на каторгѣ, онъ выходитъ съ восклицаніемъ: «И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ. *Вѣдь надо ужъ все сказать*: вѣдь этотъ народъ былъ *необыкновенный* народъ. Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный изъ всего народа русскаго! Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно! А кто виноватъ? То-то, кто виноватъ?!» («Записки изъ Мертваго Дома»).

«Что совѣсть?—спрашиваетъ Иванъ Карамазовъ.—Я самъ ее дѣлаю. Зачѣмъ же мучаюсь? По привычкѣ, по всемірной привычкѣ за 7.000 лѣтъ. Такъ отвыкнемъ же и станемъ боги!» *) (XII, 753).

Мораль любви къ ближнему также преступниками Достоевскаго не

---

*) У Ивана Карамазова были ученики, въ томъ числѣ и Смердяковъ, который всю философію Ив. Карамазова вложилъ въ положеніе „все позволено“ понимая это буквально, не заботясь о томъ, какой смыслъ это „все позволено“ имѣетъ у Ив. Карамазова. Такова судьба всѣхъ ученій. Всегда найдутся Смердяковы. По отношенію къ Нитцше такихъ Смердяковыхъ пониманія очень много и среди нашихъ критиковъ и философовъ-моралистовъ. Рекомендую читателю полюбопытствовать хотя бы (за неимѣніемъ сейчасъ другихъ источниковъ подъ рукой) въ книгѣ «Критическія статьи о произведеніяхъ Горькаго», а именно въ статьяхъ Меньшикова и Скабичевскаго. Въ полномъ смыслѣ Смердяковское пониманіе Нитцше.

принимается. Иванъ Карамазовъ прямо говоритъ: «я никогда не могъ понять, какъ можно любить ближнихъ. Именно *ближнихъ*-то по моему, и невозможно любить, а развѣ только *дальнихъ*». Не слова ли это Заратустры: «братья мои, я не любовь къ *ближнему* совѣтую вамъ, я совѣтую вамъ любовь къ *дальнему*.

«Отвлеченно еще можно любить ближняго, и даже иногда издали, но вблизи почти никогда!»

(Иванъ Карамазовъ). «Люди любятъ любить изъ страха. Не поддавайся на *такую* любовь и не переставай *презирать*» («Подростокъ», VIII, 219). «Вы жметесь къ ближнему и для этого у васъ красивыя слова, говоритъ Заратустра, но ваша любовь къ ближнему есть дурная любовь къ самимъ себѣ» (112). «Отъ всего сердца я *люблю* только жизнь и больше всего, когда *ненавижу* ее» («Такъ говорилъ Заратустра»). Достоевскій не разъ изображаетъ любовь и ненависть, соединенныя вмѣстѣ. Вспомните отношенія Рогожина и Мышкина, Мышкина и Аглаи («Идіотъ»), Екатерины Ивановны къ Дмитрію Карамазову и пр. Въ Раскольниковѣ также очень сильны и чувство любви, и чувство ненависти, презрѣнія. Версиловъ о любви къ ближнему говоритъ: «по моему, человѣкъ созданъ съ физическою невозможностью любить своего ближняго. Тутъ какая-то ошибка въ словахъ съ самаго начала и любовь къ *человѣчеству* надо понимать лишь къ тому человѣчеству, которое ты создалъ самъ въ душѣ своей и котораго никогда *не будетъ* на самомъ дѣлѣ». («Но скажите, братья мои, если человѣчеству до сихъ поръ недостаетъ цѣли, то *существуетъ ли оно само?*» «Такъ говорилъ Заратустра», 111).

Съ любовью соединено *состраданіе*, къ которому Нитцше относится крайне отрицательно. Въ числѣ многихъ возраженій онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, вліяніе состраданія на самолюбіе сильныхъ личностей. Заратустра встрѣтилъ «самаго отвратительнаго человѣка» (4 часть «Такъ говорилъ Заратустра»), который говоритъ ему, между прочимъ, что онъ бѣжалъ отъ *состраданія* людей и онъ узналъ Заратустру только потому, что онъ прошелъ мимо него безъ состраданія, но *покраснѣвъ*, а «всякій другой кинулъ бы мнѣ милостыню свою, свое состраданіе...» (507). Достоевскаго герои-преступники далеко не раздѣляютъ общей мысли о состраданіи и даже самый мягкій изъ нихъ, Версиловъ, убѣдился на своемъ опытѣ, что своимъ состраданіемъ онъ много разъ «бѣду надѣлывалъ», а вспомнилъ объ этомъ онъ по поводу послѣдняго его случая, когда онъ хотѣлъ искренно помочь одной несчастной учительницѣ и послалъ 15 р., а въ результатѣ учительница, оскорбленная помощью Версилова, повѣсилась.

Любовь по Нитцше можетъ вполнѣ уживаться со зломъ, съ жестокостью. Жестокость, это въ характерѣ человѣка. Въ «Genealogie der Moral» онъ пишетъ. «жестокость доставляетъ праздничную радость человѣчеству и входитъ, какъ составная часть, во всѣ его формы». На

тему о жестокости у Достоевскаго много матеріала; это даже подало поводъ Н. К. Михайловскому назвать его «*жестокимъ* талантомъ».

«Человѣкъ отъ природы деспотъ и любитъ быть мучителемъ» («Игрокъ»). Въ «Преступленіи и наказаніи» Достоевскій дѣлаетъ такое замѣчаніе по поводу жильцовъ, сбѣжавшихся посмотрѣть на убійство: «жильцы одинъ за другимъ протѣснились съ тѣмъ страннымъ чувствомъ довольства, которое всегда замѣчается, даже если несчастье съ ихъ ближнимъ, и отъ котораго не избавленъ ни одинъ человѣкъ безъ исключенія, несмотря даже на самое искреннее чувство сожалѣнія и участія» (V, 179).

«Я до того дошелъ,—говоритъ герой «Записокъ изъ подполья»,—что думаю иногда, что любовь-то и заключается въ добровольно дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать».

А «тиранія есть привычка, обращающаяся въ потребность» («Дядюшкинъ сонъ»).

VI.

Мораль Нитцше имѣетъ своимъ основаніемъ признанное имъ *неравенство людей*. «Справедливость гласитъ: люди не равны и не должны быть равны» (Заратустра).

Это неравенство раздѣляетъ людей на *господъ и рабовъ*. У тѣхъ и другихъ своя мораль: мораль аристократическая и мораль толпы. Толпа должна жить для господъ. Всѣ эти идеи очень рельефно вырисовались у «преступниковъ» Достоевскаго. Проповѣдникомъ дѣленія людей на господъ и толпу является, прежде всего, Раскольниковъ. На эту тему у него существуетъ работа, которую слѣдователь Порфирій Петровичъ съ удовольствіемъ цитируетъ. «Въ ихъ статьѣ всѣ люди раздѣляются на *обыкновенныхъ* и *необыкновенныхъ*. Обыкновенные должны жить въ послушаніи и не имѣютъ права переступать закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имѣютъ право дѣлать всякія преступленія и всячески преступать законъ, собственно потому, что они необыкновенные». Какъ ни просто, а все-таки Порфирій Петровичъ именно выразилъ всю суть.

«Необыкновенный человѣкъ, поясняетъ самъ Раскольниковъ, имѣетъ право—не оффиціальное право, а самъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть чрезъ иныя препятствія и единственно въ томъ случаѣ, если его идея того требуетъ. Если бы Кеплеръ, Ньютонъ открыто не могли стать извѣстными иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, двухъ, десяти, ста и т. д. человѣкъ, мѣшавшихъ этому открытію, то они имѣли бы право *устранить* этихъ десять или сотню человѣкъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы Ньютонъ имѣлъ право убивать, кого онъ захочетъ. Великіе законодатели всѣ были преступники; давая новый законъ, они нарушали древній. Однимъ

словомъ, я вывожу, что и всѣ не только великіе, но и чуть-чуть изъ колеи выходящіе люди, т.-е. чуть-чуть даже способные сказать что-либо новенькое, должны по природѣ своей быть непремѣнно преступниками, болѣе или менѣе, разумѣется...

Люди по закону природы раздѣляются *вообще* на 2 разряда: на низшій (обыкновенные), т.-е., такъ сказать, на матеріалъ, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и собственно на людей, т.-е. имѣющихъ даръ, талантъ сказать *новое слово*. Первые люди, по натурѣ консервативные, чинные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными, потому что это ихъ назначеніе и тутъ рѣшительно нѣтъ ничего для нихъ удивительнаго. Вторые—всѣ переступаютъ законъ, разрушители. Но если имъ надо для своей идеи перешагнуть хотя бы чрезъ трупъ, чрезъ кровь,—то они внутри себя, по совѣсти могутъ, по моему, дать себѣ разрѣшеніе и перешагнуть чрезъ кровь, смотря, впрочемъ, по идеѣ и по размѣрамъ. Первый разрядъ всегда господинъ настоящаго, второй разрядъ господинъ будущаго. Первые сохраняютъ міръ, вторые двигаютъ его и ведутъ ихъ къ цѣли, однимъ словомъ, vive la guerre eternelle—до новаго Іерусалима, разумѣется!»

«Огромная масса людей - матеріалъ для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, чрезъ какое-то усиліе, какимъ-то таинственнымъ до сихъ поръ процессомъ, посредствомъ какого-то перекрещиванія родовъ и породъ, понатужиться и породить, наконецъ, на свѣтъ ну хотъ одного изъ тысячи, сколько-нибудь самостоятельнаго человѣка. Еще съ болѣе широкой самостоятельностью рождается, можетъ быть, изъ 10.000 одинъ. Геніальные люди изъ милліоновъ». (V, 259). «Все человѣчество,—говоритъ Нитцше — должно неустанно работать надъ тѣмъ чтобы воспитать нѣсколько личностей. Это *его* задача» (Unzeit im. Betrachtungen). Для Нитцше крайне важны именно эти великіе люди, ибо только ими оцѣнивается человѣчество. Сверхчеловѣкъ—эта высота, до которой доходитъ человѣчество. Теперь еще сверхчеловѣкъ не существуетъ, но уже многіе чувствуютъ его и пока они еще одиноки. «Вы теперь одинокіе, вы покинувшіе общество, вы должны нѣкогда народомъ: отъ васъ, что избрали себя сами, долженъ произойти народъ избранный, а отъ него сверхчеловѣкъ,» (Зар., 146). Объ этомъ думалъ и Раскольниковъ. Когда онъ лежитъ въ госпиталѣ острожномъ, ему снятся страшные сны: «будто на свѣтѣ появилась *язва*. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всемъ мірѣ могли лишь только нѣсколько человѣкъ. Это были чистые и *избранные*, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю» (V, 543).

Въ разсужденіяхъ Раскольникова вырисовалась идея неравенства людей, но онъ еще не продумалъ до конца устройство государства при такомъ положеніи. Въ этомъ отношеніи много поработали Версиловъ и Иванъ Карамазовъ.

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ аристократическимъ государствомъ, которое проповѣдовалъ Нитцше. Версиловъ много думалъ на эту тему и пришелъ къ заключенію, что въ Россіи «должно главенствовать главенствующее сословіе». «У насъ создался вѣками какой-то еще нигдѣ не виданный высшій культурный типъ, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ *) — типъ всемірнаго болѣнія за всѣхъ. Это типъ русскій. Онъ взятъ въ высшемъ культурномъ слоѣ русскаго народа. Онъ хранитъ въ себѣ будущее Россіи. Но насъ быть можетъ всего только 1000 человѣкъ—не болѣе. *Но вся Россія жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу...*» Само собой, эта тысяча—дворяне «ибо тутъ по крайней мѣрѣ, все, что было у насъ завершеннаго, напр., законченныя формы чести и долга, чего, кромѣ дворянства, нигдѣ на Руси не только нѣтъ законченнаго, но даже нигдѣ не начато». Но Версиловъ видитъ, что дѣйствительное дворянство не удовлетворяетъ его, поэтому онъ считаетъ возможнымъ, что его 1000 должна будетъ набираться вообще изъ лучшихъ людей. «Пусть великій подвигъ чести, науки, доблести даетъ у насъ права всякому примкнуть къ верхнему разряду людей. Такимъ образомъ, сословіе само собой обращается лишь въ собраніе лучшихъ людей въ смыслѣ буквальномъ и истинномъ, а не въ прежнемъ смыслѣ привилегированной касты». Словомъ, Версиловъ вполнѣ подписался бы подъ словами Заратустры «нужна *новая аристократія*... но пусть составитъ отнынѣ честь ея не то, *откуда* она происходитъ, но то, *куда* идетъ она».

Еще глубже эту идею продумалъ Иванъ Карамазовъ. Его мысли вылились въ повѣсти о «*великомъ* инквизиторѣ». Это самыя замѣчательныя страницы у Достоевскаго. Припомнимъ вкратцѣ эту поэму, въ которой заключается столько элементовъ «нитцшеанства». Дѣло, какъ извѣстно, происходитъ въ XVI в. Человѣчество ждетъ Христа. И онъ пожелалъ явиться къ народу. Онъ снисходитъ на «стогны жаркія» южнаго города, какъ разъ назавтра послѣ совершенія «великолѣпнаго аутодафе», на которомъ было сожжено чуть не сто еретиковъ. Онъ появился тихо, незамѣтно. Но его узнали. Народъ сталъ собираться вокругъ него. Онъ благословляетъ; народъ плачетъ, цѣлуетъ землю, по которой онъ ходитъ. Христосъ входитъ на паперть св. собора и воскрешаетъ здѣсь дѣвочку. Народъ въ смятеніи. Крики. Рыданія. Но вотъ идетъ 90-лѣтній кардиналъ, великій инквизиторъ; старикъ прямой, высокій, съ изсохшимъ лицомъ, съ блестящими, хотя и впавшими глазами. Онъ видитъ все, что происходитъ. Толпа, увидѣвъ его, испугалась и склонилась до земли. Онъ велитъ взять Христа и отвести его въ темницу... Ночь. Къ плѣннику входитъ инквизиторъ и начинаетъ съ нимъ говорить: «Зачѣмъ ты пришелъ намъ мѣшать? Завтра я сожгу тебя и народъ будетъ подгребать угли... Ты хотѣлъ людей сдѣлать *свобод-*

*) Кстати сказать, Нитцше поразительно высокаго мнѣнія о Россіи.

ными. Вотъ видишь ихъ. 15 вѣковъ мучились мы съ этой свободой но теперь это кончено. Теперь люди убѣждены, что свободны, а между тѣмъ, сами же они принесли намъ свободу свою и положили ее къ ногамъ нашимъ. *Человѣкъ былъ устроенъ бунтовщикомъ, а развѣ бунтовщики могутъ быть счастливы?..* Тебя предупреждали. Великій духъ говорилъ съ тобой въ пустынѣ. Его три вопроса... истина. А ты называешь это *искушеніемъ*. Въ этихъ вопросахъ вся исторія человѣчества. Первый вопросъ: ты хочешь идти въ міръ, и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы. Ничего никогда не было невыносимѣе для человѣческаго общества, какъ свобода. Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтель. Лучше поработите насъ, но накормите. Ты обѣщалъ имъ хлѣбъ небесный. Но можетъ ли онъ сравниться въ глазахъ слабаго, вѣчно порочнаго и вѣчно неблагороднаго людского племени съ земнымъ? И если за тобой во имя хлѣба небеснаго пойдутъ тысячи, то что станется съ милліонами существъ, которыя не въ силахъ пренебречь хлѣбъ земной. Или тебѣ дороги лишь десятки тысячъ великихъ и сильныхъ, а остальные должны лишь послужить матеріаломъ для великихъ и сильныхъ! Нѣтъ, намъ дороги и слабые. Они порочны, бунтовщики, но они станутъ послушны. Они будутъ считать насъ за боговъ, что мы согласились выносить свободу, которой они испугались, и надъ ними господствовать. Нѣтъ заботы безпрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ, оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ бы преклониться. Забота этихъ жалкихъ созданій не въ томъ, чтобы сыскать то, предъ чѣмъ мнѣ и другому преклониться, а то, чтобы сказать такое, чтобы *всѣ* увѣровали въ него, и *всѣ вмѣстѣ* преклонились. Вотъ эта потребность *общности* преклоненія и есть главное мученіе человѣка и человѣчества съ начала вѣковъ. Вмѣсто того, чтобы овладѣть людской свободой, ты умножилъ ее, обременилъ ея мученіями душевное царство человѣка..

«Есть три силы, могущія плѣнить совѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ: чудо, тайна и авторитетъ. Но ты отвергъ все это.

Второй вопросъ духа ты отвергъ. Ты не хотѣлъ броситься внизъ. Ты не хотѣлъ искушать Бога. Ты хотѣлъ, чтобы человѣкъ не нуждался въ чудѣ. Ты не захотѣлъ и съ креста сойти. Ты не думалъ поработить человѣка чудомъ, а жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Ты жаждалъ свободной любви. Но и тутъ ты о людяхъ высоко думалъ. *Они невольники, хотя бунтовщики.* Посмотри, что сталось послѣ 15 вѣковъ?..

«Итакъ, неспокойство, смятеніе и несчастье—вотъ теперешній удѣлъ людей, послѣ того, какъ ты столь претерпѣлъ за свободу ихъ. Мы исправили твой подвигъ. Основали его на чудѣ, тайнѣ и авторитетѣ. И они обрадовались. Неужели же мы не любили человѣчество, столь смиренно сознавъ его безсиліе. Мы не съ тобой, а съ *нимъ*—вотъ наша тайна. Мы объявили себя царями земными, царями едиными. А ты бы

могъ тогда взять кесаря. Принявъ этотъ *третій* совѣтъ могучаго духа, ты восполнилъ бы все, чего ищетъ человѣкъ на землѣ, т.-е. предъ кѣмъ преклониться, кому вручить совѣсть и какъ соединиться всѣмъ въ безспорный общій и согласный муравейникъ, ибо потребность всемірнаго соединенія есть *третье* мученіе людей. О, пройдутъ еще вѣка безчинства свободнаго ума; они кончатъ антропофагіей. Тогда звѣри приползутъ къ намъ...

«Но тогда лишь и настанетъ для людей царство покоя и счастья. У тебя лишь избранники, а мы успокоимъ всѣхъ. Мы имъ дадимъ тихое, смиренное царство. Мы ихъ убѣдимъ не гордиться. Они станутъ робки и будутъ прижиматься къ намъ въ страхѣ. Мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные часы устроимъ имъ жизнь, какъ дѣтскую игру съ дѣтскими пѣснями и плясками, съ хоромъ. Мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ... *Всѣ будутъ счастливы, кромѣ сотни тысячъ ими управляющихъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла...*»

Иванъ Карамазовъ видитъ глубокую разницу въ потребностяхъ толпы и господъ. Толпа въ концѣ концовъ ищетъ повелителя, да она и должна повиноваться, ибо не умѣетъ повелѣвать. «Развѣ ты не знаешь, кто наиболѣе нуженъ всѣмъ? Тотъ, кто приказываетъ великое»? (Заратустра, 281). «Кто не умѣетъ повелѣвать, долженъ повиноваться» («Такъ говорилъ Заратустра» 384). И Нитцше глубоко убѣжденъ, «что есть жизнь, отъ которой не вкушала толпа», и что идеалъ толпы это идеалъ счастья и довольства. Вотъ почему въ его государствѣ для толпы удѣляется «вѣра и подчиненіе» и существованіе этихъ людей будетъ болѣе обезпеченнымъ, болѣе счастливымъ, чѣмъ тѣхъ, кто будетъ выше ихъ стоять и на послѣднихъ будетъ лежать вся, отвѣтственность. Эти стоящіе во главѣ и должны взять на себя проклятіе познанія добра и зла, т.-е. опредѣляютъ, что такое добро и зло. «Они опредѣляютъ сначала «куда идти», а затѣмъ «для чего» («По ту сторону добра и зла» 166). Для нихъ цѣль жизни не счастье а *страданіе* за добро и зло. Эти повелители великіе страдальцы. Только съ глубокимъ страданіемъ соединено созиданіе цѣнностей. И у Достоевскаго великій инквизиторъ глубокимъ страданіемъ познаетъ добро и зло.

VII.

Можно бы еще провести нѣсколько параллелей между «преступниками» Достоевскаго и Нитцше, но самое существенное уже сказано. Если мы соберемъ всѣ разрозненныя черты этихъ преступниковъ, то у насъ получится приблизительно такой типъ: современная мораль его не удовлетворяетъ, стѣсняетъ его жизненность; не удовлетворяетъ также и та мораль, которую ставятъ себѣ идеаломъ прогрессивные элементы. Онъ мечтаетъ по ту сторону добра и зла, и додумался до постановки критеріемъ морали—жизни, воли я; въ жизни онъ видитъ волю къ вла-

сти. Онъ додумался до идеала трагическаго творчества, до аристократизма, до сверхчеловѣка (человѣка-бога)... а это все проблемы, которыя мучили Нитцше. Крайне любопытно, что пути которыми шли Достоевскій и Нитцше, совершенно различны. Несомнѣнно, Достоевскій всю «преступную» мораль развилъ изъ своей критики и пониманія *католичества*, а Нитцше—изъ своего пониманія *до-христіанскаго* міросозерцанія. Одинъ смотрѣлъ чрезъ очки православнаго христіанина, а другой съ точки зрѣнія древняго антихристіанина. Для одного смыслъ жизни: братское единеніе людей, для другого—сверхчеловѣкъ. Достоевскій считалъ критику морали Раскольниковыхъ, Карамазовыхъ и пр.—преступленіемъ, зломъ, а Нитцше считалъ эти вопросы самыми важными для человѣчества, такъ какъ только извѣстное рѣшеніе ихъ можетъ спасти человѣчество отъ гибели. Все зло происходитъ, по мнѣнію Достоевскаго, въ отпаденіи отъ православнаго христіанскаго ученія, т.-е. отъ атеизма (католичество, соціализмъ—тожъ). Это такъ глубоко вкоренилось у Достоевскаго, что онъ всѣхъ своихъ героевъ мучаетъ больше всего вопросомъ о Богѣ и ни одному не позволилъ окончательно съ нимъ покончить. Причины всевозможныхъ преступленій. самоубійствъ и пр. Достоевскій видитъ въ потерѣ вѣры въ Бога и въ безсмертіе. Въ «Дневникѣ писателя» за 1876 г. онъ прямо заявляетъ: «я объявляю, что любовь къ человѣчеству даже совсѣмъ немыслима, непонятна и *совсѣмъ невозможна* безъ совмѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣческой. Тѣ же, кто, отнявъ у человѣка вѣру въ безсмертіе, хотятъ замѣнить эту вѣру въ смыслѣ высшей цѣли жизни «любовью къ человѣчеству», тѣ, говорю я, подымаютъ руки на самихъ себя, ибо вмѣсто любви къ человѣчеству они насаждаютъ въ сердцѣ потерявшаго вѣру лишь зародышъ ненависти къ человѣчеству» («Дневникъ писателя» за 1876 г., кн. XII). Нитцше же все зло видитъ какъ разъ въ христіанствѣ и его видоизмѣненіяхъ.

Исторію Достоевскій представляетъ себѣ въ такомъ видѣ: идеаломъ и исходомъ нравственныхъ стремленій всего древняго міра была римская имперія. Являлся человѣкъ-богъ. Имперія сама воплощалась, какъ религіозная идея. Но этотъ муравейникъ—римская имперія была подкопана церковью. Человѣка-бога встрѣтилъ бого-человѣкъ Аполлонъ Бельведерскій—Христа. Началась создаваться всебратская національность, всечеловѣческая въ формѣ общей вселенской церкви. Но она была гонима. Идеалъ создавался теперь подъ землею, а на землѣ торжествовала римская имперія. Явился компромисъ. Имперія приняла христіанство, а церковь римское право и государство. Малая часть церкви ушла въ пустыню и продолжала свою работу: явились опять христіанскія общины, потомъ монастыри—все только пробы, даже до нашихъ дней. Оставшаяся же огромная часть церкви раздѣлилась на 2 половины. Въ западной половинѣ государство одолѣло церковь. Церковь уничтожилась и перевоплотилась уже окончательно въ государ-

ство. Явилось папство—продолженіе римской имперіи въ новомъ воплощеніи. Въ восточной же половинѣ государство было покорено и разрушено мечомъ Магомета и остался лишь Христосъ, уже отдѣленный отъ государства. А то государство, которое вновь приняло Христа, претерпѣло такія страшныя страданія отъ враговъ, отъ татарщины, отъ неустройства, отъ крѣпостного права, отъ Европы, отъ европеизма и столько до сихъ поръ выноситъ, что настоящей общественной формулы въ смыслѣ духа и любви христіанскаго самоусовершенствованія еще не выработалось. Мѣшали этому главнымъ образомъ русскіе европейцы. Но Европа уже наканунѣ гибели и спасеніемъ явится православное христіанство, идею котораго воплощаетъ русскій народъ. Онъ именно и спасетъ человѣчество *). Совсѣмъ другое видитъ въ исторіи Нитцше. Онъ, дѣйствительно, думаетъ, что древній міръ стремился къ идеѣ человѣка-бога, но христіанство убило эту идею и побѣдило Римъ. Вся исторія—это постепенное убійство идеи человѣка-бога, но эта идея восторжествуетъ. «Кто же нѣкогда долженъ придти и не можетъ не придти? Нашъ великій случай, это наше великое, далекое царство человѣка, царство Заратустры, которое продолжится 1.000 лѣтъ» («Такъ говорилъ Заратустра» 463). Идеальное будущее, отъ котораго Достоевскій приходитъ въ умиленіе прекрасно нарисовано въ «Подросткѣ.» Вотъ какъ мечтаетъ Достоевскій словами Версилова: «Я представляю себѣ, что бой кончился уже и борьба улеглась. Послѣ проклятій, комьевъ грязи, свистковъ, настало затишье. Люди остались *одни*, какъ желали. Великій источникъ силъ, до сихъ поръ питавшій и грѣвшій ихъ, отходилъ, какъ величавое зовущее солнце на картинѣ Кл. Лорренца, но это былъ уже послѣдній день человѣчества. И люди вдругъ поняли, что остались совсѣмъ одни и почувствовали великое сиротство. Осиротѣвшіе люди готчасъ стали бы прижиматься другъ къ другу тѣснѣе, любовнѣе, исчезла бы великая идея безсмертія и приходилось бы замѣнить ее. И весь избытокъ прежней любви, который былъ къ Тому, Который и былъ безсмертіе, обратился бы у всѣхъ на природу, на міръ, на людей. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо уже не прежней любовью. Они смотрѣли бы на природу глазами любовника на возлюбленную и открыли бы въ ней такія явленія и тайны, которыхъ не предполагали прежде. Они просыпались бы и спѣшили бы цѣловать другъ друга торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это все, что у нихъ остается. Они работали бы другъ для друга и каждый отдавалъ бы всѣмъ все свое состояніе и тѣмъ однимъ былъ бы счастливъ. Каждый ребенокъ зналъ бы и чувствовалъ, что всякій на землѣ

*) Всѣ эти мысли повторяются и въ романахъ и въ публицистикѣ Достоевскаго. Все резюмировалось въ рѣчи въ память Пушкина и въ отвѣтѣ на статью Градовскаго (см. „Дн. писателя“, XI, стр. 495—498).

ему какъ отецъ и мать. «Пусть завтра послѣдній день мой, думалъ бы каждый, смотря на заходящее солнце: но все равно я умру, но останутся всѣ они, а послѣ нихъ дѣти ихъ»—и эта мысль, что они останутся все также любя и трепеща другъ за друга, замѣнила бы мысль о загробной встрѣчѣ. И они торопились бы любить, чтобы затушить великую грусть въ своихъ сердцахъ. Они были бы горды и смѣлы за себя, но сдѣлались бы робкими другъ за друга; каждый трепеталъ бы за жизнь и счастье другого. Они стали бы нѣжны другъ къ другу и не стыдились бы того, какъ теперь, и ласкали бы другъ друга, какъ дѣти. Встрѣчаясь смотрѣли бы другъ на друга глубокимъ и осмысленнымъ взглядомъ и во взглядахъ ихъ была бы любовь и грусть... Милый мой, все это фантазія... но замѣчательно, что я всегда кончалъ картину мою видѣніемъ, какъ у Гейне «Христа на Балтійскомъ морѣ». Я не могъ обойтись безъ него, не могъ не вообразить его, наконецъ, посреди осиротѣлыхъ людей. Онъ приходилъ къ нимъ, простиралъ къ нимъ руки и говорилъ: «какъ могли вы забыть Его». И тутъ какъ бы пелена упадала со всѣхъ глазъ и раздавался бы великій восторженный гимнъ новаго послѣдняго воскресенія» (VIII, 483—481). А вотъ картина умиленія Заратустры—Нитцше. «Но тутъ случилось, что Заратустра вдругъ почувствовалъ себя окруженнымъ какъ бы множествомъ птицъ, летавшихъ вокругъ него. Онъ чувствовалъ, что на него спустилась какъ бы туча изъ стрѣлъ; но это была туча любви, спускавшаяся на новаго друга. «Что происходитъ со мной?» думалъ Заратустра въ удивленномъ сердцѣ своемъ и опустился на большой камень, лежавшій у входа въ пещеру. Но пока онъ махалъ руками вокругъ себя, защищаясь отъ нѣжности птицъ, онъ нечаянно запустилъ свои руки въ космы густой теплой шерсти, и въ тотъ же моментъ раздалось предъ нимъ рыканіе,—нѣжное протяжное рыканіе льва. *Знаменіе приближается*, сказалъ Заратустра и сердце его преобразилось. Предъ нимъ лежалъ левъ и летали вокругъ голуби. Видя все это, Заратустра произнесъ: *Дѣти мои близко, мои дѣти* и сталъ совершенно нѣмъ. Но сердце его было утѣшено, и изъ глазъ текли слезы, падавшія на руки ему. Голуби же улетали и прилетали, садились на плечи ему, ласкали сѣдые волосы его, а могучій левъ лизалъ слезы, падавшія на руки Заратустры». И вспомнилъ Заратустра, что вчера встрѣтилъ онъ здѣсь прорицателя, который сказалъ ему: я иду, чтобы ввести тебя въ твой послѣдній грѣхъ. «Въ мой послѣдній грѣхъ?—воскликнулъ Заратустра, гнѣвно смѣясь надъ своимъ собственнымъ словомъ: *что* же было сбережено для меня, какъ мой послѣдній грѣхъ.—И еще разъ Заратустра погрузился въ раздумье. Вдругъ онъ вскочилъ:—*Жалость. Жалость къ высшему человѣку!*—воскликнулъ онъ и лицо его стало суровымъ. Ну, что-жъ! *Этому* было свое время. Мое страданіе и мое состраданіе—ну, что-жъ? Развѣ *счастья* ищу я? Я ищу своего *дѣла*. И вотъ, левъ пришелъ, мои дѣти близко, Заратустра созрѣлъ, часъ

мой пришелъ. Это *мое* утро, брежжитъ *мой* день. *Вставай же, вставай, великій полдень!*

«Такъ говорилъ Заратустра и покинулъ свою пещеру сіяющій и сильный, какъ утреннее солнце поднимающееся изъ-за темныхъ горъ» («Такъ говорилъ Заратустра», 620—624).

Своему «преступнику» Достоевскій прописалъ рецептъ: *смирись!* А Нитцше своего Заратустру привѣтствуетъ. Смиреніе является для него самымъ сильнымъ врагомъ. «Червякъ, на котораго наступятъ, заворачивается вверхъ. И это очень умно съ его стороны. Въ такомъ положеніи ему гораздо менѣе шансовъ быть опять раздавленнымъ. На языкѣ морали это—смиреніе», такъ смѣется Нитцше въ одномъ афоризмѣ въ «Помраченіи кумировъ».

Если мы резюмируемъ нормы, данныя Достоевскимъ и Нитцше личности, то получимъ приблизительно слѣдующее. Достоевскій какъ бы говоритъ человѣку: люби живую жизнь. Не связывай себя насквозь наукой и научными теоріями. Знай, что въ тебѣ сидитъ бѣсъ, который искушаетъ тебя пренебречь христіанскою моралью, отрицать Бога и надѣяться лишь на себя самого, но не поддавайся этому. Безъ Бога погибнемъ, безъ христіанской добродѣтели будешь несчастнымъ, это доведетъ до преступленія. Будь по существу православнымъ христіаниномъ и будешь счастливъ. Люби ближняго безъ затѣй, просто, сердечно. Нѣтъ больше радостей, чѣмъ это. Это глубоко лежитъ въ человѣческой натурѣ. Свою гордыню смиряй! Свое *я* не ставь критеріемъ истины. На свѣтѣ есть *одна* истина, *одна* мораль! А Нитцше какъ бы говоритъ: люби живую жизнь. Люби науку, которая «пахнетъ землей» въ тебѣ сидитъ бѣсъ, который искушаетъ тебя пренебречь *жизнью*. Это христіанскій идеалъ съ его дальнѣйшими развитіями. Онъ дѣлаетъ тебя несчастнымъ и ведетъ къ вырожденію. Будь прежде всего самимъ собой. Люби дальнее, но люби со всей силой своей добродѣтели, хотя бы и пришлось погибнуть отъ этого. Нѣтъ больше радостей, чѣмъ это. Это глубоко заложено въ самой жизни. Ни предъ чѣмъ не смиряйся. Самъ создавай себѣ истину и мораль.

Несмотря на всю глубокую разницу міросозерцанія Достоевскаго и Нитцше, они сошлись на томъ, что Европа наканунѣ гибели. Конечно, и здѣсь они сошлись только въ констатированіи факта. Для Нитцше вся Европа измельчала и все мельчаетъ. Человѣкъ превращается въ какое-то уродливое домашнее животное. «И я кричу на всѣ 4 стороны, взываетъ Заратустра.—Вы все мельчаете, вы маленькіе люди, вы распадаетесь на крошки,- любители благополучія! И я еще увижу, какъ вы погибнете отъ безчисленныхъ вашихъ маленькихъ добродѣтелей!..» Причиной всего этого, какъ мы уже не разъ говорили, служитъ по Нитцше, христіанское ученіе и соціалистическія теоріи (то и другое по Нитцше тѣсно связано).

Но для Нитцше служитъ утѣшеніемъ, что «демократическое теченіе

Европы способствуетъ воспитанію *тирана*, понимая это слово въ какомъ угодно значеніи, а также въ умственномъ» «(По ту стор. добра и зла». 223). Съ этимъ выводомъ согласенъ и Достоевскій, только онъ видитъ какъ разъ въ этомъ паденіе Европы. Мнѣніе о гибели Европы у него выражено очень ясно: «Да, Европа ваша на концѣ паденія, обращается онъ къ западникамъ,—повсемѣстнаго общаго, ужаснаго. Муравейникъ давно уже созидавшійся безъ церкви и безъ Христа съ расшатаннымъ до основанія нравственнымъ началомъ, утратившимъ все общее и абсолютное,—этотъ созидавшійся муравейникъ, говорю, весь подкопанъ. Грядетъ 4-е сословіе, стучится и ломится въ дверь, и если ему не отворятъ, сломаетъ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеаловъ, отвергаетъ всякій доселѣ бывшій законъ. На компромиссы, на уступочки не пойдетъ, подпорочками не спасете зданіе. Уступочки только разжигаютъ а оно хочетъ всего. Наступитъ нѣчто такое, чего никто и не мыслитъ» (XI, 495). Европа рухнетъ, и спасительницей явится Россія. Это миссія ея *).

Какъ Нитцше, такъ и Достоевскій видятъ грозу отъ надвигающагося пролетаріата.

М. Хейсинъ.

---

*) Въ разсказѣ о мужикѣ Марреѣ (Дневникъ писателя за 1876 г.) Достоевскій пишетъ: Россія окажется сильнѣе всѣхъ въ Европѣ. Произойдетъ это оттого, что въ Европѣ уничтожатся всѣ великія державы и по весьма простой причинѣ: онѣ всѣ будутъ обезсилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремленіями огромной части своихъ низшихъ подданныхъ, своихъ пролетаріевъ, своихъ нищихъ. Въ Россіи же этого не можетъ случиться совсѣмъ. Нашъ демосъ доволенъ и чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе будетъ удовлетворенъ, ибо все къ тому идетъ.

„А потому останется одинъ лишь колосъ въ Европѣ—Россія. Это случится гораздо ближе, можетъ быть, чѣмъ думаютъ. Будущность Европы принадлежитъ Россіи". (X, 153). Дѣло въ томъ, что „цивилизація не развила у насъ сословій. Напротивъ, замѣчательно стремится съ сглаживанію и къ соединенію ихъ въ одно. Можетъ быть „Р. В." это будетъ очень досадно, но англійскихъ лордовъ у насъ нѣтъ; французской буржуазіи тоже нѣтъ, пролетаріевъ тоже не будетъ, мы въ это вѣримъ. Взаимной вражды сословій у насъ развиться не можетъ напротивъ они сливаются („Время". VII. IX. 105).

МОЛОХЪ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой*.

(*Продолженіе*) *).

38.

Въ комнатѣ средней величины, выходившей окнами въ садъ, еще освѣщенный лучами заходящаго солнца, сидѣлъ Ханка и разыгрывалъ на роялѣ сонату Гайдна; Беата, забившись въ уголъ, перелистывала альбомъ съ фотографическими карточками и время отъ времени зѣвала.

— Совершенно излишне было его приглашать,—сказала она, воспользовавшись паузой между анданте и аллегро,—тѣмъ. болѣе, что Шпехтъ не придетъ. Что мы будемъ дѣлать съ Арнольдомъ Анзорге? И вообще какое намъ до него дѣло? Вдобавокъ онъ невѣжливъ и заставляетъ себя ждать.

Ханка на вертящемся табуретѣ медленно повернулся къ ней. Посмотрѣвъ на часы, онъ причмокнулъ губами и сказалъ:

— Вѣдь мы же хотѣли какъ-нибудь пригласить обоихъ подолинцевъ, а что твой другъ Шпехтъ откажется придти, никто заранѣе предположить не могъ. Впрочемъ, Анзорге меня интересуетъ гораздо больше.

Беата нетерпѣливо болтала ногами.

— А на меня такъ онъ нагоняетъ скуку,—сказала она почти съ волненіемъ,—вообще, я скучаю: Господи, почему мы уже не въ дорогѣ. Какъ много еще остается времени до завтрашняго утра! Мнѣ хочется каждый день быть гдѣ-нибудь на новомъ мѣстѣ, а ты... ты спишь и днемъ, и ночью.—Въ одно и то же время улыбаясь и стискивая зубы, она продолжала:—заказалъ ли ты билеты на завтра?

Ханка раскачивающейся походкой сталъ прогуливаться поперекъ комнаты и ничего не отвѣтилъ. Уже впродолженіи нѣсколькихъ дней его волновали неуловимыя и перемѣнчивыя ощущенія. Всѣмъ существомъ онъ былъ привязанъ къ Беатѣ, но раньше она, какъ бы от-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май, 1903 г.

дыхая, отдавалась ему, теперь онъ то и дѣло подмѣчалъ въ ней какое-то внутреннее возмущеніе. Ему не было необходимо постоянное проявленіе чувства, чтобы повѣрить въ него; ему была важна возможность обращаться съ Беатой по виду даже нѣсколько суховато. И если бы, понимая его, она облегчила ему подобное обращеніе, она могла бы совершенно завладѣть имъ. Но для него стало яснымъ до очевидности то, что ей слѣдовало бы видѣть; она не чувствовала того, что ей слѣдовало бы чувствовать. Ея скользящая по поверхности подвижность была не чѣмъ инымъ, какъ средствомъ спастись отъ того крѣпкаго и прочнаго, чѣмъ его самого надѣлила природа. Слѣдовательно ему было вдвойнѣ трудно насильно выставлять на показъ свое чувство. Теперь очень часто къ спокойному размышленію у него примѣшивалась досада. «Притягательная сила растетъ съ квадратомъ разстоянія», насмѣшливо говаривалъ онъ себѣ и со свойственной ему основательностью хотѣлъ досконально доискаться, благодаря какимъ качествамъ Беата стала для него столь необходимой. Но дойдя до этого пункта, его мысль цѣломудренно останавливалась; съ постоянно возрастающей нѣжностью, на которую только и способно такое замкнутое сердце, онъ видѣлъ въ ней сильное и капризное дитя природы, которому его собственная ослабѣвшая воля прихотливо должна была подчиниться.

— Ты опять началъ расхаживать взадъ и впередъ, словно медвѣдь?—замѣтила Беата, но въ ту же минуту вскочила на ноги, такъ какъ въ передней позвонили.

Вошелъ Арнольдъ. Ханка встрѣтилъ его сердечнымъ пожатіемъ руки, а Беата съ нѣсколько неумѣло дѣланнымъ холодомъ. Всѣ трое сейчасъ же сѣли къ столу.

Небо заволокло тучами и по саду пронесся грозовой вихрь. Ханка вновь всталъ съ мѣста и, отвертывая электрическіе крантики, спросилъ Арнольда, почему онъ пришелъ такъ поздно.

— По настоящему васъ слѣдовало бы оставить безъ обѣда въ наказаніе,—съ досадой проговорила Беата.

На ней было блѣдно-лиловое батистовое платье, еще рельефнѣе подчеркивавшее ея сходство въ манерѣ и движеніи съ мотылькомъ. Взглядъ у нея былъ какой-то сосущій, безпокойный и пустой. Арнольдъ не извинился.

— Я до послѣдней минуты колебался, идти мнѣ или нѣтъ,—сказалъ онъ.—Это невѣжливо, но имѣетъ свое основаніе.

Беата была поражена.

— У него вѣчно на все какія-то основанія,—колко замѣтила она.

— Ну, вы для старыхъ знакомыхъ какъ будто черезчуръ пикируетесь,—добродушно замѣтилъ Ханка. Онъ въ сущности былъ радъ тому, что Арнольдъ Анзорге сидитъ противъ него; ему даже показалось почти важнымъ видѣть и наблюдать такого человѣка. «Вотъ изъ

какого тѣста пекутся друзья,—подумалъ онъ и въ ту же минуту рѣшилъ приняться за «печенье».

Одно мгновенье ему показалось даже возможнымъ отложить изъза этого завтрашній отъѣздъ; представивъ себѣ, что бы сказала на подобное предложеніе Беата, онъ ѣдко усмѣхнулся про себя.

Обѣдъ начался при приближающихся раскатахъ грома. Но вскорѣ Беата бросила ножикъ и вилку, и ея лицо видимо мѣнялось подъ вліяніемъ страха.

— Да, да, вотъ что значитъ гроза,—замѣтилъ Ханка, морща лобъ,— для женщины, выросшей въ деревнѣ, это довольно стыдно.

Необыкновенно сильная молнія заставила побѣдиѣть даже огни въ комнатѣ. Послѣ продолжительнаго удара грома Беата вскочила съ мѣста и, бросивъ на Арнольда растерянный взглядъ, пробормотала:

— Отошли его, Александръ.

Ханка также поднялся. Взявъ Беату за руки, онъ старался ее успокоить; но при новой ослѣпительной вспышкѣ молніи, все ея тѣло судорожно вздрогнуло. Съ силой оттолкнувъ Ханка, причемъ на ея сердитомъ лицѣ появилось выраженіе, дѣлавшее ее похожей на вѣдьму, она стала кричать грому: «я не хочу, не хочу», и потомъ бросилась вонъ изъ комнаты.

Ханка тотчасъ же послѣдовалъ за ней. Черезъ минуту онъ вернулся, позвалъ горничную, и Арнольдъ снова остался одинъ у накрытаго стола. Онъ отнесся къ происшествію съ меньшимъ участіемъ, нежели по его человѣколюбивому и отзывчивому характеру можно было ожидать. Все, что касалось Беаты, скользило по немъ и такъ же мало смѣшивалось съ его душой, какъ масло съ водой. А можетъ быть, и разыгравшіяся силы природы казались ему привлекательнѣе и глубже затрагивали его, нежели эгоистичная трусость мелкой душонки. Онъ медленно подошелъ къ садовому окну и при новыхъ вспышкахъ молніи почувствовалъ, что непремѣнно обязанъ внести въ этотъ домъ истину. Онъ потянулся, закрылъ глаза и улыбнулся. Ханка вернулся ничуть не смущенный и почти въ юмористическомъ настроеніи.

— Закуталась въ простыни и заткнула уши, — сказалъ онъ. — Я долженъ былъ ей обѣщать, что вы уйдете. Не произошло ли между вами чего-нибудь? Для меня это непонятно. Пойдемте, дружище, давайте кончать обѣдъ. Я радъ что вы у меня и не такъ-то скоро отпущу васъ.

— Ваша жена, можетъ быть, боится оставить меня съ вами наединѣ,—спокойно отвѣтилъ Арнольдъ, слѣдуя за Ханка къ столу.

— Да почему? Вѣдь она сама же хотѣла, чтобы вы какъ-нибудь побывали у насъ. Чего же бояться?—И Ханка весело и съ аппетитомъ положилъ себѣ на тарелку мяса и зелени.

— Я-то вполнѣ понимаю это,—сказалъ Арнольдъ. — Можетъ быть, она и желала моего прихода, чтобы видѣть, какъ ей слѣдуетъ себя

держать со мною. Къ тому же, вѣдь и Шпехтъ долженъ былъ придти. Почему его нѣтъ?

— Ай, ой, какимъ вы стали прозорливцемъ! Во всякомъ случаѣ, то, что вы говорите, имѣетъ кое-что за себя. Именно женщины часто жаждутъ имѣть предметъ своей ненависти вблизи себя. Въ этомъ кроется дѣтскій инстинктъ самообороны. Но предполагать что-либо подобное у Беаты было бы смѣшно.

Арнольдъ молчалъ. Его вновь охватила нерѣшительность. Вдругъ ему показалось, что Ханка все извѣстно, что между нимъ и Беатой нѣтъ тайнъ, а онъ самъ подобенъ человѣку, желающему влить грязную воду въ чистый потокъ.

— Страхъ женщины во время грозы насъ затрагиваетъ также и съ эстетической точки зрѣнія, если позволено такъ выразиться,—продолжалъ Ханка, видимо расположенный поболтать. — Въ женщинахъ есть что-то столь же элементарное, какъ и въ грозовой тучѣ; можно бы даже предположить, что природѣ доставляетъ удовольствіе, когда, при соприкосновеніи ихъ другъ съ другомъ, происходитъ взрывъ и обнаруживаются кроющіяся въ нихъ свойства. По крайней мѣрѣ, меня это нисколько не разстраиваетъ, а, наоборотъ, скорѣе пріятно.

Опять сверкнула синеватая молнія, сразу освѣтила всю комнату и прервала рѣчь Ханка; послѣдовавшій за нею почти безъ промежутка раскатъ грома заставилъ задрожать стѣны и задребезжать тарелки.

— Почему, собственно, не пришелъ Максимъ Шпехтъ?—спросилъ Арнольдъ, глядя на окно, по стеклу котораго хлесталъ дождь. — Онъ мнѣ говорилъ, что будетъ здѣсь. Это мнѣ кажется страннымъ лишь потому, что вчера я его встрѣтилъ съ вашей женой въ закрытой каретѣ.

Ханка быстро поднялъ голову, и лицо его выразило сильное удивленіе.

— Вотъ какъ?—коротко спросилъ онъ. И вдругъ онъ вспомнилъ, какими безконечными показались ему вчера часы, проведенные Беатой у портнихи. Онъ покачалъ головой, неувѣренно улыбнулся, но очень ласково проговорилъ:

— Можетъ быть, вы ошибаетесь?

— Нѣтъ, я не ошибаюсь, — отвѣтилъ Арнольдъ,—хотя шторы въ каретѣ приподнялись лишь на одно мгновеніе.

Ханка пересталъ ѣсть. «Почему она мнѣ этого не разсказала?» подумалъ онъ, точно желая еще разъ насильно обмануть самого себя. Откинувшись на спинку стула, онъ раскрылъ было ротъ, но потомъ снова закрылъ его, не произнеся ни слова. По обѣимъ сторонамъ носа проступила какая-то странная желтоватая блѣдность.

— А я думалъ, что вамъ извѣстны отношенія Беаты къ Шпехту,— снова съ непоколебимой серьезностью началъ Арнольдъ. Онъ облокотился на столъ, подперъ голову рукой и, не спуская глазъ, смотрѣлъ

на Ханка.—Не только настоящія, но и прежнія. Они были въ Подолинѣ, какъ мужъ и жена, днемъ и ночью. Я знаю это, и не сталъ бы говорить, не зная навѣрное. Поэтому выслушайте меня сразу до конца, чтобы мнѣ не долго мучать васъ. Послѣ Шпехта она жила со старшимъ работникомъ въ имѣніи Рандоміровъ, т.-е. вначалѣ она надувала того и другого, но работникъ побоями заставилъ ее всецѣло подчиниться себѣ. Объ этомъ у насъ ежедневно судачила прислуга. Мнѣ и тогда внутренній голосъ подсказывалъ, что вамъ все это неизвѣстно, потому что вѣдь вы видѣли въ ней другую Беату. И можетъ быть, даже оттолкнули бы женщину, которая во всемъ откровенно призналась бы вамъ. Поэтому-то меня и тянуло сюда къ вамъ, какъ ни тяжела вся эта исторія; я думаю, есть люди, живущіе ложью, и другіе, умирающіе отъ нея; не надо допускать, чтобы они смѣшивались. Вотъ и все.

Во время этой рѣчи желтоватыя пятна на лицѣ Ханка все увеличивались. И онъ также, не спуская глазъ, смотрѣлъ въ лицо своего визави и мало-по-малу утрачивалъ сознаніе, что передъ нимъ сидитъ человѣкъ, а видѣлъ лишь какой-то бѣловатый кругъ; будто мѣсяцъ спустился съ неба и заговорилъ... И все-таки онъ слушалъ и слушалъ, пока не почувствовалъ въ головѣ необычайную ужасающую боль и Арнольдъ не кончилъ говорить; тогда на его губахъ появилась искаженная, безсмысленная улыбка. Арнольдъ молчалъ, молчалъ и Ханка; такъ просидѣли они съ четверть часа, пока гроза не улеглась. Наконецъ, Ханка отодвинулъ стулъ, перегнулся впередъ, точно собираясь произнести комплиментъ, и сиплымъ, страннымъ, точно у судьи, голосомъ произнесъ:

— Доказательства!—причемъ широко раскрылъ черные глаза.

Арнольдъ ничего не возразилъ; онъ молча посмотрѣлъ Ханкѣ прямо въ глаза. Какъ во взглядѣ, такъ и на всемъ лицѣ у него лежало выраженіе такой строгости, такой сознательности и благородства, что Ханка вновь откинулся назадъ, какъ бы желая забыть свои слова. Онъ плашмя положилъ руку на голову, щеки его залила краска, потомъ снова исчезнувшая; съ губъ сорвался неопредѣленный короткій звукъ; наконецъ, онъ всталъ и точно въ знакъ своего самообладанія закурилъ сигару, послѣ чего, молча, большими шагами сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Арнольдъ также поднялся съ мѣста.

— Прощайте, докторъ Ханка,—сказалъ онъ.—Зовите меня, какъ хотите—другомъ или врагомъ,—это зависитъ отъ васъ.

Ханка повернулся къ нему спиной, скрестилъ руки на груди и сталъ смотрѣть въ окно. Но когда Арнольдъ повернулся къ дверямъ, онъ догналъ его, посмотрѣлъ на него неописуемымъ взглядомъ и протянулъ холодную, влажную руку.

39.

Ханка продолжалъ прогуливаться по комнатѣ. Теперь онъ не думалъ ни о себѣ, ни о Беатѣ, но направилъ всѣ свои помыслы и всю силу мышленія, на какую только былъ способенъ, на личность Арнольда Анзорге. По своему характеру, въ основѣ котораго лежала справедливость, онъ обязательно долженъ былъ сначала справиться со всѣмъ внѣшнимъ, и уже затѣмъ углубиться въ самого себя. Онъ представлялъ себѣ Арнольда, котораго зналъ въ Подолинѣ и сравнивалъ съ тѣмъ, что сегодня говорилъ съ нимъ; старался измѣнить глубину своего довѣрія къ этому человѣку. Онъ считалъ его за личность, дѣятельно прибивающую себѣ дорогу въ жизни; личность, которую никогда не покидаетъ глубочайшее сознаніе своего я. Въ концѣ концовъ Ханка пришелъ къ заключенію, что Арнольдомъ руководила симпатія, когда онъ хотѣлъ заставить его прозрѣть. «Слѣдовательно, я былъ слѣпъ», думалъ онъ дальше и всѣми силами старался побороть въ себѣ чувство, близко походившее на непріязнь и даже ненависть къ Арнольду. Какъ онъ ни раздумывалъ, а вѣрить слышанному онъ все-таки еще не могъ. На одно мгновеніе ему даже показалось фантастичнымъ и смѣшнымъ сомнѣваться въ Беатѣ. Что привело его сюда? Упрямо и грустно задѣвалъ онъ себя вопросомъ. Состраданіе? Въ такомъ случаѣ его правда не есть правда. Какъ могъ онъ предположить, что между ними нѣтъ знанія прошлаго другъ друга? Въ Ханка заговорило самолюбіе. «Можетъ быть, его самого отвергли и теперь онъ разыгрываетъ мстителя», продолжалъ онъ допытываться полный отчаянія; но при этой мысли по кожѣ у него пробѣжалъ холодъ, точно его коснулось отвращеніе. Тысячи предположеній жгли его мозгъ, съ помощью тысячи разныхъ маневровъ старался онъ исказить лицо обвинителя, но всякій разъ качалъ головой и вновь заявлялъ самому себѣ: «стало быть, я былъ слѣпъ!» Онъ началъ даже жалѣть, что не остался въ невѣдѣніи, но поймавъ себя на этой мысли, привычнымъ движеніемъ положилъ на голову ладонь руки, какъ бы желая остеречь или удержать себя отъ чего-то. И снова, и снова ходилъ онъ взадъ и впередъ. Онъ точно окружилъ себя множествомъ Беатъ со всѣми ея минами и жестами, заставлялъ звучать передъ собой всѣ ея слова, которыя помнилъ, какъ бы принялся изучать даже ея молчаніе, и, наконецъ, ему стало казаться, что съ нѣкоторыхъ изъ этихъ образовъ точно спадаетъ завѣса, за которой скрывалась черствость подъ маской ребячества, лживость подъ прикрытіемъ тысячи обманчивыхъ улыбокъ. «Что же мнѣ дѣлать?» подъ конецъ вырвалось у него. Ему казалось, что вотъ онъ долженъ лечь на полъ и впродолженіи многихъ, многихъ лѣтъ думать обо всѣмъ этомъ. Онъ копался въ душѣ даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, ибо въ сущности прекрасно зналъ, какъ поступить. Только теперь ему пришло въ го-

лову, что онъ можетъ отправиться къ Беатѣ, и тогда все рѣшится, но тутъ же съ жесткой логикой доказалъ себѣ, что ему самому хочется отдалить рѣшеніе. «Да развѣ все это до такой степени скверно?» пробормоталъ онъ. «Одной женщиной меньше для меня, вотъ и все. Проступокъ съ ея стороны очень незначительный; она вѣдь не та, какою я ее считалъ. Не слѣдуетъ осложнять весьма простого положенія вещей. Обманъ или не обманъ—въ концѣ концовъ это дѣло вкуса и чувства брезгливости. Для меня же дѣло заключается гораздо въ большемъ. Какъ я не могу идти по несуществующей дорогѣ, такъ и не могу жить съ существомъ, котораго нѣтъ».

Путемъ такихъ разсужденій Ханка достигъ необходимаго спокойствія, зажегъ свѣчу, вышелъ изъ комнаты, прошелъ черезъ гостиную въ которой уже вся мебель была въ чехлахъ, и вошелъ въ спальню. Беата въ копотѣ лежала на постелѣ и спала. Онъ поколебался съ минуту, но потомъ намѣренно громко поставилъ подсвѣчникъ на мраморный столъ; Беата вздрогнула и проснулась.

— Отослалъ ты его?—спросила она спросонья. — Потуши свѣчу, Александръ, не то загорится занавѣсъ,—продолжала она, разгулявшись.—Здѣсь достаточно свѣтло, развѣ не видишь?

Онъ, не отвѣчая, принялся, какъ и въ столовой, расхаживать взадъ и впередъ, а она нетерпѣливо стала слѣдить за нимъ глазами.

— Ты бы легъ теперь,—съ досадой проговорила она,—намъ надо хорошенько выспаться, вѣдь завтра утромъ мнѣ еще придется уложить свой ручной сакъ.

— Можешь укладывать его,—спокойно возразилъ Ханка,—можешь даже и ѣхать, если тебѣ это нравится, но думаю, это обойдется безъ меня.

Беата съ удивленіемъ раскрыла глаза.

— Ты съ ума сошелъ, что ли? — наконецъ закричала она, снова широко раскрывая глаза. Потомъ она громко засмѣялась, сѣла на постель и опустила ноги на полъ; лицо ея выражало одновременно страхъ, заботу и ненависть.

Казалось, Ханка ничего этого не замѣчалъ. Какія-то невидимыя вещи въ пространствѣ приковывали его вниманіе. Онъ покачалъ головой изъ стороны въ сторону и заговорилъ ровнымъ голосомъ.

— Я не спрашиваю, въ какихъ ты состоишь отношеніяхъ съ Максимомъ Шпехтомъ; ни о томъ, что побуждаетъ тебя таинственно кататься съ нимъ по городу въ закрытой каретѣ; ни о томъ, что между вами было уже въ Подолинѣ. Не спрашиваю, что было между тобой и работникомъ графа Рандоміра. Я хочу лишь знать, что ты мнѣ скажешь теперь, когда тебѣ извѣстно, что я все знаю.

Лицо Беаты приняло земляной оттѣнокъ. Спина ея согнулась, голова свѣсилась, губы медленно раскрылись, а изъ за нихъ стали видны крѣпко стиснутые зубы. Казалось, ей хочется въ одно и то же время

смѣяться и кричать. Пальцы ея двигались, большіе пальцы на ногахъ шевелись подъ тоненькими чулками, колѣна сжимались, руки подергивало... Потомъ она дико вскочила на ноги и съ безграничнымъ презрѣніемъ закричала:

— Такъ это дѣло той собаки! Великолѣпно!

Быстрымъ, какъ молнія, движеніемъ схватила она шаль, валявшуюся на кровати, накинула ее на голову и плечи и гордо, въ однихъ чулкахъ, вышла изъ комнаты, изо всѣхъ силъ хлопнувъ дверью.

По лицу Ханка скользнула растерянная улыбка. Онъ пріостановился, закрылъ глаза, точно желая сказать: довольно, слишкомъ даже довольно! Не прошло минуты, какъ Беата вернулась. Она сѣла на стулъ и, заплакавъ, стала прижимать къ глазамъ платокъ.

— Теперь зависитъ отъ тебя одной устроить свою будущую жизнь, какъ можно лучше. Мнѣ окончательно претитъ публичный скандалъ. Слѣдовательно, лучше всего, если ты безъ шума покинешь городъ. Я даю тебѣ время устроить все это такъ, чтобы ничто не бросилось въ глаза; самъ я на нѣсколько недѣль уѣду. Завтра прикажу письменно сообщить тебѣ, какія матеріальныя средства могу удѣлить, чтобы ты могла жить вполнѣ прилично. Можетъ быть, ты имѣешь еще что-нибудь сказать мнѣ?

Когда Беата поняла, что дѣло приняло такой серьезный оборотъ, съ ней произошла еще новая перемѣна.

— Я не виновата, Александръ, какъ Богъ святъ, это они соблазнили меня. Они сдѣлали меня несчастной.

Она упала около постели на колѣни и уткнула лицо въ подушки.

— Можетъ быть, это и правда,—ласково сказалъ Ханка, стоявшій передъ зеркаломъ и въ него наблюдавшій за нею. Беата быстро подняла голову и на ея лицѣ появилось наивное выраженіе надежды. Ханка улыбнулся необыкновенно тонко и горько. Онъ понялъ, что его слова не могутъ достигнуть слуха этой женщины, что его понятія происходятъ изъ иныхъ сферъ, что у него иная кровь, чѣмъ у Беаты, и что она даже не въ состояніи догадаться объ этомъ. Такимъ образомъ, онъ осудилъ себя самого и безъ всякихъ уже иллюзій вернулся въ тотъ кругъ, въ центрѣ котораго находилось его фаталистически-покорное, второе я.

— Сообразуйся со сказаннымъ мною,—холодно замѣтилъ онъ и повернулся къ дверямъ.

Когда онъ вышелъ изъ комнаты, до него донесся не то крикъ, не то смѣхъ Беаты. Вернувшись въ столовую, онъ сѣлъ къ піанино, развернулъ первыя попавшіяся ноты и одеревенѣвшими пальцами сталъ перебирать клавиши. Но между нимъ и инструментомъ точно выросла стѣна; звуки оставались глухими и отдаленными. Тогда онъ всталъ, раскрылъ окно и стеклянную дверь, ведущую въ садъ, и вышелъ. Съ кустовъ и деревьевъ падали дождевыя капли, клумбы окутывала не-

проглядная тьма. По бѣловато-сѣрому небу бѣжали тучи, а вдали еще сверкала молнія. «Я былъ другимъ человѣкомъ, когда эти молніи прорѣзывали горизонтъ по сю сторону», подумалъ Ханка. «Въ промежуткѣ между двумя порывами вѣтра измѣнилась моя судьба». Онъ бродилъ по извилистымъ дорожкамъ сада, и однообразные звуки отъ падающихъ дождевыхъ капель казались ему ударами молоточковъ по струнамъ піанино, которое въ этотъ вечеръ не хотѣло повиноваться ему. Было уже поздно, когда онъ вернулся въ комнату, заперъ ее со всѣхъ сторонъ и опять сѣлъ къ піанино, точно его что-то побуждало во чтобы то ни стало побесѣдовать съ нѣмымъ инструментомъ. Но онъ молчалъ. Ханка сѣлъ въ уголъ, схватилъ книгу, потомъ другую, третью... Что въ ней написано? Ничего, кромѣ: духъ умираетъ, а буква живетъ. Ханка почувствовалъ тяжесть и усталость, какъ будто прокутилъ двѣ ночи напролетъ. Онъ развалился въ креслѣ; въ головѣ у него зашевелились тяжелыя думы, перешедшія потомъ, когда уже листья въ саду зардѣлись подъ лучомъ утренняго солнца, въ такой же тяжелый сонъ.

40.

На то же розовѣющее небо смотрѣлъ и Арнольдъ, также еще не смыкавшій глазъ. Покинувъ домъ Ханка, онъ нѣкоторое время въ нерѣшительности простоялъ передъ воротами. Потомъ пошелъ по незнакомой дорогѣ, но скоро опять вернулся назадъ. Молчаливо тянулись виллы и дачи по обѣ стороны улицы, и ни единый звукъ, кромѣ паденія дождевыхъ капель, не долеталъ до его ушей. Дойдя до скамьи, оставшейся, благодаря прикрытію стараго каштановаго дерева, почти сухой, онъ опустился на нее. Послѣдній взглядъ и пожатіе руки Александра Ханка не выходили у него изъ головы. Арнольдъ хорошо понималъ, что въ томъ и другомъ было болѣе и нѣчто иное, нежели, благодарность за дружескую услугу; во всякомъ случаѣ, не то, чего ожидалъ Арнольдъ. Онъ ждалъ, что человѣкъ, который спокойно сидѣлъ себѣ въ темнотѣ, удивленно, бодро и рѣшительно повернется къ свѣту, который другъ внесетъ въ его домъ. Вмѣсто того—ему это подсказывали и чувство, и наблюденіе,—онъ только что покинулъ униженнаго человѣка, протягивающаго свои окровавленныя руки за старыми цѣпями. Арнольдъ хотѣлъ отдать домъ истинѣ, а вмѣсто того устроилъ судьбище. Взглядъ Ханка былъ ясенъ: «ты судишь, но кто далъ тебѣ право на это?» Было ли это слѣдствіемъ слабости Ханка или вообще человѣческой слабости, или же онъ, Арнольдъ, заблуждался? Съ этого пункта мысли Арнольда поплыли дальше, какъ тяжелыя струи огненнаго потока, зажигающаго все, находящееся на берегахъ. «Если это результатъ слабости Ханка», думалъ онъ, «то его счастье состоитъ въ томъ, чтобы не видѣть, также какъ мое въ желаніи

видѣть. И насколько у меня нѣтъ силы передать ему свой мозгъ, свои глаза и мускулы, настолько же я не имѣлъ права поступать такъ, какъ поступилъ сегодня. Можно ли въ такомъ случаѣ утверждать, что для Ханка нѣтъ иной правды, кромѣ той, что живетъ въ немъ самомъ и опредѣляетъ его поступки? Если да, то я правъ, и моя истина опредѣляетъ и мои поступки. Изъ этого нѣтъ выхода, хотя я отлично вижу, что каждая вещь, какъ хорошая, такъ и дурная, имѣетъ двѣ стороны. Если же это слабость, присущая человѣку вообще, то она могла быть и моею и для меня еще труднѣе найти оправданіе такъ какъ кромѣ меня существуютъ еще и другіе люди. То, чѣмъ обладаетъ Ханка,—его собственность, платье, домъ и жена. Положимъ, Ханка пришелъ бы ко мнѣ и сказалъ: деньги твоего отца, которыя ты тратишь, собраны чужимъ потомъ и чужой нуждой. Мнѣ нужно было бы провѣрить его слова и, найдя ихъ справедливыми, отказаться отъ того, чѣмъ я обладаю, благодаря лжи; потому что вѣдь я исхожу изъ того, что каждый долженъ стряхнуть съ себя ложь, въ которой живетъ. Но какъ же съ Беатой? Можетъ быть, путь, избранный ею—молчаніе, и есть вѣрный путь, также какъ отцовское наслѣдство, которое черезъ меня пойдетъ лишь на хорошія дѣла? Можетъ быть, ея сила и заключается именно въ томъ, что она не созналась и ея любовь къ Ханка лучше всего и выразилась въ томъ, что она оставляла его въ невѣдѣніи? Можетъ быть, въ данномъ случаѣ ложь была полезнѣе. Вѣдь, собственно говоря, ложь—лишь пустой звукъ. А я развѣ въ правѣ попирать ногами силу другого? Если такъ, то мой поступокъ былъ заблужденіемъ, черствостью, самомнѣніемъ, но почему? А если бы Ханка узналъ обо всемъ, благодаря чьей-нибудь грубости или низости? Можетъ ли цѣль служить оправданіемъ поступка, сдѣлать его темнымъ, или свѣтлымъ? можно ли ставить на одну доску волю сознательно совершающую что-нибудь съ слѣпымъ случаемъ? и нельзя ли счесть все происшедшее за судьбу, хотя я сознательно стремился къ этому? Моя воля не можетъ быть ниже случая. До чего же я дошелъ, что болѣе уже не знаю, гдѣ истина и гдѣ заблужденіе! Что со мною дѣлается?»

Начиная съ этого пункта, его думы утрачивали свою поразительную прозрачность; раскаленный потокъ начиналъ мутнѣть и застывать. Въ душѣ у него шевельнулось раскаяніе и раздвоеніе. Будто въ немъ жили два человѣка; одинъ молча, чувствовавшій свою правоту, а другой умѣло оспаривавшій ее. Онъ сидѣлъ и сидѣлъ и никакъ не могъ ни успокоиться, ни придти къ какому-нибудь выводу. И вдругъ передъ нимъ всплыло странное существо—съ фигурой Беаты, а головой Самуэля Элассера. Онъ испугался и хотѣлъ разсмѣяться; тупая боль въ душѣ отъ дикаго разлада съ каждой минутой все усиливалась и наконецъ, словно расщелина, прорѣзала все его существо и расколола на-двое. Тогда онъ задалъ себѣ вопросъ: самъ ли онъ повиненъ въ

этой трещинѣ? Хотя и безсознательно, но онъ чувствовалъ, что въ его душѣ что-то сломлено, его внутреннее единство раздвоилось, голова ему подсказываетъ одно, а сердце — другое. Такимъ образомъ случилось, что собственная добросовѣстная вдумчивость довела его въ эту минуту до отчаянья и гнѣва и онъ страстно жаждалъ съ веселымъ сердцемъ вернуться къ прежнему состоянію. Весь міръ раздвоился въ его глазахъ. Въ своемъ смятеніи и блужданіи онъ рѣшилъ всецѣло довѣриться Веренѣ и попросить ее высказать свое рѣшеніе; онъ уже не обращалъ вниманія на то, что это будетъ съ его стороны новымъ проявленіемъ слабости и наполнитъ душу новыми страданіями. Онъ поднялся со скамьи; его тяготили думы, которыя раньше не имѣли мѣста въ его мозгу.

Востокъ уже подернулся желтизной.

41.

Въ концѣ августа Анна Барромео вернулась съ дачи и тотчасъ же стала дѣлать визиты, принимать, брать абонементы на концерты и спектакли и вообще, порывисто и какъ бы желая уйти отъ самой себя, готовиться къ обычной жизни осенняго и зимняго сезоновъ. Съ кухаркой у нея вышло крупное недоразумѣніе и она ее прогнала... Казалось, она даже не замѣчала того, что у нея передъ глазами, до такой степени ея взглядъ былъ мутенъ и блуждающъ. Изъ книжныхъ лавокъ и библіотекъ ей присылали цѣлые вороха романовъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи занять ее долѣе одного утра. Не переводя духа, она металась изъ стороны въ сторону, жаловалась на безсоницу, то казалась совершенно обезсиленной, то необыкновенно возбужденной; то болтливой, то нѣмой, какъ рыба. Хорошо, если за все время она удостоивала Арнольда однимъ словомъ; у нея было почти физическое ощущеніе, что онъ наблюдаетъ за ней. Его же смущала мысль, что она и дядя связаны такими тѣсными и неразрывными узами, какія, по его мнѣнію, налагаетъ бракъ. И онъ часто раздумывалъ объ этомъ—раздумывалъ по новому, копаясь въ ихъ душахъ, все разбирая и разлагая на части. За послѣднее время онъ все болѣе и болѣе поддавался подобному способу анализа, онъ думалъ: въ какомъ свѣтѣ эти два человѣка видятъ другъ друга, когда ихъ не подслушиваетъ ни одно ухо, не наблюдаетъ за ними ни единый глазъ? Онъ сталъ избѣгать совмѣстныхъ обѣдовъ, его оскорбляло, что ради него они накидываютъ прозрачную завѣсу свѣтской вѣжливости и искусственной простоты на свои взаимныя отношенія. Фридрихъ Барромео, какъ всегда, глубоко уходилъ въ себя. Ничто не могло сравниться съ усталостью и равнодушіемъ, съ какими онъ бралъ въ руки ножикъ и вилку и накладывалъ себѣ на тарелку кушанье, съ отсутствіемъ аппетита, съ которымъ онъ кушалъ, или видомъ, съ

которымъ еле-еле дотягивалъ до конца какой-нибудь безразличный разговоръ. Арнольду было досадно и обидно видѣть все это. Въ немъ еще горѣло желаніе заботиться о людяхъ, познавать ихъ во всей ихъ глубинѣ и широтѣ, а все безразличное, случайное и внѣшнее въ нихъ сводить къ центральному пункту ихъ существа. Очутившись однажды утромъ за завтракомъ вдвоемъ съ докторомъ Барромео, онъ открыто заговорилъ съ нимъ; голосъ его звучалъ почти молитвенно, съ такой пламенной искренностью онъ спросилъ:

— Не можешь ли ты сказать мнѣ, дядя, что тебя такъ угнетаетъ? Я не хочу выпытывать у тебя признанія, но думаю,—онъ покраснѣлъ въ пылу желанія высказаться до конца, нельзя ли что-нибудь измѣнить? Развѣ все такъ и должно оставаться, какъ оно есть?

Барромео медленно поднявъ брови. Оба его зрачка какъ-то потухли и закатились.

— Ты спрашиваешь, какъ юноша,—сказалъ онъ,—а я не могу отвѣчать тебѣ, какъ мужъ. Оставимъ это. Даже у умирающихъ есть свое nil nisi bene!..

Послѣ, прощаясь, Барромео очень тепло пожалъ ему руку, но уваженіе, которое сказывалось въ этомъ пожатіи, не было вызвано предыдущимъ короткимъ разговоромъ. Какъ ни незамѣтно, но Барромео все время слѣдилъ за поступками и образомъ жизни племянника съ какимъ-то почти мистическимъ вниманіемъ. И онъ видѣлъ, какъ на немъ оправдались всѣ признаки человѣка, спокойно и увѣренно идущаго къ своей цѣли. Его только нѣсколько смущала извѣстная легкость перерожденія, быстрое подчиненіе новымъ формамъ жизни, почти изысканная сдержанность манеръ и плавная, хотя и оригинальная рѣчь Арнольда. Доктора заставляло задумываться лишь то, что внушало довѣріе, болѣе того—симпатію легко доступному внѣшнимъ явленіямъ и впечатлительному молодому человѣку.

Но послѣдніе дни въ него закралось безпокойство. Разъ, когда Арнольдъ улыбнулся, въ его головѣ молніей мелькнула догадка, что племянникъ даетъ себѣ полный отчетъ въ этой улыбкѣ. И въ немъ стало разростаться и мучать его темное опасеніе, что Арнольдъ многое произноситъ съ намѣреніемъ, обдумавъ заранѣе или подхвативъ на лету, и что не все, высказанное имъ, выливается у него прямо изъ души.

Съ молодымъ учителемъ Вольмутомъ у Арнольда установились прекрасныя отношенія. Между ними не было никакихъ излишнихъ объясненій и все-таки они превосходно понимали другъ друга. Однажды одинъ изъ служащихъ въ канцеляріи Барромео сдѣлалъ попытку обмануть Арнольда, онъ сталъ остерегать его отъ Вольмута, называя послѣдняго холоднымъ карьеристомъ, котораго онъ якобы отлично знаетъ; говорилъ что даже изумительное прилежаніе его ничто другое какъ маска для прикрытія весьма неблаговидныхъ намѣреній. Арнольдъ

спокойно спровадилъ этого господина. При этомъ онъ впервые имѣлъ случай сравнить репутацію человѣка съ нимъ самимъ и далъ себѣ слово никогда не колебаться между тѣмъ и другимъ, но навсегда сохранить въ своей душѣ зеркало достойное вѣры. При дальнѣйшемъ размышленіи на эту тему оказалось, что для сношенія съ внѣшнимъ міромъ необходимо запастись самообладаніемъ. Такимъ образомъ, онъ очень рано сталъ помышлять о средствахъ для огражденія себя и пріобрѣтенія душевнаго спокойствія, можетъ быть, въ этомъ отношеніи безсознательно поддаваясь излюбленной теоріи Вольмута; въ послѣднемъ онъ тотчасъ же призналъ счастливую и здоровую способность равномѣрно развивать всѣ силы своего существа и потому наблюдалъ за нимъ такъ зорко, точно созерцая чужой характеръ безъ личныхъ усилій, былъ въ состояніи усовершенствовать свой собственный.

Всецѣло дитя своего вѣка, въ которомъ царила наука, Вольмутъ былъ изъ числа людей, сначала вырабатывающихъ себѣ извѣстное міросозерцаніе и, уже исходя изъ него, относящихся такъ или иначе къ дѣйствительной жизни. Самыя мелкія дѣла онъ исполнялъ съ неутомимымъ рвеніемъ и суровой добросовѣстностью, а свою бѣдность переносилъ съ вполнѣ понятною гордостью. Онъ жаждалъ во что бы то ни стало учиться и любилъ оказывать помощь.

Его ясный и сухой умъ дѣлалъ его способнымъ тотчасъ же подмѣтить малѣйшіе промахи въ жизни другого человѣка. Въ Арнольдѣ заговорило любопытство, какъ отнесся бы Вольмутъ къ Алассеру и насилію, совершенному надъ его дочерью монашенками.

Съ той дождливой ночи, проведенной имъ подъ каштановымъ деревомъ, онъ не переставалъ съ лихорадочнымъ вниманіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлымъ анализомъ перебирать въ умѣ мельчайшія подробности дѣла Ютты. Какъ раньше онъ относился къ нему подъ вліяніемъ заполнившаго его чувства, такъ теперь смотрѣлъ на все происшедшее сквозь призму спокойнаго разсудка. И теперь онъ походилъ на человѣка, воодушевленнаго жаждой борьбы за справедливость, но удаляющагося съ поля сраженія, чтобы добыть подкрѣпленіе противъ врага; вначалѣ онъ спѣшитъ и задыхается отъ сознанія своего великаго назначенія; потомъ его лобъ остываетъ; онъ начинаетъ любоваться видомъ, постепенно пускаетъ лошадь шагомъ и дозволяетъ ей щипать траву на заросшихъ мѣстахъ. Ночь переходитъ въ утро, утро—въ полдень.

Отчаянные вопли, окрылявшіе его шаги постепенно смолкаютъ; молящіе взоры на блѣдныхъ отъ испуга лицахъ, проникавшіе въ душу посланца, все дальше отодвигаются къ горизонту... и кончается тѣмъ что рыцарь начинаетъ глубокомысленно взвѣшивать, что справедливо и несправедливо, гдѣ истина и гдѣ дѣло идетъ лишь о торжествѣ партіи...

Къ тому же Арнольдъ за послѣдніе дни былъ сильно занятъ, чтобы

отдѣляться отъ новаго для себя ощущенія какой-то мягкости; оно тѣмъ болѣе казалось ему непривычнымъ, что рѣзко противорѣчило, съ бродившими въ головѣ мыслями, заставлявшими его во всемъ сомнѣваться и все различать. Подъ вліяніемъ тяготы подобного раздвоенія онъ задалъ Вольмуту повидимому невинный вопросъ; онъ хотѣлъ видѣть, какое отношеніе можетъ вызвать происшествіе въ Подолинѣ въ человѣкѣ, столь чуждомъ ему и въ то же время воистину живущемъ общею жизнью.

— Насколько мнѣ извѣстно, эта исторія стоитъ на точкѣ замерзанія,—отвѣтилъ студентъ, — я слышалъ, будто правительство отправило кого-то къ папѣ; но это ничему не поможетъ. И для чего волноваться? Если само правительство утеряло свои непосредственныя права, то отдѣльному человѣку тѣмъ болѣе нѣтъ возможности бороться. Сознаніе права нельзя создать, или внушить кому-нибудь: оно должно возникнуть и развиться подобно языку.

Арнольдъ нѣсколько удивленно посмотрѣлъ на него.

— Это звучитъ какъ нельзя лучше, — наконецъ, рѣзко замѣтилъ онъ,—до тѣхъ поръ, пока ударъ не направленъ на васъ... Что же, вы хотите отказаться противодѣйствовать несправедливости, не касающейся васъ лично?

Вольмутъ улыбнулся.

— Такъ и слѣдовало бы поступать. Дѣло идетъ объ уничтоженіи въ себѣ нецѣлесообразныхъ побужденій. Для чего нужно платоническое участіе? Развѣ завести самого себя, стать машиной, приводящей въ движеніе наибольшее количество колесъ; регулировать топку этой машины и при наибольшемъ количествѣ труда достичь наименьшей траты силъ,— развѣ въ этомъ не проявляется достаточнаго участія?

Маленькій, худенькій и хорошенькій человѣчекъ съ розовымъ личикомъ произнесъ все это спокойно, убѣдительно и съ такой строгой выдержкой, точно собирался немедленно проводить свои взгляды на практикѣ.

— Это правда, потому что можетъ быть правдой,—нѣсколько раздраженно отвѣтилъ Арнольдъ;—я не хочу сказать, что думаю иначе; но когда я совсѣмъ не думаю—все сразу становится иначе.

— Чувство разрушаетъ, — продолжалъ утверждать Вольмутъ, — поучительнымъ тономъ и съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Очертите вокругъ себя кругъ; запретите своей ногѣ переступать за его границу хотя бы на одинъ милиметръ. Счастье въ позитивизмѣ: желать измѣнить свѣтъ, значитъ уничтожать самого себя.

Лицо Арнольда вспыхнуло.

— Это мудрость эгоиста, — гнѣвно крикнулъ онъ, — стало быть, еврейку не слѣдуетъ спасать, чтобы мы, вы и я, были счастливы?

Вольмутъ пожалъ плечами.

— А почему же нѣтъ? Каждая культура влачитъ за собою остатки

тьмы; они все уменьшаются, подобно тѣнямъ при солнечномъ восходѣ. Я не проповѣдую апатіи или банальнаго эгоизма. Но каждый человѣкъ безусловно долженъ соразмѣрять свои поступки съ своими силами. Онъ долженъ также въ каждую данную минуту ясно давать себѣ отчетъ, чтобы ничто въ собственномъ характерѣ не могло его удивить и никакое происшествіе въ мірѣ не могло сбить его съ пути и заставить вмѣсто головы пустить въ ходъ руки или вмѣсто того, чтобы пришли въ движеніе ноги, у него вдругъ заговорило сердце.

У Арнольда появилось чувство, точно къ нему приблизился вредный двойникъ его, приводящій въ извѣстную систему его собственныя мысли, оправдывавшія его охлажденіе и отчужденіе.

Этотъ твердый и честный человѣкъ далеко не убѣдилъ его, а лишь заслонилъ его я въ собственныхъ глазахъ и увеличилъ внутреннія колебанія и неувѣренность. Онъ собирался было возражать, но вдругъ почувствовалъ, что всѣ слова будутъ безполезны. Остатокъ дня онъ не работалъ а занимался тѣмъ, что отыскивалъ объясненіе своимъ новымъ чувствамъ въ какомъ-нибудь кроющемся въ себѣ недостаткѣ. Онъ винилъ во всемъ юность и первоначальное воспитаніе, не давшее ему того, чего другіе достигаютъ безъ всякихъ трудовъ и такъ планомѣрно. При этомъ передъ нимъ всталъ образъ матери и съ чувствомъ стыда и испуга онъ вновь впалъ въ прежнее мягкое настроеніе или, вѣрнѣе, разстройство, въ облакахъ котораго носилось лицо Верены. Но теперь онъ относился къ этому явленію не съ чувствомъ, а упрямо, подозрительно, какъ будто этимъ совершалось нѣчто незаконное и насильственное.

Довольно вяло собрался Арнольдъ послѣ обѣда навѣстить Верену Гофманъ. Къ удивленію онъ засталъ у нея въ комнатѣ за чаемъ маленькое общество незнакомыхъ и полузнакомыхъ людей. Тамъ были Вольмутъ и Тецнеръ и еще какая-то барышня, заявившая, что знаетъ его. Это была Жозефина Друзіусъ, сестра стараго барона; Арнольдъ тоже вспомнилъ, что встрѣчалъ ее у Наталіи. Она встрѣчалась съ Вереной на лекціяхъ. Верена, какъ и всегда, была сдержана, но веселѣе обыкновеннаго.

Тецнеръ молчаливо сидѣлъ у окна, а Вольмутъ излагалъ обѣимъ женщинамъ свой взглядъ на аскетизмъ. Верена поднялась и подошла къ Арнольду.

— У меня есть два билета на завтрашній концертъ,—ласково заговорила она,—можетъ быть, вы пойдете со мной?

Арнольдъ долго и какъ-то неопредѣленно улыбался и ничего не отвѣчалъ. Верена слегка удивилась; потомъ сжала губы, поблѣднѣла и бросила бѣглый взглядъ на Тецнера, молча сидѣвшаго къ нимъ спиной. Послѣ этого они впервые на такомъ близкомъ разстояніи заглянули другъ другу въ глаза; Арнольдъ открытымъ, далекимъ, но нѣ-

сколько дѣтскимъ взглядомъ, а Верена одновременно и сердитымъ, и молящимъ.

— Пойдемте,—наконецъ, повторила она попрежнему ласково,—будутъ играть Бетховена.

Подавленый, нѣсколько хриплый голосъ Вольмута звучалъ въ комнатѣ, какъ струйка воды. Жозефина Друзіусъ слушала его почти съ благоговѣніемъ. Она казалась чувственной и себялюбивой, но лишенной жизнерадостности и вѣчно неувѣренной въ себѣ. Ея очаровательная стройная фигура, хорошенькое, живое, но нѣсколько грустное личико указывало на какую-то неудачу въ жизни и на борящіяся въ ней и ослабляющія другъ друга душевныя наклонности. Судя по тому какъ она теперь слушала Вольмута, можно было предположить, что всю свою дальнѣйшую жизнь она построитъ сообразно его словамъ.

Арнольдъ собрался уходить раньше другихъ. На лѣстницѣ его догналъ Тецнеръ.

— Молодой Вольмутъ до вашего прихода страшно расхваливалъ васъ,—сказалъ онъ простодушно-весело. — Но въ какомъ же положеніи дѣло моихъ водочекъ? Избранныя изъ нихъ давно приготовлены для васъ. Онѣ жаждутъ мочить достойную глотку.

Это внезапное нападеніе казалось Арнольду не кстати и окончательно не подходило къ какъ бы струящемуся, золотому настроенію его. Онъ поспѣшилъ проститься, но при этомъ впервые, точно во снѣ, увидѣлъ изъ-за очковъ ясный, проницательный взглядъ Тецнера.

42.

Въ работѣ Арнольда наступилъ застой; нечего было и помышлять о томъ, чтобы сосредоточиться. Міръ духа внезапно сталъ казаться ему пустымъ, но въ томъ, что онъ сулилъ тѣлеснымъ взорамъ, болѣе богатымъ и болѣе заманчивымъ.

Несмотря на это, Арнольдъ принуждалъ себя къ привычной дѣятельности и у него, по крайней мѣрѣ, было удовлетвореніе, что онъ дисциплинируетъ себя. Въ общемъ онъ относился теперь съ нѣсколько игривымъ юморомъ къ спеціальнымъ знаніямъ; а это всегда опасно до тѣхъ поръ, пока серьезные труды не принесли еще плодовъ. Но игривость все болѣе овладѣвала имъ и угловатости характера постепенно начали сглаживаться. Въ семь часовъ Арнольдъ долженъ былъ ждать Верену у портала университета. Отъ дождя она надѣла плащъ, падавшій съ плечъ прямыми складками, отчего вся ея фигура казалась стройнѣе. Во время ходьбы имъ приходилось слѣдить другъ за другомъ и за экипажами, и громадными лужами; такимъ образомъ настоящаго разговора не завязывалось, но Арнольдъ успѣлъ замѣтить, что сегодня что-то особенное смыкаетъ уста Верены, или что обычное ея состояніе обострилось. Спрашивать онъ не смѣлъ. Какимъ го-

лосомъ могъ бы онъ задать подобный вопросъ и къ чему прицѣпилъ бы первое слово, чтобы не показаться грубымъ и нескромнымъ. Хотя послѣднее время все казалось ему какъ бы окутаннымъ туманомъ, но здѣсь, нечего дѣлать, ему самому приходилось учиться брести въ туманѣ. Онъ съ наслажденіемъ выказалъ бы ей свою симпатію, поддержалъ бы ее, чтобы она могла выпрямиться, быть веселѣе, вѣдь прежде всего, все зависитъ отъ жизнерадостности и бодрости. Но въ то же время онъ чувствовалъ, что утрачиваетъ свободу движеній, начинаетъ стѣсняться и что по его тѣлу пробѣгаетъ неравномѣрная теплота. Верена, безшумно подвигаясь въ резиновыхъ калошахъ, была поглощена тѣмъ, чтобы получше подбирать платье и держать зонтикъ. Шла она осторожно, вглядываясь въ неопредѣленный вечерній сумракъ. Погода стояла совершенно сентябрьская. Старая листва шелестѣла, точно по ней проводили невидимой метлой. Уже настало время года, предшествующее зимѣ, когда не слышно болѣе пѣсенъ. Музыкальный залъ наполовину пустовалъ, такъ какъ для городскихъ жителей настоящій сезонъ, сезонъ модныхъ сборищъ еще не наступалъ. Арнольдъ слушалъ звуки, повидимому, не соединенные ни для утѣшенія, ни для мірскихъ горестей. Ему казалось, что передъ нимъ къ самому небу медленно и нѣжно вздымается колонна, а тамъ на верху сверкаютъ рожденныя на землѣ молніи. У него явилось ощущеніе, будто ему кто-то отверзъ два новыхъ уха и онъ прислушивается къ звукамъ и глубочайшимъ разумѣніемъ одобряетъ ихъ. Изъ одного его порывистаго замѣчанія Верена заключила, что онъ не склоненъ къ расплывчатости... Она такъ и ожидала, но ее почти пугало, что въ чужой душѣ она встрѣчаетъ ту же сущность характера, что и у себя, но выраженную въ высшей степени опредѣленно и вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно. До сихъ поръ она чувствовала себя совершенно одинокой свидѣтельницей общей жизни и теперь ей приходилось почти насильно подавлять въ себѣ враждебное чувство къ новому наблюдателю; свободный отъ воспоминаній и какого бы то ни было обмана, онъ также смотрѣлъ на пеструю картину общей жизни лишь со стороны. Припомнила она и свое собственное прошедшее, — какіе-то обрывки, виляющіе теперь передъ нею въ сумракѣ жизни, словно клочья ненужной бумаги. Ей захотѣлось подобрать эти клочки, поднести ихъ къ его глазамъ, чтобы его молчаливая самоувѣренность соскочила съ него! Они уже довольно долго шли по Рингу. Дождь пересталъ, но осеннія испаренія наполняли воздухъ.

— Я голоденъ,—сказалъ Арнольдъ.—А вы?

— И я то же, — отвѣтила Верена, остановилась и посмотрѣла, не идетъ ли конка.

— Зайдемте вонъ въ тотъ ресторанъ? — продолжалъ Арнольдъ, указывая на освѣщенныя окна роскошнаго ресторана. Верена склонила голову на сторону и лукаво улыбнулась.

— Я не милліонерша,—отвѣтила она,—и должна экономить. Кромѣ того, я обѣщала Тецнеру пить чай вмѣстѣ съ нимъ. Пойдемте ко мнѣ.

Молодая дѣвушка ускорила шаги. Съ ея мыслей какъ бы постепенно стала спадать какая-то завѣса и на нее пахнуло юностью и свѣжестью ея провожатаго; она чувствовала то же, что человѣкъ, выходящій весной наружу съ непокрытой головой; передъ собой, на мокрой мостовой, она видѣла длинную тѣнь Арнольда и свою собственную, съ трудомъ подвигающуюся впередъ.

— Пока я живу на деньги Тецнера,—вдругъ вырвалось у нея, къ ея собственному удивленію.

Увидавъ ея грустное лицо и хватающій за душу взглядъ, Арнольдъ опечалился и въ то же время почувствовалъ гнѣвъ противъ того неизвѣстнаго, что враждебно затрогивало Верену. И все-таки ему стоило не малаго труда сдержать въ себѣ какую-то загадочную радость, охватившую его съ ногъ до головы. Верена сдѣлала первый шагъ къ сближенію, хотя онъ и состоялъ только въ упрямомъ признаніи.

— Еще недѣлю тому назадъ я была убѣждена,—продолжала она тѣмъ же ровнымъ голосомъ,—что я ни съ однимъ человѣкомъ больше не въ состояніи быть вполнѣ откровенной. Да и сегодня я сомнѣваюсь еще, смогу ли говорить. Развѣ нужно, чтобы я истекла кровью изъ-за какой-то нравственной причуды? И даже, если это нѣчто большее, такъ неужели же мнѣ погибать?

Она остановилась, судорожно сжала руки и съ горечью и мукой посмотрѣла на землю.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Арнольдъ съ покорностью, удивившей его самого,—вы не должны мнѣ ничего давать и ничего позволять такого, что не доставило бы вамъ самой радости. Если вы почувствуете, что можетъ быть иначе, я уйду отъ васъ, куда велите.

Они стояли въ это время передъ домомъ, въ которомъ жила Верена; послѣ этого неожиданнаго порыва она пытливо и горячо заглянула ему въ глаза.

— Ничто не можетъ согрѣться только отъ солнечнаго свѣта,—сказала она съ неопредѣленно дипломатической и грустной улыбкой.

Швейцаръ сообщилъ имъ, что Тецнеръ ждетъ ихъ наверху. Верена засвѣтила восковую свѣчу и задумчиво пошла впередъ, поднявъ высоко надъ головой руку съ огнемъ, и глубоко и живо чувствуя благодарность за присутствіе Арнольда. Придя наверхъ, она постучала въ дверь; черная широкая шляпа, длинный гладкій плащъ и наклоненная впередъ голова, магически освѣщенная быстро догорающей свѣчой, дѣлали ее похожей на темную волшебницу, принесшую нехорошія вѣсти въ жилище, гдѣ ее не ожидаютъ.

Тецнеръ сидѣлъ передъ спиртовой лампой и кипятилъ воду для чая. Онъ едва отвѣтилъ на привѣтствіе прибывшихъ, и когда чай былъ готовъ, взялъ свою книгу и сѣлъ къ сторонкѣ. Верена разло-

жила на нѣсколько тарелокъ хлѣбъ, масло и холодное мясо, и ужинъ былъ накрытъ. Арнольдъ едва рѣшился дотрогиваться до ѣды—имъ овладѣло чисто ребяческое смущеніе; что-то бурлило и кипѣло внутри его и въ то же время, когда онъ прислушивался къ мимолетнымъ звукамъ и стремился уловить ихъ, въ немъ все какъ-то необыкновенно затихало. Здѣсь, въ тишинѣ комнаты, онъ чувствовалъ себя, точно на башнѣ, высоко приподнятымъ надъ залитой солнцемъ землей и вдали отъ всѣхъ перемѣшивающихся и сливающихся звуковъ. Верена тоже была совершенно новая—покойная, уравновѣшанная, будто отдыхающая въ праздничный день. Точно бѣлый лепестокъ, свѣтился ея низкій лобъ надъ тихими голубыми глазами. Закусывая, она взяла кусокъ мѣла и принялась что-то чертить по столу, причемъ, лукаво улыбаясь, нѣсколько разъ покосилась на Арнольда. Онъ перегнулся черезъ столъ и съ удивленіемъ узналъ свой профиль въ каррикатурномъ видѣ: круглый, выступающій впередъ подбородокъ, чрезвычайно круто загибающійся ко рту и вмѣстѣ съ выпяченными губами образовывающій какъ бы настоящую бухту; греческая, коротенькая верхняя губа, кусочекъ жалкихъ усовъ, длинный прямой и нескромно торчащій въ воздухѣ носъ, а надъ прямымъ лбомъ прилично и гладко зачесанные волосы. Увидавъ это, Арнольдъ, въ свою очередь, взялъ мѣлъ и началъ рисовать шляпу Верены; ея теперь не было у ней, но когда онъ вспоминалъ ея наружность, то она первая вставала въ его памяти. На это трудное дѣло ему понадобилось столько времени, что Верена, развеселившись, хлопнула въ ладоши и воскликнула:

— Видите, даже для этого нуженъ талантъ!

Тецнеръ снялъ очки и положилъ ихъ на раскрытую книгу. Большими, широко раскрытыми глазами онъ посмотрѣлъ въ ихъ сторону и сказалъ съ глубокомысленнымъ и добродушнымъ выраженіемъ:

— Когда я въ первый разъ въ жизни влюбился, то впервые же узналъ, что на свѣтѣ есть истина.

Арнольдъ внимательно приподнялъ голову. Верена наморщила лобъ и стала катать хлѣбные шарики; въ то же время кожа на ея лицѣ начала вибрировать, такъ что Арнольдъ, переведшій взглядъ съ Тецнера на Верену, испугался. Въ это мгновеніе въ его стѣсненномъ сердцѣ пробудилась вся жажда и страсть, на которыя онъ только былъ способенъ. Это испугало его до глубины души—колѣни у него задрожали.

— Но когда я бросаю взглядъ на жизнь вокругъ,—задумчиво продолжалъ болтать Тецнеръ, причемъ его взглядъ мрачно устремился на стѣну,—то вижу все одно и то же заблужденіе: то, чѣмъ человѣкъ обладаетъ и на что имѣетъ право, онъ отшвыриваетъ въ сторону, а другое, что обманчиво блеснетъ ему въ глаза, покупаетъ дорогою цѣною. Любовь здѣсь, любовь тамъ, но гдѣ же тотъ міръ, который распался бы если бы изъ заблужденія въ концѣ концовъ не возникала

истина? Одного только слѣдуетъ опасаться, а именно: дѣлать изъ любви что-то роковое. Не слѣдуетъ быть молотомъ, но не надо превращаться и въ наковальню. Нужно оставаться подобно двумъ потокамъ. Море и то давнымъ давно высохло бы, если бы всѣ маленькіе ручейки не несли своихъ водъ въ одно мѣсто. Ни одному изъ нихъ не приходитъ въ голову отдѣльно образовать свой собственный океанъ.

Прислонившись къ печкѣ, Верена нервно прошептала:

— И къ чему эти безконечныя рѣчи? Я по горло сыта ими. Мнѣ надоѣло знать все, что я чувствую и должна чувствовать.

Тецнеръ прогуливался взадъ и впередъ по комнатѣ и вздыхалъ...

— Вѣрно: пока на землѣ есть супъ и мясо, не слѣдуетъ толковать о любви,—сказалъ онъ, снова впадая въ обычную свою манеру язвить, причемъ побарабанилъ пальцами въ воздухѣ. Потомъ онъ остановился передъ столомъ и, широко разставивъ ноги, уставился на огонь лампы и запѣлъ измѣнившимся, хриплымъ голосомъ народную пѣсенку:

Звенятъ за пирушкой на свадьбѣ стаканы.
Онъ съ жадностью ѣстъ, какъ голодный...
Что съѣсть не успѣетъ, то прячетъ въ карманы...
Бѣдняга учитель народный!..
Когда-жъ его трудъ непосильный раздавитъ,
Во мракѣ поселка глухого
Кто памятникъ тамъ надъ могилой поставитъ
Учителю мысли и слова!..

Затѣмъ онъ накинулъ плащъ, надѣлъ шляпу съ отвислыми полями и, ни съ кѣмъ не прощаясь, удалился. Вскорѣ раздался звукъ захлопываемой имъ двери. Верена стояла около окна, прижавшись лбомъ къ стеклу.

— На дворѣ очень темно,—пробормотала она съ дѣланнымъ равнодушіемъ.

Повернувшись и взглянувъ на Арнольда, она поблѣднѣла. Онъ поднялся къ ней и горячо схватилъ за руки. Она молчала, но дышала такъ тяжело, точно за нею кто-то гнался. Все сильнѣе сжималъ онъ ея руки, точно въ нихъ заключалось все, что онъ хотѣлъ урвать у жизни, и молодая дѣвушка напрасно старалась вырвать ихъ у него.

— Развѣ вы счастливы, Верена?—спросилъ онъ, наконецъ, самымъ задушевнымъ голосомъ съ захватывающей искренностью и готовностью на всякое самопожертвованіе. Ея лицо приняло спокойное какъ у мертвой, холодное и замкнутое выраженіе, тогда онъ выпустилъ ее. Когда она сѣла къ столу и положила голову на руки, Арнольдъ не зналъ что ему дѣлать; онъ былъ потрясенъ, какъ никогда, оскорбленъ и напуганъ. И въ то же время въ его воображеніи проносились ни съ чѣмъ несообразныя смѣшныя картины, какъ, напр., извозчикъ, съ пѣсней подгоняющій пару лошадей. Ему казалось, что вокругъ него не дѣйствительность, а когда закрывалъ глаза, чудилось, что онъ летитъ куда-то внизъ.

— Сегодня вы должны уйти, Арнольдъ, — неожиданно, но очень мягко сказала Верена,—но мы будемъ видаться каждый день.

Онъ безпрекословно покорился; она взяла лампу и стала свѣтить ему въ темныхъ сѣняхъ, а затѣмъ, далеко перегнувшись черезъ перила и твердо держа ее въ рукахъ, свѣтила, пока онъ не дошелъ до самаго низу. Тамъ онъ еще разъ остановился и уже въ полномъ сознаніи дѣйствительности еще разъ посмотрѣлъ наверхъ, также какъ раньше продѣлывалъ это мысленно. Ихъ глаза встрѣтились; раздѣленные лишь незначительнымъ разстояніемъ они привѣтствовали другъ друга, но безъ обѣщаній, безъ желаній, безъ увѣренности.

43.

Теперь въ глазахъ Арнольда время пріобрѣло иное значеніе, день иные звуки, свѣтъ—иные лучи. Вся прошедшая жизнь представлялась ему какъ одинъ шагъ отъ ничего къ иному міру, полному чудесъ, и гдѣ царили душевный покой и равновѣсіе. Ему казалось, что лишь теперь онъ сталъ видѣть; его собственный внутренній міръ сдѣлался ему ближе и казался содержательнѣе. Не было такого мимолетнаго мгновенія, въ которое хоть единая мысль не додумалась бы имъ до конца; изъ сумбура движущихся вокругъ образовъ всплывала не одна интересная личность, еще наканунѣ казавшаяся ему безцвѣтной и пустой и, благодаря его собственному равнодушію, расплывалась въ ничто. Всѣ свои душевныя силы онъ направлялъ на работу, но онѣ отъ этого точно увеличивались во много разъ и ихъ хватало и на то, чтобы временами всецѣло отдаваться своимъ мечтамъ. Ничто не распускалось отъ безсилія, ни одинъ порывъ не ослабѣвалъ и что бы онъ ни предпринималъ, все было окрашено очарованіемъ всеобщей любви и стремленіемъ къ лучшему. Всякія трудности сглаживались подъ напоромъ благопріятныхъ условій, всякія опасности, показывавшіяся на горизонтѣ, уже издали боязливо и торопливо погружались въ бездну счастья. Окружающіе часто съ удивленіемъ поглядывали на него — Анна Барромео, дядя, Вольмутъ, лакей. Было похоже, что невидимые воздушные духи собрали всѣ припрятанные для своихъ любимцевъ дары, чтобы хлопотливо наградить ими Арнольда.

Вечера онъ проводилъ съ Вереной. Они встрѣчались ежедневно и, если дозволяла погода, цѣлыми часами прогуливались по улицамъ, или же проводили время у нея въ комнатѣ, или въ какомъ-нибудь ресторанчикѣ форштадта. Гдѣ они встрѣтятся и сколько времени проведутъ вмѣстѣ—назначала Верена. Она удивлялась, какъ онъ, подъ вліяніемъ ея взгляда, дыханія или неуловимаго настроенія, дѣлался мягче, теплѣе, впечатлительнѣе; какъ онъ весь содрогался отъ чуть-чуть шевельнувшейся въ ней мысли, со страхомъ направленной на будущее. Мало-помалу ее стало даже безпокоить все это. Она боялась за него, потому

что чѣмъ острѣе лезвіе, тѣмъ глубже порѣзъ, думала она. Она боялась также и за себя; нельзя завоевать безъ труда подобнаго человѣка, думала она; мучилась сомнѣніемъ, можетъ ли такая ясная и кипучая натура, какъ его, слиться съ ея, измученной и надломленной? Она стала осторожной, копалась въ своей душѣ, чтобы получить, по крайней мѣрѣ, хоть нѣкоторое удовлетвореніе въ познаніи себя самой, но скоро должна была признать, что въ его бурныхъ чувствахъ горитъ болѣе возвышенный свѣтъ, безсознательно для него самого на много превышающій ея душевныя силы. Она всячески стремилась уйти отъ него, но это вело лишь къ тому, что все сильнѣе и горячѣе ощущала вліяніе его близости. Видя, что теряетъ силы, она перестала бороться. Но въ то же время, замѣтя, что ей стоитъ лишь поднять руку, чтобы господствовать, она такъ и сдѣлала, хотя движеніе вышло безжизненнымъ.

Глаза ея были какъ бы закрыты, но сердце отверсто. Ихъ разговоры равномѣрно и интересно заполняли и глубины, и плоскости совмѣстнаго пребыванія. Верена всегда выжидала, что отъ нея потребуютъ, и такъ какъ это было весьма немного, то смѣло могла выказывать великодушіе; чтобы одаривать, ей приходилось превосходить лишь скромныя желанія.

Арнольда все болѣе и болѣе поражала бѣдность ея жизни; его огорчало и обижало, что между его и ея положеніемъ была громадная разница. Однажды онъ пришелъ къ ней. Тецнеръ, сгорбленный и съ опущенной головой стоялъ вблизи дверей. Когда Арнольдъ, поздоровавшись съ Вереной, повернулся къ нему, его уже не было. Верена была молчалива и задумчива. Лишь вечеромъ она сказала:

— Теперь рѣшено, я буду стоять на собственныхъ ногахъ. Пусть будетъ, что будетъ, но я не могу накапливать долгъ, который можетъ быть, никогда не буду въ состояніи выплатить.

Только послѣ старательнаго обдумыванія понялъ Арнольдъ объ чемъ идетъ рѣчь.

— Чѣмъ же вы хотите жить?—спросилъ онъ; послѣднія слова онъ произнесъ съ трудомъ, точно ихъ громадное значеніе только что выяснилось ему. Она пожала плечами.

— Умираютъ съ голоду только благодаря собственному неумѣнію,— отвѣтила она, отвернулась, улыбаясь, вздохнула и по своему, какъ-то чувственно-устало вытянула руки. Буду давать уроки, возьму переписку, стану рубить дрова, что придется. Впрочемъ, я вѣдь не совсѣмъ еще нищая.

Слѣдующіе дни Арнольдъ чувствовалъ себя огорченнымъ и страшно мучился: онъ вдругъ сталъ презирать блескъ, богатство, все разукрашенное; онъ самъ съ своей беззаботностью и сытостью казался себѣ достойнымъ крайняго осужденія. Но въ одно прекрасное утро онъ проснулся съ чувствомъ блаженства отъ принятаго рѣшенія,

осѣнившаго его точно молнія. Торопливо одѣвшись и оставивъ Вольмуту записку, онъ отправился къ Веренѣ. Ея не было дома; прогуливаясь взадъ и впередъ по улицѣ онъ прождалъ ее полтора часа.

«Вотъ такъ ранняя птичка», подумалъ онъ въ приливѣ нѣжности и ощутилъ лишь опьяненіе своей счастливой выдумкой. Она пришла, свѣтлая, какъ утро и радостно взволнованная при видѣ его. Мягкія черты лица и плотная фигура такъ полно и привлекательно отражали и ея дѣятельную натуру, и ея благоразуміе, какъ никогда. Арнольдъ сейчасъ же заговорилъ.

— Я оселъ, Верена, и вы должны быть очень плохого мнѣнія обо мнѣ; у меня цѣлый мѣшокъ золота, и если я въ немъ прорѣжу хоть крохотную дырочку, оно разсыпется по мостовой. Вамъ стоитъ только взять его, Верена, даже не брать, а лишь наступить на него и оно ваше.

Гордо и холодно посмотрѣла на него Верена. Потомъ истерически расхохоталась.

— Это значило бы промѣнять кукушку на ястреба,—рѣзко проговорила она и бросила его одного передъ домомъ.

Не будучи въ силахъ послѣдовать за нею, Арнольдъ, точно его прибили, остановился на порогѣ. Наконецъ, онъ медленно, крадущейся походкой отправился домой, гдѣ засталъ поджидавшаго его Вольмута. Тотъ, какъ всегда, былъ въ невозмутимомъ настроеніи духа, какъ и подобаетъ умному учителю. Но смущенный ученикъ какъ-то разсѣянно относился ко всему настоящему. Вечеромъ Арнольдъ получилъ странное письмо отъ Верены. Какъ бы, помимо воли, стремясь найти въ немъ поддержку, она раскрывала передъ нимъ свои глухія страданія и указывала на тѣни, бросаемыя на ея жизнь невидимыми для него предметами. Въ первый разъ она изливалась въ чисто женскихъ жалобахъ, и онъ свободно вздохнулъ, утѣшился и сталъ смотрѣть на безжизненную бумагу какъ на близкаго друга; въ ней увидалъ онъ якорь, способный удержать ладью его чувства, безпрерывно плавающую то взадъ, то впередъ у твердаго берега.

Съ этого времени онъ сталъ тратить массу денегъ на благотворительныя цѣли. Имъ руководилъ и, можно сказать, почти внушалъ и подталкивалъ его на это Вольмутъ, хорошо знавшій и умѣвшій придумать, гдѣ и какимъ способомъ можно принести пользу. Передъ Арнольдомъ неожиданно открывались новые пути, завязывались сотни новыхъ отношеній. Быстро распространяющаяся молва донесла его имя, имя помощника въ бѣдѣ, въ самые темные закоулки, населенные обдѣленными людьми. Вскорѣ передняя Арнольда ежедневно стала наполняться самой разношерстной толпой; женщины и старики, юноши, отцы семействъ, дѣти, больные, предсѣдатели разныхъ обществъ, коллекціонеры, разорившіеся купцы и ремесленники, актеры безъ средствъ, чиновники, дворяне, рабочіе, всѣ выжидали свои четверть часа и ухо-

дили удовлетворенными или разочарованными. Дошло до того, что къ нему являлись люди, вовсе не желавшіе получить денегъ, а лишь за совѣтомъ въ какомъ-нибудь затруднительномъ жизненномъ положеніи, напр., при наступившихъ осложненіяхъ по службѣ, по семейнымъ дѣламъ, по дѣламъ наслѣдства или даже по вопросамъ своей дѣятельности и своего общественнаго положенія. Часто приходилось смѣяться, но часто и глубоко заглядывать въ странную жизнь людей и сложный механизмъ ихъ обязанностей и предразсудковъ; множество скрытыхъ страданій вызывались половыми заблужденіями. И подобно тому, какъ у смертельно раненаго животнаго, когда у него кусками отпадаетъ помертвѣвшая кожа, выступаютъ наружу всѣ мускулы, подергиваемые судорогами, такъ и передъ глазами Арнольда раскрылось во всей наготѣ содрогающееся тѣло его родины и общества. Нетерпимость и произволъ, хладнокровное потворство и безправіе, безпощадныя интриги—вотъ изъ какихъ ранъ вытекали жизненные соки государства. Но Арнольдъ вовсе не такъ сильно страдалъ отъ этого, какъ хотѣлъ увѣрить себя; не разъ, когда ему случалось призывать къ отвѣту свою совѣсть, онъ задавалъ себѣ вопросъ: можно ли назвать честнымъ отношеніе между испытываемыми страданіями и созерцаніемъ ихъ? Казалось, что страсть окружила его рѣшеткой. Онъ видѣлъ, какъ летали стрѣлы и падали раненые, а самъ чувствовалъ сладкую дерзкую увѣренность въ своемъ счастьѣ... И въ то время, какъ, повидимому, въ немъ еще продолжалась борьба, онъ на самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе погружался въ личную жизнь и горячій туманъ своихъ чувствъ.

Вольмутъ, какъ безкорыстный и ловкій министръ, относился къ каждому отдѣльному случаю съ сухой дѣловитостью: онъ внимательно распутывалъ сѣть мелкихъ дѣлъ и все время стоялъ на стражѣ, можетъ быть, даже сознательно подготовляясь къ большей роли, которую надѣялся играть впослѣдствіи на сценѣ жизни. Не обладая фантазіей, но увѣренный въ своей дорогѣ, онъ относился съ пренебреженіемъ ко всякому требованію удовольствій. У него Арнольдъ научился ограничиваться самымъ простымъ и цѣлесообразнымъ и избѣгать всего раздутаго и излишняго. Обстановку онъ завелъ себѣ самую простую и такъ боязливо экономилъ на всемъ, что сдѣлался предметомъ насмѣшекъ окружающихъ его людей.

Чѣмъ болѣе онъ предавался спокойной дѣятельности и обдуманно распредѣлялъ и управлялъ своимъ временемъ, тѣмъ менѣе становились для него понятными наблюдатели жизни и люди усталые, стоящіе поодаль отъ нея. Онъ находился какъ бы въ полуснѣ; чудныя картины окружали его и навѣвали грезы.

Наступила суровая зима; раннимъ утромъ выпалъ снѣгъ. Арнольдъ въ сумерки сидѣлъ за книгой и какое-то скрытое, хотя уже вошедшее въ привычку волненіе не давало ему вникнуть въ смыслъ словъ. Онъ не могъ отогнать отъ себя ни одного изъ тѣхъ представленій,

которыя во снѣ и на яву связывали его съ Вереной. Вовсе не раздумывая о любви и не связывая своихъ опущеній съ какой-нибудь опредѣленной картиной, онъ, совсѣмъ неожиданно для себя, пересталъ думать о себѣ какъ объ одномъ лицѣ, а какъ бы раздвоился. Свѣтлая струя страсти смела всю пыль съ его жизни, и если слѣпое желаніе по временамъ еще вспыхивало въ немъ какъ неугасимый пламень, то всетаки образъ Верены авторитетно охранялъ и предостерегалъ отъ него.

Долго онъ просидѣлъ въ угнетенномъ раздумьѣ, потомъ быстро принялъ рѣшеніе и отправился къ Веренѣ. Она была дома.

— Почему въ такой поздній часъ?—спросила она пѣвучимъ голосомъ и снова подсѣла къ лампѣ, при свѣтѣ которой работала.

— Такъ, Верена,—пробормоталъ онъ и смущенно вздохнулъ.

Наступило до странности продолжительное молчаніе. Ихъ взгляды встрѣтились — они искали другъ друга. Кроткое и доброе выраженіе лица Верены измѣнилось отъ грустнаго предчувствія. Испуганно опустила она глаза; глубокая деликатность заставляла молчать Арнольда; онъ улыбался, точно въ лихорадкѣ. Каждое подергиваніе вѣкъ, каждое движеніе пальцевъ было преисполнено желанія. Вся жизнь, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя сконцентрировалась въ одномъ желаніи, быстро заполнявшимъ, казалось, всю комнату таинственнымъ шумомъ. Онъ протянулъ руки, подошелъ къ Веренѣ, схватилъ ея голову и съ неимовѣрной силой притянулъ къ себѣ. Пальцы его запутались въ ея волосахъ и касались холодноватой кожи головы. Съ расширенными глазами смотрѣла Верена въ его лицо, выражавшее необузданность и въ то же время какое-то дикое спокойствіе, показавшіяся ей чѣмъ то вродѣ застывшей бури. То же застывшее выраженіе было на лбу, а надъ жадно изогнутыми бровями показались двѣ глубокія параллельныя складки. Сквозь стиснутыя зубы Верены вырвался тихій крикъ. Одной рукой она уперлась ему въ грудь и толкала отъ себя, другой безсильно обхватила шею. Внутренно она дивилась его силѣ; ее парализовала усталость; ротъ принялъ молящее выраженіе, вѣки медленно закрылись. Замѣтивъ это Арнольдъ осторожно выпустилъ ее изъ рукъ. Она прислонилась къ стѣнѣ и бросила на него покорный, но полный горечи взглядъ. Арнольдъ смотрѣлъ на свѣтящійся бѣлымъ свѣтомъ абажуръ лампы и молчалъ. Потомъ Верена принялась ходить взадъ и впередъ вдоль все одной и той же стѣны; казалось, что она то преслѣдуетъ свою тѣнь, то бѣжитъ отъ нея. Вдругъ она остановилась и проговорила:

— Выслушайте меня, Арнольдъ, я вамъ разскажу, что мнѣ пришлось пережить.

Она обѣими руками стала поправлять волосы и въ ея движеніи сквозили опять-таки утомленіе и задумчивость.

— Необыкновеннаго нѣтъ ничего; съ большинствомъ бываетъ го-

раздо хуже; но вы должны все знать, чтобы ничто во мнѣ не возбуждало въ васъ ненужныхъ сомнѣній.

Она стала разсказывать. Съ воспоминаніями ранняго дѣтства у нея, какъ и у большинства людей, связывалось чувство навсегда утраченнаго, безграничнаго счастья. Ясно возстановить въ своей памяти хоть одну картину — она не могла, ни одно представленіе изъ того времени не принимало реальной формы. И лишь тотъ день, когда она попала въ имѣніе одной своей родственницы, жившей гдѣ-то очень далеко, окружающее стало яснѣе выступать изъ-за ея ребяческихъ грезъ и тумана дѣтства. Ей минуло семь лѣтъ, и ея умъ, разъ уже пробуженный, тотчасъ же обнаружилъ и остроту и холодность ея дѣтства. Она узнала, что полуглухая тетка вызвалась взять ее на воспитаніе, и родители съ радостью приняли это предложеніе, такъ какъ были очень бѣдны. Всѣ ея мысли и помыслы съ тѣхъ поръ были направлены на обожаемыя личности матери и отца. Въ одинъ прекрасный день она написала отцу дѣтски-серьезное письмо, въ которомъ говорила о своей заброшенности и воркотнѣ тетки, безпрестанно занятой чаепитіемъ. Посланіе попало въ руки старухи, она позвала дѣвочку къ себѣ и не говоря худого слова, дважды сильно ударила по щекѣ. Верена, не умѣвшая объяснить себѣ подобнаго обращенія, замкнулась въ самое себя и стала ея сторониться. Время текло. Простая и однообразная деревенская жизнь выработала въ ней необыкновенную глубину и спокойствіе, такъ ярко характеризующія ее и теперь. Учителямъ было не трудно учить ее, но очень трудно удовлетворить ея жажду знанія. Она никогда не довольствовалась видимой стороной вещей, никогда не довѣряла формулѣ, и ея дѣятельный и пытливый умъ всегда жаждалъ узнать и понять всѣ внутреннія пружины, отыскать движеніе за видимой неподвижностью и корень всего, что росло. Такъ какъ ея внѣшняя жизнь протекла въ узкомъ и замкнутомъ кругу, то мысли ея стремились въ широкую даль; и такъ какъ ей приходилось ежедневно подчиняться, то ей хотѣлось пріобрѣсти господство въ такой области, куда окружающіе ее обыкновенные люди не могли бы послѣдовать за нею. Уже въ пятнадцать лѣтъ въ ея образѣ мыслей и сужденіяхъ проглядывала такая увѣренность, зрѣлость и самостоятельность, которыя могли смутить всякаго, не относящагося къ жизни столь же серьезно какъ и она. При этомъ она сохранила еще непонятную чистоту сердца, а можетъ быть и пріобрѣла ее, такъ какъ что ни говори, а въ концѣ концовъ только мысль можетъ обуздать волненіе крови. Родители все еще продолжали быть для нея образцами совершенствъ; она не замѣчала разныхъ намековъ и исключительно въ данномъ случаѣ цѣлыми годами довольствовалась плодами своей фантазіи и обманчивыми воспоминаніями дѣтства, даже не провѣряя бросающейся въ глаза дѣйствительности. Письма, что писала она имъ, были нѣжны и наполнены сердечными

изліяніями, а тѣ, что она получала отъ нихъ, коротки, холодны и написаны наскоро.

Четыре мѣсяца спустя послѣ того, какъ Веренѣ минуло шестнадцать лѣтъ, умерла старуха-помѣщица. Верена написала домой. Отецъ отвѣтилъ, что важныя дѣла мѣшаютъ ему пріѣхать за ней, но вмѣсто себя онъ присылаетъ вѣрнаго и испытаннаго друга. Верена смутилась: ей показалось это непонятнымъ; небрежный и напыщенный слогъ бросился ей въ глаза но она не хотѣла думать; какъ ни было это неудобно и странно, но пришлось довѣриться чужому человѣку, пріѣхавшему за нею три дня спустя. Его звали Тецнеръ; нѣмецъ по происхожденію, онъ производилъ впечатлѣніе тяжелаго, скучнаго и спокойнаго человѣка. Впродолженіи довольно долгаго переѣзда въ экипажѣ на ближайшую желѣзнодорожную станцію, онъ все время молчалъ; его глаза повидимому мрачно созерцали что-то утраченное имъ въ жизни. Позднѣе онъ весьма внимательно отнесся къ ней даже сдѣлалъ нѣсколько обсненій на счетъ своихъ отношеній къ родителямъ Верены. Когда они приближались уже къ цѣли своей поѣздки, молодая дѣвушка не могла совладать со своимъ волненіемъ и несмотря на присутствіе Тецнера, разразилась слезами. По пріѣздѣ оказалось, что госпожа Велоцина, мать Верены, въ гостяхъ, а Петръ Сергѣевичъ, отецъ, въ клубѣ: Удивленная и смущенная бродила Верена по комнатамъ; безпорядокъ, царившій въ нихъ, убожество и негодность опечалили ее еще болѣе нежели несбывшіяся радостныя ожиданія. Къ десяти вечера, вернулась мать. Дрожащая отъ волненія Верена, встрѣтила ее на порогѣ. Шурша шолкомъ и распространяя вокругъ себя запахъ мускуса, она подошла къ дочери и съ приторно-сладкой улыбкой поцѣловала ее въ лобъ. Толстое лицо было накрашено, въ ушахъ болтались фальшивые бриліанты; Верену она сейчасъ же послала спать. Отца молодая дѣвушка увидѣла лишь на слѣдующій день.

Натуру Верены можно было сравнить съ кипящею въ котлѣ водою, которая то поднимается, то опускается, но никогда не переходитъ черезъ край; зато внутри своего котла она иногда доходитъ до сильнѣйшаго клокотанья. Страдать какъ страдаютъ женщины, она не была способна, и еще усиливала свое горе тѣмъ, что постоянно строго наблюдала за всѣмъ происходящимъ кругомъ. Довольно скоро она поняла, что живетъ въ одной изъ тѣхъ обнищавшихъ дворянскихъ семей, слишкомъ гордыхъ и слишкомъ глупыхъ, чтобы работать; они съ трудомъ прикрываютъ свои прорѣхи, кое-какъ собранными остатками прошлаго величія. Родители Верены были кругомъ въ долгахъ; мебель была заложена, портной и хозяинъ колоніальной лавки съ ругательствомъ ежедневно требовали денегъ. Всѣ чудесныя видѣнія дѣтства разлетѣлись передъ Вереной, словно цвѣты въ бурю; она убѣдилась, что отецъ ея распутникъ, пьяница, игрокъ и развратникъ; какъ палка, плавающая по поверхности воды, не вѣдаетъ ея глубины такъ и онъ скользилъ лишь по поверхности жизни. Красивая супруга награждала

его жалкими карманными деньгами, чтобы онъ могъ жить «прилично», а сама переживала пеструю осень любви въ объятіяхъ богатыхъ виверовъ. Узнавъ все это, Верена не могла ни читать, ни думать; она потеряла всякую власть надъ собой и ея сердце точно окаменѣло. Она уже болѣе не распредѣляла своего времени и жизнь ея была похожа на дымъ, колеблемый вѣтромъ, и казалась ей безконечной потому что она влачила ее, стараясь не думать отъ горя. Тецнеръ, богатство котораго весьма соблазняло Петра Сергѣевича, когда-то раньше видѣлъ карточку Верены, присланную ею родителямъ изъ деревни и высказалъ имъ тогда свое восхищеніе. Ему намекнули, что онъ можетъ обладать красивой дѣвушкой и такъ съумѣли обставить дѣло, что онъ чистыми деньгами оплачивалъ подаваемыя надежды. Онъ позволилъ уговорить себя поѣхать за Вереной подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ, но при видѣ ея, почувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ отъ стыда. Почти на глазахъ у нея онъ переродился— лучшая сторона его природы взяла верхъ. Молча наблюдалъ онъ какъ она жила, точно за бронзовой оградой, день за днемъ, вела жизнь безъ всякаго внутренняго содержанія. Постепенно онъ до того измѣнился, что потребовалъ у себя самого отчетъ и по достоинству оцѣнилъ свои прежнія поступки. Иногда между нимъ и Вереной завязывался разговоръ, въ которомъ, несмотря на силу и тонкость его ума, проскальзывало съ его стороны что-то въ родѣ просьбы о прощеніи и едва уловимыя обѣщанія, заставлявшія Верену призадумываться. Но впереди ее ожидалъ цѣлый рядъ мѣсяцевъ еще болѣе мрачной жизни. Родители рѣшили выдать ее замужъ; съ этою цѣлью они приглашали и заманивали къ себѣ богатыхъ стариковъ.

Но сумрачность и тяжеловатыя, сдержанныя манеры дѣвушки отнимали у нихъ всякую рѣшимость. Тогда отецъ сталъ грозить и ругаться а госпожа Велоцина притворно продѣлывала разныя истерики и спазмы, а потомъ попрежнему, шурша шелковыми юбками, отправлялась на поиски приключеній. Она стала приводить въ домъ молодыхъ людей изъ общества и надѣялась возбудить заглохшую чувственность молодой дѣвушки самыми двусмысленными увеселеніями.

Верена почувствовала сильное отвращеніе ко всѣмъ приближавшимся къ ней мужчинамъ и подвергала ихъ самому пренебрежительному и уничтожающему разбору.

Ничто въ нихъ не могло ускользнуть отъ ея наблюдательности и никто изъ нихъ не могъ съ успѣхомъ выдержать ея проницательной критики и унижался тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе чувствовалъ себя отвергнутымъ. Ея предубѣжденіе упрочилось и превратилось въ принципъ. Болѣе того, каждое прикосновеніе, каждое слово, каждое движеніе, лишь отпугивало ее. Чувственная борьба половъ не только не возбуждала въ ней любопытства, но возмущала ее и казалась непонятной. Она считала ее грѣхомъ, не въ библейскомъ смыслѣ слова, а въ духовномъ; видѣла въ ней только отрицаніе и загрязненіе честной сим-

патіи, которая могла бы возникнуть между людьми. И хотя и разсудокъ, и пониманіе, заставляли ее признавать могучій и безпощадный законъ природы, но ненависть, накопившаяся горечь и выработавшееся въ характеръ отсутствіе мягкости, давали ей силы не преклоняться передъ ними. Въ концѣ концовъ она стала обсуждать всѣ эти вопросы такъ холодно, дѣловито, съ чисто научной точки зрѣнія, что ея разговоры съ Тецнеромъ большею частью касались именно этой темы и она, хотя очень рѣдко, но единственно къ нему, чувствовала что-то въ родѣ дружескаго расположенія. Онъ чувствовалъ то же, что и она, и признавалъ ее во всемъ правой. Онъ охотно подчинялся ея взглядамъ и все болѣе и болѣе подавлялъ въ себѣ страсть.

Онъ долгое время служилъ единственнымъ дружескимъ звеномъ между Вереной и окружающимъ міромъ. Но однажды случилось слѣдующее:

Петръ Велоцинъ вернулся домой поздно ночью и Верена встрѣтилась съ нимъ въ темнотѣ. Услыхавъ его безсвязное бормотанье она остановилась, охваченная испугомъ и отвращеніемъ. Отецъ плохо повинующейся рукой зажегъ восковой огарокъ и при его свѣтѣ тупо и жадно впился въ побѣднѣвшее лицо дочери. Потомъ сталъ что-то лепетать и, шаркая, подошелъ къ ней, обнялъ, поцѣловалъ, потомъ обнялъ еще крѣпче и пробормоталъ самое безумное требованіе. Тогда Верена съ громкимъ крикомъ, собравъ всѣ силы, вырвалась. Убѣжавъ изъ дому она долго бродила по улицамъ и не знала, что дѣлать; думала было покончить собою. Но такая сложная, честная и въ высшемъ значеніи словъ, религіозная натура, какъ ея, не способна была рѣшиться на это. Нужно было, чтобы она не только испытала ужасное и внезапное потрясеніе, но была бы безусловно одинокой. Потрясеніе вызвало бы такой поступокъ, а одиночество заставило бы соединить всѣ жизненныя нити въ одинъ, послѣдній узелъ. Верена могла лишь остановиться на промежуточныхъ рѣшеніяхъ.

Ей пришелъ въ голову Тецнеръ. Случайно она знала его квартиру и поспѣшила туда; было уже около часу ночи; его не было дома; она стала его ждать. Тецнеръ, вернувшись былъ пораженъ и заботливо провелъ ее въ свою комнату. Въ то время какъ онъ еще со шляпой на головѣ зажигалъ лампу, Верена уже успѣла сбросить съ себя шаль и такъ близко подошла къ нему, что онъ даже не могъ видѣть заразъ всего ея лица. Онъ задрожалъ и отступилъ, а молодая дѣвушка съ изсиня-блѣднымъ лицомъ и влажными глазами схватила его за руки и прошептала голосомъ, въ которомъ слышалось и что-то дикое и что-то молящее.

— Увезите меня, возьмите меня отсюда, увезите въ другую страну.

Тецнеръ отгадалъ. То, чего не произносили ея губы, становилось яснымъ изъ ея поступковъ. Ея слова показали ему до какого сердечнаго опустошенія она дошла. Съ этого момента, благодаря ей, онъ

самъ сталъ нравственно выростать. Ее онъ увѣрялъ, что стоило ему узнать Верену, чтобы стать достойнымъ ея. Чистымъ нравственно и безъ желаній жилъ онъ около нея, болѣе, чѣмъ старикъ-покровитель, менѣе нежели другъ.

Онъ увезъ ее, они почти бѣжали — въ Цюрихъ. Ея грудь, впродолженіи послѣднихъ лѣтъ точно окамѣнѣвшая, теперь, подъ вліяніемъ свободнаго, стремящагося къ одной съ нею цѣли, общества, глубоко вздохнула. Она не сразу почувствовала приливъ энергіи и силу воли, но то и другое медленно, но постоянно прибывали въ ней. Въ пылу загорѣвшейся потребности познанія истины, она сначала рѣшила изучать математику и философію, но послѣ короткаго колебанія, остановилась на медицинѣ. Чтобы навсегда покончить съ своимъ прошедшимъ, она приняла имя Гофманъ, затѣмъ въ поразительно короткій срокъ сдала необходимые экзамены и вскорѣ уже ничто кромѣ научныхъ занятій, не пополняло ея внутренняго міра. У нея не было никакихъ средствъ, а отъ Тецнера, съ восторгомъ озолотившаго бы ее, она принимала въ видѣ ссуды ровно столько, сколько нужно было, чтобы не умереть съ голода. Ея бѣдная и до чрезвычайности экономная жизнь была единственнымъ пунктомъ, вызывавшемъ иногда между ними разногласіе.

Таково было содержаніе разсказа Верены.—Сегодня вы пришли ко мнѣ не такимъ, какъ всегда, Арнольдъ, — сказала она въ концѣ.—Я понимаю это. Можетъ быть, вы также уйдете инымъ. Не подумайте только, что естественное кажется мнѣ неестественнымъ, или что я стыжусь быть женщиной и поступать, какъ женщина. Но пусть наши отношенія останутся чистыми; не нарушайте того, чего потомъ уже никогда болѣе нельзя будетъ возобновить. Положимъ, что вмѣсто прежняго возникло бы что-либо даже болѣе прекрасное, но оно все-таки продолжалось бы не долго.

Спокойное, умное лицо Арнольда съ перваго момента до послѣдняго было обращено прямо къ Веренѣ.

Подъ вліяніемъ ея необыкновенно-ласкового голоса и неподвижности лица; у него явилось желаніе, чтобы ея страданія заполняли бы и его.

— А почему бы новымъ отношеніямъ не быть продолжительными, Верена?—спросилъ онъ наконецъ съ нѣкоторой досадой. — И то, что вы зовете чистотой, не есть ли это только страхъ?

Верена пожала плечами. Она до тѣхъ поръ смотрѣла ему прямо въ глаза, пока наконецъ, его взглядъ, точно покоренный, не опустился къ землѣ.

— Возможно,—отвѣтила она, выпрямляясь во весь ростъ и наклоняя нѣсколько впередъ плечи.—Возможно. Да и больше я ничего не стану говорить, а лишь напомню вамъ ваши же слова: «вы не должны ничего давать мнѣ, Верена, кромѣ того, что можетъ доставить вамъ

самимъ радость. Я уйду отъ васъ, куда прикажете, если вамъ покажется, что можетъ быть иначе». Развѣ вы не говорили этого?

Арнольду нечего было отвѣтить. Молодая дѣвушка пріотворила печную дверцу и стала грѣть руки передъ огнемъ.

— А объ радости,—продолжала она,—нечего и думать. Этого никогда не будетъ, никогда—съ моего согласія.

Весь съежившись и перегнувшись впередъ, Арнольдъ сжалъ голову руками. Звукъ голоса Верены болѣе чѣмъ когда-либо восторгалъ его; онъ почти не слыхалъ, что она говоритъ, и вдругъ улыбнулся. Верена, замѣтивъ это, испугалась. Она почувствовала приливъ необыкновенной слабости, и лицо ея, освѣщенное лампой, покрылось рѣзкими, темными тѣнями; овалъ его вытянулся, напряженная кожа на шеѣ выдавала лихорадочное волненіе крови.

— И что выиграли бы вы, взявъ мое тѣло и обладая имъ точно оболочкою меня самой? — сказала она, и звукъ ея словъ проникалъ въ душу.—Душу же мою вы утратили бы.

— Но это болѣзненно,—помимо воли, нѣсколько бурно вырвалось у Арнольда. — Это похоже на то, какъ если бы человѣкъ никогда не вкушавшій яблока, думалъ, что всѣ они отравлены; и только потому, что отравлено его мнѣніе о нихъ.

— Подобныя сравненія всегда немного сбиваютъ съ толку,—сказала Верена, — особенно тѣхъ, кто ихъ дѣлаетъ. Это не честно, Арнольдъ, я не знаю, что мнѣ отвѣтить вамъ, потому что вѣдь я то жила своею жизнью, а не вашей.

Быстро и просительно протянулъ ей Арнольдъ руку. Она подала ему свою, думая, что принимаетъ отъ него обѣщаніе.

Успокоенный и пристыженный Арнольдъ почувствовалъ все очарованіе ея. Онъ сравнивалъ ясность ея души съ самимъ небомъ, скрывающимъ множество темныхъ звѣздныхъ тайнъ. Вдругъ ея присутствіе смутило его и онъ со страхомъ почувствовалъ, что дикія желанія лишь на время улеглись въ немъ. Они вышли вмѣстѣ. Безпокойство окутывало его лобъ, затемняло память... На лѣстницѣ онъ жадно прислушивался къ шуму ея шаговъ, и его мечты словно ящерицы, ползли по ея стопамъ!.. Воображеніе его воровски, несмѣло разыгрывалось... Точно ища въ ней защиты, онъ схватилъ руку Верены и тутъ замѣтилъ, что и она искала его руки. На одну секунду она пріостановилась, осторожно прислонила голову къ его плечу и прямо и твердо посмотрѣла на его губы; потомъ вздохнула, отвернулась и быстро пошла впередъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ЕЛИЗАВЕТЫ БРОУНИНГЪ.

1) Даль.

Подобье мы дѣтей, когда они, вздыхая,
Капризно лбомъ прильнувъ къ поверхности стекла,
Туманятъ гладь его, которая свѣтла,
Даль неба и полей отъ взора закрывая...

—

Съ тѣхъ поръ, какъ Промысломъ разлучена была
Съ душою скорбною за гробомъ жизнь другая—
Межъ ней и взорами, преграду воздвигая.
Мѣшаетъ въ даль смотрѣть печали нашей мгла.

—

О, братъ! О, человѣкъ! Сдержи свои рыданья,
Будь мужественъ, молчи. Души твоей стекло
Пусть дуновеніемъ не отуманитъ зло,
Чтобъ взоромъ яснымъ ты въ концѣ существованья
Могъ видѣть издали, когда блеснутъ они:
Предсмертныхъ факеловъ священные огни.

2) Горецъ и поэтъ.

Случается порой: пастухъ простой
Межъ Альпами и небомъ средь тумана,
Увидѣвъ тѣнь свою надъ высотой,
Похожую на образъ великана,
Не возгордясь и чуждъ самообмана,
Еще сильнѣй сжимаетъ посохъ свой,
Межъ тѣмъ, какъ высь главою снѣговой,
Сапфировой короной осіяна—
Вздымается предъ нимъ. Ты, къ высотѣ
Стремящійся поэтъ, познай смиренно:
Не ты великъ—міръ Божій, постепенно
Во всей его могучей красотѣ
Открывшійся тебѣ для постиженья,
И ты—его же славы отраженье.

О. Чюмина.

самимъ [illegible]
[illegible]

ВОСЕМЬ ПЛЕМЕНЪ.

Романъ

Изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока.

(*Продолженіе* *).

IV.

Солнце было уже низко надъ горизонтомъ, когда стойбище всадниковъ зачернѣло на снѣгу. Они, повидимому, окончили торгъ и собирались кочевать. Всѣ олени были собраны, и ни одна палатка не стояла на мѣстѣ. Но приблизившись, развѣдчики замѣтили, что на стойбищѣ, дѣйствительно, происходитъ что-то необыкновенное. Рядомъ съ верховыми оленями стояли упряжныя санки и даже собачьи нарты. Какіе-то рослые люди двигались взадъ и впередъ, а другіе лежали на землѣ и какъ будто спали, не обращая вниманія на приготовленія къ уходу. Еще приблизившись, пришельцы узнали мышеѣдовъ, которые съ дѣловымъ видомъ собирали сумки съ рухлядью и увязывали ихъ на санкахъ. Тутъ было все наличное населеніе лагеря мышеѣдовъ, мужчины, женщины, всего около сотни человѣкъ, въ разнообразныхъ одеждахъ и вооруженіяхъ. Они только что разграбили стойбище всадниковъ, перебили хозяевъ и теперь собирались увезти добычу. Большая часть мужчинъ были въ панцыряхъ, связанныхъ ремешками изъ роговыхъ пластинокъ, оленьихъ реберъ или круглыхъ кожаныхъ полосъ, облегавшихъ тѣло до пояса, оставляя руки свободными. Вооруженіе ихъ состояло изъ короткихъ, но крѣпкихъ луковъ изъ лиственнаго дерева, обвитыхъ для крѣпости оленьими жилами и оплетенныхъ ремешками; стрѣлы были маленькія, съ остріемъ изъ кости или раковины, обмазаннымъ ядовитымъ сокомъ лютика, убивающимъ въ нѣсколько минутъ даже лося и медвѣдя.

Нѣкоторые панцыри были снабжены страннымъ щитомъ, въ видѣ высокаго деревяннаго воротника, окружавшаго голову и

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май 1903 г.

свисавшаго на правую руку. Такіе латники были вооружены очень длинными копьями и, соединяясь по-двое и по-трое, могли противостоять самому стремительному нападенію легко вооруженныхъ людей.

Другіе воины мышеѣдовъ, напротивъ, не имѣли ни панцырей, ни копій и размахивали палицами или тяжелыми каменными кистенями на крѣпкомъ ремнѣ. У третьихъ на поясѣ висѣла праща, и черезъ плечо была перекинута сумка, наполненная мелкими круглыми камушками. Иные несли на плечѣ связку дротиковъ и коротку метательную доску, которая увеличивала вдвое полетъ копья и силу удара. Женщины мышеѣдовъ носили странную одежду въ родѣ мѣшка, сшитаго изъ мѣховыхъ лоскутьевъ, собраннаго вокругъ шеи и снабженнаго рукавами и штанами, но теперь онѣ большей частью напялили на свои толстыя плечи вышитые кафтаны погибшихъ женщинъ. Узкія полы не сходились; изъ-подъ криво прилаженныхъ нагрудниковъ выглядывали грязныя отвислыя груди, но мышеѣдки воображали себя красавицами и самодовольно показывали другъ другу свои обновки. Нѣкоторыя поворачивали взадъ и впередъ свѣжіе трупы съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто это были оленьи туши, выдирали изъ женскихъ волосъ жалкія украшенія, снимали ожерелья изъ медвѣжьихъ зубовъ и браслеты изъ рыбьихъ костей, часто запачканные кровью. Въ сторонѣ догорали остатки большого костра, и валялись кости отъ обильнаго пиршества, устроеннаго торжествующими побѣдителями по окончаніи бойни.

Мышеѣды, не желая затѣвать ссору съ другими племенами, съ самаго начала рѣшились напасть на всадниковъ, ибо трепетная осторожность этого жалкаго племени какъ бы призывала къ себѣ враговъ и при нѣкоторой хитрости сулила безкровную побѣду. Они сторожили всадниковъ два дня съ упорствомъ медвѣдя, подстерегающаго полевыхъ сурковъ. Но лишь сегодня имъ удалось застигнуть ихъ врасплохъ. Всадники только что вернулись съ своего торговаго мѣста, гдѣ ихъ постоянные мѣновые друзья,—торговцы изъ Вайкена, оставили взамѣнъ за волосяныя вышивки и роговые ковши плату ожерельями изъ пестрыхъ раковинъ, какихъ много попадается на морскихъ берегахъ къ югу. Все населеніе лагеря сбѣжалось разсматривать эти пестрыя игрушки, и ихъ восторженные крики послужили сигналомъ для враждебныхъ воиновъ.

Кровавая схватка длилась не больше часа. Застигнутые врасплохъ всадники не думали о бѣгствѣ и не искали оружія, и только полубезсознательно защищались когтями и зубами, какъ защищается молодая лисица, внезапно схваченная за горло большой охотничьей собакой. Мышеѣды перебили мужчинъ и женщинъ,

перехватали оленей и нѣсколько штукъ закололи на ѣду, а остальныхъ дѣятельно нагружали добычей, собираясь въ дорогу. Достигнувъ цѣли, они собирались уйти въ родныя тундры и не желали больше встрѣтиться съ другими племенами, бывшими на ярмаркѣ.

Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, оставленныхъ въ живыхъ, теперь вмѣстѣ съ мышѣдами занимались привязываніемъ въ порядокъ пейнаго древка. Судьба этихъ дѣвушекъ не предвѣщала ничего хорошаго. Шайка имѣла мало женщинъ, и потому воины оставили ихъ въ качествѣ временныхъ женъ, но было сомнительно, чтобы ревнивыя бабы тундры потерпѣли соперничество этихъ малюсенькихъ и пугливыхъ плѣнницъ, столь отличнаго отъ нихъ происхожденія. У мышѣдовъ вообще не было ни плѣнниковъ, ни рабовъ. Бѣглые чужеплеменники становились полноправными членами орды, но люди, взятые въ плѣнъ, тотчасъ же погибали отъ жестокости своихъ хозяевъ и въ особенности хозяекъ.

Завидѣвъ группу молодыхъ людей, подбѣгавшихъ съ юга, мышѣды бросили оленей и, держа въ рукахъ луки, вышли впередъ, выражая готовность защищать грудью свою новую собственность.

Новые пришельцы остановились въ нерѣшимости. Они были вооружены только копьями, и то далеко не всѣ, а мышѣды были въ панцыряхъ, и стрѣлы ихъ были обмазаны ядомъ. Мами, привлеченная любопытствомъ, подбѣжала ближе всѣхъ; увидѣвъ, какъ воинъ въ костяномъ панцырѣ, толкнулъ рукоятью палицы молодую дѣвочку, немногимъ старше той, которая прискакала на стойбище оленеводовъ, она не могла удержаться, и размахнувшись своимъ легкимъ копьемъ, бросила его, какъ дротикъ, прямо въ грудь насильнику.

Мышѣдъ, однако, былъ на сторожѣ и быстро вскинулъ вверхъ руку со щитомъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что роговой наконечникъ копья свернулся въ сторону. Дѣвушка взвигнула отъ ярости и бросилась впередъ, чтобы подобрать копье и нанести новый ударъ, но мышѣдъ быстро нагнулся и подхвативъ плетеный изъ жилъ арканъ, искусное издѣліе женщинъ погибшаго стойбища, накинулъ его ей на плечи и тотчасъ же затянулъ петлю.

— Го-го!—закричали другіе мышѣды:—важенку поймалъ, важенку!

Но Колхочъ быстрѣе, чѣмъ раненый соболь, бросился впередъ и, выхвативъ ножъ съ широкимъ блестящимъ лезвіемъ, въ одно мгновеніе перерѣзалъ веревку. Это было желѣзо, мало знакомое жителямъ далекаго сѣвера, но куру доставали его изъ-за моря вмѣстѣ съ серьгами и бусами. Молодая дѣвушка сдернула съ себя обрывокъ петли, но не стала поднимать копья. Она обернулась

назадъ и, окинувъ взглядомъ кучку своихъ товарищей, во главѣ которой съ копьемъ въ рукахъ стоялъ мрачно и неподвижно огромный Ваттанъ, почувствовала, до какой степени они безсильны передъ мышеѣдами.

Противникъ Мами, впрочемъ, не возобновилъ нападенія. Мышеѣды были утомлены не столько рѣзней, сколько предварительнымъ ожиданіемъ подходящей минуты и не желали новыхъ столкновеній. Человѣкъ со щитомъ, впрочемъ, заинтересовался разрѣзаннымъ арканомъ, кажется еще больше, чѣмъ дѣвушкой. Онъ поднялъ оба конца веревки и съ интересомъ разсматривалъ гладкую поверхность разрѣза.

— Мами, иди сюда!—крикнулъ Ваттанъ такимъ повелительнымъ тономъ, что молодая дѣвушка повиновалась безъ колебаній и заняла мѣсто рядомъ съ нимъ.

— Вы, собаки!—громко сказалъ онъ, обращаясь къ противникамъ.

— Чего?—отозвался человѣкъ, накинувшій арканъ на дѣвушку, какъ будто признавая бранную кличку за своимъ племенемъ. Онъ былъ также высокъ и плотенъ, какъ молодой оленеводъ. Лицо его было очень смугло и заросло кудрявой бородой. На головѣ стояла дыбомъ курчавая грива, какъ видно, нечесанная со дня рожденія.

— Зачѣмъ вы осквернили мѣсто?—сурово спросилъ Ваттанъ.

— А тебѣ какое дѣло?— дерзко возразилъ мышеѣдъ, скаля большіе бѣлые зубы, не то для улыбки, не то въ видѣ угрозы врагу.

— Вы хуже собакъ,—сказалъ Ваттанъ.—Даже собаки чтутъ море и полярную звѣзду.

— Ругаешься, какъ баба! — презрительно возразилъ мышеѣдъ.—Видно у васъ мужчины за бабъ, а бабы за мужчинъ,—прибавилъ онъ, бросая взглядъ въ сторону Мами и намекая на недавнюю схватку.

— Бродяга!—воскликнулъ Ваттанъ:—пятеро васъ на одного, а то бы мы вамъ пощупали подъ панцыремъ.

— Попробуй!—задорно предложилъ мышеѣдъ, выставляя грудь.

— Пожиратели падали, отпустите хоть женщинъ!—кричалъ запальчиво Ваттанъ.

— Для тебя, что ли, отпустить?—насмѣшливо возразилъ мышеѣдъ.—Давайте лучше мѣняться! Вы намъ отдайте вашу одну дѣвку, а сами возьмите всю эту дрянь.

— Безстыдная рожа!—закричалъ Ваттанъ, уязвленный въ самое чувствительное мѣсто.—Выходи, помѣряемся!.. Я тебѣ подъ этими оленьими ребрами изломаю твои собственныя!

Мышеѣдъ бросилъ арканъ и вышелъ впередъ, потрясая копьемъ:

— А что ставка?—сказалъ онъ упрямо.—Не стану безъ ставки!

Несмотря на свой гнѣвъ, Ваттанъ замялся, ибо у него не было съ собой ничего, кромѣ копья.

— Поставь ножъ, такой... блестящій! — сказалъ мышеѣдъ, вспомнивъ ножъ Колхоча. Прежде чѣмъ Ваттанъ успѣлъ отвѣтить, молодой ительменъ выдвинулся впередъ и подалъ ему свое удивительное оружіе.

— Вотъ ножъ!—сказалъ Ваттанъ, разглядывая странныя начертанія, вырѣзанныя на лезвіи.

— А у тебя что?—прибавилъ онъ уже безъ крика. Мысль о предстоящемъ поединкѣ принесла безсознательное успокоеніе его чувствамъ.

— А я поставлю дѣвку?—сказалъ мышеѣдъ, выдвигая впередъ дѣвчонку, которую только что укрощалъ ударами древка. Она посмотрѣла дико сперва на своего хозяина, потомъ на новыхъ заступниковъ, и тотчасъ же снова съежилась и втянула голову въ плечи.

— Поставь всѣхъ женщинъ, — предложилъ Ваттанъ, крѣпче подтягивая поясъ,—а я прибавлю двадцать оленьихъ шкуръ.

— Поди къ чорту со шкурами!—грубо возразилъ мышеѣдъ, поднимая копье кверху.—Подставляй бока, ты, болтунъ!..

При этомъ новомъ оскорбленіи, Ваттанъ взялъ копье на перевѣсъ и, не говоря ни слова, стремительно бросился на противника. Мышеѣдъ неподвижно стоялъ на мѣстѣ, выставивъ свое копье навстрѣчу. Деревянный воротникъ его панцыря, стянутый ремнями изнутри, поднялся дыбомъ вверхъ. На бѣлой кожѣ, облекавшей дерево, было нарисовано красной охрой большое солнце, пускавшее отъ себя крестъ-на-крестъ четыре длинныхъ луча. На четвероугольномъ щитѣ, оклеенномъ кожей и пришитомъ ремешками къ панцырю, пониже воротника, были нарисованы той же краской двѣ человѣческія фигуры; сражавшіяся копьями и стрѣльбой изъ лука. Одна изъ фигуръ была одѣта въ панцырь, изображенный маленькими продольными полосками и снабженный деревяннымъ воротникомъ и щитомъ. Рисунокъ имѣлъ въ виду изобразить преимущество тяжелаго вооруженія надъ легкимъ, но можно было подумать, что онъ имѣлъ въ виду именно поединокъ, происходившій теперь.

Ваттанъ, однако, не имѣлъ никакого намѣренія разбить свое копье, подобно Мами, о твердый щитъ противника. Подбѣгая къ мышеѣду, онъ вдругъ повернулъ копье древкомъ къ землѣ и, опираясь на него, сдѣлалъ такой огромный прыжокъ, что очутился за спиной противника. Панцырный воинъ повернулся на мѣстѣ и опять подставилъ противнику копье. Раздался рѣзкій стукъ столкнувшагося дерева, потомъ копья раздѣлились снова, отталкивае

мыя упругостью удара. Еще нѣсколько ударовъ было нанесено и отражено безъ всякаго результата. Копье Ваттана было короче, но гораздо толще, чѣмъ у противника, ибо въ лѣсахъ у родной рѣки онъ заботливо подобралъ себѣ древко по рукѣ. Напротивъ, мышеѣды на безлѣсной тундрѣ не могли быть очень разборчивыми къ качеству дерева. Это составляло важное преимущество, ибо отраженіе ударовъ производилось преимущественно древкомъ. Тяжелое вооруженіе мышеѣда, кромѣ того, не представляло большой выгоды при битвѣ на копьяхъ, ибо стѣсняло свободу движеній. Оно соотвѣтствовало больше всего лучной стрѣльбѣ, причемъ нужна была защита для тѣла и возможность спокойно прицѣливаться и посылать стрѣлу.

Битва продолжалась безъ перевѣса въ чью-либо сторону. Ваттанъ, съ дѣтства искусившійся во всѣхъ хитростяхъ копейнаго боя, вился вокругъ тяжело вооруженнаго противника, какъ волкъ вокругъ россомахи, но мышеѣдъ спокойно поворачивался во всѣ стороны, подставляя противнику щитъ и конецъ копья. Слабые роговые наконечники требовали осторожности въ нанесеніи ударовъ, чтобы не испортить лезвія. Ваттанъ все высматривалъ слабое мѣсто въ вооруженіи противника, какой-нибудь шовъ или щель, удобную для рѣшительнаго удара, но броня была плотно стянута ремешками и представляла несокрушимую поверхность сзади и спереди. Наконецъ, Ваттанъ въ десятый разъ бросился на противника и, поднимая копье вверхъ, сдѣлалъ новый прыжокъ, показывая видъ, что хочетъ нанести навѣсный ударъ, черезъ деревянную защиту ворота. Такіе удары были возможны при удачномъ прыжкѣ, особенно противъ малорослаго противника, но огромный мышеѣдъ возвышался на мѣстѣ, какъ башня, и поразить его въ голову можно было развѣ съ высокаго холма.

Тѣмъ не менѣе, чтобы отбить нападеніе, мышеѣдъ тоже наставилъ копье вверхъ, и лѣвая его рука поднялась такъ высоко, что обнаружила вырѣзъ брони, проходившій подъ мышкой. Ваттанъ тотчасъ же опустилъ копье и направилъ страшный ударъ въ обнаженное мѣсто. Но мышеѣдъ во-время повернулся и подставилъ щитъ. Копье съ трескомъ ударилось въ твердую доску. Крѣпкій роговой наконечникъ, вываренный въ тюленьемъ жиру и входившій на полторы пяди въ гнѣздо древка, обмотанный поверхъ дерева сухожиліями оленьихъ ногъ, крѣпкими и тонкими, какъ проволока, вонзился въ древо щита съ такой силой, что оно дало трещину, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ приходился щитъ, принадлежавшій панцырному воину нарисованной группы. Товарищи Ваттана испустили ободрительный крикъ, принимая такой ударъ за счастливое предзнаменованіе. Однако, перевѣсъ былъ скорѣе на сторонѣ мышеѣда. Наконечникъ Ваттанова копья за-

*

стрялъ въ щитѣ. Пользуясь этимъ, мышеѣдъ нагнулся впередъ и, протянувъ свое длинное копье, попытался достать незащищенную грудь противника. Ваттанъ сильно дернулъ свое копье и отскочилъ въ сторону: конецъ рогового лезвія хрустнулъ и наконечникъ вышелъ изъ щита. Копье мышеѣда, однако, успѣло уколоть Ваттана въ плечо и, прорѣзавъ одежду, нанести не глубокую, но чувствительную рану. Ваттанъ почувствовалъ, что тонкій мѣхъ его исподней рубахи смачивается кровью, вытекающей изъ разрѣза. Внезапно повернувъ свое копье тупой стороной впередъ и дѣйствуя имъ, какъ дубиной, онъ нанесъ ударъ по копью противника внѣ всякихъ правилъ, но съ такой силой, что наконечникъ его ткнулся въ землю и жидкое древко сломилось пополамъ.

Пользуясь внезапнымъ преимуществомъ, Ваттанъ подскочилъ къ обезоруженному мышеѣду и, не надѣясь на роговое лезвіе, просто продвинулъ копье между ногъ противника, дѣйствуя имъ, какъ рычагомъ, и упираясь о собственное бедро, свалилъ его на землю. Мышеѣдъ, падая, съ силою ударился объ рубецъ собственнаго воротника. Связи воротника лопнули. Кровь хлынула у него изъ носу и потекла по грязнымъ щекамъ и короткой черной бородѣ. Товарищи Ваттана испустили торжествующій крикъ, но толпа воиновъ противной стороны выскочила изъ саней на защиту своему бойцу. Въ это время Гирканъ, незамѣтно отдѣлившійся отъ товарищей и зашедшій въ тылъ оленямъ, вдругъ упалъ на четвереньки и испустилъ волчій вой, до такой степени похожій, что всѣ обернулись, ожидая увидѣть звѣря, внезапно забѣжавшаго на стойбище. Олени шарахнулись. Тѣ, которые были привязаны въ поперечномъ положеніи, различили своими близорукими глазами какую-то темную фигуру, величиною съ волка, бѣжавшую прямо къ нимъ: они стали рваться и подыматься на дыбы. Наступило невыразимое смятеніе и скоро больше половины оленей были свободны и, перепрыгивая черезъ линію санокъ, стоявшую на дорогѣ, стали разбѣгаться по полю. Плѣнницы бросились ловить оленей, но вмѣсто того, чтобы привести ихъ обратно и привязать къ санкамъ и кольямъ, вбитымъ въ снѣгъ, онѣ внезапно вскакивали верхомъ и, какъ вѣтеръ, помчались изъ стойбища, припадая къ шеѣ скакуновъ и подбодряя ихъ особымъ гортаннымъ крикомъ. Услышавъ призывъ, всѣ остальные олени изъ стада побѣжденныхъ помчались имъ вслѣдъ, увлекая съ собой немало и другихъ животныхъ, принадлежавшихъ мышеѣдамъ.

Выгодное нападеніе грозило окончиться потерею. Мышеѣды, выбѣжавшіе на мѣсто поединка, бросились къ санямъ и, расхвативъ луки, тоже побѣжали по полю, пуская стрѣлу за стрѣлою въ догонку бѣглянкамъ. Нѣсколько свободныхъ оленей упали, но дѣвушки, искусныя въ верховой ѣздѣ, проворно скользили внизъ

и прятались подъ оленьей шеей. Одна изъ нихъ, потерявъ скакуна, раненаго долетѣвшей стрѣлой, соскочила на землю, поспѣшно подманила другого и вскочивъ на него, пустилась догонять подругъ.

Убѣгавшее стадо уже скрывалось изъ вида.

Благодаря вмѣшательству другихъ мышеѣдовъ, Ваттанъ не успѣлъ добить противника. Теперь, видя смятеніе въ ихъ лагерѣ, онъ на минуту почувствовалъ желаніе напасть на нихъ съ тылу, но тотчасъ же сообразилъ, что бѣгство плѣнницъ съ оленями, конечно, нисколько не ослабило свирѣпости и силы противниковъ и благоразумно подавилъ искушеніе. Напротивъ того, именно эта минута, когда толпа лучниковъ разсѣялась по полю въ безполезной погонѣ, показалась ему самой благопріятной для отступленія, тѣмъ болѣе, что плѣнницы спаслись бѣгствомъ и больше нечего было отстаивать на стойбищѣ.

V.

Дѣвочка, послужившая первымъ яблокомъ раздора, не убѣжала вмѣстѣ съ другими. Впрочемъ, Ваттанъ теперь считалъ ее призомъ, взятымъ съ боя, и вѣроятно не допустилъ бы ея бѣгства. Она шла въ толпѣ молодыхъ людей, рядомъ съ Колхочемъ, небольшая и стройная фигура котораго внушала ей повидимому больше довѣрія, чѣмъ высокій станъ ея первой защитницы. Ваттанъ досталъ изъ-за пояса желѣзный ножъ Колхоча и собрался вручить его по назначенію, но внезапно почувствовалъ желаніе присвоить его себѣ. Онъ пытался бороться, но искушеніе было сильнѣе.

— Слушай, Колхочъ,—сказалъ онъ полушутя,—вотъ я возьму ножъ, а ты возьми дѣвку... Что тебѣ,—прибавилъ онъ въ видѣ оправданія,—ты достанешь себѣ другой.

Колхочъ положилъ руку на плечо плѣнницы въ знакъ безмолвнаго согласія. Побратимъ долженъ былъ отдавать побратиму по первому слову даже собственную жену или ребенка.

— Я тебѣ дамъ шкуръ!..—поспѣшно заговорилъ Ваттанъ.—И новую одежду, и двухъ упряжныхъ оленей.

Онъ чувствовалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти предъ великодушіемъ товарища. Ножъ былъ дорогою собственностью, а плѣнница случайнымъ подаркомъ судьбы; но предложенные имъ подарки могли уравнять какіе угодно убытки.

Колхочъ покачалъ головой.

— Мой грузъ полонъ,—возразилъ онъ;—по нашимъ горамъ нельзя возить лишняго, а ѣздить на оленяхъ я не умѣю... Дай

мнѣ лучше свою натѣльную рубаху!..—прибавилъ онъ, видя, какъ Ваттанъ хмурится отъ огорченія.

Морщины на челѣ оленевода разгладились; онъ сдернулъ съ себя сначала верхнюю рубаху изъ толстой шкуры, черной, какъ атласъ, потомъ снялъ нижнюю тонкую и легкую, вывернутую вверхъ гладкой мездрой, красиво окрашенной въ оранжевый цвѣтъ сокомъ ольхи и отдалъ ее ительмену, который въ свою очередь сдѣлалъ тоже. Обмѣнъ рубахами предполагалъ высшую степень интимности, но, къ сожалѣнію, побратимы были слишкомъ неравнаго роста. Рубаха Ваттана достигала Колхочу до пятъ и послѣ нѣкотораго колебанія онъ надѣлъ ее сверху, какъ верхній балахонъ. Лѣвое плечо ея было выпачкано свѣжею, но уже засохшей кровью. Ваттанъ, впрочемъ, не обращалъ вниманія на свою рану. Онъ просто надѣлъ свою верхнюю одежду прямо на тѣло; а обмѣнный подарокъ свернулъ и сунулъ за пазуху. Безкорыстіе молодого ительмена удивляло его, ибо онъ привыкъ, что всѣ гости изъ приморскихъ поселковъ постоянно выпрашиваютъ у оленеводовъ подачки и не могутъ насытить свою жадность ни выгодами самаго дешеваго торга, ни наиболѣе обильными дарами. Но земля южныхъ ительменовъ была богаче; они также мало привыкли просить и унижаться, какъ и зажиточные кочевники тундры.

Мами внезапно разсмѣялась: Колхочъ въ своемъ новомъ балахонѣ и Ваттанъ съ голой грудью и пазухой, раздувшейся отъ дружескаго подарка, показались ей въ высшей степени смѣшны. Но вспомнивъ, что именно заступничеству обоихъ друзей она обязана спасеніемъ отъ плѣна, она устыдилась и, чтобы замять свою неумѣстную веселость, снова пустилась въ путь, увлекая за собой отрядъ товарищей. Гирканъ опять бѣжалъ рядомъ съ нею впереди всѣхъ. Глаза его широко улыбались, ибо онъ тоже былъ чувствителенъ ко всему смѣшному. Мами вспомнила вдругъ, что плѣнницы обязаны освобожденіемъ, строго говоря, его хитроумной штукѣ и, посмотрѣвъ на него внимательнѣе, замѣтила, что на его одеждѣ не было ни одной лишней складки, хотя онъ участвовалъ въ бѣгѣ и битвѣ. Ея интересъ къ этому веселому и щеголеватому юношѣ снова заслонилъ ея вниманіе ко всей остальной толпѣ.

— Гдѣ вы живете, люди одулъ?—спросила она, желая что-нибудь знать о загадочномъ родѣ одулъ, который по словамъ многихъ, происходилъ отъ волка и унаслѣдовалъ любовь къ бродяжеству отъ своего безпокойнаго предка.

— Тамъ!—сказалъ неопредѣленно Гирканъ, указывая рукою на западъ.—Мы не любимъ одной и той же рѣки или лѣса; сегодня здѣсь, а завтра тамъ.

— А много ли васъ?—продолжала дѣвушка съ любопытствомъ.

Гирканъ отрицательно покачалъ головой

— Насъ только четыре рода,—сказалъ онъ съ извѣстной гордостью.—Бурыя лисицы рѣдки, но онѣ всѣхъ лучше,—прибавилъ онъ многозначительнымъ тономъ.

— Неужели у васъ нѣтъ родныхъ рѣкъ и пастбищъ?—съ удивленіемъ спросила Мами. Она съ ранняго дѣтства привыкла, что стадо ея отца уходитъ на лѣто на ледники Острой сопки, а на зиму спускается къ тополевымъ лѣсамъ, на большой рѣкѣ Лососи, и считала это мѣсто своей родиной.

— На что намъ пастбища?—сказалъ Гирканъ презрительно.—Наши стада вольны, какъ мы; они пасутся по всей землѣ между трехъ морей, а пасетъ ихъ Пичвучинъ!

Дѣвушка поняла, что онъ говоритъ о дикихъ оленяхъ, ибо богъ Пичвучинъ, маленькій карликъ, обладавшій, какъ Протей, способностью превращаться въ любого звѣря, считался по преимуществу пастухомъ всѣхъ дикихъ оленьихъ стадъ.

— Неужели у васъ нѣтъ собственныхъ оленей?—сказала она съ сожалѣніемъ въ голосѣ. Жизнь безъ стадъ казалась ей крайней степенью бѣдности, лишенной не только увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, но и совершенно пустой и безсодержательной, похожей на жизнь звѣря, но недостойной человѣка.

— Олени—обуза,—сказалъ Гирканъ.—Вотъ наши братья на сѣверномъ рубежѣ земель,— онъ опять сдѣлалъ рукой широкій и неопредѣленный жестъ,—попробовали завести... Бѣда! Очень большая забота, отнимаетъ веселье у человѣка.

— Кого же вы запрягаете?—спросила Мами тѣмъ же огорченнымъ голосомъ—Собакъ?

Она раздѣляла презрѣніе своего народа къ приморскимъ собачникамъ, и длинная нарта, запряженная сворой лающихъ животныхъ, всегда казалась ей унизительной выдумкой, противной здравому смыслу.

Гирканъ презрительно сплюнулъ въ сторону.

— Наши собаки вольныя, какъ мы,—сказалъ онъ.—Грѣхъ надѣвать лямку, все равно человѣку или звѣрю. Я бы этихъ собачниковъ самихъ запрегъ вмѣстѣ съ ихъ псами.

— На чемъ же вы ѣздите?—спросила Мами съ изумленіемъ—безъ собакъ и безъ оленей?—она слышала смутные разсказы о жизни народа одулъ, но никогда не могла себѣ представить ихъ воочію.

— На лыжахъ,—отвѣтилъ Гирканъ, и лицо его просіяло отъ пріятнаго воспоминанія.—Ухъ, весело!—съ восторгомъ воскликнулъ онъ.—Лыжи гладкія, весенній снѣгъ скользкій. Догоняемъ оленя, лося. Развѣ птица удержится вмѣстѣ съ нами!..

«Люди о двухъ ногахъ быстрѣе звѣрей о четырехъ»,—припомнилъ онъ родную поговорку.

Мами тщетно старалась сообразить, какое веселье могъ находить этотъ стройный юноша въ вѣчномъ скитаніи по горамъ и полямъ на своихъ собственныхъ ногахъ.

— А женщины на чемъ ѣздятъ?—спросила она черезъ минуту.

— Тоже на лыжахъ! сказалъ Гирканъ.—Ого! Онѣ еще нашего брата научатъ, если спускаться съ горъ.

Ему представилась картина цѣлой толпы парней и дѣвушекъ, спускавшихся на лыжахъ съ высокой, покрытой снѣгомъ горы. Они съ Мами продолжали неторопливо бѣжать впередъ, но среди этого монотоннаго бѣга въ немъ внезапно возникло ощущеніе стремительнаго движенія, похожаго на паденіе камня, и даже въ ушахъ загудѣло, какъ отъ пролетавшаго мимо воздуха.

— А маленькія дѣти?—продолжала спрашивать Мами.

— А это бабье дѣло!—равнодушно возразилъ Гирканъ.—Сами нарожали, сами и возятъ!—

— Видишь!—съ негодованіемъ сказала дѣвушка—Собакъ запрягать грѣхъ, а бабы въ лямкѣ ходятъ. Скверная жизнь.

Гирканъ молча пожалъ плечами...

— И неужели вы никогда не останавливаетесь?—снова спросила дѣвушка, возвращаясь къ вѣчному скитальчеству соплеменниковъ Гиркана, поразившему ея воображеніе. Оленеводы проводили средину зимы и все лѣто на неподвижныхъ стойбищахъ, по изстари-излюбленнымъ мѣстамъ.

— Никогда!—увѣреннымъ тономъ сказалъ Гирканъ.—Скучно жить на мѣстѣ, кровь застаивается... Видѣть кругомъ тѣ же деревья и холмы... «Маленькія дѣти плачутъ подъ старымъ шалашомъ».—Припомнилъ онъ другую поговорку своего племени.

— Шалашомъ?—повторила Мами.—Развѣ у васъ нѣтъ шатровъ?

Гирканъ отрицательно покачалъ головой.

— Въ шатрѣ дурно пахнетъ—возразилъ онъ,—а шалаши каждый разъ свѣжіе...

Опять наступило молчаніе.

— У моего отца большое стадо, и только одна дочь,—начала молодая дѣвушка и остановилась, какъ будто прінскивая слова.

Гирканъ усмѣхнулся своей загадочной улыбкой и выжидательно повернулъ къ ней лицо.

— А много у васъ дѣвушекъ?—вдругъ спросила Мами съ странной непослѣдовательностью.

— Много!—подтвердилъ Гирканъ, подмигивая и кивая головой съ многозначительнымъ видомъ.

— Какія, хорошія?—сказала Мами чрезвычайно серьезнымъ, почти строгимъ тономъ.

— Конечно хорошія!—подтвердилъ опять Гирканъ.

«Наши дѣвушки красивѣй всѣхъ на свѣтѣ,
Косы у нихъ, какъ бѣличьи хвосты,
И сами проворны, какъ бѣлочки».

запѣлъ онъ на своемъ родномъ языкѣ.—

«Глазки у нихъ, какъ черныя ягоды,
Ихъ слѣды, какъ слѣды горностая;
Онѣ мягче собольей шерсти
И пушистѣе снѣжинокъ».

— Слушай, Гирканъ!—сказала она опять.—У моего отца большое стадо. Если хочешь, мы дадимъ тебѣ двѣ «руки», «человѣка» *), отобьемъ цѣлый косякъ. Будешь со стадомъ.

— Не надо!—наотрѣзъ отказался Гирканъ.—Я говорю—обуза. У пастуха въ рукахъ—арканъ, на одномъ концѣ олень, а на другомъ самъ привязанъ.

— Олени—богатство, олени—людская жизнь!—твердила Мами, не находя другихъ аргументовъ.

— Плевать!—дерзко возразилъ Гирканъ.—Сегодня богатство, а завтра волкъ угналъ—и нѣтъ ничего. Вѣчная работа, вѣчный страхъ.

Это былъ споръ двухъ культурныхъ ступеней, чуждыхъ и враждебныхъ другъ къ другу, и всякіе аргументы были совершенно безполезны.

Они бѣжали все дальше и дальше, только снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами; другіе такъ далеко отстали, что ихъ почти не было видно въ надвигавшихся сумеркахъ.

— Послушай, Гирканъ, — начала Мами въ третій разъ, — у моего отца большое стадо и только одна дочь. Ему нуженъ пріемный сынъ. Если хочешь, можешь взять все, и стадо, и меня.

Теперь въ голосѣ ея не было слышно колебанія. Она предлагала молодому иноплеменнику себя и свое имущество такъ просто, какъ предлагаютъ пищу или сухую обувь заѣзжему гостю

Гирканъ немного помолчалъ.

— У насъ все вольное! — сказалъ онъ съ разстановкой. — И любовь тоже... Если парень и дѣвка любятъ другъ друга, то не спрашиваютъ объ имуществѣ или отцѣ.

Дѣвушка не удивилась, но покачала головой.

— Нельзя! — сказала она безповоротнымъ тономъ. — Оленій богъ не дастъ счастья. У меня нѣтъ братьевъ. На мнѣ очагъ и домъ и святыня. Мнѣ нуженъ прочный товарищъ, чтобъ семейное тавро не стерлось съ оленей...

— Зачѣмъ ты хочешь впречь меня въ нарту?—съ упрекомъ сказалъ Гирканъ.

---

*) Рука—пять, двѣ руки—десять, человѣкъ—двадцать.

— Ты этого не понимаешь!—возразила дѣвушка задумчивымъ и какъ будто даже безнадежнымъ голосомъ.

Гирканъ опять тряхнулъ головой.

— Дикій быкъ ходитъ въ домашнее стадо,—хвастливо сказалъ онъ,—но важенки его любятъ лучше всѣхъ.

— Уйди!—сказала дѣвушка съ внезапной ненавистью.—Бродяга! Волчій сынъ!

Она ускорила бѣгъ, но видя, что Гирканъ не отстаетъ, круто повернула назадъ къ товарищамъ, бѣгущимъ сзади. Но молодой одулъ поймалъ ее за руку и сдѣлалъ попытку привлечь къ себѣ. Она не вырывалась, но сплела свои пальцы съ пальцами дерзкаго ухаживателя, и вмѣсто любовнаго пожатія Гирканъ почувствовалъ, что она изо всей силы крутитъ и ломаетъ его руку. Мускулы его сами напряглись на встрѣчу. Оба они остановились, началась молчаливая борьба двухъ сплетенныхъ рукъ, какъ будто они пробовали, чья сила больше.

Минута или двѣ прошли въ этомъ странномъ и молчаливомъ поединкѣ, потомъ Гирканъ, видя, что ему не перегнуть маленькой руки Мами, крѣпкой, какъ скрученныя жилы оленя, внезапно наклонился къ ней и дерзко поцѣловалъ ее въ губы. Пальцы Мами разжались, Гирканъ высвободилъ руку, обнялъ ее и прижалъ ее къ себѣ.

— Пусти!—съ крикомъ вырвалась Мами:—Ваттанъ, Ваттанъ!

Она рѣшительно пустилась бѣжать назадъ, громко повторяя имя молодого оленевода. Она полуинстинктивно сознавала, что въ мужественномъ и полномъ силъ юношѣ оленнаго племени живетъ такое же глубокое уваженіе къ стаду и его святынямъ, и что союзъ съ нимъ дастъ ей прочную опору, а быть можетъ хотѣла также напомнить хвастливому чужеземцу, что у него есть соперникъ, и еще такой опасный, какъ молодой побѣдитель сегодняшняго дня. Гирканъ, впрочемъ, нисколько не смутился и видя, что дѣвушка не перестаетъ кричать и убѣгаетъ назадъ, пронзительно свиснулъ, чтобы составить ей аккомпаниментъ, и какъ ни въ чемъ не бывало побѣжалъ сзади.

VI.

Солнце уже взошло, когда молодые люди вернулись на рѣку, но въ стойбищахъ никто не спалъ. Дѣвочка, прискакавшая на оленѣ безъ сѣдла, была такъ перепугана, что даже не обратила вниманія на предложенную пищу. Она все норовила спрятаться въ самый темный уголъ шатра, какъ побитая собачонка, и жители, не умѣя извлечь отъ нея никакихъ новыхъ свѣдѣній, кончили тѣмъ, что оставили ее въ покоѣ. Ея отрывистые и безсвяз-

ные жесты все же изображали новыя ожерелья всадниковъ, и многіе изъ оленныхъ людей пришли къ убѣжденію, что маленькіе всадники передрались между собой изъ-за этихъ новыхъ игрушекъ. Дѣйствительно, мелкіе роды всадниковъ, трусливые передъ чужеплеменными, часто вели между собой самыя опустошительныя войны. Напротивъ того, члены одного и того же рода жили между собой очень дружно и дѣлили поровну охотничью добычу и даже чужеземные товары. Но жизнь всадниковъ не была хорошо извѣстна сосѣдямъ.

Какъ бы тамъ ни было, вѣсть о вѣроломномъ нападеніи мышеѣдовъ быстро распространилась со стойбища на стойбище и произвела смятеніе во всѣхъ концахъ Чагарскаго поля. Подобное нарушеніе святости мѣста было неслыхано съ самыхъ далекихъ временъ, насколько хватала память стариковъ и разсказы сказочниковъ. Столкновенія и даже убійства на игрищахъ или во время торга случались почти ежегодно, но то были случайныя и непреднамѣренныя вспышки страстей, и Авви, по всей вѣроятности, смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы, ибо не посылалъ виновникамъ ни голода, ни мора, и позволялъ имъ на будущій годъ снова безпрепятственно сходиться на ярмарку. Кровавыя стычки племенъ, неоднократно имѣвшія мѣсто на возвратномъ пути, уже за предѣлами священнаго поля, тоже не касались правъ Великаго Рака, но на этотъ разъ было совершено вѣроломное нападеніе на первый же день торга и въ предѣлахъ вѣчнаго мира рѣки Анапки и безъ всякаго повода, единственно съ цѣлью грабежа. Взаимное недовѣріе племенъ внезапно обострилось. Каждый лагерь опасался, что его чередъ можетъ наступить съ минуты на минуту и подозрительно старался угадать, какіе замыслы таятъ ближайшіе сосѣди.

Всѣ высыпали наружу изъ палатокъ и снѣжныхъ землянокъ и поспѣшно стали приводить въ порядокъ оружіе. Мореходы юитъ потрясали метательными дротиками и гарпунами и оправляли брони изъ твердой кожи лахтака *), оленеводы расправляли длинные арканы, которые вмѣстѣ съ копьемъ были ихъ излюбленнымъ оружіемъ для охоты и войны. Приморскіе жители осматривали палицы и остроги и запихивали въ узорчатые колчаны множество стрѣлъ самой разнообразной формы. Ительмены доставали изъ налучней маленькіе луки съ деревяннымъ ложемъ, которое давало большую вѣрность стрѣльбѣ. Однако, никто не думалъ о томъ, чтобы наказать мышеѣдовъ за ихъ вѣроломное поведеніе. Всадники были чужды и малоизвѣстны; кромѣ того, всякое общее предпріятіе теперь было совершенно невозможно. У всѣхъ преобладало

*) Крупная порода тюленей съ твердой и крѣпкой кожей.

стремленіе къ немедленному бѣгству. Мстительный Ракъ, конечно, не захочетъ остаться равнодушнымъ къ кровавому святотатству, и можно было ожидать, что, за удаленіемъ истинныхъ виновниковъ, гнѣвъ его обрушится на перваго, кто подвернется подъ руку.

Камакъ на стойбищѣ таньговъ сталъ собираться къ отходу прежде всѣхъ. Совѣсть его была нечиста. Вчерашняя сцена въ мухоморной палаткѣ оставила въ его ограниченномъ умѣ яркое впечатлѣніе, и вспоминая угрожающіе жесты Авви, овладѣвшаго въ критическую минуту тѣломъ Ваттувія, онъ чувствовалъ опасеніе, чтобы не явиться первой жертвой Рака.

У него была еще другая причина для торопливости. Онъ привелъ съ собою всѣхъ старыхъ и молодыхъ быковъ, между тѣмъ какъ стельныя коровы остались на берегу рѣки Лососи. Камакъ былъ такъ тщеславенъ, что не хотѣлъ путешествовать безъ большого стада, чтобы чужеплеменники не подумали, что онъ бѣдный и зависимый «подсосѣдокъ», а не богатый хозяинъ. Вѣтвисторогіе быки составляютъ высшую степень оленьяго богатства, и стадо Камака, надъ которымъ какъ будто стоялъ лѣсъ короткихъ бурыхъ сучьевъ, представляло предметъ удивленія для всѣхъ стойбищъ, мимо которыхъ онъ проходилъ по пути. Но гнать впередъ такое стадо можно было только малыми переходами, и люди Камака должны были отправиться въ обратный путь раньше всѣхъ.

Стадо выступило въ походъ почти тотчасъ же по возвращеніи Мами; объ отдыхѣ послѣ утомительнаго путешествія къ всадникамъ не было и рѣчи, но Мами привыкла по двое и по трое сутокъ проводить у своего стада, не зная сна. Ея обычными помощниками были Чайвунъ и двое молодыхъ, но очень проворныхъ подростка.

Камакъ, отдѣливъ упряжныхъ быковъ для своего обоза, остался на нѣсколько часовъ, чтобы свести счеты съ вайкенцами. Обозъ обыкновенно слѣдовалъ на нѣкоторомъ отдаленіи отъ стада, но Камакъ велѣлъ тремъ воинамъ, которыхъ привелъ съ собой съ рѣки Лососи, сопровождать Мами, а самъ обѣщалъ подъѣхать къ утру на первой стоянкѣ.

Бо́льшая часть стойбищъ предполагала сняться съ мѣста на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Ваттану предстояло справить братское кровопомазаніе съ Колхочемъ, которымъ нельзя было пренебрегать даже подъ смертной опасностью. Гирканъ и его племя не назначили себѣ срока. Они всегда снимались съ мѣста внезапно, спасаясь отъ перваго проблеска монотонности. Но именно теперь жизнь на Чагарскомъ полѣ представляла любопытное зрѣлище, и можно было ожидать, что эти неисправимые бродяги на этотъ разъ уйдутъ послѣдними. Торговля кое-какъ продолжалась, но игрищъ больше не было; всѣ угрюмо сидѣли въ своихъ лагеряхъ,

какъ въ укрѣпленіяхъ. Послѣ полудня небо нахмурилось; пошелъ снѣгъ и почти внезапно налетѣлъ жестокій ураганъ, какіе свирѣпствуютъ на открытыхъ сѣверныхъ равнинахъ круглый годъ, зимою погребая караваны въ снѣгу, а лѣтомъ опрокидывая лодки у самаго берега. Двѣ палатки сорвало съ мѣста, несмотря на огромные камни, привязанные къ ихъ поламъ, и хозяева остались безъ всякой защиты предъ яростью сумасшедшей вьюги. Земляныя и снѣжныя норы забивало наглухо, и обитатели должны были постоянно прочищать выходъ, чтобы не очутиться въ полной темнотѣ. Во всѣхъ концахъ Чагарскаго поля старики мрачно размышляли, что гнѣвъ Авви пришелъ и ожидали самаго худшаго.

Колхочъ съ радостью разстался бы со своей плѣнницей, но дѣвать ее было некуда, да и сама она не отставала отъ него ни на шагъ. На этихъ невѣдомыхъ стойбищахъ, среди толпы незнакомыхъ людей, она хваталась за молодого ительмена, какъ за якорь спасенія. Все-таки это было уже знакомое лицо, и она инстинктивно чувствовала, что онъ не хочетъ сдѣлать ей зла. Въ концѣ концовъ онъ привелъ ее въ землянку къ своимъ единоплеменникамъ; она была наполовину выкопана въ землѣ, сверху укрыта древесными вѣтвями и хворостомъ и завалена дерномъ; лѣзть внутрь приходилось по темному извилистому корридору, гдѣ вмѣсто дверей были повѣшены толстыя оленьи шкуры. Дѣвочка сначала не хотѣла спускаться внизъ, но Колхочъ потянулъ ее за руку, и она уступила. Колхочъ привелъ ее въ принадлежавшій ему уголокъ и посадилъ на собственной шкурѣ. Она была голодна; онъ хотѣлъ накормить ее сушенымъ мясомъ медвѣдя, но она съ ужасомъ отклонилась назадъ. Всадники поклонялись медвѣдю и считали его своимъ предкомъ, въ противоположность ительменамъ, которые питались въ значительной степени медвѣжатиной. Вмѣсто медвѣжьяго мяса, Колхочъ досталъ баранину и рыбу; дѣвочка стала ѣсть жадно и проворно, отщипывая маленькіе кусочки пищи, съ ужимками голодной бѣлки, попавшей въ орѣшникъ. Скоро началась вьюга, и нужно было отсиживаться въ землянкѣ. Но спать было не совсѣмъ безопасно на случай обвала, да шумъ вѣтра и не давалъ заснуть. Колхочъ и плѣнница просидѣли всю ночь, скорчившись и прижавшись другъ къ другу въ своемъ тѣсномъ углу. Дѣвочка, утомленная дневными ужасами и волненіями, все-таки заснула, безцеремонно уронивъ голову на плечо своего владѣтеля. Колхочъ тоже дремалъ, но часто просыпался, прислушиваясь къ реву бури, потомъ опять забывался на нѣсколько минутъ, все время ощущая маленькое худощавое тѣльце, наивно склонившееся почти въ самыя его объятія. Онъ чувствовалъ даже ея острыя плечи, наталкивался на плоскую совсѣмъ неразвитую грудь и говорилъ себѣ, что это совсѣмъ ребенокъ, которому нужно еще нѣсколько

лѣтъ, чтобы развиться въ женщину. Однако, онъ не ощущалъ также прежняго желанія освободиться отъ обузы. И ему внезапно даже представилось, что она могла быть хорошимъ товарищемъ во время непрерывныхъ странствій за промысломъ на вершинахъ Южнаго мыса и въ ущельяхъ прилегающихъ горъ.

Наконецъ буря стихла и опять стало ясно; только оленныя женщины, отряхавшія съ наружной стороны отъ снѣга мѣховыя стѣны шатровъ, ударяли все сильнѣе деревянными колотушками и, наконецъ, стали ругаться.

Многіе все-таки собирались въ дорогу. Однако, на стойбищѣ людей, пришедшихъ съ юга, отъ Боброваго моря, столѣтній шаманъ Раипъ, старикъ съ волосами совсѣмъ бѣлыми и безъ одного зуба во рту, далъ совѣтъ принести предварительно жертву рѣкѣ Анапкѣ и такимъ образомъ отвратить гнѣвъ Рака. Раипъ былъ такъ старъ, что угрожалъ развалиться каждую минуту, но дѣти привозили его сюда ежегодно для обезпеченія прибыльности торга, ибо духи любили Раипа, и демоны заразы слушали его совѣта. Совѣты его были необычайно мудры и послѣдовавшій имъ никогда не находилъ повода къ раскаянію. И теперь всѣ рѣшили послѣдовать благоразумному совѣту.

Съ ранняго утра во всѣхъ концахъ Чагарскаго поля сталъ раздаваться грохотъ бубновъ и прерывистое пѣніе. Бубны оленеводовъ были маленькіе, круглые, похожіе на крышку отъ котла, съ полоской китоваго уса въ видѣ колотушки. Бубны приморскихъ жителей походили на широкіе щиты, обвѣшанные костяными и каменными погремушками и производили постоянный шумъ. Южные ительмены колотили палкой о палку, обвѣшавъ ихъ мѣховыми хвостиками въ знакъ посвященія богамъ. Мореходы Юитъ пронзительно свистали въ пищалки, сдѣланныя изъ гусиныхъ перьевъ. Вездѣ стали приносить жертвы; оленеводы закалывали быковъ и, ободравъ съ нихъ шкуру, раскладывали на снѣгу, головою по направленію къ рѣкѣ.

— Ѣшь, ѣшь! — кричали они, призывая Авви на пиръ, но женщины плакали, сожалѣя о множествѣ жирнаго мяса, безполезно брошеннаго на полѣ.

Поморяне безпощадно удавливали на ремнѣ лучшихъ собакъ изъ нарты; люди Юитъ сдѣлали игрушечную лодку со всѣми принадлежностями, нарисовали на ея кормѣ знаки успѣшной охоты и принесли ее въ даръ Авви.

Скоро къ рѣкѣ потянулись процессія за процессіей. Племена шли отдѣльно съ шаманами во главѣ, которые испускали громкіе и странные крики. Нѣкоторые покрыли лицо деревянными масками, раскрашенными кровью, другіе закутались въ медвѣжьи шкуры, покрывъ голову мохнатымъ мѣхомъ и приспособивъ раз-

рѣзы медвѣжьихъ глазъ и носа къ своему собственному лицу. Молодые люди шли впереди, неся жертвенныя блюда, наполненныя жиромъ и похлебкой, тальничныя вѣтки и даже небольшіе берестяные сосуды, наполненные теплой водой. Пробивъ маленькія круглыя отверстія во льду рѣки, племена начали погружать туда свои дары.

— Ѣшь, ѣшь!—кричали со всѣхъ сторонъ.—Не сердись, Авви!

Раипъ, котораго принесъ на себѣ его собственный внукъ, опустился на ледъ въ сторонѣ отъ всѣхъ и пробивъ, трясущимися руками небольшую прорубь, окружилъ ее полой своей широкой одежды, чтобы закрыть отъ взглядовъ солнца, потомъ опустилъ въ нее куклу, спрятанную у него за пазухой. Она имѣла расколотую голову и грудь, проткнутую осколкомъ кости, и прорѣзы ея были испачканы настоящей человѣческой кровью; кукла эта представляла мышеѣда, котораго старый шаманъ приносилъ Раку, какъ искупительную жертву.

Торговцы изъ поселка Вайкенъ на другомъ берегу рѣки приносили въ жертву другую куклу, изображавшую новорожденное дитя, одѣтое въ обычный смертный костюмъ, богато разукрашенный вышивками, подвѣсками и амулетами.

— Ѣшь, Авви, ѣшь!—слышалось повсюду.—Не сердись Авви!.

Но къ вечеру того же дня буря воротилась съ новой силой, загребая жилище снѣгомъ и забивая безъ слѣда наѣзженныя дороги и тропинки. Люди съ южной стороны повѣсили голову. Въ каждомъ ущельи на ихъ пути теперь налегъ снѣгъ толстымъ мягкимъ слоемъ на аршинъ глубины, и въ опасныхъ мѣстахъ собрались навѣсы, готовые обрушиться на голову неосторожнаго путника. Къ утру буря опять утихла, но на каждомъ стойбищѣ остались ея слѣды. Волки воспользовались вьюгой, напали на стадо, принадлежащее стойбищу Алютъ, передушили лучшихъ быковъ и разогнали остальныхъ въ разныя стороны. Пастухи собрали ихъ, но съ большими потерями, и теперь этому стойбищу было трудно укочевать домой. У поморянъ почти всѣ собачьи упряжки, привязанныя съ подвѣтренной стороны холмовъ, совсѣмъ ослабѣли. Нѣкоторыя собаки задохнулись на смерть, подъ твердой корой облѣпившаго ихъ заноса; другія оторвались и убѣжали въ поле, быть можетъ, раздраженныя запахомъ волковъ или увлеченныя соблазномъ охоты за оленями. Авви, очевидно, презиралъ принесенныя ему жертвы и властной рукой собиралъ новую дань. Можно было опасаться, что послѣ оленей и собакъ онъ перейдетъ къ людямъ.

Люди, жившіе вокругъ морской бухты Алютъ *), какъ олене-

*) Олюторская губа.

воды, такъ и рыболовы, были бѣдны и отличались кровожадностью; они вели между собой постоянные кровавые счеты, подводя итоги посредствомъ убійствъ и грабежей; даже родственники и братья убивали другъ друга и если, во время голода, мора или другого общественнаго бѣдствія, имъ случалось захватить въ плѣнъ кого-нибудь изъ враговъ, они обыкновенно приносили его въ жертву, на сторону заката, злымъ духамъ, причиняющимъ человѣку вредъ.

Послѣ ночныхъ потерь люди Алютъ стали говорить, что нужно принести въ жертву Авви спасенныхъ дѣвочекъ племени всадниковъ, чтобы уничтожить всѣ слѣды преступнаго побоища.

Дѣвочка, бѣжавшая отъ рѣзни на неосѣдланномъ оленѣ, осталась на стойбищѣ Ваттанова отца, Ватанта, но дикость ея не уменьшилась. Первую ночь она проспала на голой землѣ во внѣшнемъ шатрѣ, и ни за что не хотѣла войти подъ теплый спальный пологъ. Люди, окружавшіе ее, повидимому, смѣшивались въ ея умѣ съ мышеѣдами, и когда кто-либо изъ мужчинъ подходилъ къ ней съ разспросами, она вздрагивала, какъ пойманный звѣрекъ, и норовила дать тягу. Учиться языку оленеводовъ она не могла, ибо ея общеніе съ людьми было чрезвычайно ничтожно; она пряталась даже отъ бабъ, предлагавшихъ ей ѣду, но въ обѣ бурныя ночи люди, выходившіе изъ полога, замѣтили, что она ползетъ по юртѣ, не страшась грохота мятели, и отыскиваетъ въ снѣжномъ сугробѣ, наметенномъ сквозь дымовое отверстіе, объѣдки и брошенные куски. Женщины стали на нее коситься, ибо жители пустынь вообще боялись безумцевъ и считали ихъ слугами злыхъ духовъ, и при условіяхъ кочевой жизни они требовали неудобныхъ заботъ. Поэтому кровожадное предложеніе стойбища Алютъ съ этой стороны не встрѣтило особаго неудовольствія. Однако, Ваттувій рѣшительно воспротивился. Быть можетъ, въ дикой природѣ обезумѣвшей дѣвочки, въ ея нелюдимомъ ужасѣ и странныхъ ночныхъ похожденіяхъ, онъ чувствовалъ нѣчто родственное, или его злорадное сердце забавлялось при мысли о суевѣрномъ отвращеніи, которое уже успѣло возникнуть у женщинъ шатра по отношенію къ странной гостьѣ. Какъ бы то ни было, Ваттувій сказалъ, что Авви явился ему во снѣ и объявилъ, что гнѣвъ его не прекратится, пока всѣ стойбища не устроятъ торжественныхъ бѣговъ на Чагарскомъ полѣ.

— Вы нечестивѣе мышеѣдовъ, — сказалъ будто бы Авви,— ибо хотите убѣжать, укравъ мой праздникъ; но я не пущу васъ отсюда, пока не отниму послѣдняго упряжнаго быка. Тогда буду устраивать бѣга самъ на своихъ подводныхъ поляхъ.

Всѣ оленные люди тотчасъ же спохватились. Всѣмъ было извѣстно пристрастіе Авви къ состязаніямъ, которое принесло ему владѣніе Чагарскимъ полемъ. Изстари велось, что оленныя

стойбища, сходившіяся на торгъ, устраивали передъ уходомъ поочередно торжественный бѣгъ на оленяхъ, съ богатыми призами и жертвоприношеніемъ. Оленеводы были такъ пристрастны къ этому роду игрищъ, что съѣзжались на Чагарское поле больше для участія въ скачкахъ, чѣмъ для торговли. Но на этотъ разъ дерзкое нападеніе мышѣдовъ едва не привело ихъ къ нарушенію обычая.

Всякая мысль о бѣгствѣ была отложена. Торговые дни прошли безъ скачекъ, но теперь каждый владѣлецъ стада хотѣлъ устроить бѣгъ; для того, чтобы наверстать потерянное время, бѣга устраивались въ одинъ и тотъ же день на разныхъ концахъ Чагарскаго поля, и гости съ утра до вечера переѣзжали со стойбища на стойбище, чтобы не пропустить ни одного зрѣлища. Поморяне тоже не думали объ отъѣздѣ, ибо праздникъ означалъ угощеніе жирнымъ мясомъ, всеобщее обиліе, даровой кормъ для собакъ. Они вообще никогда не покидали Чагарскаго поля прежде ухода заманчивыхъ оленьихъ стадъ. Чтобы не отстать отъ Оленныхъ, они устраивали иногда между собою бѣга на собакахъ, но оленные люди смѣялись надъ этими состязаніями, которыя не сопровождались ни пиршествомъ, ни съѣздомъ гостей.

Такъ прошло три дня, наполненныхъ весельемъ и оживленіемъ. Скачки перемежались разнообразными играми, чехардой и прыжками черезъ шестъ, плясками, которыя изображали то оленье стадо въ періодѣ любви, то тюленье руно, выползшее на берегъ, и сопровождались странной мимикой и своеобразнымъ горловымъ пѣніемъ. Но борьба и бѣгъ были предоставлены подросткамъ и дѣтямъ, и серьезные бойцы не вмѣшивались, изъ опасенія подать поводъ къ новой ссорѣ.

Ваттанъ выигралъ послѣдовательно три приза на бѣгу и, по совѣту Ваттувія, послѣ того отказался отъ дальнѣйшаго участія, ибо слишкомъ большое счастіе возбуждаетъ зависть людей и духовъ. Онъ безцѣльно ходилъ съ своимъ новымъ другомъ Колхочемъ со стойбища на стойбище и отводилъ свое сердце въ разговорахъ о Мами.

— На зиму возьму бѣговыхъ оленей, санки съ полозьями изъ уса*), подстилку изъ бѣлой шкуры, поѣду къ Таньгамъ,—твердилъ молодой оленеводъ.—Гдѣ же ей найти мужа лучше?

Непріятное воспоминаніе о пораженіи на бѣгу почти изгладилось въ его умѣ. Воинская доблесть и физическая сила, впрочемъ, считались важнѣе быстроты ногъ, которая годилась преимущественно для бѣгства, а Ваттанъ успѣлъ доказать, что въ борьбѣ

*) Полозья, подбитыя китовымъ усомъ, легче скользятъ по твердому снѣгу тундры.

и поединкѣ никто не можетъ одержать надъ нимъ верхъ. Ительменъ уныло молчалъ. Онъ проводилъ вечера въ своемъ лагерѣ въ обществѣ плѣнной дѣвочки, и даже не зная ея имени, сталъ называть ее Карритой по имени своей бабушки изъ рода Куру. Дѣвочка понемногу становилась смѣлѣе и начала схватывать нѣкоторыя ительменскія слова; но на лицѣ Колхоча лежало постоянное облако... Ваттану иногда казалось, что его другъ хвораетъ тайной хворостью, которую не хочетъ открывать чужому любопытству.

— Не болитъ ли у тебя что-нибудь,—спросилъ онъ его, наконецъ.—Быть можетъ, Палланецъ повредилъ тебѣ спину?..

Колхочъ усмѣхнулся и, отвернувъ рубаху, показалъ на лѣвой лопаткѣ широкіе, давно заросшіе слѣды медвѣжьихъ когтей.

— Та лапа была тяжелѣе,—сказалъ онъ,—но я все еще хожу на своихъ ногахъ.

— Знаешь что,—вдругъ предложилъ оленеводъ,—проживи это лѣто съ нами! Зимой поѣдемъ на сѣверъ вмѣстѣ, я тебѣ дамъ оленей, какихъ только захочешь.—Онъ, дѣйствительно успѣлъ привязаться къ своему новому побратиму, но упорно игнорировалъ его собакъ. Ему было бы пріятно имѣть его съ собой въ лагерѣ чужихъ людей. тѣмъ болѣе, что ему и въ голову не приходило считать его соперникомъ.

Колхочъ слегка покраснѣлъ.

— Нѣтъ!—возразилъ онъ.—У меня семья, мать, отецъ, братья...

— Проживутъ одно лѣто безъ тебя!—возразилъ безпечно Ваттанъ.

— У меня есть еще шкуры и оленьи жилы, — перечислялъ Колхочъ.

— Пошлешь съ товарищами,—предлагалъ оленеводъ.

— Не хочу!—твердо возразилъ молодой Ительменъ. — Лѣто безъ моря, земля безъ горъ,—какая это жизнь?

Ваттанъ обидѣлся, но не возразилъ ни слова.

— Въ нашемъ мѣстѣ тепло,—продолжалъ Ительменъ.—Пока доѣду домой, сопки зазеленѣютъ, въ травѣ спрятаться можно, хохлачки свищутъ подъ скалами; вездѣ цвѣты, какъ капли жертвенной крови, какъ радуга, какъ солнечный лучъ...

Вспоминая свою родную землю, онъ измѣнилъ обычной молчаливости и сталъ почти краснорѣчивъ. Ваттанъ слушалъ съ любопытствомъ, но эта яркая картина ничего не говорила его воображенію.

— Въ горахъ тѣсно,—возразилъ онъ,—а тундрѣ нѣтъ конца... Воля, просторъ.

— А море?—продолжалъ Колхочъ,—безъ лодки—полчеловѣка!.. Пускай волны, прибой, у насъ пристани. Гонишь въ байдаркѣ бобра, и самъ не хуже водяного звѣря.

— За сто байдарокъ не дамъ бѣговую нарту!..—сказалъ Ваттанъ.—А дѣвчонку съ собой возьмешь? — внезапно спросилъ онъ съ чуть замѣтной шуткой.

— Въ нашемъ жильѣ десять дѣвушекъ, — сказалъ Колхочъ важно, — будетъ лишняя въ десяткѣ!.. Обижать малолѣтнихъ и бранить стариковъ—одно! — прибавилъ онъ, отвѣчая на затаенную мысль товарища.

Ваттанъ молча пожалъ плечами.

— У Ительменовъ всѣ парни — братья, всѣ дѣвки — сестры, старики—отцы, старухи—матери!—объяснилъ Колхочъ.

— А гдѣ люди Одулъ?—вдругъ спросилъ Ваттанъ, по какой-то странной связи идей вспоминая о племени пѣшихъ странниковъ, которые ни разу не показывались на скачкахъ.

— Ушли!—сказалъ Колхочъ, который проходилъ мимо стоянки родичей Гиркана и видѣлъ опустѣвшіе и полуразрушенные шалаши.

— Бродяги,—сказалъ Ваттанъ, употребляя тоже самое слово, которое Мами бросила въ упрекъ Гиркану, — не видѣть бы ихъ никогда!

Онъ вспоминалъ соперника не безъ горечи, но утѣшалъ себя тѣмъ, что до будущей весны у Гиркана нѣтъ никакихъ шансовъ встрѣтиться съ Мами.

Люди Одулъ въ первый же день скачекъ снялись и ушли неизвѣстно куда, ибо зрѣлище чужого веселья внезапно потеряло для нихъ заманчивость.

Послѣднія скачки окончились на третій день съ заходомъ солнца. На утро всѣ разсчитывали собраться въ путь, но ночью, пришла вьюга еще сильнѣе, чѣмъ обѣ предыдущія. Жадный Ракъ соблазнился неосмотрительнымъ предложеніемъ племени Алютъ и, лукаво дождавшись конца праздниковъ, потребовалъ теперь послѣдняго и самаго цѣннаго дара.

VII.

Мами остановилась на ночлегъ въ ближайшемъ ущельѣ, но, не дождавшись отцовскаго пріѣзда, утромъ рѣшила перегнать стадо дальше. Снѣгъ на ущельѣ былъ слишкомъ глубокъ, и олени, уставъ разрывать его копытами, ложились на отдыхъ, не наѣвшись. Зато въ глубинѣ ущелья мятель, всполошившая восемь племенъ на просторѣ Чагарскаго поля, хватала не такъ сильно. Утромъ, когда вѣтеръ стихъ, не было никакихъ причинъ, чтобы оставаться на мѣстѣ. Объ отцѣ Мами нисколько не безпокоилась: стадо двигалось медленно и часто отдыхало, и легкій обозъ могъ догнать его даже за пять, или за шесть дней пути. Ночью была

новая буря. и Мами опять стояла, а утромъ двинулась въ дальнѣйшій путь. Чагарское поле, гдѣ разноплеменныя стойбища заражали другъ друга взаимнымъ внушеніемъ испуга, было далеко, а объ Авви она совершенно забыла и безъ большихъ сомнѣній шла себѣ и шла по торной дорогѣ, уводившей на Палпалъ, а оттуда на рѣку Лосось. Зато мысли ея постоянно обращались къ Гиркану, а также къ молодому оленеводу и его другу, которые спасли ее отъ мышеѣдовъ и оказали ей столько услугъ и вниманія. Она пробовала разсчитывать, когда именно ей придется встрѣтиться съ молодымъ Гирканомъ или даже съ Ваттаномъ, но сбилась и безнадежно перестала. Впрочемъ, свободнаго времени для размышленій у ней было мало. Олени чувствовали себя безпокойно и норовили разбиться порознь, и пастухи бѣгали взадъ и впередъ, возвращая отсталыхъ и направляя полудикое стадо по прямой дорогѣ впередъ. Дорога проходила по тундрѣ, мѣстами перемежавшейся холмистыми грядами. Время отъ времени въ глубокомъ и узкомъ оврагѣ, заросшемъ густымъ тальникомъ, встрѣчалась рѣчка, уходившая къ Бобровому морю. Тундра стлалась, какъ бѣлая скатерть, даже одинокіе кусты ползучаго кедровника были прибиты къ землѣ вѣчными вьюгами и замурованы въ затвердѣвшемъ снѣгу, какъ въ бѣломъ мраморѣ.

Къ вечеру четвертаго дня стадо достигло болѣе значительной рѣки Ваката, протекавшей на сѣверо-западѣ. Она раздѣлялась на нѣсколько притоковъ, которые прорыли глубокія рытвины въ мягкой землѣ тундры. Берега ихъ поросли густыми ивовыми кустами, а на внутреннихъ островахъ росли даже ветлы и тополи, смыкаясь малорослымъ, но непроходимымъ лѣсомъ. Такіе лѣса были для пастуховъ самыми трудными мѣстами, ибо непокорные олени разсѣивались во всѣ стороны, а въ густой чащѣ, усыпанной буреломомъ и валежникомъ, нельзя было ничего видѣть. Пастухи разбились на двѣ группы и гнали оленей справа и слѣва, стараясь не позволить имъ уклоняться въ стороны. Но какъ только олени и люди вошли въ глубину лѣса, со всѣхъ сторонъ послышалось уханье, крики и стукъ тяжелыхъ палицъ о древесные стволы. Стадо въ слѣпомъ ужасѣ ринулось впередъ, увлекая съ собою пастуховъ, которые, опасаясь потерять его, не думали даже о нападеніи, угрожавшемъ сзади. Теперь олени держались всѣ вмѣстѣ, и даже самые непокорные тѣснились поближе къ центру, испуганные странными криками, вырывавшимися изъ лѣсной глубины. Но когда черезъ десять минутъ стадо опять выскочило на открытую степь, ни одного изъ четырехъ мужчинъ не было видно, а сзади почти по пятамъ бѣжала толпа воиновъ, вооруженныхъ луками, копьями и длинными арканами. То были мышеѣды. Обоз-

ленные потерей всей добычи послѣ удачнаго нападенія, они рѣшили отомстить за нее на первомъ караванѣ оленеводовъ, который рискнетъ пуститься въ путь со слабыми силами, и случай привелъ къ нимъ Мами, которая была зачинщицей въ дѣлѣ освобожденія плѣнныхъ женщинъ.

Впереди показались другіе мышеѣды, ѣхавшіе и бѣжавшіе навстрѣчу. Опытные грабители не позабыли загородить путь бѣглецамъ. Черезъ нѣсколько минутъ задніе и передніе воины соединились и стали забѣгать, слѣва и справа, окружая стадо.

Въ головѣ Мами мелькнула мысль о бѣгствѣ, но сѣверный пастухъ не бросаетъ своихъ оленей даже въ смертельной опасности. На бедрѣ ея былъ большой ножъ, но при видѣ такого множества враговъ мужество ея упало, и она остановилась среди нерѣшительно волнующагося стада.

Тотъ же самый воинъ, который при первомъ столкновеніи едва не взялъ ее въ плѣнъ, опять подскочилъ съ арканомъ и накинулъ его на плечи молодой дѣвушкѣ.

— Попалась!—кричалъ онъ съ хохотомъ,—не ушла!—Онъ грубо сорвалъ съ дѣвушки поясъ вмѣстѣ съ ножомъ и связалъ ей руки концомъ аркана.

Мужчины и женщины съ криками бѣгали вокругъ захваченнаго стада.

— Быки!—кричали они въ изступленномъ торжествѣ.—Жирные!

Наиболѣе свирѣпые, видя такое множество животныхъ, не могли удержаться и стали стрѣлять въ самыхъ большихъ быковъ. Мами отчаянно вскрикнула. Воинъ, связавшій ей руки, тоже спустилъ стрѣлу и поразилъ большого бѣлаго оленя съ отпиленными рогами, который былъ ея любимцемъ и прибѣгалъ ѣсть изъ ея рукъ, какъ собака.

— Мѣтко стрѣляетъ Рынто! — сказалъ мышеѣдъ съ усмѣшкой, обращаясь къ дѣвушкѣ.—Безъ промаха, небось!..

— Убейте меня тоже! — крикнула Мами отчаяннымъ голосомъ.—Вмѣстѣ съ оленями.

— Постой, все будетъ! — сказалъ мышеѣдъ въ видѣ утѣшенія. Волосы на его головѣ были гладко выбриты и на затылкѣ была приклеена полоска грязной кожи, надъ подживающей раной.

Обезумѣвшіе олени, видя угрожающую гибель, полѣзли напроломъ, прямо на окружавшихъ людей. Мышеѣды размахивали арканами, но олени только храпѣли и старались прорваться на просторъ.

Подростки остались на волѣ, но, видя смертельную опасность и плѣнъ своей руководительницы, совершенно растерялись и только безцѣльно перебѣгали съ мѣста на мѣсто внутри стада.

Мышеѣдъ, захватившій Мами, выпустилъ арканъ и побѣжалъ

къ пастухамъ сквозь толпу оленей, разступавшихся передъ нимъ, какъ живыя волны.

— Собирайте стадо, — кричалъ онъ съ ужасными ругательствами.—Я васъ!..

Догнавъ передняго мальчика, Рынто, внѣ себя отъ гнѣва, замахнулся и ударилъ его по плечамъ лукомъ, который все еще держалъ въ правой рукѣ. Крѣпкое лиственничное дерево опустилось, какъ дубина; мальчикъ съ крикомъ упалъ на землю и тотчасъ же поползъ въ сторону, какъ раненая лисица, стараясь забраться въ кусты. Разъяренный мышеѣдъ уже подбѣгалъ къ другому, но тотъ протянулъ къ нему навстрѣчу руки.

— Мы не можемъ!—кричалъ онъ раздирающимъ голосомъ.— Безъ Мами не можемъ ничего. Насъ олени не слушаютъ!

Мышеѣдъ съ ненавистью посмотрѣлъ на пастуха, потомъ на огромную добычу, которая опять угрожала ускользнуть. Нѣсколько животныхъ успѣли вырваться изъ круга воиновъ и убѣгали впередъ, несмотря на стрѣлы, летѣвшія въ догонку, но большая часть стада еще держалась вмѣстѣ. Мышеѣдъ поспѣшно вернулся къ дѣвушкѣ и развязалъ ей руки.

— Собери ихъ вмѣстѣ!—приказалъ онъ, толкая ее по направленію къ стаду.

— Скажи своимъ людямъ, пусть уйдутъ съ дороги! — отвѣтила дѣвушка.

Рынто, очевидно бывшій главнымъ въ шайкѣ, побѣжалъ къ своимъ товарищамъ. Послѣ краткихъ переговоровъ, мышеѣды соединились вмѣстѣ и отошли въ сторону, держа на готовѣ луки и недовѣрчиво наблюдая за движеніями пастуховъ.

Мами бѣгала вдоль стада, успокоивая оленей особымъ призывнымъ крикомъ, похожимъ на хорканье молодой важенки.

— Га-га-гакъ! гакъ! гакъ! — кричала она, заставляя оленей сгруживаться вмѣстѣ.

Ободренные мальчики ревностно помогали ей, забѣгая дорогу самымъ смѣлымъ животнымъ. Бѣлый быкъ все еще стоялъ на мѣстѣ, стрѣла поразила его подъ лѣвую лопатку, но онъ боролся съ болью и смертью и не хотѣлъ упасть на землю. Завидѣвъ подходившую Мами, онъ поднялъ голову и протянулъ ее впередъ. Изъ его глазъ выкатились двѣ большія слезы и потекли по гладкой шерсти щекъ; потомъ глаза животнаго пріобрѣли неподвижное выраженіе, въ бедрахъ его пробѣжала мелкая дрожь, и оно тяжело рухнуло на снѣгъ, подергиваясь въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Вожакъ стада какъ будто только ожидалъ хозяйку, чтобы попрощаться съ ней, и потомъ покориться концу.

По лицу Мами тоже текли слезы, но она продолжала бѣгать и успокоивать стадо. Убѣжавшіе олени одинъ за другимъ стали

возвращаться. Стадо понемногу двигалось впередъ, а за нимъ слѣдовала шайка мышеѣдовъ, жадными глазами наблюдая за своей новой собственностью. Убитыя животныя были безпечно брошены въ добычу песцамъ и волкамъ.

Съ лѣвой стороны показался обозъ на собакахъ подъ предводительствомъ женщинъ, которыя ловко управлялись съ плохо выдресированными псами тундры. Но воины изъ осторожности не позволили имъ подъѣхать близко, чтобы не испугать стада. Справа подъѣхали немногіе олени, оставшіеся у мышеѣдовъ послѣ недавняго бѣгства. Очевидно, нападеніе было строго обдумано, и отдѣльные отряды расположены на соотвѣтственныхъ мѣстахъ, какъ того требовали правильные боевые разсчеты.

Въ эту ночь на стоянкѣ мышеѣдовъ было много веселья. Они знали тундру лучше Мами и указали ей для остановки другой лѣсъ за четыре часа пути, гдѣ было прекрасное пастбище для оленей и обильное топливо для людей. Скоро нѣсколько большихъ костровъ засіяли на опушкѣ. Мышеѣды изловили самыхъ жирныхъ животныхъ и, убивъ ихъ копьями, приготовляли ужинъ. Когда стемнѣло, они опять отпустили мальчиковъ охранять отдыхающее стадо, но Мами велѣли сѣсть у самаго большого костра.

Они смотрѣли на дѣвушку, какъ на заложницу, и чувствовали увѣренность, что пока она съ ними, стадо не ускользнетъ изъ ихъ рукъ. Дѣвушка устало опустилась на землю передъ огнемъ. Чувство полной безпомощности разрослось въ ея душѣ и превратилось въ оцѣпененіе. Она готова была машинально выполнить всякое приказаніе, лишь бы эти дикіе люди не били ее и не вязали ей рукъ арканомъ. Такъ чувствовали себя во всѣ вѣка военноплѣнныя рабыни, только что начинающія свое тяжелое поприще подъ чужеземной властью.

Мышеѣды разорвали мясо на части и пекли его на раскаленныхъ угольяхъ, каждый для себя; женщинамъ достались части похуже, съ большими костями, которыя онѣ постепенно обгладывали, разбивали каменными молотами и глодали снова. Вождь мышеѣдовъ былъ теперь добрѣе къ Мами и даже бросилъ ей безформенный кусокъ, который наполовину обуглился, забытый въ глубинѣ костра, и потому не годился для счастливыхъ побѣдителей.

Мами, однако, не стала ѣсть, она посмотрѣла на эту дикую толпу, уничтожавшую съ волчьей жадностью лучшихъ животныхъ ея стада, и въ душѣ ея на минуту проснулось прежнее отчаяніе.

— Лучше бы ты убилъ меня вмѣстѣ съ оленями,—повторила она, стиснувъ руки и склоняя голову къ землѣ.

— Зачѣмъ?—нагло усмѣхнулся Рынто.—Ты доведешь намъ стадо къ Телькену!

Такъ называлась главная рѣка мышеѣдовъ.

— А потомъ?—невольно спросила дѣвушка.

— Потомъ видно будетъ!—уклончиво возразилъ Рынто.—А ты ѣшь!..—повелительно прибавилъ онъ, видя, что Мами все еще держитъ въ рукахъ нетронутый кусокъ.

Мышеѣды кончили ужинъ и теперь заѣдали его сухимъ снѣгомъ, какъ собаки. Женщины мало по малу собрались вокругъ Мами. Ихъ было около двухъ десятковъ, многія были высоки и статны, но всѣ лица обезображивались низкимъ лбомъ и массивными, выходившими впередъ челюстями. Онѣ разсматривали молодую дѣвушку съ видимымъ недружелюбіемъ.

— Чертовка!—шипѣли онѣ.—Таньгинская вѣдьма!..

Самыя смѣлыя стали плевать ей въ лицо. Другія бросали въ нее комья снѣга или сучья, валявшіеся вокругъ.

Вождь схватилъ изъ костра головню и, размахивая ею направо и налѣво, сталъ отгонять женщинъ, какъ отгоняютъ хищныхъ животныхъ, наступающихъ слишкомъ близко.

— Суки!—кричалъ онъ.—Пошли отсюда!.. Пошли къ санямъ!..

Онъ приложилъ къ губамъ продырявленный оленій позвонокъ, висѣвшій у него на шеѣ, и замѣнявшій свистокъ, и пронзительно свиснулъ, созывая свое племя на ночной совѣтъ.

Ото всѣхъ костровъ стали собираться воины съ раскраснѣвшимися лицами, еще лоснившимися отъ недавняго ужина; нѣкоторые держали въ рукахъ кости, продолжая ихъ обгладывать на ходу.

— Слушайте,—сказалъ вождь, когда собраніе было въ полномъ составѣ.—Мы захватили въ плѣнъ много быковъ и одну важенку... Быковъ съѣдимъ. А съ важенкой что дѣлать?

— Убить ее, чертовку!—кричали бабы, которыя все-таки вернулись вмѣстѣ съ мужчинами, но опасаясь вождя, теперь стали сзади, ибо у мышеѣдовъ женщины большею частью принимали участіе въ совѣтѣ.

— Слушайте, люди!—сказалъ Рынто, немного помолчавъ.—Я возьму ее себѣ... рабыней!

— Не надо рабынь!—кричали бабы.—Задушить чужую тварь!..

— Если мнѣ надо,—возразилъ Рынто вызывающимъ тономъ,—то вамъ какое дѣло?

Мужчины тоже заворчали. Мышеѣды устраивали жизнь сообща, а браки заключались у нихъ по добровольному взаимному согласію и не были крѣпки; владѣніе плѣнницей было новымъ и неслыханнымъ дѣломъ.

— Еще подростки есть! — напомнилъ приземистый воинъ съ коричневымъ лицомъ, курчавой головой и приплюснутыми губами, похожій на негра или мулата.—Придемъ на тундру, тамъ видно будетъ.

Рынто подумалъ съ минуту.

— Ты Каянто, ты Петки, ты Теуль, ты Екуйгинъ,—онъ перечислилъ еще шесть или восемъ именъ,—придите сюда!

Названные одинъ за другимъ вышли впередъ и стали рядомъ съ вождемъ. Это были самые выдающіеся воины, если судить по ихъ росту и всему внѣшнему виду. Всѣ они были друзьями Рынто и теперь вмѣстѣ съ ними онъ чувствовалъ себя въ состояніи противоборствовать толпѣ.

— Слушайте теперь вы!—сказалъ Рынто, обращаясь къ своимъ товарищамъ.—Вотъ насъ десятокъ. Этой рабыней давайте владѣть вмѣстѣ. Подростковъ возьмемъ тоже: будутъ пасти оленей, какіе достанутся, будемъ съ работниками, а ее станемъ имѣть женой... отдѣльно отъ всѣхъ.

Толпа глухо роптала.

— Придемъ на тундру, тамъ видно будетъ,—съ угрозой повторилъ смуглолицый,—какія бываютъ отдѣльныя жены!

Будущіе совладѣльцы Рынто, однако, были довольны новымъ проектомъ. Для пущей осторожности они даже легли спать вмѣстѣ съ вождемъ. Рынто на ночь обвязалъ станъ молодой дѣвушки концомъ аркана, а другой конецъ обвернулъ вокругъ собственной ноги для предупрежденія побѣга. Другіе мышеѣды шли къ своимъ кострамъ и улеглись, кто гдѣ могъ, нерѣдко прямо на снѣгу, бросивъ подъ голову связку хвороста или полѣно и укрываясь разной рухлядью, и даже кровавыми шкурами, содранными съ оленей, недавно убитыхъ на ѣду.

Танъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ**.

Перев. съ англійскаго **З. Журавской**.

Продолженіе *).

Глава XXIII.

Въ маленькой гостинницѣ въ Шарнэ пробило полночь. Дождь, столько ночей подрядъ поливавшій деревню, наконецъ пересталъ. Ночь была тихая, ясная, одна изъ тѣхъ ночей, когда до слуха вашего изъ глубины безмолвія порой внезапно доносится—звонкой и чистой нотой—голосъ горныхъ потоковъ.

Жюли лежала въ постели. Она почти не замѣтила, какъ горничная раздѣла и уложила ее. Въ обычномъ теченіи жизни какъ бы наступилъ перерывъ. Передъ нею попеременно плыли двѣ картины — одна вызванная памятью, другая воображеніемъ, и эта другая была живѣе и реальнѣе первой. Она видѣла себя въ гостиной леди Генри; возлѣ нея сидѣли сэръ Уильфридъ Бёри и сѣдовласый генералъ. Но вотъ отворяется дверь, и входитъ Уорквортъ—молодой, красивый, съ военной выправкой, съ мальчишески-побѣдоноснымъ видомъ который такъ нравился однимъ и такъ возмущалъ другихъ. Глаза ихъ встрѣтились, и волна счастья прилила къ ея сердцу.

Затѣмъ лондонская гостиная вдругъ исчезла. Она была въ низенькой походной палаткѣ. Солнце жгло и сквозь парусину; въ палаткѣ было трудно дышать. Она стояла вмѣстѣ съ двумя мужчинами и докторомъ у низкой походной кровати, чутко ловя сердцемъ каждый звукъ, каждое движеніе больного. Она слышала, какъ шелестѣлъ вѣеръ въ рукахъ доктора, видѣла мухъ на блѣдномъ вспотѣвшемъ лбу...

Но слезъ у нея не было. Ей казалось только, что жизнь кончилась, провалилась въ какую-то страшную бездну, гдѣ юность и отвага, раскаяніе и благородная рѣшимость, любовь и наслажденіе, все свалено въ кучу и схоронено навѣкъ.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май, 1903 г.

А эта бѣдняжка тамъ наверху, ее нельзя было увезти домой — она была еле жива. При ней были сидѣлка и докторъ; мать со страхомъ прислушивалась къ каждому ея дыханію. Недавній дифтеритъ ослабилъ ея сердце и нервную систему; ударъ былъ жестокъ, и врачи не обѣщали ничего хорошаго въ будущемъ.

— Мама!.. мама!.. умеръ!

Крикъ этотъ до сихъ поръ звучалъ въ ушахъ Жюли, отдавался въ каждомъ углу просторной и низкой спальни. Ей чудилось, будто его повторяютъ горы, будто онъ доносится къ ней стономъ изъ безконечной глубины озера. Она чувствовала тамъ во тьмѣ, за стѣнами комнаты враждебную природу, громады горъ и пропасти, грозныя, неумолимыя...

Онъ лежитъ тамъ мертвый, въ пескахъ пустыни, а она жива, невредима, жена Джэкоба Делафильда—по крайней мѣрѣ, по имени.

Въ дверь постучали. Въ первый разъ Жюли не отвѣтила— ей казалось, что и это ей чудится, но стукъ повторился, и она машинально сказала: «Войдите!»

На порогѣ стоялъ Делафильдъ, со свѣчей въ рукѣ, заслоняя отъ нея свѣтъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами. Могу я войти? Я знаю, что вы не спите.

Это было въ первый разъ, что онъ вошелъ въ спальню своей жены. Не смотря на все горе Жюли, у нея какъ-то странно дрогнуло сердце, когда она увидѣла лицо своего мужа, ярко освѣщенное, въ этотъ поздній полуночный часъ. Затѣмъ волненіе перешло въ боль — боль новаго и остраго раскаянія.

Делафильдъ былъ, собственно говоря, года на три моложе Уоркворта, но Жюли показалось, что она видитъ передъ собой человѣка пожилого, преждевременно состарившагося. Онъ сталъ много старше и серьезнѣе даже со времени ихъ свадьбы, съ того памятнаго вечера на берегу Комо, когда, покоряясь нравственной силѣ, надъ которой онъ, казалось, самъ былъ не властенъ, воля ея сдалась, и она согласилась соединить свою судьбу съ его судьбой.

Она смотрѣла на него съ какимъ-то ужасомъ. Почему онъ такъ блѣденъ? Почему у него такое скорбное выраженіе лица? Вѣдь смерть Уоркворта не смертельный ударъ для *него*.

Онъ подошелъ ближе; Жюли все не могла свести съ него глазъ. Неужели это ея вина, что онъ такъ мраченъ, что на лицѣ его лежитъ печать нѣмой душевной борьбы и муки, съ которой не справиться даже его сильной молодости. Сердце ея въ первый моментъ возмутилось противъ подобнаго обвиненія, затѣмъ вдругъ смягчилось какимъ-то теплымъ чувствомъ—она сама не знала, какимъ.

Она приподнялась, сѣла въ постели и протянула ему обѣ руки. Ему вспомнился тотъ вечеръ въ Гериберть-стритѣ, послѣ ухода Уоркворта,

когда она была такъ грустна и покорна. Та же тоска, та же растерянность и тревога были въ ея позѣ теперь.

Онъ опустился на колѣни возлѣ кровати и обнялъ ее. Она обвилась руками вокругъ его шеи, спрятала лицо у него на плечѣ и тутъ только въ первый разъ заплакала.

— Онъ былъ такъ еще молодъ,—говорила она прерывающимся голосомъ,—такъ молодъ!

Делафильдъ нѣжно гладилъ ее по головѣ.

— Онъ умеръ, служа своей родинѣ,— выговорилъ онъ, съ трудомъ владѣя своимъ голосомъ. — И вы такъ горюете о немъ. Я не могу такъ ужъ сильно жалѣть его.

— Вы дурно думали о немъ, я знаю,—рыдая, говорила Жюли.— Но онъ не былъ—не былъ дурнымъ человѣкомъ.

Она откинулась на подушки; слезы градомъ катились по ея щекамъ.

Делафильдъ молча поцѣловалъ ея руку.

— Когда-нибудь я все вамъ скажу,—выговорила она прерывающимся голосомъ.

— Да, скажите. Намъ обоимъ будетъ легче.

— Я докажу вамъ, что онъ не былъ низкимъ человѣкомъ. Когда— когда онъ предложилъ мнѣ ту поѣздку, онъ былъ доведенъ до отчаянія. И я тоже. Развѣ онъ могъ взять назадъ свое слово? Вы сами видите, какъ она любила его. Но мы не могли такъ разойтись, проститься навѣки. Все это нахлынуло на насъ такъ неожиданно. Мы хотѣли принадлежать другъ другу всецѣло—только два дня—прежде чѣмъ разстаться навсегда. О! я все скажу вамъ...

— Скажите мнѣ все сейчасъ! — молвилъ онъ властно, ломая въ своихъ рукахъ ея нѣжныя руки и прижимая ихъ къ своей груди, такъ что она чувствовала біеніе его сердца.

— Отпустите мою руку. Я покажу вамъ письмо — его послѣднее письмо ко мнѣ.

И она, вся дрожа, вытащила изъ-подъ подушки его письмо, наскоро нацарапанное въ убогомъ отелѣ, близъ Gare de Sceaux.

Но не успѣла она передать его Делафильду, какъ ощутила въ душѣ приливъ новыхъ чувствъ, и ея поступокъ пересталъ казаться ей такимъ простымъ. Она защищала своего возлюбленнаго и себя передъ лицомъ друга, который только по имени былъ ея мужемъ. Это былъ крикъ души, мольба о сочувствіи—одного человѣка къ другому.

Но когда Делафильдъ взялъ письмо и началъ читать, у нея какъ-то странно, по другому, забилось сердце, и кровь застучала въ виски. Она вспомнила страстныя фразы, заключавшіяся въ письмѣ, и въ душѣ ея проснулись новыя страхи, новыя угрызенія.

Делафильдъ переживалъ также нестерпимо сложныя ощущенія. Ночное время, эта нѣжная интимность—естественная близость мужа и жены;

чувство близости Жюли, ея лица, волосъ, всего ея милаго тѣла—близости, которую онъ все время ощущалъ, какъ ни старался забыть объ этомъ; утонченное изящество этой женской спальни, невольно выдающее вкусы хозяйки; его полуправа на неё, и взывающія къ любви, и напоминающія о торжественномъ обязательствѣ, которое онъ взялъ на себя, чтобы завладѣть ею,—какой мужчина на его мѣстѣ не былъ бы глубоко смущенъ и взволнованъ?

Сердечная боль, естественные физическіе порывы, и рядомъ иные голоса—состраданія, самообузданія, великодушія, и еще голосъ, суровый и нѣжный голосъ религіи, болѣе всѣхъ властный надъ душой этого глубоко вѣрующаго человѣка.

Съ этой бурей въ душѣ онъ читалъ письмо, все еще не вставая съ колѣнъ и не выпуская ея руки. Жюли закрыла глаза и лежала тихо; только свободная рука ея по временамъ вздрагивала, отирая слезы, медленно струившіяся по ея щекамъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ, наконецъ, нетвердымъ голосомъ, кладя письмо на подушку,—благодарю васъ! Хорошо, что вы дали мнѣ прочесть это письмо. Оно совершенно мѣняетъ мое мнѣніе о немъ. Еслибъ онъ остался живъ...

— Но онъ умеръ! умеръ!—мучительно вскрикнула вдругъ Жюли, стараясь вырвать у него свою руку и пряча лицо въ подушки.—Умеръ какъ разъ тогда, когда ему такъ хотѣлось жить... О, Боже мой! Боже мой! Нѣтъ! Бога нѣтъ! Никто не жалѣетъ, никому нѣтъ дѣла...

Она вся тряслась отъ конвульсивныхъ рыданій. Делафильдъ утѣшалъ её, какъ могъ. Вдругъ она жалобнымъ жестомъ протянула руку и коснулась его лица.

— И вы тоже—что я съ вами сдѣлала? Какой у васъ ужасный видъ! Я приношу несчастье... Зачѣмъ вы только женились на мнѣ? Я не могу вырвать этого изъ своего сердца, не могу!

И она опять зарылась въ подушки. Делафильдъ нагнулся къ ней.

— Вы думаете, я такъ малодушенъ, что сталъ бы просить васъ объ этомъ?

Мигъ, и вся душа Жюли была уже полна мятежнымъ протестомъ. Отъ этихъ возвышенныхъ чувствъ на нее вдругъ повѣяло холодомъ. Будь онъ болѣе обыкновеннымъ человѣкомъ, болѣе доступнымъ слабости, страсти, эгоистически жалѣющимъ самого себя, онъ больше выигралъ бы въ ея глазахъ. Еслибъ боль его живой души, ускользнувъ изъ-подъ контроля разсудка, встала рядомъ съ властнымъ воспоминаніемъ о погибшемъ возлюбленномъ, Делафильдъ, можетъ быть, нашелъ бы въ своихъ объятіяхъ другую Жюли. Но такъ ея мужъ казался ей больше и меньше, чѣмъ человѣкомъ; она невольно преклонялась передъ нимъ, но ея мятежное сердце не лежало къ этому суровому аскетизму.

Когда, наконецъ, она сдержала слезы, онъ понялъ, что ей хочется

быть бдной, и чутьемъ угадалъ происшедшую въ ней реакцію. Съ невольнымъ тяжелымъ вздохомъ онъ поднялся съ мѣста. Она разслышала вздохъ, но не тронулась имъ; ей стало только непріятно.

— Можетъ быть, уснете немножко?

— Попробую, mon ami.

— Если сна не будетъ и вамъ захочется, чтобы я почиталъ вамъ, позовите меня, я буду въ сосѣдней комнатѣ.

Она слабо поблагодарила его, и онъ пошелъ, но отъ дверей вернулся обратно.

— Сегодня вечеромъ,—онъ колебался,—пока здѣсь были врачи, я сбѣгалъ въ Монтре кратчайшимъ путемъ и послалъ телеграмму. Консулъ въ Занзибарѣ мой старый пріятель. Я просилъ его сообщить подробности по телеграфу. Письма придутъ не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли.

— Я знаю. Вы очень, очень добры!

Часъ за часомъ сидѣлъ Делафильдъ въ своей комнатѣ въ ожиданіи зова, пока не занялась заря.

Къ его комнатѣ примыкалъ небольшой балкончикъ, и, выйдя на него въ четвертомъ часу утра, онъ очутился въ безмолвномъ обществѣ окутаннаго туманомъ озера, высокихъ горъ, розовѣвшихъ на восточной окраинѣ неба и лѣсистыхъ холмовъ, одинъ за другихъ выступавшихъ изъ тумана навстрѣчу утру. Все было такъ свѣжо, торжественно и пустынно—и широко раскинувшееся озеро, и ущелья ледниковъ, гдѣ залегли багряныя тѣни, и крутизны Нэйскихъ утесовъ, гдѣ сверкалъ на солнцѣ только что выпавшій снѣгъ, и прохладный вѣтеръ, несшійся изъ воротъ Италіи по извилистымъ закоулкамъ дивной долины, которая споконъ вѣковъ служила большой дорогой.

На всемъ озерѣ ни одной лодки; кругомъ ни голоса, ни звука; и луга, и виноградники были пустынны. Но инстинктъ, а также легкій шорохъ въ сосѣдней комнатѣ говорили ему, что Жюли не спитъ, какъ и онъ. Да и наверху слышны голоса и осторожные шаги сидѣлки. Бѣдная маленькая наслѣдница! она также бодрствуетъ, борясь со своимъ горемъ.

Странное чувство стыда, самоосужденія закрадывалось въ его сердце. Все это время онъ каждый день ложился съ тревогой и вставалъ съ горечью въ душѣ. Не было дня, съ тѣхъ поръ, какъ они пріѣхали въ Швейцарію, когда бы онъ, человѣкъ съ сильными отъ природы страстями, не заставлялъ себя взглянуть въ лицо жестокой правдѣ: онъ почти насильно женился на женщинѣ, которая никогда его не полюбитъ, сдѣлалъ ложный и непоправимый шагъ, послѣдствія котораго, по всей вѣроятности, окажутся гибельными для него и нестерпимыми для нея.

И все же, несмотря на грусть и мрачныя предчувствія, даже и въ

эту ночь, когда онъ мучительно завидовалъ мертвому, но все еще любимому Уорквортy, онъ не былъ безусловно несчастливъ. Таинственная сила, всегда живущая въ душѣ мистика и вливающая въ нее новую бодрость, не покидала его никогда, была съ нимъ и теперь, говорила съ нимъ таинственными переливами зари.

Такъ могъ ли онъ равняться съ Жюли, когда ему не дано было испытывать настоящее, острое, мучительное горе? На душѣ у него было какъ-то странно; онъ точно двоился. Онъ чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, защищенный въ борьбѣ волшебными доспѣхами, и совѣсть корила его, и ему хотѣлось сбросить съ себя заколдованное вооруженіе, чтобы быть такимъ же, какъ его братья, слабые, бьющіеся ощупью, во мракѣ. Но тутъ онъ вспоминалъ о томъ, чья рука укрыла его волшебнымъ щитомъ, и сердце его таяло отъ благоговѣйнаго умиленія.

«Другъ моей души и всего міра, сдѣлай меня твоимъ орудіемъ. Ты любовь, вѣщай моими устами, привлеки ко мнѣ ея сердце».

Наконецъ, убѣдившись, что ему не уснуть, и находя, что онъ думалъ достаточно, Делафильдъ вышелъ изъ гостинницы и росистыми лугами, гдѣ только что появились косцы, пробрался къ ручью Les Avants. Купанье совсѣмъ освѣжило его, и онъ вернулся домой полемъ, вдыхая ароматъ весеннихъ цвѣтовъ, настойчиво гоня отъ себя свои ночныя мысли и вмѣсто нихъ, заставляя себя думать объ организаціи мелкой аренды въ одномъ изъ помѣстій, принадлежавшихъ его кузену.

Спускаясь къ Шарнэ, онъ повстрѣчалъ почтальона и взялъ у него письма. Одно изъ нихъ было отъ герцога Чедлея и заключало въ себѣ грустныя вѣсти. Отецъ и сынъ возвратились въ Англію, и, благодаря сырой, холодной погодѣ, юный лордъ Эльмира, въ довершеніе всѣхъ своихъ бѣдъ, схватилъ еще воспаленіе легкихъ. Сама по себѣ форма была не тяжелая, и болѣзнь почти уже прошла. «Но эта новая болѣзнь страшно истощила его силы, а ты знаешь, много ли ихъ осталось. Не забывай его. Онъ постоянно думаетъ и говоритъ о тебѣ».

Делафильда потянуло домой, на родину. Но онъ зналъ, что Жюли будетъ чувствовать себя теперь трагически связанной съ Моффатами,— а развѣ онъ можетъ оставить ее? Онъ печально говорилъ себѣ, что ему нельзя рисковать единственнымъ шансомъ завоевать ея сердце. Отъ того, какъ онъ будетъ держать себя теперь, въ эту горькую для нея минуту, когда она оплакиваетъ Уорквортa, зависитъ, можетъ быть, все ихъ будущее.

Но и родные имѣли на него право. Ему мучительно тяжело было думать о герцогѣ и его бѣдномъ сынѣ, которые такъ трогательно-безпомощно цѣплялись за него. Джэкобъ зналъ, что герцогъ самъ неизлѣчимо боленъ. Надолго ли онъ переживетъ своего бѣднаго мальчика?

И тутъ Делафильда неожиданно захватила врасплохъ мысль, которой онъ такъ старательно и хитро избѣгалъ,—мысль объ ожидавшемъ

его колоссальномъ наслѣдствѣ и герцогскомъ титулѣ. У всякаго другого англичанина при этой мысли сильнѣе забилось бы сердце отъ естественной радости, но Делафильдъ ощущалъ только смутное предвкушеніе будущихъ мукъ. Въ этомъ отвращеніи къ титулу и богатству было, можетъ быть, что-то болѣзненное, что-то близкое къ «чудачествамъ» его отца, къ ханжеству и фанатизму его бабушки, вѣчно окруженной «цѣлой сворой поповъ», какъ выражался сэръ Уильфридъ. Эти странности, проявлявшіяся въ его предкахъ въ грубой и рѣзкой формѣ, въ немъ сказались переоцѣнкой всѣхъ цѣнностей, своеобразностью критерія, которую заурядный здравомыслящій англичанинъ назвалъ бы ханжествомъ или глупостью.

И однако, чувство, говорившее въ Делафильдѣ, не было ни тѣмъ, ни другимъ; у него была своя логика и своя исторія. Делафильдъ съ ранней юности былъ окруженъ преимуществами знатнаго имени и богатства. Они утратили для него обаяніе, а между тѣмъ, онъ видѣлъ какія тяжелыя обязанности они налагаютъ и какъ они безсильны дать самое необходимое для человѣка—здоровье и душевный покой. Да и какъ могъ бы онъ не понять этого, видя передъ собой печальную фигуру герцога и его обреченнаго смерти сына? Никакой пищи воображенію и поэтическому чувству Делафильдъ въ этомъ не находилъ. Въ традиціяхъ, несомнѣнно, есть что-то волнующее, но что завиднаго въ мысли, что будешь владѣть несмѣтнымъ количествомъ акровъ земли, такимъ множествомъ домовъ и новыхъ, и старыхъ, что во всѣхъ въ нихъ нѣтъ возможности жить, такой уймой денегъ, которой благоразумному человѣку во вѣкъ не истратить, и нести кучу обязательствъ, которыхъ не въ состояніи выполнить? Все это часто казалось Делафильду сущимъ бѣдствіемъ, тягостнымъ бременемъ—и только. И то, что законъ и обычай могутъ принудить его и когда-нибудь непремѣнно принудятъ возложить на себя это бремя, представлялось ему жестокой соціальной несправедливостью.

Ко всему этому примѣшивалось еще его страстное поклоненіе демократіи духа. Возсѣдать на тронѣ, словно какое-то божество, окруженное купленными знаками уваженія близкихъ, и обладать могуществомъ, съ которымъ не знаешь, что дѣлать—это вызывало въ Делафильдѣ такой же презрительный протестъ, какъ и въ святомъ Францискѣ. Въ его душѣ непрестанно звучали слова святого: «Пусть никто не называетъ тебя господиномъ!»

Всѣ эти привычныя мысли, кружившіяся въ умѣ Делафильда въ то время, какъ онъ шелъ по улицѣ Шантрэ, время отъ времени пронизывала новая острая мысль—о Жюли! Зналъ ли онъ, пытался ли онъ узнать, какъ она смотритъ на это будущее, предстоящее ему? Нѣтъ, у него не хватало духу. Она пробовала зондировать его на этотъ счетъ, но сама не высказывалась.

Въ то время, когда Жюли жила у леди Генри, Делафильдъ нерѣдко

замѣчалъ въ ней пристрастіе къ высокому званію и богатству. Вначалѣ это казалось ему естественнымъ въ женщинѣ романтизмомъ; потомъ онъ объяснялъ это себѣ иначе, приводя это въ связь съ ея усиліями помочь Уорквортy.

Но что, если онъ въ концѣ концовъ убѣдится, что это и есть цѣль, къ которой она стремилась, что въ этомъ и заключается ея награда? Она согласилась выйти замужъ безъ любви и потеряла возлюбленнаго, но герцогскій титулъ вознаградитъ ее за все. Онъ зналъ, что такъ чувствовали бы на ея мѣстѣ девять женщинъ изъ десяти. Но одна мысль что Жюли можетъ быть такова же, сводила его съ ума. Такъ значитъ онъ всегда останется для нея только символомъ низменныхъ удовольствій и выгодъ, а сердце ея попрежнему будетъ принадлежать Уорквортy?

Нѣтъ! не можетъ быть!

Онъ даже остановился, чтобы крѣпче запечатлѣть въ себѣ этотъ радостный и самодовольный отвѣтъ. Такъ не можетъ быть. Вѣдь она отказала ему дважды, зная его обстоятельства и его виды на будущее. Въ эту минуту онъ вдвойнѣ обожалъ ее за ея прежніе отказы.

Ровно черезъ двадцать четыре часа Делафильдъ получилъ отвѣтную телеграмму отъ своего пріятеля изъ Занзибара. Она повторяла то, что уже было напечатано въ англійскихъ газетахъ съ добавленіемъ извѣстія, что Делафильдъ похороненъ вблизи одной деревни на пути каравановъ въ Мокембе и что на его могилѣ поставленъ знакъ. Телеграмма заканчивалась словами: «Славный юноша. Не повезло. Всѣ здѣсь очень огорчены».

За эти слова Делафильдъ былъ неожиданно награжденъ взоромъ горячей признательности, сверкнувшей въ темныхъ впалыхъ глазахъ Жюли. Она сжала его руку и прильнула лицомъ къ его плечу.

Леди Бланшъ тоже поплакала надъ телеграммой, восклицая, что она всегда вѣрила въ Генри Уорквортa и что теперь сплетники въ Симлѣ, такъ усердно чесавшіе языки насчетъ его и Эйлинъ, можетъ быть устыдятся.

Къ великому неудовольствію Делафильда, она вылила на него потокъ откровенностей, которыхъ онъ предпочелъ бы избѣжать. Онъ принесъ ей телеграмму въ ея гостиную. Въ комнатѣ рядомъ лежала Эйлинъ, по словамъ ея матери, еще совсѣмъ больная, почти безъ языка. Делафильдъ только дивился, какъ мать, рядомъ съ такой трагедіей, находитъ возможнымъ разсказывать исторію дочери сравнительно чужому человѣку. Леди Бланшъ представилась ему неуравновѣшенной и глупой женщиной, игрушкой — съ одной стороны, смутной зависти и антипатій, съ другой—романическаго и сентиментальнаго темперамента, кичащагося своимъ презрѣніемъ къ «свѣту»,—подъ которымъ подразумѣвалось, въ сущности, самое обыкновенное благоразуміе.

Она съ перваго же дня вдовства жаловалась на опекуновъ своей

дочери, ревнуя къ тому, что не ей предоставлено закономъ распоряжаться деньгами и судьбою Эйлинъ, и въ душѣ рѣшила все дѣлать по своему. Своенравіе и причуды отца, принявшія такую красивую и странную форму въ Розѣ Деланэй, утратили всякую привлекательность въ болѣе мелкой, эгоистичной и преданной условностямъ леди Бланшъ.

А впрочемъ, по своему она была добра. Она ни въ чемъ не могла отказать Эйлинъ. Она легко способна была расчувствоваться надъ любовной исторіей. И когда Уорквортъ сталъ ухаживать за ея дочерью съ пылкостью, которая испугала бы всякую осторожную мать, и робкая, прелестная восемнадцатилѣтняя дѣвочка сдѣлалась предметомъ разговоровъ всей Симлы, леди Бланшъ, купленная лестью Уорквортъ, всей душой встала на сторону Эйлинъ и противъ ея гадкихъ опекуновъ.

Бѣдная женщина! Она была жестоко наказана за свое легкомысліе. Съ удивленіемъ и ужасомъ замѣтила она, какъ властно овладѣла страсть нѣжной и хрупкой дѣвичьей душой. Ея маленькая дочка, такая невинная, нѣжная, дѣвственно чистая, обнаружила способность любить, всецѣло отдаваясь чувству, какая рѣдко встрѣчается въ наше время.

Она жила и дышала только Уорквортомъ. Ея здоровье, всегда хрупкое, сильно пострадало отъ ихъ разлуки. Она стала худенькой и воздушной, какъ видѣніе, — настоящей «кисейной барышней». Обычный строй ея жизни, общество и путешествія утратили для нея всякую привлекательность; она тяготилась этой жизнью и выносила ее съ отвращеніемъ, что уже само по себѣ подрывало ея жизненныя силы. Мать страшно встревожилась и сейчасъ же пошла на уступки, — разрѣшила Эйлинъ переписываться съ женихомъ, по секрету отъ опекуновъ. Но каждое письмо несло съ собой волненія, которыя ураганомъ врывались въ душу этого полуребенка и, казалось, подкашивали у корня молодую жизнь. А тамъ явился дифтеритъ съ его ядовитымъ воздѣйствіемъ на уже разстроенную нервную систему.

И тутъ на огорченную мать, какъ громъ, свалилось извѣстіе, что Уорквортъ, съ которымъ она сама регулярно переписывалась, которому Эйлинъ и съ одра болѣзни посылала маленькія записочки карандашемъ, предназначенныя утѣшить тоскующаго влюбленнаго, — что Уорквортъ спутался въ Лондонѣ съ другой — какой-то миссъ Ле-Бретонъ, безъ роду и племени, платной компаньонкой леди Генри, но красивой, беззастѣнчивой и ловкой интриганкой, — именно такой женщиной, которая, какъ коршунъ, способна была вырвать кусокъ изо рта ея бѣдной голубки.

Письмо Эмили Лауренсъ, писанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ вечера, проведеннаго въ домѣ герцогини Кроуборо, подняло бурю тоски и тревоги въ материнской груди. Леди Бланшъ посмотрѣла на дочь, которая лежала въ постели, откинувшись на подушки, блажен-

но сжимая въ своихъ худенькихъ ручкахъ письма Уоркворта, и ничего не сказала, но сейчасъ же сѣла писать измѣннику.

Измѣнникъ отвѣтилъ съ первой же почтой. Онъ защищался, оправдывался, умолялъ не обращать вниманія на сплетни. Миссъ Ле-Бретонъ—его другъ, который трудится на пользу столько же его, сколько и Эйлинъ. Своимъ теперешнимъ назначеніемъ, которое должно такъ быстро двинуть впередъ его служебную карьеру, онъ обязанъ въ значительной степени вліянію миссъ Ле-Бретонъ. Въ то же время онъ совѣтовалъ леди Бланшъ не доводить до свѣдѣнія Эйлинъ не только глупыхъ сплетенъ, но даже и этого правдиваго и невиннаго факта его дружескихъ отношеній съ миссъ Ле-Бретонъ. Нельзя предвидѣть, какъ она отнесется къ этому, — молоденькія дѣвушки такія фантазерки,—лучше онъ самъ ей разскажетъ современемъ.

Лэди Бланшъ пришлось удовольствоваться этимъ. Вѣсть о командировкѣ Уоркворта въ Мокембе сыграла видную роль въ выздоровленіи Эйлинъ. Дѣвушка ликовала, радовалась день и ночь и писала ангельскія письма жениху.

Мать слѣдила за ней съ самыми противоположными чувствами. Что касается отвѣтовъ Уоркворта, которые иногда ей показывались, леди Бланшъ, въ дѣвицахъ весьма увлекавшаяся и героиня многихъ романовъ, втайнѣ находила, что любовныя письма мужчинъ стали теперь очень блѣдны и жалки, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ писали встарину.

Но Эйлинъ была болѣе, чѣмъ довольна ими. Какъ онъ, должно быть, занятъ, бѣдняжка! — и какими все важными дѣлами! Бѣдный, милый! Какъ онъ добръ, что находитъ время вспомнить о ней, черкнуть ей словечко!

И вотъ, леди Бланшъ видѣла свою дочь сломанной, разбитой, искалѣченной раньше, чѣмъ она, въ сущности, начала жить. Ея материнское горе было очень искренно и должно было бы быть трогательнымъ. Но она была не изъ тѣхъ, кто внушаетъ участіе. Вся ея наружность—глаза съ красными вѣками, растрепанные волосы, непріятная манера сопѣть носомъ, въ соединеніи съ отсутствіемъ достоинства и сдержанности въ ея манерахъ, возбуждали скорѣе нетерпѣніе, чѣмъ сочувствіе.

«А мама такъ любила ее!» говорила себѣ иногда Жюли, вспоминая немного дикую грацію и оригинальную красоту своей матери и сопоставляя ихъ съ неуклюжей распущенной фигурой ея сестры, оставшейся знатной леди.

Леди Бланшъ, въ свою очередь, зорко слѣдила за своей неожиданно обрѣтенной племянницей, вспоминая исторію, разсказанную ей братьями, и стараясь припомнить сестру, которую она потеряла, когда сама была почти еще дѣвочкой. И тутъ же рядомъ ей вспоминалось письмо Эмили Лауренсъ и разные дошедшіе до нея слухи объ отношеніяхъ Жюли и Уоркворта.

Что у нея теперь на умѣ—у этой женщины? Лицо блѣдное, взглядъ трагическій. Но какое право имѣетъ она горевать? Или она представляется грустной для того, чтобъ ее жалѣли?

Джэкобъ Делафильдъ былъ такъ глупъ, что женился на ней, а теперь еще судьба, чего добраго, сдѣлаетъ ее герцогиней. Кому не надо, тѣмъ везетъ,—это ужъ всегда такъ!

Иногда въ памяти леди Бланшъ неожиданно вставалъ образъ ея черноглазой сестры Розы, ихъ дѣтскія прогулки въ колясочкѣ, запряженной пони, вспоминалось, какъ Роза учила ее, какъ она обожала Розу и какъ потомъ словно черная пелена забвенія и осужденія спустилась и закрыла Розу и все относившееся къ ней.

Но дочь Розы! О ней можно сказать только одно: изъ нея вышло то, что и должно было выйти при такихъ условіяхъ — жеманница, кривляка! На этотъ счетъ у ея тетки не было никакихъ сомнѣній. А ея бѣдняжка Эйлинъ такъ привязалась къ этой женщинѣ, не выпускаетъ ея руки изъ своей, такъ ласково смотритъ своими грустными кроткими глазками на эту интриганку, которая хотѣла отнять у ней милаго!

Что такое сталось съ дѣвочкой? Письмо Уорквортa да общество Жюли—больше ей, кажется, ничего и не нужно!

И вотъ, наконецъ, когда ужъ на дворѣ блисталъ іюнь, и торжествующее лѣто прогнало жалкую весну, когда луга были полны красокъ и благоуханій, и ясныя горы на ясномъ небѣ и на зарѣ, и въ полдень, и ночью дышали вѣчно новой и неувядаемой красотой, бѣдная исхудалая больная посмотрѣла прямо въ глаза Жюли и безъ слезъ разсказала ей свою исторію:

— Это его письма — потомъ какъ-нибудь я вамъ прочту ихъ;—а это его портретъ. Я знаю, вы встрѣчались съ нимъ у леди Генри. Онъ упоминалъ о васъ въ письмахъ. Пожалуйста, раскажите мнѣ все.—Вы часто видѣли его?—что онъ вамъ говорилъ? Вы видите—я уже поправляюсь—я все могу перенести!

Эти двѣ недѣли ожиданія писемъ изъ Африки и выздоровленія Эйлинъ страшно трудно доставались Делафильду; и мозгъ, и нервы его были напряжены до послѣдней степени. Все его вниманіе было поглощено Жюли и его отношеніями къ ней.

Прежде всего онъ видѣлъ, что она не можетъ свободно отдаться своему горю, должна глушить, таить въ себѣ свою тоску, мучительную нѣжность и жалость, томившія ея душу. Онѣ были бы оскорбленіемъ для леди Бланшъ и жестокой неожиданностью для Эйлинъ. Вся душевная жизнь Жюли сосредоточилась въ данный моментъ на ея дружбѣ съ новоявленной кузиной. Эта слабенькая хрупкая дѣвушка чуть не умерла отъ того, что смерть отняла у нея жениха. А Уорквортъ и не

любилъ, и не стоилъ ея; Жюли знала, что онъ ѣхалъ въ Африку и шелъ навстрѣчу смерти съ другимъ образомъ въ сердцѣ.

Въ этомъ была постоянная, непоправимая жестокость, и Жюли не могла не испытывать угрызеній. День за днемъ нѣжность льнувшей къ ней дѣвушки глубже захватывала ея сердце, и тѣмъ больнѣй колола её мысль, что между ними всегда будетъ перегородка и тайна, которой нельзя раскрыть безъ того, чтобы Эйлинъ не отшатнулась въ ужасѣ.

Это былъ новый видъ нравственной муки для человѣка, который до тѣхъ поръ жилъ лишь умомъ и страстью. До извѣстной степени это отодвигало на второй планъ даже ея скорбь объ Уорквортѣ и безумную жалость къ его грустной участи. Подъ вліяніемъ вѣчнаго страха, какъ бы больная не разгадала и не возненавидѣла её, горе Жюли незамѣтно утратило свою первоначальную остроту.

Волнуемая въ глубинѣ души этими тайными чувствами Жюли была все время блѣдна и молчалива, но никогда еще ея врожденная грація такъ не бросалась въ глаза. Всѣ обитатели маленькаго пансіона, хозяева, прислуга, посѣтители, чувствовали какой-то романическій трепетъ въ ея присутствіи. Леди Бланшъ, растерянная, любопытная и надоѣдливая, возбуждала нетерпѣніе или скуку; ея горе никого не трогало. Но Жюли всѣ въ глаза смотрѣли, всѣ кидались исполнять ея порученія.

А когда день приходилъ къ концу, наступала очередь Делафильда. Жюли страдала безсонницей, и онъ мало-по-малу присвоилъ себѣ право читать ей вслухъ и развлекать её разговоромъ. Это были очень интимныя и очень странныя отношенія. Онъ случался къ ней въ спальню, входилъ и заставалъ ее на кушеткѣ, печальной, нерѣдко въ слезахъ, съ распущенными по плечамъ черными волосами. Съ внѣшней стороны ихъ отношенія были очень церемонны, даже далеки; внутренно каждый испытывалъ другого, и въ отношеніи Жюли къ Делафильду было теперь больше неувѣренности, больше волненія и какая-то новая для нея робость, какая-то трепетная почтительность. Въ прежніе дни, когда Жюли, съ ея начитанностью и успѣхами въ свѣтѣ, была центромъ ихъ маленькаго кружка, когда всѣ восхищались ею и льстили ей, Делафильдъ чувствовалъ себя рядомъ съ ней неуклюжимъ, топорнымъ, и это сковывало его уста. Ея превосходство было такъ естественно, и она всегда была милостивой владычицей; и онъ самъ любилъ подчеркивать это ея превосходство, выдвигать его, считать его вполнѣ законнымъ.

Но роли ихъ незамѣтно перемѣнились.

— Вы судья!—вы всегда судите! — сказала она однажды съ нетерпѣніемъ. И теперь она все время подстерегала, старалась угадать эти его внутренніе приговоры надъ жизнью и людьми. Они безконечно интриговали ее, дразнили ея любопытство. Она старалась вырвать ихъ у него изъ души, а когда ей это удавалось, она часто отшатывалась, какъ бы обиженная.

Онъ, съ своей стороны, чѣмъ ближе узнавалъ эту странную натуру, тѣмъ больше дивился ей — ея неровности и причудамъ, ея блестящимъ способностямъ и полному отсутствію въ ней устоевъ или плана жизни. Ею очень долго руководили ея общественные инстинкты, потомъ—страсть. Но при всемъ томъ, что за женщина! сколько въ ней обаянія! Эти поэтическіе жесты и взгляды, эта меланхолически-граціозная манера обращенія непрерывно восхищали его. А какъ она очаровательна теперь, въ этой позѣ ребенка, который льнетъ къ вамъ, заглядываетъ вамъ въ лицо, ждетъ отъ васъ совѣта, помощи и руководительства!

Ея близость опьяняла его, и съ каждымъ днемъ все сильнѣе. По временамъ наступала реакція — оба предвидѣли, что такія отношенія могутъ привести къ нравственной тиранніи и инстинктивно отступали...

Однажды ночью Жюли была особенно нервна и загадочна. Она молчала, и Делафильдъ не могъ опредѣлить, что собственно съ ней творится. Это было нѣсколько дней спустя послѣ ихъ разговора объ Уоркворѣ. Делафильдъ неожиданно сжалъ ея руку и почти грубо напомнилъ ей ея обѣщаніе все разсказать ему.

Она отнѣкивалась, но его взглядъ и голосъ были властны, а душевная мука искала выхода. Она покорно начала свой разсказъ тихимъ журчащимъ голосомъ, перебирая прошлое—зиму въ Брутонъ-стритѣ, первые слухи о помолвкѣ Уоркворта съ Эйлинъ Моффатъ; ея хлопоты объ Уоркворѣ, злополучный вечеръ, приведшій къ ея изгнанію, душевную борьбу, пережитую ими обоими, безумный планъ, неожиданно мелькнувшій въ его умѣ во время прощальнаго свиданія, поѣздка въ Парижъ...

Въ ея рѣчахъ звучало волненіе, скорбь и меньше всего—раскаяніе. На Делафильда это производило странное впечатлѣніе. Ему становилось все яснѣе, что онъ посланъ былъ свыше спасти ее.

Вдругъ она оборвала свой разсказъ.

— Я знаю, что вы не можете найти оправданія всему этому!

— Могу. Всему, кромѣ одного,—былъ тихій отвѣтъ.

Она вздрогнула, не спуская глазъ съ его лица.

— Этой бѣдной дѣвочки,—докончилъ онъ шепотомъ.

Жюли жалобно смотрѣла на него. Онъ поднесъ ея руку къ губамъ.

— Понимали ли вы, что дѣлали?

— Нѣтъ, нѣтъ! Откуда же мнѣ было знать? Мнѣ она представлялась совсѣмъ другой, я никогда не видала ея...

Она остановилась, пытливо глядя на него сквозь слезы широко раскрытыми глазами, словно умоляя его подсказать ей оправданіе.

Но онъ тихонько покачалъ головой.

Она вдругъ зарыдала и судорожно прижалась лицомъ къ его рукамъ, какъ человѣкъ, который уже не проситъ и не защищается, но всецѣло ввѣряетъ себя милосердію судьи.

Онъ нѣжно попросилъ ее простить его, если онъ обидѣлъ ее, но не позволилъ себѣ ни одной ласки. Внѣшнія проявленія самыхъ прекрасныхъ и острыхъ моментовъ жизни просты и строги.

Глава XXIV.

— Вы встревожены? Вы получили непріятныя извѣстія?

Голосъ, произнесшій эти слова, принадлежалъ Жюли. Делафильдъ стоялъ какъ бы въ задумчивости, въ самомъ концѣ невысокой террасы возлѣ отеля. Тѣмъ не менѣе онъ сразу разслышалъ въ ея голосѣ сочувствіе и тревогу.

— Боюсь, что мнѣ придется покинуть васъ сегодня вечеромъ,— отвѣтилъ онъ, поворачиваясь къ ней и протягивая ей письмо.

Въ немъ было нѣсколько наскоро набросанныхъ строкъ отъ герцога Чёдлея.

«Доктора говорятъ, что этого мой мальчикъ не вынесетъ. Онъ мужественно боролся, но это выше его силъ. Недѣлю или двѣ, не больше. Попроси м-рсъ Делафильдъ отпустить тебя. Она позволитъ, я знаю, она прислала мнѣ такое милое письмо. Мервинъ все время говоритъ о тебѣ, еслибъ ты слышалъ его, ты бы непремѣнно пріѣхалъ. Страшно, до какой степени все это жестоко! Съумѣю ли я жить безъ него, вотъ главное».

— Конечно, надо ѣхать,—сказала Жюли, возвращая письмо.

— Сегодня же вечеромъ, если вы разрѣшите.

— Само собой. Вы должны.

— Мнѣ страшно непріятно оставлять васъ одну, у васъ на рукахъ столько хлопотъ. Что вы думаете дѣлать?

— Я могу пріѣхать къ вамъ на будущей недѣлѣ. Эйлинъ сегодня уже сойдетъ внизъ. И потомъ я хотѣла бы дождаться здѣсь почты.

— Она будетъ здѣсь дней черезъ пять.

Наступила пауза. Жюли опустилась въ кресло возлѣ балюстрады и смотрѣла вдаль, на озеро. Онъ думалъ: «Что ей почта? Неужели она думаетъ, что онъ ей писалъ?»

Вслухъ онъ спросилъ нѣсколько смущенно:

— Вы ждете писемъ для себя?

Она не сразу отвѣтила.

— Я ничего не жду. Но Эйлинъ живетъ только надеждой получить письмо.

— Она можетъ ничего не получить, кромѣ своихъ собственныхъ писемъ, бѣдняжка!

— Она это знаетъ. Но все-таки она живетъ надеждой.

«А ты?» съ тоской думалъ Делафильдъ, глядя на ея блѣдный профиль. Онъ почувствовалъ вдругъ нестерпимую обиду. Неужели же въ душѣ Жюли вѣчно будетъ противоставлять живому мужу мертваго

возлюбленнаго, причемъ послѣднему всегда будетъ доставаться выигрышная роль?

Но онъ поспѣшилъ отогнать отъ себя эти низкія мысли и полный раскаянія, какъ бы мысленно обнажилъ голову передъ умершимъ.

— Проѣздомъ черезъ Лондонъ, я побываю въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ,—шепнулъ онъ ей...—Тамъ должны быть письма. Все, что узнаю, сообщу вамъ сейчасъ же.

— Благодарю васъ, mon ami,—выговорила она почти беззвучно.

Потомъ посмотрѣла на него, и онъ былъ пораженъ выраженіемъ ея глазъ. Онъ ожидалъ увидѣть горе, они сверкали робкимъ оживленіемъ.

— Пишите мнѣ часто!—сказала она повелительно.

— Само собой. Но вы не утруждайте себя отвѣтами. У васъ тутъ полны руки дѣла.

Она сдвинула брови.

— Не утруждайте себя! Зачѣмъ вы меня такъ балуете? Просите, требуйте, чтобъ я писала!

Онъ улыбнулся.

— Ну, хорошо. Я прошу, я требую!

Она глубоко вздохнула и медленно пошла отъ него по направленію къ дому.

Если въ тайныхъ помыслахъ ея и былъ антагонизмъ, то, несомнѣнно, больше не было ужъ ни холодности, ни критическаго отношенія. Ибо помыслы эти неслись къ человѣку, который не только былъ господиномъ собственной жизни, но неожиданно угрожалъ сдѣлаться и ея господиномъ.

Вначалѣ она тѣшила себя мыслью объ отношеніяхъ, хотя и не похожихъ на обычныя супружескія отношенія, но все же включающихъ значительную долю интимности и тонкостей любви. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше занимали ее и приковывали ея вниманіе неожиданно раскрывавшіяся стороны его характера. Онъ оказывался вовсе не святымъ. Умная и проницательная Жюли скоро подмѣтила въ немъ слѣды упрямаго и раздражительнаго характера, а также врожденной инертности, съ которой постоянно боролась и побѣждала ее духовная энергія его второго, позднѣе развившагося «Я». И вотъ это-то второе «Я», его жизнь и поступки Жюли наблюдала неотступно, то затаивъ дыханіе отъ восторга, то съ возвратомъ прежняго страха. Что человѣкъ можетъ не только казаться, но на самомъ дѣлѣ быть такимъ хорошимъ—это все еще представлялось ей немного нелѣпымъ. Быть можетъ, въ ней говорилъ въ данномъ случаѣ просто прирожденный скептицизмъ. «Слѣдуетъ внимать голосамъ свыше, но такъ, чтобы, если бы оказалась вѣрной другая гипотеза, мы были бы не слишкомъ ужъ одурачены!»

Она охотно выискивала въ немъ раздражавшіе ее предразсудки и

суевѣрія. И все же Делафильдъ безсознательно притягивалъ её къ себѣ, какъ птицеловъ приманиваетъ порхающую птичку. Благородство его стремленій, необычайная утонченность его духовнаго склада плѣняли не только ея сердце, но—что для Жюли было очень важно—и ея вкусъ, ея собственную тщательно подавляемую склонность ко всему рѣдкому и прекрасному.

Она признавала, что въ нѣкоторыхъ сферахъ духовной жизни онъ выше ея. Ну и пусть въ этомъ руководитъ, даже, если ему угодно, повелѣваетъ ею. Она будетъ сидѣть у его ногъ, а онъ открывать ей новыя, доселѣ невѣдомыя ей области чувства, восторговъ и тончайшихъ оттѣнковъ нравственныхъ ощущеній.

Понемногу скука, вызванная реакціей и удручавшая её въ первыя недѣли ея супружеской жизни, совершенно исчезла. Делафильдъ уже не казался ей угрюмымъ педантомъ. Приступы нестерпимой душевной боли и жалости къ мертвому смѣнялись у нея теперь минутами волненія и ожиданія, относившихся къ живому, ея мужу. Она думала объ ихъ свиданіи и бесѣдахъ ночью наканунѣ и съ волненіемъ ждала новаго вечера, новой встрѣчи.

Между тѣмъ въ его отношеніи къ ней было еще много наивнаго невѣжества и смиренія. Какъ настоящему большому человѣку, ему и въ голову не приходило ни въ мелочахъ ни въ крупномъ приписывать себѣ вкусы и знанія, которыми онъ не обладалъ. Но это только придавало еще болѣе цѣны его рѣчамъ, когда разговоръ переходилъ на такія темы, гдѣ онъ чувствовалъ себя, какъ дома, и опять-таки безсознательно давалъ ей почувствовать всю возвышенность его нравственной и умственной жизни. И эти контрасты слабости и силы, въ связи съ сознаніемъ разницы половъ, всегда присущимъ такого рода положеніямъ, создавали очень разнообразную и постепенно обостряющуюся игру чувства, возможную, безъ сомнѣнія, только для raffinés этого міра, но для такихъ раффинированныхъ натуръ полную страннаго обаянія и даже волненія.

Передъ вечеромъ Делафильдъ уѣхалъ въ Монтрё, а оттуда въ Лозанну и Лондонъ. Прощаясь съ женой, онъ нагнулся поцѣловать её, и какъ только лицо Жюли коснулось его лица, сильныя руки охватили её и смяли въ жадномъ объятіи. Когда онъ выпустилъ её, краснѣя и бормоча что-то въ родѣ извиненія, она покачала головой и грустно улыбнулась, но ничего не сказала. Только, когда дверь захлопнулась, она, словно разбуженная этимъ звукомъ, побѣжала вслѣдъ за нимъ.

— Джэкобъ! возьмите меня съ собой!

Но ея голосъ замеръ въ трескѣ и грохотѣ отъѣзжавшаго дилижанса, и она осталась одна у дверей, вся дрожа подъ наплывомъ противоположныхъ ощущеній, которыя, казалось, то возвышали, то унижали её.

Полчаса спустя послѣ отъѣзда Делафильда на террасѣ появилась

исхудалая фигурка Эйлинъ Моффатъ въ черномъ платьѣ и шляпкѣ. Она едва держалась на ногахъ и цѣплялась за руку матери, но не захотѣла лечь въ кресло-качалку, нарочно приготовленное для нея, съ разложенными на немъ плэдами и подушками.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте!—И она сѣла на простой стулъ, обводя террасу и озеро внимательнымъ, пристальнымъ взглядомъ, словно что-то припоминая. И вдругъ склонила голову на руки.

— Эйлинъ!—вскрикнула леди Бланшъ, бросаясь къ ней.

Но дѣвушка отстранила ее.

— Оставь мама, мнѣ хорошо.

Она овладѣла собой, подавила волненіе и, опершись руками на балюстраду, долго и кротко смотрѣла въ пурпурную глубь и мерцающіе вдали снѣга Ронской долины. Шляпа давила ей голову, и Эйлинъ сняла ее, обнаруживъ всю роскошь своихъ свѣтло-золотистыхъ волосъ, матовыхъ, безъ блеска, словно отмѣченныхъ той же печатью физическаго страданія и утраты, какъ и все ея существо.

Лицо ея было лицомъ существа, обреченнаго гибели и утратившаго способность бороться, за право жить. Прежняя чувствительность перешла въ меланхолію; складочка между бровями врѣзалась глубже, блѣдныя губы были плотно сжаты. И все же минутами въ ней было столько обаятельной ласки,—послѣднее усиліе прекрасной души, созданной для счастья и увядшей до времени.

Жюли стояла возлѣ нея. Улучивъ минутку, когда леди Бланшъ вышла въ салонъ за книгой, бѣдная дѣвочка взяла ее за руку.

— Очень возможно, что письмо придетъ сегодня вечеромъ,—торопливо шепнула она.—Моя горничная пошла въ Монтрё. Тамъ есть на почтѣ одинъ такой славный служащій. Онъ умный, онъ все знаетъ. Онъ говоритъ, что это можетъ быть сегодня вечеромъ.

— Только не огорчайтесь очень, если ничего не будетъ,—сказала Жюли, гладя ея ручку, такую тоненькую, холодную и безжизненную. Ей стало жутко отъ этого ледянаго прикосновенія. Какъ легко могло это крушеніе силъ и здоровья стать дѣломъ ея рукъ!

Колокола въ Монтре пробили половину седьмого. Въ каждомъ движеніи больной сквозило нетерпѣливое мучительное ожиданіе. Она не могла больше сидѣть на мѣстѣ и прохаживалась по террасѣ, опираясь на руку Жюли. Ея медлительная поступь, траурный цвѣтъ ея одеждъ борьба между молодостью и смертью въ обострившихся чертахъ ея лица придавали трагическій оттѣнокъ ея хрупкой красотѣ. Жюли мучительно больно было смотрѣть на нее; и въ то же время она сама втайнѣ съ замираніемъ сердца ждала послѣдняго привѣта Уорквортa.

Какъ только леди Бланшъ вернулась, она поспѣшила уйти, вышла черезъ корридоръ отеля на улицу и направилась по дорогѣ въ Монтре. Почта уже въѣзжала въ деревню, и почтальонъ, знавшій ее, охотно отдалъ ей письма.

Да! пакетъ для Эйлинъ, надписанный неизвѣстной рукой, адресованный въ Лондонъ и пересланный сюда. На маркѣ стояло: «Денга».

Другое письмо было на ея имя, изъ Лондона, съ адресомъ, писаннымъ рукою мадамъ Борнье. Жюли разорвала конвертъ; внутри былъ другой и на немъ выведенный слабѣющей рукою Уорквортa адресъ: «Mademoiselle Ле-Бретонъ, 3, Гериберть-стритъ, Лондонъ».

У нея хватило силы снести письмо въ свою комнату, позвать горничную Эйлинъ и съ нею отослать другой пакетъ леди Бланшъ. Затѣмъ она заперлась на ключъ...

О! этотъ бѣдный измятый листокъ, съ трудомъ выведенныя буквы...

«Жюли, я умираю. Всѣ здѣсь такіе добрые, но они не могутъ спасти меня. Это ужасно...

«Я прочелъ о вашей помолвкѣ въ газетѣ наканунѣ отъѣзда изъ Денги. Вы правильно разсудили. Онъ сдѣлаетъ васъ счастливой. Скажите это ему отъ меня. О! Боже мой, я никогда больше не потревожу васъ. Благословляю васъ за ваше письмо. Вотъ оно... Нѣтъ... не могу... не могу прочесть. Все спать хочется... Боли нѣтъ...»

Здѣсь очевидно перо выпало у него изъ рукъ. Она стала искать въ конвертѣ продолженія и вынула свое собственное, безумное и страстное письмо, писанное въ Гериберть-стритъ, раннимъ утромъ, въ ожиданіи Делафильда съ вѣстями объ умирающемъ лордѣ Лэкинтонѣ.

За маленькимъ табльд'отомъ отеля въ этотъ день сидѣло еще меньше обыкновеннаго. Леди Бланшъ обѣдала съ больной дочерью; м-рсъ Делафильдъ тоже не вышла.

Но когда надъ озеромъ выплылъ мѣсяцъ, Жюли, не въ силахъ больше оставаться въ своей комнатѣ, наединѣ съ своими мыслями, накинувъ на голову кружевной шарфъ, пошла бродить куда глаза глядятъ, по крутымъ тропинкамъ, ведущимъ къ Les Avants. Тропинки и озеро въ лунномъ свѣтѣ казались серебряными; только на восточный конецъ его ложилась наискось тѣнь отъ сосѣднихъ горъ и неожиданно бѣлѣли межъ сосновыхъ стволовъ снѣговыя вершины.

Ночной воздухъ охлаждалъ ея пылающій лобъ, глубокая ночная тишина лила бальзамъ въ ея измученное сердце; острая боль понемногу стихала. Время отъ времени она присаживалась отдохнуть и видѣла сны наяву. Ей представлялось, что она поддерживаетъ въ своихъ объятіяхъ умирающаго Уорквортa, голова его покоится у нея на груди; она шепчетъ ему на ухо слова любви и ободренія. Но она не была Жюли Ле Бретонъ! И среди этихъ мучительныхъ грезъ, доходившихъ до полной иллюзіи ощущеній, она не забывала, что она жена Делафильда. И въ потокѣ беззвучныхъ рѣчей, которыми она, чудилось ей, тѣшила умирающаго, она какъ будто предлагала ему состраданіе и участіе не только отъ себя, но и отъ Джэкоба.

Одинъ разъ, опомнившись, она замѣтила, что сидитъ на краю луга.

Цвѣты кругомъ пахли такъ сильно, что даже трудно было дышать. Сквозь выбѣленные стволы яблонь далеко внизу блестѣло озеро. Лунный свѣтъ игралъ на стѣнахъ Шильона и домовъ Монтре; напротивъ густые лѣса Буврэ и св. Жингольфа бросали на озеро черную тѣнь; надъ ними плылъ мѣсяцъ. А на востокѣ высокія Альпы, съ ихъ чистыми очертаніями, слегка стушевывавшимися въ этомъ свѣтѣ, словно подъ легкой завѣсой, опущенной надъ святилищемъ...

Жюли смотрѣла вокругъ, на весь этотъ просторъ, и по естественной ассоціаціи идей ей казалось, что она видитъ передъ собою сразу всю свою жизнь—и прошлое, и будущее. Она вспоминала свое дѣтство, родителей, суровую юность, всю ушедшую на борьбу за существованіе, годы, прожитые у леди Генри, думала объ Уорквортѣ, о своемъ мужѣ, о жизни, въ которую онъ такъ неожиданно и быстро втянулъ ее своей сильной рукой. Ей были чужды религіозныя размышленія, столь привычныя для него; но ея раздумье также носило религіозный оттѣнокъ, и ей самой казалось, что вся душа ея дрожитъ подъ наплывомъ невѣдомыхъ ей дотолѣ волненій, нѣжности, страха, и, оглядываясь назадъ, она во всемъ, происшедшемъ съ нею, видѣла особый сокровенный смыслъ, значеніе и цѣль. Эта мысль не укладывалась въ слова, но расходившееся воображеніе вызывало передъ ней образъ Делафильда, а въ памяти вставали его недавнія слова и поступки.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ часовъ, которые рѣшаютъ судьбу человѣка. И въ немъ не послѣднюю роль играла величественная красота альпійскаго ландшафта; все время при этой печальной и волнующей самопровѣркѣ Жюли чувствовала присутствіе и господство надъ собой высшихъ силъ.

На ея заплаканное лицо понемногу ложилась печать торжественнаго спокойствія ночи. Но по временамъ сурово сжатыя губы смягчались улыбкой, необычайно нѣжной и милой, словно сердцу вспоминалось что-то такое, что уму представлялось лишь сладкимъ безуміемъ.

Ей самой было странно происходившее въ ней. Это было какое-то опрощеніе, возвращеніе къ дѣтству, словно въ душѣ взрослаго человѣка, утомленной бурной жизнью эгоизма и страсти, просыпались инстинкты ребенка, которыхъ онъ однако же никогда не зналъ въ дѣтскіе годы—инстинкты довѣрія, кроткой покорности, быть можетъ вспоенные тѣми слезами, которыя сами по себѣ уже счастье.

На обратномъ пути она столкнулась съ другой женской фигурой, вынырнувшей изъ темноты.

— Леди Бланшъ!

Леди Бланшъ остановилась.

— Въ отелѣ такъ душно,—сказала она, напрасно пытаясь придать твердость своему голосу.

Жюли замѣтила, что она плакала.

— Эйлинъ уснула?

— Можетъ быть. Ей дали принять сонныя капли.

Онѣ вмѣстѣ пошли дальше къ отелю. Жюли колебалась, наконецъ тихо выговорила:

— Она не была разочарована въ своихъ ожиданіяхъ?

— Нѣтъ!—рѣзко вырвалось у ея матери.—Конечно, письма надо было ждать; оно не могло не придти. Благодаря Бога, она убѣдилась теперь, что его послѣдняя мысль была о ней! Письмо писано наканунѣ того рокового дня, какъ онъ заболѣлъ. Онъ подробно описываетъ свой походъ—чрезвычайно интересно!—Это показываетъ, какъ онъ довѣрялъ ей во всемъ, хотя она еще такое дитя. Ее успокоитъ сознаніе, что она вполнѣ владѣла его сердцемъ... Бѣдный юноша!

Жюли ничего не отвѣтила, и лэди Бланшъ, съ горькимъ чувствомъ удовлетворенія, скорѣе почувствовала, чѣмъ увидала въ ея поникшей, окутанной чернымъ фигурѣ то, что казалось ей заслуженнымъ униженіемъ.

На другой день на щечкахъ Эйлинъ опять выступилъ легкій румянецъ, и ея чудные волосы, разсыпавшіяся волной по плечамъ, какъ будто ожили, и розы, поставленныя ея матерью на столикѣ у кровати, представляли не слишкомъ ужъ печальный контрастъ съ ея хрупкой красотой.

— Прочтите, пожалуйста! — сказала она, оставшись вдвоемъ съ Жюли и ласково пододвигая къ ней письмо.—Онъ разсказываетъ мнѣ все-все!—все, что онъ дѣлаетъ и на что надѣется, совѣтуется со мной обо всемъ. Развѣ это не честь мнѣ, такой еще несвѣдующей и ребяческой? Я постараюсь быть мужественной, — постараюсь быть достойной...

И все ея худенькое тѣло затряслось отъ глухихъ беззвучныхъ рыданій; но тѣмъ не менѣе она жадно слѣдила за Жюли, читавшей письмо.

— Не правда ли, я должна попытаться жить, разъ онъ такъ любилъ меня? — сказала она, отирая слезы и принимая письмо изъ рукъ Жюли.

М-рсъ Делафильдъ съ страстной жалостью поцѣловала ее. Она не могла освободиться отъ сознанія своей вины передъ этимъ ребенкомъ. Такое письмо можно было написать другу, прелестной дѣвочкѣ, къ которой питаетъ нѣжность человѣкъ много старше ея. Въ письмѣ заключался дѣловой отчетъ о походѣ, нѣсколько фразъ о политикѣ, два-три юмористическихъ портрета дорожныхъ спутниковъ; въ концѣ нѣсколько шутливыхъ и ласковыхъ наставленій.

Но въ часъ борьбы со смертью у Делафильда вырвался только одинъ крикъ сердца, и его послѣднее слово, послѣднее письмо лежало теперь на груди Жюли.

Прошло нѣсколько дней. Письма Делафильда были коротки и пе-

чальны. Больной еще жилъ, но съ часу на часъ ждали конца. А герцогъ... Но это было такъ страшно, что писать объ этомъ онъ не могъ даже ей. Поддерживать въ себѣ бодрость и быть хоть сколько-нибудь полезнымъ этимъ двумъ несчастнѣйшимъ въ мірѣ человѣческимъ существамъ возможно было только однимъ способомъ—не чувствовать, не отдавать себѣ отчета...

Наконецъ, черезъ недѣлю съ небольшимъ послѣ отъѣзда Делафильда пришли двѣ телеграммы. Одна отъ Делафильда: «Мервинъ скончался сегодня утромъ. Страшно за герцога». Другая отъ Эвелины Кроуборо: «Эльмира умеръ сегодня утромъ. Ѣду Строфшайръ помочь Джэкобу».

Жюли разорвала телеграммы. Гордыя слезы подступали къ ея глазамъ, но она сдержала ихъ и позвала горничную.

Та пришла, дивясь сверкающимъ глазамъ и натянутому обращенію своей госпожи и спрашивая себя, за какую невѣдомую провинность ей собираются сдѣлать выговоръ. Но Жюли только велѣла ей поскорѣе уложить вещи. Она хотѣла захватить въ Лозаннѣ восьмичасовой поѣздъ, идущій въ Англію.

Двадцать часовъ спустя лондонскій поѣздъ остановился на станціи Викторія. На платформѣ стояла маленькая герцогиня въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Жюли попала прямо въ ея объятія и только въ экипажѣ замѣтила блѣдность и разстроенный видъ пріятельницы.

— О! Жюли!—воскликнула герцогиня, сжимая ея руки, когда экипажъ тронулся.—Жюли, голубушка!

Жюли съ удивленіемъ повернулась къ ней. Въ голубыхъ глазахъ, устремленныхъ на нее, не было слезъ, но и глаза, и все лицо герцогини выражали такой страхъ и волненіе, что у Жюли дрогнуло сердце.

— Что это значитъ?—спросила она, едва дыша.—Что случилось?

— Жюли! Я уже совсѣмъ собралась нынче утромъ въ Фэркортъ. Только ваша телеграмма задержала меня. Я рѣшила дождаться васъ и ѣхать вмѣстѣ. Потомъ пришла другая, отъ Делафильда. Герцогъ!—бѣдный герцогъ!

Выраженіе лица Жюли безсознательно мгновенно измѣнилось.

— Да—скажите мнѣ!

— Теперь это уже во всѣхъ газетахъ—на столбахъ... Не смотрите въ окно!—И герцогиня спустила шторы.—Весь день вчера онъ былъ въ страшномъ волненіи, но подъ вечеръ какъ будто успокоился и просилъ, чтобъ его оставили одного. Доктора все-таки слѣдили за нимъ, но онъ какъ-то ухитрился всѣхъ обмануть и утромъ исчезъ. А черезъ два часа его нашли—въ рѣкѣ, что протекаетъ передъ домомъ!

Наступило молчаніе.

— А Джэкобъ?—хриплымъ шепотомъ спросила Жюли.

— Онъ-то меня и безпокоитъ! О! Какъ я рада, что вы пріѣхали!

Вы знаете, какъ Джэкобъ былъ привязанъ къ герцогу и Мервину — какъ ему ненавистна мысль о наслѣдствѣ. Вчера туда поѣхала Сюзанна; она телеграфировала мнѣ вчера вечеромъ, еще до этого ужаса, что онъ «страшно измученъ и надорванъ».

— Наслѣдство?—разсѣянно повторила Жюли. Она машинально подняла штору и смотрѣла вдаль, на грязныя стѣны домовъ, пока передъ ней не мелькнулъ въ окнѣ бумажнаго магазина листъ телеграммъ съ аршиннымъ заглавіемъ: «Трагическая смерть герцога Чёдлея и его сына».

Герцогиня посмотрѣла на нее съ любопытствомъ и ничего не отвѣтила. Выраженіе лица Жюли было какое-то странное. Она какъ бы старалась поймать мысль, ускользавшую отъ нея, или, вѣрнѣе, вытѣсненную другой, болѣе неотложной.

— Джэкобъ боленъ?—спросила она вдругъ, круто повернувшись лицомъ къ своей спутницѣ.

— Я знаю только то, что сказала вамъ. Сусанна пишетъ: «измученъ и изнервничался». Но это все пройдетъ, когда онъ будетъ съ вами!

Жюли не отвѣтила, не шевельнулась, и герцогиня, украдкой покосившись на нее, несмотря на свое волненіе и тревогу, подумала, что ея черты и вся ея фигура стали какъ будто еще нѣжнѣе, еще утонченнѣе, и отпечатокъ индивидуальности еще ярче.

— Вы не разсердитесь?—робко спросила Эвелина.—Видите ли, у меня гоститъ леди Генри и сэръ Уильфридъ Бери также. Онъ, бѣдный, такъ простудился въ своихъ номерахъ, что я недѣлю тому назадъ, съ разрѣшенія доктора, съѣздила за нимъ и перетащила его къ себѣ. И м-ръ Монтрезоръ хотѣлъ зайти. Онъ говоритъ, что жаждетъ пожать вашу руку. Но они не будутъ вамъ надоѣдать, если вы утомлены. Нашъ поѣздъ идетъ въ 10 час. 10 мин. и Берти выхлопоталъ, чтобы экспрессъ остановился для насъ въ Вестонпортѣ около 3 часовъ ночи.

Карета въѣхала на Гросвеноръ—скверъ и остановилась передъ домомъ герцогини. Жюли вышла, озираясь вокругъ, на іюльскую зелень сквера, на огромныя свѣтлыя окна, на лакея, снимавшаго съ нея накидку, того самаго, который въ былыя времена кормилъ сухариками собакъ леди Генри. Ее поразило, что онъ оказывалъ ей сегодня какое-то особенно почтительное вниманіе.

Тѣмъ временемъ въ гостиной герцогини собралось нѣсколько старыхъ друзей леди Генри, сэръ Уильфридъ Бери и д-ръ Мередитъ. На обращеніи каждаго по своему отражалось угнетающее и вмѣстѣ волнующее вліяніе великихъ событій. Леди Генри была разговорчивѣе обыкновеннаго, сэръ Уильфридъ молчаливѣе.

Леди Генри, повидимому пошло на пользу ея пребываніе въ Торквэѣ. Строгая, прямая, какъ струна сидя на стулѣ съ высокой прямой спинкой, опираясь обѣими руками на палку, она, какъ всегда, являла

— Ты этого не понимаешь!—возразила дѣвушка задумчивымъ и какъ будто даже безнадежнымъ голосомъ.

Гирканъ опять тряхнулъ головой.

— Дикій быкъ ходитъ въ домашнее стадо,—хвастливо сказалъ онъ,—но важенки его любятъ лучше всѣхъ.

— Уйди!—сказала дѣвушка съ внезапной ненавистью.—Бродяга! Волчій сынъ!

Она ускорила бѣгъ, но видя, что Гирканъ не отстаетъ, круто повернула назадъ къ товарищамъ, бѣгущимъ сзади. Но молодой одулъ поймалъ ее за руку и сдѣлалъ попытку привлечь къ себѣ. Она не вырывалась, но сплела свои пальцы съ пальцами дерзкаго ухаживателя, и вмѣсто любовнаго пожатія Гирканъ почувствовалъ, что она изо всей силы крутитъ и ломаетъ его руку. Мускулы его сами напряглись на встрѣчу. Оба они остановились, началась молчаливая борьба двухъ сплетенныхъ рукъ, какъ будто они пробовали, чья сила больше.

Минута или двѣ прошли въ этомъ странномъ и молчаливомъ поединкѣ, потомъ Гирканъ, видя, что ему не перегнуть маленькой руки Мами, крѣпкой, какъ скрученныя жилы оленя, внезапно наклонился къ ней и дерзко поцѣловалъ ее въ губы. Пальцы Мами разжались, Гирканъ высвободилъ руку, обнялъ ее и прижалъ ее къ себѣ.

— Пусти!—съ крикомъ вырвалась Мами:—Ваттанъ, Ваттанъ!

Она рѣшительно пустилась бѣжать назадъ, громко повторяя имя молодого оленевода. Она полуинстинктивно сознавала, что въ мужественномъ и полномъ силъ юношѣ оленнаго племени живетъ такое же глубокое уваженіе къ стаду и его святынямъ, и что союзъ съ нимъ дастъ ей прочную опору, а быть можетъ хотѣла также напомнить хвастливому чужеземцу, что у него есть соперникъ, и еще такой опасный, какъ молодой побѣдитель сегодняшняго дня. Гирканъ, впрочемъ, нисколько не смутился и видя, что дѣвушка не перестаетъ кричать и убѣгаетъ назадъ, пронзительно свиснулъ, чтобы составить ей аккомпаниментъ, и какъ ни въ чемъ не бывало побѣжалъ сзади.

VI.

Солнце уже взошло, когда молодые люди вернулись на рѣку, но въ стойбищахъ никто не спалъ. Дѣвочка, прискакавшая на оленѣ безъ сѣдла, была такъ перепугана, что даже не обратила вниманія на предложенную пищу. Она все норовила спрятаться въ самый темный уголъ шатра, какъ побитая собачонка, и жители, не умѣя извлечь отъ нея никакихъ новыхъ свѣдѣній, кончили тѣмъ, что оставили ее въ покоѣ. Ея отрывистые и безсвяз-

ные жесты все же изображали новыя ожерелья всадниковъ, и многіе изъ оленныхъ людей пришли къ убѣжденію, что маленькіе всадники передрались между собой изъ-за этихъ новыхъ игрушекъ. Дѣйствительно, мелкіе роды всадниковъ, трусливые передъ чужеплеменными, часто вели между собой самыя опустошительныя войны. Напротивъ того, члены одного и того же рода жили между собой очень дружно и дѣлили поровну охотничью добычу и даже чужеземные товары. Но жизнь всадниковъ не была хорошо извѣстна сосѣдямъ.

Какъ бы тамъ ни было, вѣсть о вѣроломномъ нападеніи мышеѣдовъ быстро распространилась со стойбища на стойбище и произвела смятеніе во всѣхъ концахъ Чагарскаго поля. Подобное нарушеніе святости мѣста было неслыхано съ самыхъ далекихъ временъ, насколько хватала память стариковъ и разсказы сказочниковъ. Столкновенія и даже убійства на игрищахъ или во время торга случались почти ежегодно, но то были случайныя и непреднамѣренныя вспышки страстей, и Авви, по всей вѣроятности, смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы, ибо не посылалъ виновникамъ ни голода, ни мора, и позволялъ имъ на будущій годъ снова безпрепятственно сходиться на ярмарку. Кровавыя стычки племенъ, неоднократно имѣвшія мѣсто на возвратномъ пути, уже за предѣлами священнаго поля, тоже не касались правъ Великаго Рака, но на этотъ разъ было совершено вѣроломное нападеніе на первый же день торга и въ предѣлахъ вѣчнаго мира рѣки Анапки и безъ всякаго повода, единственно съ цѣлью грабежа. Взаимное недовѣріе племенъ внезапно обострилось. Каждый лагерь опасался, что его чередъ можетъ наступить съ минуты на минуту и подозрительно старался угадать, какіе замыслы таятъ ближайшіе сосѣди.

Всѣ высыпали наружу изъ палатокъ и снѣжныхъ землянокъ и поспѣшно стали приводить въ порядокъ оружіе. Мореходы юитъ потрясали метательными дротиками и гарпунами и оправляли брони изъ твердой кожи лахтака *), оленеводы расправляли длинные арканы, которые вмѣстѣ съ копьемъ были ихъ излюбленнымъ оружіемъ для охоты и войны. Приморскіе жители осматривали палицы и остроги и запихивали въ узорчатые колчаны множество стрѣлъ самой разнообразной формы. Ительмены доставали изъ налучней маленькіе луки съ деревяннымъ ложемъ, которое давало большую вѣрность стрѣльбѣ. Однако, никто не думалъ о томъ, чтобы наказать мышеѣдовъ за ихъ вѣроломное поведеніе. Всадники были чужды и малоизвѣстны; кромѣ того, всякое общее предпріятіе теперь было совершенно невозможно. У всѣхъ преобладало

*) Крупная порода тюленей съ твердой и крѣпкой кожей.

стремленіе къ немедленному бѣгству. Мстительный Ракъ, конечно, не захочетъ остаться равнодушнымъ къ кровавому святотатству, и можно было ожидать, что, за удаленіемъ истинныхъ виновниковъ, гнѣвъ его обрушится на перваго, кто подвернется подъ руку.

Камакъ на стойбищѣ таньговъ сталъ собираться къ отходу прежде всѣхъ. Совѣсть его была нечиста. Вчерашняя сцена въ мухоморной палаткѣ оставила въ его ограниченномъ умѣ яркое впечатлѣніе, и вспоминая угрожающіе жесты Авви, овладѣвшаго въ критическую минуту тѣломъ Ваттувія, онъ чувствовалъ опасеніе, чтобы не явиться первой жертвой Рака.

У него была еще другая причина для торопливости. Онъ привелъ съ собою всѣхъ старыхъ и молодыхъ быковъ, между тѣмъ какъ стельныя коровы остались на берегу рѣки Лососи. Камакъ былъ такъ тщеславенъ, что не хотѣлъ путешествовать безъ большого стада, чтобы чужеплеменники не подумали, что онъ бѣдный и зависимый «подсосѣдокъ», а не богатый хозяинъ. Вѣтвисторогіе быки составляютъ высшую степень оленьяго богатства, и стадо Камака, надъ которымъ какъ будто стоялъ лѣсъ короткихъ бурыхъ сучьевъ, представляло предметъ удивленія для всѣхъ стойбищъ, мимо которыхъ онъ проходилъ по пути. Но гнать впередъ такое стадо можно было только малыми переходами, и люди Камака должны были отправиться въ обратный путь раньше всѣхъ.

Стадо выступило въ походъ почти тотчасъ же по возвращеніи Мами; объ отдыхѣ послѣ утомительнаго путешествія къ всадникамъ не было и рѣчи, но Мами привыкла по двое и по трое сутокъ проводить у своего стада, не зная сна. Ея обычными помощниками были Чайвунъ и двое молодыхъ, но очень проворныхъ подростка.

Камакъ, отдѣливъ упряжныхъ быковъ для своего обоза, остался на нѣсколько часовъ, чтобы свести счеты съ вайкенцами. Обозъ обыкновенно слѣдовалъ на нѣкоторомъ отдаленіи отъ стада, но Камакъ велѣлъ тремъ воинамъ, которыхъ привелъ съ собой съ рѣки Лососи, сопровождать Мами, а самъ обѣщалъ подъѣхать къ утру на первой стоянкѣ.

Бо́льшая часть стойбищъ предполагала сняться съ мѣста на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Ваттану предстояло справить братское кровопомазаніе съ Колхочемъ, которымъ нельзя было пренебрегать даже подъ смертной опасностью. Гирканъ и его племя не назначили себѣ срока. Они всегда снимались съ мѣста внезапно, спасаясь отъ перваго проблеска монотонности. Но именно теперь жизнь на Чагарскомъ полѣ представляла любопытное зрѣлище, и можно было ожидать, что эти неисправимые бродяги на этотъ разъ уйдутъ послѣдними. Торговля кое-какъ продолжалась, но игрищъ больше не было; всѣ угрюмо сидѣли въ своихъ лагеряхъ,

какъ въ укрѣпленіяхъ. Послѣ полудня небо нахмурилось; пошелъ снѣгъ и почти внезапно налетѣлъ жестокій ураганъ, какіе свирѣпствуютъ на открытыхъ сѣверныхъ равнинахъ круглый годъ, зимою погребая караваны въ снѣгу, а лѣтомъ опрокидывая лодки у самаго берега. Двѣ палатки сорвало съ мѣста, несмотря на огромные камни, привязанные къ ихъ поламъ, и хозяева остались безъ всякой защиты предъ яростью сумасшедшей вьюги. Земляныя и снѣжныя норы забивало наглухо, и обитатели должны были постоянно прочищать выходъ, чтобы не очутиться въ полной темнотѣ. Во всѣхъ концахъ Чагарскаго поля старики мрачно размышляли, что гнѣвъ Авви пришелъ и ожидали самаго худшаго.

Колхочъ съ радостью разстался бы со своей плѣнницей, но дѣвать ее было некуда, да и сама она не отставала отъ него ни на шагъ. На этихъ невѣдомыхъ стойбишахъ, среди толпы незнакомыхъ людей, она хваталась за молодого ительмена, какъ за якорь спасенія. Все-таки это было уже знакомое лицо, и она инстинктивно чувствовала, что онъ не хочетъ сдѣлать ей зла. Въ концѣ концовъ онъ привелъ ее въ землянку къ своимъ единоплеменникамъ; она была наполовину выкопана въ землѣ, сверху укрыта древесными вѣтвями и хворостомъ и завалена дерномъ; лѣзть внутрь приходилось по темному извилистому корридору, гдѣ вмѣсто дверей были повѣшены толстыя оленьи шкуры. Дѣвочка сначала не хотѣла спускаться внизъ, но Колхочъ потянулъ ее за руку, и она уступила. Колхочъ привелъ ее въ принадлежавшій ему уголокъ и посадилъ на собственной шкурѣ. Она была голодна; онъ хотѣлъ накормить ее сушенымъ мясомъ медвѣдя, но она съ ужасомъ отклонилась назадъ. Всадники поклонялись медвѣдю и считали его своимъ предкомъ, въ противоположность ительменамъ, которые питались въ значительной степени медвѣжатиной. Вмѣсто медвѣжьяго мяса, Колхочъ досталъ баранину и рыбу; дѣвочка стала ѣсть жадно и проворно, отщипывая маленькіе кусочки пищи, съ ужимками голодной бѣлки, попавшей въ орѣшникъ. Скоро началась вьюга, и нужно было отсиживаться въ землянкѣ. Но спать было не совсѣмъ безопасно на случай обвала, да шумъ вѣтра и не давалъ заснуть. Колхочъ и плѣнница просидѣли всю ночь, скорчившись и прижавшись другъ къ другу въ своемъ тѣсномъ углу. Дѣвочка, утомленная дневными ужасами и волненіями, все-таки заснула, безцеремонно уронивъ голову на плечо своего владѣтеля. Колхочъ тоже дремалъ, но часто просыпался, прислушиваясь къ реву бури, потомъ опять забывался на нѣсколько минутъ, все время ощущая маленькое худощавое тѣльце, наивно склонившееся почти въ самыя его объятія. Онъ чувствовалъ даже ея острыя плечи, наталкивался на плоскую совсѣмъ неразвитую грудь и говорилъ себѣ, что это совсѣмъ ребенокъ, которому нужно еще нѣсколько

лѣтъ, чтобы развиться въ женщину. Однако, онъ не ощущалъ также прежняго желанія освободиться отъ обузы. И ему внезапно даже представилось, что она могла быть хорошимъ товарищемъ во время непрерывныхъ странствій за промысломъ на вершинахъ Южнаго мыса и въ ущельяхъ прилегающихъ горъ.

Наконецъ буря стихла и опять стало ясно; только оленныя женщины, отряхавшія съ наружной стороны отъ снѣга мѣховыя стѣны шатровъ, ударяли все сильнѣе деревянными колотушками и, наконецъ, стали ругаться.

Многіе все-таки собирались въ дорогу. Однако, на стойбищѣ людей, пришедшихъ съ юга, отъ Боброваго моря, столѣтній шаманъ Раипъ, старикъ съ волосами совсѣмъ бѣлыми и безъ одного зуба во рту, далъ совѣтъ принести предварительно жертву рѣкѣ Анапкѣ и такимъ образомъ отвратить гнѣвъ Рака. Раипъ былъ такъ старъ, что угрожалъ развалиться каждую минуту, но дѣти привозили его сюда ежегодно для обезпеченія прибыльности торга, ибо духи любили Раипа, и демоны заразы слушали его совѣта. Совѣты его были необычайно мудры и послѣдовавшій имъ никогда не находилъ повода къ раскаянію. И теперь всѣ рѣшили послѣдовать благоразумному совѣту.

Съ ранняго утра во всѣхъ концахъ Чагарскаго поля сталъ раздаваться грохотъ бубновъ и прерывистое пѣніе. Бубны оленеводовъ были маленькіе, круглые, похожіе на крышку отъ котла, съ полоской китоваго уса въ видѣ колотушки. Бубны приморскихъ жителей походили на широкіе щиты, обвѣшанные костяными и каменными погремушками и производили постоянный шумъ. Южные ительмены колотили палкой о палку, обвѣшавъ ихъ мѣховыми хвостиками въ знакъ посвященія богамъ. Мореходы Юитъ пронзительно свистали въ пищалки, сдѣланныя изъ гусиныхъ перьевъ. Вездѣ стали приносить жертвы; оленеводы закалывали быковъ и, ободравъ съ нихъ шкуру, раскладывали на снѣгу, головою по направленію къ рѣкѣ.

— Ѣшь, ѣшь! — кричали они, призывая Авви на пиръ, но женщины плакали, сожалѣя о множествѣ жирнаго мяса, безполезно брошеннаго на полѣ.

Поморяне безпощадно удавливали на ремнѣ лучшихъ собакъ изъ нарты; люди Юитъ сдѣлали игрушечную лодку со всѣми принадлежностями, нарисовали на ея кормѣ знаки успѣшной охоты и принесли ее въ даръ Авви.

Скоро къ рѣкѣ потянулись процессія за процессіей. Племена шли отдѣльно съ шаманами во главѣ, которые испускали громкіе и странные крики. Нѣкоторые покрыли лицо деревянными масками, раскрашенными кровью, другіе закутались въ медвѣжьи шкуры, покрывъ голову мохнатымъ мѣхомъ и приспособивъ раз-

рѣзы медвѣжьихъ глазъ и носа къ своему собственному лицу. Молодые люди шли впереди, неся жертвенныя блюда, наполненныя жиромъ и похлебкой, тальничныя вѣтки и даже небольшіе берестяные сосуды, наполненные теплой водой. Пробивъ маленькія круглыя отверстія во льду рѣки, племена начали погружать туда свои дары.

— Ѣшь, ѣшь!—кричали со всѣхъ сторонъ.—Не сердись, Авви!

Раипъ, котораго принесъ на себѣ его собственный внукъ, опустился на ледъ въ сторонѣ отъ всѣхъ и пробивъ, трясущимися руками небольшую прорубь, окружилъ ее полой своей широкой одежды, чтобы закрыть отъ взглядовъ солнца, потомъ опустилъ въ нее куклу, спрятанную у него за пазухой. Она имѣла расколотую голову и грудь, проткнутую осколкомъ кости, и прорѣзы ея были испачканы настоящей человѣческой кровью; кукла эта представляла мышеѣда, котораго старый шаманъ приносилъ Раку, какъ искупительную жертву.

Торговцы изъ поселка Вайкенъ на другомъ берегу рѣки приносили въ жертву другую куклу, изображавшую новорожденное дитя, одѣтое въ обычный смертный костюмъ, богато разукрашенный вышивками, подвѣсками и амулетами.

— Ѣшь, Авви, ѣшь!—слышалось повсюду.—Не сердись Авви!.

Но къ вечеру того же дня буря воротилась съ новой силой, загребая жилище снѣгомъ и забивая безъ слѣда наѣзженныя дороги и тропинки. Люди съ южной стороны повѣсили голову. Въ каждомъ ущельи на ихъ пути теперь налегъ снѣгъ толстымъ мягкимъ слоемъ на аршинъ глубины, и въ опасныхъ мѣстахъ собрались навѣсы, готовые обрушиться на голову неосторожнаго путника. Къ утру буря опять утихла, но на каждомъ стойбищѣ остались ея слѣды. Волки воспользовались вьюгой, напали на стадо, принадлежащее стойбищу Алютъ, передушили лучшихъ быковъ и разогнали остальныхъ въ разныя стороны. Пастухи собрали ихъ, но съ большими потерями, и теперь этому стойбищу было трудно укочевать домой. У поморянъ почти всѣ собачьи упряжки, привязанныя съ подвѣтренной стороны холмовъ, совсѣмъ ослабѣли. Нѣкоторыя собаки задохнулись на смерть, подъ твердой корой облѣпившаго ихъ заноса; другія оторвались и убѣжали въ поле, быть можетъ, раздраженныя запахомъ волковъ или увлеченныя соблазномъ охоты за оленями. Авви, очевидно, презиралъ принесенныя ему жертвы и властной рукой собиралъ новую дань. Можно было опасаться, что послѣ оленей и собакъ онъ перейдетъ къ людямъ.

Люди, жившіе вокругъ морской бухты Алютъ *), какъ олене-

*) Олюторская губа.

воды, такъ и рыболовы, были бѣдны и отличались кровожадностью; они вели между собой постоянные кровавые счеты, подводя итоги посредствомъ убійствъ и грабежей; даже родственники и братья убивали другъ друга и если, во время голода, мора или другого общественнаго бѣдствія, имъ случалось захватить въ плѣнъ кого-нибудь изъ враговъ, они обыкновенно приносили его въ жертву, на сторону заката, злымъ духамъ, причиняющимъ человѣку вредъ.

Послѣ ночныхъ потерь люди Алютъ стали говорить, что нужно принести въ жертву Авви спасенныхъ дѣвочекъ племени всадниковъ, чтобы уничтожить всѣ слѣды преступнаго побоища.

Дѣвочка, бѣжавшая отъ рѣзни на неосѣдланномъ оленѣ, осталась на стойбищѣ Ваттанова отца, Ватанта, но дикость ея не уменьшилась. Первую ночь она проспала на голой землѣ во внѣшнемъ шатрѣ, и ни за что не хотѣла войти подъ теплый спальный пологъ. Люди, окружавшіе ее, повидимому, смѣшивались въ ея умѣ съ мышеѣдами, и когда кто-либо изъ мужчинъ подходилъ къ ней съ разспросами, она вздрагивала, какъ пойманный звѣрекъ, и норовила дать тягу. Учиться языку оленеводовъ она не могла, ибо ея общеніе съ людьми было чрезвычайно ничтожно; она пряталась даже отъ бабъ, предлагавшихъ ей ѣду, но въ обѣ бурныя ночи люди, выходившіе изъ полога, замѣтили, что она ползетъ по юртѣ, не страшась грохота мятели, и отыскиваетъ въ снѣжномъ сугробѣ, наметенномъ сквозь дымовое отверстіе, объѣдки и брошенные куски. Женщины стали на нее коситься, ибо жители пустынь вообще боялись безумцевъ и считали ихъ слугами злыхъ духовъ, и при условіяхъ кочевой жизни они требовали неудобныхъ заботъ. Поэтому кровожадное предложеніе стойбища Алютъ съ этой стороны не встрѣтило особаго неудовольствія. Однако, Ваттувій рѣшительно воспротивился. Быть можетъ, въ дикой природѣ обезумѣвшей дѣвочки, въ ея нелюдимомъ ужасѣ и странныхъ ночныхъ похожденіяхъ, онъ чувствовалъ нѣчто родственное, или его злорадное сердце забавлялось при мысли о суевѣрномъ отвращеніи, которое уже успѣло возникнуть у женщинъ шатра по отношенію къ странной гостьѣ. Какъ бы то ни было, Ваттувій сказалъ, что Авви явился ему во снѣ и объявилъ, что гнѣвъ его не прекратится, пока всѣ стойбища не устроятъ торжественныхъ бѣговъ на Чагарскомъ полѣ.

— Вы нечестивѣе мышеѣдовъ, — сказалъ будто бы Авви,— ибо хотите убѣжать, укравъ мой праздникъ; но я не пущу васъ отсюда, пока не отниму послѣдняго упряжнаго быка. Тогда буду устраивать бѣга самъ на своихъ подводныхъ поляхъ.

Всѣ оленные люди тотчасъ же спохватились. Всѣмъ было извѣстно пристрастіе Авви къ состязаніямъ, которое принесло ему владѣніе Чагарскимъ полемъ. Изстари велось, что оленные

стойбища, сходившіяся на торгъ, устраивали передъ уходомъ поочередно торжественный бѣгъ на оленяхъ, съ богатыми призами и жертвоприношеніемъ. Оленеводы были такъ пристрастны къ этому роду игрищъ, что съѣзжались на Чагарское поле больше для участія въ скачкахъ, чѣмъ для торговли. Но на этотъ разъ дерзкое нападеніе мышѣдовъ едва не привело ихъ къ нарушенію обычая.

Всякая мысль о бѣгствѣ была отложена. Торговые дни прошли безъ скачекъ, но теперь каждый владѣлецъ стада хотѣлъ устроить бѣгъ; для того, чтобы наверстать потерянное время, бѣга устраивались въ одинъ и тотъ же день на разныхъ концахъ Чагарскаго поля, и гости съ утра до вечера переѣзжали со стойбища на стойбище, чтобы не пропустить ни одного зрѣлища. Поморяне тоже не думали объ отъѣздѣ, ибо праздникъ означалъ угощеніе жирнымъ мясомъ, всеобщее обиліе, даровой кормъ для собакъ. Они вообще никогда не покидали Чагарскаго поля прежде ухода заманчивыхъ оленьихъ стадъ. Чтобы не отстать отъ Оленныхъ, они устраивали иногда между собою бѣга на собакахъ, но оленные люди смѣялись надъ этими состязаніями, которыя не сопровождались ни пиршествомъ, ни съѣздомъ гостей.

Такъ прошло три дня, наполненныхъ весельемъ и оживленіемъ. Скачки перемежались разнообразными играми, чехардой и прыжками черезъ шестъ, плясками, которыя изображали то оленье стадо въ періодѣ любви, то тюленье руно, выползшее на берегъ, и сопровождались странной мимикой и своеобразнымъ горловымъ пѣніемъ. Но борьба и бѣгъ были предоставлены подросткамъ и дѣтямъ, и серьезные бойцы не вмѣшивались, изъ опасенія подать поводъ къ новой ссорѣ.

Ваттанъ выигралъ послѣдовательно три приза на бѣгу и, по совѣту Ваттувія, послѣ того отказался отъ дальнѣйшаго участія, ибо слишкомъ большое счастіе возбуждаетъ зависть людей и духовъ. Онъ безцѣльно ходилъ съ своимъ новымъ другомъ Колхочемъ со стойбища на стойбище и отводилъ свое сердце въ разговорахъ о Мами.

— На зиму возьму бѣговыхъ оленей, санки съ полозьями изъ уса*), подстилку изъ бѣлой шкуры, поѣду къ Таньгамъ,—твердилъ молодой оленеводъ.—Гдѣ же ей найти мужа лучше?

Непріятное воспоминаніе о пораженіи на бѣгу почти изгладилось въ его умѣ. Воинская доблесть и физическая сила, впрочемъ, считались важнѣе быстроты ногъ, которая годилась преимущественно для бѣгства, а Ваттанъ успѣлъ доказать, что въ борьбѣ

*) Полозья, подбитыя китовымъ усомъ, легче скользятъ по твердому снѣгу тундры.

и поединкѣ никто не можетъ одержать надъ нимъ верхъ. Ительменъ уныло молчалъ. Онъ проводилъ вечера въ своемъ лагерѣ въ обществѣ плѣнной дѣвочки, и даже не зная ея имени, сталъ называть ее Карритой по имени своей бабушки изъ рода Куру. Дѣвочка понемногу становилась смѣлѣе и начала схватывать нѣкоторыя ительменскія слова; но на лицѣ Колхоча лежало постоянное облако... Ваттану иногда казалось, что его другъ хвораетъ тайной хворостью, которую не хочетъ открывать чужому любопытству.

— Не болитъ ли у тебя что-нибудь,—спросилъ онъ его, наконецъ.—Быть можетъ, Палланецъ повредилъ тебѣ спину?..

Колхочъ усмѣхнулся и, отвернувъ рубаху, показалъ на лѣвой лопаткѣ широкіе, давно заросшіе слѣды медвѣжьихъ когтей.

— Та лапа была тяжелѣе,—сказалъ онъ,—но я все еще хожу на своихъ ногахъ.

— Знаешь что,—вдругъ предложилъ оленеводъ,—проживи это лѣто съ нами! Зимой поѣдемъ на сѣверъ вмѣстѣ, я тебѣ дамъ оленей, какихъ только захочешь.—Онъ, дѣйствительно успѣлъ привязаться къ своему новому побратиму, но упорно игнорировалъ его собакъ. Ему было бы пріятно имѣть его съ собой въ лагерѣ чужихъ людей. тѣмъ болѣе, что ему и въ голову не приходило считать его соперникомъ.

Колхочъ слегка покраснѣлъ.

— Нѣтъ!—возразилъ онъ.—У меня семья, мать, отецъ, братья...

— Проживутъ одно лѣто безъ тебя!—возразилъ безпечно Ваттанъ.

— У меня есть еще шкуры и оленьи жилы, — перечислялъ Колхочъ.

— Пошлешь съ товарищами,—предлагалъ оленеводъ.

— Не хочу!—твердо возразилъ молодой Ительменъ. — Лѣто безъ моря, земля безъ горъ,—какая это жизнь?

Ваттанъ обидѣлся, но не возразилъ ни слова.

— Въ нашемъ мѣстѣ тепло,—продолжалъ Ительменъ.—Пока доѣду домой, сопки зазеленѣютъ, въ травѣ спрятаться можно, хохлачки свищутъ подъ скалами; вездѣ цвѣты, какъ капли жертвенной крови, какъ радуга, какъ солнечный лучъ...

Вспоминая свою родную землю, онъ измѣнилъ обычной молчаливости и сталъ почти краснорѣчивъ. Ваттанъ слушалъ съ любопытствомъ, но эта яркая картина ничего не говорила его воображенію.

— Въ горахъ тѣсно,—возразилъ онъ,—а тундрѣ нѣтъ конца... Воля, просторъ.

— А море?—продолжалъ Колхочъ,—безъ лодки—полчеловѣка!.. Пускай волны, прибой, у насъ пристани. Гонишь въ байдаркѣ бобра, и самъ не хуже водяного звѣря.

— За сто байдарокъ не дамъ бѣговую нарту!..—сказалъ Ваттанъ.—А дѣвчонку съ собой возьмешь? — внезапно спросилъ онъ съ чуть замѣтной шуткой.

— Въ нашемъ жильѣ десять дѣвушекъ, — сказалъ Колхочъ важно, — будетъ лишняя въ десяткѣ!.. Обижать малолѣтнихъ и бранить стариковъ—одно! — прибавилъ онъ, отвѣчая на затаенную мысль товарища.

Ваттанъ молча пожалъ плечами.

— У Ительменовъ всѣ парни — братья, всѣ дѣвки — сестры, старики—отцы, старухи—матери!—объяснилъ Колхочъ.

— А гдѣ люди Одулъ?—вдругъ спросилъ Ваттанъ, по какой-то странной связи идей вспоминая о племени пѣшихъ странниковъ, которые ни разу не показывались на скачкахъ.

— Ушли!—сказалъ Колхочъ, который проходилъ мимо стоянки родичей Гиркана и видѣлъ опустѣвшіе и полуразрушенные шалаши.

— Бродяги,—сказалъ Ваттанъ, употребляя тоже самое слово, которое Мами бросила въ упрекъ Гиркану, — не видѣть бы ихъ никогда!

Онъ вспоминалъ соперника не безъ горечи, но утѣшалъ себя тѣмъ, что до будущей весны у Гиркана нѣтъ никакихъ шансовъ встрѣтиться съ Мами.

Люди Одулъ въ первый же день скачекъ снялись и ушли неизвѣстно куда, ибо зрѣлище чужого веселья внезапно потеряло для нихъ заманчивость.

Послѣднія скачки окончились на третій день съ заходомъ солнца. На утро всѣ разсчитывали собраться въ путь, но ночью, пришла вьюга еще сильнѣе, чѣмъ обѣ предыдущія. Жадный Ракъ соблазнился неосмотрительнымъ предложеніемъ племени Алютъ и, лукаво дождавшись конца праздниковъ, потребовалъ теперь послѣдняго и самаго цѣннаго дара.

VII.

Мами остановилась на ночлегъ въ ближайшемъ ущельѣ, но, не дождавшись отцовскаго пріѣзда, утромъ рѣшила перегнать стадо дальше. Снѣгъ на ущельѣ былъ слишкомъ глубокъ, и олени, уставъ разрывать его копытами, ложились на отдыхъ, не наѣвшись. Зато въ глубинѣ ущелья мятель, всполошившая восемь племенъ на просторѣ Чагарскаго поля, хватала не такъ сильно. Утромъ, когда вѣтеръ стихъ, не было никакихъ причинъ, чтобы оставаться на мѣстѣ. Объ отцѣ Мами нисколько не безпокоилась: стадо двигалось медленно и часто отдыхало, и легкій обозъ могъ догнать его даже за пять, или за шесть дней пути. Ночью была

новая буря, и Мами опять стояла, а утромъ двинулась въ дальнѣйшій путь. Чагарское поле, гдѣ разноплеменныя стойбища заражали другъ друга взаимнымъ внушеніемъ испуга, было далеко, а объ Авви она совершенно забыла и безъ большихъ сомнѣній шла себѣ и шла по торной дорогѣ, уводившей на Палпалъ, а оттуда на рѣку Лосось. Зато мысли ея постоянно обращались къ Гиркану, а также къ молодому оленеводу и его другу, которые спасли ее отъ мышеѣдовъ и оказали ей столько услугъ и вниманія. Она пробовала разсчитывать, когда именно ей придется встрѣтиться съ молодымъ Гирканомъ или даже съ Ваттаномъ, но сбилась и безнадежно перестала. Впрочемъ, свободнаго времени для размышленій у ней было мало. Олени чувствовали себя безпокойно и норовили разбиться порознь, и пастухи бѣгали взадъ и впередъ, возвращая отсталыхъ и направляя полудикое стадо по прямой дорогѣ впередъ. Дорога проходила по тундрѣ, мѣстами перемежавшейся холмистыми грядами. Время отъ времени въ глубокомъ и узкомъ оврагѣ, заросшемъ густымъ тальникомъ, встрѣчалась рѣчка, уходившая къ Бобровому морю. Тундра стлалась, какъ бѣлая скатерть, даже одинокіе кусты ползучаго кедровника были прибиты къ землѣ вѣчными вьюгами и замурованы въ затвердѣвшемъ снѣгу, какъ въ бѣломъ мраморѣ.

Къ вечеру четвертаго дня стадо достигло болѣе значительной рѣки Ваката, протекавшей на сѣверо-западѣ. Она раздѣлялась на нѣсколько притоковъ, которые прорыли глубокія рытвины въ мягкой землѣ тундры. Берега ихъ поросли густыми ивовыми кустами, а на внутреннихъ островахъ росли даже ветлы и тополи, смыкаясь малорослымъ, но непроходимымъ лѣсомъ. Такіе лѣса были для пастуховъ самыми трудными мѣстами, ибо непокорные олени разсѣивались во всѣ стороны, а въ густой чащѣ, усыпанной буреломомъ и валежникомъ, нельзя было ничего видѣть. Пастухи разбились на двѣ группы и гнали оленей справа и слѣва, стараясь не позволить имъ уклоняться въ стороны. Но какъ только олени и люди вошли въ глубину лѣса, со всѣхъ сторонъ послышалось уханье, крики и стукъ тяжелыхъ палицъ о древесные стволы. Стадо въ слѣпомъ ужасѣ ринулось впередъ, увлекая съ собою пастуховъ, которые, опасаясь потерять его, не думали даже о нападеніи, угрожавшемъ сзади. Теперь олени держались всѣ вмѣстѣ, и даже самые непокорные тѣснились поближе къ центру, испуганные странными криками, вырывавшимися изъ лѣсной глубины. Но когда черезъ десять минутъ стадо опять выскочило на открытую степь, ни одного изъ четырехъ мужчинъ не было видно, а сзади почти по пятамъ бѣжала толпа воиновъ, вооруженныхъ луками, копьями и длинными арканами. То были мышеѣды. Обоз-

ленные потерей всей добычи послѣ удачнаго нападенія, они рѣшили отомстить за нее на первомъ караванѣ оленеводовъ, который рискнетъ пуститься въ путь со слабыми силами, и случай привелъ къ нимъ Мами, которая была зачинщицей въ дѣлѣ освобожденія плѣнныхъ женщинъ.

Впереди показались другіе мышеѣды, ѣхавшіе и бѣжавшіе навстрѣчу. Опытные грабители не позабыли загородить путь бѣглецамъ. Черезъ нѣсколько минутъ задніе и передніе воины соединились и стали забѣгать, слѣва и справа, окружая стадо.

Въ головѣ Мами мелькнула мысль о бѣгствѣ, но сѣверный пастухъ не бросаетъ своихъ оленей даже въ смертельной опасности. На бедрѣ ея былъ большой ножъ, но при видѣ такого множества враговъ мужество ея упало, и она остановилась среди нерѣшительно волнующагося стада.

Тотъ же самый воинъ, который при первомъ столкновеніи едва не взялъ ее въ плѣнъ, опять подскочилъ съ арканомъ и накинулъ его на плечи молодой дѣвушкѣ.

— Попалась!—кричалъ онъ съ хохотомъ,—не ушла!—Онъ грубо сорвалъ съ дѣвушки поясъ вмѣстѣ съ ножомъ и связалъ ей руки концомъ аркана.

Мужчины и женщины съ криками бѣгали вокругъ захваченнаго стада.

— Быки!—кричали они въ изступленномъ торжествѣ.—Жирные!

Наиболѣе свирѣпые, видя такое множество животныхъ, не могли удержаться и стали стрѣлять въ самыхъ большихъ быковъ. Мами отчаянно вскрикнула. Воинъ, связавшій ей руки, тоже спустилъ стрѣлу и поразилъ большого бѣлаго оленя съ отпиленными рогами, который былъ ея любимцемъ и прибѣгалъ ѣсть изъ ея рукъ, какъ собака.

— Мѣтко стрѣляетъ Рынто! — сказалъ мышеѣдъ съ усмѣшкой, обращаясь къ дѣвушкѣ.—Безъ промаха, небось!..

— Убейте меня тоже! — крикнула Мами отчаяннымъ голосомъ.—Вмѣстѣ съ оленями.

— Постой, все будетъ! — сказалъ мышеѣдъ въ видѣ утѣшенія. Волосы на его головѣ были гладко выбриты и на затылкѣ была приклеена полоска грязной кожи, надъ подживающей раной.

Обезумѣвшіе олени, видя угрожающую гибель, полѣзли напроломъ, прямо на окружавшихъ людей. Мышеѣды размахивали арканами, но олени только храпѣли и старались прорваться на просторъ.

Подростки остались на волѣ, но, видя смертельную опасность и плѣнъ своей руководительницы, совершенно растерялись и только безцѣльно перебѣгали съ мѣста на мѣсто внутри стада.

Мышеѣдъ, захватившій Мами, выпустилъ арканъ и побѣжалъ

къ пастухамъ сквозь толпу оленей, разступавшихся передъ нимъ, какъ живыя волны.

— Собирайте стадо, — кричалъ онъ съ ужасными ругательствами.—Я васъ!..

Догнавъ передняго мальчика, Рынто, внѣ себя отъ гнѣва, замахнулся и ударилъ его по плечамъ лукомъ, который все еще держалъ въ правой рукѣ. Крѣпкое лиственничное дерево опустилось, какъ дубина; мальчикъ съ крикомъ упалъ на землю и тотчасъ же поползъ въ сторону, какъ раненая лисица, стараясь забраться въ кусты. Разъяренный мышеѣдъ уже подбѣгалъ къ другому, но тотъ протянулъ къ нему навстрѣчу руки.

— Мы не можемъ!—кричалъ онъ раздирающимъ голосомъ.— Безъ Мами не можемъ ничего. Насъ олени не слушаютъ!

Мышеѣдъ съ ненавистью посмотрѣлъ на пастуха, потомъ на огромную добычу, которая опять угрожала ускользнуть. Нѣсколько животныхъ успѣли вырваться изъ круга воиновъ и убѣгали впередъ, несмотря на стрѣлы, летѣвшія въ догонку, но большая часть стада еще держалась вмѣстѣ. Мышеѣдъ поспѣшно вернулся къ дѣвушкѣ и развязалъ ей руки.

— Собери ихъ вмѣстѣ!—приказалъ онъ, толкая ее по направленію къ стаду.

— Скажи своимъ людямъ, пусть уйдутъ съ дороги! — отвѣтила дѣвушка.

Рынто, очевидно бывшій главнымъ въ шайкѣ, побѣжалъ къ своимъ товарищамъ. Послѣ краткихъ переговоровъ, мышеѣды соединились вмѣстѣ и отошли въ сторону, держа на готовѣ луки и недовѣрчиво наблюдая за движеніями пастуховъ.

Мами бѣгала вдоль стада, успокоивая оленей особымъ призывнымъ крикомъ, похожимъ на хорканье молодой важенки.

— Га-га-гакъ! гакъ! гакъ! — кричала она, заставляя оленей сгруживаться вмѣстѣ.

Ободренные мальчики ревностно помогали ей, забѣгая дорогу самымъ смѣлымъ животнымъ. Бѣлый быкъ все еще стоялъ на мѣстѣ, стрѣла поразила его подъ лѣвую лопатку, но онъ боролся съ болью и смертью и не хотѣлъ упасть на землю. Завидѣвъ подходившую Мами, онъ поднялъ голову и протянулъ ее впередъ. Изъ его глазъ выкатились двѣ большія слезы и потекли по гладкой шерсти щекъ; потомъ глаза животнаго пріобрѣли неподвижное выраженіе, въ бедрахъ его пробѣжала мелкая дрожь, и оно тяжело рухнуло на снѣгъ, подергиваясь въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Вожакъ стада какъ будто только ожидалъ хозяйку, чтобы попрощаться съ ней, и потомъ покориться концу.

По лицу Мами тоже текли слезы, но она продолжала бѣгать и успокоивать стадо. Убѣжавшіе олени одинъ за другимъ стали

возвращаться. Стадо понемногу двигалось впередъ, а за нимъ слѣдовала шайка мышеѣдовъ, жадными глазами наблюдая за своей новой собственностью. Убитыя животныя были безпечно брошены въ добычу песцамъ и волкамъ.

Съ лѣвой стороны показался обозъ на собакахъ подъ предводительствомъ женщинъ, которыя ловко управлялись съ плохо выдрессированными псами тундры. Но воины изъ осторожности не позволили имъ подъѣхать близко, чтобы не испугать стада. Справа подъѣхали немногіе олени, оставшіеся у мышеѣдовъ послѣ недавняго бѣгства. Очевидно, нападеніе было строго обдумано, и отдѣльные отряды расположены на соотвѣтственныхъ мѣстахъ, какъ того требовали правильные боевые разсчеты.

Въ эту ночь на стоянкѣ мышеѣдовъ было много веселья. Они знали тундру лучше Мами и указали ей для остановки другой лѣсъ за четыре часа пути, гдѣ было прекрасное пастбище для оленей и обильное топливо для людей. Скоро нѣсколько большихъ костровъ засіяли на опушкѣ. Мышеѣды изловили самыхъ жирныхъ животныхъ и, убивъ ихъ копьями, приготовляли ужинъ. Когда стемнѣло, они опять отпустили мальчиковъ охранять отдыхающее стадо, но Мами велѣли сѣсть у самаго большого костра.

Они смотрѣли на дѣвушку, какъ на заложницу, и чувствовали увѣренность, что пока она съ ними, стадо не ускользнетъ изъ ихъ рукъ. Дѣвушка устало опустилась на землю передъ огнемъ. Чувство полной безпомощности разрослось въ ея душѣ и превратилось въ оцѣпененіе. Она готова была машинально выполнить всякое приказаніе, лишь бы эти дикіе люди не били ее и не вязали ей рукъ арканомъ. Такъ чувствовали себя во всѣ вѣка военноплѣнныя рабыни, только что начинающія свое тяжелое поприще подъ чужеземной властью.

Мышеѣды разорвали мясо на части и пекли его на раскаленныхъ угольяхъ, каждый для себя; женщинамъ достались части похуже, съ большими костями, которыя онѣ постепенно обгладывали, разбивали каменными молотами и глодали снова. Вождь мышеѣдовъ былъ теперь добрѣе къ Мами и даже бросилъ ей безформенный кусокъ, который наполовину обуглился, забытый въ глубинѣ костра, и потому не годился для счастливыхъ побѣдителей.

Мами, однако, не стала ѣсть, она посмотрѣла на эту дикую толпу, уничтожавшую съ волчьей жадностью лучшихъ животныхъ ея стада, и въ душѣ ея на минуту проснулось прежнее отчаяніе.

— Лучше бы ты убилъ меня вмѣстѣ съ оленями,—повторила она, стиснувъ руки и склоняя голову къ землѣ.

— Зачѣмъ?—нагло усмѣхнулся Рынто.—Ты доведешь намъ стадо къ Телькену!

Такъ называлась главная рѣка мышеѣдовъ.

— А потомъ?—невольно спросила дѣвушка.

— Потомъ видно будетъ!—уклончиво возразилъ Рынто.—А ты ѣшь!..—повелительно прибавилъ онъ, видя, что Мами все еще держитъ въ рукахъ нетронутый кусокъ.

Мышеѣды кончили ужинъ и теперь заѣдали его сухимъ снѣгомъ, какъ собаки. Женщины мало по малу собрались вокругъ Мами. Ихъ было около двухъ десятковъ, многія были высоки и статны, но всѣ лица обезображивались низкимъ лбомъ и массивными, выходившими впередъ челюстями. Онѣ разсматривали молодую дѣвушку съ видимымъ недружелюбіемъ.

— Чертовка!—шипѣли онѣ.—Таньгинская вѣдьма!..

Самыя смѣлыя стали плевать ей въ лицо. Другія бросали въ нее комья снѣга или сучья, валявшіеся вокругъ.

Вождь схватилъ изъ костра головню и, размахивая ею направо и налѣво, сталъ отгонять женщинъ, какъ отгоняютъ хищныхъ животныхъ, наступающихъ слишкомъ близко.

— Суки!—кричалъ онъ.—Пошли отсюда!.. Пошли къ санямъ!..

Онъ приложилъ къ губамъ продыравленный оленій позвонокъ, висѣвшій у него на шеѣ, и замѣнявшій свистокъ, и пронзительно свиснулъ, созывая свое племя на ночной совѣтъ.

Ото всѣхъ костровъ стали собираться воины съ раскраснѣвшимися лицами, еще лоснившимися отъ недавняго ужина; нѣкоторые держали въ рукахъ кости, продолжая ихъ обгладывать на ходу.

— Слушайте,—сказалъ вождь, когда собраніе было въ полномъ составѣ.—Мы захватили въ плѣнъ много быковъ и одну важенку... Быковъ съѣдимъ. А съ важенкой что дѣлать?

— Убить ее, чертовку!—кричали бабы, которыя все-таки вернулись вмѣстѣ съ мужчинами, но опасаясь вождя, теперь стали сзади, ибо у мышеѣдовъ женщины большею частью принимали участіе въ совѣтѣ.

— Слушайте, люди!—сказалъ Рынто, немного помолчавъ.—Я возьму ее себѣ... рабыней!

— Не надо рабынь!—кричали бабы.—Задушить чужую тварь!..

— Если мнѣ надо,—возразилъ Рынто вызывающимъ тономъ,—то вамъ какое дѣло?

Мужчины тоже заворчали. Мышеѣды устраивали жизнь сообща, а браки заключались у нихъ по добровольному взаимному согласію и не были крѣпки; владѣніе плѣнницей было новымъ и неслыханнымъ дѣломъ.

— Еще подростки есть! —напомнилъ приземистый воинъ съ коричневымъ лицомъ, курчавой головой и приплюснутыми губами, похожій на негра или мулата.—Придемъ на тундру, тамъ видно будетъ.

Рынто подумалъ съ минуту.

— Ты Каянто, ты Петки, ты Теуль, ты Екуйгинъ,—онъ перечислилъ еще шесть или восемъ именъ,—придите сюда!

Названные одинъ за другимъ вышли впередъ и стали рядомъ съ вождемъ. Это были самые выдающіеся воины, если судить по ихъ росту и всему внѣшнему виду. Всѣ они были друзьями Рынто и теперь вмѣстѣ съ ними онъ чувствовалъ себя въ состояніи противоборствовать толпѣ.

— Слушайте теперь вы!—сказалъ Рынто, обращаясь къ своимъ товарищамъ.—Вотъ насъ десятокъ. Этой рабыней давайте владѣть вмѣстѣ. Подростковъ возьмемъ тоже: будутъ пасти оленей, какіе достанутся, будемъ съ работниками, а ее станемъ имѣть женой... отдѣльно отъ всѣхъ.

Толпа глухо роптала.

— Придемъ на тундру, тамъ видно будетъ,—съ угрозой повторилъ смуглолицый,—какія бываютъ отдѣльныя жены!

Будущіе совладѣльцы Рынто, однако, были довольны новымъ проектомъ. Для пущей осторожности они даже легли спать вмѣстѣ съ вождемъ. Рынто на ночь обвязалъ станъ молодой дѣвушки концомъ аркана, а другой конецъ обвернулъ вокругъ собственной ноги для предупрежденія побѣга. Другіе мышеѣды шли къ своимъ кострамъ и улеглись, кто гдѣ могъ, нерѣдко прямо на снѣгу, бросивъ подъ голову связку хвороста или полѣно и укрываясь разной рухлядью, и даже кровавыми шкурами, содранными съ оленей, недавно убитыхъ на ѣду.

Танъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ**.

Перев. съ англійскаго **З. Журавской**.

Продолженіе *).

Глава XXIII.

Въ маленькой гостинницѣ въ Шарнэ пробило полночь. Дождь, столько ночей подрядъ поливавшій деревню, наконецъ пересталъ. Ночь была тихая, ясная, одна изъ тѣхъ ночей, когда до слуха вашего изъ глубины безмолвія порой внезапно доносится—звонкой и чистой нотой—голосъ горныхъ потоковъ.

Жюли лежала въ постели. Она почти не замѣтила, какъ горничная раздѣла и уложила ее. Въ обычномъ теченіи жизни какъ бы наступилъ перерывъ. Передъ нею попеременно плыли двѣ картины — одна вызванная памятью, другая воображеніемъ, и эта другая была живѣе и реальнѣе первой. Она видѣла себя въ гостиной леди Генри; возлѣ нея сидѣли сэръ Уильфридъ Бёри и сѣдовласый генералъ. Но вотъ отворяется дверь, и входитъ Уорквортъ—молодой, красивый, съ военной выправкой, съ мальчишески-побѣдоноснымъ видомъ который такъ нравился однимъ и такъ возмущалъ другихъ. Глаза ихъ встрѣтились, и волна счастья прилила къ ея сердцу.

Затѣмъ лондонская гостиная вдругъ исчезла. Она была въ низенькой походной палаткѣ. Солнце жгло и сквозь парусину; въ палаткѣ было трудно дышать. Она стояла вмѣстѣ съ двумя мужчинами и докторомъ у низкой походной кровати, чутко ловя сердцемъ каждый звукъ, каждое движеніе больного. Она слышала, какъ шелестѣлъ вѣеръ въ рукахъ доктора, видѣла мухъ на блѣдномъ вспотѣвшемъ лбу...

Но слезъ у нея не было. Ей казалось только, что жизнь кончилась, провалилась въ какую-то страшную бездну, гдѣ юность и отвага, раскаяніе и благородная рѣшимость, любовь и наслажденіе, все свалено въ кучу и схоронено навѣкъ.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 5, май, 1903 г.

А эта бѣдняжка тамъ наверху, ее нельзя было увезти домой — она была еле жива. При ней были сидѣлка и докторъ; мать со страхомъ прислушивалась къ каждому ея дыханію. Недавній дифтеритъ ослабилъ ея сердце и нервную систему; ударъ былъ жестокъ, и врачи не обѣщали ничего хорошаго въ будущемъ.

— Мама!.. мама!.. умеръ!

Крикъ этотъ до сихъ поръ звучалъ въ ушахъ Жюли, отдавался въ каждомъ углу просторной и низкой спальни. Ей чудилось, будто его повторяютъ горы, будто онъ доносится къ ней стономъ изъ безконечной глубины озера. Она чувствовала тамъ во тьмѣ, за стѣнами комнаты враждебную природу, громады горъ и пропасти, грозныя, неумолимыя...

Онъ лежитъ тамъ мертвый, въ пескахъ пустыни, а она жива, невредима, жена Джэкоба Делафильда—по крайней мѣрѣ, по имени.

Въ дверь постучали. Въ первый разъ Жюли не отвѣтила— ей казалось, что и это ей чудится, но стукъ повторился, и она машинально сказала: «Войдите!»

На порогѣ стоялъ Делафильдъ, со свѣчей въ рукѣ, заслоняя отъ нея свѣтъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами. Могу я войти? Я знаю, что вы не спите.

Это было въ первый разъ, что онъ вошелъ въ спальню своей жены. Не смотря на все горе Жюли, у нея какъ-то странно дрогнуло сердце, когда она увидѣла лицо своего мужа, ярко освѣщенное, въ этотъ поздній полуночный часъ. Затѣмъ волненіе перешло въ боль — боль новаго и остраго раскаянія.

Делафильдъ былъ, собственно говоря, года на три моложе Уорквортa, но Жюли показалось, что она видитъ передъ собой человѣка пожилого, преждевременно состарившагося. Онъ сталъ много старше и серьезнѣе даже со времени ихъ свадьбы, съ того памятнаго вечера на берегу Комо, когда, покоряясь нравственной силѣ, надъ которой онъ, казалось, самъ былъ не властенъ, воля ея сдалась, и она согласилась соединить свою судьбу съ его судьбой.

Она смотрѣла на него съ какимъ-то ужасомъ. Почему онъ такъ блѣденъ? Почему у него такое скорбное выраженіе лица? Вѣдь смерть Уорквортa не смертельный ударъ для *него*.

Онъ подошелъ ближе; Жюли все не могла свести съ него глазъ. Неужели это ея вина, что онъ такъ мраченъ, что на лицѣ его лежитъ печать нѣмой душевной борьбы и муки, съ которой не справиться даже его сильной молодости. Сердце ея въ первый моментъ возмутилось противъ подобнаго обвиненія, затѣмъ вдругъ смягчилось какимъ-то теплымъ чувствомъ—она сама не знала, какимъ.

Она приподнялась, сѣла въ постели и протянула ему обѣ руки. Ему вспомнился тотъ вечеръ въ Гериберть-стритѣ, послѣ ухода Уорквортa,

когда она была такъ грустна и покорна. Та же тоска, та же растерянность и тревога были въ ея позѣ теперь.

Онъ опустился на колѣни возлѣ кровати и обнялъ ее. Она обвилась руками вокругъ его шеи, спрятала лицо у него на плечѣ и тутъ только въ первый разъ заплакала.

— Онъ былъ такъ еще молодъ,—говорила она прерывающимся голосомъ,—такъ молодъ!

Делафильдъ нѣжно гладилъ ее по головѣ.

— Онъ умеръ, служа своей родинѣ,—выговорилъ онъ, съ трудомъ владѣя своимъ голосомъ. — И вы такъ горюете о немъ. Я не могу такъ ужъ сильно жалѣть его.

— Вы дурно думали о немъ, я знаю,—рыдая, говорила Жюли.— Но онъ не былъ—не былъ дурнымъ человѣкомъ.

Она откинулась на подушки; слезы градомъ катились по ея щекамъ.

Делафильдъ молча поцѣловалъ ея руку.

— Когда-нибудь я все вамъ скажу,—выговорила она прерывающимся голосомъ.

— Да, скажите. Намъ обоимъ будетъ легче.

— Я докажу вамъ, что онъ не былъ низкимъ человѣкомъ. Когда—когда онъ предложилъ мнѣ ту поѣздку, онъ былъ доведенъ до отчаянія. И я тоже. Развѣ онъ могъ взять назадъ свое слово? Вы сами видите, какъ она любила его. Но мы не могли такъ разойтись, проститься навѣки. Все это нахлынуло на насъ такъ неожиданно. Мы хотѣли принадлежать другъ другу всецѣло—только два дня—прежде чѣмъ разстаться навсегда. О! я все скажу вамъ...

— Скажите мнѣ все сейчасъ! — молвилъ онъ властно, ломая въ своихъ рукахъ ея нѣжныя руки и прижимая ихъ къ своей груди, такъ что она чувствовала біеніе его сердца.

— Отпустите мою руку. Я покажу вамъ письмо — его послѣднее письмо ко мнѣ.

И она, вся дрожа, вытащила изъ-подъ подушки его письмо, наскоро нацарапанное въ убогомъ отелѣ, близъ Gare de Sceaux.

Но не успѣла она передать его Делафильду, какъ ощутила въ душѣ приливъ новыхъ чувствъ, и ея поступокъ пересталъ казаться ей такимъ простымъ. Она защищала своего возлюбленнаго и себя передъ лицомъ друга, который только по имени былъ ея мужемъ. Это былъ крикъ души, мольба о сочувствіи—одного человѣка къ другому.

Но когда Делафильдъ взялъ письмо и началъ читать, у нея какъ-то странно, по другому, забилось сердце, и кровь застучала въ виски. Она вспомнила страстныя фразы, заключавшіяся въ письмѣ, и въ душѣ ея проснулись новыя страхи, новыя угрызенія.

Делафильдъ переживалъ также нестерпимо сложныя ощущенія. Ночное время, эта нѣжная интимность—естественная близость мужа и жены;

чувство близости Жюли, ея лица, волосъ, всего ея милаго тѣла—близости, которую онъ все время ощущалъ, какъ ни старался забыть объ этомъ; утонченное изящество этой женской спальни, невольно выдающее вкусы хозяйки; его полуправа на неё, и взывающія къ любви, и напоминающія о торжественномъ обязательствѣ, которое онъ взялъ на себя, чтобы завладѣть ею,—какой мужчина на его мѣстѣ не былъ бы глубоко смущенъ и взволнованъ?

Сердечная боль, естественные физическіе порывы, и рядомъ иные голоса—состраданія, самообузданія, великодушія, и еще голосъ, суровый и нѣжный голосъ религіи, болѣе всѣхъ властный надъ душой этого глубоко вѣрующаго человѣка.

Съ этой бурей въ душѣ онъ читалъ письмо, все еще не вставая съ колѣнъ и не выпуская ея руки. Жюли закрыла глаза и лежала тихо; только свободная рука ея по временамъ вздрагивала, отирая слезы, медленно струившіяся по ея щекамъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ, наконецъ, нетвердымъ голосомъ, кладя письмо на подушку,—благодарю васъ! Хорошо, что вы дали мнѣ прочесть это письмо. Оно совершенно мѣняетъ мое мнѣніе о немъ. Еслибъ онъ остался живъ...

— Но онъ умеръ! умеръ!—мучительно вскрикнула вдругъ Жюли, стараясь вырвать у него свою руку и пряча лицо въ подушки.—Умеръ какъ разъ тогда, когда ему такъ хотѣлось жить... О, Боже мой! Боже мой! Нѣтъ! Бога нѣтъ! Никто не жалѣетъ, никому нѣтъ дѣла...

Она вся тряслась отъ конвульсивныхъ рыданій. Делафильдъ утѣшалъ её, какъ могъ. Вдругъ она жалобнымъ жестомъ протянула руку и коснулась его лица.

— И вы тоже—что я съ вами сдѣлала? Какой у васъ ужасный видъ! Я приношу несчастье... Зачѣмъ вы только женились на мнѣ? Я не могу вырвать этого изъ своего сердца, не могу!

И она опять зарылась въ подушки. Делафильдъ нагнулся къ ней.

— Вы думаете, я такъ малодушенъ, что сталъ бы просить васъ объ этомъ?

Мигъ, и вся душа Жюли была уже полна мятежнымъ протестомъ. Отъ этихъ возвышенныхъ чувствъ на нее вдругъ повѣяло холодомъ. Будь онъ болѣе обыкновеннымъ человѣкомъ, болѣе доступнымъ слабости, страсти, эгоистически жалѣющимъ самого себя, онъ больше выигралъ бы въ ея глазахъ. Еслибъ боль его живой души, ускользнувъ изъ-подъ контроля разсудка, встала рядомъ съ властнымъ воспоминаніемъ о погибшемъ возлюбленномъ, Делафильдъ, можетъ быть, нашелъ бы въ своихъ объятіяхъ другую Жюли. Но такъ ея мужъ казался ей больше и меньше, чѣмъ человѣкомъ; она невольно преклонялась передъ нимъ, но ея мятежное сердце не лежало къ этому суровому аскетизму.

Когда, наконецъ, она сдержала слезы, онъ понялъ, что ей хочется

быть одной, и чутьемъ угадалъ происшедшую въ ней реакцію. Съ невольнымъ тяжелымъ вздохомъ онъ поднялся съ мѣста. Она разслышала вздохъ, но не тронулась имъ; ей стало только непріятно.

— Можетъ быть, уснете немножко?

— Попробую, mon ami.

— Если сна не будетъ и вамъ захочется, чтобы я почиталъ вамъ, позовите меня, я буду въ сосѣдней комнатѣ.

Она слабо поблагодарила его, и онъ пошелъ, но отъ дверей вернулся обратно.

— Сегодня вечеромъ,—онъ колебался,—пока здѣсь были врачи, я сбѣгалъ въ Монтре кратчайшимъ путемъ и послалъ телеграмму. Консулъ въ Занзибарѣ мой старый пріятель. Я просилъ его сообщить подробности по телеграфу. Письма придутъ не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли.

— Я знаю. Вы очень, очень добры!

Часъ за часомъ сидѣлъ Делафильдъ въ своей комнатѣ въ ожиданіи зова, пока не занялась заря.

Къ его комнатѣ примыкалъ небольшой балкончикъ, и, выйдя на него въ четвертомъ часу утра, онъ очутился въ безмолвномъ обществѣ окутаннаго туманомъ озера, высокихъ горъ, розовѣвшихъ на восточной окраинѣ неба и лѣсистыхъ холмовъ, одинъ за другихъ выступавшихъ изъ тумана навстрѣчу утру. Все было такъ свѣжо, торжественно и пустынно—и широко раскинувшееся озеро, и ущелья ледниковъ, гдѣ залегли багряныя тѣни, и крутизны Нэйскихъ утесовъ, гдѣ сверкалъ на солнцѣ только что выпавшій снѣгъ, и прохладный вѣтеръ, несшійся изъ воротъ Италіи по извилистымъ закоулкамъ дивной долины, которая споконъ вѣковъ служила большой дорогой.

На всемъ озерѣ ни одной лодки; кругомъ ни голоса, ни звука; и луга, и виноградники были пустынны. Но инстинктъ, а также легкій шорохъ въ сосѣдней комнатѣ говорили ему, что Жюли не спитъ, какъ и онъ. Да и наверху слышны голоса и осторожные шаги сидѣлки. Бѣдная маленькая наслѣдница! она также бодрствуетъ, борясь со своимъ горемъ.

Странное чувство стыда, самоосужденія закрадывалось въ его сердце. Все это время онъ каждый день ложился съ тревогой и вставалъ съ горечью въ душѣ. Не было дня, съ тѣхъ поръ, какъ они пріѣхали въ Швейцарію, когда бы онъ, человѣкъ съ сильными отъ природы страстями, не заставлялъ себя взглянуть въ лицо жестокой правдѣ: онъ почти насильно женился на женщинѣ, которая никогда его не полюбитъ, сдѣлалъ ложный и непоправимый шагъ, послѣдствія котораго, по всей вѣроятности, окажутся гибельными для него и нестерпимыми для нея.

И все же, несмотря на грусть и мрачныя предчувствія, даже и въ

эту ночь, когда онъ мучительно завидовалъ мертвому, но все еще любимому Уоркворту, онъ не былъ безусловно несчастливъ. Таинственная сила, всегда живущая въ душѣ мистика и вливающая въ нее новую бодрость, не покидала его никогда, была съ нимъ и теперь, говорила съ нимъ таинственными переливами зари.

Такъ могъ ли онъ равняться съ Жюли, когда ему не дано было испытывать настоящее, острое, мучительное горе? На душѣ у него было какъ-то странно; онъ точно двоился. Онъ чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, защищенный въ борьбѣ волшебными доспѣхами, и совѣсть корила его, и ему хотѣлось сбросить съ себя заколдованное вооруженіе, чтобы быть такимъ же, какъ его братья, слабые, бьющіеся ощупью, во мракѣ. Но тутъ онъ вспоминалъ о томъ, чья рука укрыла его волшебнымъ щитомъ, и сердце его таяло отъ благоговѣйнаго умиленія.

«Другъ моей души и всего міра, сдѣлай меня твоимъ орудіемъ. Ты любовь, вѣщай моими устами, привлеки ко мнѣ ея сердце».

Наконецъ, убѣдившись, что ему не уснуть, и находя, что онъ думалъ достаточно, Делафильдъ вышелъ изъ гостинницы и росистыми лугами, гдѣ только что появились косцы, пробрался къ ручью Les Avants. Купанье совсѣмъ освѣжило его, и онъ вернулся домой полемъ, вдыхая ароматъ весеннихъ цвѣтовъ, настойчиво гоня отъ себя свои ночныя мысли и вмѣсто нихъ, заставляя себя думать объ организаціи мелкой аренды въ одномъ изъ помѣстій, принадлежавшихъ его кузену.

Спускаясь къ Шарнэ, онъ повстрѣчалъ почтальона и взялъ у него письма. Одно изъ нихъ было отъ герцога Чедлея и заключало въ себѣ грустныя вѣсти. Отецъ и сынъ возвратились въ Англію, и, благодаря сырой, холодной погодѣ, юный лордъ Эльмира, въ довершеніе всѣхъ своихъ бѣдъ, схватилъ еще воспаленіе легкихъ. Сама по себѣ форма была не тяжелая, и болѣзнь почти уже прошла. «Но эта новая болѣзнь страшно истощила его силы, а ты знаешь, много ли ихъ осталось. Не забывай его. Онъ постоянно думаетъ и говоритъ о тебѣ».

Делафильда потянуло домой, на родину. Но онъ зналъ, что Жюли будетъ чувствовать себя теперь трагически связанной съ Моффатами,— а развѣ онъ можетъ оставить ее? Онъ печально говорилъ себѣ, что ему нельзя рисковать единственнымъ шансомъ завоевать ея сердце. Отъ того, какъ онъ будетъ держать себя теперь, въ эту горькую для нея минуту, когда она оплакиваетъ Уоркворта, зависитъ, можетъ быть, все ихъ будущее.

Но и родные имѣли на него право. Ему мучительно тяжело было думать о герцогѣ и его бѣдномъ сынѣ, которые такъ трогательно-безпомощно цѣплялись за него. Джэкобъ зналъ, что герцогъ самъ неизлѣчимо боленъ. Надолго ли онъ переживетъ своего бѣднаго мальчика?

И тутъ Делафильда неожиданно захватила врасплохъ мысль, которой онъ такъ старательно и хитро избѣгалъ,—мысль объ ожидавшемъ

его колоссальномъ наслѣдствѣ и герцогскомъ титулѣ. У всякаго другого англичанина при этой мысли сильнѣе забилось бы сердце отъ естественной радости, но Делафильдъ ощущалъ только смутное предвкушеніе будущихъ мукъ. Въ этомъ отвращеніи къ титулу и богатству было, можетъ быть, что-то болѣзненное, что-то близкое къ «чудачествамъ» его отца, къ ханжеству и фанатизму его бабушки, вѣчно окруженной «цѣлой сворой поповъ», какъ выражался сэръ Уильфридъ. Эти странности, проявлявшіяся въ его предкахъ въ грубой и рѣзкой формѣ, въ немъ сказались переоцѣнкой всѣхъ цѣнностей, своеобразностью критерія, которую заурядный здравомыслящій англичанинъ назвалъ бы ханжествомъ или глупостью.

И однако, чувство, говорившее въ Делафильдѣ, не было ни тѣмъ, ни другимъ; у него была своя логика и своя исторія. Делафильдъ съ ранней юности былъ окруженъ преимуществами знатнаго имени и богатства. Они утратили для него обаяніе, а между тѣмъ, онъ видѣлъ какія тяжелыя обязанности они налагаютъ и какъ они безсильны дать самое необходимое для человѣка—здоровье и душевный покой. Да и какъ могъ бы онъ не понять этого, видя передъ собой печальную фигуру герцога и его обреченнаго смерти сына? Никакой пищи воображенію и поэтическому чувству Делафильдъ въ этомъ не находилъ. Въ традиціяхъ, несомнѣнно, есть что-то волнующее, но что завиднаго въ мысли, что будешь владѣть несмѣтнымъ количествомъ акровъ земли, такимъ множествомъ домовъ и новыхъ, и старыхъ, что во всѣхъ въ нихъ нѣтъ возможности жить, такой уймой денегъ, которой благоразумному человѣку во вѣкъ не истратить, и нести кучу обязательствъ, которыхъ не въ состояніи выполнить? Все это часто казалось Делафильду сущимъ бѣдствіемъ, тягостнымъ бременемъ—и только. И то, что законъ и обычай могутъ принудить его и когда-нибудь непремѣнно принудятъ возложить на себя это бремя, представлялось ему жестокой соціальной несправедливостью.

Ко всему этому примѣшивалось еще его страстное поклоненіе демократіи духа. Возсѣдать на тронѣ, словно какое-то божество, окруженное купленными знаками уваженія близкихъ, и обладать могуществомъ, съ которымъ не знаешь, что дѣлать—это вызывало въ Делафильдѣ такой же презрительный протестъ, какъ и въ святомъ Францискѣ. Въ его душѣ непрестанно звучали слова святого: «Пусть никто не называетъ тебя господиномъ!»

Всѣ эти привычныя мысли, кружившіяся въ умѣ Делафильда въ то время, какъ онъ шелъ по улицѣ Шантрэ, время отъ времени пронизывала новая острая мысль—о Жюли! Зналъ ли онъ, пытался ли онъ узнать, какъ она смотритъ на это будущее, предстоящее ему? Нѣтъ, у него не хватало духу. Она пробовала зондировать его на этотъ счетъ, но сама не высказывалась.

Въ то время, когда Жюли жила у леди Генри, Делафильдъ нерѣдко

замѣчалъ въ ней пристрастіе къ высокому званію и богатству. Вначалѣ это казалось ему естественнымъ въ женщинѣ романтизмомъ; потомъ онъ объяснялъ это себѣ иначе, приводя это въ связь съ ея усиліями помочь Уоркворту.

Но что, если онъ въ концѣ концовъ убѣдится, что это и есть цѣль, къ которой она стремилась, что въ этомъ и заключается ея награда? Она согласилась выйти замужъ безъ любви и потеряла возлюбленнаго, но герцогскій титулъ вознаградитъ ее за все. Онъ зналъ, что такъ чувствовали бы на ея мѣстѣ девять женщинъ изъ десяти. Но одна мысль что Жюли можетъ быть такова же, сводила его съ ума. Такъ значитъ онъ всегда останется для нея только символомъ низменныхъ удовольствій и выгодъ, а сердце ея попрежнему будетъ принадлежать Уоркворту?

Нѣтъ! не можетъ быть!

Онъ даже остановился, чтобы крѣпче запечатлѣть въ себѣ этотъ радостный и самодовольный отвѣтъ. Такъ не можетъ быть. Вѣдь она отказала ему дважды, зная его обстоятельства и его виды на будущее. Въ эту минуту онъ вдвойнѣ обожалъ ее за ея прежніе отказы.

Ровно черезъ двадцать четыре часа Делафильдъ получилъ отвѣтную телеграмму отъ своего пріятеля изъ Занзибара. Она повторяла то, что уже было напечатано въ англійскихъ газетахъ съ добавленіемъ извѣстія, что Делафильдъ похороненъ вблизи одной деревни на пути каравановъ въ Мокембе и что на его могилѣ поставленъ знакъ. Телеграмма заканчивалась словами: «Славный юноша. Не повезло. Всѣ здѣсь очень огорчены».

За эти слова Делафильдъ былъ неожиданно награжденъ взоромъ горячей признательности, сверкнувшей въ темныхъ впалыхъ глазахъ Жюли. Она сжала его руку и прильнула лицомъ къ его плечу.

Леди Бланшъ тоже поплакала надъ телеграммой, восклицая, что она всегда вѣрила въ Генри Уоркворта и что теперь сплетники въ Симлѣ, такъ усердно чесавшіе языки насчетъ его и Эйлинъ, можетъ быть устыдятся.

Къ великому неудовольствію Делафильда, она вылила на него потокъ откровенностей, которыхъ онъ предпочелъ бы избѣжать. Онъ принесъ ей телеграмму въ ея гостиную. Въ комнатѣ рядомъ лежала Эйлинъ, по словамъ ея матери, еще совсѣмъ больная, почти безъ языка. Делафильдъ только дивился, какъ мать, рядомъ съ такой трагедіей, находитъ возможнымъ разсказывать исторію дочери сравнительно чужому человѣку. Леди Бланшъ представилась ему неуравновѣшенной и глупой женщиной, игрушкой — съ одной стороны, смутной зависти и антипатій, съ другой—романическаго и сентиментальнаго темперамента, кичащагося своимъ презрѣніемъ къ «свѣту»,—подъ которымъ подразумѣвалось, въ сущности, самое обыкновенное благоразуміе.

Она съ перваго же дня вдовства жаловалась на опекуновъ своей

дочери, ревнуя къ тому, что не ей предоставлено закономъ распоряжаться деньгами и судьбою Эйлинъ, и въ душѣ рѣшила все дѣлать по своему. Своенравіе и причуды отца, принявшія такую красивую и странную форму въ Розѣ Деланэй, утратили всякую привлекательность въ болѣе мелкой, эгоистичной и преданной условностямъ леди Бланшъ.

А впрочемъ, по своему она была добра. Она ни въ чемъ не могла отказать Эйлинъ. Она легко способна была расчувствоваться надъ любовной исторіей. И когда Уорквортъ сталъ ухаживать за ея дочерью съ пылкостью, которая испугала бы всякую осторожную мать, и робкая, прелестная восемнадцатилѣтняя дѣвочка сдѣлалась предметомъ разговоровъ всей Симлы, леди Бланшъ, купленная лестью Уорквортa, всей душой встала на сторону Эйлинъ и противъ ея гадкихъ опекуновъ.

Бѣдная женщина! Она была жестоко наказана за свое легкомысліе. Съ удивленіемъ и ужасомъ замѣтила она, какъ властно овладѣла страсть нѣжной и хрупкой дѣвичьей душой. Ея маленькая дочка, такая невинная, нѣжная, дѣвственно чистая, обнаружила способность любить, всецѣло отдаваясь чувству, какая рѣдко встрѣчается въ наше время.

Она жила и дышала только Уорквортомъ. Ея здоровье, всегда хрупкое, сильно пострадало отъ ихъ разлуки. Она стала худенькой и воздушной, какъ видѣніе, — настоящей «кисейной барышней». Обычный строй ея жизни, общество и путешествія утратили для нея всякую привлекательность; она тяготилась этой жизнью и выносила ее съ отвращеніемъ, что уже само по себѣ подрывало ея жизненныя силы. Мать страшно встревожилась и сейчасъ же пошла на уступки, — разрѣшила Эйлинъ переписываться съ женихомъ, по секрету отъ опекуновъ. Но каждое письмо несло съ собой волненія, которыя ураганомъ врывались въ душу этого полуребенка и, казалось, подкашивали у корня молодую жизнь. А тамъ явился дифтеритъ съ его ядовитымъ воздѣйствіемъ на уже разстроенную нервную систему.

И тутъ на огорченную мать, какъ громъ, свалилось извѣстіе, что Уорквортъ, съ которымъ она сама регулярно переписывалась, которому Эйлинъ и съ одра болѣзни посылала маленькія записочки карандашемъ, предназначенныя утѣшить тоскующаго влюбленнаго, — что Уорквортъ спутался въ Лондонѣ съ другой — какой-то миссъ Ле-Бретонъ, безъ роду и племени, платной компаньонкой леди Генри, но красивой, беззастѣнчивой и ловкой интриганкой, — именно такой женщиной, которая, какъ коршунъ, способна была вырвать кусокъ изо рта ея бѣдной голубки.

Письмо Эмили Лауренсъ, писанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ вечера, проведеннаго въ домѣ герцогини Кроуборо, подняло бурю тоски и тревоги въ материнской груди. Леди Бланшъ посмотрѣла на дочь, которая лежала въ постели, откинувшись на подушки, блажен-

но сжимая въ своихъ худенькихъ ручкахъ письма Уоркворта, и ничего не сказала, но сейчасъ же сѣла писать измѣннику.

Измѣнникъ отвѣтилъ съ первой же почтой. Онъ защищался, оправдывался, умолялъ не обращать вниманія на сплетни. Миссъ Ле-Бретонъ—его другъ, который трудится на пользу столько же его, сколько и Эйлинъ. Своимъ теперешнимъ назначеніемъ, которое должно такъ быстро двинуть впередъ его служебную карьеру, онъ обязанъ въ значительной степени вліянію миссъ Ле-Бретонъ. Въ то же время онъ совѣтовалъ леди Бланшъ не доводить до свѣдѣнія Эйлинъ не только глупыхъ сплетенъ, но даже и этого правдиваго и невиннаго факта его дружескихъ отношеній съ миссъ Ле-Бретонъ. Нельзя предвидѣть, какъ она отнесется къ этому, — молоденькія дѣвушки такія фантазерки,—лучше онъ самъ ей разскажетъ современемъ.

Лэди Бланшъ пришлось удовольствоваться этимъ. Вѣсть о командировкѣ Уоркворта въ Мокембе сыграла видную роль въ выздоровленіи Эйлинъ. Дѣвушка ликовала, радовалась день и ночь и писала ангельскія письма жениху.

Мать слѣдила за ней съ самыми противоположными чувствами. Что касается отвѣтовъ Уоркворта, которые иногда ей показывались, леди Бланшъ, въ дѣвицахъ весьма увлекавшаяся и героиня многихъ романовъ, втайнѣ находила, что любовныя письма мужчинъ стали теперь очень блѣдны и жалки, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ писали встарину.

Но Эйлинъ была болѣе, чѣмъ довольна ими. Какъ онъ, должно быть, занятъ, бѣдняжка! — и какими все важными дѣлами! Бѣдный, милый! Какъ онъ добръ, что находитъ время вспомнить о ней, черкнуть ей словечко!

И вотъ, леди Бланшъ видѣла свою дочь сломанной, разбитой, искалѣченной раньше, чѣмъ она, въ сущности, начала жить. Ея материнское горе было очень искренно и должно было бы быть трогательнымъ. Но она была не изъ тѣхъ, кто внушаетъ участіе. Вся ея наружность—глаза съ красными вѣками, растрепанные волосы, непріятная манера сопѣть носомъ, въ соединеніи съ отсутствіемъ достоинства и сдержанности въ ея манерахъ, возбуждали скорѣе нетерпѣніе, чѣмъ сочувствіе.

«А мама такъ любила ее!» говорила себѣ иногда Жюли, вспоминая немного дикую грацію и оригинальную красоту своей матери и сопоставляя ихъ съ неуклюжей распущенной фигурой ея сестры, оставшейся знатной леди.

Леди Бланшъ, въ свою очередь, зорко слѣдила за своей неожиданно обрѣтенной племянницей, вспоминая исторію, разсказанную ей братьями, и стараясь припомнить сестру, которую она потеряла, когда сама была почти еще дѣвочкой. И тутъ же рядомъ ей вспоминалось письмо Эмили Лауренсъ и разные дошедшіе до нея слухи объ отношеніяхъ Жюли и Уоркворта.

Что у нея теперь на умѣ—у этой женщины? Лицо блѣдное, взглядъ трагическій. Но какое право имѣетъ она горевать? Или она представляется грустной для того, чтобъ ее жалѣли?

Джэкобъ Делафильдъ былъ такъ глупъ, что женился на ней, а теперь еще судьба, чего добраго, сдѣлаетъ ее герцогиней. Кому не надо, тѣмъ везетъ,—это ужъ всегда такъ!

Иногда въ памяти леди Бланшъ неожиданно вставалъ образъ ея черноглазой сестры Розы, ихъ дѣтскія прогулки въ колясочкѣ, запряженной пони, вспоминалось, какъ Роза учила ее, какъ она обожала Розу и какъ потомъ словно черная пелена забвенія и осужденія спустилась и закрыла Розу и все относившееся къ ней.

Но дочь Розы! О ней можно сказать только одно: изъ нея вышло то, что и должно было выйти при такихъ условіяхъ — жеманница, кривляка! На этотъ счетъ у ея тетки не было никакихъ сомнѣній. А ея бѣдняжка Эйлинъ такъ привязалась къ этой женщинѣ, не выпускаетъ ея руки изъ своей, такъ ласково смотритъ своими грустными кроткими глазками на эту интриганку, которая хотѣла отнять у ней милаго!

Что такое сталось съ дѣвочкой? Письмо Уорквортa да общество Жюли—больше ей, кажется, ничего и не нужно!

И вотъ, наконецъ, когда ужъ на дворѣ блисталъ іюнь, и торжествующее лѣто прогнало жалкую весну, когда луга были полны красокъ и благоуханій, и ясныя горы на ясномъ небѣ и на зарѣ, и въ полдень, и ночью дышали вѣчно новой и неувядаемой красотой, бѣдная исхудалая больная посмотрѣла прямо въ глаза Жюли и безъ слезъ разсказала ей свою исторію:

— Это его письма — потомъ какъ-нибудь я вамъ прочту ихъ;—а это его портретъ. Я знаю, вы встрѣчались съ нимъ у леди Генри. Онъ упоминалъ о васъ въ письмахъ. Пожалуйста, раскажите мнѣ все.—Вы часто видѣли его?—что онъ вамъ говорилъ? Вы видите—я уже поправляюсь—я все могу перенести!

Эти двѣ недѣли ожиданія писемъ изъ Африки и выздоровленія Эйлинъ страшно трудно доставались Делафильду; и мозгъ, и нервы его были напряжены до послѣдней степени. Все его вниманіе было поглощено Жюли и его отношеніями къ ней.

Прежде всего онъ видѣлъ, что она не можетъ свободно отдаться своему горю, должна глушить, таить въ себѣ свою тоску, мучительную нѣжность и жалость, томившія ея душу. Онѣ были бы оскорбленіемъ для леди Бланшъ и жестокой неожиданностью для Эйлинъ. Вся душевная жизнь Жюли сосредоточилась въ данный моментъ на ея дружбѣ съ новоявленной кузиной. Эта слабенькая хрупкая дѣвушка чуть не умерла отъ того, что смерть отняла у нея жениха. А Уорквортъ и не

любилъ, и не стоилъ ея; Жюли знала, что онъ ѣхалъ въ Африку и шелъ навстрѣчу смерти съ другимъ образомъ въ сердцѣ.

Въ этомъ была постоянная, непоправимая жестокость, и Жюли не могла не испытывать угрызеній. День за днемъ нѣжность льнувшей къ ней дѣвушки глубже захватывала ея сердце, и тѣмъ больнѣй колола её мысль, что между ними всегда будетъ перегородка и тайна, которой нельзя раскрыть безъ того, чтобы Эйлинъ не отшатнулась въ ужасѣ.

Это былъ новый видъ нравственной муки для человѣка, который до тѣхъ поръ жилъ лишь умомъ и страстью. До извѣстной степени это отодвигало на второй планъ даже ея скорбь объ Уорквортѣ и безумную жалость къ его грустной участи. Подъ вліяніемъ вѣчнаго страха, какъ бы больная не разгадала и не возненавидѣла её, горе Жюли незамѣтно утратило свою первоначальную остроту.

Волнуемая въ глубинѣ души этими тайными чувствами Жюли была все время блѣдна и молчалива, но никогда еще ея врожденная грація такъ не бросалась въ глаза. Всѣ обитатели маленькаго пансіона, хозяева, прислуга, посѣтители, чувствовали какой-то романическій трепетъ въ ея присутствіи. Леди Бланшъ, растерянная, любопытная и надоѣдливая, возбуждала нетерпѣніе или скуку; ея горе никого не трогало. Но Жюли всѣ въ глаза смотрѣли, всѣ кидались исполнять ея порученія.

А когда день приходилъ къ концу, наступала очередь Делафильда. Жюли страдала безсонницей, и онъ мало-по-малу присвоилъ себѣ право читать ей вслухъ и развлекать её разговоромъ. Это были очень интимныя и очень странныя отношенія. Онъ случался къ ней въ спальню, входилъ и заставалъ ее на кушеткѣ, печальной, нерѣдко въ слезахъ, съ распущенными по плечамъ черными волосами. Съ внѣшней стороны ихъ отношенія были очень церемонны, даже далеки; внутренно каждый испытывалъ другого, и въ отношеніи Жюли къ Делафильду было теперь больше неувѣренности, больше волненія и какая-то новая для нея робость, какая-то трепетная почтительность. Въ прежніе дни, когда Жюли, съ ея начитанностью и успѣхами въ свѣтѣ, была центромъ ихъ маленькаго кружка, когда всѣ восхищались ею и льстили ей, Делафильдъ чувствовалъ себя рядомъ съ ней неуклюжимъ, топорнымъ, и это сковывало его уста. Ея превосходство было такъ естественно, и она всегда была милостивой владычицей; и онъ самъ любилъ подчеркивать это ея превосходство, выдвигать его, считать его вполнѣ законнымъ.

Но роли ихъ незамѣтно перемѣнились.

— Вы судья!—вы всегда судите! — сказала она однажды съ нетерпѣніемъ. И теперь она все время подстерегала, старалась угадать эти его внутренніе приговоры надъ жизнью и людьми. Они безконечно интриговали ее, дразнили ея любопытство. Она старалась вырвать ихъ у него изъ души, а когда ей это удавалось, она часто отшатывалась, какъ бы обиженная.

Онъ, съ своей стороны, чѣмъ ближе узнавалъ эту странную натуру, тѣмъ больше дивился ей — ея неровности и причудамъ, ея блестящимъ способностямъ и полному отсутствію въ ней устоевъ или плана жизни. Ею очень долго руководили ея общественные инстинкты, потомъ—страсть. Но при всемъ томъ, что за женщина! сколько въ ней обаянія! Эти поэтическіе жесты и взгляды, эта меланхолически-граціозная манера обращенія непрерывно восхищали его. А какъ она очаровательна теперь, въ этой позѣ ребенка, который льнетъ къ вамъ, заглядываетъ вамъ въ лицо, ждетъ отъ васъ совѣта, помощи и руководительства!

Ея близость опьяняла его, и съ каждымъ днемъ все сильнѣе. По временамъ наступала реакція — оба предвидѣли, что такія отношенія могутъ привести къ нравственной тиранніи и инстинктивно отступали...

Однажды ночью Жюли была особенно нервна и загадочна. Она молчала, и Делафильдъ не могъ опредѣлить, что собственно съ ней творится. Это было нѣсколько дней спустя послѣ ихъ разговора объ Уоркворгѣ. Делафильдъ неожиданно сжалъ ея руку и почти грубо напомнилъ ей ея обѣщаніе все разсказать ему.

Она отнѣкивалась, но его взглядъ и голосъ были властны, а душевная мука искала выхода. Она покорно начала свой разсказъ тихимъ журчащимъ голосомъ, перебирая прошлое—зиму въ Брутонъ-стритѣ, первые слухи о помолвкѣ Уоркворта съ Эйлинъ Моффатъ; ея хлопоты объ Уоркворгѣ, злополучный вечеръ, приведшій къ ея изгнанію, душевную борьбу, пережитую ими обоими, безумный планъ, неожиданно мелькнувшій въ его умѣ во время прощальнаго свиданія, поѣздка въ Парижъ...

Въ ея рѣчахъ звучало волненіе, скорбь и меньше всего—раскаяніе. На Делафильда это производило странное впечатлѣніе. Ему становилось все яснѣе, что онъ посланъ былъ свыше спасти ее.

Вдругъ она оборвала свой разсказъ.

— Я знаю, что вы не можете найти оправданія всему этому!

— Могу. Всему, кромѣ одного,—былъ тихій отвѣтъ.

Она вздрогнула, не спуская глазъ съ его лица.

— Этой бѣдной дѣвочки,—докончилъ онъ шепотомъ.

Жюли жалобно смотрѣла на него. Онъ поднесъ ея руку къ губамъ.

— Понимали ли вы, что дѣлали?

— Нѣтъ, нѣтъ! Откуда же мнѣ было знать? Мнѣ она представлялась совсѣмъ другой, я никогда не видала ея...

Она остановилась, пытливо глядя на него сквозь слезы широко раскрытыми глазами, словно умоляя его подсказать ей оправданіе.

Но онъ тихонько покачалъ головой.

Она вдругъ зарыдала и судорожно прижалась лицомъ къ его рукамъ, какъ человѣкъ, который уже не проситъ и не защищается, но всецѣло ввѣряетъ себя милосердію судьи.

Онъ нѣжно попросилъ ее простить его, если онъ обидѣлъ ее, но не позволилъ себѣ ни одной ласки. Внѣшнія проявленія самыхъ прекрасныхъ и острыхъ моментовъ жизни просты и строги.

Глава XXIV.

— Вы встревожены? Вы получили непріятныя извѣстія?

Голосъ, произнесшій эти слова, принадлежалъ Жюли. Делафильдъ стоялъ какъ бы въ задумчивости, въ самомъ концѣ невысокой террасы возлѣ отеля. Тѣмъ не менѣе онъ сразу разслышалъ въ ея голосѣ сочувствіе и тревогу.

— Боюсь, что мнѣ придется покинуть васъ сегодня вечеромъ,— отвѣтилъ онъ, поворачиваясь къ ней и протягивая ей письмо.

Въ немъ было нѣсколько наскоро набросанныхъ строкъ отъ герцога Чёдлея.

«Доктора говорятъ, что этого мой мальчикъ не вынесетъ. Онъ мужественно боролся, но это выше его силъ. Недѣлю или двѣ, не больше. Попроси м-рсъ Делафильдъ отпустить тебя. Она позволитъ, я знаю, она прислала мнѣ такое милое письмо. Мервинъ все время говоритъ о тебѣ, еслибъ ты слышалъ его, ты бы непремѣнно пріѣхалъ. Страшно, до какой степени все это жестоко! Съумѣю ли я жить безъ него, вотъ главное».

— Конечно, надо ѣхать,—сказала Жюли, возвращая письмо.

— Сегодня же вечеромъ, если вы разрѣшите.

— Само собой. Вы должны.

— Мнѣ страшно непріятно оставлять васъ одну, у васъ на рукахъ столько хлопотъ. Что вы думаете дѣлать?

— Я могу пріѣхать къ вамъ на будущей недѣлѣ. Эйлинъ сегодня уже сойдетъ внизъ. И потомъ я хотѣла бы дождаться здѣсь почты.

— Она будетъ здѣсь дней черезъ пять.

Наступила пауза. Жюли опустилась въ кресло возлѣ балюстрады и смотрѣла вдаль, на озеро. Онъ думалъ: «Что ей почта? Неужели она думаетъ, что онъ ей писалъ?»

Вслухъ онъ спросилъ нѣсколько смущенно:

— Вы ждете писемъ для себя?

Она не сразу отвѣтила.

— Я ничего не жду. Но Эйлинъ живетъ только надеждой получить письмо.

— Она можетъ ничего не получить, кромѣ своихъ собственныхъ писемъ, бѣдняжка!

— Она это знаетъ. Но все-таки она живетъ надеждой.

«А ты?» съ тоской думалъ Делафильдъ, глядя на ея блѣдный профиль. Онъ почувствовалъ вдругъ нестерпимую обиду. Неужели же въ душѣ Жюли вѣчно будетъ противоставлять живому мужу мертваго

возлюбленнаго, причемъ послѣднему всегда будетъ доставаться выигрышная роль?

Но онъ поспѣшилъ отогнать отъ себя эти низкія мысли и полный раскаянія, какъ бы мысленно обнажилъ голову передъ умершимъ.

— Проѣздомъ черезъ Лондонъ, я побываю въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ,—шепнулъ онъ ей...—Тамъ должны быть письма. Все, что узнаю, сообщу вамъ сейчасъ же.

— Благодарю васъ, mon ami,—выговорила она почти беззвучно.

Потомъ посмотрѣла на него, и онъ былъ пораженъ выраженіемъ ея глазъ. Онъ ожидалъ увидѣть горе, они сверкали робкимъ оживленіемъ.

— Пишите мнѣ часто!—сказала она повелительно.

— Само собой. Но вы не утруждайте себя отвѣтами. У васъ тутъ полны руки дѣла.

Она сдвинула брови.

— Не утруждайте себя! Зачѣмъ вы меня такъ балуете? Просите, требуйте, чтобъ я писала!

Онъ улыбнулся.

— Ну, хорошо. Я прошу, я требую!

Она глубоко вздохнула и медленно пошла отъ него по направленію къ дому.

Если въ тайныхъ помыслахъ ея и былъ антагонизмъ, то, несомнѣнно, больше не было ужъ ни холодности, ни критическаго отношенія. Ибо помыслы эти неслись къ человѣку, который не только былъ господиномъ собственной жизни, но неожиданно угрожалъ сдѣлаться и ея господиномъ.

Вначалѣ она тѣшила себя мыслью объ отношеніяхъ, хотя и не похожихъ на обычныя супружескія отношенія, но все же включающихъ значительную долю интимности и тонкостей любви. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше занимали ее и приковывали ея вниманіе неожиданно раскрывавшіяся стороны его характера. Онъ оказывался вовсе не святымъ. Умная и проницательная Жюли скоро подмѣтила въ немъ слѣды упрямаго и раздражительнаго характера, а также врожденной инертности, съ которой постоянно боролась и побѣждала ее духовная энергія его второго, позднѣе развившагося «Я». И вотъ это-то второе «Я», его жизнь и поступки Жюли наблюдала неотступно, то затаивъ дыханіе отъ восторга, то съ возвратомъ прежняго страха. Что человѣкъ можетъ не только казаться, но на самомъ дѣлѣ быть такимъ хорошимъ—это все еще представлялось ей немного нелѣпымъ. Быть можетъ, въ ней говорилъ въ данномъ случаѣ просто прирожденный скептицизмъ. «Слѣдуетъ внимать голосамъ свыше, но такъ, чтобы, если бы оказалась вѣрной другая гипотеза, мы были бы не слишкомъ ужъ одурачены!»

Она охотно выискивала въ немъ раздражавшіе её предразсудки и

суевѣрія. И все же Делафильдъ безсознательно притягивалъ её къ себѣ, какъ птицеловъ приманиваетъ порхающую птичку. Благородство его стремленій, необычайная утонченность его духовнаго склада плѣняли не только ея сердце, но—что для Жюли было очень важно—и ея вкусъ, ея собственную тщательно подавляемую склонность ко всему рѣдкому и прекрасному.

Она признавала, что въ нѣкоторыхъ сферахъ духовной жизни онъ выше ея. Ну и пусть въ этомъ руководитъ, даже, если ему угодно, повелѣваетъ ею. Она будетъ сидѣть у его ногъ, а онъ открывать ей новыя, доселѣ невѣдомыя ей области чувства, восторговъ и тончайшихъ оттѣнковъ нравственныхъ ощущеній.

Понемногу скука, вызванная реакціей и удручавшая её въ первыя недѣли ея супружеской жизни, совершенно исчезла. Делафильдъ уже не казался ей угрюмымъ педантомъ. Приступы нестерпимой душевной боли и жалости къ мертвому смѣнялись у нея теперь минутами волненія и ожиданія, относившихся къ живому, ея мужу. Она думала объ ихъ свиданіи и бесѣдахъ ночью наканунѣ и съ волненіемъ ждала новаго вечера, новой встрѣчи.

Между тѣмъ въ его отношеніи къ ней было еще много наивнаго невѣжества и смиренія. Какъ настоящему большому человѣку, ему и въ голову не приходило ни въ мелочахъ ни въ крупномъ приписывать себѣ вкусы и знанія, которыми онъ не обладалъ. Но это только придавало еще болѣе цѣны его рѣчамъ, когда разговоръ переходилъ на такія темы, гдѣ онъ чувствовалъ себя, какъ дома, и опять-таки безсознательно давалъ ей почувствовать всю возвышенность его нравственной и умственной жизни. И эти контрасты слабости и силы, въ связи съ сознаніемъ разницы половъ, всегда присущимъ такого рода положеніямъ, создавали очень разнообразную и постепенно обостряющуюся игру чувства, возможную, безъ сомнѣнія, только для raffinés этого міра, но для такихъ раффинированныхъ натуръ полную страннаго обаянія и даже волненія.

Передъ вечеромъ Делафильдъ уѣхалъ въ Монтрё, а оттуда въ Лозанну и Лондонъ. Прощаясь съ женой, онъ нагнулся поцѣловать её, и какъ только лицо Жюли коснулось его лица, сильныя руки охватили её и смяли въ жадномъ объятіи. Когда онъ выпустилъ её, краснѣя и бормоча что-то въ родѣ извиненія, она покачала головой и грустно улыбнулась, но ничего не сказала. Только, когда дверь захлопнулась, она, словно разбуженная этимъ звукомъ, побѣжала вслѣдъ за нимъ.

— Джэкобъ! возьмите меня съ собой!

Но ея голосъ замеръ въ трескѣ и грохотѣ отъѣзжавшаго дилижанса, и она осталась одна у дверей, вся дрожа подъ наплывомъ противоположныхъ ощущеній, которыя, казалось, то возвышали, то унижали её.

Полчаса спустя послѣ отъѣзда Делафильда на террасѣ появилась

исхудалая фигурка Эйлинъ Моффатъ въ черномъ платьѣ и шляпкѣ. Она едва держалась на ногахъ и цѣплялась за руку матери, но не захотѣла лечь въ кресло-качалку, нарочно приготовленное для нея, съ разложенными на немъ пледами и подушками.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте!—И она сѣла на простой стулъ, обводя террасу и озеро внимательнымъ, пристальнымъ взглядомъ, словно что-то припоминая. И вдругъ склонила голову на руки.

— Эйлинъ!—вскрикнула леди Бланшъ, бросаясь къ ней.

Но дѣвушка отстранила ее.

— Оставь мама, мнѣ хорошо.

Она овладѣла собой, подавила волненіе и, опершись руками на балюстраду, долго и кротко смотрѣла въ пурпурную глубь и мерцающіе вдали снѣга Ронской долины. Шляпа давила ей голову, и Эйлинъ сняла ее, обнаруживъ всю роскошь своихъ свѣтло-золотистыхъ волосъ, матовыхъ, безъ блеска, словно отмѣченныхъ той же печатью физическаго страданія и утраты, какъ и все ея существо.

Лицо ея было лицомъ существа, обреченнаго гибели и утратившаго способность бороться, за право жить. Прежняя чувствительность перешла въ меланхолію; складочка между бровями врѣзалась глубже, блѣдныя губы были плотно сжаты. И все же минутами въ ней было столько обаятельной ласки,—послѣднее усиліе прекрасной души, созданной для счастья и увядшей до времени.

Жюли стояла возлѣ нея. Улучивъ минутку, когда леди Бланшъ вышла въ салонъ за книгой, бѣдная дѣвочка взяла ее за руку.

— Очень возможно, что письмо придетъ сегодня вечеромъ,—торопливо шепнула она.—Моя горничная пошла въ Монтрё. Тамъ есть на почтѣ одинъ такой славный служащій. Онъ умный, онъ все знаетъ. Онъ говоритъ, что это можетъ быть сегодня вечеромъ.

— Только не огорчайтесь очень, если ничего не будетъ,—сказала Жюли, гладя ея ручку, такую тоненькую, холодную и безжизненную. Ей стало жутко отъ этого ледяного прикосновенія. Какъ легко могло это крушеніе силъ и здоровья стать дѣломъ ея рукъ!

Колокола въ Монтре пробили половину седьмого. Въ каждомъ движеніи больной сквозило нетерпѣливое мучительное ожиданіе. Она не могла больше сидѣть на мѣстѣ и прохаживалась по террасѣ, опираясь, на руку Жюли. Ея медлительная поступь, траурный цвѣтъ ея одеждъ борьба между молодостью и смертью въ обострившихся чертахъ ея лица придавали трагическій оттѣнокъ ея хрупкой красотѣ. Жюли мучительно больно было смотрѣть на нее; и въ то же время она сама втайнѣ съ замираніемъ сердца ждала послѣдняго привѣта Уорквортa.

Какъ только леди Бланшъ вернулась, она поспѣшила уйти, вышла черезъ корридоръ отеля на улицу и направилась по дорогѣ въ Монтре. Почта уже въѣзжала въ деревню, и почтальонъ, знавшій ее, охотно отдалъ ей письма.

Да! пакетъ для Эйлинъ, надписанный неизвѣстной рукой, адресованный въ Лондонъ и пересланный сюда. На маркѣ стояло: «Денга».

Другое письмо было на ея имя, изъ Лондона, съ адресомъ, писаннымъ рукою мадамъ Борнье. Жюли разорвала конвертъ; внутри былъ другой и на немъ выведенный слабѣющей рукою Уорквортъ адресъ: «Mademoiselle Ле-Бретонъ, 3, Гериберть-стритъ, Лондонъ».

У нея хватило силы снести письмо въ свою комнату, позвать горничную Эйлинъ и съ нею отослать другой пакетъ леди Бланшъ. Затѣмъ она заперлась на ключъ...

О! этотъ бѣдный измятый листокъ, съ трудомъ выведенныя буквы...

«Жюли, я умираю. Всѣ здѣсь такіе добрые, но они не могутъ спасти меня. Это ужасно...

«Я прочелъ о вашей помолвкѣ въ газетѣ наканунѣ отъѣзда изъ Денги. Вы правильно разсудили. Онъ сдѣлаетъ васъ счастливой. Скажите это ему отъ меня. О! Боже мой, я никогда больше не потревожу васъ. Благословляю васъ за ваше письмо. Вотъ оно... Нѣтъ... не могу... не могу прочесть. Все спать хочется... Боли нѣтъ...»

Здѣсь очевидно перо выпало у него изъ рукъ. Она стала искать въ конвертѣ продолженія и вынула свое собственное, безумное и страстное письмо, писанное въ Гериберть-стритъ, раннимъ утромъ, въ ожиданіи Делафильда съ вѣстями объ умирающемъ лордѣ Лэкинтонѣ.

За маленькимъ табльд'отомъ отеля въ этотъ день сидѣло еще меньше обыкновеннаго. Леди Бланшъ обѣдала съ больной дочерью; м-рсъ Делафильдъ тоже не вышла.

Но когда надъ озеромъ выплылъ мѣсяцъ, Жюли, не въ силахъ больше оставаться въ своей комнатѣ, наединѣ съ своими мыслями, накинувъ на голову кружевной шарфъ, пошла бродить куда глаза глядятъ, по крутымъ тропинкамъ, ведущимъ къ Les Avants. Тропинки и озеро въ лунномъ свѣтѣ казались серебряными; только на восточный конецъ его ложилась наискось тѣнь отъ сосѣднихъ горъ и неожиданно бѣлѣли межъ сосновыхъ стволовъ снѣговыя вершины.

Ночной воздухъ охлаждалъ ея пылающій лобъ, глубокая ночная тишина лила бальзамъ въ ея измученное сердце; острая боль понемногу стихала. Время отъ времени она присаживалась отдохнуть и видѣла сны наяву. Ей представлялось, что она поддерживаетъ въ своихъ объятіяхъ умирающаго Уорквортъ, голова его покоится у нея на груди; она шепчетъ ему на ухо слова любви и ободренія. Но она не была Жюли Ле Бретонъ! И среди этихъ мучительныхъ грезъ, доходившихъ до полной иллюзіи ощущеній, она не забывала, что она жена Делафильда. И въ потокѣ беззвучныхъ рѣчей, которыми она, чудилось ей, тѣшила умирающаго, она какъ будто предлагала ему состраданіе и участіе не только отъ себя, но и отъ Джэкоба.

Одинъ разъ, опомнившись, она замѣтила, что сидитъ на краю луга.

Цвѣты кругомъ пахли такъ сильно, что даже трудно было дышать. Сквозь выбѣленные стволы яблонь далеко внизу блестѣло озеро. Лунный свѣтъ игралъ на стѣнахъ Шильона и домовъ Монтре; напротивъ густые лѣса Буврэ и св. Жингольфа бросали на озеро черную тѣнь; надъ ними плылъ мѣсяцъ. А на востокѣ высокія Альпы, съ ихъ чистыми очертаніями, слегка стушевывавшимися въ этомъ свѣтѣ, словно подъ легкой завѣсой, опущенной надъ святилищемъ...

Жюли смотрѣла вокругъ, на весь этотъ просторъ, и по естественной ассоціаціи идей ей казалось, что она видитъ передъ собою сразу всю свою жизнь—и прошлое, и будущее. Она вспоминала свое дѣтство, родителей, суровую юность, всю ушедшую на борьбу за существованіе, годы, прожитые у леди Генри, думала объ Уорквортѣ, о своемъ мужѣ, о жизни, въ которую онъ такъ неожиданно и быстро втянулъ ее своей сильной рукой. Ей были чужды религіозныя размышленія, столь привычныя для него; но ея раздумье также носило религіозный оттѣнокъ, и ей самой казалось, что вся душа ея дрожитъ подъ наплывомъ невѣдомыхъ ей дотолѣ волненій, нѣжности, страха, и, оглядываясь назадъ, она во всемъ, происшедшемъ съ нею, видѣла особый сокровенный смыслъ, значеніе и цѣль. Эта мысль не укладывалась въ слова, но расходившееся воображеніе вызывало передъ ней образъ Делафильда, а въ памяти вставали его недавнія слова и поступки.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ часовъ, которые рѣшаютъ судьбу человѣка. И въ немъ не послѣднюю роль играла величественная красота альпійскаго ландшафта; все время при этой печальной и волнующей самопровѣркѣ Жюли чувствовала присутствіе и господство надъ собой высшихъ силъ.

На ея заплаканное лицо понемногу ложилась печать торжественнаго спокойствія ночи. Но по временамъ сурово сжатыя губы смягчались улыбкой, необычайно нѣжной и милой, словно сердцу вспоминалось что-то такое, что уму представлялось лишь сладкимъ безуміемъ.

Ей самой было странно происходившее въ ней. Это было какое-то опрощеніе, возвращеніе къ дѣтству, словно въ душѣ взрослаго человѣка, утомленной бурной жизнью эгоизма и страсти, просыпались инстинкты ребенка, которыхъ онъ однако же никогда не зналъ въ дѣтскіе годы—инстинкты довѣрія, кроткой покорности, быть можетъ вспоенные тѣми слезами, которыя сами по себѣ уже счастье.

На обратномъ пути она столкнулась съ другой женской фигурой, вынырнувшей изъ темноты.

— Леди Бланшъ!

Леди Бланшъ остановилась.

— Въ отелѣ такъ душно,—сказала она, напрасно пытаясь придать твердость своему голосу.

Жюли замѣтила, что она плакала.

— Эйлинъ уснула?

— Можетъ быть. Ей дали принять сонныя капли.

Онѣ вмѣстѣ пошли дальше къ отелю. Жюли колебалась, наконецъ тихо выговорила:

— Она не была разочарована въ своихъ ожиданіяхъ?

— Нѣтъ!—рѣзко вырвалось у ея матери.—Конечно, письма надо было ждать; оно не могло не придти. Благодаря Бога, она убѣдилась теперь, что его послѣдняя мысль была о ней! Письмо писано наканунѣ того рокового дня, какъ онъ заболѣлъ. Онъ подробно описываетъ свой походъ—чрезвычайно интересно!—Это показываетъ, какъ онъ довѣрялъ ей во всемъ, хотя она еще такое дитя. Ее успокоитъ сознаніе, что она вполнѣ владѣла его сердцемъ... Бѣдный юноша!

Жюли ничего не отвѣтила, и лэди Бланшъ, съ горькимъ чувствомъ удовлетворенія, скорѣе почувствовала, чѣмъ увидала въ ея поникшей, окутанной чернымъ фигурѣ то, что казалось ей заслуженнымъ униженіемъ.

На другой день на щечкахъ Эйлинъ опять выступилъ легкій румянецъ, и ея чудные волосы, разсыпавшіяся волной по плечамъ, какъ будто ожили, и розы, поставленныя ея матерью на столикѣ у кровати, представляли не слишкомъ ужъ печальный контрастъ съ ея хрупкой красотой.

— Прочтите, пожалуйста! — сказала она, оставшись вдвоемъ съ Жюли и ласково пододвигая къ ней письмо.—Онъ разсказываетъ мнѣ все-все!—все, что онъ дѣлаетъ и на что надѣется, совѣтуется со мной обо всемъ. Развѣ это не честь мнѣ, такой еще несвѣдующей и ребяческой? Я постараюсь быть мужественной, — постараюсь быть достойной...

И все ея худенькое тѣло затряслось отъ глухихъ беззвучныхъ рыданій; но тѣмъ не менѣе она жадно слѣдила за Жюли, читавшей письмо.

— Не правда ли, я должна попытаться жить, разъ онъ такъ любилъ меня? — сказала она, отирая слезы и принимая письмо изъ рукъ Жюли.

М-рсъ Делафильдъ съ страстной жалостью поцѣловала ее. Она не могла освободиться отъ сознанія своей вины передъ этимъ ребенкомъ. Такое письмо можно было написать другу, прелестной дѣвочкѣ, къ которой питаетъ нѣжность человѣкъ много старше ея. Въ письмѣ заключался дѣловой отчетъ о походѣ, нѣсколько фразъ о политикѣ, два-три юмористическихъ портрета дорожныхъ спутниковъ; въ концѣ нѣсколько шутливыхъ и ласковыхъ наставленій.

Но въ часъ борьбы со смертью у Делафильда вырвался только одинъ крикъ сердца, и его послѣднее слово, послѣднее письмо лежало теперь на груди Жюли.

Прошло нѣсколько дней. Письма Делафильда были коротки и пе-

чальны. Больной еще жилъ, но съ часу на часъ ждали конца. А герцогъ... Но это было такъ страшно, что писать объ этомъ онъ не могъ даже ей. Поддерживать въ себѣ бодрость и быть хоть сколько-нибудь полезнымъ этимъ двумъ несчастнѣйшимъ въ мірѣ человѣческимъ существамъ возможно было только однимъ способомъ—не чувствовать, не отдавать себѣ отчета...

Наконецъ, черезъ недѣлю съ небольшимъ послѣ отъѣзда Делафильда пришли двѣ телеграммы. Одна отъ Делафильда: «Мервинъ скончался сегодня утромъ. Страшно за герцога». Другая отъ Эвелины Кроуборо: «Эльмира умеръ сегодня утромъ. Ѣду Строфшайръ помочь Джэкобу».

Жюли разорвала телеграммы. Гордыя слезы подступали къ ея глазамъ, но она сдержала ихъ и позвала горничную.

Та пришла, дивясь сверкающимъ глазамъ и натянутому обращенію своей госпожи и спрашивая себя, за какую невѣдомую провинность ей собираются сдѣлать выговоръ. Но Жюли только велѣла ей поскорѣе уложить вещи. Она хотѣла захватить въ Лозаннѣ восьмичасовой поѣздъ, идущій въ Англію.

Двадцать часовъ спустя лондонскій поѣздъ остановился на станціи Викторія. На платформѣ стояла маленькая герцогиня въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Жюли попала прямо въ ея объятія и только въ экипажѣ замѣтила блѣдность и разстроенный видъ пріятельницы.

— О! Жюли!—воскликнула герцогиня, сжимая ея руки, когда экипажъ тронулся.—Жюли, голубушка!

Жюли съ удивленіемъ повернулась къ ней. Въ голубыхъ глазахъ, устремленныхъ на нее, не было слезъ, но и глаза, и все лицо герцогини выражали такой страхъ и волненіе, что у Жюли дрогнуло сердце.

— Что это значитъ?—спросила она, едва дыша.—Что случилось?

— Жюли! Я уже совсѣмъ собралась нынче утромъ въ Фэркортъ. Только ваша телеграмма задержала меня. Я рѣшила дождаться васъ и ѣхать вмѣстѣ. Потомъ пришла другая, отъ Делафильда. Герцогъ!—бѣдный герцогъ!

Выраженіе лица Жюли безсознательно мгновенно измѣнилось.

— Да—скажите мнѣ!

— Теперь это уже во всѣхъ газетахъ—на столбахъ... Не смотрите въ окно! — И герцогиня спустила шторы.—Весь день вчера онъ былъ въ страшномъ волненіи, но подъ вечеръ какъ будто успокоился и просилъ, чтобъ его оставили одного. Доктора все-таки слѣдили за нимъ, но онъ какъ-то ухитрился всѣхъ обмануть и утромъ исчезъ. А черезъ два часа его нашли—въ рѣкѣ, что протекаетъ передъ домомъ!

Наступило молчаніе.

— А Джэкобъ?—хриплымъ шепотомъ спросила Жюли.

— Онъ-то меня и безпокоитъ! О! Какъ я рада, что вы пріѣхали!

Вы знаете, какъ Джэкобъ былъ привязанъ къ герцогу и Мервину — какъ ему ненавистна мысль о наслѣдствѣ. Вчера туда поѣхала Сюзанна; она телеграфировала мнѣ вчера вечеромъ, еще до этого ужаса, что онъ «страшно измученъ и надорванъ».

— Наслѣдство?—разсѣянно повторила Жюли. Она машинально подняла штору и смотрѣла вдаль, на грязныя стѣны домовъ, пока передъ ней не мелькнулъ въ окнѣ бумажнаго магазина листъ телеграммъ съ аршиннымъ заглавіемъ: «Трагическая смерть герцога Чёдлея и его сына».

Герцогиня посмотрѣла на нее съ любопытствомъ и ничего не отвѣтила. Выраженіе лица Жюли было какое-то странное. Она какъ бы старалась поймать мысль, ускользавшую отъ нея, или, вѣрнѣе, вытѣсненную другой, болѣе неотложной.

— Джэкобъ боленъ?—спросила она вдругъ, круто повернувшись лицомъ къ своей спутницѣ.

— Я знаю только то, что сказала вамъ. Сусанна пишетъ: «измученъ и изнервничался». Но это все пройдетъ, когда онъ будетъ съ вами!

Жюли не отвѣтила, не шевельнулась, и герцогиня, украдкой покосившись на нее, несмотря на свое волненіе и тревогу, подумала, что ея черты и вся ея фигура стали какъ будто еще нѣжнѣе, еще утонченнѣе, и отпечатокъ индивидуальности еще ярче.

— Вы не разсердитесь?—робко спросила Эвелина.—Видите ли, у меня гоститъ леди Генри и сэръ Уильфридъ Бери также. Онъ, бѣдный, такъ простудился въ своихъ номерахъ, что я недѣлю тому назадъ, съ разрѣшенія доктора, съѣздила за нимъ и перетащила его къ себѣ. И м-ръ Монтрезоръ хотѣлъ зайти. Онъ говоритъ, что жаждетъ пожать вашу руку. Но они не будутъ вамъ надоѣдать, если вы утомлены. Нашъ поѣздъ идетъ въ 10 час. 10 мин. и Берти выхлопоталъ, чтобы экспрессъ остановился для насъ въ Вестонпортѣ около 3 часовъ ночи.

Карета въѣхала на Гросвеноръ—скверъ и остановилась передъ домомъ герцогини. Жюли вышла, озираясь вокругъ, на іюльскую зелень сквера, на огромныя свѣтлыя окна, на лакея, снимавшаго съ нея накидку, того самаго, который въ былыя времена кормилъ сухариками собакъ леди Генри. Ее поразило, что онъ оказывалъ ей сегодня какое-то особенно почтительное вниманіе.

Тѣмъ временемъ въ гостиной герцогини собралось нѣсколько старыхъ друзей леди Генри, сэръ Уильфридъ Бери и д-ръ Мередитъ. На обращеніи каждаго по своему отражалось угнетающее и вмѣстѣ волнующее вліяніе великихъ событій. Леди Генри была разговорчивѣе обыкновеннаго, сэръ Уильфридъ молчаливѣе.

Леди Генри, повидимому пошло на пользу ея пребываніе въ Торквэѣ. Строгая, прямая, какъ струна сидя на стулѣ съ высокой прямой спинкой, опираясь обѣими руками на палку, она, какъ всегда, являла

собой характерный образецъ англійской солидности, съ нѣкоторой примѣсью не англійской свободы и оживленія. Она уже воевала съ сэромъ Уильфридомъ, безъ обиняковъ высказывая свое мнѣніе о «соціалистическихъ», взглядахъ на рангъ и собственность, приписываемыхъ Джэкобу Делафильду. «Если его желудокъ не перевариваетъ пирога, это еще не значитъ, что пирогъ не хорошъ!» восклицала она нетерпѣливо. Сэръ Уильфридъ перебилъ ее:

— Осталось всего нѣсколько минутъ,—сказалъ онъ, взглянувъ на часы.—Ну-съ, господа, и такъ мы должны рѣшить, какъ намъ себя держать. Какъ вы полагаете, насколько наша пріятельница освѣдомлена относительно положенія дѣлъ.

— Если только она не ослѣпла, о чемъ Эвелина не сообщала,— сухо возразила леди Генри, она будетъ знать все или почти все, прежде чѣмъ отъѣдетъ на сто шаговъ отъ вокзала.

— Ахъ, уличные плакаты! Да, но въ такихъ случаяхъ, когда событія смѣняются такъ быстро, на людей находитъ иногда странное ослѣпленіе.

— Но только не на Жюли ле-Бретонъ!

— Мнѣ желательно было бы знать, какую роль вы отводите себѣ въ этой маленькой интермедіи, чтобы я могъ играть вамъ въ тонъ,— сказалъ сэръ Уильфридъ Бери, понизивъ голосъ.—На чемъ вы порѣшили?

Оба посмотрѣли на д-ра Мередита, который отошелъ къ самому дальнему окну и смотрѣлъ на улицу. Леди Генри хорошо знала, что онъ не простилъ ей и, по правдѣ говоря, ей хотѣлось примирить его съ собой. Она тоже понизила голосъ.

— Я склоняюсь передъ учрежденіями моей страны,—сказала она, и въ суровыхъ сѣрыхъ глазахъ ея сверкнула искорка лукавства.

— Иными словами вы прощаете герцогинѣ.

— Я признаю главу рода.

— А если Джэкобъ не захочетъ мириться.

— У него не хватитъ характера.

— А она?

— Ея совѣсть будетъ на моей сторонѣ.

— Мнѣ казалось, что вы совсѣмъ не признаете въ ней этой добродѣтели.

— Надо надѣяться, что Джэкобъ развилъ ее. У него этого хоть отбавляй.

Сэръ Уильфридъ засмѣялся.

— Такъ что прощать приходится вамъ?

— Я предлагаю вооруженный и почетный миръ. Герцогиня Чедлей можетъ интриговать и лгать, сколько душѣ угодно, если ей это нравится. Я не плачу ей 100 ф. въ годъ.

Наступила пауза.

— Почему собственно—если можно узнать—вы поссорились съ Джэкобомъ? Насколько я понимаю, здѣсь была особая причина?

Леди Генри колебалась.

— Онъ заплатилъ мнѣ долгъ,—выговорила она, наконецъ, и неожиданная краска выступила на ея старчески-блѣдныхъ щекахъ.

— И вамъ это было досадно? Странныя у васъ правила!

Леди Генри закусила губу.

— Никому не можетъ быть пріятно, когда вамъ швыряютъ въ лицо ваши деньги.

— Вы самая несправедливая женщина, какую я знаю.

— Что дѣлать, Уильфридъ. Каждый чувствуетъ по своему.

— Вотъ именно!.. Ну, конечно, Джэкобъ помирится съ вами. Что же до... Ага, вотъ и Монтрезоръ.

Леди Генри замѣтно взволновалась. Лакей распахнулъ настежъ дверь и доложилъ:

— Господинъ военный министръ. Ея свѣтлость, сэръ, еще не вернулись.

Монтрезоръ вошелъ, задѣвая за стулья и даже при помощи двойныхъ очковъ не сразу могъ разглядѣть, кто находится въ гостиной.

Сэръ Уильфридъ пошелъ ему навстрѣчу.

— А! Бери! Какъ здоровье? Надѣюсь, поправились?

— Совершенно. Герцогиня поѣхала встрѣчать м-рсъ Делафильдъ.

— М-рсъ?—Монтрезоръ даже ротъ раскрылъ отъ удивленія.—Но вѣдь вы же знаете...

— О, да, я знаю. Но языкъ такъ скоро не пріучишь. Вы видите, здѣсь леди Генри.

Монтрезоръ вздрогнулъ и принужденнымъ тономъ отвѣтилъ:

— Радъ видѣть леди Генри.

Леди Генри медленно поднялась съ кресла и шагнула впередъ. Она спокойно протянула ему руку и съ улыбкой заглянула ему въ лицо.

— Вотъ моя рука. Намъ больше не изъ-за чего ссориться. Я снимаю запретъ.

Министръ взялъ ея руку и покачалъ головой.

— Вы не имѣли права его налагать.

— О, ради Бога, встрѣтьте же меня на полъ-дорогѣ, иначе мнѣ не выдержать!—воскликнула леди Генри.

Сэръ Уильфридъ, чувствовавшій себя не совсѣмъ ловко и не подымавшій глазъ, взглянулъ на нее и увидѣлъ—да, несомнѣнно увидѣлъ влажный блескъ въ этихъ старческихъ глазахъ.

— Зачѣмъ вы до сихъ поръ выдерживали? Развѣ мнѣ не все равно, что миссъ Жюли сдѣлалась герцогиней? Развѣ это вознаградитъ меня за то, что ваша дверь столько мѣсяцевъ была для меня заперта? Притомъ же вы мнѣ все время давали понять, что для васъ это совершенно безразлично.

— Я высидѣла три мѣсяца въ Торквэѣ,—сказала леди Генри, пожавъ плечами.

— Надѣюсь, что тамъ было скучно до отчаянія!

— Такъ оно и было. И доктора объявили мнѣ, что чѣмъ больше я буду волноваться, тѣмъ больше у меня будетъ разыгрываться подагра.

— Такъ что вы вернулись сюда не изъ великодушія, а ради своего здоровья?

— Цѣлуйте мою руку, сэръ, и довольно объ этомъ! Всѣ вы отомщены. Въ Торквэѣ я перемѣнила за семь недѣль четырехъ компаньонокъ.

— Дай имъ Богъ здоровья! Мередитъ, пожалуйте сюда. Что же мы принимаемъ условія?

Мередитъ медленно подошелъ, держа руки за спиною.

— Леди Генри приказываетъ—мы повинуемся,—выговорилъ онъ медленно.—Итакъ, сегодня открывается новый міръ, возникшій на развалинахъ, какъ и всѣ, впрочемъ...

Онъ поднялъ на нихъ свои прекрасные глаза, въ которыхъ не было смѣха—скорѣе тяжелая напряженность мысли. Леди Генри вздрогнула.

— Если вы думаете о Чёдлеѣ,—промолвила она неувѣренно,—за него надо радоваться. Это для него освобожденіе. А Генри Уорквортъ...

— Да! бѣдняга!—вставилъ Монтрезоръ.—Бѣдный юноша!

Онъ выпустилъ было руку леди Генри, но теперь опять взялъ ее и сжалъ въ своихъ ея покрытые перстнями пальцы.

— Такъ значитъ, миръ? Ну что жъ, я радъ всей душой!—Онъ нагнулся и поцѣловалъ ея пальцы.—А теперь, когда вы ждете нашу пріятельницу?

— Съ минуты на минуту.

Леди Генри сѣла, и Монтрезоръ сѣлъ возлѣ нея.

— Мнѣ говорили,—началъ Монтрезоръ,—что весь этотъ ужасъ не только печалитъ Делафильда, какъ родственника погибшихъ, но что ему это наслѣдство и титулъ въ тягость.

— Гм... и вы этому вѣрите?

— Стараюсь,—засмѣялся Монтрезоръ.—Ага! вотъ и онѣ?

Мередитъ отошелъ отъ окна, къ которому опять вернулся.

— Подъѣхала карета,—сообщилъ онъ и остановился въ ожиданіи, нетерпѣливо переминаясь съ ноги на ногу и ероша свою сѣдую гриву. Онъ былъ блѣденъ, и внимательный наблюдатель подмѣтилъ бы дрожь душевнаго волненія въ его грубоватыхъ чертахъ.

Въ передней послышался шумъ, зазвенѣлъ серебристый голосокъ герцогини. Въ ту же минуту отворилась дверь въ концѣ гостиной, и на порогѣ появился герцогъ Кроуборо.

— Я какъ будто слышалъ голосъ моей жены,—сказалъ онъ,—на ходу здороваясь съ Монтрезоромъ, и направляясь въ переднюю.

Легкіе шаги, шелестъ платья, и въ гостиную вошла герцогиня.

— Берти! со мной Жюли!..

За нею шла высокая фигура въ черномъ. Всѣ бывшіе въ комнатѣ двинулись ей навстрѣчу, включая и леди Генри, которая одна кожъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась позади другихъ, опираясь на палку.

Жюли обвела взглядомъ маленькое общество и остановилась на герцогѣ, который торжественно подалъ ей руку. Общее сдержанное волненіе явно сообщилось и ей. Она ни на минуту не потеряла самообладанія, но лицо ея приняло умоляющее выраженіе.

— Неужели это правда? Можетъ быть, это ошибка?

— Боюсь, что ошибки не можетъ быть,—печально молвилъ герцогъ;—бѣднаго Чёдлея нашли уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ его смерти.

— Берти!—перебила его герцогиня:—я сказала Грэсвелю, чтобы карета была готова въ половинѣ десятаго. Тебѣ это удобно?

— Конечно.

Грэсвель, красавецъ-камердинеръ, подошелъ къ Жюли.

— Горничная вашей свѣтлости спрашиваетъ, не угодно ли вашей свѣтлости, чтобъ она съѣздила въ Гериберть-стритъ, прежде чѣмъ везти багажъ въ Эштонъ.

Жюли посмотрѣла на него съ изумленіемъ, и яркая краска вдругъ прилила къ ея щекамъ.

— Онъ о моей горничной говоритъ?—растерянно спросила она у герцога.

— Конечно. Она ждетъ вашихъ распоряженій.

Жюли отдала приказаніе, повернулась опять къ герцогу и закрыла рукою глаза.

— Что все это значитъ?—выговорила она дрожащимъ голосомъ.— Мы какъ будто всѣ сошли съ ума.

— Вы понимаете, конечно, что Джэкобъ наслѣдуетъ титулъ,—суховато пояснилъ герцогъ, съ интересомъ глядя на эту женщину, которая, ему казалось, должна была чувствовать себя теперь на вершинѣ благополучія, достигнувъ цѣли своихъ честолюбивыхъ стремленій.

Жюли съ трудомъ перевела духъ и тутъ только замѣтила леди Генри. Моментально, порывисто быстрыми шагами перешла она черезъ комнату, къ ней, и вдругъ остановилась; при видѣ этой спокойной величественной фигуры, прежній страхъ, прежняя робость охватили ее. Потомъ она протянула руку.

Леди Генри взяла ее. Обѣ женщины молча смотрѣли другъ на друга. Остальные инстинктивно отвернулись, чтобы не мѣшать ихъ встрѣчѣ. Въ первый моментъ во взглядѣ леди Генри было только любопытство. Потомъ, при видѣ взволнованнаго лица Жюли, въ которомъ за это

время произошла какая-то неуловимая перемѣна, облагородившая его, старуха отвела глаза. Но скоро она овладѣла собою.

— Мы встрѣчаемся,—начала она, — при странныхъ обстоятельствахъ, хотя я давно ихъ предвидѣла. Наши прежнія отношенія сложились на ложной почвѣ, и оттого мы обѣ глупили. Теперь вы съ Джэкобомъ главы семьи. И если въ этомъ новомъ положеніи вы желаете быть со мною въ дружбѣ, я готова. Что касается моего поведенія, я думаю, что оно было естественно, но если вы еще не забыли обиды—я извиняюсь.

Странныя это были слова. Въ нихъ звучала личная гордость, склонившаяся передъ гордостью семейныхъ традицій. Жюли стояла передъ нею, вся дрожа; грудь ея высоко вздымалась.

— Я тоже сожалѣю и извиняюсь,—выговорила она тихо.

— Тогда начнемъ сначала. Но теперь вамъ надо отдохнуть часикъ-другой. Вы всю ночь провели въ дорогѣ.

Жюли прижала руки къ груди свойственнымъ ей драматическимъ жестомъ.

— О, я должна видѣть Джэкоба!—выговорила она едва слышно.— Я должна видѣть Джэкоба!

И она отошла, растерянно озираясь кругомъ. Къ ней приблизился Мередитъ.

— Успокойтесь!—сказалъ онъ, ласково пожимая ея руку.—Это былъ тяжелый ударъ, но теперь, когда вы здѣсь, онъ оправится.

— Джэкобъ?

Выраженіе ея лица, ея жалобный голосъ кольнули его въ самое сердце. Онъ подивился, какія могутъ быть отношенія между супругами. И въ то же время онъ, какъ и леди Генри, почувствовалъ, что замужество произвело въ ней огромную внутреннюю перемѣну. Передъ нимъ стояла другая женщина. И когда черезъ нѣсколько минутъ герцогиня исчезла и увела съ собой Жюли, настаивая, что ей необходимо отдохнуть, Мередитъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ съ горькимъ чувствомъ разрозненности между людьми и случайности всѣхъ человѣческихъ привязанностей. Затѣмъ онъ простился съ герцогомъ и леди Генри и незамѣтно вышелъ. Онъ перевернулъ страницу въ книгѣ своей жизни и, шагая по Гросвеноръ-скверу, заставлялъ себя думать исключительно объ одномъ изъ политическихъ вопросовъ, стоявшихъ для него на очереди, какъ для боевого и вліятельнаго журналиста.

Леди Генри тоже смотрѣла вслѣдъ Жюли, когда та выходила изъ комнаты, и думала:

«Такъ теперь она воображаетъ себя влюбленной въ Джэкоба».

Её это забавляло.

— А что, если Делафильдъ откажется принять герцогскій титулъ?— шепнулъ ей на ухо сэръ Уильфридъ.

— Это будетъ положеніе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ конститу

ціи,—спокойно сказала леди Генри.—Совѣтую вамъ, однако, подождать, пока это еще будетъ.

Сѣверный экспрессъ мчался безъ устали среди безмолвія ночи. Речьи, Старфордъ, Крью остались позади. Въ лунномъ свѣтѣ уже бѣлѣли долины и болота Йоркшира. Жюли сидѣла въ своемъ уголкѣ напротивъ мирно спавшей герцогини, и въ умѣ ея проносились нескончаемой вереницей образы. Напрасно жаждала она хоть нѣсколькихъ минутъ отдыха и забвенья. Она думала о почтительной услужливости начальника станціи, о суматохѣ, которую вызвало ихъ появленіе на эштонской платформѣ; о томъ, какъ начальникъ приказывалъ, чтобы поѣздъ остановили на той станціи, гдѣ имъ нужно было выйти.

Фэркартъ? Тотъ самый старинный домъ, о которомъ ей разсказывалъ Джэкобъ? Огромный полубаракъ, полудворецъ, гдѣ, по его словамъ, ни одно человѣческое существо не могло чувствовать себя ни дома, ни счастливымъ?

И теперь это его и ея домъ? И опять мысли заплясали и закружились въ ея головѣ.

Дикая гористая мѣстность—въ долинахъ темныя кущи деревъ, блескъ рѣкъ и ручьевъ, огромныя безжизненныя зданія фабрикъ; а вдали—серебристые края и густыя тѣни болотъ... Поѣздъ замедлилъ ходъ. Маленькая герцогиня вдругъ пробудилась.

— Безъ десяти минутъ три. Жюли, мы пріѣхали!

Холодный разсвѣтъ чуть брезжилъ, когда онѣ вышли на платформу Ихъ ждали экипажи и слуги, какіе-то люди, роль и обязанности которыхъ не легко было опредѣлить. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Жюли; она сообразила, что это докторъ.

— Я очень радъ пріѣзду вашей свѣтлости,—сказалъ онъ, приподымая шляпу.—Герцогъ сильно потрясенъ и страдаетъ безсонницей.

Жюли съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Давно ли боленъ мой мужъ?

Докторъ шелъ рядомъ съ нею, описывая ей въ немногихъ словахъ мучительные дни, предшествовавшіе смерти юноши, попытки Делафильда утѣшить и сдержать обезумѣвшаго отца, хитрость бѣднаго герцога, съумѣвшаго всѣхъ ввести въ обманъ, томительные поиски ночью, подъ проливнымъ дождемъ, и на зарѣ—найденный трупъ герцога, запутавшійся въ водорослях въ глубокой ямѣ...

— Когда тѣло внесли въ домъ, съ вашимъ мужемъ,—докторъ какъ-то неувѣренно произнесъ эти слова—сдѣлался продолжительный обморокъ. По всей вѣроятности это былъ результатъ истощенія—усталость при поискахъ, столько времени безъ пищи, столько безсонныхъ ночей. Мы весь день продержали его въ постели. Но къ вечеру онъ захотѣлъ непремѣнно встать. Онъ все время обнаруживаетъ безпокойство—это признакъ удара, потрясенія. Я надѣюсь, что теперь, когда вы здѣсь,

вамъ удастся убѣдить его поберечь себя. Иначе это можетъ имѣть серьезныя послѣдствія.

Дорога къ замку шла наполовину огромнымъ паркомъ, перемежающимся темными и печальными рощами. Утро было пасмурное даже шиповникъ на изгородяхъ и маргаритки въ травѣ были какія-то безцвѣтныя и смотрѣли невесело. Скоро показался и домъ — огромное каменное зданіе съ рядомъ колоннъ у фронтона и двумя флигелями по бокамъ,—выстроенное въ ложбинѣ, не на солнечной сторонѣ. Со спущенными шторами, сѣрое непривѣтливое, оно смотрѣло скорѣе мавзолеемъ, памятникомъ умершихъ, чѣмъ обиталищемъ живыхъ.

Однако-жъ, когда экипажъ подъѣхалъ, дверь распахнулась и на крыльцѣ появились слуги. На верхней площадкѣ, вся дрожа, съ распухшими глазами, ждала Сюзанна Делафильдъ.

Она робко посмотрѣла на Жюли. Онѣ вошли въ огромную центральную залу и тутъ со слезами поцѣловались.

— Онъ въ своей комнатѣ—ждетъ васъ. Доктора убѣдили его не сходить внизъ. Но онъ одѣтъ, можетъ читать и писать. Онъ, кажется, всю эту недѣлю вовсе не спалъ. Сюда, пожалуйста, — прибавила она, отстраняясь.—Вотъ дверь.

Жюли тихонько отворила дверь и затворила ее за собою. Делафильдъ слышалъ ея шаги и ждалъ, стоя, опираясь на столъ. Онъ такъ измѣнился, что Жюли стало страшно. Она бросилась къ нему и обняла его. Онъ упалъ въ кресло, и она очутилась на колѣняхъ возлѣ него, шепча ему слова утѣшенія, нѣжно прижимая его голову къ своему плечу.

— Джэкобъ!—Я здѣсь, съ тобой! Мнѣ давно слѣдовало пріѣхать. Это ужасно!—ужасно! Но, Джэкобъ, ты не долженъ такъ мучиться, — теперь, когда я здѣсь — когда мы вмѣстѣ—когда я люблю тебя— Джэкобъ?!

Слезы заглушили ея голосъ. Она откинула назадъ волосы, упавшіе ему на лобъ, и поцѣловала его съ нѣжностью, въ которой былъ и порывъ, и кроткое смиреніе любящей женщины. Потомъ отстранилась немного, съ тоской ожидая отвѣтъ.

Но онъ, казалось, не могъ говорить. Онъ слабо высвободился, словно волненіе, которое вызвали въ его душѣ эти слова, было ему не по силамъ, и глаза его закрылись.

— Джэкобъ, вы бы легли,—убѣждала она его въ страхѣ. — Позвольте мнѣ позвать доктора.

Онъ покачалъ головой и слабо пожалъ ея руку, какъ бы прося остаться возлѣ него.

— Это скоро пройдетъ. Дайте мнѣ оправиться. Я разскажу вамъ...

И опять смолкъ. Она сидѣла, держа его руку, не сводя глазъ съ его лица. Сколько времени прошло такъ, она не знала. Вошла Сю-

занна сказать, что для нея приготовлена сосѣдняя комната. Жюли только взглянула на неё и молча покачала головой.

Пришелъ докторъ и заставилъ Делафильда проглотить нѣсколько ложекъ бульона и принять лекарство. Тотъ, видимо, съ усиліемъ исполнилъ это и, словно уставъ, припалъ головой къ ручкѣ кресла.

— Пожалуйста—оставьте насъ однихъ! — сказалъ онъ властно, и оба, Сюзанна и докторъ, вышли.

Но долго еще онъ не могъ собраться съ силами, чтобы начать свой разсказъ о смерти юнаго лорда Эльмира и самоубійствѣ его отца. Онъ сидѣлъ, весь согнувшись, не подымая глазъ, руки его повисли, голосъ прерывался, ему, видимо, трудно было говорить.

Жюли слушала его, и этотъ несвязный разсказъ наполнялъ её тѣмъ же ужасомъ, отъ котораго пошатнулось его душевное равновѣсіе. И когда онъ вдругъ поднялъ на нее глаза со словами: «А теперь отъ меня ждутъ, что я займу ихъ мѣсто и воспользуюсь ихъ кончиной! Какой законъ, Божій, или человѣческій, вправѣ обязать меня принять образъ жизни и отвѣтственность, которыя мнѣ ненавистны!» Жюли откинулась назадъ, какъ будто онъ ударилъ её. Его точно подмѣнили; его голосъ, тонъ—все было другое; въ нихъ слышалась какая-то рѣзкость, угроза спеціально по ея адресу. Его глаза, казалось, говорили: «Если-бъ не ты, я могъ бы отказаться отъ этого наслѣдства, которое погубитъ меня физически и морально».

Она молчала, только сердце ея трепетно билось; а онъ продолжалъ, ища словъ, точно ощупью отыскивая дорогу.

— Я могъ бы дѣлать это, конечно,—я вѣдь дѣлаю это пять лѣтъ. Я могъ бы управлять имѣніемъ и рабочими. Но деньги, обстановка—орава слугъ, вся эта мишура!.. Зачѣмъ, Жюли, зачѣмъ навязывать намъ все это? Какое счастье—спрашиваю я васъ—какое счастье можетъ это принести вамъ или мнѣ?

И опять онъ взглянулъ на неё, и опять ей показалось, что въ его взглядѣ была острая вражда и антагонизмъ, какъ будто она воплощала въ себѣ въ данный моментъ всѣ доводы, выгоды закона и обычая, которые онъ мысленно отрицалъ и старался опровергнуть. У нея упало сердце — она чувствовала себя такой далекой, чужой ему. Въ самой его позѣ—безсознательно—какъ будто чувствовался оттѣнокъ первобытнаго антагонизма между мужчиной и женщиной, сильнымъ и слабымъ; болѣе духовнымъ и болѣе земнымъ.

— Вы думаете, конечно,—сказалъ онъ, помолчавъ,—что я *долженъ* принять это—даже если-бъ я *могъ* отказаться?

— Я не знаю, что я думаю,—поспѣшно возразила она.—Это очень странно, конечно,—то, что вы говорите. Намъ надо обсудить это всесторонне. Дайте мнѣ время сообразить.

Онъ нетерпѣливо вздохнулъ и вдругъ поднялся.

Хотите взглянуть на нихъ?

Она тоже встала и вложила свою руку въ его.

— Ведите меня, куда хотите.

— Ничего ужаснаго нѣтъ,—сказалъ онъ, на мигъ прикрывъ глаза рукой.—Они успокоились.

Нетвердой поступью, опираясь на ея руку, онъ повелъ ее черезъ весь большой, темный домъ. Жюли смутно видѣла широкія лѣстницы, корридоры, высокія залы, гдѣ со стѣнъ глядѣли портреты Делафильдовъ. Часъ былъ уже не ранній, и въ домѣ работало много народу, но Жюли видѣла только смутныя фигуры вдали, исчезавшія при ихъ приближеніи. Они шли одни, охраняемые отъ всякой помѣхи страхомъ и сочувствіемъ окружавшихъ ихъ невидимыхъ человѣческихъ существъ.

Делафильдъ отворилъ запертую дверь.

Отецъ и сынъ лежали рядомъ. На лицѣ юноши было такое блаженно-спокойное выраженіе, что на первый взглядъ, на немъ не видно было даже слѣдовъ долгихъ физическихъ страданій. Лицо отца, съ закрытыми глазами и строго сжатыми губами, также дышало не отчаяніемъ, толкнувшимъ его на смерть, но скорѣе какимъ-то мрачнымъ торжествомъ: онъ добился своего, взялъ у смерти все изглаживающій сонъ и забвеніе.

Они постояли немного; потомъ Делафильдъ опустился на колѣни и Жюли возлѣ него. Она молилась, но недолго,—она чувствовала такую усталость отъ всѣхъ этихъ переѣздовъ. Но Делафильдъ былъ неподвиженъ, и Жюли казалось, что ему трудно дышать.

Она поднялась; слезы душили ее. Давно уже она не чувствовала себя такой одинокой, такъ глубоко несчастной. Она готова была отдать все на свѣтѣ, чтобы забыть о себѣ, утѣшая Джэкоба. Но онъ, казалось, не нуждался въ ней и совсѣмъ не думалъ о ней.

Озираясь кругомъ, Жюли замѣтила на столѣ возлѣ покойника фіалки, единственные въ комнатѣ цвѣты,—нѣсколько фотографическихъ карточекъ и двѣ-три старыхъ истрепанныхъ книги. Она осторожно взяла одну изъ нихъ. Это были «Размышленія» Марка Аврелія, съ подчеркнутыми фразами, съ отмѣтками на поляхъ. Она сочла бы святотатствомъ вглядываться въ эти отмѣтки, но замѣтила между страницами книги письмо, и, при яркомъ уже свѣтѣ утра, лившемся въ комнату сквозь окно, выходившее въ садъ, разглядѣла, что оно было написано на тонкой французской бумагѣ, запечатано и адресовано ея мужу.

— Джэкобъ!

Она тихонько дотронулась до его плеча, встревоженная этой долгой неподвижностью.

Онъ поднялъ глаза и Жюли показалось, какъ будто онъ съ трудомъ стряхиваетъ съ себя какое-то ненормальное состояніе, похожее на трансъ. Но все-таки онъ всталъ, глядя на нее какъ-то странно.

— Джэкобъ, это вамъ!

Онъ почти вырвалъ у нея книгу, какъ будто она не имѣла права держать ее въ рукахъ. Потомъ увидалъ письмо, и краска прилила къ его щекамъ. Онъ взялъ письмо, постоялъ съ минуту въ нерѣшимости, затѣмъ отошелъ къ окну и распечаталъ его.

Она видѣла, какъ онъ пошатнулся, и бросилась къ нему. Но онъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ бы отстраняя ее.

— Это его послѣднія строки,—сказалъ онъ и, прочитавъ только первую фразу, сунулъ письмо въ карманъ.

Жюли отошла униженная. Его жестъ сказалъ ей, что такой интимной и священной тайной онъ не считаетъ возможнымъ дѣлиться съ своей женой.

Они молча вернулись въ ту комнату, откуда вышли. Готовыя фразы одна за другой просились на уста Жюли, но ей казалось безполезнымъ произносить ихъ. И опять она уже совсѣмъ по другому, по новому, «боялась» человѣка, шедшаго рядомъ съ ней.

Вскорѣ затѣмъ она ушла отъ него, по его собственному желанію.

— Я лягу, а вамъ надо отдохнуть—сказалъ онъ рѣшительно.

Жюли взяла ванну, переодѣлась и позволила добренькой бѣлокурой Сюзаннѣ накормить себя и по своему разсказать ей всѣ перипетіи этой страшной недѣли, пережитой ею вмѣстѣ съ Джэкобомъ. Жюли замѣтила, что Сюзанна мало говорила о своемъ братѣ и совсѣмъ не упоминала о его измѣнившемся положеніи и наслѣдствѣ. Раза два она поймала на себѣ взглядъ прелестныхъ глазъ дѣвушки съ выраженіемъ вопроса или раздумья и почувствовала, что висящая въ воздухѣ тайна и трепетное ожиданіе тяготятъ не одну ея душу.

Часовъ въ девять Сюзанна ушла отъ нея распорядиться по хозяйству. Утромъ ждали слѣдователя, а затѣмъ кучу всякаго народу: гробовщиковъ, факельщиковъ и т. д.—вѣдь надо устроить двойныя похороны.

— Бѣдный Джэкобъ!—вздохнула его сестра, уходя.

Но эта трагическая суголока еще не началась. Въ домѣ пока было тихо, и Жюли въ первый разъ осталась одна.

Она подняла шторы и смотрѣла въ окно на паркъ, теперь залитый свѣтомъ, на знаменитый итальянскій садъ съ фонтанами и статуями; на большое озеро посреди и холмы за озеромъ, съ плантаціями и аллеями. Все это входило въ паркъ: онъ былъ огромный, куда глазомъ ни кинь—всюду онъ.

Жюли хорошо понимала значеніе перемѣны въ своей судьбѣ. Годы, проведенные въ домѣ леди Генри, ея собственное тайное тяготѣніе къ знатности и богатству достаточно ознакомили ее съ условіями жизни англійской знати. Въ данный моментъ она *была* герцогиней Чёдлей; ясный умъ ея уже вполнѣ оцѣнилъ значеніе этого факта, всю связанную съ нимъ власть и вліяніе. Вѣдь она выросла не *внутри* этого міра, какъ Делафильдъ, а внѣ его, выброшенная изъ жизни, которая

по праву должна была стать ея удѣломъ, иногда полная зависти и всѣхъ страстей, порождаемыхъ завистью.

Ее не пугало высокое общественное положеніе,— напротивъ. Были минуты, когда она всѣмъ своимъ существомъ тянулась къ нему съ гордымъ и увѣреннымъ въ себѣ честолюбіемъ. Притомъ же она не была ни мистикомъ, ни смиренницей. Присущая ей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ яркая оригинальность не имѣла ничего общаго съ уничтоженіемъ классовыхъ различій; какъ католичка, она была пріучена принимать ихъ, какъ должное.

Минуты шли; Жюли стояла у окна, прижимаясь головой къ косяку, опустивъ руки. Она вся ушла въ свои мечты. Раза два она замѣтила, что слезы катятся у ней изъ глазъ, раза два улыбнулась.

Она не думала о той трагедіи, изъ которой возникло это положеніе. Въ этомъ мимолетномъ трансѣ чувства даже скорбныя фигуры мертвыхъ отца и сына какъ-то стушевались, исчезли; Уорквортъ не исчезалъ, но онъ представлялся ей теперь уже облеченнымъ безстрастной и безполой красотой того міра, гдѣ—будь онъ для насъ поэзія или дѣйствительность—«не женятся и не выходятъ замужъ». Ея горячія, живыя мысли стремились къ одному—возстановить духовное равновѣсіе. Она больше не нищая по отношенію къ своему мужу: у нея есть, что дать. До сихъ поръ она только брала и брала, пока не очутилась въ неоплатномъ долгу, но теперь!..

И при этой мысли по лицу ея скользила улыбка, трепетная, мимолетная, радостная.

Звонъ колокольчика разнесся по длинному корридору, и этотъ звукъ вернулъ ее къ жизни. Она пошла къ двери, отдѣлявшей ее отъ гостиной, гдѣ она оставила своего мужа и, не постучавшись, отворила ее.

Делафильдъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ нишѣ окна. Онъ, очевидно, писалъ, но, когда она вошла, онъ сидѣлъ, задумавшись и разсѣянно вертя въ рукѣ перо.

Услышавъ шаги онъ поднялъ глаза, и ей показалось, что и лицо, и настроеніе его перемѣнились. Это была смутная, мимолетная мысль, но Жюли инстинктивно ускорила шаги и протянула ему обѣ руки.

— Джэкобъ! Вы предложили мнѣ вопросъ, на который я не могла отвѣтить сразу. Мнѣ нужно было подумать. Теперь я пришла съ отвѣтомъ. Если для вашего счастья нужно отказаться отъ герцогства,— откажитесь! Я не стану вамъ поперекъ дороги - и никогда не упрекну васъ. Вѣроятно,—она заставила себя улыбнуться,—вѣроятно, есть способы дѣлать и такія странныя вещи. Васъ будутъ много судить, можетъ быть, порицать. Но, если вамъ кажется, что такъ надо,— сдѣлайте это. Я поддержу васъ и помогу. Что сдѣлаетъ васъ счастливымъ, сдѣлаетъ счастливой и меня, если только...

Делафильдъ порывисто поднялся и взялъ ее за руки. Грудь его тяжело вздымалась, отъ волненія онъ едва могъ говорить.

— Если только—что?—выговорилъ онъ хрипло.

Она посмотрѣла на него.

— Если только, mon ami,—она тихонько высвободила одну руку и положила ее на его плечо,—вы подарите мнѣ ваше довѣріе и—голосъ ея вдругъ упалъ—вашу любовь!

Они смотрѣли другъ на друга. Передъ обоими проносились воспоминанія прошлаго—Уорквортъ, сѣрыя волны Ламанша, духовное родство, выросшее между ними въ Швейцаріи, вмѣстѣ съ сознаніемъ этой новой нежданной перемѣны и выросшихъ въ нихъ самихъ новыхъ чувствъ.

— Вы готовы всѣмъ этимъ пожертвовать?—мягко спросилъ Делафильдъ, все еще держа ее на разстояніи отъ себя.

— Да.—Она, улыбаясь, кивнула головой.

— Для меня? Ради меня?

Она опять улыбнулась. Онъ глубоко перевелъ духъ, повернулся къ столу, взялъ лежавшее на немъ письмо и протянулъ ей.

— Я хочу, чтобъ вы прочли это.

Она невольно вздрогнула и отшатнулась. Онъ понялъ.

— Родная!—вскричалъ онъ, страстно сжавъ ея руку.—Я былъ самъ не свой, я умиралъ! Прочти—будь добра ко мнѣ!

Стоя съ нимъ рядомъ, въ то время, какъ рука его обвивала ея станъ, она прочла эти печальныя строки, послѣднее письмо герцога.

«Дорогой мой Джэкобъ, я оставляю тебѣ тягостную задачу, которая, я знаю, въ твоихъ глазахъ будетъ только бременемъ. Но—ради меня—прими ее. Человѣкъ, который бѣжитъ съ поста, пожалуй, не въ правѣ проповѣдывать мужество. Но ты знаешь, какъ я боролся, и если никто другой, то ты будешь милосерднымъ судьей. И въ тебѣ тоже есть капля горечи, которая отравляетъ жизнь всѣмъ намъ; но ты будешь не одинъ. Съ тобой твоя жена, и ты любишь ее. Займи мое мѣсто здѣсь—заботься о нашихъ крестьянахъ, говори о насъ иногда своимъ дѣтямъ и молись за насъ. Благослови тебя Богъ, мой родной—единственные проблески утѣшенія, какія я зналъ въ этомъ году, исходили отъ тебя. Я жилъ бы, еслибъ могъ, но я долженъ, *долженъ* уснуть...»

Жюли выронила письмо и повернулась къ мужу.

— Послѣ того, какъ я прочелъ это,—выговорилъ онъ медленно,—я все сидѣлъ здѣсь одинъ, т.-е., вѣрнѣе, не одинъ, но мнѣ трудно говорить объ этомъ,—даже съ вами. Какъ бы то ни было, я почувствовалъ напоминаніе о дисциплинѣ, приказъ. Мой бѣдный кузенъ дезертировалъ. Я, повидимому,—договорилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ,—долженъ остаться въ рядахъ.

— Давай обсудимъ это,—сказала Жюли, и они сѣли рука съ рукой, и полилась спокойная серьезная бесѣда.

Внезапно Делафильдъ повернулся къ ней, съ новымъ приступомъ волненія.

— Я уже чувствую, какую энергію, какое благородное честолюбіе ты съумѣешь вложить въ это. Но все-же, Жюли, ты способна была бы отказаться отъ всего этого?—всѣмъ пожертвовать?..

Жюли отвѣтила, выбирая слова.

— Да. Но теперь, когда мы рѣшили сохранить это, ты не возненавидишь меня, если когда-нибудь—когда намъ будетъ не такъ грустно, какъ сейчасъ,—мнѣ это доставитъ удовольствіе? Право же, это сильнѣе меня. Когда мы были въ Ла-Вернѣ, я все думала, что тебѣ слѣдовало родиться въ тринадцатомъ столѣтіи, дать обѣтъ бѣдности и идти по стопамъ св. Франциска. Но теперь ты сдѣлался безумно, безнадежно богатъ. А я всегда была суетная, свѣтская. То, что заставитъ тебя страдать, меня можетъ быть будетъ радовать!

Слова эти рѣзко прозвучали въ потемнѣвшей комнатѣ. Делафильдъ вздрогнулъ, какъ будто смерть осѣнила его крыломъ. Жюли порывисто взяла его за руку.

— Можетъ быть, это моя судьба чтобы я была свѣтской и суетной вмѣсто тебя!

Глаза ихъ встрѣтились. Ея лицо свѣтилось откровеніемъ, красотой, обволакивавшей ихъ обоихъ.

Делафильдъ упалъ на колѣни возлѣ нея и положилъ голову къ ней на грудь. Она прелестнымъ жестомъ обвила его шею руками. Наконецъ онъ нуждался въ ней, и это отрадное сознаніе наполнило и укротило ея сердце.

Конецъ.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ И ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ.

Среди безконечнаго разнообразія областей человѣческой дѣятельности земледѣліе занимаетъ вполнѣ особое положеніе. Служа важнѣйшимъ и почти единственнымъ источникомъ для поддержанія жизни людей, земледѣліе всегда и повсемѣстно было предметомъ горячихъ заботъ и стараній человѣка.

Въ виду такой исключительной важности земледѣлія, человѣкъ, казалось бы, долженъ былъ удѣлить наибольшее вниманіе этой области своей дѣятельности и довести её въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ до самаго высокаго развитія. Однако изученіе исторіи земледѣлія убѣждаетъ насъ въ противномъ, показывая, что до сравнительно очень недавняго времени земледѣліе оставалось самою отсталою отраслью: въ продолженіе тысячи лѣтъ оно сдѣлало лишь ничтожные успѣхи и цѣлыми столѣтіями совсѣмъ не двигалось впередъ. Мало того,—рутинные пріемы, прочно установившіеся въ земледѣльческой практикѣ, были не только крайне несовершенны, но въ своемъ основаніи являлись хищническими, направленными къ полному истощенію почвы. Это хищническое отношеніе къ природнымъ богатствамъ красной нитью проходитъ черезъ всю исторію земледѣлія вплоть до XVIII и даже начала XIX вв. и обусловливается сложными и глубокими причинами, коренящимися въ всемъ строѣ предшествовавшихъ эпохъ. Разсмотрѣніе этихъ причинъ не входитъ въ нашу задачу, и мы можемъ ограничиться по этому поводу лишь нѣкоторыми общими замѣчаніями.

Развитіе знаній и техники есть единственный источникъ всякаго прогресса. Но этотъ процессъ совершается не самъ по себѣ, а тѣсно связанъ со всѣмъ остальнымъ общественнымъ устройствомъ. Такимъ образомъ низкій уровень и полная неподвижность земледѣлія въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка всецѣло зависѣли отъ условій жизни рабовладѣльческихъ и феодальныхъ обществъ.

По свойству человѣческой природы люди не склонны затрачивать на поддержаніе своего существованія больше труда, чѣмъ это безусловно необходимо. Поэтому крайне слабое развитіе земледѣльческой техники могло сравнительно очень долгое время удовлетворять потребностямъ населенія; и только когда равновѣсіе между потребностями и

запасами природы было окончательно и безповоротно нарушено, потребовалось увеличить количество работы и искать болѣе совершенныхъ пріемовъ земледѣлія. Въ этомъ отношеніи, на ряду съ другими факторами, самое сильное дѣйствіе оказало развитіе городской промышленности и денежнаго хозяйства. Къ XVI—XVII в.в. старыя формы земледѣлія съ общиной и трехпольемъ становятся окончательно непригодными; благодаря чрезмѣрному истощенію полей и неурожаямъ земледѣліе приходитъ въ небывалый упадокъ; населеніе подвергается періодическимъ голодовкамъ, количество его сильно уменьшается; въ то же время цѣлый рядъ другихъ факторовъ экономической жизни дѣлаетъ положеніе крестьянскаго населенія прямо невыносимымъ. Переходъ къ новой, болѣе совершенной формѣ земледѣлія становится необходимымъ во что бы то ни стало. Однако этотъ переходъ на практикѣ могъ осуществиться лишь при условіи полнаго переворота во всемъ общественно-экономическомъ строѣ. Въ этомъ направленіи первый шагъ былъ сдѣланъ Англіей, гдѣ революціей 1688 г. были разрушены основы феодальнаго хозяйства, и начала развиваться капиталистическая система. Въ остальной Европѣ только великая революція 1789 г. окончательно сбросила тягостное феодальное иго и, уничтоживъ общинное владѣніе землею, ввела полную частную собственность. Путь капиталистическому хозяйству былъ освобожденъ, начинается новая эпоха земледѣлія. Начало этой эпохи ознаменовалось замѣчательными открытіями въ области естествознанія и положило первое основаніе научному пониманію земледѣлія.

Разсмотрѣніе теоретической и практической эволюціи земледѣлія въ новую эпоху и составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Необходимо отмѣтить, что въ развитіи земледѣлія на долю *науки* выпадаетъ особенно выдающаяся роль: весь прогрессъ сталъ возможнымъ главнымъ образомъ благодаря тѣмъ открытіямъ, которыя были сдѣланы въ естествознаніи — химіи, физіологіи растеній и механикѣ. Передъ нами открывается цѣлый рядъ важнѣйшихъ работъ различныхъ ученыхъ,—но справедливость требуетъ признать, что среди нихъ имя нѣмецкаго химика Юстуса Либиха, создавшаго впервые главнѣйшія основы земледѣльческой науки, должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ *).

---

*) Выходъ настоящаго очерка совпадаетъ съ столѣтіемъ со дня рожденія Либиха (4 мая нов. ст.). Юстусъ Либихъ (Iustus v. Liebig) родился 4 мая (нов. ст.) 1803 г. въ Дармштадтѣ († 18 апр. 1873 г.). Отецъ его держалъ небольшую лавку аптекарскихъ и москательныхъ товаровъ, и это обстоятельство, по всей вѣроятности, впервые пробудило въ будущемъ ученомъ интересъ къ химіи, которою онъ серіозно занимался уже въ раннемъ дѣтствѣ, но какъ сынъ бѣдныхъ родителей, конечно, не могъ и мечтать о научной карьерѣ. Однако ничто не могло помѣшать развиться его таланту.—19-ти лѣтъ въ 1822 г. Либихъ выступаетъ съ

I.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію развитія теоретическихъ воззрѣній на земледѣліе, необходимо вкратцѣ упомянуть о нѣкоторыхъ мѣрахъ чисто случайнаго характера, принимавшихся ранѣе для улучшенія земледѣлія; хотя онѣ и не имѣютъ значенія для развитія теоретическихъ воззрѣній, тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ привели къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ.

Сознательное отношеніе къ земледѣлію пробуждается приблизительно въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія, до этого же времени, систематически истощая природныя богатства земли, человѣкъ не принималъ рѣшительно никакихъ мѣръ для сохраненія ея плодородія. Таковъ общій основной фонъ всей прошлой земледѣльческой практики. Въ частности же нерѣдко дѣлались попытки искусственнаго повышенія урожайности, приводившія иногда къ весьма хорошимъ результатамъ. Но въ огромномъ большинствѣ способы, примѣнявшіеся для этой цѣли, не соотвѣтствовали ни степени развитія населенія, ни условіямъ общественнаго устройства, и въ результатѣ дѣло не шло дальше примѣненія одного навознаго удобренія. Повидимому въ лучшіе моменты земледѣлія предпринимались и нѣкоторыя другія улучшенія. Такъ напр. по словамъ Плинія и Колумеллы римлянамъ было хорошо извѣстно травосѣяніе; ихъ любимою посѣвною травой была люцерна, которой они приписывали удобрительную силу. Но этотъ принципъ былъ скоро забытъ, и только въ половинѣ XVIII в. мы вновь встрѣчаемся съ травосѣяніемъ, которое усиленно проповѣдуется различными учеными въ Англіи и Германіи. Заслуга введенія кормовыхъ травъ принадлежитъ Шубарту, посвятившему на это всю свою жизнь. Впервые травосѣяніе было введено въ Саксоніи, на родинѣ Шубарта *). Однако надо замѣтить, что это было уже дѣломъ новой эпохи. Къ

своею первою химическою работою, а уже 21-го года онъ получаетъ профессорскую каѳедру въ гессенскомъ университетѣ, не имѣя диплома классической гимназіи и не прослушавъ полнаго университетскаго курса, и основываетъ здѣсь *первую* общественную химическую лабораторію. Работы его въ разнообразныхъ областяхъ естествознанія настолько обширны, и заслуги такъ велики, что останавливаться на этомъ здѣсь нѣтъ возможности. Извѣстный химикъ и біографъ Либиха А. В. Гофманъ по этому поводу говоритъ: „можно смѣло утверждать, что ни одинъ ученый не оставилъ человѣчеству бо́льшаго наслѣдства". — Работы Либиха тотъ же Гофманъ называетъ благодѣяніемъ для человѣчества.

*) За заслуги въ этомъ дѣлѣ Шубартъ былъ прозванъ фонъ-Клефельдомъ (отъ Kleefeld—клеверное поле) и возведенъ Іосифомъ II въ потомственное дворянство. Интересно, что въ 1779 году Екатерина II приглашала Шубарта переселиться въ Россію и завести здѣсь образцовое хозяйство съ правомъ выбора до 70.000 десятинъ лучшей земли и съ ссудою въ 100.000 руб. Однако Шубартъ не поѣхалъ; но его ученіе было извѣстно у насъ подъ названіемъ „Новаго земледѣлія".

тому же времени относятся и такія мѣры, которыя при едва начавшей развиваться земледѣльческой техникѣ не могли имѣть другого значенія, какъ палліативовъ. Сюда относятся, напримѣръ, усиленный ввозъ гуано, какъ удобрительнаго средства, и введеніе картофеля.

Гуано, хотя и представляетъ довольно полное удобреніе, но залежи его даже въ самомъ началѣ ихъ выработки были столь незначительны, что могли оказать лишь кратковременную помощь *).

Что касается картофеля, то будетъ не лишне сказать два слова о той исключительной роли, которую ему приходится играть въ жизни бѣдныхъ классовъ населенія.

Картофель впервые ввезенъ изъ Америки въ 1584 г., но окончательное распространеніе получаетъ въ XVII—XVIII в. в. **), заступая при этомъ мѣсто истинно питательныхъ растеній (напр. гороха), которыя уже не могли расти на истощенной почвѣ, въ то время какъ картофель, благодаря сильному развѣтвленію корней, растетъ довольно успѣшно. На его введеніе первоначально смотрѣли, какъ на благодѣяніе. Между тѣмъ, помимо своей способности еще сильнѣе истощать землю, картофель представляетъ растеніе *мало питательное*, и мы теперь хорошо знаемъ, что онъ не можетъ служить нормальной пищей для человѣка и кормомъ для скота (фактъ, впрочемъ, и тогда уже извѣстный) ***).

Теоретическія воззрѣнія на земледѣліе въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ застаемъ въ первые моменты развитія (въ XVIII в.) еще въ достаточной степени сохранили отпечатокъ самыхъ грубыхъ представленій о природѣ. Въ то время среди сельскихъ хозяевъ господствовало

---

*) Именемъ гуано называются полуразложившіеся остатки экскрементовъ морскихъ птицъ, находившіеся въ большомъ изобиліи по берегамъ Перу и ближайшихъ острововъ. Быстрое истощеніе его запасовъ предсказывалъ еще Либихъ, и дѣйствительно его предсказанія сбылись; въ настоящее время разрабатываются только незначительныя второстепенныя залежи.

**) У насъ въ Россіи картофель появляется впервые въ Петербургѣ въ первой половинѣ XVIII в., гдѣ разводится „партикулярными людьми“. При Екатеринѣ II принимаются мѣры къ его распространенію на помощь голодавшимъ крестьянамъ Финляндіи. Затѣмъ въ началѣ XIX в. правительствомъ нѣсколько разъ дѣлаются попытки къ всеобщему распространенію картофеля, но всѣ онѣ встрѣчаются полнымъ недовѣріемъ со стороны крестьянъ. Только въ 40-хъ годахъ Николай I въ виду неурожая приступаетъ къ энергичному введенію этого растенія, причемъ назначаются даже преміи и награды за его разведеніе.

***) Съ особенной силой нападаетъ на картофель Либихъ, указывая на сильное уменьшеніе способности къ работѣ населенія, питающагося преимущественно картофелемъ. Свое мнѣніе онъ подтверждаетъ различными неоспоримыми данными, въ томъ числѣ изъ области статистики рекрутскихъ наборовъ Франціи и Германіи, констатирующей значительное пониженіе роста и другихъ нормъ со времени введенія картофеля.

мнѣніе, что почва неистощима въ своемъ плодородіи; что въ ней заложена особая «сила», являющаяся ближайшей причиной плодородія, и всѣ старанія земледѣльца должны быть направлены къ тому, чтобы пробудить эту силу. Правда, сельскій хозяинъ XVIII в. уже отлично зналъ, какую роль играетъ солнечный свѣтъ и дожди, былъ знакомъ практически съ дѣйствіемъ того или другого случайнаго удобренія и потому иногда пытался такъ или иначе обосновать свои взгляды, облечь въ форму теоріи. Но въ сущности онъ не зналъ причинъ плодородія земли, не зналъ и причинъ неплодородія, наступавшаго послѣ продолжительнаго воздѣлыванія почвы.

Первой стройной теоріей, стремившейся проникнуть въ глубь явленія, была такъ называемая «перегнойная или гумусовая теорія» Тэра*). Эта теорія объясняла производительность почвы присутствіемъ въ ней нѣкотораго органическаго вещества—перегноя (гумуса «humus»). Поэтому для повышенія плодородія почвы старались тѣмъ или инымъ путемъ внести въ нее возможно большее количество перегноя, такъ что основою хозяйства считалось напр. полученіе навоза.

Ученіе о гумусѣ ставило, въ связи съ перегноемъ, какъ питательнымъ веществомъ для растеній, дѣйствіе почвенной силы въ зависимость отъ круговорота органическихъ веществъ, который въ формѣ перегноя способствовалъ поддержанію растительной жизни, а въ формѣ растительныхъ веществъ служилъ пищей для животныхъ и людей. Изъ такого взгляда вытекало, что возможенъ моментъ, когда всѣ органическія остатки животныхъ и растеній войдутъ въ круговоротъ, и тѣмъ будетъ положенъ конецъ ихъ дѣйствію: всякое увеличеніе производительности земли и приращеніе населенія сдѣлаются невозможными.

Эта теорія господствовала приблизительно до 1840 года, который Либихъ отмѣчаетъ, какъ важный переходный моментъ въ исторіи земледѣлія. Химія и физіологія растеній сдѣлались тогда уже настолько самостоятельными, что могли принять участіе въ развитіи другихъ областей знанія, и пришли въ соприкосновеніе съ сельскимъ хозяйствомъ. Къ этому времени стали извѣстны тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ составѣ воздуха подъ вліяніемъ растительнаго процесса. Ученые уже выяснили, что зеленыя части растеній при содѣйствіи солнечнаго свѣта выдѣляютъ кислородъ (Пристлей 1772 г.). Отецъ физіологіи растеній Соссюръ (Saussure. «Recherches chimiques sur la végétation», 1804) съ неопровержимостью доказалъ, что образованіе растительнаго вещества происходитъ на счетъ углекислоты воздуха: растенія разлагаютъ углекислоту, усвоивая ея углеродъ. Минеральныя вещества, находимыя въ золѣ растеній, однако, въ большинствѣ случаевъ считались

*) Альбертъ Тэръ (Thaer) знаменитый нѣмецкій агрономъ (1752—1828). Его классическое сочиненіе „Grundsätze d. rationellen Landwirtschaft“ переведено на русскій языкъ.

только случайными составными частями растеній, измѣняющимися съ характеромъ почвы (Соссюръ). Однако тотъ же Соссюръ придавалъ уже огромное значеніе для жизни растеній фосфорнокислой извести, а знаменитый химикъ и агрономъ Буссенго (Boussingault. «Economie rurale», 1844 и др.) уже достаточно ясно понималъ значеніе минеральныхъ веществъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ названныя и многія другія важныя открытія совершенно не проникали въ практику, оставаясь пріобрѣтеніемъ лишь узкой научной сферы. Съ одной стороны этихъ свѣдѣній, носившихъ отрывочный характеръ, было слишкомъ недостаточно, чтобы составить полное представленіе о питаніи растеній, а съ другой—сельскіе хозяева-практики оставались еще слишкомъ вѣрными силѣ преданія, чтобы согласиться на введеніе у себя новшествъ, да еще со стороны науки, которой они тогда не придавали значенія.

Величайшая заслуга коренного измѣненія земледѣлія въ смыслѣ его научной постановки принадлежитъ замѣчательному ученому—химику Юстусу Либиху *)

Старая перегнойная теорія Тэра признавала самымъ важнымъ условіемъ развитія растеній вещества *органическія*; новое ученіе Либиха принимаетъ какъ разъ наоборотъ, что пища всѣхъ растеній (кромѣ грибовъ) состоитъ изъ веществъ *неорганическихъ*; «что въ организмѣ растенія минеральныя вещества становятся способными отправлять органическую дѣятельность». Вслѣдствіе своей противоположности старому ученію, новое получило названіе «минеральной теоріи».

Либихъ выставилъ слѣдующее основное положеніе этой теоріи: «Углекислота, амміакъ (азотная кислота), вода, кислоты — фосфорная, сѣрная, кремневая, известь, магнезія, кали, желѣзо, для нѣкоторыхъ и поваренная соль,—суть вещества, которыми живетъ растеніе».

Было доказано научнымъ путемъ, что растенія берутъ изъ земли нѣкоторыя составныя части, всегда одинаковыя, на какой бы почвѣ они ни выростали, и что соли и землистыя вещества не случайныя составныя части, а существенно необходимыя вещества для развитія массы растенія; что безплодная почва становится плодородной, если количество такихъ веществъ будетъ увеличено. Отсюда слѣдуетъ, что земля, по мѣрѣ воздѣлыванія, становится бѣдною этими веществами, и что для сохраненія плодородія необходимо возвращать почвѣ все то, что изъ нея было взято. Содержаніе этихъ питательныхъ веществъ даже въ самой плодородной почвѣ сравнительно не велико, и сельскій хозяинъ въ интересахъ всего человѣчества, говоритъ Либихъ, долженъ

*) Важнѣйшія его сочиненія по агрономіи: „Die organische Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur u. Physiologie“, „Naturwissensch. Briefe ü. d. moderne Landwirtschaft“ и другія переведены на различные языки, въ томъ числѣ и на русскій.

заботиться о возвращеніи почвѣ недостающихъ веществъ изъ другихъ источниковъ.

Либихъ разработалъ во всей полнотѣ вопросъ о значеніи для растеній минеральныхъ веществъ, собралъ и провѣрилъ всѣ свѣдѣнія по вопросу о питаніи растеній и удобреніи почвы, поставилъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій и, наконецъ, весь этотъ обширный матеріалъ привелъ въ ясность, сдѣлалъ его разработку во всѣхъ подробностяхъ даже съ естественно-исторической и философской точки зрѣнія и создалъ стройную, законченную теорію, носившую не только спеціально-научный характеръ, но являвшуюся горячей проповѣдью новаго раціональнаго земледѣлія, при которомъ *плодородіе почвы сохраняется вѣчно и производительность земли можетъ быть повышена соразмѣрно потребностямъ населенія.*

На первыхъ порахъ воззрѣнія Либиха были встрѣчены нападками, бранью, враждой. И прежде чѣмъ новая теорія окончательно восторжествовала, Либиху пришлось долгое время выступать на ея защиту.

Какъ разъ къ этому времени, около средины 40-хъ годовъ, распространилось ученіе объ азотѣ, какъ главномъ предметѣ попеченія земледѣльца. Въ то время германскіе агрономы и даже сельскіе хозяева серьезно принялись за разработку вопроса о питаніи растеній, и нѣкоторые, согласно съ французскою школой, начали усиленно налегать на азотъ, считая его и фосфорную кислоту чуть ли не единственными питательными элементами, такъ что всѣ удобрительныя средства стали оцѣниваться по содержанію въ нихъ азота. Эта азотная теорія, представителями которой были Штекгардтъ и Вольфъ, хотя не прямо, но подрывала нѣкоторымъ образомъ минеральную теорію Либиха. Противъ этихъ-то нѣмецкихъ «адвокатовъ» азотной теоріи, какъ ихъ называлъ Либихъ, и противъ англійскихъ ученыхъ Лоза и Жильберта Либихъ написалъ извѣстное сочиненіе: «Theorie u. Praxis in d. Landwirthschaft». 1856 г.

Важное значеніе минеральной теоріи выразилось не только въ тѣхъ огромныхъ практическихъ результатахъ, о которыхъ мы упомянемъ ниже, но еще и въ томъ отношеніи, что только съ этой теоріей впервые была познана роль растеній въ природѣ. Все живущее на землѣ получаетъ свою энергію, главнымъ образомъ, изъ готовыхъ сложныхъ углеродистыхъ соединеній, принимая эти послѣднія въ видѣ пищи. Запасъ такихъ веществъ крайне ограниченъ, въ то же время большинство организмовъ не въ состояніи приготовить ихъ изъ веществъ болѣе простыхъ. Одни только зеленыя растенія (хлорофильныя) изъ всѣхъ организмовъ обладаютъ замѣчательной способностью создавать при помощи энергіи солнечнаго свѣта изъ простыхъ минеральныхъ веществъ тѣ сложныя углеродистыя соединенія, которыя необходимы животнымъ. Эта замѣчательная истина, ставшая нынче общимъ достояніемъ, впервые была понята Либихомъ.

*

Дѣйствительно, казалось бы, что разъ познано значеніе минеральныхъ веществъ, то изложенный выводъ напрашивается самъ собой. Однако, на практикѣ дѣло обстояло иначе.

Уже много раньше было извѣстно, что въ растеніяхъ всегда присутствуютъ нѣкоторыя минеральныя вещества; но такъ какъ никакія изслѣдованія не могли выяснить ихъ участія въ растительномъ процессѣ, то, несмотря на разнорѣчивыя мнѣнія, этимъ веществамъ въ общемъ не придавали никакого значенія. Оставалось одно—или отказаться отъ познанія роли минеральныхъ веществъ за невозможностью прослѣдить связь ихъ съ развитіемъ растительнаго процесса, или же искать уясненія ихъ роли въ другихъ соотношеніяхъ. Этотъ второй путь и былъ выбранъ Либихомъ. Онъ понялъ, что здѣсь нельзя ограничиваться частными наблюденіями, а необходимо найти общую законность, управляющую этой областью.

Подобно тому, какъ Лавуазье, создавшій новую химію, исходилъ изъ откровенія своего генія, что «ничто въ природѣ не пропадаетъ и не творится вновь», такъ и для Либиха исходнымъ пунктомъ служило простое, но глубокое философское обобщеніе, обнимающее два царства природы.

«Безъ постояннаго содержанія фосфорной кислоты или фосфорнокислой извести въ пищѣ невозможно образованіе мозга и костей; равнымъ образомъ безъ желѣза и щелочей невозможно образованіе крови и мускуловъ. Если же эти вещества существенно необходимы для поддержанія жизни въ организмѣ животнаго, то они должны быть (таково было, говоритъ Либихъ, умозаключеніе, къ которому я пришелъ) необходимы и для растительной жизни; иначе, если бы ихъ присутствіе въ растеніяхъ было случайностью, жизнь животныхъ не была бы обезпечена» *).

Вотъ тотъ путь, по которому этотъ ученый пришелъ къ минеральной теоріи, сознавъ все важное значеніе зеленыхъ растеній въ природѣ. И только имѣя въ рукахъ такую законность, Либихъ могъ, дѣйствительно вдохнуть жизнь въ безчисленныя разрозненныя наблюденія надъ питаніемъ растеній...

Слишкомъ 60 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Либихъ своимъ первымъ сочиненіемъ «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie» произвелъ реформу въ теоріи питанія растеній. За этотъ продолжительный срокъ земледѣлію были посвящены въ различныхъ областяхъ знанія многочисленныя изслѣдованія, и они-то, идя уже по расчищенному Либихомъ пути, и привели земледѣльческую науку и практику къ современному высокому развитію.

---

*) Liebig. Die Chemie in ihr. Anw. auf Agrikultur u. Physiologie.

II.

Въ то время, какъ наука быстрыми шагами совершала свое побѣдоносное шествіе, жизнь обществъ продолжала также разъ начатую эволюцію. Переворотъ, совершенный въ 1789 году въ Парижѣ классами, политически руководимыми буржуазіей, освободилъ крестьянъ отъ феодальной тяготы и даже снабдилъ ихъ землею, которую еще не успѣла захватить въ свои руки крупная буржуазія. Подъ вліяніемъ Франціи тѣ же измѣненія произошли и въ остальной Европѣ, но мирнымъ, легальнымъ путемъ постепенныхъ реформъ, и потому буржуазія осталась въ огромномъ выигрышѣ.

Частное владѣніе землею и товарный характеръ производства характеризуютъ то направленіе, въ которомъ происходитъ въ культурныхъ странахъ развитіе земледѣльческой промышленности. На ряду съ крестьянскимъ мелкимъ хозяйствомъ растутъ и развиваются крупныя капиталистическія хозяйства. Городская промышленность въ своемъ дальнѣйшемъ ростѣ создала техническія и научныя условія новаго раціональнаго земледѣлія, но въ то же время, дѣлая всѣ новѣйшія усовершенствованія доступными только для крупнаго капиталистическаго производства, привела къ техническому превосходству этого послѣдняго надъ мелкимъ крестьянскимъ. Однако, это обстоятельство вовсе не вызвало, какъ можно было бы ожидать, и не вызываетъ полнаго вытѣсненія и исчезновенія мелкой земледѣльческой промышленности: тамъ, гдѣ процессъ концентраціи землевладѣнія зашелъ слишкомъ далеко, вновь начинается обратное движеніе къ раздробленію, и такимъ образомъ оказывается, что обѣ эти формы производства обусловливаютъ другъ друга (Каутскій. «Agrarfrage»).

Развитіе сельскаго хозяйства, хотя и совершается по своимъ собственнымъ законамъ, вполнѣ отличнымъ отъ законовъ развитія промышленности, однако оба эти процесса не только не исключаютъ другъ друга, какъ это принято думать, но неуклонно ведутъ къ одной и той же цѣли, вызывая необходимость въ новыхъ общественныхъ формахъ производства и собственности.

Сказавъ два слова о современномъ экономическомъ состояніи земледѣльческой промышленности, мы перейдемъ теперь къ болѣе интересующимъ насъ современнымъ теоретическимъ воззрѣніямъ.

Система хозяйства на новыхъ основаніяхъ плодосмѣннаго пріема, широкаго раздѣленія ручного и интеллигентнаго труда; превращеніе земледѣлія въ науку, большое распространеніе машинъ и всякихъ механическихъ сооруженій, точное счетоводство и т. п.—все это, сразу намѣтившееся уже частью въ первой половинѣ, частью въ серединѣ прошлаго XIX-го вѣка, получаетъ небывалое развитіе по мѣрѣ приближенія къ нашему времени.

Что касается преимуществъ современнаго «свободнаго» или «воль-

наго» плодосмѣннаго хозяйства и раздѣленія труда, то здѣсь намъ придется ограничиться лишь краткими указаніями. Плодосмѣнное хозяйство дало возможность въ широкихъ размѣрахъ культивировать самыя разнообразныя растенія, на которыя рынокъ предъявляетъ спросъ, приноравливаясь въ то же время, въ зависимости отъ свойствъ этихъ растеній, къ требованіямъ раціональнаго сѣвооборота, дающаго возможность увеличить урожайность. Эта система открыла цѣлый новый міръ многочисленныхъ комбинацій, позволяющихъ легко удовлетворить какъ измѣнчивымъ условіямъ земледѣлія, такъ и рыночнаго спроса.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи главное вниманіе мы удѣлимъ современному состоянію земледѣльческой науки, какъ ея слѣдствію — вопросу объ искусственномъ удобреніи, и примѣненію сельскохозяйственныхъ машинъ.

Основой современнаго научнаго земледѣлія является, безъ сомнѣнія, ученіе о питаніи растеній; главнѣйшими же элементами этого послѣдняго служатъ вопросы объ усвоеніи углерода, элементовъ золы (т.-е. неорганическихъ веществъ) и объ усвоеніи азота.

Въ первыхъ двухъ отношеніяхъ сущность дѣла мало измѣнилась со времени Либиха. Объ ассимиляціи углерода въ настоящее время, какъ и тогда, физіологія растеній принимаетъ, что всѣ зеленыя (хлорофилоносныя) растенія для своего питанія пользуются исключительно углекислотой, содержащейся въ атмосферѣ; при этомъ первыми продуктами ассимиляціи являются углеводы (напр., крахмалъ) и нѣкоторыя другія вещества. Для образованія органическаго вещества во всякомъ зеленомъ растеніи на солнечномъ свѣтѣ происходитъ усвоеніе углерода, водорода и кислорода.

Что касается усвоенія неорганическихъ веществъ, то на основаніи культуръ на искусственныхъ почвахъ оказалось, что изъ большого числа элементовъ, находимыхъ въ золѣ растеній, безусловно необходимо опредѣленное количество только немногихъ: азота, сѣры, фосфора, калія, кальція, магнія, желѣза и нѣкоторыхъ другихъ. Что же касается до значенія, роли этихъ веществъ, то и въ настоящее время извѣстно объ этомъ еще очень мало. Такимъ образомъ воззрѣнія Либиха въ этой области больше чѣмъ оправдались: къ тому, что было сказано имъ, не прибавлено, можно сказать, ни одного слова.

Переходя теперь къ вопросу объ усвоеніи азота и его источникахъ въ природѣ, мы должны замѣтить, что въ этой области произошли съ тѣхъ поръ значительныя перемѣны, и это заставляетъ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Источниками азота въ природѣ является азотъ атмосферный и почвенный. Первый въ видѣ амміака усвоивается листьями растеній, но въ естественныхъ условіяхъ этотъ способъ почти не имѣетъ значенія. Почвенный азотъ находится въ видѣ органическихъ соединеній, амміака и азотной кислоты. Доказано, что весь свой азотъ ра-

стенія получаютъ изъ почвы, и всѣ названныя выше три рода веществъ одинаково пригодны, но наилучшее усвоеніе происходитъ съ солями азотной кислоты. Наибольшее количество азота находится въ почвѣ въ видѣ органическихъ соединеній, но въ почвѣ существуютъ условія для перевода различныхъ азотистыхъ соединеній въ азотную кислоту. Поэтому азотистыя органическія соединенія и амміачныя соли составляютъ основной капиталъ почвы: постоянно окисляясь въ азотную кислоту, они служатъ для питанія растеній.

При нитрификаціи, т.-е. превращеніи въ азотную кислоту сложныхъ органическихъ азотистыхъ соединеній, эти послѣднія предварительно разрушаются живущими въ почвѣ бактеріями до амміачныхъ солей, которыя, въ свою очередь, окисляются также бактеріями до азотнокислыхъ солей, и уже въ такомъ видѣ непосредственно усвоиваются. (Работы Шлёзинга, Мюнца (1877) и особенно нашего русскаго ученаго Виноградскаго, получившаго нитрифицирующія бактеріи въ чистыхъ культурахъ *).

Многіе ученые, напр., Буссенго, Шлёзингъ и др., долгое время держались того мнѣнія, что всѣ растенія усвоиваютъ только связанный азотъ,—элементарный же азотъ воздуха для нихъ не имѣетъ значенія. Отсюда родилось представленіе о круговоротѣ азотистыхъ соединеній въ природѣ: азотная кислота (ея соли), образовавшаяся въ почвѣ, превращается растеніями въ сложныя азотистыя соединенія, идущія для питанія животныхъ; эти послѣднія соединенія опять возвращаются почвѣ въ видѣ растительныхъ и животныхъ остатковъ, вновь окисляются въ азотную кислоту и т. д., и т. д. Однако съ другой стороны извѣстны нѣкоторые такіе процессы, при которыхъ происходитъ разрушеніе азотистыхъ соединеній съ выдѣленіемъ свободнаго азота. Слѣдовательно, часть связаннаго азота уходитъ изъ общаго круговорота, и его количество въ организованной природѣ уменьшается. Это обстоятельство дало поводъ къ исканію такихъ явленій въ природѣ, при которыхъ происходилъ бы переходъ элементарнаго азота въ его соединенія. Дѣйствительно, найденъ цѣлый рядъ такихъ случаевъ **), но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ большого значенія.

И только въ сравнительно очень недавнее время, благодаря открытіямъ Гельригеля и Вильфарта, мы узнали, наконецъ, процессы, при которыхъ происходитъ усвоеніе элементарнаго азота. Эти открытія, сдѣлавшія цѣлую эпоху, заключаются въ слѣдующемъ.

Какъ уже раньше упоминалось, еще въ древности было извѣстно особенное свойство бобовыхъ улучшать почву. Позже на ихъ важное

*) См. статью д-ра А. Яроцкаго „О жизни въ почвѣ“, „Міръ Божій“ 1903 г. Январь.

**) Азотъ соединяется съ кислородомъ во время грозы, при испареніи воды и др.; дождевая вода и снѣгъ всегда содержатъ азотную кислоту и амміакъ.

значеніе не разъ указывалъ Тэръ. Либихъ пошелъ дальше и высказалъ взглядъ, что эти растенія (благодаря своей большой лиственной поверхности) могутъ не нуждаться въ азотистыхъ удобреніяхъ. Это положеніе было точно установлено опытами Лоза и Жильберта. Далѣе было замѣчено, что корни бобовыхъ растеній всегда несутъ небольшіе клубеньки. Гельригель и Вильфартъ показали, что такіе клубеньки образуются только въ нестерилизованныхъ почвахъ; въ почвахъ же стерилизованныхъ (т.-е. такихъ, въ которыхъ микроорганизмы уничтожены) клубеньки никогда не образуются. На основаніи своихъ опытовъ эти ученые пришли къ заключенію, что образованіе клубенько въ есть результатъ симбіоза бобовыхъ растеній съ особыми бактеріями, и что при помощи такихъ клубенько въ эти растенія обладаютъ способностью усвоивать азотъ воздуха. Пражмовскому и Бейеринку удалось получить чистыя культуры этихъ бактерій, названныхъ Bacillus или Bacterium radicicola. Позднѣйшія изслѣдованія показали, что существуетъ цѣлый рядъ разновидностей этихъ бактерій.

Наконецъ, очень недавно Виноградскому удалось открыть особый микробъ, названный имъ Clostridium Pasteurianum, обладающій свойствомъ непосредственно усвоивать азотъ воздуха.

Важность открытій такого рода явленій заключается въ томъ, что они указали на цѣлую новую область, совершенно неизвѣстную до того времени, изученіе которой только и можетъ дать вѣрное представленіе о питаніи растеній. Дѣло въ томъ, что прежде всѣ процессы, имѣющіе значеніе для жизни растительнаго организма разсматривались, какъ явленія, обусловленныя чисто *химическими* причинами. Въ настоящее же время, съ открытіемъ участія въ этой области дѣятельности микроорганизмовъ, дается такимъ образомъ другое, именно, *біологическое* объясненіе этихъ процессовъ. Однако, при этомъ не слѣдуетъ забывать и дѣйствія химизма, такъ какъ химическіе и біологическіе процессы неразрывно связаны другъ съ другомъ.

Таковы въ краткихъ чертахъ тѣ главныя завоеванія, которыя къ нашему времени сдѣлала наука по вопросу о питаніи растеній. Въ то же время сильно успѣлъ измѣниться и типъ практическаго сельскаго хозяина. Нѣкогда равнодушный и даже глумившійся надъ наукой, какъ это было при появленіи минеральной теоріи, сельскій хозяинъ былъ искусно вовлеченъ Либихомъ въ открытое состязаніе и при первомъ же столкновеніи долженъ былъ разъ навсегда отказаться отъ принятой имъ по преданію рутины. Эти споры освѣтили въ свое время многія и многія частности и, что самое главное, заставили земледѣльца перестроить наново все свое хозяйство на началахъ, установленныхъ наукой.

При такихъ огромныхъ теоретическихъ успѣхахъ основное либиховское положеніе практическаго земледѣлія: «возвращать землѣ все,

что изъ нея было взято», получаетъ значеніе обязательной истины, и на этой прочной почвѣ пріобрѣтаетъ широкое современное развитіе вопросъ объ искусственномъ *удобреніи*.

Какъ уже говорилось, жизнь растеній зависитъ отъ успѣшнаго усвоенія извѣстныхъ питательныхъ веществъ. Въ дикомъ состояніи почвы заселены, при прочихъ равныхъ условіяхъ, тѣми растеніями, для которыхъ данная почва по содержанію въ ней этихъ питательныхъ веществъ наиболѣе благопріятна. Земледѣліе же заставляетъ воздѣлывать такія растенія, условіямъ развитія которыхъ почва въ большинствѣ случаевъ не удовлетворяетъ. Это обстоятельство заставляетъ человѣка такъ или иначе приспособлять свою землю къ воздѣлываемымъ растеніямъ, что и достигается путемъ внесенія необходимыхъ питательныхъ веществъ — удобреній. Удобреніе практиковалось съ древнѣйшихъ временъ, но, какъ мы уже видѣли, только начиная съ перегнойной теоріи Тэра, оно пріобрѣтаетъ значеніе одного изъ важныхъ факторовъ земледѣлія. Согласно этой послѣдней теоріи, лучшимъ удобрительнымъ средствомъ признавался навозъ. Основою хозяйства считалось полученіе навоза, который, были убѣждены, даетъ высокіе урожаи.

Подъ именемъ навоза разумѣютъ вообще продукты пищеварительнаго процесса животныхъ, состоящіе изъ неусвоенныхъ частей пищи, и продукты процессовъ, совершающихся въ тканяхъ и крови, выдѣляющіеся въ видѣ углекислоты, воды, мочевины и т. под. Почти половина принятой пищи (сухого вещества) теряется въ видѣ углекислоты и воды, и только половина переходитъ въ навозъ въ видѣ твердыхъ и жидкихъ экскрементовъ; сюда же входитъ весь азотъ и минеральныя соли пищевыхъ веществъ. Гніеніе навоза есть исключительно результатъ жизнедѣятельности различныхъ низшихъ организмовъ, изъ которыхъ одни переводятъ навозъ въ состояніе, удобное къ усвоенію растеніями его питательныхъ веществъ, другіе, напротивъ, къ большой потерѣ этихъ послѣднихъ.

Однако, съ появленіемъ минеральной теоріи даже самымъ строгимъ приверженцамъ перегнойной теоріи пришлось убѣдиться, что навозъ не есть универсальное средство для поддержанія постояннаго плодородія земли: одного навоза слишкомъ недостаточно; этотъ недостатокъ можетъ быть пополненъ только прямымъ внесеніемъ минеральныхъ веществъ: азота, фосфорной кислоты, кали и извести. И главнѣйшей основой современнаго ученія объ удобреніи является внесеніе этихъ веществъ, всѣхъ или только нѣкоторыхъ, въ зависимости отъ того, чего недостаетъ въ почвѣ.

Всѣ питательныя вещества одинаково необходимы растеніямъ, и такъ какъ они нужны въ строго опредѣленныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, то Либихомъ былъ высказанъ весьма простой *законъ minimum'a*,

по которому развитіе растеній (урожайность) опредѣляется тѣмъ изъ питательныхъ веществъ, которое находится въ почвѣ въ наименьшемъ количествѣ, сравнительно съ другими.

При рѣшеніи вопроса, какія вещества должны быть внесены въ почву, необходимо принимать во вниманіе не только составъ почвы, но и особенности самихъ растеній и наконецъ, даже ту форму, въ которой вносятся питательныя вещества. Къ этому еще нужно прибавить, что при употребленіи удобреній немаловажную роль играетъ сторона экономическая: искусственныя удобренія должны быть вполнѣ доступными и оправдывать сдѣланныя на нихъ затраты.

Развитіе этой области цѣликомъ обязано минеральной теоріи, благодаря которой началось широкое примѣненіе важнѣйшаго удобрительнаго средства — костей, возникла фабрикація искусственныхъ удобреній, открыты громадныя залежи фосфоритовъ, начали приготовляться калійныя удобренія, неистощимый матеріалъ для которыхъ открытъ въ страссфуртскихъ копяхъ, и наконецъ, компостъ, легко получаемый во всякомъ хозяйствѣ, и многіе другія удобренія.

Изъ отдѣльныхъ искусственныхъ удобреній назовемъ важнѣйшія.

Костяное удобреніе—одно изъ самыхъ важныхъ, какъ содержащее фосфоръ и азотъ. До половины XIX-го столѣтія на кости никто не обращалъ вниманія; Тэръ придавалъ имъ ничтожное значеніе, такъ что въ Германіи даже были рады ихъ вывозу. Одна только Англія опередила и въ этомъ отношеніи всѣ европейскія государства почти на полъ-вѣка.

Кости содержатъ до 60% минеральныхъ веществъ, въ числѣ которыхъ находится около 50% фосфорнокислой извести. Но сами по себѣ кости очень тверды и долго могутъ оставаться въ почвѣ неизмѣненными; въ размельченномъ же состояніи онѣ усваиваются очень хорошо. Однако размельченіе костей долгое время являлось на практикѣ очень затруднительной операціей. Въ настоящее время кости перерабатываются на большихъ заводахъ слѣдующимъ образомъ. Сперва ихъ обезжириваютъ путемъ нагрѣванія съ летучимъ растворителемъ (бензиномъ и др.). Такой продуктъ гораздо цѣннѣе паренихъ или вываренныхъ въ водѣ костей, такъ какъ въ нихъ остаются всѣ азотъ—содержащія части (хрящъ); кости же, изъ которыхъ вываренъ клей, содержатъ азота очень мало. Обезжиренныя кости перемалываются на такъ называемую костяную муку, непосредственно идущую на удобреніе.

Другой способъ превращенія сырыхъ костей въ муку былъ предложенъ въ 60-хъ годахъ А. Энгельгардтомъ и заключается въ обработкѣ костей щелочами, причемъ, благодаря прибавкѣ щелочей, извести и др. веществъ цѣнность такого костяного удобренія значительно повышается. Важное преимущество этого способа заключается еще и въ томъ, что этотъ способъ легко доступенъ въ каждомъ хозяйствѣ, такъ какъ для такой обработки необходимы только зола и известь.

Однако, въ настоящее время всѣ подобные фабрикаты, приготовляемые изъ костей, какъ удобренія, начинаютъ терять цѣнность среди хозяевъ. Причина этого заключается въ томъ, что найдены другіе матеріалы, изъ которыхъ добывается фосфорная кислота и азотъ гораздо дешевле.

Развитіе примѣненія фосфорныхъ удобреній вызвало фабрикацію спеціальныхъ продуктовъ, такъ называемыхъ *суперфосфатовъ*. Главною составною частью суперфосфатовъ является растворимая въ водѣ кислая фосфорно-кальціевая соль, получаемая вмѣстѣ съ гипсомъ при дѣйствіи сѣрной кислоты на среднюю фосфорноизвестковую соль. Сырымъ матеріаломъ для полученія суперфосфатовъ могутъ служить во-первыхъ различные продукты и отбросы, какъ напр., тѣ же кости, и во-вторыхъ, что наиболѣе важно, природные фосфаты, напр., фосфориты, изъ которыхъ и готовится главнѣйшая масса суперфосфатовъ. Сама операція очень не сложна: матеріалъ сперва тщательно измельчаютъ и затѣмъ обрабатываютъ сѣрной кислотой; затвердѣвшая масса вновь измельчается и въ такомъ видѣ идетъ на удобреніе.

Изъ удобреній, богатыхъ фосфоромъ, интересно еще указать на *томасову шлаковую муку*, введенную Гильхристомъ Томасомъ. Этотъ продуктъ получается при переработкѣ желѣзныхъ рудъ, богатыхъ фосфоромъ. Для этого расплавленный чугунъ подвергается продуванію при прибавленіи извести, причемъ весь фосфоръ переходитъ въ шлаки, прежде представлявшіе лишь отбросы, не имѣвшіе никакой цѣны. Опыты показали, что фосфорная кислота этихъ шлаковъ находится въ такомъ соединеніи, которое дѣйствіемъ воздуха, углекислоты и воды легко переводится въ растворимое состояніе, такъ что для употребленія въ качествѣ удобренія нужно ее только измельчить.

Изъ другихъ искусственныхъ удобреній мы упомянемъ о *калійныхъ удобреніяхъ*. Кали безусловно необходимо для жизни растеній. Для возмѣщенія его убыли въ почвѣ самымъ древнимъ средствомъ была зола. Въ новѣйшее же время (съ 60-хъ годовъ) пользуются стассфуртскими солями, лежащими въ этихъ копяхъ надъ залежами поваренной соли. Смѣсь калійныхъ удобреній съ суперфосфатомъ въ продажѣ извѣстна подъ названіемъ калійнаго суперфосфата.

Къ числу искусственныхъ удобреній принадлежитъ также *компостъ*,—удобреніе приготовляемое изъ самыхъ разнообразныхъ остатковъ. Для этого служатъ разные отбросы, накопляющіеся во всякомъ хозяйствѣ, а также и при очисткѣ базаровъ, площадей, улицъ, шоссейныхъ дорогъ, при постройкахъ и т. под. Всѣ эти вещества особымъ образомъ закладываются въ кучи, и изъ нихъ постепенно, самъ собой вырабатывается богатый запасъ удобрительныхъ веществъ. Особое преимущество этого рода удобренія заключается въ томъ, что полученіе компоста не сопряжено ни съ какими затратами и потому вполнѣ

доступно для самаго бѣднаго хозяина. Къ сожалѣнію, этотъ родъ удобренія очень мало распространяется.

Кромѣ поименованныхъ удобрительныхъ средствъ, извѣстныхъ подъ названіемъ искусственныхъ туковъ, въ болѣе интенсивныхъ хозяйствахъ примѣняется также большое количество различныхъ солей, какъ напримѣръ, чилійская селитра, сѣрнокислый аммоній, хлористый, сѣрнокислый азотнокислый калій и др., на которыхъ мы не будемъ останавливаться.

Переходя теперь къ вопросу о доставленіи почвѣ азота, мы встрѣчаемся здѣсь уже съ совершенно новыми принципами, непосредственно связанными съ открытіемъ Гельригеля.

Естественные источники азота, доступные растеніямъ, крайне скудны, и потому внесеніе ихъ въ почву обходится очень дорого. Наиболѣе распространенное удобрительное средство—навозъ—содержитъ азота менѣе 1%, причемъ накопленіе навоза связано съ скотоводствомъ. Другія содержащія азотъ удобренія, какъ гуано, селитра, аміачныя соли и различные отбросы сравнительно очень дороги и потому мало доступны.

На помощь всему этому какъ разъ явилось открытіе Гельригеля и новѣйшее біологическое объясненіе процессовъ образованія азотистыхъ соединеній изъ элементарнаго азота воздуха.

Еще старые агрономы какъ Тэръ, Пабстъ и др., называли бобовыя растенія «обогащающими» почву. Но такой взглядъ не мирился съ минеральною теоріею, по которой всѣ растенія, какъ разъ наоборотъ только берутъ изъ почвы питательныя вещества. Въ настоящее же время открытіе Гельригеля получило огромное практическое значеніе, выразившееся въ томъ, что всѣ культурныя растенія стали разсматриваться, какъ «азотособиратели» или «азотопотребители» (впрочемъ это дѣленіе было предложено еще до открытія Гельригеля Шульцемъ).

Въ этомъ то обстоятельствѣ и заключается объясненіе той очень важной роли, которую играетъ въ земледѣліи сѣяніе *кормовыхъ травъ*. Эти послѣднія, большая часть которыхъ принадлежитъ къ семейству бобовыхъ, не только не истощаютъ почву азотомъ, но, напротивъ, въ очень значительной степени обогащаютъ ее этимъ важнѣйшимъ элементомъ *). Такимъ образомъ, кормовыя травы могутъ освободить земледѣліе отъ подчиненія скотоводству. И дѣйствительно, начинаетъ распространяться безнавозное хозяйство, т.-е. безъ скота, производителя навоза; минеральныя вещества, расходуемыя изъ почвы воздѣлываніемъ, пополняются минеральными удобреніями, главнымъ обра-

*) По опытамъ Везелера бобовыя растенія, служившія для удобренія, давали ежегодно болѣе 400 килограммъ (около 25 пудовъ) азота на гектаръ (около 0,9 нашей казенной десятины). Это количество составляетъ цѣнность (при обычной цѣнѣ на чилійскую селитру въ 1 р. 60 к. за пудъ) около 40 рублей на десятину.

зомъ, фосфоритной мукой и стассфуртскими солями, а органическія и азотъ такъ называемымъ «*зеленымъ удобреніемъ*».

Зеленымъ удобреніемъ или *сидераціей* называется запахиваніе въ почву выращенныхъ на ней травъ изъ числа азотособирателей *). Назначенныя для сидераціи растенія запахиваются обыкновенно въ цвѣту, когда въ нихъ, какъ оказалось, содержится наибольшее количество азотистыхъ веществъ.

Помимо приведеннаго огромнаго значенія травосѣянія, какъ способа обогащенія почвы азотомъ, необходимо упомянуть и о другихъ выгодахъ этого пріема. Эта культура, въ сравненіи съ разведеніемъ другихъ растеній, принадлежитъ къ культурамъ новымъ. Общій недостатокъ луговъ и выгоновъ особенно у крестьянъ является главной причиной, помимо другихъ, скудости скотоводства, недостатка въ навозѣ и малой урожайности полей. Какъ выходъ изъ такого тяжелаго положенія явилось разведеніе на поляхъ не однихъ хлѣбныхъ но и кормовыхъ растеній для скота. Выгода этого способа хозяйства выразилась, прежде всего, въ полученіи гораздо большихъ количествъ сѣна, чѣмъ на естественныхъ лугахъ; а затѣмъ, кромѣ разсмотрѣннаго выше улучшенія почвы съ химической стороны, оказалось, что кормовыя травы производятъ благопріятное дѣйствіе и на физическія и механическія свойства земли.

Мы упомянули только главнѣйшіе виды искусственныхъ удобреній; для каждой почвы, для каждаго рода культуры и растеній приготовляются и смѣшиваются въ настоящее время безчисленное множество особыхъ удобреній. Все это даетъ полную возможность не только сохранять, но и значительно повышать силы почвы. Современное земледѣліе въ этомъ отношеніи обладаетъ настолько совершенными средствами, что можетъ свободно обойтись безъ плодосмѣна и безъ навознаго удобренія. Эта «свободная», независимая форма земледѣлія является въ техническомъ отношеніи высшимъ моментомъ развитія.

Всѣмъ этимъ развитіемъ мы обязаны безсмертной заслугѣ Либиха: современная техника есть полный расцвѣтъ того, что имъ было выставлено слишкомъ полвѣка назадъ.

Кромѣ этихъ разсмотрѣнныхъ нами областей знанія, перевороту и современному высокому развитію земледѣльческой техники не мало также способствовало введеніе земледѣльческихъ орудій и механическихъ приспособленій.

Земледѣльческая машина ведетъ свое происхожденіе изъ Англіи Введеніе машины въ земледѣліе граничитъ вообще съ довольно высо-

---

*) Изъ такихъ хозяйствъ заслуживаетъ упоминанія хозяйство, принадлежавшее Шульцу въ Липицѣ. Благодаря сидераціи Шульцъ велъ свое хозяйство на сильно песчаной почвѣ безъ всякаго азотистаго удобренія.

кою степенью обработки почвы, поэтому въ Англіи машина нашла себѣ отвѣчающія условія раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Послѣ Англіи земледѣльческая машина получила широкое распространеніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Европѣ эти условія не столь благопріятны, но все же и здѣсь всюду мы встрѣчаемъ быстро возрастающее примѣненіе машинъ.

Изъ такихъ машинъ назовемъ главнѣйшія.

Сѣялки, дающія блестящіе результаты; зерноочистительныя и сортировочныя машины, съ успѣхомъ замѣняющія ручное вѣянье. Паровой плугъ, позволяющій достигать глубокой вспашки, которая оказалась полезной для большинства растеній. Наконецъ, паровая молотилка, нашедшая теперь огромное распространеніе, и многія другія. Въ самое послѣднее время электричество и здѣсь начинаетъ вытѣснять паръ, и въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ уже примѣняютъ электрическіе плуги; кромѣ того электрической энергіей пользуются для освѣщенія, что позволяетъ такія важныя спѣшныя работы, какъ, напр., жатву, производить ночью.

Наконецъ, полевыя желѣзныя дороги, осушительныя и оросительныя сооруженія играютъ немаловажную роль въ современномъ земледѣліи.

Такимъ образомъ земледѣліе за послѣднюю половину XIX-го столѣтія превратилось въ науку, пріобрѣтенія ея явились, какъ результатъ самаго оживленнаго единенія сельскаго хозяйства съ естествознаніемъ, и это обстоятельство является характерной особенностью новѣйшаго земледѣлія. Оно сдѣлалось не только предметомъ изученія въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ совершенно новыхъ учрежденіяхъ—«опытныхъ станціяхъ».

III.

Послѣ такого общаго обзора развитія земледѣлія интересно будетъ познакомиться съ нѣкоторыми конкретными данными о его современномъ состояніи въ различныхъ странахъ, а затѣмъ остановиться на положеніи земледѣльческой промышленности у насъ въ Россіи.

Итоги современнаго состоянія земледѣлія выражаются слѣдующимъ образомъ *).

Соединенные Штаты. Климатъ, въ общемъ, мало благопріятный. Земледѣліе характеризуется значительнымъ производствомъ зерновыхъ хлѣбовъ, разнообразіемъ культуръ, широкимъ примѣненіемъ машинъ,

*) Всѣ статистическія характеристики современнаго состоянія земледѣлія въ различныхъ странахъ, а также помѣщенная ниже характеристика современнаго земледѣлія въ Россіи, составлены по изслѣдованію Петра Лохтина: „Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Итоги XX-му вѣку". Спб. 1901 г. Интересующихся подробностями мы и отсылаемъ къ этой книгѣ, дающей богатый матеріалъ.

желѣзныхъ дорогъ, отсутствіемъ очень мелкихъ и крупныхъ земельныхъ владѣній и огромнымъ примѣненіемъ искусственныхъ удобреній.

Въ 1890 г. на населеніе въ 63 милліона приходилось удобной земли 132,4 милл. десятинъ (всей 703 милл. дес.). Такимъ образомъ удобной земли въ 1890 году приходилось на одного человѣка:

Населенія вообще . . . . . 2,1 десят.
Земледѣльческаго . . . . . 4,4 »

Средній урожай зерновыхъ хлѣбовъ съ 1 десятины 83,2 пуда (безъ сѣмянъ 78,8 пуд.). Система полеводства характеризуется чередованіемъ посѣвовъ зерновыхъ хлѣбовъ съ кормовыми травами—клеверомъ, тимоѳеевкой, люцерной и др. (азотособиратели).

Интересно замѣтить, что въ Соединенныхъ Штатахъ достигаютъ наивысшихъ сборовъ хлѣба и картофеля (далеко впрочемъ не являющихся крайней границей интенсивной культуры). Напр., въ долинѣ Сакраменто получаютъ сборы пшеницы въ 280—320 пудовъ съ 1 десятины. Земледѣлецъ разсказываетъ объ урожаѣ въ 432 пуда. Чарльзъ Буллокъ въ Миннезотѣ добился сбора картофеля въ 6.050 пудовъ съ 1 десятины.

Прогрессъ земледѣлія характеризуется слѣдующими цифрами: количество производительной земли увеличилось за 30 лѣтъ съ 60,3 милліоновъ десятинъ (1860 годъ) до 132,4 милл. десятинъ (1890 г.); сборъ хлѣба увеличился за 46 лѣтъ съ 1.297,5 милліоновъ пудовъ (1850 г.) до 5.210,1 милл. пуд. (1896 г.). Такимъ образомъ въ періодъ 1850—1896 гг. сборъ хлѣба увеличился въ 4 раза при увеличеніи населенія въ 3 раза.

Что касается искусственныхъ удобреній, то ихъ примѣненіе видно изъ слѣдующихъ чиселъ. Въ 1895 г. употреблено 123 милліона пудовъ искусственныхъ удобреній; въ 1891 г. ввезено 7 милл. пуд. калійныхъ солей; въ 1897—1898 гг. добыто 63—80 милл. пуд. фосфоритовъ.

Австралія. Климатъ материка неблагопріятенъ, напротивъ въ Тасманіи и Новой Зеландіи—хорошій. Въ 1890 г. подъ культурами было 3,3 милліона десятинъ, изъ нихъ подъ пшеницей 1,4 милл. десятинъ, остальная часть—подъ овсомъ, ячменемъ, маисомъ, травосѣяніемъ. Въ 1891 г. населенія было 3,9 милліона, такъ что обработанной земли на 1 человѣка приходилось 0,85 десятины. Кромѣ того, имѣются обширнѣйшія пастбища. Распредѣленіе земли по хозяйствамъ неравномѣрное. Относительно небольшое число лицъ, прибывшихъ въ Австралію ранѣе другихъ, завладѣло большею частью удобной земли (латифундіи).

Средній урожай пшеницы на 1 десятину 44,7 пуда (безъ сѣмянъ 40,2 пуд.). Земледѣліе Австраліи сильно страдаетъ отъ погоды и отъ набѣговъ кроликовъ. Въ послѣднее время сильно развивается устройство картезіанскихъ колодцевъ. Въ общемъ земледѣліе прогрессируетъ.

Франція. По климату внутренняя и восточная Франція прибли жается къ многимъ русскимъ мѣстностямъ. Въ 1892 г. на населеніе 38,3 милліоновъ (17,4 мил. земледѣльческаго) приходилось удобной

земли (безъ лѣса) 31.595 тысячъ десятинъ, что составляетъ на 1 человѣка:

Населенія вообще . . . . . 0,82 десят.
Земледѣльческаго . . . . . 1,81 »

По распредѣленію земли по хозяйствамъ Франція типичная страна мелкаго землевладѣнія. Въ среднемъ размѣрѣ владѣнія отъ 0,54 до 6,65 дес. составляютъ 85% общаго числа хозяйствъ.

Изъ сопоставленія среднихъ величинъ урожаевъ, ввоза и вывоза хлѣба выводится потребленіе хлѣба на 1 человѣка населенія 33,6 пуда. Потребленіе хлѣба во Франціи постоянно возрастаетъ: потребленіе одной пшеницы возросло съ 7,17 пуда (1820—1829 гг.) до 14,4 (1888—1894 гг.). Прогрессъ въ техникѣ земледѣлія ярко выражается увеличеніемъ сборовъ зерновыхъ хлѣбовъ въ правильные промежутки времени съ начала XIX-го ст. съ 51,6 пуд. (1816—1820 гг.) до 80,02 пуд. (1891—1896) съ 1 десятины.

Всего во Франціи получаютъ 5 милліардовъ пудовъ навоза въ годъ. Искусственныя удобренія пользуются широкимъ распространеніемъ. Въ 1895 г. израсходовано 46 милліоновъ пуд. суперфосфата, 5,1 мил. пуд. томасово-шлаковой муки и т. п., всего — минимумъ 61 мил. пуд. искусственныхъ удобреній.

Англія. Историческія условія, благопріятный климатъ и почва и дружныя усилія фермеровъ, общества и правительства поставили англійское сельское хозяйство выше хозяйствъ всѣхъ другихъ странъ. Высокая техника обработки полей, образцовая система удобреній, обиліе сельскохозяйственныхъ обществъ и опытныхъ станцій,—все это характеризуетъ высокую ступень развитія земледѣлія въ Англіи.

Въ 1895 г. населенія было 39,1 милліона. Земледѣльческое населеніе составляетъ лишь 17% отъ всего населенія. Культивируемая площадь—18.044.000 десят. Удобной земли (безъ лѣса) приходится:

На 1 челов. населенія вообще . . . . . 0,48 десятины.
Земледѣльческаго . . . . . 2,82 »

Въ отношеніи распредѣленія земли по хозяйствамъ въ 1895 г. въ общемъ изъ 100 хозяйствъ Великобританіи 84,5 было арендованныхъ; изъ 100 десятинъ культурной земли 85,8 въ арендѣ. Пастбища составляли 51% и пахатная земля 49%.

Средній годичный сборъ хлѣбовъ за 11 лѣтъ (1887—1897 гг.):

На 1 челов. населенія вообще . . . . . 12,5 пуд.
Земледѣльческаго . . . . . 73,3 »

Ввозъ хлѣба въ Англію постепенно увеличивается, считая на 1 человѣка населенія, съ 260 фунтовъ (1861—1865 гг.) до 558 фунт. (1891—1895 гг.), причемъ увеличивается потребленіе. Количество всѣхъ хлѣбныхъ продовольственныхъ средствъ составляетъ въ общемъ на 1 человѣка:

Своего зерна и картофеля . . . . . 12,5 пуда
Ввозныхъ . . . . . 13,9 »

Всего . . . . . 26,4 пуда.

Искусственныхъ удобреній въ 1895 г. было употреблено: суперфосфата—60 мил. пуд.; томасовой муки—10,7 мил. пуд.; ввозной кости—5 мил. пуд.; гуано—3 мил. пуд. Итого 78,7 мил. пудовъ. Это число составляетъ на 1 десятину посѣвной площади 10 пудовъ, а на 1 десят. удобной земли—4,4 пуда.

Германія. Въ 1895 году при населеніи въ 52,3 милліона (изъ которыхъ существовало земледѣліемъ 18,5 мил.) удобной земли (безъ лѣса) приходилось:

На 1 челов. населенія вообще . . . . . 0,62 десят.
Земледѣльческаго . . . . . 1,75 »

Средній размѣръ владѣній	0,68	десят.	составл.	5,6%	отъ всей земли
	3,72	»	»	9,7	» » »
	11,30	»	»	29,2	» » »
	42,70	»	»	30,7	» » »
	401,40	»	»	24,8	» » »

Средній годичный сборъ хлѣбовъ на 1 человѣка:

Населенія вообще . . . . . 24,2 пуда
Земледѣльческаго . . . . . 64,3 »

Ввозъ хлѣба въ 1890—1893 гг. въ годъ 183,6 милліон. пуд., что даетъ въ суммѣ съ среднимъ сборомъ общее потребленіе на 1 человѣка:

Населенія вообще . . . . . 27,8 пуд.
Земледѣльческаго (безъ ввоза) . . . 64,3 »

Искусственныхъ удобреній въ 1890 году употреблено до 70 милл. пудовъ.

Бельгія. Мы приводимъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о Бельгіи, въ виду высокой постановки интенсивнаго хозяйства, въ отношеніи чего земледѣліе Бельгіи очень сходно съ англійскимъ.

На населеніе въ 6 милліоновъ (земледѣл. 1,3 мил.) въ 1890 г. приходилось 1 724.610 десятинъ производительной площади, т.-е. на 1 человѣка:

Населенія вообще . . . . . 0,28 десят.
Земледѣльческаго . . . . . 1,31 »

По величинѣ хозяйства большею частью мелкія и среднія.

Всего чистаго остатка хлѣба и картофеля на 1 человѣка:

Населенія вообще . . . . . 23,7 пуд.
Земледѣльческаго . . . . . 109,2 »

Ввозъ, за вычетомъ вывоза, составляетъ на 1 чел. около 11,5 пуд., такъ что все потребляемое количество хлѣба составляетъ на 1 челов. общаго населенія 35,2 пуда.

Въ 1889 г. добыто фосфоритовъ 13,4 мил. пуд. и ввезено искус-

ственныхъ удобреній 5,3 мил. пуд.; вывезено удобреній 7,3 мил. пуд. и дома потреблено 11,3 мил. пуд.

Въ заключеніе упомянемъ о *Китаѣ*, какъ о странѣ съ очень старой и весьма интенсивной земледѣльческой культурой. Крупныхъ владѣній въ Китаѣ почти нѣтъ, а имѣющіяся подѣлены между мелкими арендаторами. Почти вся земля находится подъ посѣвомъ. Удобреніе примѣняется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, главнымъ образомъ, человѣческими экскрементами и навозомъ, а затѣмъ рѣшительно всѣмъ, что только можетъ для этого годиться: золой, водорослями, волосами (изъ парикмахерскихъ) и т. д. Обработка ведется самымъ тщательнымъ образомъ. Земледѣльцы платятъ незначительные налоги и, въ общемъ, кормятся удовлетворительно.

Россія. Климатъ Россіи континентальный, т.-е. отличающійся болѣе суровой зимой и болѣе жаркимъ лѣтомъ. Его считаютъ суровымъ и засушливымъ для земледѣлія, но при сравненіи съ другими странами это мнѣніе оказывается неосновательнымъ:—климатъ Россіи можетъ быть разсматриваемъ, какъ благопріятный, а указанные отрицательные факторы, если и имѣютъ значеніе, то ни въ коемъ случаѣ ихъ вліяніе нельзя считать первостепеннымъ.

Господствующей системой является, какъ у крестьянъ, такъ и у владѣльцевъ, *трехполье* съ мертвымъ паромъ, «чумою земледѣлія», по выраженію Шубарта. Значительная часть владѣльческихъ земель арендуется крестьянами; бо́льшая часть владѣльческой посѣвной площади обрабатывается крестьянами же и крестьянскими земледѣльческими орудіями и пріемами. Все это относится къ общему веденію хозяйства. Въ частности здѣсь выдѣляются отдѣльныя мѣстности съ болѣе интенсивной культурой. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ при наибольшей урожайности стоитъ Прибалтійская область, несмотря на малоблагопріятную почву и климатъ. Второй слѣдуетъ Привислинская область, гдѣ также довольно высока интенсивная культура. Въ остальной Россіи встрѣчающаяся наибольшая урожайность юго-западныхъ губерній черноземнаго района обусловлена исключительно качествомъ почвы.

При преобладаніи мелкаго землевладѣнія въ Россіи, малоземельныхъ хозяйствъ меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Начавшаяся съ освобожденія крестьянъ усиленная мобилизація земельной собственности даетъ «поучительную картину перераспредѣленія общественныхъ группъ, причемъ наиболѣе яркимъ фактомъ является общая, свойственная всѣмъ районамъ Евр. Россіи, *тенденція замѣны крупныхъ собственниковъ дворянъ крупными собственниками изъ другихъ сословій* (курсивъ автора) *).

Улучшеніе техники (машины и т. под.) идетъ крайне медленно. Искусственныя удобренія почти совершенно не употребляются. Един-

*) П. Масловъ. „Условія развитія с.-х. въ Россіи“, стр. 251.

ственную прогрессивную сторону нѣкоторые авторы и правительство видятъ въ введеніи травосѣянія, о которомъ такъ много говорится и которое якобы можетъ поднять крестьянское скотоводство, увеличивъ кормовую площадь. Но такіе взгляды рѣшительно неосновательны, такъ какъ въ самомъ лучшемъ случаѣ травосѣяніе можетъ лишь на короткое время задержать процессъ разоренія крестьянъ *), а въ общемъ «вопросъ заключается не въ увеличеніи количества кормовыхъ средствъ, а въ доставленіи крестьянамъ возможности достаточнаго удобренія полей» **). При полномъ же отсутствіи удобреній введеніе травосѣянія можетъ оказаться даже вреднымъ для крестьянъ, такъ какъ напр. клеверъ извлекаетъ изъ почвы въ 4—10 разъ больше кали и фосфорной кислоты, чѣмъ крестьянскій зерновой хлѣбъ ***).

Такимъ образомъ положеніе земледѣлія критическое. Къ этому надо прибавить, что при такомъ критическомъ положеніи, при паденіи производительныхъ силъ населенія, при недостаткѣ средствъ существованія у значительной части этого населенія, государственный бюджетъ Россіи быстро расширяется.

Если общепринятый взглядъ таковъ, что въ земледѣліи вообще больше всего остатковъ средневѣковыхъ правовыхъ и экономическихъ отношеній, то по отношенію къ современному состоянію земледѣлія въ Россіи вполнѣ справедливо нерѣдко высказываемое мнѣніе, что въ сельскохозяйственномъ и правовомъ быту крестьянъ въ Россіи мы находимъ еще въ настоящее время средневѣковые порядки въ чистомъ видѣ, что напр. въ Германіи такіе порядки существовали еще до средины XVIII ст.

Обратимся къ частной характеристикѣ.

Въ 1892 г. въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи были слѣдующія количества удобной земли:

Крестьянской надѣльной	111.094	тыс. десят.
Купленной крестьянами	7.538	» »
Владѣльческой	55.077	» »
Удѣльной и казенной подъ оброчн. статьями . .	5.774	» »
Всего . . .	179.483	тыс. десят.

Это составляетъ на 1 человѣка населенія вообще 2,01 дес.

Земледѣльческаго . . . . . 2,59 »

Въ Евр. Россіи 30% пахотной земли лежитъ подъ паромъ, пропадая безъ пользы для народной экономіи.

Средній урожай—30,3 пуд. чистаго остатка съ 1 десят., причемъ онъ колеблется отъ 41,1 до 20,5 пуд. Сравненіе показываетъ, что

*) Ibid., стр. 232.

**) П. Лохтинъ. «Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ». М 1902 г., стр. 73.

***) Ibid., стр. 71.

нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы средній сборъ былъ менѣе, чѣмъ въ Россіи, иначе—гдѣ земледѣліе велось бы хуже. При сравненіи урожаевъ у владѣльцевъ и крестьянъ интересно отмѣтить, что въ то время какъ въ урожайные годы чистые остатки на 1 дес. у владѣльцевъ только на 20—25% выше, чѣмъ у крестьянъ, въ годы неурожайные они выше на 40 и даже 80%. Такимъ образомъ крестьяне и владѣльцы неодинаково страдаютъ отъ неурожаевъ, которые для послѣднихъ даже выгодны; причина такой разницы—сильное истощеніе крестьянскихъ полей.

Искусственныя удобренія не употребляются: расходуемые въ Россіи 5 милл. пуд. искусственныхъ удобреній почти всѣ идутъ въ Привислянскія и Прибалтійскія губерніи. По сравненію же съ другими странами мы бы должны были употребить ихъ 400 милл. пуд.

Количество потребляемаго хлѣба: въ среднемъ за 16 лѣтъ (1883—1898 гг.) на 1 чел. населенія всего хлѣба и картофеля приходилось 22,4 пуд. (весь сборъ хлѣба). Сравненіе съ другими странами показываетъ, что Россія *собираетъ* хлѣба меньше, чѣмъ сколько *потребляютъ* другія страны. Сравненіе физіологической нормы пищи съ количествомъ потребляемаго хлѣба показываетъ, что за 10 лѣтъ (1889—1898) крестьянское населеніе въ 45 губерніяхъ имѣетъ 18,4 пуда чистаго остатка зерна и картофеля (за вычетомъ вывоза) на 1 чел. населенія; физіологическая потребность въ пищѣ составляетъ для крестьянъ 17,2 пуда. Если принять во вниманіе неравномѣрность распредѣленія хлѣба и другія потребности государства въ хлѣбѣ, какъ для горожанъ, войска, винокуренія и т. под., то станетъ ясно, что для большинства крестьянъ земледѣліе даетъ лишь самыя скудныя средства личнаго потребленія, для скота же и продажи почти ничего не остается.

Въ противоположность предшествовавшимъ эпохамъ, современное земледѣліе нерѣдко называютъ «свободнымъ».

Съ одной стороны, эта характеристика какъ нельзя больше подходитъ къ современному техническому прогрессу. Земледѣліе, какъ мы видѣли раньше, съ перваго же момента, какъ только оно стало въ благопріятныя условія своего существованія, оказалось производствомъ, въ высшей степени способнымъ къ прогрессу, достигнувъ въ самое короткое время—какихъ-нибудь 50—60 лѣтъ—высшей точки своего развитія. Плодосмѣнная система сдѣлала земледѣліе свободнымъ въ выборѣ того или другого способа обработки; искусственное удобреніе вывело его изъ подчиненія скотоводству; травосѣяніе и сидерація освободили его отъ случайностей луговодства и даже отъ необходимости въ удобреніи (азотомъ); наконецъ, машины и всякія механическія сооруженія дѣлаютъ это производство независимымъ отъ всякихъ мѣстныхъ, климатическихъ и т. под. условій. Въ этомъ смыслѣ совре

менное земледѣліе по справедливости можетъ быть названо «свободнымъ». Многое изъ необъяснимаго и угрожающаго стало яснымъ и открывающимъ широкія надежды на возможность и доступность лучшаго будущаго...

Съ другой стороны, представленіе о «свободномъ» земледѣліи опредѣляетъ его современныя общественно-экономическія основанія. Въ этомъ отношеніи названное понятіе приходится разсматривать условно и съ важными оговорками. Прежде всего этимъ хотятъ выразить современныя общественныя отношенія, какъ не заключающія рабства или крѣпостной зависимости. Но такая характеристика будетъ неполной и даже не вполнѣ вѣрной, если къ ней не прибавить самаго существеннаго.

Дм. Лещенко.

ПОДЪ СОСНАМИ.

Сосны безмолвно глядятъ въ вышину,
Въ море жемчужныхъ нѣмыхъ облаковъ...
Пѣсней нарушить боюсь тишину—
Такъ хорошо, что не хочется словъ!..

* * *

Розово-блѣдной брусники цвѣты
Шепчутъ о чемъ-то, раздвинувъ траву...
Ясны и тихи, какъ небо, мечты.
Жизнью одной я съ природой живу.

* * *

Такъ мнѣ спокойно—какъ будто пришла
Я, наконецъ, въ уголокъ свой родной,
Будто разгадку и смыслъ я нашла
Вѣчной загадки земной!..

Галина.

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

(1857—1864 гг.).

„Каррикатуры нѣтъ... кромѣ той, которую представляетъ сама дѣйствительность". *Салтыковъ.*

„Литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сихъ поръ стоитъ на сатирѣ и, между тѣмъ, все-таки, не сдѣлалась еще существеннымъ элементомъ народной жизни, не составляетъ серьезной необходимости для общества, а продолжаетъ быть для публики чѣмъ-то постороннимъ, роскошью, забавою, а никакъ не дѣломъ". *Добролюбовъ.*

Задача настоящей работы—освѣщеніе, по возможности всесторонее, одного изъ періодовъ жизни русской сатирической журналистики, съ конца 50-хъ и до половины 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія, періода, по общимъ, вполнѣ основательнымъ отзывамъ, наиболѣе выдающагося изъ неблестящаго вообще существованія русской сатирической литературы, развитію которой не могли особенно содѣйствовать условія, регулирующія у насъ печатное выраженіе мысли. Останавливаясь лишь на разсмотрѣніи указаннаго періода, я совершенно не затрогиваю вопроса о зарожденіи и самыхъ первыхъ шагахъ сатирической печатной литературы. Этотъ вопросъ долженъ составить тему особой работы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не выполненной во всѣхъ подробностяхъ. Однако, имѣется рядъ работъ, которыя мы кстати теперь же укажемъ для интересующихся вопросомъ: если ни одна изъ нихъ въ частности не представляется исчерпывающей, то въ совокупности онѣ все же проливаютъ на него нѣкоторый свѣтъ *).

---

*) *Аванасьевъ, А.* „Кошелекъ", „Поденщица" и „Пустомеля"—сатирическіе журналы 1760—1774 гг. М. 1858 г., „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.", М. 1859 г., „Сатирическія изданія девяностыхъ годовъ" —„Москов. Вѣд." 1856 г., №№ 80, 83, 84; *Бородинъ, С.* „Русская журналистика въ концѣ XVIII ст."—„Наблюд." 1891 г., III, *Добролюбовъ, Н.* „Русская сатира екатерининскаго времени". „Собр. соч.", т. I, *Городецкій, Д.* „Зарожденіе каррикатуры въ Россіи"—„Литер. Вѣстн." 1902 г., VIII, *Зотовъ, В.* „Воспоминанія"—„Ист. Вѣстн." 1900 г.

I.

Сатира, это—обличеніе неправды жизни, негодованіе, борьба; сатирическая журналистика непрерывное ихъ выраженіе. Для рожденія сатиры необходимо сознаніе неудовлетворенности окружающимъ или его отдѣльными элементами, необходимо желаніе побороть общепринятые предразсудки, разстаться съ отрицательными сторонами индивидуальной, общественной и политической жизни, наконецъ, необходимы положительные идеалы. Все это возникаетъ, очевидно, не сразу, и періоды обличенія наступаютъ обыкновенно въ эпохи перелома, броженія, критическаго отношенія къ тому, что раньше пользовалось всеобщимъ признаніемъ и даже въ извѣстномъ смыслѣ возвеличивалось. Поэтому, при разсмотрѣніи сатирической литературы даннаго періода, намъ необходимо все-таки нѣсколько заглянуть назадъ, чтобы дать себѣ отчетъ въ условіяхъ, породившихъ это новое направленіе въ умственной жизни.

Не вдаваясь въ подробности тяжелаго времени 1848—1855 гг., уже неоднократно описаннаго нашими историками, я бѣгло коснусь лишь нѣкоторыхъ главнѣйшихъ моментовъ, которые помогутъ лучше вспомнить пережитое русскимъ обществомъ время. А такъ какъ переломъ начался послѣ неудачнаго исхода восточной войны 1853—1856 годовъ, въ которую Россія вступала съ гордо поднятой головой, подъ громкимъ барабаннымъ боемъ, а выходила изъ нея съ заунывно плачущимъ зовомъ отступленія,—то мнѣ кажется безусловно интереснымъ остановиться на этихъ двухъ моментахъ, дающихъ ключъ ко всему дальнѣйшему.

По свидѣтельству современнаго историка, Россія вступала въ войну съ сознаніемъ своей силы: «Россія занимаетъ важное мѣсто, насъ уважаютъ и боятся», вотъ выраженіе чувствъ большинства *). Нерѣшительныя дѣйствія въ началѣ кампаніи создаютъ недовольство; по словамъ С. Т. Аксакова, оборонительная война вызывала «оскорбленіе, негодованіе всей Москвы, слѣдовательно всей Россіи» **). Хорошей иллюстраціей тогдашняго настроенія большинства русскаго общества

IV, *Лонгиновъ, М.* „Матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII в.“—„Р. В.“, 1858 г. IV, *Мордовцевъ, Д.* „Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности“—„Рус. Слово“ 1860 г. II, III, *Незеленовъ, А.* „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—85 гг. Спб. 1875 г., *Пекарскій, П.* „Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II“. „Зап. ак. наукъ“ 1863 г. III, *Пыпинъ, А.* „Исторія русской литературы“, IV, *Ровинскій, Д.* „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб. 1889 г. II, *Солнцевъ, В.* „Всякая Всячина“ и „Спектаторъ“—„Жур. Мин. Нар. Пр.“ 1892 г. I. *Его же.* „Смѣсь“, сатирическій журналъ 1769 г., „Библіографъ“ 1893 г. I.

*) *Соловьевъ, С.* „Записки“. „Р. В.“, 1896 г. V, 127.

**) *Барсуковъ, Н.* „Жизнь и труды М. П. Погодина“, XIII, 36.

служитъ первое стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки, открывшее на два года ихъ неизсякаемый потокъ. Озаглавленное «Ура!», оно начиналось такъ:

Ура!.. На трехъ ударимъ разомъ!
Недаромъ же трехгранный штыкъ!
Ура отгрянетъ надъ Кавказомъ,
Въ Европу грянетъ тотъ же кликъ!
И двадцать шло на насъ народовъ,
Но Русь управилась съ гостьми:
Ихъ кровь замыла слѣдъ походовъ;
Поля бѣлѣлись ихъ костьми.
Тогда спасали мы родную
Страну и честь, и царскій тронъ;
Тогда о нашу грудь стальную
Расшибся самъ Наполеонъ!..
Теперь же вздрогни, вся природа!
Во снѣ не снилось никому:
Два христіанскіе народа
На насъ грозятся за чалму!
Но годъ двѣнадцатый не сказки,
И западъ видѣлъ не во снѣ,
Какъ двадцати народовъ каски
Валялися въ Бородинѣ.

Заканчивалъ поэтъ угрозой по адресу враговъ, уже предвидя присоединеніе къ нимъ Англіи и Франціи:

Но, вѣрьте, ваши всѣ мытарства,
Расчетъ и вычетъ—все мечта!
Вамъ русскаго не сдвинуть царства:
Оно съ Христомъ и за Христа! *)

Изданное въ брошюрѣ «Ура!» очень быстро разошлось въ 9.000 экземплярахъ, изъ нихъ половина въ Петербургѣ. Если принять во вниманіе тогдашнее состояніе книжной торговли, въ этомъ нельзя не видѣть широкаго общественнаго сочувствія и солидарности съ авторомъ.

Правительство понимало служебное, практическое значеніе такой поэзіи и потому вполнѣ ее поощряло. Въ той же «Сѣверной Пчелѣ» появляется стихотвореніе неизвѣстнаго автора, быстро обошедшее всю Россію и до сихъ поръ памятное:

На нынѣшнюю войну.

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновенъ его отвагой
И французъ за нимъ туда жъ
Машетъ дядюшкиной шпагой
И кричитъ: Allons, courage! и т. д. **).

*) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 2.
**) „Сѣв. Пч.“, 1854 г., № 37.

Редакція получила рукопись этого стихотворенія при слѣдующей бумагѣ отъ министра императорскаго двора: «Министръ императорскаго двора, препровождая при семъ въ редакцію «Сѣв. Пчелы» стихи, объявляетъ, что государю императору угодно, чтобы оные были напечатаны въ означенной газетѣ» *).

По словамъ г. Усова, «Сѣв. Пчела», послѣ этихъ двухъ образцовъ, стала получать массу стиховъ подобнаго содержанія, изъ нихъ многіе, конечно, были лишены всякаго размѣра и смысла. И, дѣйствительно, весь 1854 годъ, особенно въ первую половину, почти нѣтъ номера газеты безъ «патріотической» музы. Тутъ и Орестъ Миллеръ, и П. Каратыгинъ, и Ѳ. Глинка, и кн. Вяземскій, и Бенедиктовъ, и Рафаилъ Зотовъ и «ученикъ VI-го класса пензенскаго дворянскаго института Евграфъ Масловъ», и очень многіе другіе. Проза, повидимому, не считалась формой, соотвѣтствующей такому содержанію, и если и попадаются прозаическія произведенія, то они гораздо блѣднѣе. Не отставали, разумѣется, и другія газеты, напримѣръ, «Московскія Вѣдомости», въ которыхъ писали стихи М. Стаховичъ, К. Аксаковъ, Ѳ. Миллеръ, Я. Полонскій, кн. Вяземскій и пр.

Насколько напряженно было именно такое настроеніе самоувѣреннаго общества, можно судить по неудачѣ, постигшей въ широкихъ кругахъ извѣстные стихи А. С. Хомякова: «Россіи».

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой

*) *Усовъ.* „Изъ моихъ воспоминаній“. „Ист. В.“ 1882 г., II.

Себя водою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!

И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ! *)

Облетѣвшія въ рукописи всю Россію, стихи эти были приняты крайне враждебно, а московскій генералъ-губернаторъ, гр. Закревскій, требовалъ отъ автора объясненій, такъ какъ получилъ соотвѣтствующее предписаніе изъ Петербурга... Не хотѣли слышать о какихъ бы то ни было прорѣхахъ и недочетахъ, а дыръ и серьезныхъ язвъ не хотѣли даже подозрѣвать...

Для того, чтобы современный читатель могъ представить себѣ вполнѣ струю «патріотической» поэзіи, могъ видѣть, до чего она спускалась, ради угожденія вкусамъ толпы, приведу «Солдатскую пѣсню», сочиненную для «Сѣверн. Пчелы» какимъ-то Малышевымъ.

Вотъ французъ у турка въ службѣ,
Англичанинъ съ ними въ дружбѣ,
Покумились, знать.

Времена настали тяжки,
Два союзника въ пристяжкѣ,
А султанъ въ корню.

И кричатъ, что Русь погибла!
А на дѣлѣ, смотришь—рыло
У самихъ въ крови.

Вотъ „Непиръ“ подъ парусами
Сталъ надъ финскими водами,
Все погоды ждетъ.

. . . . . .
. . . . . .

Вамъ друзья французы? Враки—
Кинь лишь кость, то, какъ собаки,
Загрызетесь вы.

. . . . . .
. . . . . .

Съ вами зависть, зло, *кичанье*,
Съ нами вѣра и *смиренье*,
Съ нами правда, Богъ! **)

---

*) „Стихотворенія“. М., 1868 г., 123—124.

**) „Сѣв. Пчела“ 1854 г № 162.

Не насмѣшка ли здѣсь и со «смиреньемъ», котораго во всей подобной поэзіи не было даже и слѣда?..

Брошюра Ѳ. Глинки, несомнѣнно, не была единственною; за нею тоже слѣдовалъ цѣлый рядъ брошюръ и книжекъ вполнѣ однороднаго содержанія. Въ моемъ распоряженіи находится довольно полная коллекція такихъ изданій за 1854 и 1855 года, предоставленная однимъ изъ авторовъ ихъ *). Первымъ выступившимъ на это поприще вслѣдъ за Глинкой былъ нѣкій Петръ Татариновъ, издавшій за два года около десяти брошюръ «патріотическаго» содержанія. Первая его проба—«Война съ Турціею», помѣчена цензурою 9-го марта 1854 года. Какъ и всѣ ей подобныя изданія, она не болѣе 15-ти страничекъ. Второе сочиненіе—«Русскій патріотъ или война съ турками и англо-французами», Татариновъ продалъ, какъ и всѣ остальныя, А. Г. Черноглазову, брату сенатора В. Г. Черноглазова. Изъ другихъ авторовъ назову Н. Р. Щиглева, Н. Смирнова, А. К. Нестерова, К. Козлова, В. Прѣснова, Г. Ѳедорова и А. Попова.

Уже самыя названія такихъ сочиненій предназначены были служить приманкой для публики; напримѣръ, «Непиръ у Кронштадта или ѣхалъ—да не доѣхалъ», «Ай да англичане! или Соловецкій монастырь», «Англичане и съ русскимъ пѣтухомъ не сладили, или бухта Колинги 18-го іюня 1854 года», «Донесеніе адмирала Непира о побѣдѣ его надъ тремя чухонскими лодками», «Одинъ на троихъ или Джонъ-Буль, Роберъ-Макеръ и Абдулъ-Ага противъ Силы Богатырева», «Торжество Непира или побѣда надъ салакушкой и вой чухонца», «Ай да Абдулъ! всѣхъ въ Парижѣ обманулъ, или донесеніе татарина Людовику-Наполеону о взятіи Севастополя», «Разсказъ чухонской кошки, бывшей въ плѣну у англичанъ лѣтомъ 1854 года», и т. д.

Содержаніе всей этой «литературы» вполнѣ соотвѣтствуетъ даннымъ ей ярлыкамъ-заглавіямъ. Распространяться о немъ здѣсь излишне.

По разсказамъ г. Нестерова, одного изъ усердныхъ авторовъ этой литературы, послѣдняя, несмотря на дороговизну цѣнъ—обыкновенная стоимость листовой брошюрки 15—20 коп. серебромъ—шла въ продажѣ очень и очень бойко. Получить 100—150 руб. чистаго было дѣломъ вполнѣ обыкновеннымъ. И продавались эти сочиненія не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но вездѣ, гдѣ существовала книжная торговля...

Такъ проходилъ 1854 годъ. Предчувствіе чего-то недобраго если и было, то только у очень немногихъ современниковъ. Громадное боль-

*) Считаю своимъ долгомъ принести здѣсь искреннюю благодарность особенно помогшимъ мнѣ въ пользованіи рѣдкими матеріалами для настоящей работы, П. И. Вейнбергу, Н. А. Лейкину, Н. М. Лисовскому, А. К. Нестерову, ученому хранителю рукописей библіотеки академіи наукъ—Вс. И. Срезневскому, А. Г. Шиле и В. Р. Щиглеву.

шинство не различало еще первыхъ призраковъ грядущаго отмщенія за русское ни на чемъ ровно не основанное самодовольство; оно все еще было увѣрено въ крѣпости сковавшаго его организма. Какимъ затеряннымъ звукомъ въ шумѣ криковъ: «Громъ побѣды раздавайся! Веселися храбрый россъ!» прозвучала нотка предчувствія бѣды, пропѣтая хорошо знавшимъ положеніе дѣлъ Тютчевымъ *). Онъ написалъ стихотвореніе «На новый 1855 годъ», гдѣ говорилъ о наступавшей годинѣ, между прочимъ, слѣдующее:

Не просто будетъ онъ воитель,
Но исполнитель Божьихъ каръ,—
Онъ совершитъ какъ поздній мститель,
Давно задуманный ударъ.
Для битвъ онъ посланъ и расправы,
Съ собой несетъ онъ два меча:
Одинъ—сраженій мечъ кровавый,
Другой—сѣкира палача.
Но на кого?.. Одна ли выя,
Народъ ли цѣлый обреченъ?..
Слова не ясны роковыя
И смутенъ замогильный стонъ **).

Одиноко прозвучалъ этотъ голосъ; только потомъ въ немъ увидѣли пророчество... Масса оглушала себя увѣреніями успѣха, «Сѣв. Пчела», «Московскія Вѣдомости» и аналогичные органы гипнотизировали ее славословіемъ, брошюры расходились въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Твердо вѣрилось, что

Крамольный западъ намъ не страшенъ
И флоты грозные враговъ...
Съ севастопольскихъ твердыхъ башенъ,
Съ гранитныхъ скалъ, изъ бездны рвовъ,
Какъ бы перуны съ облаковъ,
Васъ встрѣтятъ бомбы и картечи,
Ряды воинственныхъ полковъ...
Среди кровавой грозной сѣчи
Мужаемъ мы и крѣпнемъ вновь ***).

Когда, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, слово нуждается въ выпуклости, яркости и образности, прибѣгаютъ за помощью къ художнику; смотря по надобности и настроенію, это—то жанристъ, то портретистъ, то каррикатуристъ. Въ 1855 году обратились къ послѣднему. Обращеніе было, разумѣется, безмолвное; его формулировало настроеніе большинства. Большинство это требовало усиленія впечатлѣній, жаждало осмѣянія враговъ и въ другомъ видѣ. Въ подобныхъ случаяхъ за спросомъ всегда слѣдуетъ предложеніе.

---

*) Поэтъ занималъ сравнительно видное мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

**) „Стихотворенія“, М. 1868 г., 166—167.

*** Изъ одной брошюры 1855 года.

Въ 1855 году уже довольно извѣстный каррикатуристъ Н. А. Степановъ выпускаетъ альбомы «Каррикатуръ», сплошь посвященные событіямъ восточной войны, особенно же Наполеону Ш-му и Пальмерстону.

Издателемъ альбома былъ А. Бегтровъ. Въ теченіе года вышли три выпуска, по десять листовъ каждый. Самая ранняя цензурная дата—10-ое марта, самая поздняя—30-ое апрѣля. Исполненіе рисунка и его композиція были гораздо выше «патріотической» поэзіи; въ каррикатурахъ былъ не только квасной патріотизмъ, но и остроуміе и даже частично вѣрный взглядъ на вещи. Кромѣ того, въ нихъ не била такимъ ключомъ самоувѣренность, бахвальство же почти отсутствовало.

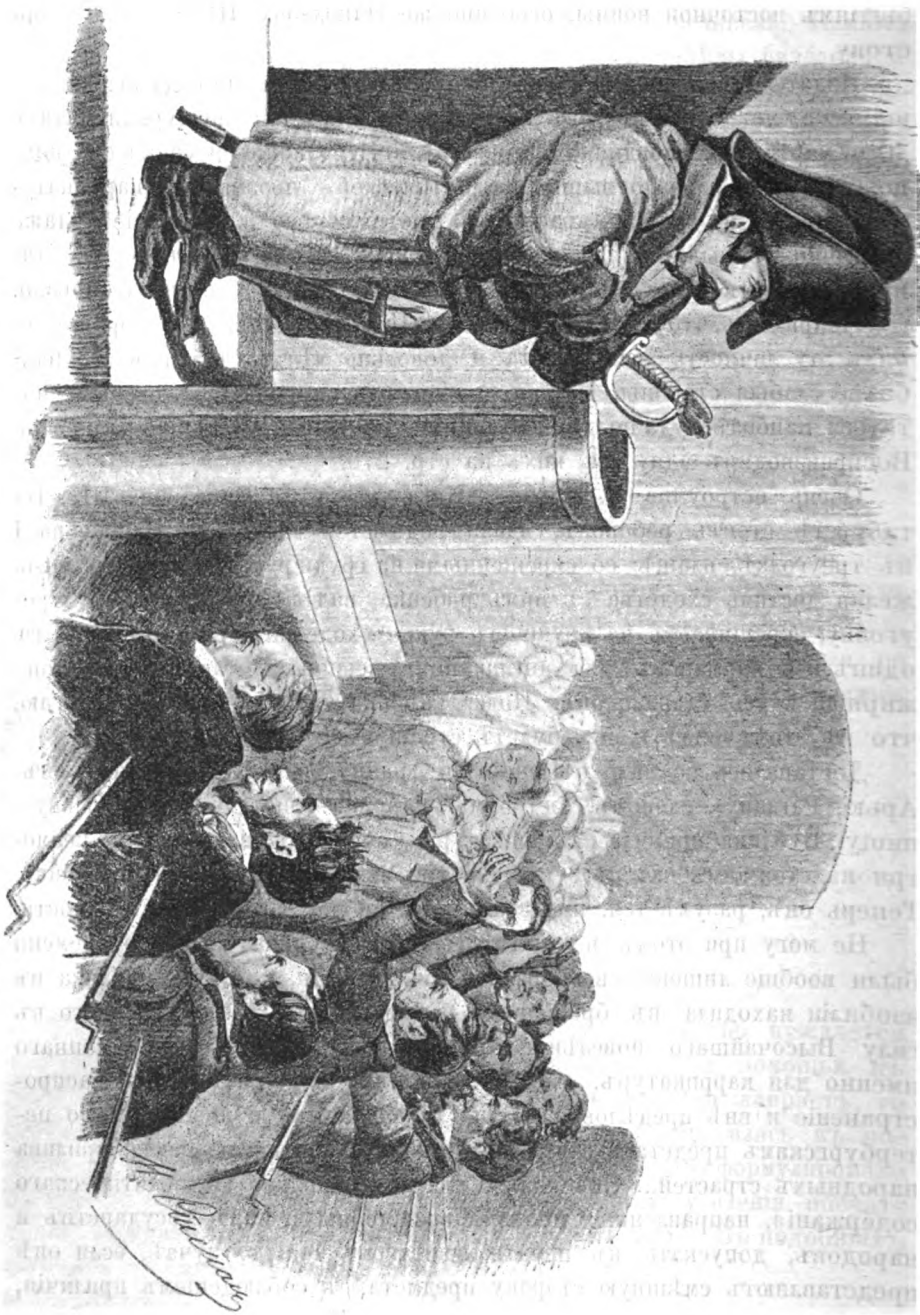
Напримѣръ, что касается Наполеона Ш-го, то Степановъ хорошо понялъ эту личность авантюриста и довольно мѣтко отмѣтилъ его наиболѣе слабыя стороны. Кстати, именно эти каррикатуры должны считаться наиболѣе удачными, имѣющими значеніе и не только въ Россіи. Воспроизводимъ одну изъ нихъ на стр. 270.

Очень остроумна и вторая—«Какъ изобрѣли Наполеона Ш». На табуретѣ стоитъ ребенокъ, вдали виднѣется монументъ Наполеона I въ треуголкѣ, плащѣ; со скрещенными на груди руками. Пальмерстонъ, желая достичь сходства съ нимъ ребенка, надѣваетъ послѣднему треуголку, скрещиваетъ на груди его руки—сходство поразительное; а въ одинъ изъ кармановъ два англичанина всыпаютъ такому Наполеону жирный кушъ стерлинговъ. Подъ каррикатурой подпись: «Полагаю, что въ этомъ видѣ и онъ будетъ страшенъ».

Доставалось не мало и Непиру, и французскимъ генераламъ (Сенъ-Арью, Раглану), словомъ, остроуміе каррикатуриста нашло обильную пищу. Публика приняла «Каррикатуры» очень сочувственно, и, несмотря на стоимость ихъ въ 9 руб. за три выпуска, раскупала ихъ бойко. Теперь онѣ, разумѣется, представляютъ библіографическую рѣдкость.

Не могу при этомъ не замѣтить, что каррикатуры того времени были вообще лишены своеобразной пикантности, которую публика въ изобиліи находила въ брошюрахъ и частью въ газетахъ, просто въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 30 декабря 1854 года, даннаго именно для каррикатуръ, т.-е. произведеній, могущихъ имѣть распространеніе и внѣ предѣловъ Россіи. Европейскому обществу и его петербургскимъ представителямъ не хотѣли обнаруживать всего прилива народныхъ страстей... Повелѣніе гласило: «каррикатуры политическаго содержанія, направленныя противъ враждебныхъ намъ государствъ и народовъ, допускать къ печати въ такомъ только случаѣ, если онѣ представляютъ смѣшную сторону предмета, съ соблюденіемъ приличія, и не заключаютъ въ надписяхъ брани» *). Исполненіе этого постано-

*) „Сбор. постанов. и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ", 1862 г., 299—300.



Французы! Имперія есть миръ—а подтвержденіе этой истины—позади васъ.—До свиданія.
(Да здравствуетъ Наполеонъ!).

вленія было гарантировано, конечно, уже самымъ фактомъ существованія, такъ называемаго, бутурлинскаго комитета—верховнаго литературнаго судилища съ точки зрѣнія цензуры.

Сказаннаго выше, думаю, достаточно для составленія яснаго понятія о настроеніи русскаго общества, по крайней мѣрѣ его огромнаго большинства, въ теченіе 1854 и первой половины слѣдующаго года. Короче—это было завершеніе періода самообожанія. Меньшинство... Но что такое было меньшинство въ разсматриваемую историческую эпоху?.. Имѣло ли оно право и возможность высказать вслухъ тѣ мысли и чувства, которыя потомъ стали азбукой? Хотѣлъ ли кто-нибудь въ массѣ слушать этихъ недовольныхъ людей?..

II.

Но вотъ грянуло 27-ое августа 1855 года, принесшее Россіи небывалый разливъ умственныхъ и политическихъ теченій...

Первый моментъ чувства почти всѣхъ формулировались не иначе, какъ словами: «какое гибельное событіе для Россіи! Бѣдное человѣчество!» *) Въ подобныхъ выраженіяхъ, вѣроятно, было встрѣчено и древнимъ египтяниномъ первое разлитіе Нила, которое приводило въ ужасъ непосредственно за нимъ слѣдующими бѣдствіями... Но прошло нѣкоторое время, и несчастіе, оказавшееся плодоноснымъ, получило надлежащее толкованіе.

До чего возбуждала панику вѣсть о паденіи Севастополя, можно судить хотя бы изъ такой записи одного современника:

«Ударъ былъ страшный, тѣмъ болѣе, что не ожиданъ никѣмъ. Всѣ уже повѣрили и частнымъ, и нечастнымъ, своимъ и чужимъ объявленіямъ о недоступности Севастополя. Многіе изъ москвичей лишились, отъ одной вѣсти о взятіи неодолимаго, своихъ членовъ: напримѣръ, говорятъ объ Ермоловѣ, что у него отнялись на время ноги. Я знаю одного москвича, который созвалъ было къ себѣ гостей на обѣдъ, какъ именинникъ, и когда только подано было первое блюдо, то новый гость изъ почтамта вошелъ къ нему и при всѣхъ разсказалъ о паденіи Севастополя. Гости не могли болѣе продолжать обѣда, встали и черезъ минуту разошлись во-свояси» **).

Такъ выражалось настроеніе большинства. Немного спустя, оно же было крайне недовольно и согласіемъ на миръ. «Драться надо,—говорили отчаянные патріоты, драться до послѣдней капли крови, до послѣдняго человѣка» ***). Другой очевидецъ записываетъ: «На-дняхъ въ

---

*) *А. Никитенко*, „Дневникъ", „Русск. Стар.", 1890 г., VI, 627.

**) *О. Бодянскій*, „Дневникъ", „Сбор. Об--ва Люб. Рос. слов." 1891 г., 130.

***) *Никитенко*, „Русск. Стар.", 1890 г., VII, 133.

Петербургѣ давали трагедію Озерова «Дмитрій Донской». При стихѣ

„Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ миръ постыдный",

«поднялась буря рукоплесканій...» *)

«Литература» въ видѣ брошюръ, правда, прекращается, но Степановъ все еще продолжаетъ подогрѣвать массу: снова Беггровъ издаетъ альбомъ его каррикатуръ, названный «Современныя шутки», полный патріотизма и насмѣшки надъ побѣдителемъ. Приготовленъ къ выпуску въ свѣтъ и четвертый альбомъ «каррикатуръ», но миръ заключенъ, выходки противъ бывшаго непріятеля найдены неумѣстными, альбомъ конфискованъ **). Наука «патріотистика», введенная въ циклъ другихъ наукъ безсмертнымъ Салтыковымъ, начинаетъ терять почву, корни ея слабѣютъ...

«Какъ неумолимо правосудна судьба! Какъ жестока въ своей логикѣ! Признаюсь — я не очень негодую на Горчакова; Севастополь палъ не случайно, не по его милости; я жалѣю, что не было тутъ искуснѣйшаго генерала, чтобы отнять всякій поводъ къ искаженію истины; онъ долженъ былъ пасть, чтобы явилось на немъ дѣло Божіе, т.-е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа. Видно—еще мало жертвъ, мало позора, еще слабы уроки; нигдѣ сквозь окружающую насъ мглу не пробивается лучъ новой мысли, новаго начала!» ***) Эти слова, писанныя въ срединѣ октября 1855 года, еще разъ иллюстрируютъ происходившую общественную дифференціацію. Въ нихъ же ясно твердое сознаніе ненормальности окружающаго строя. Наступило время, «когда всякій захотѣлъ думать, читать и учиться, и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотѣлъ высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать» ****). Въ другомъ мѣстѣ своихъ «Воспоминаній» Шелгуновъ даетъ очень вѣрную картину перерождавшаго общества *****).

Созданіе новаго немыслимо безъ критики и уничтоженія стараго, молодой лѣсъ глушится валежникомъ. И вотъ наступаетъ прежде всего время обличительнаго жара, время сатирическаго негодованія, эпоха осмѣянія, разрушенія. Получившая небольшую дозу свободы, литература съ честью, съ высоко поднятой головой исполняетъ эту миссію, она подготовляетъ почву будущихъ реформъ, она даетъ имъ свѣтъ и солнце. Ниже мы болѣе или менѣе подробно разсмотримъ піонеровъ обличенія и ихъ продолжателей, тогда же отдѣлимъ пшеницу отъ плевелъ, а они должны были быть,—теперь же остановимся на показа-

*) *П. Валуевъ*, „Дневникъ", „Русск. Стар.", 1891, VI, 606.

**) *С. Трубачевъ*, „Каррикатуристъ Н. А. Степановъ", „Ис. В.", 1891 г., II—IV; III, 764—765.

***) „И. Аксаковъ въ его письмахъ", III, ч. I, М. 1892 г., 180.

****) *Шелгуновъ*. „Соч.", II, „Воспоминанія", 638.

*****) Ibidem, 624—625.

ніяхъ одного историческаго и притомъ строго офиціальнаго по своему происхожденію документа. Я говорю о «Собраніи матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г.», изданномъ въ 1865 г. Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и вначалѣ считавшимся секретнымъ. Составитель обзора литературы эпохи 1854—1864 гг. гр. П. И. Капнистъ даетъ очень цѣнныя указанія о роли обличенія въ періодѣ конца 50-хъ годовъ.

«Замѣчательно,—пишетъ онъ,—что вычурные стихи г. Бенедиктова и, такъ сказать, сухая поэзія г. Розенгейма, задавшись гражданской скорбью и обличеніемъ, были встрѣчены при своемъ появленіи въ пятидесятыхъ годахъ почти съ одинаковой благосклонностью. Доказательство, что причина успѣха заключалась не столько въ талантѣ поэтовъ, сколько въ настроеніи публики. И дѣйствительно, настроеніе это есть явленіе болѣе глубокое, чѣмъ оно можетъ показаться съ перваго разу. Не успѣло общество насладиться чистой поэзіей Лермонтова и Кольцова, какъ оно уже забываетъ прелесть непринужденной формы, возвышенность содержанія и предпочитаетъ повседневный характеръ обличенія и протеста въ какой бы то ни было вычурной формѣ. Ясно, что обществу нужно было не поэзіи, а протеста и обличенія» *).

Въ этихъ словахъ слышится очень неодобрительное отношеніе къ законной потребности общества, но не за тѣмъ они и приведены, чтобы дать мѣсто «авторитетному» мнѣнію офиціальнаго историка литературы. Они нужны были просто для констатированія стремленія общества къ обличенію и протесту.

III.

Въ августѣ 1856 года Н. Щедринъ выступаетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» съ своими «Губернскими очерками». Это первый крикъ рождавшейся истинной сатиры послѣ цѣлаго ряда темныхъ годовъ.

Какъ уже было замѣчено, я ограничилъ свою задачу обозрѣніемъ сатирической литературы данной эпохи преимущественно лишь по періодическимъ изданіямъ и потому не буду останавливаться на дѣятельности Салтыкова-Щедрина. Отмѣчу только, что одна часть общества отнеслась съ чисто материнскою любовью къ раздавшемуся крику своего первенца, а другая—встрѣтила со страхомъ за окружающій «порядокъ» первое непріятельское ядро. Въ теченіе 1857 года разошлись два изданія «Губернскихъ очерковъ»...

Здѣсь снова обратимся къ цитированному уже источнику и посмотримъ, какъ имъ оцѣнивался Салтыковъ.

Послѣ очень длиннаго объясненія разницы «истиннаго гоголев-

*) Стр. 85—86.

скаго натурализма» и «ложной натуральной школы», сводящейся къ отсутствію въ произведеніяхъ послѣдней «невидимыхъ міру слезъ» и «возвышенной любви» къ караемому смѣхомъ человѣку, офиціальный критикъ говоритъ:

„Наша обличительная литература принялась вытаскивать *на пользу гласности*, на публичное осмѣяніе весь хламъ изъ каждаго канцелярскаго подвала, изъ каждаго грязнаго закоулка, изъ каждаго бѣднаго угла—жилища нищаго чиновника. Произведеній съ подобнымъ направленіемъ явилось въ журналистикѣ нашей минувшаго десятилѣтія (1854 — 1864 гг. *М. Л.*) множество, начиная съ холодныхъ и вполнѣ фельетонныхъ сочиненій г. *И. Панаева*. Большая часть литературы этого рода полна бездарности и самолюбивыхъ претензій на скандалъ; но и нѣсколько истинныхъ талантовъ посвятили свою дѣятельность этому направленію. Замѣтнѣе другихъ въ этомъ отношеніи г. *Щедринъ (Салтыковъ)* *), начавшій свою литературную дѣятельность еще въ минувшее царствованіе и пріобрѣтшій извѣстность и даже нѣкоторый авторитетъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ стали печататься его „Губернскіе очерки“. Изображая съ юмористическимъ обличеніемъ административную среду и бюрократическій бытъ въ провинціяхъ, г. Щедринъ взглянулъ на него со свойственной ему точки зрѣнія, представивъ смѣшную фальшь или злоупотребленія этой среды, находя все въ этой средѣ комическимъ или пошлымъ. Тутъ у него являются и *либералы*, но они изображены смѣшными, потому, вѣроятно, что они не такъ либеральны, какъ бы автору того хотѣлось; являются люди *отживающіе*, люди въ какомъ-то среднемъ *переходномъ* состояніи, а также чиновники и помѣщики прежняго закала и новые, модные дѣятели, комичные сколько отъ самихъ себя, столько же и отъ условій, въ которыя они поставлены самимъ свойствомъ ихъ гражданскаго положенія. Несмотря на бывшій огромный успѣхъ ихъ въ публикѣ, произведенія Щедрина имѣютъ больше значеніе бойкаго, легкаго и юмористическаго фельетона во вкусѣ *отрицанія*. Замѣчательно, что въ произведеніяхъ Щедрина нигдѣ не замѣтно никакого *идеала* и ничего положительнаго. Къ этой же категоріи принадлежатъ нѣкоторыя произведенія *Печерскаго* (*Мельникова*), „Провинціальныя воспоминанія“ *г. Селиванова* и проч. **).

Этого одного, конечно, достаточно, чтобы понять истинное значеніе «Губернскихъ очерковъ» въ свое время... Въ связи съ нѣкоторыми другими произведеніями, въ связи съ развивающейся общественной мыслью, они, разумѣется, не мало способствовали перерожденію общественныхъ вѣрованій непередовой части; отдѣльные люди подъ натискомъ новыхъ идей—новыхъ не абсолютно, конечно, а относительно, новыхъ потому, что впервые громко выражающихся—мѣняли свои убѣжденія. Прекраснымъ примѣромъ такой эволюціи служитъ Степановъ, обратившій теперь свой мѣткій карандашъ на осмѣяніе окружающаго, еще такъ недавно или обходимаго имъ молчаніемъ, или просто похваляемаго.

Въ ноябрѣ 1856 года онъ начинаетъ выпускать новый каррика-

---

*) Ко времени составленія цитируемаго источника Салтыковъ написалъ, кромѣ „Губернскихъ очерковъ“, „Брусина“, „Невинные разсказы“, „Сатиры въ прозѣ“ и часть „Помпадуровъ и помпадуршъ“.

**) „Собраніе матеріаловъ“, 184—185.

турный альбомъ «Знакомые», издаваемый тѣмъ же Беггровымъ. Предполагалось названіе «Наши знакомые», но, по словамъ г. Трубачева, цензура не нашла возможнымъ пропустить слово «Наши» *). Въ теченіе 1857 года закончился первый томъ, 1858 года—второй. Первый годъ всѣ рисунки были исполняемы только Степановымъ, второй—еще и М. Зиччи, Г. Дестунисомъ, А. Волковымъ, Р. Жуковскимъ, П. Анненскимъ, потому что «Знакомые» не имѣли особеннаго успѣха и побуждали Степанова принять мѣры къ улучшенію дѣла, къ его оживленію. Съ этою же цѣлью съ 20-го ноября 1857 года къ «Знакомымъ» сталъ прилагаться *Листокъ Знакомыхъ*, вышедшій въ теченіе подписного 1857—1858 г. въ 12 номерахъ **). Это былъ большой листъ плотной бумаги, на которомъ печатался текстъ, состоящій почти всегда изъ фельетона и мелкихъ сатирическихъ, чаще—юмористическихъ замѣтокъ, принадлежавшихъ В. Р. Зотову, Вс. С. Курочкину и Щербинѣ, но никогда не подписываемыхъ. Весьма возможно, что въ текстѣ участвовалъ и самъ Степановъ, хотя его біографъ, г. Трубачевъ, ровно ничего объ этомъ не говоритъ.

«Знакомые» 1857—1858 гг., когда они, благодаря *Листку*, стали вполнѣ, въ сущности, сатирическимъ періодическимъ изданіемъ, испытывали на себѣ весь трудъ работы піонера. Данная имъ программа, по собственному заявленію редакціи, была узка, не позволяя развивать сколько-нибудь широкихъ общественныхъ вопросовъ. Вотъ, главнымъ образомъ, почему содержаніе и «Знакомыхъ» и *Листка* было такъ еще мелко, такъ блѣдно, такъ сатирически немощно. Бывшій раньше обычай, узаконенный окончательно «Ералашемъ» (1846—1849 гг.), давать въ каррикатурахъ точные портреты, правда, почти всегда съ любезнаго разрѣшенія обладателя необходимой художнику физіономіи,—теперь, когда приходилось зло обличать, не былъ одобренъ цензурой и уже во второмъ номерѣ *Листка Знакомыхъ* редакція вынуждена была успокоить волновавшагося обывателя: «условимся однажды навсегда, портретовъ нѣтъ и не можетъ быть между нашими знакомыми. Это дѣло рѣшенное и подписанное. Въ нашемъ альбомѣ есть только типы, черты и характеры физіономій, общихъ многимъ личностямъ, которыя мы стараемся возвести въ перлъ художественнаго созданія... Итакъ, да будутъ благосклонны къ намъ всѣ наши знакомые,

*) „Каррикатуристъ Н. А. Степановъ". „И. В." 1891 г. III, 771.

**) Попутно исправляю неточность Н. М. Лисовскаго. Въ своей цѣнной работѣ „Русск. період. печать 1703—1894 гг.", вып. II, говоря о „Листкѣ", онъ пишетъ: „Листокъ Знакомыхъ. Журналъ каррикатуръ, съ литературными прибавленіями. 1857—1858. Спб. Безсрочно (№№ 1—12)" (стр. 34). Во-первыхъ, мы уже знаемъ, что „Листокъ" есть самъ литературное прибавленіе къ „Знакомымъ"; во-вторыхъ, выходилъ онъ въ вполнѣ опредѣленные сроки—ежемѣсячно 20-го числа, начиная съ 20-го ноября 1857 г. и кончая 20-мъ октября 1858 г.

да не скандализируются они, встрѣтивъ на «Листкахъ» нашихъ не чуждыя имъ черты и позы. Можемъ увѣрить ихъ, что это дѣлается безо всякаго злого умысла предать посмѣянію ихъ почтенныя и заслуживающія полнаго уваженія физіономіи».

Надо ли говорить, какъ трудно было работать каррикатуристу, когда нельзя было дать «натуры». Понятно поэтому, что карандашъ не касался почти самыхъ животрепещущихъ вопросовъ и фактовъ, а занимался изображеніемъ медоваго мѣсяца новопроизведеннаго прапорщика; издателя, взявшаго въ сотрудники парикмахера; офицера, на котораго надо поскорѣе любоваться, пока онъ не заговорилъ; нѣмца-педагога, сѣкущаго свою Фидельку и то «для зистемъ», etc., etc. Изрѣдка проскакивали такія каррикатуры, какъ крестьянинъ, несущій черезъ болото помѣщика, у котораго подъ мышкой собака и который увѣряетъ, что у всякаго есть свое бремя... Портреты бывали, но какіе? Есть, напримѣръ, рисунокъ, изображающій стоящихъ другъ противъ друга Степанова и И. А. Гончарова, цензуровавшаго «Знакомыхъ»; въ рукахъ послѣдняго такой же рисунокъ на листѣ бумаги, и Гончаровъ говоритъ: «Да, вѣдь, это моя каррикатура! Ну, батюшка, одолжили! А впрочемъ, печатать позволяется...»

Литературная сторона была едва ли не блѣднѣе. Дальше легкихъ очерковъ и анекдотовъ редакція, положимъ, и не обѣщала ничего, но, очевидно, такое замуравливаніе было тоже не добровольнымъ.

«Знакомые» испытали на себѣ вполнѣ настоящія потребности возрождавшагося общества: послѣднее отнеслось къ нимъ довольно индифферентно; впрочемъ, не могла не имѣть вліянія и цѣна—каждый годъ стоилъ 10 руб. серебромъ. Редакція, повидимому, сама понимала мертвенность своей затѣи, что ясно изъ ея «Прощанья съ публикой» въ послѣднемъ номерѣ *Листка*. «Наша цѣль,—читаемъ тамъ между прочимъ, была скромна. Мы только слегка набросали тѣ очерки петербургскихъ нравовъ и особенностей, о которыхъ можно написать цѣлые томы». Далѣе «Знакомые», извѣщая о прекращеніи своего изданія, привѣтствовали основывавшуюся съ января 1859 года «Искру», куда переходилъ Степановъ.

Начиная изданіе «Искры», Степановъ покидалъ не только свое собственное дѣло: онъ уходилъ и изъ «Сына Отечества» А. В. Старчевскаго, старавшагося воспользоваться общественной страстью къ обличенію и открывшаго съ этою цѣлью отдѣлъ каррикатуръ на задней страницѣ номеровъ своего журнала.

Въ № 27 за 1857 г., отъ 7-го іюля, редакція *Сына Отечества* заявляетъ, что будетъ сверхъ «обѣщанныхъ въ этомъ году восьми эскизовъ съ картинъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ художниковъ, начиная съ іюля, постоянно помѣщать политипажъ, котораго сюжетъ будетъ заимствованъ исключительно изъ русской жизни, игриво переданъ свободнымъ и ловкимъ карандашомъ г. Анненскаго и исполненъ на

деревѣ даровитыми нашими русскими художниками, вырѣзывающими на деревѣ, гг. Сѣряковымъ и Куренковымъ. Этотъ новый еще у насъ, игривый родъ живописи нашей русской школы, мы рѣшились открыть рисунками къ «Губернскимъ очеркамъ» Щедрина. Къ рисункамъ этимъ мы нашли необходимымъ предпослать введеніе, которое представляетъ первый рисунокъ «Встрѣча пріятелей».

Рисунокъ изображаетъ двухъ мужчинъ, встрѣтившихся въ публичномъ саду, у одного въ рукахъ книжка. Подъ нимъ текстъ:

«— Ого, какой ранланъ *) на тебѣ! Вѣрно обстоятельства перемѣнились, видно ты на хорошемъ жалованьи?

«— Все также, тѣ же 23 руб. сер., да не въ нихъ дѣло—мѣстечко тепленькое.

«— Гм!.. А ты читалъ «Губернскіе очерки» Щедрина?

«— Нѣтъ еще, но вотъ купилъ, говорятъ хорошая вещь...

«— Прочти, прочти, книга весьма назидательна».

Съ № 28 и по № 38 помѣщены иллюстраціи различныхъ сценъ изъ «Губернскихъ очерковъ», снабженныя точными цитатами оттуда. Затѣмъ идутъ уже иллюстраціи—это вѣрнѣе, чѣмъ каррикатуры, на всякія мелочи жизни, ничего общаго съ серьезной сатирой не имѣющія. Въ № 45 первая въ *Сынѣ Отечества* работа Степанова: четыре рисунка къ нравамъ журналистики. Они очень блѣдны и по исполненію и по тексту. Болѣе удачна каррикатура на чиновничьи нравы въ № 47. Затѣмъ до конца года работаетъ уже одинъ Степановъ, то же продолжаетъ и въ слѣдующемъ 1858 году. Но и тутъ злой, мѣткой, широкой по замыслу сатиры очень мало; въ большинствѣ случаевъ это перепѣвы Щедрина изъ быта мелкаго провинціальнаго чиновничества, преслѣдованіе общечеловѣческихъ слабостей и т. п.; иногда фигурируетъ пріятель Степанова—композиторъ Глинка.

Текстъ *Сына Отечества* тоже былъ подгоняемъ къ характеру обличеній; Старчевскій приглашаетъ Сенковскаго, который и ведетъ фельетоны «Листокъ барона Брамбеуса». Но съ первыхъ же шаговъ такое оживленіе журнала встрѣтило препятствія. Такъ, въ №№ 38 и 39 за 1857 г. былъ помѣщенъ разсказъ Ивана Кушнерева «Червячки». Министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ главноуправляющаго путями сообщенія, извѣстнаго реакціонера—Чевкина, сдѣлалъ замѣчаніе за пропускъ этого произведенія петербургскому цензурному комитету; предсѣдатель послѣдняго, князь Щербатовъ, нашелъ необходимымъ выяснить министру свой взглядъ на обнаруженіе злоупотребленій вообще и въ своемъ денесеніи писалъ:

«Польза такихъ статей неопровержима: снимать покровъ съ таящагося злоупотребленія, дѣлать его явнымъ, не есть ли уже нравственно наказывать преступника, а еще болѣе, отвращать другихъ отъ

*) Родъ пальто, тогда модная.

поползновенія къ пороку, слѣдовательно, обращать ихъ къ добродѣтели?.. При томъ § 14 цензурнаго устава, допускающій печатаніе статей «подъ общими чертами осмѣивающихъ общіе пороки и слабости», очевидно, допускаетъ и настоящую статью» *).

А такъ какъ «Червячки» касались и лицъ военнаго вѣдомства, то Норовъ просилъ заключенія и военнаго министра Сухозанета. Послѣдній ее одобрилъ и сообщалъ Норову, что «по ближайшемъ своемъ разсмотрѣніи этой статьи, онъ, съ своей стороны, находитъ, что за исключеніемъ въ ней мѣстъ, обозначенныхъ краснымъ карандашомъ, со стороны военнаго вѣдомства не встрѣчается препятствій къ напечатанію оной» **). Не такъ смотрѣлъ на дѣло подчиненный Сухозанету предсѣдатель военно-цензурнаго комитета, тоже небезызвѣстный мракобѣсъ баронъ Медемъ. Онъ находилъ, что статья, «заключая въ себѣ оскорбительные и насмѣшливые извѣты насчетъ всѣхъ вообще ротныхъ, эскадронныхъ и полковыхъ командировъ, по точному смыслу §§ 22 и 6 Высоч. утв. дополнительной инструкціи къ общему уставу о цензурѣ для руководства военно-цензурнаго комитета, не можетъ быть допущена къ напечатанію въ ея настоящемъ видѣ» ***).

Баронъ Медемъ замѣчалъ при этомъ, что дозволеніе осмѣивать общіе пороки и слабости «согласовать не трудно съ сохраненіемъ уваженія къ осмѣиваемому предмету; стоитъ только, чтобы авторъ не представлялъ обнаруживаемыя имъ злоупотребленія, какъ явленія общія, въ той или другой части военнаго правленія, а лишь какъ злоупотребленія частныхъ лицъ: это принесетъ еще и ту пользу, что откроетъ правительству всѣ тайныя увертки и хитрыя продѣлки злоупотребленій» ****). Надо ли говорить, насколько рецептъ Медема не вязался съ § 14 дѣйствовавшаго тогда цензурнаго устава, какъ разъ безусловно запрещавшимъ говорить о лицахъ въ отдѣльности?..

Норова все это не удовлетворило, и вотъ 7-го октября 1857 года послѣдовалъ приказъ по цензурѣ, гдѣ, указавъ на то, что въ «Червячкахъ» «выставляются въ самой грубой картинѣ личности и дѣйствія губернскихъ чиновниковъ и въ особенности чиновъ вѣдомства путей сообщенія», министръ «обращалъ вниманіе на эту статью и вообще на полицейское направленіе которое своевольно и неумѣстно принято въ послѣднее время большинствомъ нашихъ періодическихъ изданій. Обязанность цензуры имѣть благоразумное понятіе того, что можно допускать къ печати и чего нельзя, безъ потрясенія и подрыва общественнаго довѣрія и уваженія къ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ. Подтверждено всѣмъ цензорамъ быть впредь осмотрительнѣе въ пропускѣ статей, которыя дѣлаютъ изъ журналовъ какую-то уго-

*) „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи", Спб., 1862 г., 96—97.
**) Idem., 97.
***) Idem., 97.
****) Idem., 97.

ловную палату, а изъ всѣхъ чиновниковъ и администраторовъ безъ разбора лицъ,—подсудимыхъ журнальному суду» *).

Я привелъ это дѣло, какъ очень ясно опредѣляющее, въ какихъ условіяхъ приходилось пробиваться сатирѣ и обличенію съ самаго начала, какъ осмотрительно нужно порицать изданія за безсодержательность и безцвѣтность. Когда обличеніе квалифицируется съ «полицейскимъ направленіемъ», а открывающее злоупотребленія изданіе насмѣшливо называется «уголовной палатой», тогда не легко обличителямъ и сравнительно спокойно взяточникамъ, насильникамъ и всякаго рода «усмотрителямъ».

Одновременно съ «Знакомыми» второго года ихъ существованія выходилъ еще *Каррикатурный Листокъ* К. Данилова, тоже, хотя и менѣе Степанова, талантливаго художника. Это не было періодическое изданіе, но выходило серіями по 15 листовъ каждая и, судя по тому, что въ академической библіотекѣ имѣется второе изданіе, можно предполагать успѣхъ его у публики. Такіе же большіе листы, какъ и «Знакомыхъ», тѣ же темы, но нѣсколько острѣе, ярче выраженныя. Если Даниловъ былъ менѣе блестящимъ каррикатуристомъ, зато онъ былъ выше Степанова по умѣнію дать своему рисунку очень подходящій текстъ, иногда страшно смѣшной, иногда до боли грустный. Эта сторона даниловскаго изданія была въ свое время отмѣчена еще Панаевымъ **), и слѣдовательно, и тогда принималась въ разсчетъ публикой.

Мнѣ удалось найти только первую серію *Каррикатурнаго Листка*, но уже по ней можно судить о цѣломъ изданіи. Очень остроуменъ листъ, озаглавленный «Три эпохи тяжбы» и воочію рисующій порядки дореформеннаго суда. Вы видите мальчика, начинающаго, вѣроятно, наслѣдственное дѣло; видите его выросшимъ, но все еще не знающимъ, чѣмъ кончится процессъ; затѣмъ—дряхлымъ старикомъ, завѣщающимъ уже собственному сыну довести процессъ до конца и, наконецъ, узнаете, что черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти этой руины, дѣло приходитъ къ концу.

Не менѣе удаченъ другой—«Люди на зеленомъ полѣ», гдѣ подъ картинкой «преферансъ на службѣ», изображающей важнаго начальника и двухъ подчиненныхъ, подписано:

«Начальникъ. Чѣмъ это ты, любезнѣйшій, бьешь козырнаго туза?

«Подчиненный. Визитной карточкой—съ вашего превосходительства.

«Начальникъ. Хе, хе, хе!»

Безусловно злободневнымъ былъ такой рисунокъ: черта города;

*) „Сборникъ постановленій", 416.

**) „Замѣтки Новаго поэта" „Соврем.", 1858 г., LXVIII, кн. 2, 219.

въ парадной формѣ стоятъ четыре старшіе въ городѣ чиновника, у всѣхъ руки по швамъ, взоры устремлены на мчащуюся къ нимъ изъ уѣзда карету въ четверку съ кучеромъ и ливрейнымъ лакеемъ. Подпись: «Чиновникъ по особымъ порученіямъ въѣзжаетъ инкогнито въ уѣздный городъ».

Я потому остановился на альбомѣ Данилова, что нигдѣ не нашелъ о немъ ничего болѣе или менѣе доступнаго широкой публикѣ, тогда какъ, напримѣръ, о Степановѣ есть уже цитированная мною работа г. Трубачева, если и не совсѣмъ удовлетворительная, то, во всякомъ случаѣ, могущая дать общее представленіе о человѣкѣ и его дѣятельности.

IV.

Въ періодъ 1856—1860 гг. число изданій политическихъ, общественныхъ и литературныхъ, по вычисленіямъ г. Лисовскаго, увеличилось почти втрое *). Органовъ сатирическихъ, однако, было не такъ много; они какъ будто не рѣшались выступать, пока не выяснилось, что печать, а въ особенности обличеніе, можетъ имѣть хотъ какой-нибудь шансъ на существованіе. Предыдущая эпоха исключала совершенно такую возможность и потому дѣло это было почти новое. Послѣ *Знакомыхъ*, перваго года ихъ изданія, послѣ преобразованій въ «*Сынѣ Отечества*, возникаетъ первый, въ сущности, настоящій по виду сатирическій журналъ *Весельчакъ*».

Въ концѣ 1857 г. книгопродавецъ издатель Адольфъ Плюшаръ, игравшій когда то очень видную роль въ нашей книжной торговлѣ, задумалъ поправить свои уже разстроенныя дѣла и съ этою цѣлью рѣшилъ приняться за изданіе сатирическаго журнала, потребность въ которомъ чувствовалъ нюхомъ опытнаго коммерсанта. Къ участію былъ приглашенъ видный по тогдашнимъ временамъ юмористъ О. И. Сенковскій. Послѣдній охотно далъ свое согласіе и настолько энергично взялся за дѣло, что самъ составилъ «частное письмо къ «почтеннѣйшей» публикѣ, подписанное «Иванъ Ивановъ, сынъ Хохотенко-Хлопотуновъ-Пустяковскій». Журналъ назывался: «Весельчакъ», журналъ всякихъ разныхъ странностей свѣтскихъ, литературныхъ, художественныхъ и иныхъ». Въ «частномъ письмѣ» публика подготовлялась къ встрѣчѣ изданія. Послѣ шутовскаго разсказа о причинахъ возникновенія мысли издавать журналъ, Пустяковскій разсказываетъ свои странствія по писателямъ, такъ какъ «нужно было найти трехъ-четырехъ умныхъ писателей, отлично смышленыхъ въ глупости», мастеровъ «выдумать важную глупость, сочинить и отдѣлать такъ натурально, какъ будто бы она была сдѣлана или сказана настоящимъ дуракомъ». «Это,

*) „Литературный Вѣстникъ“ 1902 г., VIII.

сколько я знаю, писалъ Пустяковскій, удается только его сіятельству графу Владиміру Александровичу Соллогубу». Соллогуба онъ не засталъ въ Россіи, побѣжалъ къ Брамбеусу, отъ него къ Н. В. Кукольнику, А. Ѳ. Погосскому, Н. М. Львову, П. Н. Кушнереву, В. Г. Бенедиктову; всѣ дали свое согласіе принять посильное участіе. Изъ художниковъ Пустяковскій пригласилъ Зичи, Микѣшина и Лебедева.

Затѣмъ къ читателямъ обращена была такая рѣчь: «Земля наша широка и обильна, но смѣху въ ней нѣтъ. Люди умные, мужи разумные, послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобы пріятно посмѣяться ради эстомаха, для движенія крови и мысли, для здоровья, садятся на весь вечеръ играть въ карты, насиживаютъ себѣ болѣзни или головныя боли и на слѣдующее утро являются къ дѣламъ въ дурномъ расположеніи духа. Смѣху нѣтъ! Приходите смѣяться съ нами, смѣяться надъ нами, надъ ними, надъ собою, надо всѣмъ и ибо всемъ смѣяться, лишь бы только не скучать». Цѣна была за годъ въ Петербургѣ 4 руб., въ Москвѣ 5, вездѣ 5 р. 50 к. Форматъ теперешней «Нивы». Редакторомъ былъ Я. Григорьевъ *).

1-го февраля 1858 г. вышелъ первый номеръ *Весельчака*. Заглавная виньетка изображала кабинетъ; на диванѣ, передъ круглымъ столомъ, сидѣли Плюшаръ, Смирдинъ, Григорьевъ и Брамбеусъ съ трубкой въ зубахъ. Передъ ними стоялъ и очень ихъ, повидимому, забавлялъ самъ Пустяковскій, теперь уже умышленно, разумѣется, отдѣленный отъ Сенковскаго. Въ двери просовывались головы публики. Виньетка была нарисована М. Микѣшинымъ, ему же принадлежали и почти всѣ остальные рисунки. Пустяковскому принадлежали забавные фельетоны, наиболѣе смѣшное въ номерахъ. Но вотъ въ № 6 объявлено о смерти Сенковскаго, а съ № 9 исчезаетъ и редакторъ Григорьевъ. Изъ сотрудниковъ участвовали какъ разъ не тѣ, которые были анонсированы въ «частномъ письмѣ»; попадаются подписи А. А. Козлова, Канибакса (Г. Блока), В. Толбина и др. Ничего серьезно сатирическаго въ *Весельчакѣ* не было, остроумія же и юмора отрицать нельзя. Каррикатуръ не помѣщали, а лишь иллюстрировали первый длинный чей-нибудь разсказъ. Иллюстраціи подбирались неумѣло и, въ сущности, совершенно часто не оттѣняли текста.

Съ № 18 редакторомъ *Весельчака* подписывается Н. М. Львовъ, авторъ пресловутыхъ комедій: «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей» и «Предубѣжденіе». Такъ какъ этому quasi-драматургу удалось получить бриллiантовый перстень отъ великаго князя Константина Николаевича, то Плюшаръ не преминулъ неоднократно подчеркнуть публикѣ высокія достоинства новаго редактора. При немъ начинаютъ сотрудничать В. Толбинъ и П. И. Вейнбергъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Тамбова.

---

*) У г. Лисовскаго ошибочно сказано: „и О. И. Сенковскій“.

Львовъ сдѣлалъ *Весельчакъ* оружіемъ личной злобы и ненависти, главнымъ образомъ, по адресу Панаева («Новаго поэта»), очень неодобрительно отозвавшагося о его комедіяхъ, а затѣмъ и вообще всего «Современника». Онъ просто писалъ пасквиль за пасквилемъ, клевету за клеветой, но при одномъ изъ двухъ условій: или называлъ дѣйствующихъ лицъ вымышленными именами, и тогда подписывался полностью, или говорилъ о нихъ прямо, но подписывался «К. И. Журцевъ». Панаевъ и Некрасовъ фигурировали въ статьяхъ «Опыты біографіи» и «Нѣсколько словъ въ видѣ предисловія». Все это было очень грязно, пошло, отдавало разухабистымъ кабакомъ и публикѣ вовсе не такъ нравилось, какъ думалъ клеветникъ. Не давалось проходу и «Сыну Отечества», но не потому, что *Весельчакъ* принципіально не сходился съ журналомъ, а просто въ силу конкуренціи. Въ іюлѣ было выпущено особое прибавленіе «Литература и ея странности», вполнѣ соотвѣтствовавшее самому *Весельчаку*. Съ № 30-го начали помѣщать каррикатуры безотносительно къ тексту номера, но онѣ были очень неудачны — плохой каррикатуристъ Микѣшинъ и не могъ дать въ этой области чего-нибудь выше посредственности. Съ № 45-го Львовъ оставляетъ редакцію, а на седьмомъ номерѣ 1859 года *Весельчакъ* уже съ редакторомъ А. Козловымъ прекратилъ свое существованіе.

Просматривая его за весь періодъ изданія, нельзя не согласиться съ публикой, не давшей совершенно подписки на второй годъ. При Львовѣ *Весельчакъ* поднялся на ходули и, избѣгая прежняго остроумія, не успѣлъ избѣжать прежней грубости. Вышло то, что въ немъ остались топорныя замашки, а острота исчезла. «Явленіемъ литературнымъ *Весельчакъ* все-таки не сдѣлался» — такъ писалъ Добролюбовъ, просмотрѣвъ нѣсколько отдѣльныхъ номеровъ, и былъ совершенно правъ *). Плюшаръ принималъ всякія мѣры для распространенія своего журнала и, повидимому, достигъ этого; по крайней мѣрѣ вотъ что находимъ у Добролюбова: «въ трактирахъ онъ есть столь же необходимая принадлежность, какъ «Полицейскія Вѣдомости», на станціяхъ желѣзной дороги сотни экземпляровъ послѣдняго номера *Весельчака* красуются вмѣстѣ съ «Пріятнымъ собесѣдникомъ» г. Булгарина, «Атакой женскихъ сердецъ» г. Ѳедорова и «Предубѣжденіемъ» г. Львова. Изъ книжнаго магазина присылаютъ вамъ книги: онѣ завернуты въ листокъ *Весельчака*; въ него же обернутъ вамъ въ лавкѣ папиросы, свѣчи и т. п. На лоткѣ разносчика подъ яблоками или апельсинами, разостланъ опять *Весельчакъ*. И, несмотря на такой *избытокъ* экземпляровъ «Весельчака», ничего нѣтъ труднѣе,

*) „Собр. соч.", II, 228. Кстати надо исправить ошибку Добролюбова: „Весельчакъ" былъ вполнѣ періодическимъ изданіемъ, а не уличнымъ, безсрочнымъ листкомъ.

какъ достать полный экземпляръ его, съ начала изданія» *). Очевидно, нумера раздавались кому угодно, лишь бы рекламироваться. Вотъ почему трудно вѣрится, что у *Весельчака* была сколько-нибудь замѣтная подписка. Сама редакція опредѣляла ее въ 8.000 (см. второе частное письмо), Старчевскій говоритъ о 7.000 («Ист. Вѣст.» 1892 г., XI), а одинъ изъ современниковъ доходитъ даже до 9.000 подписчиковъ **). Судя по тиражу другихъ, позднѣйшихъ, сатирическихъ изданій, можно смѣло предположить, что Плюшаръ не имѣлъ болѣе 2.500—3.000 подписчиковъ, потому что и закрытъ *Весельчакъ* именно по ихъ недостатку.

Въ сущности, это былъ лишь традиціонный первый блинъ, тотъ опытъ, который и создалъ лучшіе журналы. Плюшаръ и Львовъ показали какъ *не* слѣдуетъ вести сатирическое изданіе, и въ этомъ вся ихъ заслуга.

Первая половина 1858 года ознаменовалась еще наплывомъ всевозможныхъ уличныхъ листковъ, выбивавшихся изъ силъ посмѣшить публику. Первый такой листокъ—«Смѣхъ» А. Нестерова, вышелъ 1-го марта, черезъ мѣсяцъ послѣ выхода *Весельчака*, собственно и вызвавшаго къ жизни всю эту юмористику низкаго пошиба. Четыре года тому назадъ издатели листковъ наводняли Россію «патріотическими» брошюрами, имѣя видъ бутафорскихъ рыцарей; теперь они спѣшили заставить ее смѣяться, походя на заурядныхъ, грубыхъ клоуновъ. Я не буду подробно останавливаться на содержаніи этой quasi-юмористики, потому что оно хорошо обрисовано Добролюбовымъ ***), а сдѣлаю лишь необходимыя замѣчанія и нѣкоторыя дополненія и поправки.

Полный списокъ листковъ читатель найдетъ въ трудѣ г. Лисовскаго: «Русская періодическая печать 1703—1894 гг.», вып. II, стр. 35; у Добролюбова онъ съ пробѣлами. Изъ тридцати двухъ листковъ только три вышли въ Москвѣ, остальные всѣ—въ Петербургѣ. Въ сущности это были совершенно безпрограмныя спорадическія изданія, и потому замѣчаніе г. Лисовскаго, что они имѣли программу подобную *Весельчаку*, является просто неточностью: почтенный библіографъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать, что ихъ содержаніе было близко по характеру къ плюшаровскому журналу. Содержаніе ихъ, дѣйствительно, аналогично съ *Весельчакомъ*, но все-таки нельзя не признать, что послѣдній былъ гораздо выше своихъ уличныхъ послѣдователей. Тутъ часто просто-напросто одинъ наборъ словъ, ругательствъ, поговорокъ, пословицъ, и все это гдѣ прикрыто, а гдѣ и нѣтъ ясной аферой, желаніемъ сорвать пятачокъ — обычная цѣна листковъ. Читая *Весельчакъ*, то

---

*) Ibidem, 228.

**) *Ивановъ, В.* „Наши сатирическіе журналы и фельетонная сатира“, „Всемірный Трудъ“ 1867 г. VIII.

***) „Собраніе сочиненій“, IV, изд. 5-е, 224—234.

смѣешься, при этомъ все-таки, иногда искренно и много, то негодуешь, но все это непосредственно благодаря самому содержанію, его сути; читая листки—а мнѣ удалось собрать ихъ болѣе двухъ третей—большею частью поражаешься только тупости и пошлости совершенно безграмотныхъ часто авторовъ; смѣхъ и негодованіе вызываются уже не содержаніемъ, а просто формой изложенія, способомъ выраженія. Еще одна черта—хронологически первые листки все-таки хоть на что-нибудь похожи, ну, хоть на желаніе сравняться съ *Весельчакомъ*, послѣдніе же—исключительная бездарность, безсмысленность и афера. У Добролюбова упомянуто показаніе «Сплетника» объ успѣхѣ «Смѣха», выразившемся въ 13.000 экземплярахъ. «Сплетникъ» сболтнулъ такъ; я знаю, что въ суммѣ издатель «Смѣха»—лучшаго листка—во всѣхъ видахъ не выпустилъ болѣе 8.000 экземпляровъ, да и тѣ не разошлись. Вообще тиражъ листковъ не оправдалъ ожиданій издателей и вся эта «юмористика» закончилась къ серединѣ же года, такъ что цензурныя стѣсненія, о которыхъ я сейчасъ скажу, были, собственно, уже post factum, въ предупрежденіе будущаго, которое, однако, и не могло быть при полной безсодержательности листковъ, даже въ трактирахъ не имѣвшихъ денежныхъ читателей.

У меня есть подлинные цензурованные рукописные экземпляры «Смѣха», изъ которыхъ ясна общая тенденція петербургскаго цензурнаго комитета (цензуровали въ разное врѣмя Бекетовъ и Палаузовъ) по возможности лишить листки значенія періодическаго изданія. Первый номеръ «Смѣха» былъ представленъ съ помѣткой *№ 1*, Бекетовъ передѣлалъ единицу на нуль, такъ онъ и вышелъ затѣмъ № 0; а черезъ двѣ недѣли—№ 00. Третій разъ издатель написалъ уже № 000, но Бекетовъ совсѣмъ вычеркнулъ это указаніе, и «Смѣхъ» вышелъ съ подзаголовкомъ: «(подъ хрѣномъ)». Въ первомъ номерѣ вычеркнуты такія строки, являвшіяся подражаніемъ частнымъ газетнымъ объявленіямъ: «Господинъ Вельзевуловъ ищетъ мѣсто повара, на такихъ условіяхъ, что жалованье будетъ получать онъ, а работать вмѣсто него крѣпостной его человѣкъ Никита, или иначе: отпускается отъ господъ въ услуженіе поваръ». Очевидно, къ уличной литературѣ были особенно внимательны и при общей тенденціи не давать мѣста статьямъ о крѣпостномъ правѣ, боялись даже напоминать о его существованіи. Когда смотришь на эти цензорскіе экземпляры, то положительно недоумѣваешь, какъ можно было тамъ что-либо вычеркивать: ни одной серьезной мысли, ни одного «вреднаго» слова, словомъ, ничего, привлекавшаго взоры тогдашней цензуры.

Подъ 17-ое мая 1858 г. Никитенко записалъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Въ главномъ управленіи училищъ генералъ-губернаторъ напалъ на несчастные листки, которыхъ развелось нынѣ множество, и которые продаются на улицѣ по пяти копеекъ. Это его пугаетъ. Между тѣмъ, въ этихъ листкахъ нѣтъ ничего ни умнаго, ни опаснаго; имъ строго

воспрещено печатать что-нибудь относящееся къ общественнымъ вопросамъ. Это пустая болтовня для утѣхи гостинодворцевъ, грамотныхъ дворниковъ и пр. Одинъ господинъ литераторъ и мнѣ говорилъ, что ихъ слѣдовало бы запретить.—«Зачѣмъ?» отвѣчалъ я. Конечно, это вздоръ, но онъ пріучаетъ грамотныхъ людей къ чтенію; все-таки это лучше, кабака и харчевни» *). Никитенко не ошибся: 22-го мая, а затѣмъ и 13-го августа министромъ народнаго просвѣщенія были изданы циркуляры, предписывавшіе: «1) руководствоваться въ точности относительно этихъ листковъ высочайшимъ повелѣніемъ 1850 г. касательно цензуры книгъ для простого народа, 2) воспретить придавать симъ листкамъ наружную форму, исключительно принадлежащую періодическимъ изданіямъ вообще, а въ особенности газетамъ, и 3) не допускать въ нихъ никакихъ безнравственныхъ статей, намековъ и выраженій» **).

Но какъ бы ни было мелко и безцвѣтно содержаніе этихъ «Сплетниковъ», «Смѣховъ» и «Рододендроновъ», во всякомъ случаѣ, появленіе ихъ именно и только въ періодъ пересмотра и перестройки русской дѣйствительности, въ эпоху обличенія и протеста, крайне характерно. Это было какъ будто желаніе загладить «патріотическое самодовольство» недавней эпохи, посмѣяться надъ тѣмъ, что только наканунѣ воспѣвалось и идеализировалось. Для анализа настроенія массы фактъ этотъ не можетъ быть пройденъ молчаніемъ.

Настоящее обличеніе, гроза неправды, неумолимый бичъ сатиры уже готовились—въ концѣ 1858 года появляются объявленія объ изданіи съ предстоявшаго года *Искры*.

V.

Прежде, чѣмъ приступить къ подробному ознакомленію читателя съ *Искрой*—этимъ лучшимъ и понынѣ изъ выходившихъ въ Россіи сатирическихъ журналовъ, считаю необходимымъ передать вкратцѣ исторію и содержаніе другихъ изданій интересующаго насъ періода. Это тѣмъ легче, что всѣ они такъ или иначе подражали—иногда болѣе или менѣе удачно, иногда совершенно неумѣло — именно *Искрѣ* въ которой сами видѣли достойный образецъ.

Одновременно съ *Искрой* возникли въ Петербургѣ: *Арлекинъ* и *Гудокъ*, въ Москвѣ—*Развлеченіе* ***).

Первый такъ опредѣлилъ свои задачи: «интересовать и забавлять, не сбиваясь на грубую личность, на рѣзкую шутку, на крупную соль,

*) „Русск. Стар.“, 1890 г., IX, 597.

**) „Сбор. постановленій“, 429.

***) Библіографическія данныя, какъ-то: редакторъ, издатель, размѣръ, цѣна и пр., интересующіеся найдутъ въ трудѣ г. Лисовскаго „Русская періодическая печать“.

съ одной стороны, и на безцвѣтность и вялость—съ другой»... Н было совершенно не понимать настроенія пробуждавшагося общест наго великана, чтобы думать удовлетворить такой программой незначительную его часть. Ни ноты, ни моды, прилагавшіяся къ *лекину*, не дали ему лишняго шанса на успѣхъ и, проволоча очень безцвѣтнаго существованія, въ которомъ совсѣмъ нечего о тить, журналъ прекратился на послѣднемъ номерѣ 1859 года.

Гудокъ почти съ первыхъ номеровъ имѣлъ мужество заяви близкомъ своемъ концѣ по совершенному безденежью и на 22-ом прекратился. Кстати, это, кажется, единственное періодическое изд печатно объявившее, что причина его смерти—неспособность со никовъ...

Развлеченіе, имѣющее теперь совершенно опредѣленную физ мію уличнаго паяца, начало, правда, не съ этого, но и къ мало оки серьезному органу безусловно не подходило, несмотря на реда Ѳ. Б. Миллера, тогда небезызвѣстнаго литератора, и на сотруднич А. И. Левитова, Б. Н. Алмазова, Н. В. Гербеля, Л. Мея, П. И. Б берга, В. П. Буренина и другихъ, выступавшихъ въ журналѣ въ ное время.

Отсутствіе наблюдательнаго, талантливаго каррикатуриста чув валось на каждомъ шагу. Рисунки сплошь и рядомъ заимствов въ слегка измѣненномъ видѣ изъ *Искры*. Такъ, напримѣръ 1862 г. былъ цѣлый рядъ каррикатуръ «Журнальный міръ», к зиція которыхъ замѣтно не своя, но исполнена плохо. Литерату отдѣлъ былъ содержательнѣе, чѣмъ въ двухъ только что разсмо ныхъ журналахъ, но очень часто блисталъ отсутствіемъ злободн сти, злости, страстью къ обличенію. Сохранялась та посредств середина, которая меньше всего прощалась именно въ разсматр мый нами періодъ 1857—64 г. г. Пародіи Алмазова, лишенныя са ческаго элемента, не давали журналу успѣха, не помогло этому р влеченіе въ 1863 г. А. Плещеева. Провинціальный отдѣлъ былъ «умѣренно-благодѣтеленъ», что совершенно не распространялъ и въ провинціи. Въ 1864 г. *Развлеченіе* замѣтно ударилось въ нынѣшнее амплуа: преобладалъ кутила или деспотъ-купецъ, бы маленькое остроуміе уступило мѣсто уличному балагану, хотя в съ тѣмъ, выходъ на улицу, повидимому, не особенно улыбался налу, какъ будто тщившемуся оставаться въ ряду сатирическихъ гановъ.

Приводить что-либо изъ содержанія *Развлеченія* тоже не с нужнымъ, потому что, познакомивъ читателя съ нѣсколькими или менѣе удачными мѣстами, дамъ ему поводъ думать о жу лучше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ; приведя же рядъ безцвѣтно утомлю лишь вниманіе. Если изданіе Миллера и имѣло въ Моск который успѣхъ, то исключительно благодаря отсутствію тамъ др

органовъ, не исключая и *Зрителя*, о которомъ ниже будетъ нѣсколько словъ. Такъ *Развлеченіе* шло до 1865 года, т.-е. до перелома въ жизни сатирической журналистики, когда послѣдняя была направлена по пути, свойственному ей и сейчасъ.

Въ 1862 г. въ Петербургѣ основывается другой *Гудокъ*, въ Москвѣ — *Зритель*. Первый изъ нихъ заслуживаетъ большого вниманія, какъ очень хорошее филіальное отдѣленіе *Искры*.

Гудокъ, редактировавшійся сначала Обличительнымъ поэтомъ (Д. Д. Минаевымъ), издавался при газетѣ «Русскій Міръ», принадлежащей аферисту Стелловскому, крупному тогда нотному и книжному торговцу. Это его и погубило потомъ...

Какъ только вышелъ первый номеръ, увидѣли нѣчто смѣлое и совершенно неожиданное... На виньеткѣ былъ портретъ Герцена! Да еще какой! — со знаменемъ въ рукахъ стоялъ Искандеръ среди крестьянъ и объяснялъ имъ, что значила надпись на полотнищѣ: «уничтоженіе крѣпостного права». Внимательно слушаютъ его бывшіе рабы, мальчишки играютъ на свирѣлькахъ, читаютъ *Гудокъ*. На всѣхъ лицахъ радость, всѣ встрѣчаютъ зарю новой жизни. Встрѣчаютъ ее и на лѣвой сторонѣ картины, но иначе... Помѣщики бѣгутъ отъ сосѣдства съ лондонскимъ злодѣемъ, а одинъ изъ нихъ, въ злобѣ потрясаетъ трехвостной плетью, не смѣя уже испробовать ее на спинахъ своихъ бывшихъ Филекъ и Прошекъ... Чиновничество въ ужасѣ смотритъ на пришлеца, а одинъ изъ нихъ пускаетъ мыльные пузыри...

Рисунокъ принадлежалъ карандашу А. Богданова и сразу пріобрѣлъ листку большой успѣхъ. Выступить съ портретомъ Герцена, имя котораго до 9-го 1862 г. не произносилось въ частной иеріодической печати четырнадцать лѣтъ—нужна была смѣлость *)...

Съ пятаго номера виньетка исчезаетъ навсегда... Минаевъ работаетъ сразу подъ семью псевдонимами (Гудошникъ, Донъ-Кихотъ Петербургскій, Обличительный поэтъ, Д. Свіяжскій, Ж. Симбирскій, Темный Человѣкъ, Т. Ч.) и подъ фамиліей. Затѣмъ въ теченіе короткаго времени присоединяются: П. И. Вейнбергъ (Донъ-Алонзо), А. Козловъ (К. Зловъ), Д. Ломачевскій, Вс. Крестовскій, Г. Дестунисъ, М. Стопановскій, Н. С. Курочкинъ; тутъ же получаетъ литературное крещеніе С. Н. Терпигоревъ (Ванька Хрѣновъ, Сергѣй Заноза). Неизвѣстно почему, но, начиная съ 14-го номера, Минаевъ перестаетъ редактировать *Гудокъ*, хотя сотрудничества въ немъ не прекращаетъ.

Провинція получаетъ въ *Гудкѣ* значительное мѣсто не только въ отдѣлѣ «Изъ провинціи», который, по «независящимъ» отъ ре-

---

*) Въ этотъ день „Сѣверная Пчела“ перепечатала изъ № 16 „Вятскихъ Губерн. Вѣд.“ за 1862 г. рѣчь Герцена, произнесенную имъ въ Вяткѣ 6-го декабря 1837 г. по случаю открытія тамъ публичной библіотеки. Это было начало палемики съ Герценомъ, поддержанной Катковымъ и К°.

дакціи обстоятельствамъ, очень часто продолжительно отсутствовалъ, но въ массѣ отдѣльныхъ замѣтокъ, всегда остроумно и живо написанныхъ. Ниже я познакомлю читателя съ тѣмъ, какъ велась работа въ *Гудкѣ*, теперь же еще нѣсколько словъ. Приглашеніе писать каррикатуры талантливаго художника Іевлева было очень кстати. Каррикатурная часть стояла очень хорошо, хотя не такъ, какъ въ *Искрѣ*— весь *Гудокъ* былъ ниже ея, — но былъ замѣтенъ недостатокъ силъ. Кромѣ того, въ *Гудкѣ* не чувствовалось редакторской руки: Минаевъ не обладалъ этимъ талантомъ, замѣнившій его Гіероглифовъ (редакторъ «Рус. Міра») и еще того менѣе, не говоря уже о томъ, что онъ не отличался прочно выработанными общественными идеалами и взглядами, не обладалъ способностью быстро схватывать общественное настроеніе.

Теперь обратимся къ воспоминаніямъ Терпигорева о *Гудкѣ*.

„Четвергъ—это былъ замѣчательный день, или, собственно, вечеръ. Въ четвергъ приходили тогда непремѣнно Минаевъ, художникъ Іевлевъ и еще кто-нибудь. И вотъ, втроемъ, вчетверомъ составляли весь номеръ „Гудка“. Подавалась закуска, самая простая, водка и двѣ или три бутылки портеру. Закуску ѣли, водку и портеръ пили, а въ это время Іевлевъ рисовалъ каррикатуры на сообща придуманныя темы, а Минаевъ на тоже сообща придуманныя темы высыпалъ нѣсколько десятковъ строкъ стиховъ. Половину, по крайней мѣрѣ, того и другого цензура не пропускала, но довольно было и того, что оставалось, и листокъ положительно блестѣлъ остроуміемъ и беллетристикой. Эта дребедень, что издавалась послѣ, что издается и теперь, и въ подметки, конечно, не годится тогдашнему „Гудку“...

...„Гіероглифовъ почти всякаго, приходившаго къ нему въ редакцію со статьей какой-нибудь, спрашивалъ:

„— Вы какой губерніи?

„— Смоленской (напримѣръ).

„— Ну, что у васъ тамъ дѣлается?

„— То-есть, какъ что?

„— Ну, какіе, напримѣръ, скандалы, мошенничества тамъ были за это послѣднее время?

„Пришедшій смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, а онъ продолжалъ:

„— Вамъ вѣдь это ни на что не нужно, для васъ это хламъ, а мнѣ годится...

„И то и дѣло случалось, что какой-нибудь солидный господинъ, принесшій чрезвычайно умную и необыкновенно скучную статью для „Русск. Міра“, которую черезъ недѣлю Гіероглифовъ обязательно ему возвращалъ, разсказывалъ тоже какіе-нибудь очень „веселенькіе“ скандальчики, „маленькій“ анекдотикъ; Гіероглифовъ ихъ печаталъ въ „Гудкѣ“; и въ результатѣ пять, десять подписчиковъ изъ Смоленска прибавлялось.

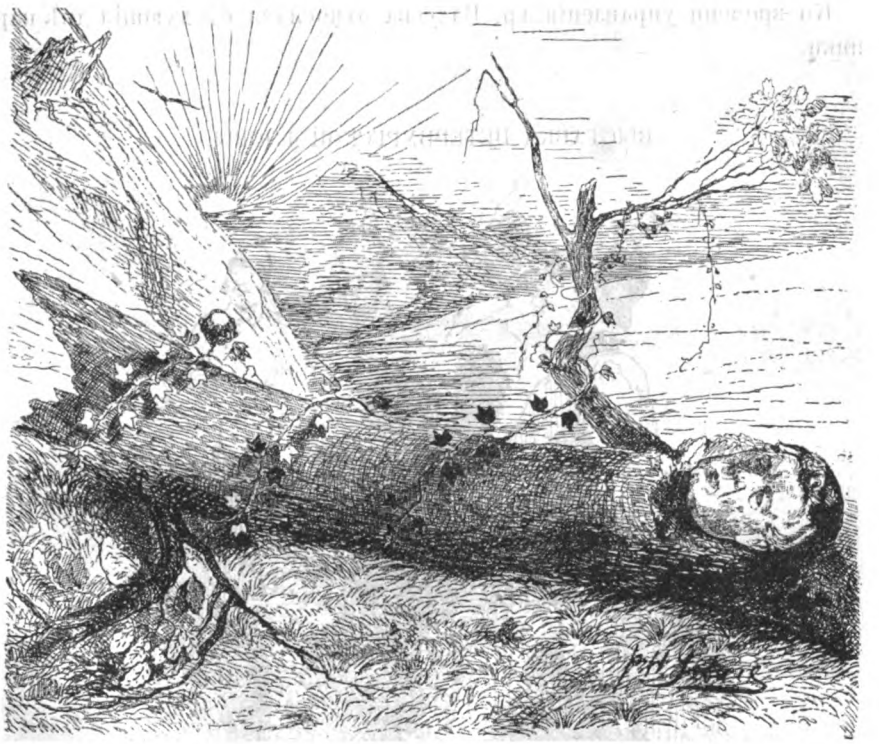
„Мнѣ онъ говорилъ:

„— Вотъ вы изъ Тамбова, къ вамъ оттуда пишутъ, земляки ваши сюда пріѣзжаютъ, ну, что вамъ стоитъ разспросить ихъ, навѣрно, вѣдь что-нибудь и пригодится для „Гудка“. Посмотрите, вонъ, Минаевъ изъ Симбирска, такъ вѣдь онъ въ какомъ трепетѣ-то всю губернію держитъ. И онъ показывалъ мнѣ массу писемъ, полученныхъ изъ Симбирска, съ подтвержденіями, опроверженіями разсказаннаго или нарисованнаго въ „Гудкѣ“. Такъ вотъ и вы бы могли сдѣлать съ вашей Тамбовской губерніей.

„Мысль была заманчивая, и я помаленьку, полегоньку началъ.
— Хорошо, хорошо,—повторялъ одобрительно Гіероглифовъ“ *).

И, дѣйствительно, *Гудокъ* перомъ Терпигорева нагналъ большого страху на тамбовскаго губернатора Данзаса, который неоднократно фигурировалъ подъ «Дурандасомъ»...

Когда читатель познакомится подробно съ *Искрой*, то ему уже не нужно будетъ отдѣльное знакомство съ *Гудкомъ*; достаточно сказать, что послѣдній вполнѣ заслуженно можетъ стоять съ нею рядомъ. За



Скатившись съ горной высоты,
Лежитъ здѣсь дубъ между нами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ кругомъ его обвитый...
О, служба, это ты!

(*Гудокъ*, 1862 г. № 43).

одинъ годъ своего существованія *Гудокъ* далъ несравненно больше, чѣмъ его соименникъ, *Развлеченіе*, *Арлекинъ* и другіе журналы за все время своего изданія. Это былъ безусловно интересный и полезный голосъ въ семьѣ той прогрессивной печати, которой принадлежитъ великая заслуга расчистки первобытныхъ лѣсовъ реакціонной эпохи, созданія новыхъ условій русской жизни. Поэтому надо искренно сожа-

*) „Истор. Вѣстн.“ 1896 г. IV, 51—52.

лѣть о безвременной кончинѣ *Гудка*, происшедшей на почвѣ матеріальныхъ недоразумѣній редактора съ издателемъ, дошедшихъ до полнаго скандальнаго разрыва.

Приведу лишь четыре-пять каррикатуръ, которыя дадутъ возможность вѣрнѣе оцѣнить достоинства *Гудка*.

Когда свалился мрачный консерваторъ крѣпостничества Чевкинъ, не столько замѣтный, какъ министръ путей сообщенія, сколько—какъ оплотъ лиги обскурантовъ, *Гудокъ* вышелъ съ каррикатурой-портретомъ (см. рисунокъ на стр. 289).

Ко времени управленія гр. Валуева относятся слѣдующія двѣ картинки:

ВЫСТАВКА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ФЛОРЫ.

Кактусы.

(*Гудокъ*, 1862 г. № 13).

НАШИ НА НѢМЕЦКОЙ МАСЛЯНИЦѢ.

Видимые знаки привязанности къ начальству.
(*Гудокъ*, 1862 г. № 9).

Область литературы, получившая въ *Гудкѣ* свое постоянное мѣсто, имѣла въ лицѣ этого журнала своего вѣрнаго стража отъ притока темныхъ, недобросовѣстныхъ силъ. Изъ малыхъ каррикатуръ этого рода особенно цѣнныхъ двѣ.

Одна изображаетъ редактора-издателя «Домашней Бесѣды» Аскоченскаго — человѣка совершенно юродиваго и до нельзя враждебнаго прогрессивнымъ теченіямъ.

Написанное на полу число 666 выведено каррикатуристомъ *Гудка* изъ фамиліи мрачнаго изувѣра съ помощью славянскихъ цифръ.

А— 1
С— 200
К— 20
О— 70
Ч— 90
Е— 5
Н— 50
С—200
К— 20
І— 10

Итого . . . 666

На этой картинкѣ буквально вся дѣятельность Аскоченскаго начиная съ змѣино-хитрыхъ доносовъ и кончая сумерками, благопріятными для летучей мыши.

В. И. Аскоченскій вызываетъ духовъ для усмиренія нигилистовъ, но Вельзевулъ насылаетъ на русскую землю цѣлую тучу ежедневныхъ газетъ.
(*Гудокъ*, 1862 г. № 40).

Другая посвящена «Сѣверной Пчелѣ», П. С. Усова. Видя въ этой газетѣ еще такъ недавно распрощавшейся съ позорными именами Булгарина и Греча, крайне вредный суррогатъ политическаго органа, строившаго свое благополучіе на полномъ невѣжествѣ массы; *Гудокъ*

слѣдилъ буквально за каждымъ шагомъ его редактора, хорошо аттестованнаго Гречемъ... Всѣ эти особенности въ «Сѣверной Пчелѣ» воспроизведены бойкимъ перомъ Іевлева.

ВОЛОНТЕРЫ, СФОРМИРОВАННЫЕ РЕДАКЦІЕЙ „СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ".

Пожарный. А-а! вы... (слѣдуетъ трехъ-этажное крѣпкое слово) вотъ подождите, попадетесь ко мнѣ подъ команду,—поставлю тамъ, гдѣ чорту жарко.
Волонтеры. (Продолжаютъ ѣхать, молча исполняя свое призваніе). (*Гудокъ*. 1862 г. № 22).

За кучера самъ Усовъ. Когда «Пчела» приняла эту каррикатуру, но удивилась присутствію на ней лишнихъ дѣйствующихъ лицъ, *Гу-*

докъ разъяснилъ ея недоумѣнія и разъясненіе имѣетъ извѣстное значеніе для исторіи журналистики:

«Авторъ каррикатуры уполномочилъ насъ растолковать редакціи «Сѣверной Пчелы», что, рисуя трехъ ословъ, онъ не имѣлъ въ виду ничьихъ личностей, а желалъ лишь только олицетворить въ нихъ убѣжденія, направленіе и стремленіе той благородной коаліціи, которая засѣдаетъ въ экипажѣ, везомомъ *послушными* животными. Что же касается до четвертаго ослика, осѣдланнаго арлекиномъ, то этотъ осликъ знаменитъ тѣмъ въ особенности, что на немъ ѣздятъ постоянно и на гору Парнасъ и въ раскольничьи скиты, и даже на крутыя возвышенности вліятельныхъ лѣстницъ, за высокими чинами».

О московскомъ *Зрителѣ* сказать совершенно нечего, кромѣ того, что это была крайняя безсодержательность, безталанность и просто-на-просто какое-то недоразумѣніе, которое и кончилось на № 36 въ 1863 году за неимѣніемъ подписчиковъ.

1863 годъ принесъ съ собою два новыхъ петербургскихъ журнала *Занозу* и *Осу*. Если первая дѣйствительно причинила безпокойство людямъ «темнаго толка», то зато вторая никого, кромѣ самой себя, не жалила.

Заноза основана поэтомъ М. П. Розенгеймомъ, думавшимъ дать русской публикѣ нѣчто въ родѣ «Ponch'a» или «Kladderadatch'a»— настолько почтенный полковникъ былъ мало знакомъ съ русскими условіями печати даже 1863 года, года наиболѣе благопріятнаго для сатирической журналистики...

Первый номеръ *Занозы* не могъ не обратить на себя вниманіе, тоже благодаря заглавной виньеткѣ. Содержаніе ея сводилось, собственно, къ иллюстраціи отдѣльныхъ штриховъ не столько спеціально русской, сколько общечеловѣческой жизни; тутъ было поклоненіе золотому тельцу, спихиваніе другъ друга съ житейской лѣстницы, нищіе, богатые, балы, фабриканты, акціонеры, биржевики, помѣщики, модницы, гурманы. Заинтриговывалъ всѣхъ верхъ большой виньетки. Тамъ сидѣлъ въ раздумьи надъ своими рукописями Гоголь, съ лицомъ, выражавшимъ не столько сожалѣніе, сколько легкую усмѣшку надъ проходящими передъ нимъ картинами. Двое какихъ-то человѣчковъ, можно думать—министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ и А. В. Никитенко— загораживали его офиціозными органами и, главнымъ образомъ, основанной ими офиціальной «Сѣверной Почтой». Лица загораживателей такъ малы, что сказать утвердительно, кто они, положительно нельзя.

Истолкованная вкривь и вкось, виньетка эта исчезла съ 10 номера и появилась лишь въ слѣдующемъ году, но и то въ слегка измѣненномъ видѣ. Здѣсь я не могу останавливаться на довольно интересной исторіи внутренней жизни *Занозы*; скажу только, что съ середины 1864 года она стала сильно падать благодаря переходу въ руки

очень непопулярнаго въ обществѣ И. А. Арсеньева, а потомъ, въ 1865 г. и совсѣмъ прекратилась по отсутствію средствъ.

Въ содержаніи *Занозы* необходимо отмѣтить прежде всего особыя приложенія, благодаря которымъ она завоевала себѣ особенное расположеніе публики на первыхъ же порахъ. Розенгеймъ рѣшилъ ввести въ каррикатуры самые верхи русскаго бюрократическаго Олимпа и съ этою цѣлью при первомъ же номерѣ хотѣлъ выпустить особое приложеніе въ видѣ карты Европы съ изображеніемъ политики великихъ державъ въ типахъ русской литературы. По описанію г. *** (мнѣ не удалось увидѣть это приложеніе и потому приходится ограничиться словами г. *** *), это была карта, гдѣ на каждой великой державѣ нарисованъ былъ тогдашній руководитель ея иностранной политики. Такъ, на Англіи стоялъ Пальмерстонъ—Собакевичъ, на Франціи—Наполеонъ III—Загорѣцкій, на Австріи—Шмерлингъ—Чичиковъ, на Пруссіи—военный генералъ съ надписью Скалозубъ, на Россіи—кн. Горчаковъ—Молчалинъ. Всѣ лица были точными портретами. Карта была сначала пропущена цензурой и потому лежала уже готовой для отсылки подписчикамъ. Но о ней узналъ французскій посланникъ гр. Монтебелло, справился о личности Загорѣцкаго и, ознакомившись съ нею, приложилъ небольшія, конечно, усилія, чтобы карта была конфискована. По словамъ г. ***, нѣсколько экземпляровъ все-таки успѣли пройти черезъ кавдинскія ущелья цензуры въ теченіе 1863 года.

Первый неуспѣхъ не останавливаетъ Розенгейма, и при 9 № за 1863 г. онъ выпускаетъ приложеніе, въ видѣ большого листа, надѣлавшее много шуму. Это былъ «концертъ въ с—дурномъ тонѣ» **), иллюстрировавшій роль гр. Валуева, какъ подающаго тонъ литературѣ, только что перешедшей подъ надзоръ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ министерства народнаго просвѣщенія. Смѣлость каррикатуры состояла прежде всего въ томъ, что съ камертономъ стоялъ самъ Валуевъ, дирижировалъ предсѣдатель цензурнаго комитета Цеэ, умѣряли тонъ три цензора: на стулѣ А. Г. Петровъ, рядомъ съ нимъ В. Н. Бекетовъ, слѣва—не знаю кто. Во-вторыхъ, въ углу герценовскій «Колоколъ».

Почти всѣ лица взяты съ портретовъ и прекрасно переданы на камнѣ академикомъ П. Борелемъ ***). Со скрипкой—Старчевскій, шарманка—В. Р. Зотовъ («Иллюстрація»), рядомъ поетъ—Краевскій («Голосъ»), другая шарманка—П. С. Усовъ («Сѣв. Пчела»), на стулѣ съ гитарой—

*) *** „М. П. Розенгеймъ", „Рус. Стар." 1887 г. IX.

**) Тутъ остроумный каламбуръ: с—дурный значитъ цедурный, но подразумѣвалось, конечно, „въ самомъ дурномъ".

***) Каррикатура приведена, между прочимъ, въ декабрьской книжкѣ 1902 г. „Литер. Вѣстника", но съ невѣрнымъ заглавіемъ, безъ объясненія повода и съ нѣкоторыми ошибками въ указаніяхъ лицъ; печаталась она и въ „Новомъ Времени", но тоже съ ошибочными объясненіями.

Некрасовъ, гармонія—Благосвѣтловъ («Русское Слово»), бубны — Писемскій («Библіотека для Чтенія»), балалайка—И. С. Аксаковъ («День»),

КОНЦЕРТЪ ВЪ С—ДУРНОМЪ ТОНѢ.

(*Зритель*, 1863 г. № 9).

волынка—Катковъ, свирѣль, поддерживаемая мальчикомъ—Писаревскій («Современное Слово»), турецкій барабанъ—Меньковъ («Военный Сбор-

никъ»), кларнетъ-пистонъ—Капельмансъ («Journal de St.-Petersbourg»), лира—Н. Ф. Павловъ («Наше Время»), кости — Трубниковъ («Биржевыя Вѣдомости»), труба—В. Ѳ. Коршъ («Петербургскія Вѣдомости»), цимбалы—Вс. С. Курочкинъ («Искра») рядомъ осѣдланный—Елисеевъ, на немъ Очкинъ («Очерки»), въ колескѣ съ треугольникомъ—И. Балабинъ («Народное Богатство»), юродивый въ веригахъ—Аскоченскій («Домашняя Бесѣда»), гусли—Н. Н. Страховъ (Косица) («Время»), литавры на деревянной лошадкѣ—самъ Розенгеймъ, уличная колотушка—Ротчевъ («Полицейскія Вѣдомости»), віолончель — И. А. Гончаровъ («Сѣверная Почта»), гобой — Илья Арсеньевъ (политикъ «Сѣверной Почты») и барабанъ — Д. И. Романовскій («Русскій Инвалидъ»). На креслѣ — собирающаяся убѣжать Россія.

Надо ли говорить, какое огромное количество экземпляровъ этого «концерта» разошлось въ продажѣ, пока послѣдняя не была прекращена, а самая каррикатура не изъята, по возможности, изъ обращенія. Въ теченіе нѣсколькихъ дней раскуплено было 6.000 экземпляровъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ПО ОКОНЧАНІИ ТЯЖЕБНАГО ДѢЛА.

Выигравшій процессъ. Проигравшій процессъ.

(*Заноза*, 1863 г. № 23).

Были ли затѣмъ, въ продолженіе 1863 г. подобныя отдѣльныя приложенія — не знаю; на страницахъ *Занозы* никакихъ указаній нѣтъ. Но въ слѣдующемъ году при четвертомъ № было разослано снова

приложеніе «Разнохарактерные танцы», продававшееся въ отдѣльности (не для подписчиковъ) за три рубля. Этой каррикатуры мнѣ тоже не пришлось видѣть и потому сообщу о ней со словъ г. ***. «Въ шести медальонахъ изображены были попарно нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей (въ портретахъ), пляшущіе разные танцы, соотвѣтственно ихъ дѣятельности... Каррикатура была конфискована (однако,

Я застафилъ фасъ люпитъ руски грамотъ и нѣмецка педагогія.
(*Заноза*, 1863 г. № 32).

послѣ выхода нумера), и въ видѣ оправданія цензора, что фигуркамъ, которыя были на представленномъ въ цензуру рисункѣ, редакція, при исполненіи на камнѣ, самопроизвольно придала портреты государственныхъ людей, сдѣлано было распоряженіе, чтобы впредь рисунки

каррикатуръ представлялись въ цензуру вполнѣ начисто отдѣланными» *).

Приложенія были самой удачной частью *Занозы*, далеко не щеголявшей разнообразнымъ содержаніемъ, хотя гораздо болѣе талантливо ведущейся, чѣмъ всѣ названныя раньше изданія, кромѣ минаевскаго *Гудка*.

Изъ каррикатуръ въ номерахъ приведу немного.

«Возвращеніе по окончаніи тяжебнаго дѣла» очень вѣрно воспроизвело дореформенный нашъ судъ.

Русская школа, ввѣренная нѣмцамъ, бывшимъ на родинѣ сапожниками и барабанщиками, представлена тоже не менѣе удачно.

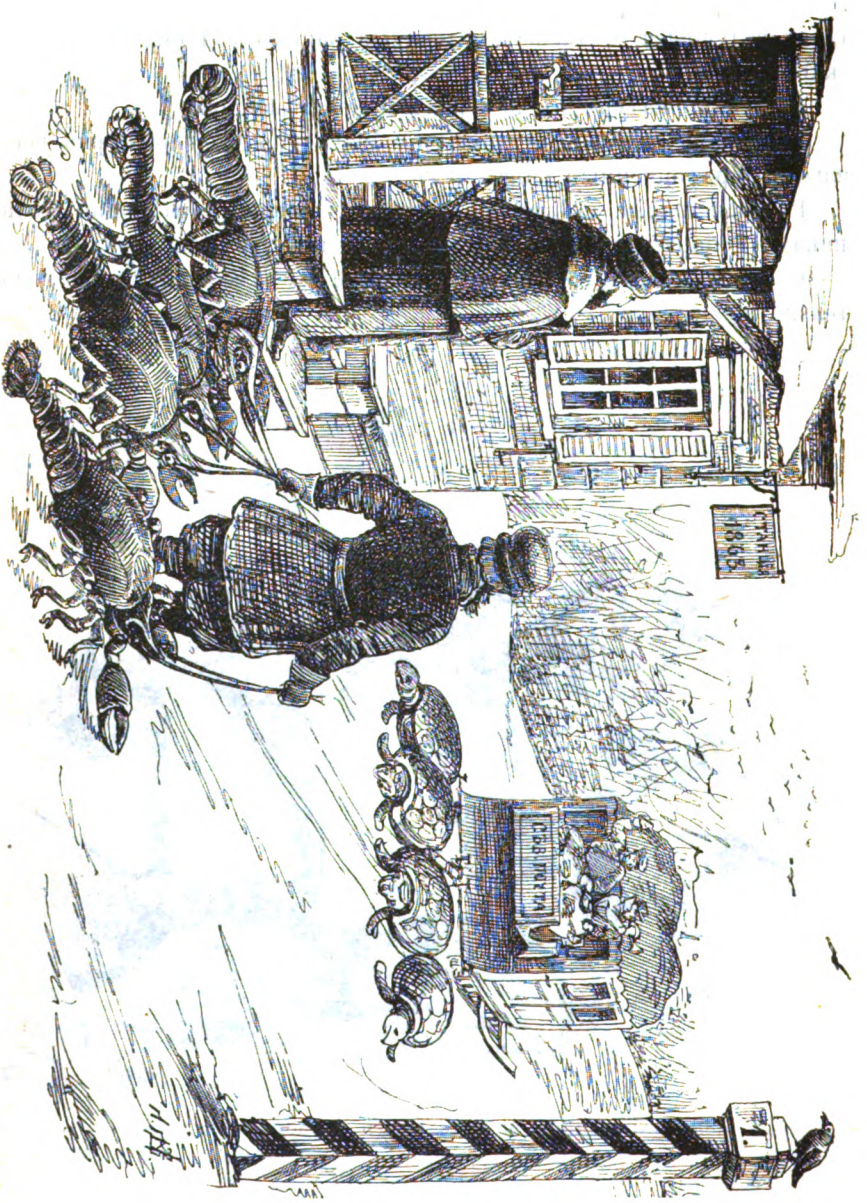
Сила и власть «господина городового» иллюстрированы положительно превосходно.

Сухопутная гонка на гонкѣ рѣчного яхтъ-клуба.
(*Заноза*, 1863 г. № 28).

Несмотря на свои не совсѣмъ либеральныя убѣжденія, *Заноза* при всякомъ удобномъ случаѣ нападала на изданіе «Сѣверной Почты» — газеты министерства внутреннихъ дѣлъ, но не того типа, къ которому

*) „Рус. Стар.“ 1887 г. IX, 624.

принадлежитъ смѣнившій ее «Правительственный Вѣстникъ». «Сѣверная Почта» ставила себѣ цѣлью борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ.



(*Заноза*, 1863 г. № 9).

Если *Искра* назвала органъ гр. Валуева «оффиціально-постепенно либеральной газетой», а *Гудокъ* вставилъ его въ каламбуръ: «какая почта возитъ хуже всѣхъ? Сѣверная» — то *Заноза* прямо обрисовала его карандашомъ.

Дѣйствительно даже съ точки зрѣнія своихъ создателей (гр. Валуева и Никитенка) «Почта» шла черепашьимъ шагомъ съ самаго начала. 1863 годъ — второй — начался уже при новомъ редакторѣ — И. А. Гончаровѣ, нарисованномъ въ ожиданіи подъѣзжающаго дормеза. Рядомъ съ кучеромъ сидитъ трубачъ — это намекъ на широковѣщательныя рекламы «Почты».

Не можетъ быть сомнѣнія, что *Заноза* имѣла серьезный успѣхъ, несмотря на нотки вовсе не прогрессивнаго тона. Покупался онъ, конечно, не всей *Занозой*, какъ органомъ, а отдѣльными ея нумерами, вѣрнѣе, статьями и каррикатурами въ отдѣльныхъ нумерахъ. Стоимость интереснаго приложенія въ 3 руб., очевидно, многихъ побуждала прямо подписаться и, истративъ 4—5 руб. 50 к., имѣть уже гарантію, что ничего мимо рукъ не пройдетъ. Вотъ почему, начавшись съ 3.000 экземпляровъ, *Заноза* съ № 3-го печаталась въ 4.000, съ № 4-го — въ 5.000, а съ памятнаго 9-го — въ 6.000 экз. 1864 годъ началъ при 5.000 подписчикахъ *) и это лучшее доказательство, что разъ послѣ 9-го нумера не было серьезно волновавшихъ общество каррикатуръ, то сама по себѣ *Заноза* не имѣла въ глазахъ читателей особеннаго значенія. Въ началѣ 1864 г., послѣ № 4-го, когда были даны «Разнохарактерные танцы», подписка, вѣроятно, снова увеличилась.

Но цензурныя преграды разочаровывали Розенгейма все больше и больше. По словамъ г. * * *, «Розенгеймъ скоро убѣдился, что мечта его о созданіи русскаго Понча, серьезнаго сатирическаго журнала, неосуществима» **).

«Сатирическій листокъ съ каррикатурами» *Оса* былъ приложеніемъ къ журналу «Якорь», подобно *Гудку*, издававшемуся при «Рус. Мірѣ»; сходство тѣмъ большее, что и издателемъ былъ тотъ же Стелловскій. Выходила *Оса* тоже еженедѣльно и въ томъ же размѣрѣ и объемѣ, что и *Гудокъ*. Вотъ и все ихъ сходство. Затѣмъ идутъ различія гораздо болѣе существенныя. Редактировалъ *Осу* редакторъ «Якоря» Ап. Григорьевъ, сотрудничали въ ней Аверкіевъ, Н. Страховъ, П. П. Сухонинъ (А. Шардинъ); принимали также участіе В. В. Бажановъ (Болгарскій), А. Завалишинъ (Прикамскій). Григорьевъ мало входилъ въ *Осу*, тамъ главенствовалъ Аверкіевъ (Ѳ. Горкіевъ, Невелещагинъ), этотъ рыцарь «мракобѣсія и сикофанства», какъ его назвалъ Писаревъ, этотъ врагъ передовой общественной мысли 60-хъ годовъ. Этого достаточно, чтобы понять, органомъ чего являлась *Оса*.

Сколько-нибудь детально останавливаться на ея содержаніи нѣтъ,

---

*) „Рус. Стар.“ 1887 г. IX, 622.

**) Ibidem, 625.

разумѣется, никакой надобности. Представить себѣ, что тамъ было, легко, зная имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Скажу только, что весь ядъ жала ея былъ направляемъ по адресу, прежде всего, «Русскаго Слова», его сотрудниковъ, издателя, редактора, даже конторскихъ служащихъ. Затѣмъ шли Чернышевскій съ романомъ «Что дѣлать?», «Современникъ», «Искра». Допущеніе женщинъ въ университетъ, воскресныя школы—всѣ эти и другія начинанія свѣтлой общественной мысли осмѣивались съ пѣной у рта.

25-го сентября умеръ Ап. Григорьевъ. Слѣдующій № 37-й редактируетъ уже Н. Шульгинъ, къ которому перешло и право на изданіе «Якоря» и *Осы*. Размѣръ послѣдней сразу увеличивается, подаются надежды, что изданіе перемѣнитъ тонъ, вступаетъ въ редакцію свѣжій элементъ сотрудниковъ и между ними А. К. Шеллеръ (Левъ Звонковъ); Аверкіевъ и «Косица» ее покидаютъ. Въ 1865 году выходитъ соединенный номеръ: №№ 1—2, и на этомъ *Оса* заканчиваетъ свое существованіе *).

Вотъ въ краткихъ чертахъ бѣглое описаніе всѣхъ періодическихъ сатирическихъ изданій, шедшихъ параллельно съ тѣми или другими годами *Искры*, къ подробной исторіи которой мы и приступимъ въ слѣдующей главѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мих. Лемке.

*) Нельзя не отмѣтить, что въ виньеткѣ въ числѣ медальоновъ былъ и портретъ Радищева—это рѣдкость.

ЖУРАВЛИ.

(Изъ М. Конопницкой).

Умирало лѣто; зори
Въ тишинѣ блестѣли.
Надъ пустыннымъ полемъ съ крикомъ
Журавли летѣли.

— Ты прощай, родное поле!
Въ голубомъ просторѣ
Мы летимъ, мы улетаемъ
Въ теплый край за море.

Мы летимъ, мы улетаемъ
Голубой дорогой;
Ты кормить ужъ насъ не будешь,
Полное тревогой.

Ты поить ужъ насъ не будешь
Ключевой водою;
Мы не крикнемъ: «слава солнцу!»
Утренней порою.

Мы не крикнемъ: «слава солнцу!»
Дружно, съ шумомъ смѣлымъ
Не взмахнемъ уже крылами
Мы надъ хлѣбомъ спѣлымъ.

Не взмахнемъ уже крылами
Шумно и широко,
Унося твои напѣвы
Въ небеса высоко.

Гей, покинутое поле!
Изъ чужого края
Жди насъ,—мы къ тебѣ вернемся
Вмѣстѣ съ солнцемъ мая.

Поджидай насъ, поле, глядя
На закатъ блестящій,
Чуть повѣютъ ароматомъ
Лугъ и лѣсъ шумящій.

Поджидай насъ тихимъ утромъ
Съ полнымъ вѣры взглядомъ,
Чуть придетъ весна, блистая
Голубымъ нарядомъ.

А дороги не забудемъ
Въ голубомъ просторѣ,—
Мы по перышку уронимъ
Съ высоты на море.

А дороги не забудемъ
Мы къ отчизнѣ бѣдной,—
По зарѣ ее узнаемъ,
По лазури блѣдной.

По росѣ ее узнаемъ
Утренней порою,
По льняным головкамъ дѣтокъ,
Вскормленныхъ тобою.

Улетаютъ, улетаютъ,
Все быстрѣй несутся...
— Не горюй, родное поле,
Журавли вернутся!

Е. Чернобаевъ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ „НА ДНѢ" ГОРЬКАГО.

Отношеніе петербургской публики къ представленію пьесы.—Отзывы прессы.—Разборъ мнѣнія Н. К. Михайловскаго. — Лука, какъ положительный типъ, несмотря на отрицательное отношеніе автора къ проповѣдуемой имъ теоріи. — „Идейное содержаніе" пьесы.—Параллельные типы къ героямъ г. Горькаго въ описаніи сахалинцевъ г. Дорошевича (Лука и Тихонъ Бѣгоножкинъ).—Характеристика Сатина.—Тезисъ и антитезисъ въ пьесѣ г. Горькаго.—Повторяемость нѣкоторыхъ мотивовъ.— „Прибавки" автора отъ себя не нарушаютъ самостоятельнаго значенія созданныхъ имъ образовъ.—М. Горькій, какъ драматургъ.—Стремленіе приблизиться къ жизненной правдѣ, минуя условную композицію драмы.—Внутренняя связь явленій.—Общественное значеніе пьесы. — Справедливо ли, что г. Горькій исчерпалъ міръ своихъ героевъ? — „Бывшіе люди" и „Отверженные" —Отзывъ Ѳ. М. Достоевскаго.—Заключеніе.

Пріѣздъ артистовъ московскаго художественнаго театра на гастроли въ Петербургъ съ двумя только пьесами—«На днѣ» М. Горькаго и «Дядей Ваней» А. Чехова вызвалъ переоцѣнку пьесы М. Горькаго, переоцѣнку довольно любопытную въ томъ отношеніи, что петербуржцы, словно по уговору, говорили и писали «напротивъ» того, что было высказано объ этомъ произведеніи, при постановкѣ его на московской сценѣ. Доходило до того, что въ однихъ и тѣхъ же органахъ петербургской прессы появились разнорѣчивые отзывы—московскихъ корреспондентовъ и петербургскихъ «очевидцевъ»; усматривалось колебаніе даже у видѣвшихъ пьесу тамъ и здѣсь, какъ будто въ самомъ дѣлѣ «атмосфера» играла какую-то роль въ настроеніи зрителей; какъ будто съ другой стороны Москва и Петербургъ—двѣ столь различныя аудиторіи, что можно говорить о двухъ разныхъ «вкусахъ» москвичей и петербуржцевъ. Впрочемъ, до извѣстной степени разница между требованіями и вкусами у тѣхъ и другихъ есть, и примѣры различной оцѣнки бывали и прежде: если не ошибаемся, «Евгеній Онѣгинъ» Чайковскаго получилъ первое признаніе въ Москвѣ, а петербуржцамъ эта опера сперва не понравилась. Однако, вскорѣ единодушіе «признанія» было возстановлено. «Мѣщане» Горькаго имѣли вначалѣ бо̀льшій успѣхъ въ Петербургѣ, чѣмъ въ Москвѣ. Съ пьесой «На днѣ» случилось наоборотъ: будемъ надѣяться, что произойдетъ со временемъ и тутъ соглашеніе мнѣній въ пользу произведенія, которое не только въ Москвѣ, но, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, и въ Германіи пользовалось выдающимся успѣхомъ и привлекло къ себѣ общее вниманіе.

Талантъ автора и оригинальность его пріемовъ композиціи стоятъ внѣ

сомнѣній. Спорными представляются только нѣкоторыя стороны его дарованія, вопросъ — обладаетъ ли онъ качествами настоящаго драматурга, и затѣмъ остается нѣсколько неясныхъ пунктовъ въ самомъ произведеніи, поддающихся различнымъ толкованіямъ. Въ свое время (см. «Міръ Божій», январь) мы высказались подъ впечатлѣніемъ перваго представленія въ Москвѣ, которое внѣ всякаго сомнѣнія было настоящимъ тріумфомъ автора и артистовъ, и успѣхъ пьесы длился непрерывно въ теченіе всего зимняго сезона въ Москвѣ. Мы не останавливались въ первой нашей замѣткѣ на анализѣ общаго идейнаго содержанія пьесы и многихъ ея частностей, что представлялось затруднительнымъ, не имѣя текста въ рукахъ. Здѣсь же пьесу читали и комментировали, раньше чѣмъ ее видѣть на сценѣ. Быть можетъ, и это даже весьма вѣроятно, ожиданія петербуржцевъ были чрезмѣрны, что и повліяло неблагопріятнымъ образомъ на впечатлѣніе отъ спектакля, отъ котораго ожидались какія-то необыкновенныя откровенія, даже послѣ прочтенія пьесы, и чрезмѣрность ожиданій вызвала нѣкоторое разочарованіе. Окончательная оцѣнка пьесы, на нашъ взглядъ, до сихъ поръ еще не сдѣлана и, можетъ быть, не такъ скоро еще будетъ установлена. Во всякомъ случаѣ, считаемъ умѣстнымъ остановиться на нѣкоторыхъ пунктахъ, представляющихся наиболѣе спорными въ произведеніи, за которымъ мы продолжаемъ признавать весьма выдающееся значеніе.

Прислушаемся сперва къ нѣкоторымъ отзывамъ въ петербургской прессѣ: «Въ «Днѣ» нѣтъ общей мысли, нѣтъ идеи, — сказалъ П. И. Вейнбергъ (см. «Новости», № 98).—Драма кончается и все остается по старому, герои продолжаютъ пить и сражаться въ свои засаленныя карты, философствовать и дѣлать гадости...» Минуемъ другіе болѣе рѣзкіе отзывы маститаго литератора, за неувѣренностью въ точности ихъ воспроизведенія «интервьюеромъ». «Наборъ сценъ безъ связи, смысла и общей идеи»—высказался г. Минскій (ibid., № 99). «Безъ всякаго развитія драматическаго дѣйствія, безъ всякой психологической послѣдовательности, вдругъ, ни съ того, ни съ сего обвариваютъ Наташу кипяткомъ» и т. д. Н. К. Михайловскій, не только черезъ посредство интервьюера, но уже самъ отъ себя пишетъ (см. «Русское Богатство», апрѣль), что г. Горькій «сдѣлалъ ложный шагъ, ступивъ на поприще драматурга». Онъ повторяетъ уже использованные имъ типы и мотивы; онъ по темпераменту больше публицистъ, чѣмъ художникъ; однако, въ настоящемъ произведеніи слишкомъ много не только недоговореннаго, но и недодуманнаго, такъ что получается общее впечатлѣніе какой-то неясности.

«Лука наговорилъ много, а сдѣлалъ только одно дѣло: облегчилъ смерть Анны. Весь мракъ и грязь жизни «На днѣ» какъ былъ до него, такъ и остался послѣ его ухода и даже усугубился». Почтенный критикъ напоминаетъ, какъ «всѣ навѣянные Лукой золотые сны пошли прахомъ, и ничему его «вранье» не помогло». Мы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ прочли эти строки, безъ всякаго дальнѣйшаго вывода изъ сдѣланнаго замѣчанія, какъ будто критикъ почелъ бы себя удовлетвореннымъ, если бы «вранье» Луки помогло, и тогда пьеса получила бы общій смыслъ и авторъ выказалъ бы достаточную «додуманность»... Конечно, мы не вѣримъ, чтобы Н. К. Михай-

ловскій это думалъ на самомъ дѣлѣ, но почему же онъ остановился на полусловѣ? При всемъ его отрицательномъ и, съ нашей точки зрѣнія, неправильномъ отношеніи къ произведенію г. Горькаго, Н. К. Михайловскій все же весьма близко подошелъ къ опредѣленію «идейнаго содержанія» пьесы, но не довелъ его до конца, не формулировалъ выводовъ, которые, однако, казалось, напрашивались сами собой. Мы не будемъ перечислять и приводить всѣ разнорѣчивыя сужденія въ повременной прессѣ,—имъ имя легіонъ,—которыя были высказаны за послѣднее время по поводу «Дна»: достаточно приведенныхъ примѣровъ, чтобы прямо перейти къ главнымъ вопросамъ, возбужденнымъ пьесой.

Во-1-хъ, справедливо ли, что въ сценахъ г. Горькаго нѣтъ ни связи, ни общей идеи? Какую роль играетъ въ ней «старецъ Лука», котораго то стремятся сблизить съ Акимомъ (мы уже въ прошлой замѣткѣ указали въ чемъ различіе обоихъ типовъ), то, съ легкой руки Василія Пепла, величаютъ «лукавымъ старцемъ», а согласно отзыву Клеща, дѣлаютъ изъ него какого-то правдо-ненавистника? Луку принимали то за положительный, то за отрицательный типъ, а Н. К. Михайловскій затрудняется уловить настоящее намѣреніе автора, все-таки замѣтивъ, что, по его мнѣнію, скорѣе «въ Сатинѣ, чѣмъ въ Лукѣ, слѣдуетъ признать положительный типъ въ смыслѣ выразителя собственныхъ взглядовъ автора» (103). Въ этомъ отношеніи, если довѣрять сообщеніямъ газетъ о личныхъ отзывахъ автора, г. Михайловскій, кажется, правъ; но «положительный типъ» вѣдь опредѣляется не только его ролью «выразителя собственныхъ взглядовъ автора»: послѣдній можетъ и иначе мыслить, чѣмъ выставляемое имъ дѣйствующее лицо, которое все-таки останется съ чертами положительнаго типа, если положительныя черты присущи его натурѣ.

Въ образѣ Луки есть, дѣйствительно, нѣкоторая двойственность, которая объясняется на нашъ взглядъ, тѣмъ, что авторъ, какъ художникъ, задумалъ и вѣрно воспроизвелъ интересный, вполнѣ реальный и, въ общемъ, симпатичный типъ, уже обозначенный намъ «искателемъ правды» изъ народа, типъ человѣка, весьма чуткаго къ запросамъ совѣсти, любящаго и жалостливаго, обладающаго даромъ проникать въ сердца людей и глубоко имъ сочувствовать, но, какъ «публицистъ» (пользуемся терминомъ въ томъ значеніи, которое имѣлъ въ виду Н. К. Михайловскій, примѣнивъ его къ г. Горькому), авторъ съ нимъ не согласенъ и старается довести теорію Луки—«жизненной правды сердца», отличной отъ общей правды an und für sich, до крайности, чтобы показать ея несостоятельность. Сатинъ, конечно, ближе воспроизводитъ собственные взгляды автора и съ этой точки зрѣнія можетъ съ большимъ правомъ претендовать — не столько, впрочемъ, на обозначеніе «положительнаго типа», какъ на роль резонера пьесы. Но конечныхъ выводовъ «морали» Сатина мы не улавливаемъ. Впрочемъ, ниже мы еще вернемся къ Сатину. Лука же, это всячески живое лицо и типичный представитель народнаго сектанства, хотя фигура нѣсколько испорчена приписанными дѣйствующему лицу пьесы крайностями теоріи, которую, повидимому, хотѣлъ изобличить авторъ-публицистъ.

Основными положеніями Луки-миротворца и печальника о страданіяхъ людскихъ, являются высказываемыя имъ соображенія, что «человѣка приласкать никогда не вредно», что «правда не всегда по недугу человѣку... не всегда правдой душу вылечишь», что «во-время человѣка пожалѣть хорошо бываетъ» и т. п. Отсюда его «жалость» къ людямъ и цѣлый рядъ поступковъ, подсказанныхъ этимъ чувствомъ сострадания къ людскому горю. Однако, если, именно жалѣя людей, Лука допускаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится отступать отъ той правды, которая «не по недугу человѣку», то спрашивается: самъ-то онъ, дѣйствительно ли не любитъ правды и гдѣ остановиться въ этихъ отклоненіяхъ отъ нея? Правильна ли, допустима ли какъ общій, руководящій принципъ жизни, — «теорія жалости» и къ какимъ результатамъ она приводитъ? Въ первой половинѣ пьесы мы видимъ примѣненіе принципа, что «во-время пожалѣть человѣка хорошо бываетъ»; въ двухъ послѣднихъ актахъ — опроверженіе даннаго взгляда, обличеніе несостоятельности «теоріи жалости», какъ средства *исправлять жизнь*. Такъ объясняется, на нашъ взглядъ, странное лишь на первый взглядъ явленіе, на которое было сдѣлано нѣсколько указаній, что Лука, который, казалось по первоначалу, долженъ былъ играть роль какого-то всеобщаго утѣшителя и спасителя, въ сущности, ухудшаетъ (за исключеніемъ Анны и перваго раза, когда онъ помѣшалъ убійству Костылева) положеніе тѣхъ лицъ, которымъ онъ желалъ помочь. Что же изъ этого, однако, слѣдуетъ? Отнюдь не выводъ, что Лука— отрицательный типъ, что онъ на самомъ дѣлѣ лишь—«старецъ лукавый» (такая игра словъ умѣстна лишь въ устахъ Васьки Пепла), а только то, что авторъ считаетъ «теорію жалости» ошибочной и хотѣлъ представить наглядный примѣръ ея несостоятельности. Но изъ ошибочности теоріи (допустимъ это пока) не вытекаетъ обличеніе лица, выступающаго ея сторонникомъ. Лука «хитроуменъ», какъ вѣрно обозначилъ его и Н. К. Михайловскій, но отнюдь не «лукавъ» въ настоящемъ смыслѣ слова. Мало того: онъ самъ отнюдь не «правдоненавистникъ», а напротивъ жаждетъ правды и вѣритъ въ нее. Пока онъ еще не знаетъ, въ чемъ правда, однако, собирается за ней «въ хохлы»:

«Слыхалъ я — открыли тамъ новую вѣру... поглядѣть надо... да! Все ищутъ люди, все хотятъ—какъ лучше... дай имъ, Господи, терпѣнья!» И на вопросъ Пепла—«какъ думаешь... найдутъ?»—Лука отвѣчаетъ: «люди-то? Они найдутъ! *Кто ищетъ—найдетъ... Кто крѣпко хочетъ—найдетъ*!» Это мѣсто достаточно характерно для Луки, чтобы опредѣлить его основную черту, главное отличительное свойство его индивидуальности. Вѣдь если бы онъ на самомъ дѣлѣ мирился съ «ложью», какъ крайній пессимистъ, извѣрившійся въ возможность открыть «истинную», спасительную правду, то что же могло побудить его искать «новой вѣры» и быть убѣжденнымъ, что «кто ищетъ— найдетъ?» Но эта «новая вѣра» должна быть «для ума», т.-е. удовлетворять умственнымъ запросамъ искателя правды, а пока онъ довольствуется правдой сердца, указаніямъ котораго онъ слѣдуетъ неотступно.

Н. К. Михайловскій назвалъ отвѣтъ Луки на вопросъ Пепла: «Богъ есть?»

кощунственно—уклончивымъ: «коли вѣришь, есть; не вѣришь, нѣтъ. Во что вѣришь, то и есть». Однако, можно посмотрѣть на этотъ отвѣтъ и съ другой точки зрѣнія, не прибѣгая къ столь «страшнымъ» эпитетамъ, а вспомнивъ правильное замѣчаніе того же Луки, что «не въ словѣ дѣло, а почему слово говорится». Въ самомъ дѣлѣ, первый выводъ изъ отвѣта Луки тотъ, что каждый носитъ Бога въ своемъ сердцѣ, и если не чувствуешь его въ себѣ самомъ, то безполезно спорить объ его объективномъ существованіи. Вѣдь *доказывать* существованіе Бога нельзя, если не возвращаться къ наивнымъ и давно осужденнымъ пріемамъ схоластической науки. Въ Бога можно только вѣрить или не невѣрить, поэтому, съ индивидуальной точки зрѣнія, Лука отвѣтилъ вполнѣ правильно: «во что вѣришь, то и есть». Помнится, когда-то Н. К. Михайловскій написалъ слѣдующія строки: «нѣтъ абсолютной истины, есть только истина для человѣка, и за предѣлами человѣческой природы нѣтъ истины для человѣка («Соч.», I, 105). Но такая «истина для человѣка» и составляетъ область его вѣры, согласно его разумѣнію; это и есть признаніе лишь того, во что вѣришь, что усвоилъ. Почему же теперь отвѣтъ Луки, передающій лишь въ болѣе наивной, простой формѣ положеніе, которое является основнымъ въ ученіи индивидуалистовъ, представился уважаемому критику «кощунственнымъ?» Намъ это не вполнѣ ясно. А какъ пріемъ убѣжденія, на почвѣ чисто психологической, отвѣтъ Луки гораздо внушительнѣе, чѣмъ еслибы онъ пустился въ споръ съ Василіемъ о существованіи Бога, на основаніи текстовъ св. Писанія или правилъ катехизиса, котораго онъ могъ и не знать. «Ищи въ себѣ самомъ Бога, а не спрашивай у людей; во что вѣришь, то и есть, но нельзя жить безъ вѣры, научись создавать ее себѣ»—таковъ смыслъ отвѣта Луки, въ которомъ мы не усматриваемъ ни кощунства, ни лукавства. И опять-таки, если бы Лука стоялъ на точкѣ зрѣнія безразличія скептиковъ, думалъ, что въ самомъ дѣлѣ все-равно, во что и какъ вѣрить, «а не вѣришь, такъ нѣтъ ничего», то онъ не высказывалъ бы вслѣдъ за тѣмъ убѣжденія, даже увѣренности, что именно ищущіе—обретутъ.

По поводу нашего толкованія типа Луки мы слышали возраженіе, что личность этого старца недостаточно ясно обрисована авторомъ въ пьесѣ, что нѣтъ опредѣленныхъ указаній о его прошломъ (фраза о томъ, что онъ «бабъ-то, можетъ, больше зналъ, чѣмъ волосъ на головѣ было», выступаетъ какъ-то внезапно, для краснаго словца. Хотя почемъ знать?—съ молоду всяко бываетъ и у людей, пріявшихъ потомъ святую жизнь), что не видно, почему онъ былъ въ Сибирѣ и въ какомъ положеніи онъ тамъ жилъ и т. п. Намъ кажется, однако, спроста ни въ Сибирь, ни изъ Сибири, особенно безъ паспорта, люди не ходятъ и у автора могли быть основанія, почему онъ не далъ болѣе ясныхъ указаній о прошломъ Луки. И все-таки каково бы ни было его прошлое, мы видимъ въ немъ типичное выраженіе русскаго сектантства, которое, какъ извѣстно, выразилось въ двухъ различныхъ формахъ: съ одной стороны, мы знаемъ сектантовъ-фанатиковъ, убѣжденныхъ въ томъ, что ихъ вѣра настоящая, самая правильная; съ другой—есть сектанты искатели, которые не успокоиваются на данныхъ формахъ, а стремятся къ такой вѣрѣ,

которая отвѣчала бы ихъ запросамъ и чаяніямъ, удовлетворяла бы ихъ по разумѣнію. Мы уже ссылались въ прошлый разъ на нѣкоторыя данныя въ очеркахъ Вл. Г. Короленко. Отмѣтимъ кстати, что оба типа указаны и въ описаніи «Сахалина» г. Дорошевича. Лука не подходитъ къ типу Галактіонова, очерченнаго г. Дорошевичемъ, но весьма близокъ къ другому сектанту, тоже сосланному за «вѣру», Тихону Бѣлоножкину. Этотъ «Тихонъ Бѣлоножкинъ,— пишетъ г. Дорошевичъ,—еще дома, въ Воронежской губерніи, сокрушался, что кругомъ никто «по-божески» не живетъ, и искалъ такой вѣры, чтобы «не только съ мертвыми ходили цѣловаться, а и съ живыми цѣловались; а то съ мертвыми-то прощаются, а живымъ не прощаютъ».

Именно это стремленіе, образно переданное словами: «съ живыми цѣловаться», весьма близко той человѣческой религіи, которую проповѣдуетъ и Лука. «За что покойниковъ любить?—говоритъ онъ, между прочимъ, Пеплу. Любить живыхъ надо... живыхъ». «Попалось подъ руки Тихону молоканство,— продолжаетъ г. Дорошевичъ,—онъ и принялъ молоканство. Но къ прибытію на Сахалинъ Тихонъ Бѣлоножкинъ и въ молоканствѣ разочаровался: «Не то это все. Не настоящее». Не такъ же ли думаетъ Лука, отправляясь «въ хохлы»? Мы, конечно, не отожествляемъ очерченный г. Горькимъ типъ съ опредѣленными мучениками «за вѣру» или за свои поиски настоящей вѣры,—поиски, которые привели упомянутаго Тихона Бѣлоножкина на Сахалинъ, но считаемъ себя въ правѣ предположить, что не со вчерашняго дня въ немъ родилось стремленіе уяснить себѣ смыслъ жизни и отыскать такую вѣру, которая научила бы людей, «какъ лучше». И «хитроуміе» Луки вполнѣ подходитъ къ характеру типа сектанта, ищущаго своей правды и уже много испытавшаго на своемъ вѣку всякихъ мытарствъ. Быть можетъ, порою не только находчивость, но и нѣкоторая уклончивость его отвѣтовъ— результатъ горькаго опыта жизни.

Остается вопросъ о внезапномъ исчезновеніи Луки въ такой моментъ когда, казалось, онъ особенно былъ нуженъ, чтобы предотвратить катастрофу. Но развѣ онъ на самомъ дѣлѣ могъ ее предотвратить? Допустимъ, что автору понадобилось «убрать» Луку для своихъ цѣлей, т.-е., чтобы показать, что вся «жалость» нисколько не помогла, а скорѣе повредила тѣмъ, которыхъ «жалѣли», навѣвая имъ «золотые сны»: соотвѣтствовалъ ли такой пріемъ характеру самого Луки? Г. Сутугинъ, въ своихъ «Разговорахъ о На днѣ» (см. «Театръ и Искусство», № 13), по поводу этой сцены замѣчаетъ, что «дѣйствія Луки съ Пепломъ выразились въ безтолковой и гибельной для послѣдняго «суетѣ»: онъ умолялъ всѣхъ позвать скорѣе Василія (Пепла)—«позвать бы Васю-то»... Позвали, и онъ убилъ Костылева». Стало быть, онъ какъ бы самъ натолкнулъ Василія на убійство. Да и, вообще, если бы Лука по настоящему жалѣлъ людей, ушелъ ли бы онъ въ такой критическій моментъ? А почему же нѣтъ, разъ ему было приказано еще раньше хозяиномъ ночлежки скорѣе убраться, подъ угрозой иначе прибѣгнуть къ содѣйствію полиціи, (а Лука, несмотря на его уклончивые отвѣты, конечно, былъ безпаспортнымъ)? Услышавъ о новой дракѣ между сестрами, онъ естественно могъ подумать, что это такая же ссора, какихъ онъ много разъ уже былъ свидѣтелемъ. Теперь, счи-

тая, что въ Василіѣ Наташа имѣетъ какъ бы законнаго заступника, такъ какъ только что произошла ихъ помолвка, при его же содѣйствіи, Лука могъ самъ повѣрить въ то, что онъ совѣтовалъ исполнить, и счелъ свое дальнѣйшее пребываніе излишнимъ. Онъ, конечно, назвалъ Василія, увѣренный въ его заступничествѣ, а самъ ушелъ, чтобы не раздражать хозяевъ своимъ присутствіемъ; Лука, со своей точки зрѣнія, не могъ предугадать дальнѣйшаго.

Такимъ образомъ, уходъ Луки намъ кажется достаточно обоснованнымъ и вызываетъ онъ неудовольствіе только у тѣхъ, которымъ хотѣлось бы, чтобы Лука на самомъ дѣлѣ сыгралъ роль нѣкотораго провидѣнія въ устроеніи жизни «ночлежниковъ». Вмѣсто драмы мы имѣли бы мелодраму сомнительнаго достоинства.

Но правъ ли авторъ въ своемъ антитезисѣ? Умѣстно ли въ художественномъ произведеніи подвергать обсужденію отвлеченный, теоретическій вопросъ и какова положительная сторона его программы?

Положительная сторона въ пьесѣ г. Горькаго въ смыслѣ изложенія какой-нибудь личной идеи, симпатичной автору, очерчена всего слабѣе. Есть попытка новой группировки дѣйствующихъ лицъ въ концѣ драмы,—перевѣсъ данъ свободолюбивымъ и независимымъ личностямъ, къ которымъ нужно причислить и Квашню, новую хозяйку ночлежки; есть велерѣчивыя разсужденія Сатина о свободѣ человѣка, о томъ, что такое человѣкъ вообще, что онъ выше «сытости», и что не слѣдуетъ унижать человѣка жалостью и т. д. Клещъ какъ бы формулируетъ разницу въ воззрѣніяхъ и въ отношеніи къ людямъ между Лукой и Сатинымъ замѣчаніемъ, что Сатинъ «не то, что пожалѣть можетъ, а не умѣетъ обижать». Послѣднее свойство чисто пассивное, а жалость активна. Реакція противъ старика обусловлена тѣмъ, что онъ «поманилъ куда-то... а самъ дорогу не сказалъ». Однако, на замѣчаніе Клеща, что старикъ правды не любилъ, «очень противъ правды возставалъ», Сатинъ же возражаетъ: «Старикъ—не шарлатанъ! Что такое правда? Человѣкъ—вотъ правда! Онъ это понималъ», и въ этомъ толкованіи Сатинъ, повидимому, вполнѣ солидаренъ съ Лукой. Итакъ, нѣтъ рѣзкой противоположности, за исключеніемъ вопроса о «жалости», между направленіемъ Сатина и практической моралью Луки. Есть только общее сознаніе неудовлетворенности предлагаемыхъ имъ средствъ спасенія, или исправленія жизни. Лука «для многихъ былъ лишь, какъ мякишъ для беззубыхъ»—говоритъ Сатинъ; «какъ пластырь для нарывовъ»—дополняетъ баронъ. Этими и однородными замѣчаніями, а главное—трагической развязкой судьбы актера, Наташи, Пепла и др., не взирая на участливое отношеніе къ нимъ Луки, подчеркивается недостаточность «теоріи жалости». Авторъ, конечно, правъ: *одною* жалостью жизнь не исправишь, а все-таки «человѣкъ человѣка добру научить можетъ». Что нужно еще другого? Но вѣдь художественное произведеніе не есть трактатъ о мѣрахъ исправленія несовершенствъ жизни: авторъ не высказывается и не могъ высказаться вполнѣ опредѣленно за тотъ или другой способъ практической дѣятельности; онъ только указалъ съ двухъ сторонъ на значеніе одного принципа, основаннаго на чувствѣ состраданія къ людямъ, именно представилъ его въ положительномъ и отрица-

тельномъ освѣщеніи, далъ намъ лицевую и оборотную сторону медали и больше съ него мы требовать не въ правѣ. Художникъ ставитъ вопросъ, а рѣшеніе его принадлежитъ уже другимъ—философамъ, моралистамъ, теоретикамъ, каждому, желающему выработать себѣ ясное представленіе объ основныхъ принципахъ жизни и дѣятельности. Произведенія искусства могутъ служить матеріаломъ для рѣшенія такихъ проблемъ, но отнюдь не должны представлять готовые рецепты. И г. Горькій, мудро воздержался отъ «рецепта». Выводы предоставлены читателямъ и зрителямъ, и какими бы они ни представились индивидуальному сознанію каждаго, при вдумчивомъ отношеніи къ содержанію пьесы, нельзя отказать ни въ глубинѣ, ни въ ширинѣ захвата поставленнаго вопроса, одного изъ самыхъ жгучихъ, основныхъ въ человѣческой дѣятельности—какъ относиться къ ближнимъ, сочувствуя имъ, но не принижая «жалостью», которая умѣстна только при любви, требуетъ особой осмотрительности, сердечной чуткости въ отношеніяхъ сильнѣйшаго къ болѣе слабому, и въ то же время не можетъ стать универсальнымъ средствомъ «исправленія жизни». Жалость есть то же, что благотворительность въ общественной организаціи: палліативъ необходимый, за отсутствіемъ другихъ мѣръ излеченія; но идеальное общество, конечно, не можетъ быть основано на принципѣ благотворительности и точно также нормальный, независимый человѣкъ нуждается не въ жалости, а только въ любви и сочувствіи.

Однако, пока мы очень далеки отъ всякаго идеала въ практическомъ его воплощеніи, пусть будутъ—и благотворительность, и «жалость», пусть человѣка добру научаютъ и внушаютъ ему, что «для лучшаго люди-то живутъ», что, какъ ни густы сумерки вокругъ насъ, «а все-таки... все-таки... впереди огни». Эта вѣра такъ же необходима, какъ и истинна. Смотря на какую почву сѣмя упадетъ: иной алкоголикъ и взаправду попадаетъ въ лечебницу, гдѣ вылечится отъ запоя; иной—дурной жизни человѣкъ, котораго испортили грубымъ къ нему отношеніемъ, можетъ и въ самомъ дѣлѣ выбраться на лучшій путь, если къ нему будутъ относиться съ довѣріемъ и помогутъ побѣдить въ самомъ себѣ пагубныя наклонности и т. д., и т. д. Все это «возможности», которыми брезгать нельзя. «Хитроумный» Лука отнюдь не лжепророкъ, а большой сердцевѣдъ, умѣющій глубоко проникать въ души людскія и заронить въ нихъ искру живительной вѣры. Если не всегда онъ въ состояніи, поманивъ, одновременно и «пути указать», то вѣдь, не забудемъ, самъ онъ тоже человѣкъ темный, убогій странникъ, безпаспортный бродяга, искатель, но, и блуждая средь потемковъ, онъ силенъ не столько своей проповѣдью въ практическомъ ея примѣненіи, какъ именно вѣрой, что «кто ищетъ—найдетъ!» Онъ и побуждаетъ, прежде всего, искать—въ чемъ правда, и какая правда «по недугу» человѣку.

Типъ Луки, быть можетъ, типъ переходнаго времени. Но кто можетъ утверждать, что мы достигнемъ настоящей правды и будемъ обходиться безъ дальнѣйшихъ «исканій»? Несмотря на крайности нѣкоторыхъ выводовъ Луки по пути этихъ исканій, несмотря на то, что авторъ, повидимому, ему не вполнѣ сочувствуетъ, мы все-таки усматриваемъ въ этомъ образѣ положитель-

ный типъ и вѣримъ, что ему принадлежитъ будущее. Къ тому же онъ очерченъ вполнѣ жизненно, реально, соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ типамъ въ жизни и является новымъ лицомъ въ нашей художественной литературѣ.

Что касается Сатина, то образъ этотъ, какъ уже было нами замѣчено, менѣе удался автору. Бывшій каторжникъ, опустившійся «на дно», онъ философствуетъ и жульничаетъ, жульничаетъ и философствуетъ, подъ конецъ какъ бы верховодитъ ночлежниками, но образъ его двоится, троится до неуловимости. Судился онъ за убійство оскорбителя чести своей сестры. Параллельный случай мы имѣемъ и въ упомянутыхъ очеркахъ г. Дорошевича, который разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ такимъ «Валентиномъ» на каторгѣ: сосланный на Сахалинъ за убійство, онъ, оказывается, сталъ убійцей, мстя за поруганную честь сестры и не захотѣлъ оправдываться на судѣ, чтобы не оглашать позора дѣвушки. На каторгѣ онъ уже сталъ форменнымъ жуликомъ и обвинялся неоднократно въ поддѣлкѣ и сбытѣ документовъ. «Первый-то разъ я по принужденію сдѣлалъ,—разсказываетъ онъ посѣтителю,—а дальше... дальше ужъ пошелъ. Три документа за вытертую, старую бобровую шапку краденую сдѣлалъ...» «Какъ они падаютъ!—восклицаетъ при этомъ авторъ.—Быстро. Перпендикулярно. Идутъ, какъ топоръ ко дну. Черезъ годъ, черезъ два, вы даже по внѣшности не узнаете, что передъ вами существо, у котораго на груди можно повѣсить надпись: «здѣсь когда-то жилъ интеллигентный человѣкъ». Сравнивая съ этимъ «Валентиномъ» имѣвшаго одинаковую съ нимъ судьбу Сатина, мы съ трудомъ представляемъ себѣ въ его устахъ афоризмы въ родѣ того, что «человѣкъ—это звучитъ гордо! Человѣкъ—это великолѣпно» и т. п. Конечно, случаи могутъ быть разные, но мы пожелали бы большей убѣдительности типа и большей ясности въ его обрисовкѣ.

Автору поставили въ упрекъ повторяемость нѣкоторыхъ мотивовъ въ этой пьесѣ, сравнительно съ сюжетами въ его прежнихъ очеркахъ, а также то, что онъ по временамъ самъ говоритъ устами своихъ героевъ, высказываетъ вещи «отъ себя», что не всегда вяжется съ объективной правдой образа. Повторяемость мотивовъ (въ общемъ, все же весьма незначительная) и даже нѣкоторыхъ психологическихъ чертъ не можетъ служить обвиненіемъ противъ автора, который, избравъ новую форму творчества, использовалъ кое-что изъ раньше имъ созданнаго. Общій замыселъ пьесы и цѣлый рядъ дѣйствующихъ лицъ (баронъ, актеръ, Бубновъ, Яшка, семья Костылевыхъ и т. д.), во всякомъ случаѣ, даетъ новое, хотя мы встрѣчаемся опять съ «бывшими людьми». Нѣкоторая повторяемость при описаніи однородной среды неизбѣжна, какъ повторяются «Титъ - Титовичи» и свахи въ пьесахъ изъ купеческаго быта Островскаго, какъ однородна характеристика духовныхъ лицъ въ произведеніяхъ Лѣскова, какъ повторяются «мелкіе люди» въ разсказахъ г-на Альбова, какъ... но излишне продолжать: примѣры повторяемости встрѣчаются и у просто талантливыхъ и у великихъ писателей, такъ какъ естественно, что каждый писатель, ближе всего изучившій, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, извѣстный слой общества, по преимуществу останавливается на нѣкоторыхъ чертахъ, особенно поразившихъ его, пользуется пріемами письма,

свойственными ему по преимуществу. Разнообразятся положенія, детали; новое сказывается въ замыслѣ цѣлаго, но матеріалъ обработки можетъ быть кое въ чемъ и прежній. Развѣ мы не видимъ у живописцевъ,—и первоклассныхъ—повтореніе нѣкоторыхъ фигуръ, какого-нибудь поворота тѣла (напр., наклонъ шеи у Гвидо Рени), устойчивость облюбованнаго типа въ цѣломъ рядѣ картинъ? Повтореніе лишь тогда предосудительно, когда художникъ или писатель какъ бы списываетъ у самого себя: ничего подобнаго въ пьесѣ г. Горькаго нѣтъ и никакія «хрестоматіи» не могутъ убѣдить насъ въ противномъ.

Что касается упрека въ томъ, что авторъ вкладываетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ своей драмы замѣчанія «отъ себя», то съ подобнаго рода обвиненіями необходима большая осмотрительность, иначе они представляются голословными, а порою свидѣтельствуютъ о неправильномъ усвоеніи даннаго авторомъ образа. Н. К. Михайловскій указалъ на неумѣстность слѣдующаго замѣчанія татарина, строгаго блюстителя Корана и «законника»: «Магометъ далъ коранъ,—говоритъ татаринъ,—сказалъ: вотъ законъ! Дѣлай, какъ написано тутъ! Потомъ *придетъ время,—коранъ будетъ мало... время дастъ свой законъ, новый... Всякое время даетъ свой законъ* (курсивъ г. Михайловскаго)». «Это, конечно, слова не вѣрующаго мусульманина, а самого г. Горькаго,—замѣчаетъ г. Михайловскій,—слова, выдѣляющіяся изъ рѣчи татарина, какъ заплатка совсѣмъ другого цвѣта. Подобныя заплаты занимаютъ у г. Горькаго иногда цѣлыя страницы, цѣлые ряды страницъ» и т. д. (l. c., 98). Напрасно уважаемый критикъ такъ спѣшитъ съ обобщеніями, не справившись, какъ возникла эта «заплата» и дѣйствительно ли она такъ неумѣстна? Дѣло въ томъ, что въ самомъ Коранѣ есть мѣста, которыя не только вполнѣ оправдываютъ автора въ томъ, что онъ приписалъ татарину приведенныя фразы, но послѣднее выраженіе татарина почти буквально воспроизводитъ текстъ Корана: «*На всякое время своя священная книга*» (гл. XIV «Громъ», стихъ 38) *). Замѣчаніе татарина, въ общемъ, кажется противорѣчивымъ тому духу религіозной нетерпимости, который мы привыкли связывать съ нашими представленіями объ исламѣ, какъ историческомъ явленіи. Однако, этой нетерпимости на самомъ дѣлѣ уже давно нѣтъ у нашихъ мусульманъ и непосредственное знакомство съ текстомъ Корана, который заучивается всѣми «правовѣрными», могло привести и къ иному пониманію взаимоотношенія разныхъ религій настоящихъ и будущихъ. Въ самомъ дѣлѣ и въ Коранѣ неоднократно Магометъ, устанавливая свое отношеніе къ прежнимъ вѣроученіямъ, которое магометанство восприняло, выражается настолько обще, что въ индивидуальномъ толкованіи какого-нибудь начетчика его слова могутъ получить и иное значеніе, именно—въ указанномъ г. Горькимъ смыслѣ. «*Всякій народъ имѣлъ своего пророка*,—читаемъ мы въ книгѣ Іона (Коранъ, l. c., стр. 150, ст. 48); когда пророкъ являлся также и къ нимъ, то споръ былъ рѣшаемъ справедливо и они не будутъ судимы неправедно». «*Для всякаго народа мы установили обычай...*»

*) Цитуемъ по переводу Корана Магомета г. Николаева (Москва, 1865), за неимѣніемъ подъ рукой другого перевода (стр. 178, ст. 38).

«Если тебя обвинятъ въ обманѣ, о Магоммедъ! Размысли, что до нихъ народы Ноя, Ада, Темуда, Авраама, Лота, Медіонитяне обвиняли своихъ пророковъ въ томъ же. Моисей тоже былъ сочтенъ обманщикомъ» (1. с., стр. 242, ст. 43). «*Мы постепенно посылали апостоловъ*. Каждый разъ, какъ посылаемый являлся передъ народомъ, этотъ считалъ его за обманщика *Мы повелѣвали одному народу наслѣдовать другому*» (стр. 248, ст. 46). «О, вы, которые получили Писанія! Зачѣмъ спорите объ Авраамѣ? Пятикнижіе и Евангеліе ниспосланы свыше долго спустя послѣ него. Не поймете ли вы это когда-нибудь» (стр. 46, ст. 58). Приведенныя выраженія могли запасть въ голову какому-нибудь мусульманину и привести къ естественному изъ нихъ выводу, что, какъ было въ прошломъ, такъ случится и въ будущемъ—«время дастъ свой законъ, новый». Пусть такое толкованіе представляется ересью съ точки зрѣнія «ортодоксальнаго мусульманства»,—оно возможно; оно характеризуетъ живое, индивидуальное пониманіе заученныхъ текстовъ, которые не всегда же усвоиваются въ ихъ цѣлостности и въ связи съ основными догматами даннаго вѣроученія. Это не «заплата», скрывающая по выраженію г. Михайловскаго, «подлинную одежду изображаемаго лица», а именно характерная черта живого лица, съ котораго только снята «условная» одежда, принимаемая за подлинную лишь по традиціоннымъ представленіямъ. А главное, что такая вставка правдоподобна, ибо не произвольна, а указана текстомъ того самаго Корана, на который ссылается татаринъ, въ возможномъ личномъ его толкованіи (если не самъ «крючникъ» дошелъ до этихъ выводовъ, то онъ могъ ихъ услышать отъ какого-нибудь толкователя Писанія, каковые имѣются же и среди татаръ, пишущіе и пропагандирующіе свои воззрѣнія). Татаринъ-крючникъ, слѣдующій основному правилу своего вѣроученія, что надо дѣйствовать «по закону», жить «честно», во всякомъ случаѣ живое лицо, и если онъ лично вѣрилъ истинности своего исповѣданія, то усвоилъ изъ Корана мудрое изреченіе: «Въ религіи нѣтъ принужденія. Истинный путь довольно отличается отъ заблужденія» (стр. 35, ст. 257).

Мы не знаемъ о какихъ «страницахъ» и даже «цѣлыхъ рядахъ страницъ» говоритъ г. Михайловскій, но если допустить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ, дѣйствительно, «досказываетъ» устами своихъ героевъ воззрѣнія, лично ему симпатичныя или важныя для его цѣли, то весь вопросъ въ томъ, какъ это сдѣлано.

Нужно ли при этомъ напоминать, что данный «недостатокъ» усматривается и у величайшихъ писателей и объясняется тѣмъ, что творчество не есть фотографія и что художникъ въ рѣдкихъ случаяхъ только художникъ, а не стремится въ то же время быть толкователемъ своихъ образовъ и проводить черезъ нихъ извѣстныя идеи. Сколько разъ указывалось, что «ушки» Толстого какъ бы торчатъ за тѣмъ или другимъ изъ созданныхъ имъ образовъ. Есть все-таки существенная разница между тѣми прибавками, иногда не вполнѣ законными въ устахъ дѣйствующаго лица, которые позволяетъ себѣ авторъ-художникъ, и разсудочными, головными созданіями, фальшивыми по своей «придуманности»: г. Горькій, несомнѣнно, *видѣлъ*

свои типы раньше, чѣмъ задумалъ свое произведеніе; работа воображенія предшествуетъ у него работѣ логическаго мышленія, и, будь онъ сколько угодно «публицистъ» по предположеннымъ у него наклонностямъ, онъ все-таки прежде художникъ, а потомъ толкователь явленій жизни. И это легко распознать: стоитъ отнять прибавки и фигуры все-же стоятъ передъ вами живыми и цѣльными, написанными съ натуры. У разсудочныхъ писателей, если отнять въ ихъ созданіяхъ то, что они хотѣли воплотить въ своихъ образахъ,—вся фигура немедленно расползется, такъ какъ она съ самаго начала была лишена плоти и крови. Не то у г. Горькаго, который имѣетъ огромное преимущество, что онъ близко знаетъ ту жизнь, которую описываетъ, а не судитъ объ ней лишь по книжкамъ. И многое новаго и неожиданнаго, что онъ раскрываетъ въ своихъ типахъ, представляется намъ, быть-можетъ, маловѣроятнымъ, хотя оно и дѣйствительно, потому, что мы склонны къ апріорнымъ сужденіямъ, мало считаясь съ фактами жизни.

Нѣкоторая рѣзкость контуровъ, сгущеніе красокъ, пожалуй, по временамъ, даже подчеркиваніе извѣстныхъ чертъ въ дѣйствующихъ лицахъ усматриваются въ произведеніи г. Горькаго, предназначенномъ для сцены, въ большей степени, чѣмъ въ его повѣстяхъ и очеркахъ: это сдѣлано отчасти въ виду требованій концентраціи впечатлѣнія, необходимой именно въ театральномъ произведеніи. Представляетъ ли театръ преимущества или стѣсненія для полноты художественнаго воспроизведенія жизни? Есть ли драма высшій или низшій видъ творчества? Это старый вопросъ, который мы не будемъ теперь рѣшать: о немъ написано немало, и когда-нибудь надѣемся къ нему вернуться. Театръ имѣетъ во всякомъ случаѣ преимущество большей наглядности и поэтому оказываетъ сильнѣйшее впечатлѣніе на широкій кругъ зрителей. Уже съ этой точки зрѣнія врядъ ли возможно утверждать, чтобы г. Горькій сдѣлалъ «ложный шагъ», вступивъ на поприще драматурга. Если картины г. Горькаго не подходятъ подъ мѣрило обыкновенной, шаблонной драмы, но это не значитъ, чтобы онѣ не имѣли своего raison d'être.

Мы всѣ болѣе или менѣе, сознательно или безсознательно, слишкомъ начинены отголосками поэтики Аристотеля, его объясненіемъ, что драма, есть прежде, всего дѣйствіе, что каждое дѣйствіе имѣетъ начало, середину и конецъ и т. д., и т. д. Мы ищемъ въ произведеніи искусства органической цѣлостности, причинной связи событій, сплоченности эпизодовъ, отсутствія случайностей,—ищемъ во многомъ того, чего нѣтъ въ жизни, и выказываемъ себя въ большей степени раціоналистами, чѣмъ отдаленный предшественникъ и родоначальникъ раціонализма. Но подъ поэтику Аристотеля не подходятъ, какъ это давно уже указано, весьма многіе шедевры драматическаго творчества и прежде всего многія и изъ античныхъ драмъ. Раціоналистическая поэтика не есть во всякомъ случаѣ, единственная и универсальная. Новѣйшее драматическое искусство пошло по иному пути, и Горькій, вслѣдъ за другими современными драматургами, ищетъ новыхъ формъ болѣе непосредственнаго изображенія жизни такъ, какъ она есть, а не въ искусственной рамкѣ условныхъ пріемовъ драматической

композиціи. Онъ идетъ за Чеховымъ и вырабатываетъ новыя схемы. По двумъ произведеніямъ еще нельзя произнести окончательнаго приговора о томъ, что онъ можетъ создать въ области драмы.

Въ сценахъ «На днѣ» авторъ сразу приводитъ насъ къ моменту кризиса, который только ускоренъ случайными обстоятельствами, но мы прекрасно видимъ, что онъ неминуемо долженъ былъ наступить: цѣлая семья—мужъ, жена, сестра жены, ея возлюбленный гибнутъ у насъ на глазахъ, и въ трагической развязкѣ (какъ въ классическихъ французскихъ трагедіяхъ) съ достаточной ясностью обрисовывается вся предшествующая исторія этихъ людей, которая обусловила ихъ гибель. Случайностью можетъ представиться подслушанный Василисою разговоръ Васьки Пепла съ Наташей; случайностью кажется вмѣшательство Луки, побуждающаго Наташу согласиться на предложеніе Пепла; случайностью, во время обычной ссоры обѣихъ сестеръ-соперницъ, является ошпариваніе кипяткомъ; случайно убійство Костылева, котораго Пепелъ только толкнулъ слишкомъ сильно; по недоразумѣнію Наташа повѣрила словамъ Василисы, что все было сдѣлано по уговору, и отвернулась отъ жениха и т. д. Однако, всѣ эти случайности, если вникнуть въ ядро драмы, должны были рано или поздно произойти, въ той или другой формѣ, такъ какъ приданное имъ значеніе обусловлено психикой дѣйствующихъ лицъ: Василиса давно ревновала Пепла къ сестрѣ и старалась поймать его на измѣнѣ; давно Пепелъ остылъ къ Василисѣ и заглядывался на Наташу, и, хотя послѣдняя не любила его, она, вѣроятно, сама все-таки рѣшилась бы за него идти, такъ какъ, по замѣчанію Луки, вѣдь иначе куда ей дѣваться; и все-таки этотъ бракъ не могъ состояться потому, что Наташа не довѣряла Василію, не любила по настоящему и не могла ему повѣрить, зная про его связь съ сестрой, и неизбѣжно—не та, такъ другая случайность разстроила бы ихъ отношенія. При кажущейся отрывочности и безсвязности, сцены г. Горькаго тѣмъ не менѣе тѣсно сплетаются сѣтью психологическихъ свойствъ дѣйствующихъ лицъ и, нарушивъ формальный кодексъ «правилъ» Аристотеля, авторъ все-таки представляетъ намъ развязку «по необходимости или вѣроятію», какъ совѣтовалъ древній законодатель драмы. Но исторія названной семьи составляетъ только эпизодъ въ картинѣ: множество дѣйствующихъ лицъ привлекаютъ самостоятельно наше вниманіе. Они нужны для другой, болѣе общей цѣли автора; они появляются передъ нами, какъ случайное общество постоялаго дома или «ночлежки», но каждое изъ нихъ обладаетъ специфическими чертами, вслѣдствіе которыхъ они какъ бы проясняютъ и восполняютъ другъ друга, по контрастамъ, или по ихъ взаимоотношеніямъ. Далѣе, такъ какъ жизнь непрерывна, то и дѣйствіе заканчивается по виду также, какъ оно началось: нѣтъ традиціоннаго «финала» и, какъ мы видѣли, этотъ умѣлый пріемъ автора заставилъ нѣкоторыхъ думать, что безъ финала нѣтъ и драмы и что въ концѣ пьесы мы остаемся на томъ же, съ чего начали и что такъ можно продолжать до безконечности. Да вѣдь и на самомъ дѣлѣ жизнь въ ночлежкахъ продолжается все въ тѣхъ же однообразныхъ, однотонныхъ рамкахъ: авторъ пожелалъ сохранить это впечатлѣніе,

вызвать его въ зрителѣ. Ему весьма не трудно было бы сосредоточить интересъ въ интригѣ и эффектно закончить разгромомъ ночлежки и судомъ надъ хозяйкой. Но этотъ театральный эффектъ былъ бы неправдой: пусть вдумчивый зритель самъ ощутитъ, отыщетъ разницу между началомъ и концомъ пьесы, при кажущейся и «всамдѣлешной» неизмѣнности внѣшнихъ очертаній: жизнь, съ общественной точки зрѣнія, непрерывна; авторъ имѣлъ въ виду не столько психологическую драму, какъ именно картины общественнаго значенія, что онъ и далъ намъ почувствовать.

Напослѣдокъ еще одно замѣчаніе: возбужденъ былъ вопросъ о томъ, что Горькій уже использовалъ цѣликомъ матеріалъ изъ міра босяковъ; по выраженію Н. К. Михайловскаго, авторъ именно въ «На Днѣ» исчерпалъ своихъ героевъ «до дна» и ему предстоитъ «либо безъ конца варіировать одни и тѣже типы, одни и тѣже мотивы, либо направить свое вниманіе въ какую-нибудь другую сторону («Русск. Бог.», l. c., 96). Это утвержденіе довольно смѣло. Разумѣется, если авторъ «направитъ свое вниманіе въ другую сторону»—это его дѣло и его добрая воля, но мы нѣсколько недоумѣваемъ, чтобы человѣка въ какой бы то ни было сферѣ возможно было такъ быстро «исчерпать до дна». Въ среду «бывшихъ людей» попадаютъ разные типы, изъ разныхъ слоевъ общества, по преимуществу же — изъ «міра отверженныхъ». Можно ли утверждать, что когда-либо этотъ міръ переставъ привлекать вниманіе потому, что все про него уже извѣстно? Больше сорока лѣтъ прошло со времени появленія въ свѣтъ «Записокъ изъ мертваго дома», однако, и Достоевскій, оказывается, не могъ «исчерпать» міра отверженныхъ, къ которому послѣ него обращался и г. Короленко, создавшій вполнѣ оригинальные образы и «Соколинца», и Яшки (въ «Подслѣдственномъ отдѣленіи») и цѣлый рядъ типовъ, намѣченныхъ въ его сибирскихъ очеркахъ; описывалъ этотъ міръ и г. Мельшинъ, не повторяя Достоевскаго; А. П. Чеховъ со своей точки зрѣнія взглянулъ на «Сахалинъ» и его мастерское описаніе быта каторжниковъ не помѣшало, однако, новымъ, талантливымъ страницамъ г. Дорошевича, посвященнымъ той же средѣ, тѣмъ же «отверженнымъ». Г. Дорошевичъ намѣтилъ даже цѣлыя категоріи типовъ, которые образуютъ оригинальную группировку обитателей каторги, съ характерными прозвищами, которые въ грубой, элементарной формѣ представляютъ, однако, большую аналогію съ однородными, по психическимъ свойствамъ, типами, которыхъ мы встрѣчаемъ въ нашемъ обществѣ: всѣ эти «Иваны», «храпы», «жиганы», «асмодеи», «брехоборы», «хамы», «поддувалы»... какое богатство и мѣткость эпитетовъ для обозначенія различныхъ характеровъ и типовъ, далеко еще не использованныхъ полностью въ художественной литературѣ.

Мы слышали мнѣніе, что у г. Дорошевича нѣкоторыя очерченныя имъ личности представляютъ болѣе глубокое «дно» человѣка», чѣмъ герои въ «Днѣ» Горькаго, и послѣднему предстоитъ еще дальше проникнуть въ сущность человѣческой природы, чтобы представить человѣка во всей его «наготѣ». Да и вообще, сдается намъ, человѣкъ никогда не можетъ быть «исчерпанъ», въ какой бы средѣ и при какихъ условіяхъ мы его ни разсматривали.

М. Горькій именно ищетъ «человѣка» и въ его паденіи. Въ числѣ же «падшихъ», «отверженныхъ», въ средѣ «бывшихъ людей», какъ и между обитателями «Мертваго дома», попадается, какъ это отмѣтилъ Достоевскій,—«необыкновенный народъ». «Вѣдь это, писалъ авторъ «Записокъ изъ мертваго дома»,—можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный изъ всего народа русскаго! Но погибли даромъ могучія силы... а кто виноватъ! То-то кто виноватъ!»—И мы только тогда повѣримъ, что, въ частности, будетъ исчерпанъ міръ героевъ г. Горькаго, когда не будетъ самого «дна». Желать этого мы можемъ и, конечно, не любоваться типами опустившихся на «дно» приглашаетъ насъ талантливый драматургъ, впервые представившій намъ ихъ на сценѣ—въ серіозномъ, внушающемъ произведеніи,—тогда какъ до Горькаго эти личности составляли достояніе лишь мелодрамъ,—а содрогнуться при видѣ всѣхъ этихъ несчастныхъ, которые, въ какую бы позу они ни становились, какой бы видъ ни старались принять,—гордый, равнодушный, безпечный, озлобленный, больше всего напоминаютъ мрачныя тѣни дантовскаго «Ада». Съ «комедіей» итальянскаго поэта имѣетъ много общаго по замыслу и «идея» картинъ г. Горькаго. Только парализующая тенденція Данте и его представленіе о возмездіи уступили мѣсто инымъ запросамъ, и новый, современный адъ, о которомъ мы узнаемъ съ подмостокъ театра, находится не подъ землей; онъ не спускается кругами въ преисподнюю; онъ на одной поверхности съ нами; онъ около насъ; мы каждый день можемъ зайти взглянуть на него воочію, только при этомъ не съумѣемъ, конечно, проникнуть въ его тайники, раскрывающіеся передъ нами лишь при посредствѣ интуиціи художника.

Ѳ. Батюшковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

«Желѣзный» съѣздъ. 27-го апрѣля окончилъ свои занятія съѣздъ, созванный въ Петербургѣ для выработки мѣропріятій къ возможно широкому распространенію желѣза въ Россіи. Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ спеціальный съѣздъ, съ его чисто спеціальными задачами, вынужденъ былъ выйти за предѣлы своей программы и приступить къ обсужденію такихъ вопросовъ, которые, казалось, ничего общаго съ задачами съѣзда имѣть не могутъ. Въ этомъ отношеніи «желѣзный» съѣздъ напомнилъ постановленія бывшаго съѣзда дѣятелей по кустарной промышленности, который также былъ вынужденъ ставить болѣе общіе вопросы, безъ рѣшенія которыхъ, по его мнѣнію, немыслимо улучшеніе такого частнаго вопроса, какими является кустарная промышленность. Настоящій «желѣзный» съѣздъ также нашелъ нужнымъ указать на два общіе вопроса, безъ рѣшенія которыхъ нельзя рѣшить вопросъ о возможно-широкомъ распространеніи желѣза въ Россіи. Первый вопросъ—это печальное экономическое положеніе народной массы, которая не можетъ при настоящихъ условіяхъ явиться крупнымъ потребителемъ желѣза, а второй—народное невѣжество, которое если и не является одной изъ главныхъ причинъ экономическаго обнищанія, то, во всякомъ случаѣ, служитъ серьезнымъ тормазомъ къ улучшенію условій народной жизни. Въ частности съѣздъ обратилъ вниманіе на положеніе рабочихъ въ русской желѣзной промышленности,—которое находится въ генетической связи съ вопросомъ объ улучшеніи самой промышленности.

Для возможно быстраго осуществленія подъема культурнаго уровня рабочихъ необходимо, по мнѣнію съѣзда, привлеченіе къ дѣлу народнаго образованія возможно большаго числа интеллигентныхъ силъ и облегченіе организаціи какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго обученія. Затѣмъ, по мнѣнію съѣзда, необходимо созданіе условій, обезпечивающихъ лучшую обстановку жизни рабочихъ желѣзной промышленности, и въ томъ числѣ созданіе страхованія рабочихъ и рабочихъ организацій взаимопомощи. Необходимо, кромѣ того, выработать такія правовыя нормы, которыя обезпечивали бы болѣе правильное взаимоотношеніе между предпринимателями и рабочими, и при кото-

рыхъ рабочіе группы могли бы отстаивать свои интересы, какъ коллективныя единицы, объединенныя общностью работы и жизненныхъ условій.

Послѣ осуществленія главнѣйшихъ изъ намѣченныхъ пожеланій русская желѣзная промышленность получитъ, по мнѣнію съѣзда, возможность «спокойно и безъ боязни потрясеній выполнять свою плодотворную задачу — распространеніе желѣза въ Россіи».

Законодательство о сектантахъ. Интересный докладъ о дѣйствующемъ законодательствѣ о сектантахъ сдѣлала г-жа В. И. Ясевичъ-Бородаевская въ засѣданіи юридическаго общества 18-го апрѣля. На ряду съ профессорами и выдающимися юристами на засѣданіи было много представителей различныхъ сектъ, которые съ рѣдкимъ вниманіемъ слушали объ интересномъ и близко касающемся ихъ вопросѣ. Сущность доклада г-жи Ясевичъ-Бородаевской сводится къ слѣдующему:

«Расколъ отъ сектантства принято раздѣлять и въ обыденной жизни, и въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія; при этомъ подъ расколомъ подразумѣвается то движеніе, которое со временъ Никона борется за свое существованіе и крѣпко держится традицій древне-православной Руси, именуя себя старообрядчествомъ, тогда какъ сектантство въ основу своего вѣроученія кладетъ только Евангеліе, или придерживается лишь одного Ветхаго Завѣта. Сектанты ничего общаго ни съ догматами, ни съ обрядами, ни съ преданіями православной церкви не имѣютъ. Законъ же, издавна считая раскольникомъ всякаго отклонившагося отъ православія, подъ этимъ общимъ наименованіемъ совмѣщаетъ и объединяетъ два совершенно противоположныя и по свойствамъ, и по задачамъ, религіозныя теченія, т.-е. и старообрядчество, и сектантство. Это недоразумѣніе, основанное на различныхъ точкахъ зрѣнія двухъ работающихъ въ одномъ направленіи правительственныхъ силъ, вѣдомствъ православнаго исповѣданія и свѣтскаго законодательства, дало возможность, при одностороннемъ толкованіи закона, по усмотрѣнію лишать отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыя общины гражданскихъ правъ и даже игнорировать вовсе религіозное движеніе, ростъ и значеніе котораго въ послѣдніе годы настолько окрѣпли, что нельзя уже съ нимъ не считаться. Первый періодъ возникновенія раскола старообрядчества (примѣнительно къ терминологіи законодательства подъ именемъ раскола разумѣются всѣ секты: и старообрядцы, и сектанты) почти до 1714 г. отличался чрезвычайно строгими, даже жестокими мѣропріятіями. Мы имѣемъ цѣлые томы законодательныхъ постановленій, но всѣ они отличаются характеромъ случайнымъ, такъ какъ касаются лишь отдѣльнмхъ лицъ, отдѣльныхъ районовъ, съ которыми приходилось считаться.

«Законодательство по вопросу о расколѣ всѣхъ сектъ двигается чрезвычайно медленно. Общихъ законовъ мы не видимъ до 1864 г., когда былъ образованъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Панина; труды его не отразились на законѣ 1864 г.; по смыслу этого закона почти всѣ секты попали въ разрядъ особо вредныхъ. Послѣ перевода Библіи на русскій языкъ создалось сближеніе двухъ чуждыхъ народностей нѣмца-колониста и русскаго крестьянина

на почвѣ духовной. На сцену выступило шалопутство, и бранная кличка шалопутъ стала у насъ переплетаться съ кличкой штундистъ. Появившись сначала на страницахъ духовныхъ журналовъ, она превратилась въ штундо-баптиста, изъ малеванца сдѣлала штундо-малеванца и разрослась теперь до крайнихъ размѣровъ, а въ силу закона 1894 г. совершенно утратила безобидное значеніе. Возвращаясь къ законодательству, приходится указать, что потребовалось ровно 10 лѣтъ, пока опять былъ поднятъ вопросъ о гражданскихъ правахъ католиковъ. Законъ 19-го апрѣля 1874 г. предоставляетъ старообрядцамъ существенныя льготы по благоустройству семейной жизни, но обставилъ эти льготы обременительными формальностями. Благодѣтельное дѣйствіе закона 1883 г., предоставившаго раскольникамъ всѣхъ сектъ право богослуженія, было ввѣрено административной практикѣ. На основаніи Высочайше утвержденнаго 1894 г. положенія комитета министровъ, секта штундистовъ признана болѣе вредной, съ воспрещеніемъ послѣдователямъ ея общественныхъ молитвенныхъ собраній, дозволенныхъ раскольникамъ предыдущимъ закономъ».

Докладчица указала на замалчиваніе самого существованія русскаго баптизма, на постановку дѣлъ съ «экспертами», призываемыми на помощь мировымъ судьямъ въ дѣлахъ о сектантахъ. Эти люди, несмотря на свою ехіга-политическую благонадежность, въ глазахъ духовенства являются безпокойнымъ элементомъ, а потому особенно къ русскимъ баптистамъ и примѣняется «универсальное орудіе борьбы—обвиненіе въ штундизмѣ. Особенно много ошибокъ и ненормальностей по отношенію къ сектантамъ дѣлается въ судахъ земскихъ начальниковъ. Много бѣдъ сектантамъ приноситъ невыясненность, напримѣръ, какое количество присутствующихъ составляетъ общественное молитвенное собраніе: соберутся 2—3 сектанта, чтобы потолковать о своихъ домашнихъ дѣлахъ, а застанутъ ихъ за чтеніемъ Евангелія—уже готовъ протоколъ о процессѣ съ цѣлымъ рядомъ судебной волокиты. Намѣчая необходимость ряда мѣропріятій и законоположеній по отношенію къ сектантамъ, докладчица указала на необходимость удовлетворенія ходатайствъ сектантовъ о внесеніи бракосочетаній, рожденій и смерти ихъ членовъ въ метрическія книги и примѣненіи къ нимъ закона 19-го октября 1874 г., не взирая на степень вредности ихъ ученія. Кромѣ этого, выдвигаются на очередь вопросы объ административной ссылкѣ сектантовъ.

Заводскій врачъ. Въ «Донской Рѣчи» напечатано слѣдующее письмо служащаго на заводѣ «Русскій Провидансъ» въ Маріуполѣ Р. Сторинскаго:

«29-го декабря прошлаго года, я проходилъ мимо машины, которая дробитъ жженный камень. Когда рабочіе бросали въ ковшъ камни, одинъ изъ камней случайно попалъ въ маховикъ и, выскочивъ изъ него, ударилъ меня прямо въ грудь. Я потерялъ сознаніе и очнулся только въ заводской больницѣ.

На второй день послѣ ушиба начальникъ отдѣленія, опросивъ всѣхъ рабочихъ, которые находились при котлѣ, и получивъ точныя свѣдѣнія объ увѣчьѣ, сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе врачу.

Какъ только врачъ г. Медалье прочиталъ, очевидно, непріятную для него

бумажку, онъ явился ко мнѣ въ комнату, одинъ, безъ фельдшера, и повелъ такую рѣчь:

— Я не признаю у тебя никакого увѣчья. У насъ ушибомъ называется, когда оторветъ руку или ногу! А у тебя, слава Богу, и руки, и ноги совершенно цѣлы.

Такъ продолжалось три дня. Докторъ все убѣждалъ меня, что я ничуть не ушибленъ. Я же старался убѣдить его, что чувствую себя очень нехорошо, не взирая на цѣлыя руки и ноги...

Пролежалъ я въ больницѣ до 23-го января с. г. и все время докторъ обращался со мною очень грубо, и, кромѣ рѣзкостей и брани, я отъ него ничего не слышалъ.

Однако, надо было подумать и о будущемъ, о своей судьбѣ и о судьбѣ своей семьи. Я обратился къ врачу съ просьбой дать мнѣ записку въ главную контору о правѣ моемъ на половинное жалованье, какъ полагается всѣмъ увѣчнымъ.

На это г. Медалье отвѣтилъ:

— Я не дамъ тебѣ никакой записки, потому что у тебя неизлечимая болѣзнь. И лечить тебя не желаю.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ отлучиться часа на два къ директору завода. Я буду просить его о пособіи...

Докторъ замахалъ руками и головой.

— Да убирайся ты отсюда совсѣмъ. Все-равно я не буду лечить тебя...

Что тутъ было дѣлать? Кое-какъ я добрался до конторы и обратился съ просьбой къ помощнику директора г. Туманову.

Тумановъ заявилъ, что необходимо посовѣтоваться съ докторомъ и предложилъ зайти на другой день.

Спускаясь со второго этажа и потерявъ послѣднія силы, я не могъ удержаться на ногахъ и полетѣлъ съ лѣстницы и расшибся до крови.

Тогда г. Тумановъ распорядился, чтобы меня на заводскій счетъ отправили на квартиру.

На другой день я вновь явился въ главную контору къ г. Туманову.

Увидѣвъ меня, онъ сейчасъ же началъ переговоры по телефону съ заводскимъ врачомъ.

Что говорилъ докторъ,—не знаю, но я отлично запомнилъ, что отвѣчалъ ему г. Тумановъ:

— Какое намъ дѣло защищать интересы страхового общества? Почему вы такъ заботитесь о немъ? Мы застрахованы, мы платимъ страховую премію, а кто и почему требуетъ, это не наше дѣло...

Затѣмъ г. Тумановъ выслушалъ доктора и вновь возразилъ:

— Я ничего не знаю. Вы должны выдать ему записку, чтобы онъ получилъ съ страхового общества «Россія» слѣдуемую сумму. Я же со своей стороны выдамъ ему пособіе изъ штрафной кассы.

Мнѣ выдали 20 рублей, и затѣмъ г. Тумановъ приказалъ отправиться въ больницу къ врачу за запиской на полученіе изъ главной конторы половиннаго жалованья.

*

И я вновь, со страхомъ уже, отправился въ больницу. Завидѣвъ меня еще издали, докторъ до того разозлился, что не въ состояніи былъ написать записки.

Руки его дрожали, онъ кусалъ свои длинные усы и все твердилъ, что мнѣ не слѣдуетъ половиннаго жалованья...

— Какъ же не слѣдуетъ?—возражалъ я.—Вѣдь составленъ протоколъ объ увѣчьѣ. Свидѣтелей допросилъ начальникъ отдѣленія...

— Ну, такихъ свидѣтелей можно купить за рюмку водки или за пять копѣекъ!..

Записку, однако, я все-таки получилъ, а вмѣстѣ съ нею и половинное жалованье, на которое началъ лечиться у маріупольскихъ врачей.

Всѣ они признали несомнѣнное увѣчье, но свидѣтельство никто не хотѣлъ дать по причинамъ, мнѣ неизвѣстнымъ и непонятнымъ.

Я продолжалъ лечиться; однако, денегъ хватило не надолго и мнѣ вновь пришлось обратиться къ заводскому врачу съ просьбой о запискѣ, но на этотъ разъ онъ наотрѣзъ отказалъ.

Я отправился къ директору завода.

Тотъ немедленно распорядился выдать половинное жалованье за 14 дней.

Тѣмъ не менѣе, вопросъ о вознагражденіи меня страховымъ обществомъ оставался открытымъ. Къ несчастью, г. горнаго инженера въ это время въ Маріуполѣ не было, онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Что было дѣлать? Я вновь отправился къ г. Медалье: авось, смилуется!

Въ больницѣ меня встѣтилъ фельдшеръ.

— Что нужно?

— Я хочу видѣть врача.

— Для чего?

— Хочу просить о выдачѣ удостовѣренія для представленія страховому обществу.

— Хорошо, спрошу...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и заявилъ:

— Докторъ не желаетъ тебя видѣть.

Но, ради Бога! Не умирать же мнѣ!...

Въ это время появился г. Медалье. Я бросился къ нему.

— Умоляю васъ, дайте удостовѣреніе объ увѣчьѣ, или, наконецъ, дайте записку о моей трудоспособности. Я буду работать, сколько силъ хватитъ. Вѣдь, безъ вашей записки не могутъ принять на работу.

— Ничего не дамъ: ни объ увѣчьѣ, ни о здоровьѣ, потому что ты — больной... Неспособенъ къ труду...

— Такъ напишите же, что я неспособенъ... Вѣдь вы уже не въ первый разъ объ этомъ говорите...

Докторъ повернулся и хотѣлъ уйти.

— Ради Бога! — закричалъ я.—Не дайте умереть! Говорите со мной по-человѣчески!..

И докторъ заговорилъ со мною по-человѣчески.

Онъ размахнулся и хватилъ меня кулакомъ въ грудь. Это меня до того возмутило, что я замахнулся палкой, но фельдшеръ, провизоръ и другіе люди, которые были тутъ, схватили меня, а докторъ началъ бить меня тою же палкой по рукамъ и по всему тѣлу...

Больные это видѣли и нѣкоторые закричали:

— Разбойники! Вы убить хотите человѣка!..

И теперь нахожусь я въ ожиданіи.

Дадутъ-ли мнѣ пособіе, или посадятъ въ тюрьму?..»

Комментаріи излишни...

Рабочіе-торфяники. «Влад. Газета» указываетъ на тѣ поистинѣ невозможныя условія, въ какихъ живутъ и работаютъ рабочіе-торфяники въ Орѣховѣ-Зуевѣ, Владимірской губерніи, гдѣ на разработкѣ торфа занято нѣсколько тысячъ пришлыхъ рабочихъ. Добываніе торфа, какъ извѣстно, одна изъ самыхъ тяжелыхъ, по условіямъ труда, работа: рабочій стоитъ по поясъ въ водѣ или болотной грязи. Работу начинаетъ чуть забрезжитъ свѣтъ, съ 3—4 часовъ утра, и кончаетъ въ 8—9 часовъ вечера, не имѣя почти отдыха въ обѣденное время. Рабочій за день перекидаетъ или перевезетъ нѣсколько сотъ, если не тысячъ, пудовъ жидкой торфяной массы. Цѣна на трудъ дешевая: въ цѣлое лѣто заработокъ торфяника, за вычетомъ харчей и пр., не свыше 50—60 руб.; лишь только благодаря обилію мясной пищи, можетъ поддерживаться въ немъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ нечеловѣческая мускульная энергія.

Жилища торфяниковъ напоминаютъ что-то въ родѣ конюшенъ: спятъ въ нихъ вповалку; грязь, вонь и пр.; о гигіенѣ и санитаріи не можетъ быть тамъ и помину. По окончаніи тяжелаго рабочаго дня торфянику лишь бы поскорѣе отдохнуть, уснуть, поэтому о чистотѣ и говорить нельзя. Хорошей питьевой воды для рабочихъ не существуетъ, да и негдѣ ее взять, такъ какъ жилища ихъ устраиваются въ центрѣ болотъ. Бань также нѣтъ (за послѣднее время стали строиться кое-гдѣ); благодаря этому они за лѣто прямо «паршивѣютъ», появляется масса накожныхъ заболѣваній, и ихъ, какъ они выражаются, «заѣдаетъ вша». Вообще, грязный и до невозможности неряшливый видъ торфяника нашему фабричному городскому обывателю кажется чѣмъ-то дикимъ, какъ будто бы эти люди—выходцы съ острова Явы. Моются торфяники тутъ же, въ болотной, грязной водѣ. Медицинская помощь находится въ зачаточномъ состояніи. На громадныхъ Верейскихъ болотахъ фабрики Викулы Морозова, на которыхъ работаютъ иногда свыше 1.000 человѣкъ, нѣтъ не только постояннаго врача и больницы, но даже не имѣется и хорошо устроеннаго фельдшерскаго пункта—пріемной. Это на такой громадной фабрикѣ, что же происходитъ въ этомъ отношеніи на болѣе мелкихъ фабрикахъ? Тамъ о медицинской помощи торфяникамъ никогда и не думали!

День отдыха служитъ днемъ пьянства, въ которомъ они забываютъ все... Безпросвѣтная жизнь, естественно, рождаетъ пьянство. Наемъ торфяниковъ происходитъ въ зимнее время, въ самое тяжелое для крестьянъ время. Фабрики посылаютъ по деревнямъ своихъ агентовъ, которые законтрактовываютъ ихъ

на какихъ угодно условіяхъ. Если дѣло идетъ туго, то въ ходъ пускается водка. Голодъ и отсутствіе средствъ существованія заставляютъ ихъ соглашаться на какія угодно агентамъ условія.

Назрѣла надобность урегулировать трудъ и условія этихъ работъ. Этотъ починъ должны взять на себя земства.

Какъ узнать писателя. Провинціальныя газеты передаютъ слѣдующій курьезный случай, бывшій недавно съ А. П. Чеховымъ во время его послѣдней поѣздки на родину въ Таганрогъ. Въ Царицынѣ А. П. зашелъ въ одну изъ донскихъ пароходныхъ конторъ купить билетъ для проѣзда на пароходѣ отъ Калача до Ростова. Скромный на видъ и разговорчивый, А. П. Чеховъ получилъ билетъ и разговорился съ конторщикомъ этого общества и подъ конецъ назвалъ свою фамилію. Знакомая каждому грамотному человѣку фамилія не могла не обратить вниманія.

О пребываніи писателя Чехова было донесено агенту, и тотчасъ же послѣдовало въ Калачъ извѣщеніе, что съ такимъ-то поѣздомъ выѣхалъ Чеховъ и пересядетъ въ Калачѣ на пароходъ. Агентъ этого общества въ Калачѣ былъ славный, добрый нѣмецъ, и полученное имъ сообщеніе смутило его до крайности: ѣхалъ въ Калачъ самъ писатель Чеховъ, но лично ему неизвѣстный, а надо встрѣтить и проводить его съ честью. Агентъ хлопоталъ, давалъ распоряженія, наказывалъ командиру, что съ ними поѣдетъ самъ Чеховъ. Всѣ знали, что на пароходѣ ѣдетъ Чеховъ, а узнать никто не могъ. Утромъ пароходъ «Волга» отвалилъ отъ пристани и вскорѣ же достигъ Царицынскаго переката, гдѣ началась пересадка пассажировъ съ одного парохода на другой. Между пассажирами былъ одинъ чахоточный господинъ съ женой, помѣстившійся тоже во второмъ классѣ. Неожиданная пересадка утромъ,—на зарѣ, холодъ вывели больного господина изъ себя, и онъ далъ почувствовать это. Онъ кричалъ, ругалъ все пароходство, команду парохода, обѣщалъ пропечатать въ газетахъ и наговорилъ много страшныхъ вещей. Командиръ и помощникъ чувствовали себя неловко, извинялись, просили мнимаго Чехова успокоиться и перевезли крикливаго господина въ отдѣльной лодкѣ чуть не сами. Въ дальнѣйшемъ пути выяснилось, что Чеховъ не этотъ господинъ, который кричалъ, ругался и обѣщалъ протянуть, «притащить сквозь газеты», а другой, все время сидѣвшій и ничего о себѣ не говорившій. Впослѣдствіи командиръ разсказалъ, какъ писатель Чеховъ ѣхалъ на пароходѣ по Дону, и чистосердечно сознался, что Чеховъ вовсе на писателя не похожъ: «проѣхалъ тихо, скромно и не ругался. Никто бы не узналъ его, если бы онъ самъ не сказалъ».

Оригинальный процессъ. «Русское Слово» сообщаетъ объ интересномъ судебномъ процессѣ, который въ скоромъ времени будетъ разбираться въ харьковскомъ окружномъ судѣ. Дѣло имѣетъ принципіальное значеніе.

Его возбудилъ присяжный повѣренный К. И. Раппъ, который предъявилъ искъ къ редакціи «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» въ суммѣ 6 р. 75 к. Основаніемъ для иска послужилъ переходъ редактированія газеты изъ рукъ

г. Ефимовича въ руки профессора Остроумова и послѣдовавшее черезъ это коренное измѣненіе литературной физіономіи газеты. Исковое прошеніе г. Раппъ заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

«Около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ редактированіе неоффиціальнымъ отдѣломъ «Харьк. Вѣдом.» принялъ на себя г. Ефимовичъ; при немъ и его ближайшихъ сотрудникахъ газета эта приблизилась къ типу ежедневнаго политическаго, общественнаго и литературнаго органа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, содержаніе газеты, нося на себѣ, какъ и всякое произведеніе искусства отпечатокъ индивидуальнаго творчества руководителей ея, пріобрѣло и упрочило за собою совершенно опредѣленное качество. Послѣдними свойствами періодическаго изданія, какъ извѣстно, и руководствуются подписчики при выборѣ той или иной газеты. Указанный характеръ и общій тонъ «Харьк. Вѣд.» сохранили до послѣдняго времени и пріобрѣли себѣ извѣстный кругъ читателей, въ числѣ коихъ я состоялъ годовымъ подписчикомъ около 10 лѣтъ. Въ прошломъ 1902 году въ «Харьк. Вѣд.» въ №№ 309, 329, 330 и др. появилась обычная публикація объ открытіи подписки на 1903 годъ на «Хар. Вѣд.»—газету «политическую, общественную и литературную» съ указаніемъ тѣхъ же отдѣловъ, которые существовали и раньше. Прочитавъ это объявленіе, я, по примѣру прежнихъ лѣтъ, подписался и на 1903 годъ. Дѣйствительно, до 22-го марта сего года «Харьк. Вѣд.» продолжали давать читателямъ свой обычный матеріалъ, на который они вправѣ были разсчитывать при подпискѣ. Но, начиная съ номера отъ 22-го марта 1903 г., газета стала неузнаваема: отъ нея остались лишь заголовокъ и оффиціальная часть, общій тонъ газеты и характеръ содержанія—все настолько рѣзко измѣнилось, что эту новую газету уже никакимъ образомъ никто не можетъ назвать изданіемъ «политическимъ, общественнымъ и литературнымъ», характеристика которой, какъ сказано выше, такъ заманчиво для подписчиковъ красовалась въ объявленіяхъ о подпискѣ на «Харьк. Вѣд.» на 1903 годъ. Такая рѣзкая перемѣна, какъ оказалось, явилась послѣдствіемъ того, что взамѣнъ всего состава старой редакціи вступилъ новый. Такимъ образомъ, не оставалось сомнѣнія, что указанная рѣзкая перемѣна—явленіе не случайное и что нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать въ будущемъ какого-либо измѣненія содержанія. При такихъ обстоятельствахъ я, считая, что, заключая договоръ подписки на изданіе опредѣленнаго (въ главныхъ чертахъ, по крайней мѣрѣ) характера, я имѣю право требовать сохраненія его (въ тѣхъ же объемахъ) во все время теченія срока договора и что предложеніе чего-то, не имѣющаго ничего общаго съ тѣмъ изданіемъ, на которое я подписался, даетъ мнѣ основаніе и право считать договоръ подписки нарушеннымъ, я обратился 27-го марта съ просьбою къ новому редактору прекратить высылку газеты и войти куда слѣдуетъ съ представленіемъ о возвращеніи мнѣ денегъ по разсчету за 9 мѣсяцевъ. Не получивъ никакого отвѣта, я нахожусь вынужденнымъ обратиться въ судъ съ искомъ, цѣну котораго опредѣляю въ 6 р. 75 к.

«До разбора дѣла по существу покорнѣйше прошу произвести экспертизу черезъ свѣдущихъ людей—публицистовъ, въ подтвержденіе того, что при

нынѣшней редакціи «Харьк. Вѣд.» ничего не имѣютъ общаго съ прежними, и что къ нимъ никоимъ образомъ не можетъ относиться опредѣленіе «политическая, общественная и литературная газета».

Въ настоящее время, «Харьк. Губ. Вѣд.» составляются почти сплошь изъ однѣхъ перепечатокъ.

Первый провинціальный журналъ. «Русск. Вѣд.» приводятъ интересныя данныя о журналѣ «Уединенный Пошехонецъ», который издавался въ Ярославлѣ въ 1786 году подъ редакціей секретаря ярославскаго приказа общественнаго призрѣнія В. Д. Санковскаго.

Издателями журнала были: Н. Ѳ. Уваровъ, А. Н. Хомутовъ и Н. И. Коковцевъ, принадлежащіе къ числу наиболѣе просвѣщенныхъ людей своего времени и еще ранѣе открывшіе первую вольную типографію въ Ярославлѣ, пользуясь закономъ 13-го января 1783 г., разрѣшившимъ всѣмъ частнымъ лицамъ заводить типографію. Журналъ возникъ при ближайшемъ содѣйствіи и покровительствѣ (а, быть можетъ, даже и по иниціативѣ) тогдашняго ярославскаго намѣстника Алексѣя Петровича Мельгунова, одного изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей екатерининскихъ временъ.

Возникновеніе журнала въ серединѣ 80-хъ годовъ объясняетъ намъ и самый характеръ, который долженъ былъ носить «Уединенный Пошехонецъ». Это было время, когда въ русской журналистикѣ сатира отступила на второй планъ и періодическія изданія, сдѣлавшись чуждыми соціальныхъ и политическихъ вопросовъ, поставили своею цѣлью служить «развлеченіемъ на досугѣ для покровителей наукъ».

Возникъ «Уединенный Пошехонецъ» при нѣсколько исключительныхъ условіяхъ: надъ нимъ была установлена своего рода цензура. Когда въ Ярославлѣ открылась вольная типографія, въ которой позднѣе печатался и «Уединенный Пошехонецъ», намѣстникъ счелъ, однако, необходимымъ обратиться къ мѣстному архіепископу Арсенію съ просьбой опредѣлить «особу ученую духовную», для исполненія обязанностей цензора; такъ какъ въ типографіи могли печататься иногда книги, «до закона и дѣлъ духовныхъ касательныя», то намѣстникъ желалъ, чтобы безъ освѣдомленія этой духовной особы «никакая вышеозначенная книга не выходила». Вотъ почему архіепископъ Арсеній, сотрудникъ «Уединеннаго Пошехонца», оказывалъ значительное вліяніе на нѣкоторыя статьи журнала: въ немъ печатались проповѣди Арсенія, «ярославскаго Златоуста», богословскія статейки и громовыя рѣчи противъ «вольнодумцевъ», ярославскихъ безбожниковъ. Такъ, напримѣръ, заподозрѣннымъ въ вольтеріанствѣ неизвѣстный піитъ въ «Уединенномъ Пошехонцѣ» грозитъ ужасной карой на страшномъ судѣ, когда грѣшники попадутъ въ «челюсти ада».

Поставивъ своею задачей изучать по мѣрѣ возможности ярославскій край, «Уединенный Пошехонецъ» не отступилъ отъ своей программы и далъ очень много, любопытныхъ и для насъ, свѣдѣній по этому поводу: онъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о городахъ ярославскаго намѣстничества, даетъ подробное

описаніе географическаго положенія мѣстности, этнографическаго состава населенія, приводя статистическія и цифровыя данныя о существующихъ фабрикахъ, заводахъ, ярмаркахъ, о числѣ жителей, о занятіяхъ въ городахъ и уѣздахъ, даетъ въ то же время картину экономическаго благосостоянія края; онъ описываетъ, наконецъ, обычаи, нравы, повѣрія и вообще образъ жизни населенія. Существовалъ въ журналѣ и отдѣлъ благотворительности, гдѣ помѣщается отчетъ о пожертвованіяхъ... Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ перваго провинціальнаго журнала: издавался онъ въ небольшомъ форматѣ (немного болѣе in 8°), на сѣрой бумагѣ, съ множествомъ корректурныхъ ошибокъ; двѣнадцать тоненькихъ книжекъ составили два небольшихъ томика,—всего около 600 страницъ; имена издателей и редактора не помѣщались на обложкѣ, также не подписывались и помѣщенные въ немъ статьи, за рѣдкимъ исключеніемъ, когда подъ ними ставились иниціалы редактора Н. С. «Уединенный Пошехонецъ» издавался всего два года, откинувъ въ 1787 г. первую половину своего заглавія и именуясь просто «Ежемѣсячнымъ Сочиненіемъ»; со смертью намѣстника прикончилъ свое существованіе и журналъ.

«Уединенный Пошехонецъ» оправдалъ отчасти свое названіе: онъ, дѣйствительно, остался уединеннымъ и не повлекъ за собою подражанія въ провинціи; если не считать малозначущаго журнала, издававшагося въ Тобольскѣ съ 1789 по 1796 г., «Иртышъ», превращающагося въ «Ипокрену», и перепечатокъ, которыя дѣлались, напримѣръ, въ Орлѣ съ московскаго новиковскаго журнала «Дѣтское Чтеніе», то появленіе слѣдующаго періодическаго изданія въ провинціи относится уже къ 1811 г.—«Казанскія Извѣстія». Какъ бы неудачной ни казалась намъ первая попытка организаціи провинціальной печати, появленіе «Уединеннаго Пошехонца» въ Ярославлѣ заслуживаетъ, тѣмъ не менѣе, вниманія уже потому, что въ остальной провинціальной Россіи потребность въ литературѣ была чрезвычайно слаба и еще меньше были развиты литературныя силы.

Отчетъ московской консультаціи. Та же газета приводитъ краткій отчетъ о дѣятельности московской консультаціи при музеѣ содѣйствія труду за 1902 г. Консультація была открыта въ 1901 г. Въ составъ ея входятъ юристы, врачи и техники. Участіе послѣднихъ вызывается необходимостью разрѣшать спеціальные вопросы о степени утраты трудоспособности вслѣдствіе увѣчья, о наличности необходимыхъ огражденій жизни и здоровья рабочихъ при работѣ и т. п.

Обращаются группы лицъ, объединенныя общностью интереса. Въ 1902 г. было 271 обращеніе отъ 3.854 человѣкъ. Большинство кліентовъ консультаціи по происхожденію — крестьяне, по профессіи—рабочіе. Дѣятельность консультаціи выражалась въ подачѣ совѣтовъ, въ составленіи разнаго рода прошеній, жалобъ и заявленій, въ наблюденіи за производящимися въ судахъ дѣлами.

Подводя итоги своей дѣятельности, консультація отмѣчаетъ многочисленные случаи, когда она оказалась безсильной помочь нуждающимся. Значительную

(около одной трети) группу составляли лица, утратившія трудоспособность при работахъ на фабрикахъ и заводахъ. Изъ нихъ въ самомъ безпомощномъ положеніи оказываются тѣ, которые утратили трудоспособность не вслѣдствіе увѣчья при эксплуатаціи, а по преклонности возраста или вслѣдствіе общихъ тяжелыхъ условій и обстановки труда. Въ консультацію являются рабочіе, прослужившіе 25—50 лѣтъ на фабрикахъ, имѣющіе аттестатъ о своей службѣ и поведеніи и уволенные только потому, что не могутъ болѣе работать съ надлежащею энергіей. Ихъ трудно убѣдить въ томъ, что они по закону не имѣютъ права на пенсію или болѣе или менѣе значительное пособіе, которое помогло бы имъ устроиться. Утратившіе трудоспособность вслѣдствіе особыхъ условій работы тоже не могутъ понять разницы между ними и тѣми увѣчными, которые имѣютъ право, по 684-й ст. X т. ч. I, искать вознагражденія судебнымъ порядкомъ. Немногимъ лучше положеніе тѣхъ, которые потерпѣли увѣчье. По закону, на нихъ лежитъ обязанность доказать, что несчастье произошло по винѣ предпринимателя, а между тѣмъ, увѣчный очень часто встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія при изслѣдованіи причинъ происшедшаго несчастья. Но даже въ томъ случаѣ, когда увѣчному повезло и удалось собрать необходимыя данныя, онъ можетъ получить исполнительный листъ въ среднемъ не ранѣе $1^1/_2$—2-хъ лѣтъ, и то, если отвѣтная сторона ограничится двумя инстанціями и не перенесетъ дѣла въ сенатъ. Нельзя не указать и на то, что выигравшій процессъ рабочій ничѣмъ не гарантированъ въ томъ, что онъ пожизненно будетъ получать ежемѣсячное пособіе, которое ему присуждено. Въ случаѣ разстройства дѣлъ отвѣтчика, увѣчный останется при одномъ правѣ на пособіе, не имѣя возможности взыскать присужденную сумму. Изученіе этихъ случаевъ убѣждаетъ въ томъ, что всѣ рабочіе, утратившіе трудоспособность при работѣ на фабрикахъ и заводахъ, находятся въ такомъ ужасномъ положеніи, что большею частью вынуждены оканчивать дѣла свои миромъ за нѣсколько сотъ рублей, которые ихъ не устраиваютъ. Необходимо принять законодательныя мѣры къ обезпеченію рабочихъ на случай болѣзни, несчастія и инвалидности, и такою мѣрой и для насъ является государственное принудительное страхованіе. Въ отчетѣ консультаціи отмѣчены блестящіе результаты, которые принесло въ Германіи обязательное страхованіе. По статистикѣ страхованія въ періодъ времени съ 1885 по 1899 годъ въ разныя страховыя учрежденія поступило въ пользу рабочихъ до $3^3/_4$ милліардовъ марокъ. Эти суммы принесли и непосредственно пользу, оказавъ помощь тысячамъ рабочихъ и ихъ семьямъ въ тяжелую пору ихъ жизни, но значеніе страхованія сказалось и въ предупредительной дѣятельности и страховыхъ учрежденій по огражденію жизни и здоровья наблюденіемъ за надлежащимъ содержаніемъ фабрикъ, введеніемъ всѣхъ необходимыхъ ограждений и т. п.

Вторую значительную группу обращеній, 25%, составляютъ жалобы рабочихъ на неправильные разсчеты при исполненіи ими договоровъ найма. Они жалуются на то, что при сдѣльной работѣ заработокъ значительно понижается тѣмъ, что они принуждены безплатно заправлять станки, присучивать и навивать основы, чинить челноки, чистить товаръ, перетаскивать машины, мыть

иглы, что, съ одной стороны, ихъ штрафуютъ за прогулъ, но ничего не платятъ за вынужденный прогулъ, когда фабрикантъ не даетъ сырья для работы, что неправильно мѣряютъ сдаваемый ими товаръ, отбрасывая часто отъ одного до шести вершковъ. Во многихъ случаяхъ эти жалобы вполнѣ основательны, но, къ сожалѣнію, рабочимъ трудно ихъ обосновать юридически и точно опредѣлить размѣры требованій. Всѣ доказательства правоты требованій имѣются у предпринимателя, а часто доказательства утрачены. Фабричные инспектора направляютъ рабочихъ въ судъ, который предъявляетъ къ нимъ рядъ такихъ требованій, исполнить которыя онъ не въ силахъ.

Консультація подчеркиваетъ въ своемъ отчетѣ безвыходное положеніе мелкаго городского страхователя, который, вслѣдствіе отказа со стороны страховыхъ обществъ принимать мелкія страхованія, предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ въ борьбѣ съ такимъ стихійнымъ бѣдствіемъ, какъ пожаръ. Значительныя группы рабочихъ обращались въ консультацію съ вопросомъ, въ какое учрежденіе имъ обратиться для страхованія своего имущества, которое пріобрѣтено цѣной многолѣтняго труда; но, къ сожалѣнію, такого учрежденія, которое приняло бы на страхъ имущество рабочихъ, не нашлось. Конечно, необходимо подумать о мелкихъ страхователяхъ, которые не представляютъ собою интереса для частныхъ предпринимателей—страховыхъ обществъ—и рискуютъ всѣмъ своимъ состояніемъ.

Консультація заканчиваетъ свой отчетъ обращеніемъ къ музею содѣйствія труду о включеніи въ программу его дѣятельности научно-практической разработки вопросовъ по страхованію рабочихъ на случай болѣзни, несчастныхъ случаевъ и инвалидности, по организаціи рабочихъ на фабрикахъ на началахъ представительства для разрѣшенія недоразумѣній рабочихъ съ хозяевами, вытекающихъ изъ исполненія договора найма, по организаціи особыхъ, близко стоящихъ къ фабричному производству судовъ для рѣшенія разнаго рода требованій рабочихъ къ предпринимателямъ и т. п. Императорское русское техническое общество, въ составъ котораго входитъ музей и консультація, имѣетъ цѣлью содѣйствовать развитію техники и технической промышленности, и въ числѣ средствъ къ достиженію этихъ цѣлей обществу уставомъ предоставлено «ходатайствовать о принятіи мѣръ, могущихъ имѣть полезное вліяніе на развитіе промышленности».

Акробаты въ деревнѣ. Г-жа Иваненко разсказываетъ въ «Спб. Жизни» о томъ впечатлѣніи, какое произвела на крестьянъ, въ одномъ изъ сибирскихъ селъ, бродячая труппа акробатовъ.

«3 марта часа въ 3 дня, когда я сидѣла съ крестьянами и разговаривала о «предстоящемъ» свѣтопреставленіи,—разсказываетъ г-жа Иваненко,—мнѣ принесли афишу. Афиша, какъ ей и полагается въ нашихъ мѣстахъ, была напечатана на красной бумагѣ и имѣла довольно измятый и изорванный видъ, а сообщала она о пріѣхавшихъ въ нашъ медвѣжій уголъ какихъ-то артистахъ-акробатахъ, намѣревающихся дать представленіе. Я стала читать афишу, крестьяне всѣ превратились въ слухъ, хлопали глазами и... ровно ничего не по-

нимали. Окончивъ чтеніе, я постаралась объяснить присутствующимъ содержаніе «бумаги», а когда они уразумѣли (конечно, по своему!), въ чемъ дѣло, всѣ въ одинъ голосъ воскликнули: «Вотъ бѣда-то стряслась надъ нами! Кто же пойдетъ въ великій постъ сатану смотрѣть?» Пошли пересуды и толки по поводу предстоящаго сатанинскаго навожденія. Не прошло и полчаса, какъ вдругъ раздался звукъ, напоминающій рожокъ пастуха, и крикъ нѣсколькихъ голосовъ. Всѣ бросились къ окнамъ, и моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: на худой клячонкѣ возсѣдаетъ въ розовомъ костюмѣ и бѣлой маскѣ клоунъ и правитъ лошадью; за спиной клоуна сидитъ мужчина въ трико, а за спиной мужчины совсѣмъ маленькій мальчикъ, тоже въ трико. Вся моя аудиторія высыпала на улицу. Меня, какъ знакомую съ «городскими людьми», обступили и начали разспрашивать, кто это и что это. Я удовлетворяла любопытство окружающихъ, а группа акробатовъ, продолжая путь по улицѣ, выкрикивала: «сегодня въ 6 часовъ вечера въ домѣ № будетъ представленіе! Покорнѣйше просимъ почтеннѣйшую публику пожаловать за 12 копѣекъ! Сегодня представляемъ, а завтра уѣзжаемъ».

«Появленіе акробатовъ на улицахъ нашего медвѣжьяго уголка произвело прямо переполохъ! На улицахъ кучками собирались крестьяне и бабы и обсуждали небывалое явленіе. А такъ какъ это «явленіе» появилось въ великій постъ то всѣ порѣшили, что это ни больше, ни меньше, какъ самъ... сатана. Многіе увѣряли, что они «своими глазами» видѣли у каждаго изъ проѣхавшихъ по улицѣ и хвостъ, и рога и красные глаза, словомъ все, что долженъ имѣть сатана. Ко мнѣ подбѣжала маленькая дѣвочка и осыпала вопросами: «Кто это? Чего на нихъ надѣто? Чего они кричатъ?» и проч., но я не успѣла удовлетворить любопытство ребенка, такъ какъ стоявшая рядомъ бабушка, поймавъ дѣвочку за рукавъ, начала толковать, что одѣты они въ кожу сатаны и даже съ хвостами, точь-въ-точь, какъ у него! закончила бабушка такимъ убѣжденнымъ тономъ, какъ будто она, дѣйствительно, когда-нибудь видѣла господина сатану.

«Вотъ вѣдь, правду сказывали старые люди, что сатана будетъ верхомъ ѣздить по деревнямъ и смущать православный народъ!» говорили крестьяне. Долго я старалась растолковать, что это совсѣмъ не сатана, а обыкновенные смертные люди, но подѣйствовали ли мои убѣжденія—весьма сомнительно.

«Вечеромъ на представленіи были, конечно, одни клоуны и акробаты, крестьяне-же, съ болѣе горячей молитвой, чѣмъ когда-либо въ 6 часовъ улеглись спать, продолжая и во снѣ молиться Богу, что бы онъ избавилъ ихъ отъ «лукаваго».

За мѣсяцъ. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ.

«6-го и 7-го сего апрѣля въ гор. Кишиневѣ толпой мѣстныхъ жителей преимущественно изъ простонародья были произведены безпорядки, направленные противъ еврейской части населенія, причемъ 45 человѣкъ были убиты или умерли отъ побоевъ, 74 ранены тяжело и около 350 получили сравнительно

легкія пораненія. Во время безпорядковъ, сопровождавшихся расхищеніемъ принадлежащаго евреямъ имущества, до 700 еврейскихъ домовъ и 600 лавокъ было разграблено. Произведенное по сему поводу разслѣдованіе выяснило, что безпорядки эти возникли вслѣдствіе создавшихся въ Бессарабской губерніи между христіанами и евреями обостренныхъ отношеній, при которыхъ всякій нелѣпый слухъ о евреяхъ могъ послужить предлогомъ для взрыва народныхъ страстей. Такимъ предлогомъ оказались ложныя обвиненія евреевъ въ совершеніи будто бы ими, съ ритуальными цѣлями, въ мѣстечкѣ Дубоссарахъ сосѣдней Херсонской губерніи, въ гор. Кіевѣ и въ самомъ Кишиневѣ нѣсколькихъ убійствъ христіанъ. Распространеніе подобныхъ вымысловъ повело къ тому, что въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля среди рабочихъ и простонародья въ Кишеневѣ стали ходить упорные толки о необходимости бить евреевъ, и даже появились въ обращеніи рукописные листки, которые, повторяя взводимыя на нихъ обвиненія, призывали населеніе къ избіенію евреевъ.

«Въ первый день св. Пасхи, 6-го апрѣля, на Чуфлинской площади гор. Кишенева, въ ожиданіи открытія балагановъ и другихъ увеселеній, собралась толпа, въ настроеніи которой ничего необычайнаго замѣтно не было. Около 4-хъ часовъ дня какая-то женщина, христіанка, съ ребенкомъ на рукахъ, сѣла въ повозку карусели; недовольный этимъ хозяинъ карусели, еврей, столкнулъ женщину съ занятаго ею мѣста и ударилъ такъ, что она упала и выронила ребенка. Этотъ случай послужилъ ближайшею причиною безпорядковъ. Озлобленная толпа стала бросать камнями въ окна сосѣднихъ еврейскихъ жилищъ; затѣмъ безпорядки перешли на сосѣднія улицы, и толпа разбѣжалась по разнымъ кварталамъ, разбивая лавки и дома евреевъ. За лицами, производившими разгромъ домовъ, появились люди, начавшіе грабить имущество. Быстро распространившіяся безчинства не могли быть подавлены сразу и разрослись настолько, что уже къ вечеру 6-го апрѣля неистовства толпы выразились въ насиліяхъ не только надъ имуществомъ евреевъ, но и надъ ними самими; было убито 9 человѣкъ. Часамъ къ 10 вечера безпорядки прекратились. На слѣдующее утро на Новомъ базарѣ гор. Кишинева толпа евреевъ, значительно превышавшая количественно собравшуюся тамъ же группу христіанъ, вооруженная палками, напала на послѣднихъ. Схватка скоро прекратилась, но на другомъ концѣ базара евреи скопились вновь и напали на менѣе численную кучку христіанъ, изъ толпы евреевъ раздался выстрѣлъ, одинъ христіанинъ упалъ раненымъ, и вслѣдъ за симъ въ городѣ снова возникли безпорядки, обратившіеся въ сплошной разгромъ еврейскихъ жилищъ и избіеніе евреевъ. Разосланныхъ по городу съ вечера для охраны порядка воинскихъ патрулей оказалось недостаточно, и были вызваны новыя команды войскъ, причемъ распорядительная власть по охраненію порядка была передана губернаторомъ военному начальству. Первоначально вызваннымъ войсковымъ частямъ не удавалось подавить безпорядки, такъ какъ, вслѣдствіе нераспорядительности полиціи, не имѣвшей, очевидно, должнаго руководства, улицы были запружены не только безчинствующими, но и толпами любопытныхъ; затѣмъ, когда войска были размѣщены въ извѣстной системѣ по участкамъ города,

охваченнымъ безпорядками, послѣдніе къ вечеру 7-го апрѣля прекратились и на слѣдующій день уже не возобновлялись.

«Событія въ Кишиневѣ вызвали тревогу еврейской части населенія во многихъ мѣстностяхъ имперіи и породили среди христіанъ толки о предстоящихъ еврейскихъ погромахъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ евреи стали образовывать изъ своей среды кружки самообороны.

«По всеподданнѣйшему докладу моему вышеизложенныхъ свѣдѣній о ходѣ безпорядковъ, полученныхъ на мѣстѣ исправляющимъ должность директора департамента полиціи, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ подтвердить начальникамъ губерній и городовъ, что имъ вмѣняется въ долгъ, подъ личною ихъ отвѣтственностью, принимать всѣ мѣры къ предупрежденію насилій и для успокоенія населенія, дабы устранить поводы къ появленію въ какой-либо его части опасеній за жизнь и имущество.

Поставляя ваше превосходительство въ извѣстность о таковой Монаршей волѣ, долгомъ считаю сообщить вамъ къ руководству, во-первыхъ, что никакіе кружки самообороны терпимы быть не должны, и во-вторыхъ, что гражданскія власти во время безпорядковъ, исполняя въ точности требованія 15 и 16 пп. приложенія къ ст. 316 т. II св. зак., не имѣютъ права при вызовѣ войскъ передавать военному начальству свои обязанности по водворенію спокойствія, а должны, присутствуя лично на мѣстахъ, направлять совокупную дѣятельность вызванныхъ войскъ и полиціи къ умѣлому и энергичному подавленію безчинствъ. По смыслу приведенныхъ постановленій, гражданское начальство прекращаетъ свои личныя распоряженія только послѣ обращеннаго имъ къ командирамъ воинскихъ частей приглашенія дѣйствовать оружіемъ и только на время сего дѣйствія и лишь тамъ, гдѣ пришлось прибѣгнуть къ этому крайнему способу возстановленія порядка.

— Обязательныя постановленія, изданныя и. д. бессарабскаго губернатора для города Кишинева и его уѣзда, на основаніи 15 и 16 ст. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прилож. 1 къ ст. 1 уст. о пред. и пресѣч. прест. т. XIV св. зак., изд. 1890 г.), объявлены въ «Бессарабцѣ». Согласно этимъ постановленіямъ, между прочимъ, воспрещаются всякія сборища, сходки и собранія на улицахъ, площадяхъ и прочихъ общественныхъ мѣстахъ съ какою бы цѣлью они ни собирались, за исключеніемъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ въ селеніяхъ и сходовъ мѣщанъ въ городѣ, собираемыхъ законною властью.

Не дозволяются также и всякія, невызываемыя необходимостью, остановки проходящихъ группами на улицахъ и тротуарахъ, затрудняющія свободное движеніе другимъ и такія сборища обязаны, по первому требованію полиціи, безпрекословно разойтись.

Воспрещается носить при себѣ и хранить въ жилищахъ всякое огнестрѣльное оружіе, безъ особаго на то разрѣшенія полицейской власти всѣмъ жителямъ безъ изъятія, кромѣ состоящихъ на военной или полицейской службѣ и вообще по роду своей службы обязанныхъ носить или имѣть при себѣ оружіе

На храненіе огнестрѣльнаго оружія должно быть въ теченіе 10 дней испрошено разрѣшеніе полиціймейстера или исправника по принадлежности.

Въ равной мѣрѣ воспрещается носить всякое холодное оружіе, а также трости со вдѣланными въ нихъ потайными клинками, кастеты и т. п.

Лица, виновныя въ неисполненіи или нарушеніи объявленныхъ требованій, подвергаются: или полицейскому аресту до трехъ мѣсяцевъ, или денежному штрафу до 500 рублей, или закрытію торговаго заведенія.

Наложеніе взысканій будетъ производиться постановленіями губернатора по протоколамъ мѣстной полиціи о нарушеніяхъ и приводиться въ исполненіе въ теченіе 24 часовъ со времени полученія о томъ въ полиціи распоряженія.

— Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ («Times», № отъ 18-го мая новаго стиля, «Münchener Neueste Nachrichten» № 236, «Daily News» и др.) появились извѣстія, заключающія ложное освѣщеніе происшедшихъ въ городѣ Кишиневѣ 6-го и 7-го минувшаго апрѣля безпорядковъ. Сообщенія эти ссылались на письмо министра внутреннихъ дѣлъ на имя бессарабскаго губернатора и приводили это письмо въ слѣдующемъ изложеніи: «Министръ внутреннихъ дѣлъ. Канцелярія министра. 25-го марта 1903 года, № 341, совершенно секретно. Господину бессарабскому губернатору. До свѣдѣнія моего дошло, что во ввѣренной вамъ области готовятся большіе безпорядки, направленные противъ евреевъ, какъ главныхъ виновниковъ эксплуатаціи мѣстнаго населенія. Въ виду общаго среди городского населенія безпокойнаго настроенія, ищущаго только случая, чтобы проявиться, а также принимая во вниманіе безспорную нежелательность слишкомъ суровыми мѣропріятіями вызвать озлобленіе противъ правительства въ населеніи, еще не затронутомъ (революціонной) пропагандой, вашему превосходительству предлагается изыскать средства немедленно по возникновеніи безпорядковъ прекратить ихъ мѣрами увѣщанія, вовсе не прибѣгая, однако, къ оружію».

Вышеизложенныя свѣдѣнія вымышлены: письма министра внутреннихъ дѣлъ бессарабскому губернатору приведеннаго содержанія не существуетъ, и никакого сообщенія съ предупрежденіемъ бессарабскихъ властей о готовящихся безпорядкахъ не было.

— Опубликовано о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ земское хозяйство въ девяти западныхъ губерніяхъ. Управленіе земскимъ хозяйствомъ каждой губерніи образуется изъ губернскаго и уѣздныхъ комитетовъ по дѣламъ земскаго хозяйства и губернской и уѣздныхъ управъ по дѣламъ земскаго хозяйства. Губернскимъ комитетомъ присвоивается распорядительная власть по дѣламъ управленія; уѣздные комитеты созываются для подготовительнаго обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ земскаго хозяйства. Исполнительныя дѣйствія по земскому хозяйству возлагаются въ губерніи на губернскую, а въ уѣздахъ—на уѣздныя управы. Губернскій комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющаго казенною палатою, начальника управленія земледѣлія, представителя удѣльнаго вѣдомства въ губерніяхъ, гдѣ имѣются удѣльныя земли, уѣздныхъ предводителей дворянства, непремѣннаго члена губернскаго по городскимъ дѣ-

ламъ присутствія, непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія, предсѣдателя и членовъ губернской управы и головы губернскаго города. Гласные назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ на три года изъ числа представленныхъ губернаторомъ или изъ другихъ лицъ. Губернская управа состоитъ изъ предсѣдателя и трехъ лицъ, назначаемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и пользующихся правами государственной службы. Уѣздныя управы образуются подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства изъ исправника и одного изъ податныхъ инспекторовъ уѣзда и двухъ земскихъ гласныхъ, уѣзда изъ числа входящихъ въ составъ губернскаго комитета, по назначенію послѣдняго, и непремѣнныхъ членовъ управы. Жалобы на постановленія губернскаго комитета приносятся сенату. При хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ образуется совѣщаніе по земскимъ дѣламъ, вѣдающее дѣла, означенныя въ положеніи о земскомъ хозяйствѣ, и тѣ подлежащія разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и другихъ по управленію этимъ хозяйствомъ, которыя эти министры признаютъ полезнымъ передать въ совѣщаніе. Опубликованное положеніе будетъ введено въ Витебской, Минской и Могилевской губ. въ теченіе 1903 года. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется относительно времени введенія въ дѣйствіе положенія въ губерніяхъ Виленской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской и Подольской испрашивать установленнымъ порядкомъ законодательное разрѣшеніе, возложивъ на него обязательство по возможности заблаговременно обнародовать во всеобщее свѣдѣніе о предстоящемъ введеніи положенія въ дѣйствіе и предоставивъ ему образовывать отдѣльныя учрежденія управленія земскимъ хозяйствомъ и замѣщать должности по сему управленію въ порядкѣ признаваемой имъ необходимой постепенности.

— Въ оффиціальной части газеты «Кавказъ» напечатано: 27-го апрѣля, съ 10 часовъ утра, на центральныхъ улицахъ Тифлиса появилось много рабочихъ, число которыхъ достигало приблизительно отъ 1.000 до 1.200 человѣкъ. Двигаясь вмѣстѣ съ гуляющей публикой по тротуарамъ, они вначалѣ порядка ничѣмъ не нарушали, но, около 12 часовъ дня, часть ихъ, приблизительно человѣкъ сто, быстро соединилась въ группу посреди Головинскаго проспекта, противъ казеннаго театра, и съ крикомъ «ура» подняла красный значокъ, проявивъ стремленіе двинуться по Головинскому проспекту. Однако, усиленный нарядъ полиціи и дворники не дали этой толпѣ возможности пройти впередъ, а прибывшій немедленно на мѣсто происшествія полицеймейстеръ съ конными стражниками разсѣяли манифестантовъ, не давъ въ то же время сбѣгавшимся рабочимъ къ нимъ присоединиться.

Въ теченіе приблизительно 10 минутъ порядокъ на улицахъ былъ возстановленъ, причемъ 63 человѣка были задержаны. Во время столкновенія между чинами полиціи и манифестантами тяжело пострадавшихъ не оказалось.

Изъ 63 арестованныхъ тридцать, по невозможности твердо установить свидѣтельскими показаніями ихъ участіе въ безпорядкахъ, освобождены; остальные же 33 подвергнуты и. д. тифлисскаго губернатора аресту на различные сроки въ порядкѣ усиленной охраны.

— Въ той же газетѣ отъ главноначальствующаго на Кавказѣ объявляется:

«Въ посадѣ Сочи, Черноморской губерніи, 17-го марта, ночью, умеръ въ арестномъ помѣщеніи поселянинъ деревни «3-я Рота», Свиностригинъ, арестованный наканунѣ въ пьяномъ видѣ.

«Начальникъ участка и окружной врачъ произвели осмотръ трупа, и врачъ опредѣлилъ смерть отъ опьяненія.

«Около 12 часовъ дня толпа, около ста человѣкъ (въ числѣ которыхъ было много пьяныхъ), остановила трупъ Свиностригина, который везли изъ арестнаго помѣщенія, по распоряженію окружного врача, для предстоящаго вскрытія, причемъ заявила прибывшему на мѣсто начальнику Сочинскаго округа, что опасается похоронъ Свиностригина безъ вскрытія, такъ какъ послѣдній убитъ городовымъ въ арестномъ помѣщеніи. Несмотря на увѣщанія и разъясненія, что безъ вскрытія трупа погребеніе его не можетъ быть допущено, толпа устремилась къ арестному дому, избила городовыхъ, разбила камнями слабые запоры и двери арестнаго помѣщенія и освободила всѣхъ арестованныхъ; одинъ изъ брошенныхъ толпой камней попалъ начальнику округа въ руку, другой— поручику потійскаго полка въ шею; одинъ городовой сильно избитъ.

«Прибывшая воинская команда разсѣяла толпу.

«Изъ содержащихся подъ стражею скрылось лишь 8 человѣкъ неважныхъ арестантовъ.

«Произведеннымъ врачами вскрытіемъ трупа Свиностригина констатировано что смерть его, дѣйствительно, произошла отъ побоевъ, нанесенныхъ ему при арестованіи, признаковъ же отравленія алкоголемъ не найдено.

«Виновные городовые предаются суду; что же касается степени виновности начальника участка, въ вѣдѣніи котораго находится арестное помѣщеніе, а также окружного врача, осматривавшаго трупъ Свиностригина, то таковая будетъ опредѣлена по окончаніи слѣдствія, которое уже ведется при личномъ участіи прокурора екатеринодарскаго окружного суда; до того же названныя выше должностныя лица устранены отъ должности.

«Будутъ также привлечены къ отвѣтственности и наиболѣе виновные изъ толпы въ учиненныхъ ими безпорядкахъ и самоуправствѣ».

— Въ «Вѣд. Од. Град.» напечатано:

«Въ виду представленныхъ и. об. одесскаго полицеймейстера свѣдѣній о нарушеніи студентами новороссійскаго университета: Григоріемъ Лордкипанидзе, Акакіемъ Коркашвили, Александромъ Коркашвили, Василіемъ Церетели, Алексѣемъ Арафаиловымъ, Александромъ Чикваидзе и Иваномъ Эксаревымъ дѣйствующаго въ одесскомъ градоначальствѣ обязательнаго постановленія, изданнаго, 4-го марта 1902 года, о воспрещеніи всякаго рода нарушающихъ общественный порядокъ и спокойствіе собраній, сходбищъ и сборищъ на улицахъ, площадяхъ, въ скверахъ, садахъ, театрахъ и прочихъ общественныхъ мѣстахъ, и. д. одескаго градоначальника, на основаніи ст. 15 положенія объ усиленной охранѣ, 25-го сего апрѣля постановилъ: названныхъ лицъ подвергнуть денежному взысканію по 150 рублей каждаго, а при неуплатѣ— аресту на 30 сутокъ каждаго.

— Въ тѣхъ же «Вѣдомостяхъ напечатано:

«Въ виду представленныхъ и. об. одесскаго полицеймейстера свѣдѣній о нарушеніи мѣщанами Мордкой Милесомъ, Зельдой Бронштейнъ и Песей Быстрицкой обязательнаго постановленія, изданнаго 4-го марта 1902 года, о воспрещеніи всякаго рода нарушающихъ общественный порядокъ и спокойствіе собраній, сходбищъ и сборищъ на улицахъ, площадяхъ, въ скверахъ, садахъ, театрахъ и прочихъ общественныхъ мѣстахъ, и. д. одесскаго градоначальника, на основаніи ст. 15-й Положенія объ усиленной охранѣ, 28-го сего апрѣля постановилъ: подвергнуть названныхъ лицъ: мѣщанина Милеса—штрафу въ 500 рублей или аресту на три мѣсяца, а Бронштейнъ и Быстрицкую—штрафу въ 300 рублей съ замѣной арестомъ на два мѣсяца каждую. За нарушеніе того же обязательнаго постановленія 4-го марта 1902 г. и. д. одесскаго градоначальника постановилъ подвергнуть: дворянина Трофима Лаврова—аресту на семь сутокъ, мѣщанина Моисея Вербицкаго—денежному взысканію въ 150 руб. съ замѣной при неуплатѣ арестомъ на одинъ мѣсяцъ и мѣщанина Аврума Айзенберга—денежному взысканію въ 70 руб. съ замѣной при неуплатѣ арестомъ на двѣ недѣли».

— Постановленіемъ и. д. одесскаго градоначальника, состоявшимся 2-го сего мая, 30 человѣкъ за нарушеніе обязательнаго постановленія, изданнаго 4-го марта 1902 года о воспрещеніи всякаго рода собраній, сходбищъ и сборищъ, независимо отъ той отвѣтственности, коей могутъ подлежать въ общемъ порядкѣ, подвергнуты, на основаніи ст. 15 Положенія объ усиленной охранѣ, денежному взысканію въ 500 рублей каждый или аресту на 3 мѣсяца.

— По постановленіямъ господина томскаго губернатора, 7 человѣкъ за то, что они 18-го апрѣля текущаго года, находясь въ толпѣ, не подчинились требованію полиціи и не пожелали разойтись, въ административномъ порядкѣ подвергнуты аресту при тюрьмѣ.

— Кіевскія газеты сообщаютъ, что на видныхъ мѣстахъ города расклеено слѣдующее объявленіе г. кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками, генералъ-адъютанта Драгомирова, изданное на основаніи ст. 15 и п. 2-го ст. 16-й Положенія объ усиленной охранѣ: Толпа, или единичные нарушители порядка, кто бы они ни были, должны немедленно и безпрекословно подчиняться 1-му требованію власти. Предупреждаю всякаго, что, въ случаѣ неповиновенія, ослушники подвергнутся отвѣтственности по закону, причемъ, по требованію гражданской власти, будутъ вызываемы войска для дѣйствія оружіемъ. Настоящее мое объявленіе поручаю кіевскому губернатору распубликовать по городу и, если потребуется, приводить въ исполненіе безъ всякаго замедленія.

Генералъ-губернаторъ и командующій войсками, генералъ-адъютантъ Драгомировъ.

— Въ саратовскихъ газетахъ напечатано слѣдующее обязательное постановленіе саратовскаго губернатора:

1) Воспрещается повсемѣстно въ предѣлахъ Саратовской губерніи всякаго

рода сборища и собранія, не дозволенныя установленнымъ порядкомъ, независимо отъ ихъ цѣли и мѣста.

2) Собравшіеся обязаны по первому требованію полиціи разойтись.

3) Всякія вмѣшательства въ дѣйствія чиновъ полиціи при исполненіи ими обязанностей по службѣ безусловно не допускаются.

4) Виновные въ нарушеніи настоящаго постановленія подвергаются въ административномъ порядкѣ аресту до 3 мѣсяцевъ или денежному взысканію до 500 рублей.

5) Настоящее обязательное постановленіе объявляется населенію губерніи: въ гг. Саратовѣ и Царицынѣ—путемъ опубликованія въ мѣстныхъ газетахъ, въ прочихъ уѣздныхъ городахъ и посадѣ Дубовкѣ—путемъ расклейки печатныхъ объявленій, а въ селеніяхъ—черезъ гг. земскихъ начальниковъ на сельскихъ сходахъ.

6) Постановленіе это вступаетъ въ законную силу со дня его обнародованія.

— Въ «Правит. Вѣстн.» отъ 7-го мая напечатано: «Сегодня въ 4 часа дня, въ городскомъ паркѣ (въ Уфѣ) двумя злоумышленниками девятью пулями убитъ губернаторъ Богдановичъ».

— Въ Иркутскѣ предстоитъ разбирательство дѣла по обвиненію пяти человѣкъ рабочихъ Кругобайкальской жел. дор. въ убійствѣ жандармскаго унтеръ-офицера Лебедева. Первоначально дѣло это предполагалось передать военно-окружному суду для сужденія обвиняемыхъ по законамъ военнаго времени, но въ виду данныхъ предварительнаго сдѣдствія выяснившихъ, какъ-то уже сообщило «Забайкалье», что основной причиной убійства было непомѣрно жестокое обращеніе покойнаго жандарма съ рабочими, высшая власть въ краѣ не сочла возможнымъ изъять это дѣло изъ общей подсудности, и оно будетъ заслушано въ обычномъ порядѣ.

— Охрана гимназистовъ. Г. бакинскимъ полицеймейстеромъ изданъ приказъ, коимъ предлагается приставу 4-го уч. къ началу и окончанію занятій въ мужской прогимназіи на малой Морской ул. обязательно назначать къ зданію этой прогимназіи городового, изъ находящихся при участкѣ, а также и одного городового на Телефонной улицѣ. Городовымъ этимъ ни въ какомъ случаѣ не допускать скопленія публики какъ у зданія прогимназіи, такъ равно и на прилегающихъ улицахъ. Къ указанному времени быть тамъ мѣстному околоточному надзирателю. Намъ извѣстно, что того же распоряженія полиціймейстера добивается директоръ реальнаго училища («Касп.»).

— По распоряженію градоначальника въ ночь на 1-е мая въ Петербургѣ былъ произведенъ обходъ всѣхъ меблированныхъ комнатъ, ночлежныхъ домовъ и пріютовъ. Задержано 1.379 безпаспортныхъ.

— Редакція «Курской Газеты» доводитъ до свѣдѣнія своихъ гг. сотрудниковъ и подписчиковъ, что «Курская Газета» г. министромъ внутреннихъ дѣлъ пріостановлена впредь до пріисканія новаго отвѣтственнаго редактора.

— Распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ отъ 28-го апрѣля: 1) въ

*

виду вреднаго направленія газеты «Право», выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ «Кишиневская кровавая баня», помѣщенной въ № 18 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 114 уст. о цензурѣ и печати, опредѣлилъ объявить газетѣ «Право» первое предостереженіе въ лицѣ издателей-редакторовъ ея: приватъ-доцента Императорскаго с.-петербургскаго университета Владиміра Гессена и коллежскаго ассессора Николая Лазаревскаго; 2) въ виду вреднаго направленія газеты «Восходъ», выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ «За недѣлю», помѣщенной въ № 17 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о цензурѣ и печати, опредѣлилъ объявить газетѣ «Восходъ» первое предостереженіе въ лицѣ редактора-издателя ея присяжнаго повѣреннаго Максима Сыркина.

— По распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати, въ Финляндіи дано предостереженіе выходящей въ Гельсингфорсѣ газетѣ, подъ названіемъ «Гельсингфорсъ Постенъ».

— Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. 20-го апрѣля 1903 года. На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ. св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Новое Время».

— Распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ 5-го мая 1903 года. Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты «Кіевское Слово», воспрещенную распоряженіемъ отъ 5-го марта сего года.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь разрѣшить выпускъ въ свѣтъ «Самарской Газеты», пріостановленной распоряженіемъ отъ 4-го апрѣля сего года.

— На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газты «Новости».

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., т. XIV, св. зак., изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Волынь».

— Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. 4-го мая 1903 года. Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты «Новое Время», воспрещенную распоряженіемъ отъ 20-го апрѣля текущаго года.

Некрологи. 30-го апрѣля, въ $5^1/_2$ ч. дня, скончался заслуженный профессоръ московскаго университета, недавно назначенный помощникомъ ректора, *Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ*. Въ лицѣ покойнаго университетъ утратилъ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ и уважаемыхъ своихъ членовъ, а русская наука—одного изъ лучшихъ знатоковъ исторіи литературы. Заимствуемъ изъ «Русск. Вѣд.» слѣд. біогр. данныя: «Покойный родился въ 1845 г. въ Мценскѣ и получилъ образованіе въ Москвѣ, въ 1-й гимназіи и въ московскомъ университетѣ. Наибольшее вліяніе изъ профессоровъ имѣлъ на А. И—ча Ѳ. И. Буслаевъ; покойный считалъ себя его ученикомъ и относился всегда къ

его памяти съ глубочайшимъ уваженіемъ. По окончаніи курса А. И. скоро занялъ должность преподавателя русскаго языка въ 1-й и 5-й московскихъ гимназіяхъ и составилъ въ это время, въ концѣ 60-хъ годовъ, отчасти съ Ѳ. Гиляровымъ учебники этимологіи и синтаксиса русскаго языка, выдержавшіе нѣсколько десятковъ изданій. Въ началѣ 70-хъ годовъ А. И. занимался за границей, а въ 1873 году по защитѣ въ московскомъ университетѣ диссертаціи «Поэмы ломбардскаго цикла» получилъ степень магистра всеобщей словесности и вскорѣ послѣ того поступилъ доцентомъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ въ 1879 г., защитивъ въ Петербургѣ докторскую диссертацію («Св. Георгій и Егорій Храбрый»), былъ избранъ экстро-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ всеобщей литературы. Въ 1885 г. онъ перешелъ въ Новороссійскій университетъ въ званіи ординарнаго профессора, а въ 1898 г. занялъ соотвѣтственную каѳедру въ московскомъ университетѣ. Еще въ 1894 г. покойный былъ избранъ академіей наукъ въ свои члены-корреспонденты. Кромѣ многихъ спеціальныхъ работъ по всеобщей литературѣ, А. И—чу принадлежитъ составленіе нѣсколькихъ отдѣловъ въ «Исторіи всеобщей литературы» Корша, по смерти котораго онъ принялъ на себя редакцію этого изданія, «Очерка исторіи книги» (публ. лекціи, Одесса 1888) и мн. др. Любимымъ предметомъ занятій покойнаго въ послѣдніе годы была исторія русской литературы; имъ былъ написанъ рядъ статей о Буслаевѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Жуковскомъ и др., а равно изготовлено два изданія сочиненій Гоголя (съ біографіей и примѣчаніями). Но не менѣе интересовался покойный археологическими вопросами, особенно церковными древностями и христіанскимъ искусствомъ. Онъ принималъ участіе въ археологическихъ съѣздахъ, выступая на нихъ неоднократно съ рефератами, а по переселеніи въ Москву принялъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ московскаго археологическаго общества, въ засѣданіяхъ котораго имъ было сдѣлано много сообщеній, а въ 1898—1899 гг. онъ работалъ кромѣ того въ качествѣ редактора издававшихся обществомъ «Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ». Въ 1898 г. покойный занялъ должность хранителя отдѣленія доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей въ Румянцевскомъ музеѣ, а въ 1902 г., по выходѣ въ отставку Н. И. Стороженко,—должность библіотекаря тамъ же. Неоднократно выступалъ также покойный съ рефератами на современныя литературныя темы въ обществѣ любителей россійской словесности, гдѣ онъ занималъ въ послѣднее время должность временнаго предсѣдателя и былъ предсѣдателемъ организованной при этомъ обществѣ пушкинской коммиссіи. Въ то же время онъ состоялъ предсѣдателемъ библіографическаго общества и принималъ участіе въ дѣятельности педагогическаго общества. Вообще это былъ необыкновенно отзывчивый и дѣятельный человѣкъ, умѣвшій соединять кабинетный трудъ съ широкою общественною дѣятельностью. Талантливый профессоръ, онъ умѣлъ привлекать къ занятіямъ учащуюся молодежь, а живой интересъ, съ которымъ онъ относился къ жизни университета, его широкая отзывчивость, необыкновенное добродушіе его характера располагали къ нему какъ его товарищей-профессоровъ, такъ и всѣхъ его знавшихъ. Обстоятельная оцѣнка его научныхъ заслугъ—дѣло спеціалистовъ; здѣсь достаточно отмѣтить

его широкую и плодотворную дѣятельность какъ профессора и члена различныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ Москвы, въ которыхъ онъ не переставалъ трудиться, можно сказать, до самой своей кончины.

«Покойный страдалъ, повидимому, нефритомъ. Въ субботу, 26-го апрѣля, находясь въ Румянцевскомъ музеѣ, онъ внезапно почувствовалъ себя очень нехорошо и былъ доставленъ на квартиру въ полусознательномъ состояніи. Состояніе быстро ухудшилось, и 30 апрѣля въ $5^1/_2$ час. А. И—ча не стало».

— 6-го мая скончался извѣстный педагогъ и общественный дѣятель *Александръ Николаевичъ Страннолюбскій*. Покойный родился въ 1839 году и первые годы провелъ въ Камчаткѣ, гдѣ отецъ его былъ начальникомъ области. Образованіе А. Н. получилъ въ морскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ офицерскихъ его классахъ (нынѣ Николаевская морская академія). Съ 1867 по 1894 г. состоялъ преподавателемъ математики въ морскомъ училищѣ. Онъ выступилъ на педагогическое поприще какъ разъ въ эпоху подготовленія реформъ, когда въ Петербургѣ образовалось нѣсколько педагогическихъ кружковъ, имѣвшихъ цѣлью открывать безплатныя школы и примѣнять въ дѣлѣ первоначальнаго обученія и воспитанія идеи гр. Л. Н. Толстого и другихъ сторонниковъ полнѣйшей непринудительности ученія, основаннаго исключительно на возбужденіи въ дѣтяхъ интереса къ знанію. Покойный А. Н. вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ и В. П. Острогорскимъ и др. лицами принималъ дѣятельное участіе въ организаціи и занятіяхъ васильевостровской безплатной школы, главнымъ руководителемъ которой былъ Ѳ. Ѳ. Резеверъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ, когда былъ выдвинутъ вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи, А. Н. примкнулъ къ общественному движенію и сдѣлался участникомъ женскихъ организаторскихъ кружковъ для самообразованія. Когда открылись Аларчинскіе женскіе курсы, А. Н. принялъ на себя чтеніе лекцій по математикѣ. Онъ участвовалъ, затѣмъ, въ разработкѣ плана Спб. высшихъ женскихъ курсовъ и явился однимъ изъ учредителей общества доставленія средствъ этимъ курсамъ. Въ девяностыхъ годахъ А. Н. участвовалъ въ дѣятельности Спб. комитета грамотности, въ которомъ проводилъ идею широкаго распространенія народнаго образованія. Съ 1890 года А. Н. принималъ видное участіе въ дѣятельности постоянной коммиссіи по техническому образованію, гдѣ занималъ должность товарища предсѣдателя. Здѣсь А. Н. постоянно отстаивалъ необходимость широкаго общаго образованія для русскаго рабочаго и энергично боролся противъ излишне усердныхъ сторонниковъ техническаго образованія, полагавшихъ, что достаточно научить рабочаго извѣстнымъ механическимъ пріемамъ и навыкамъ, но совсѣмъ не слѣдуетъ давать ему общее образованіе. Покойный А. Н. Страннолюбскій былъ не чуждъ и литературѣ и является авторомъ многихъ трудовъ преимущественно на педагогическія темы.

Смерть А. Н. отняла у народнаго образованія одного изъ энергичныхъ и убѣжденныхъ его защитниковъ.

— 6-го мая въ Неаполѣ скончался извѣстный писатель *Константинъ Михайловичъ Станюковичъ*. Покойный родился въ 1844 году и первоначальное образованіе получилъ въ пажескомъ корпусѣ, откуда перешелъ въ морской, гдѣ и

кончилъ курсъ 16-ти лѣтъ. Выпущенный въ офицеры К. М. былъ отправленъ въ кругосвѣтное путешествіе. Благодаря большимъ связямъ его отца, на молодого моряка было обращено особое вниманіе со стороны начальства и для него, несомнѣнно, открывалась блестящая карьера. Но К. М. мечталъ совершенно о другой дѣятельности. Движеніе 60-хъ годовъ властно захватило молодого офицера и онъ, несмотря на сильное противодѣйствіе со стороны отца, сурового адмирала «стараго закала»—выходитъ въ отставку съ чиномъ лейтенанта и на годъ поступаетъ въ народные учителя въ Муромскій уѣздъ Владимірской губерніи. На литературное поприще К. М. выступилъ въ 1861 году, напечатавъ въ «Морскомъ Сборникѣ» очерки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ «Искрѣ», «Будильникѣ», «Эпохѣ», «Женскомъ Вѣстникѣ» и газетѣ «Гласность». Литературную извѣстность К. М. начинаетъ пріобрѣтать въ 70-хъ годахъ, когда помѣстилъ въ «Дѣлѣ» рядъ разсказовъ и романовъ: «Безъ исхода», «Два брата», «Омутъ» и др. Въ 1841 году онъ написалъ комедію: «На то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ», но эта пьеса была запрещена наканунѣ представленія по особому ходатайству желѣзнодорожныхъ дѣльцовъ. Съ 1874 по 1884 гг. К. М. помѣщалъ въ «Дѣлѣ» фельетонно-сатирическіе очерки текущей жизни подъ псевдонимомъ *Откровеннаго писателя* и подъ заглавіемъ: «Картинки общественной жизни» и «Письма знатныхъ иностранцевъ». Кромѣ того, К. М. писалъ въ «Новостяхъ», «Молвѣ» и «Порядкѣ» воскресные фельетоны подъ псевдонимомъ *Пемпъ*. Съ 1881 года К. М. становится соредакторомъ журнала «Дѣло», который въ 1883 г. переходитъ въ его собственность. Въ 1885 г. журналъ былъ пріостановленъ, а К. М. арестованъ и сосланъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, административнымъ порядкомъ въ Томскую губернію на 3 года. Въ Сибири онъ написалъ первые свои разсказы изъ морской жизни, которые доставили ему такую громкую извѣстность. По возвращеніи изъ ссылки К. М. возобновилъ въ «Русской Мысли» свои письма знатныхъ иностранцевъ, затѣмъ писалъ фельетоны въ «Сынѣ Отечества» (ред. С. Н. Кривенко) и напечаталъ въ разныхъ журналахъ («Вѣстн. Европы», «Русск. Мысль», «Сѣв. Вѣстникъ», «Русское Богатство», «Дѣтское Чтеніе» и др.) цѣлый рядъ романовъ и разсказовъ. Въ «Мірѣ Божіемъ» были помѣщены слѣдующіе его произведенія: въ 1894 г.—«Куцый», разсказъ изъ морской жизни; въ 1895 г.—«Исторія одной жизни», романъ; въ 1898 г.—«Письмо», разсказъ; въ 1899 г.—«Равнодушные», романъ; въ 1900 г.—«Морской штормъ», разсказъ изъ морской жизни и въ 1901 г.—разсказъ «Дождался» *).

---

*) Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Міра Божія“ напечатаны будутъ воспоминанія о К. М. Станюковичѣ г. Гарина (Н. Г. Михайловскаго), бывшаго съ нимъ въ давнихъ и близкихъ отношеніяхъ. *Ред.*

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Вѣстникъ Знанія". №№ 1 и 2. — „Историческій Вѣстникъ". № 1.—„Вѣстникъ Европы". № 5).

Безъ всякаго внѣшняго повода наша журналистика снова и снова останавливаетъ свое вниманіе на томъ тяжеломъ жребіи, который выпалъ на долю Ѳедора Михайловича Достоевскаго. 1903 годъ не является для Достоевскаго «юбилейнымъ» ни въ какомъ смыслѣ. Съ этимъ годомъ не связано никакой годовщины со дня рожденія, смерти, появленія въ печати перваго произведенія или того рокового для писателя момента, который оторвалъ его отъ родной страны и родной литературы на многіе и многіе годы. И тѣмъ не менѣе, къ давно извѣстной уже судьбѣ Достоевскаго, видимо, привлекаются взоры журналистики. Темѣ этой посвящена напечатанная въ двухъ первыхъ книжкахъ новаго журнала «Вѣстникъ Знанія» статья г. Кузьмина, носящая названіе «Ѳ. М. Достоевскій въ каторгѣ и послѣ ссылки»; о Достоевскомъ же напечаталъ въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» статью г. Скандинъ; послѣдняя называется «Достоевскій въ Семипалатинскѣ» и касается времени подневольнаго пребыванія великаго писателя въ этомъ глухомъ городишкѣ. Помѣщая статью о Достоевскомъ г. Кузьмина, редакція «Вѣстника Знанія» снабдила ее такимъ примѣчаніемъ: «Не соглашаясь съ нѣкоторыми выводами автора статьи, помѣщаемъ ее въ виду интереса сгруппированнаго въ ней матеріала». Такое примѣчаніе помѣстить было безусловно необходимо, ибо съ «выводами» г. Кузьмина соглашаться, дѣйствительно, очень трудно, а матеріалъ, имъ сгруппированный, хотя и не блещетъ новизною, но принадлежитъ къ тому его виду, который, какъ справедливо замѣтилъ самъ г. Кузьминъ, «едва ли когда-нибудь можетъ «устарѣть». Да, матеріалъ этотъ не старѣется, ибо едва полъ-столѣтія отдѣляетъ насъ отъ того тяжелаго времени, когда людямъ грозила смертная казнь за разговоры въ частныхъ кружкахъ о тяжеломъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, необходимости судебной реформы или строгости цензуры. Такія вещи не изглаживаются легко изъ памяти не только современниковъ, но и цѣлыхъ рядовъ слѣдующихъ за ними поколѣній, къ которымъ можно примѣнить слова одного изъ лермонтовскихъ персонажей: «Забвенья не далъ Богъ, да онъ и не взялъ бы забвенья...»

Впрочемъ, не всѣ люди нашего времени, даже и не отличающіеся рѣзко выступающей реакціонной закваской, относятся надлежащимъ образомъ къ событіямъ прошлаго. Такое недоразумѣніе усматривается и въ сужденіяхъ, высказываемыхъ г-номъ Кузьминымъ. Пусть судитъ, впрочемъ, самъ читатель о смыслѣ слѣдующей цитаты изъ статьи названнаго писателя:

«Не установилось еще вполнѣ правильнаго и справедливаго во взглядахъ на причины и поводъ ссылки Достоевскаго, *благодаря* нѣкоторой скудности свѣдѣній, относящихся къ этой эпохѣ. (Это неумѣстное употребленіе *благодаря* достаточно характеризуетъ «стиль» г. Кузьмина, на неправильностяхъ языка котораго считаемъ излишнимъ настаивать). Между тѣмъ, теперь, имѣя

въ своемъ распоряженіи новыя свѣдѣнія и документы, добытые два года тому назадъ Ан. Гр. Достоевской совмѣстно съ г-жей Ниной Гофманъ, нѣмецкимъ біографомъ Достоевскаго, пріѣзжавшей съ этой цѣлью нарочно въ Россію, *можно вполнѣ утвердительно признать нѣкоторую виновность Достоевскаго въ переходѣ извѣстной дозволенной черты и границы* (курсивъ нашъ), что повлекло за собою роковыя послѣдствія въ страшное и тяжелое повсюду не только у насъ въ Россіи, время, когда приходилось быть особенно осторожнымъ. Юный, увлекающійся, проникнутый соціализмомъ, свободомыслiемъ и не установившійся еще въ ту пору Ф. М. Достоевскій *не съумѣлъ во время остановиться*. Тогда во имя «общечеловѣческой справедливости» устраивались молодежью кружки и ассоціаціи,—какъ было не примкнуть къ нимъ такому гуманисту и либералу, какъ юный Достоевскій?! И онъ понесъ, по собственному сознанію, заслуженную кару: за преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе, но не всякаго примиряетъ оно такъ, какъ Достоевскаго, съ жизнью».

Какъ читателю нравится такое истолкованіе одного изъ мрачныхъ эпизодовъ нашей исторіи? Пусть Достоевскій самъ считалъ все, происшедшее съ нимъ въ 1849 году, «заслуженною карою»,—мы можемъ интересоваться причинами такого воззрѣнія, главнымъ образомъ, съ психологической точки зрѣнія, но г. Кузьмину не мѣшало бы намъ представить въ подтвержденіе своего взгляда на заслуженность Достоевскимъ постигшей его кары и какія-нибудь доказательства фактическаго характера. Не мѣшало бы указать намъ, профанамъ, болѣе опредѣленно, какія основанія имѣются у г. Кузьмина для утвержденія, что въ настоящее время «можно вполнѣ утвердительно признать нѣкоторую виновность Достоевскаго въ переходѣ извѣстной дозволенной черты и границы». При этомъ надо думать, что такой переходъ Достоевскимъ «дозволенной черты и границы» былъ чрезвычайно великъ. Если же у г. Кузьмина такихъ основаній нѣтъ, то можно лишь пожалѣть «Вѣстникъ Знанія», начавшій свой дебютъ подобною , исполненною легкомыслія, статьею. Тутъ уже примѣчанія о несогласіи съ «выводами» автора со стороны редакціи, пожалуй, и маловато.

Посмотримъ же, какой новый свѣтъ прольетъ намъ г. Кузьминъ на содѣянныя Достоевскимъ тяжкія вины.

Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ его статьѣ:

«Опубликованная въ 1898 году «Оправдательная записка» Ѳ. М. Достоевскаго *) по дѣлу Петрашевскаго, найденная въ архивахъ бывшаго «Третьяго Отдѣленія», проливаетъ новый свѣтъ на дѣло Петрашевскаго. «Ни по характеру, ни по моимъ взглядамъ не сходился я съ Петрашевскимъ,—пишетъ въ ней Достоевскій.—Поэтому я поддерживалъ сношенія съ нимъ только въ той

*) Подлинный текстъ этой записки, помѣщенный въ нѣмецкомъ переводѣ не вполнѣ точномъ) въ трудѣ г-жи Гофманнъ, былъ напечатанъ въ русскомъ отдѣлѣ журнала „Космополисъ“ за 1898 г., сентябрь. Это, повидимому, осталось неизвѣстнымъ г-ну Кузьмину. Приводимыя ниже цитаты возстановлены по подлиннику.

степени, въ какой этого требовала вѣжливость т.-е. я посѣщалъ его приблизительно разъ въ мѣсяцъ, а иногда и рѣже». Тѣмъ не менѣе, установленъ тотъ фактъ, что въ одно изъ своихъ посѣщеній Достоевскій принесъ и прочелъ громко въ большомъ собраніи гостей у Петрашевскаго рукописное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю съ рѣзкимъ осужденіемъ въ немъ тогдашней дѣйствительности.

«Достоевскій никогда не мечталъ о революціи, какъ на него донесли, быть можетъ, изъ-за одной необдуманной, неосторожно вырвавшейся фразы. Дебу разсказываетъ о Достоевскомъ между прочимъ слѣдующее: «какъ теперь вижу я передъ собою Ѳедора Михайловича на одномъ изъ вечеровъ у Петрашевскаго, вижу и слышу его разсказывающимъ о томъ, какъ былъ прогнанъ сквозь строй фельдфебель финляндскаго полка или же о томъ, какъ поступаютъ помѣщики съ своими крѣпостными. Не менѣе живо помню его, разсказывающаго намъ свою «Неточку Незванову» гораздо полнѣе, чѣмъ она была напечатана. Помню, съ какимъ живымъ человѣческимъ чувствомъ относился онъ и тогда къ общественному продукту, олицетвореніемъ котораго явилась у него впослѣдствіи Сонечка Мармеладова».

«Болѣе яркія и опредѣленныя указанія на слишкомъ (?!) возбужденное въ то время состояніе Достоевскаго даетъ намъ еще Милюковъ.

«Въ своихъ запискахъ онъ разсказываетъ: «я помню, какъ съ обычной своей энергіей до ссылки Достоевскій читалъ стихотвореніе Пушкина «Уединеніе». Это происходило въ собраніяхъ кружка. Какъ теперь слышу восторженный голосъ, съ какимъ онъ произнесъ заключительный куплетъ:

Увижу-ль, о, друзья, народъ не угнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

«Только разъ Достоевскій вспылилъ и увлекся. Когда однажды споръ перешелъ на вопросъ: «ну, а если бы освободить крестьянъ оказалось невозможнымъ иначе какъ черезъ возстаніе?» Достоевскій воскликнулъ: «такъ хотя бы черезъ возстаніе!» «Дуровцы,—какъ вспоминаетъ Милюковъ,—въ своихъ бесѣдахъ не мало сѣтовали на строгость цензуры. Но особенно ихъ занимали политическіе вопросы и, прежде всего, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ». Конечно, чуть ли не самымъ отзывчивымъ на такіе вопросы въ ихъ кружкѣ являлся юный другъ и защитникъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» Ѳ. М. Достоевскій.

«Проникнутый высокими и гуманными идеями, отзывчивый только на все доброе, какъ человѣкъ, глубоко вѣрующій въ сознаніе русской самобытной національности, Достоевскій не могъ и мыслить о какомъ-нибудь политическомъ переворотѣ; но слишкомъ чуткій, слишкомъ отзывчивый, онъ не съумѣлъ таить въ себѣ сочувствія къ рѣзкимъ сужденіямъ Бѣлинскаго. «Оправдательная записка» его дышетъ мыслями и чувствами человѣка, истинно любящаго свою родину, человѣка искренняго и благороднаго. «Кто видѣлъ мою душу? У кого мѣрило вѣроломства, дурного вліянія и подстрекательства, въ кото-

рыхъ меня обвиняютъ?—пишетъ въ ней Ѳ. М. Достоевскій. «Я три раза говорилъ: два раза о литературѣ и одинъ разъ о предметѣ, ничего общаго не имѣющемъ съ политикою—о личности и человѣческомъ эгоизмѣ. Ничего политическаго и либеральнаго не было въ моихъ словахъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ еще слѣдующія знаменательныя и откровенныя по тому времени строки: «да, если *желать лучшаго* есть либерализмъ, вольнодумство, то въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, я вольнодумецъ, въ томъ же смыслѣ, въ которомъ можетъ быть названъ вольнодумцемъ и каждый человѣкъ, который въ глубинѣ сердца своего чувствуетъ въ правѣ быть гражданиномъ, чувствуетъ себя въ правѣ желать добра своему отечеству, потому что находитъ въ сердцѣ своемъ и любовь къ отечеству, и сознаніе, что никогда ничѣмъ не повредилъ ему. Но это *желаніе лучшаго* было въ возможномъ или въ невозможномъ? Пусть уличатъ меня, что я желалъ перемѣнъ и переворотовъ насильственно, революціонерно, возбуждая желчь и ненависть! Но я не боюсь улики, ибо никакой доносъ на свѣтѣ не отниметъ отъ меня и не прибавитъ мнѣ ничего, никакой доносъ не заставитъ меня быть другимъ, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ». Гдѣ же предположенный г-номъ Кульнинымъ «переходъ извѣстной дозволенной черты и границы»? Въ вышеприведенныхъ словахъ, звучащихъ независимо и искренно, выразилась именно теплая любовь къ родинѣ Достоевскаго, все его credo. «Но въ чемъ же обвиняютъ меня?—продолжаетъ нѣсколько ниже Ѳ. М. Достоевскій.—Въ томъ, что я говорилъ о политикѣ, о Западѣ, о цензурѣ и пр.? Но кто же не говорилъ и не думалъ въ наше время объ этихъ вопросахъ? Зачѣмъ же я учился, зачѣмъ наукой во мнѣ возбуждена любознательность, если я не имѣю права сказать моего личнаго мнѣнія или не согласиться съ такимъ мнѣніемъ, которое само по себѣ авторитетъ?» «Я говорилъ объ цензурѣ, объ ея непомѣрной строгости въ наше время (по мнѣнію г-на Кульнина, такъ *сознается* (?!) въ концѣ своей исповѣди Достоевскій), сѣтовалъ объ этомъ, ибо чувствовалъ, что произошло какое-то недоразумѣніе, изъ котораго вытекаетъ натянутый, тяжелый для литературы порядокъ вещей...» «Я подвергся (цензурному) запрещенію собственно за то, что картина написана была слишкомъ мрачными красками. Но если бы знали, въ какое мрачное положеніе поставленъ былъ авторъ запрещеннаго сочиненія! Онъ увидѣлъ передъ собою необходимость просидѣть хуже, чѣмъ безъ хлѣба, цѣлыхъ три мѣсяца, ибо работа давала мнѣ средства къ существованію». Достоевскій справедливо жалуется дальше на то, что безъ литературы общество не можетъ существовать, что цѣлыя отрасли искусства должны этимъ путемъ исчезнуть, говоритъ, что, хотя онъ объясняетъ себѣ «запасную революцію, какъ *историческую необходимость* тамошняго современнаго кризиса», но въ то же время онъ отстаиваетъ самобытность нашей страны, «не сложившейся, подобно Западу», и напоминаетъ о двукратномъ спасеніи Россіи единственно усиленіемъ авторитета, усиленіемъ самодержавія: въ первый разъ отъ татаръ, второй разъ въ реформу Петра Великаго. Указанными мыслями почти исчерпывается, по мнѣнію г-на Кузьмина, содержаніе драгоцѣннаго и знаменательнаго для оцѣнки личности Достоевскаго и мотивовъ, послужившихъ къ ссылкѣ его, документа». Въ немъ звучитъ голосъ

человѣка гуманнаго, вѣрующаго въ Бога и свое отечество, чуждаго европеизма на русской почвѣ, съ горячей любовью къ роднымъ основамъ и литературѣ, но, можетъ быть, слишкомъ чуткаго (!) для того тревожнаго времени, слишкомъ честнаго и правдиваго (какъ видите, «честнымъ» и «правдивымъ» можно быть только въ умѣренной степени) публициста, который не могъ покоиться въ сладкомъ самоусыпленіи во время всеобщей литературной спячки и отозвался не во-время со всей полнотой и энтузіазмомъ юной, свѣжей, чистой, нетронутой души».

Вотъ все, что сообщаетъ намъ г. Кузьминъ о преступленіяхъ Достоевскаго, за которыя онъ понесъ «заслуженную кару» въ видѣ приговора къ смертной казни, замѣненной на эшафотѣ ссылкой въ каторгу. Подведемъ же итоги этимъ «преступленіямъ»: 1) обнаруживалъ «свободолюбивый» образъ мыслей, но считалъ, что «спасеніе Россіи въ силѣ самодержавія»; 2) ожидалъ освобожденія крестьянъ отъ верховной власти, съ энтузіазмомъ мечталъ о томъ времени, когда «рабство падетъ по манію царя» и только одинъ разъ воскликнулъ, что освобожденіе крестьянъ должно стать совершившимся фактомъ «хотя бы и черезъ возстаніе»; 3) прочелъ на собраніи у Петрашевскаго рукописное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, причемъ, добавляетъ г. Кузьминъ «не съумѣлъ таить въ себѣ сочувствія къ рѣзкимъ сужденіямъ Бѣлинскаго» *). Вотъ и все. Гдѣ же тотъ переходъ «дозволенной черты и грани», который заставляетъ, по мнѣнію г. Кузьмина, отвѣчать на вопросъ о «нѣкоторой (?) виновности» Достоевскаго «вполнѣ утвердительно»... Вотъ ужъ подлинно можно сказать: et voilà comme l'on écrit l'histoire!..

Времени пребыванія Достоевскаго въ военной службѣ посвящена статья г. Скандина, помѣщенная въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» и называющаяся «Ѳ. М. Достоевскій въ Семипалатинскѣ». Небольшой сравнительно промежутокъ этотъ изъ жизни Достоевскаго авторъ обработалъ живо и интересно. Предъ нами Достоевскій въ мундирѣ рядового какого-то Сибирскаго № 7 линейнаго баталіона, Достоевскій, несущій тяжелую службу солдата Николаевской эпохи. Вмѣстѣ съ Достоевскимъ въ баталіонѣ служилъ, поступивъ туда изъ кантонистовъ, Н. Ф. Кацъ. Со словъ этого то Каца и передаетъ г. Скандинъ нѣкоторыя подробности о пребываніи Достоевскаго въ военной службѣ. «Глубоко запечатлѣлась въ памяти Н. Ф. Каца,—пишетъ г. Скандинъ,—одна экзекуція, а именно наказаніе шпицрутенами, когда Достоевскій находился въ строю, и, конечно, принужденъ былъ нанести и свой очередной ударъ по обнаженной спинѣ осужденнаго... Сзади строя въ это время зловѣще шагала фигура грознаго фронтовика-офицера Веденяева, больше извѣстнаго семипалатинцамъ старожиламъ подъ произвищемъ «Буранъ». Веденяевъ наблюдалъ за экзекуціей и зорко слѣдилъ, «не облегчаетъ ли кто удара»...

---

*) Читатель благоволитъ припомнить, что положительная программа, развитая Бѣлинскимъ въ этомъ страшномъ письмѣ сводится къ тремъ пунктамъ „уничтоженію крѣпостного права, отмѣненію тѣлесныхъ наказаній да введенію по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть".

Съ восшествіемъ на престолъ Александра II въ атмосферѣ повѣяло, какъ извѣстно, нѣкоторою оттепелью, но дуновеніе ея коснулось Достоевскаго далеко не сразу. Ему для этого пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ барону Врангелю, котораго онъ просилъ побывать у Тотлебена, передать ему письмо и добиваться у государя о смягченіи участи просителя. Просьба Достоевскаго состояла въ томъ, что ему позволено было перейти въ гражданскую службу возвратиться въ Россію и имѣть право печатать свои произведенія. Вмѣсто всего этого и вслѣдствіе усиленныхъ хлопотъ друзей Достоевскаго, онъ получилъ милость въ формѣ производства въ прапорщики съ оставленіемъ въ томъ же баталіонѣ. Конечно, жизнь офицера была многимъ лучше доли солдата, но не того жаждалъ Достоевскій. Лишь въ 1859 году послѣдовало, наконецъ, давно желанное Достоевскимъ увольненіе его въ отставку. Бумага, которой извѣщалось начальство Достоевскаго объ этомъ фактѣ гласила:

«Дежурный генералъ главнаго штаба его императорскаго величества 27-го марта за № 318 увѣдомилъ, что высочайшимъ приказомъ, въ 18-й день минувшаго марта состоявшимся, прапорщикъ Сибирскаго линейнаго баталіона изъ политическихъ преступниковъ, Достоевскій уволенъ за болѣзнью отъ службы съ награжденіемъ слѣдующимъ чиномъ.

«Къ сему свиты его величества генералъ-маіоръ Герштенцвейгъ присовокупилъ, что объ учрежденіи за подпоручикомъ Достоевскимъ секретнаго надзора, по избранному имъ мѣсту жительства въ городѣ Твери, и о воспрещеніи ему въѣзда въ губерніи С.-Петербургскую и Московскую вмѣстѣ съ симъ сообщено министру внутреннихъ дѣлъ и управляющему III отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи.

«Вслѣдствіе отзыва начальника штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса отъ 28-го минувшаго апрѣля № 2.586, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для свѣдѣнія. Подписано: начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Дометс и начальникъ дивизіоннаго штаба подполковникъ Бабковъ».

Описанію не особенно далекаго прошлаго нѣкоторыхъ уголковъ жизни нашей родины посвящена и печатающаяся въ «Вѣстникѣ Европѣ» автобіографія извѣстнаго историка и профессора кіевскаго университета г. Романовича-Славатинскаго. Автобіографія эта началась печататься уже нѣсколько книжекъ тому назадъ. Не разъ думали мы дать изъ нея и читателямъ нашего журнала тѣ или иныя любопытныя странички, но ни разу не привели этого въ исполненіе по той причинѣ, что, скажемъ прямо и скажемъ, конечно, съ сожалѣніемъ, что въ воспоминаніяхъ г. Романовича-Славатинскаго интереснаго очень очень мало. Не того ждали мы отъ извѣстнаго автора книги о дворянствѣ на Руси. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, повторять читателю о томъ, что, когда г. Славатинскій встрѣтился въ Лондонѣ съ Герценомъ, то узналъ, что послѣдній любитъ русскія ватрушки и притомъ непремѣнно съ заклеенными краями, что пріѣхавъ во Флоренцію, авторъ воспоминаній нашелъ этотъ городъ очень красивымъ, а въ Венеціи онъ видѣлъ своими глазами, что тамъ ѣздятъ на гондолахъ и т. д., и т. д. въ томъ же родѣ. Печатью какой-то необыкновен-

ной поверхностности отмѣчены вообще всѣ до сихъ поръ напечатанныя главы изъ автобіографіи г. Славатинскаго. Прочли мы продолженіе ея и въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы» и остались почти подъ тѣмъ же самымъ впечатлѣніемъ. А казалось бы, что поразсказать г-ну Романовичу-Славатинскому есть о чемъ. Авторъ воспоминаній былъ въ 1862 году уже профессоромъ въ Кіевѣ и вотъ какъ описываетъ онъ, напр., то горячее время: «Въ концѣ апрѣля разнеслась вѣсть, что въ окрестностяхъ Кіева идетъ война повстанцевъ съ русскими войсками. Въ виду всѣхъ этихъ событій, задумано было подать государю всеподданнѣйшій адресъ. Въ квартирѣ ректора собрались нѣсколько профессоровъ, и я въ томъ числѣ, и мы выслушали проектъ адреса, составленный Незабитовскимъ. Проектъ былъ хорошо составленъ и безъ измѣненій предложенъ былъ совѣту, отъ лица котораго и препровожденъ государю. Скоро мы получили благодарность. Адресомъ университетъ не ограничился: въ иностранной прессѣ помѣщалась масса невѣрныхъ свѣдѣній изъ польскихъ источниковъ; составлена была брошюра за подписью всѣхъ членовъ совѣта, въ которой эти ложныя свѣдѣнія опровергались, а факты возстановлялись въ подлинномъ видѣ. Въ 1864 году, по предложенію Милюкова, былъ выбранъ почетнымъ членомъ университета Катковъ, какъ бы въ видѣ протеста противъ Шедо-Ферота, порицавшаго публицистическую дѣятельность редактора «Московскихъ Вѣдомостей».

Вотъ и все. И фактическая часть сказанія, какъ видитъ читатель, уже черезчуръ убога, да и настроенія окрашены ужъ слишкомъ въ одинъ цвѣтъ. А между тѣмъ, даже и такія страницы въ автобіографіи г. Славатинскаго разсыпаны далеко не въ изобиліи. Типичны будутъ страницы въ родѣ такой: «въ маѣ 1870 г. я уѣхалъ въ Петербургъ. Въ первый разъ я былъ въ этомъ городѣ и онъ мнѣ очень понравился. Меня особенно поражали бѣлыя ночи, къ которымъ я долго не могъ привыкнуть, страдая безсонницей. Рукопись своей исторіи русскаго дворянства я отдалъ для напечатанія въ типографію министерства внутреннихъ дѣлъ, а самъ устроился на Надеждинской улицѣ, противъ государственнаго коннозаводства» и пр., и пр., и пр. Какъ хотите, а подобнаго рода подробности и вообще мало интересны, а когда онѣ растянуты на десяти страницахъ, причемъ безсодержательность ихъ не компенсируется рѣшительно никакими положительными сторонами, то невольно спрашиваешь себя: зачѣмъ это люди пишутъ автобіографіи, если имъ сказать нечего? Кому онѣ могутъ быть интересны?

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Германскія дѣла: закрытіе рейхстага и начало избирательнаго періода.—Театральная—цензура. Германскіе газеты напечатали прощальныя статьи рейхстагу, закончившему свою законодательную дѣятельность. Нельзя, однако сказать, чтобы этотъ рейхстагъ—второй въ Гер-

маніи, просуществовавшій весь полный пятилѣтній законодательный періодъ,— оставилъ по себѣ особенно блестящее воспоминаніе. Всѣ партіи отзываются о немъ не вполнѣ одобрительно, такъ что, очевидно, онъ не съумѣлъ угодить ни друзьямъ, ни врагамъ; и тѣ и другіе обвиняютъ его съ слабости, нерѣшительности и безцвѣтности. Особенно отличался этими качествами послѣдній періодъ его существованія. Депутаты блистали своимъ отсутствіемъ, вслѣдствіе чего большею частью пренія затягивались, такъ какъ не хватало наличности депутатовъ для поименнаго голосованія. Правда, обсужденіе нѣкоторыхъ законопроектовъ выиграло отъ такихъ затягиваній, но въ большинствѣ случаевъ они все таки вредили дѣлу и интересъ къ работамъ рейхстага постепенно ослабѣвалъ. Консервативная печать жалуется на то, что рейхстагъ, въ которомъ оффиціально господствующею партіей былъ центръ, въ концѣ концовъ перешелъ въ руки соціалъ-демократовъ. Вѣроятно, это было причиною, что закрытіе рейхстага и его распущеніе совершилось безъ всякой торжественной обстановки и былъ только прочитанъ соотвѣтствующій императорскій указъ, между тѣмъ какъ предшедствующій рейхстагъ удостоился похвалы изъ устъ самого императора Вильгельма, произнесшаго прощальную тронную рѣчь 5-го мая 1898 года по случаю окончанія законодательнаго періода. Впрочемъ, это понятно; прошлый рейхстагъ пошелъ навстрѣчу желаніямъ императора, принявъ законопроектъ о флотѣ, почти удвоившій расходы морского бюджета, и военный законопроетъ, который также повелъ за собою значительное финансовое отягощеніе страны. Центръ въ обоихъ случаяхъ игралъ роль правительственной партіи. Однако, наслѣдіе, оставленное этимъ рейхстагомъ, выказавшимъ такую угодливость, оказалось черезмѣрно тяжелымъ, что выразилось особенно ясно въ исторіи съ съ китайскою экспедиціей. Въ организаціи этой экспедиціи проявилось полнѣйшее игнорированіе парламентскихъ учрежденій страны, экспедиція была предпринята въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это было вызвано необходимостью, и при этомъ не было внесено въ рейхстагъ никакого предложенія относительно ассигновки суммъ на эту экспедицію и со стороны рейхстага не требовалось никакого предварительнаго согласія на расходы, сопряженные все съ этимъ предпріятіемъ. Между тѣмъ, расходы эти далеко превысили предположенную смѣту и рейхстагу надо было уже заднимъ числомъ давать свое согласіе. Но графу Бѣлову, замѣнившему князя Гогенлоэ на канцлерскомъ посту, пришлось не мало потрудиться, чтобы добиться этого согласія. Рейхстагъ далъ его, но при этомъ подвергъ рѣзкой критикѣ всю экспедицію и такъ какъ заявленія рейхстага были вполнѣ основательны, то Бѣлову ничего больше не оставалось, какъ дать пароль своей партіи: раздѣлаться какъ можно скорѣе съ этимъ непріятнымъ вопросомъ и снять со сцены китайскую экспедицію. Между тѣмъ, и финансовое положеніе государства въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи вполнѣ оправдало опасенія тѣхъ депутатовъ, которые предостерегали отъ чрезмѣрно большой угодливости въ дѣлахъ, касающихся бюджета страны. Теперь почти вся печать ставитъ въ упрекъ правительству, что оно не жалѣло розовой краски для изображенія финансоваго положенія, когда дѣло шло о томъ,

чтобъ добиться согласія рейхстага на новые кредиты, а теперь, ссылаясь именно на финансовыя затрудненія, правительство всячески старается увеличить бремя плательщиковъ налоговъ.

Однако, либеральная печать все-таки признаетъ, что кончившій свою дѣятельность рейхстагъ заслуживаетъ быть помянутымъ добромъ, потому что онъ быстро провалилъ нѣкоторые реакціонерные законопроекты, въ родѣ закона Гейнце и т. д., хотя это и было сдѣлано конечно подъ давленіемъ сильнаго общественнаго движенія. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать все-таки, что реакціонныя силы рейхстага дѣйствовали дружно и смѣло и благодаря имъ парламентская власть привратилась въ послѣднее время въ пустой звукъ. Вся оппозиціонная печать напоминаетъ объ этомъ избирателямъ, такъ какъ отъ состава будущаго рейхстага должно зависѣть и будущее парламентаризма въ Германіи. Собственно избирательный періодъ уже начался въ Германіи, но печать жалуется на то, что не замѣтно еще никакого оживленія въ обществѣ. Партіи, впрочемъ, усиленно готовятся къ предстоящему генеральному сраженію, и мобилизуютъ свои отряды. «Frankfurter Zeitung» и другія газеты того же лагеря напоминаютъ избирателямъ о серьезной и важной отвѣтственности, которая лежитъ на нихъ теперь, такъ какъ правительство, несомнѣнно, будетъ сообразовываться съ исходомъ выборовъ въ своей экономической политикѣ. Національ-либеральная печать, однако, очень озабочена успѣхами соціалъ-демократіи и упрекаетъ рейхстагъ въ томъ, что онъ работалъ на руку ихъ партіи. При наличности аграрнаго большинства и господствѣ центра, сила, на практикѣ, оказалась тѣмъ не менѣе на сторонѣ соціалъ-демократовъ, несмотря на ихъ численное меньшинство. Въ дѣйствительности они могли во всякое время прервать ходъ занятій рейхстага и даже терроризировать неспособное къ работѣ большинство, которое въ состояніи было совладать съ оппозиціей, во время обсужденія тарифнаго законопроекта, только путемъ примѣненія незаконныхъ средствъ. Это создало въ высшей степени неблагопріятныя условія для будущаго рейхстага и несомнѣнно должно будетъ повліять на выборы.

Вопросъ о театральной цензурѣ, выдвинутый запрещеніемъ въ Берлинѣ пьесы Пауля Гейзе «Марія Магдалина» все еще не сходитъ со сцены. По этому поводу кельнская газета приводитъ нѣкоторые факты изъ исторіи театральной цензуры, которые должны примирить германскую публику съ существующимъ положеніемъ вещей. Такъ ли было раньше? Вотъ что, напр., дѣлалось въ Вѣнѣ, въ 1795 году, когда во главѣ театральной цензуры находился нѣкій Хегелинъ. Почти всѣ темы, какія только могъ затрогивать драматическій авторъ въ своихъ произведеніяхъ, оказывались для него запретными, такъ какъ къ нимъ цензоръ могъ примѣнить принципъ «о неподходящемъ направленіи». Въ такъ называемомъ австрійскомъ «организаціонномъ статутѣ» 1778 года было сказано о допущеніи драматическихъ произведеній: «Нельзя допускать такихъ произведеній, которыя противорѣчатъ системѣ» (т.-е. правительству); Хегелинъ, однако, счелъ нужнымъ пояснить это дальнѣйшимъ образомъ: «Само собою разумѣется, говоритъ онъ въ своемъ руководствѣ цензорамъ—что театральная цензура должна быть гораздо строже обыкновенной, такъ какъ дѣйствіе, про-

изводимое на зрителей театральными представленіями, гораздо сильнѣе простого чтенія этихъ произведеній». Далѣе Хегелинъ перечисляетъ темы, которыя не могутъ быть затронуты на сценѣ; къ числу ихъ принадлежитъ, между прочимъ, смерть Цезаря, изгнаніе Тарквинія, событія изъ исторіи эрцгерцогскаго дома, могущія набросить тѣнь на этотъ домъ, исторія Вильгельма, возстаніе Нидерландовъ и вообще всякія другія возстанія. Нельзя выводить на сценѣ духовныхъ лицъ, хоть бы въ хвалебномъ видѣ; нельзя касаться военныхъ и т. д. Но лучше всего этотъ параграфъ: «Лица мужского пола могутъ разставлять сѣти добродѣтели, совершать попытки совращенія со стези добродѣтели и выступать съ предложеніями преступнаго характера, но женщины никогда, даже для виду, не должны соглашаться на такія предложенія. Цензура должна наблюдать, чтобы двое влюбленныхъ на сценѣ не удалялись вмѣстѣ. На сценѣ не могутъ быть допущены также нарушительницы супружеской вѣрности. Выраженій: тиранъ, тиранія, деспотизмъ, угнетеніе подчиненныхъ и т. д. слѣдуетъ старательно избѣгать, также какъ словъ: просвѣщеніе, свобода и равенство...» Это было въ 1795 году, но еще въ 1826 году вѣнская цензура слово «Volk» вездѣ замѣняла словомъ «Leute», даже въ историческихъ драмахъ. «Однако то, что было возможно въ первой половинѣ XIX-го вѣка, немыслимо теперь, замѣчаетъ кельнская газета.—Общественное мнѣніе слишкомъ сильно возмущено оскорбительною для него опекой и въ будущемъ законодательномъ періодѣ вопросъ о театральной цензурѣ и ея упраздненіи вѣроятно будетъ выдвинутъ на сцену».

Недавно опубликованъ годовой отчетъ дѣятельности женскихъ юридическихъ ферейновъ въ Германіи. Девять лѣтъ тому назадъ такой ферейнъ былъ основанъ впервые въ Дрезденѣ г-жею Маріей Штрифтъ съ цѣлью оказанія юридической помощи женщинамъ въ различныхъ случаяхъ жизни. Дѣятельность этого ферейна оказалась настолько полезной, что по примѣру его образовались другіе такіе же ферейны въ разныхъ городахъ Германіи. Въ настоящее время число этихъ ферейновъ достигаетъ 35-ти; изъ нихъ 23 соединились вмѣстѣ для образованія центральнаго отдѣленія въ Берлинѣ подъ вѣдѣніемъ доктора правъ, Маріи Рашке. Изъ отчета этого центральнаго отдѣленія видно, что объединенные ферейны оказали юридическую помощь 5.453 женщинамъ, изъ всѣхъ классовъ общества, обращавшихся къ намъ за совѣтомъ, причемъ оказывается, что число замужнихъ кліентокъ, разведенныхъ и вдовъ превышало на 11,21 проц. число незамужнихъ; точно также и число зарабатывающихъ женщинъ, обращавшихся за юридическимъ совѣтомъ, превысило на 20,64 проц. число женщинъ, не имѣющихъ никакой профессіи. Что касается поводовъ къ обращенію за юридическими совѣтами, то въ 840 случаяхъ это были распри супруговъ; въ 503—недоразумѣнія съ квартирными хозяевами; въ 744—недоразумѣнія, касающіяся заработной платы и т. д.

Въ настоящее время Австрія также послѣдовала примѣру своей сосѣдки и австрійскій женскій ферейнъ устроилъ въ Вѣнѣ три юридическихъ бюро для женщинъ по образцу берлинскаго. Вообще идея устройства такихъ бюро оказалась въ практическомъ отношеніи очень цѣлесообразной.

На этихъ дняхъ берлинскій вечерній пріютъ для работницъ перебрался въ новое и болѣе просторное помѣщеніе, такъ какъ прежнее оказалось слишкомъ тѣснымъ. Число вечернихъ посѣщеній въ этомъ пріютѣ среднимъ числомъ бываетъ 20, а дневныхъ посѣтительницъ, приходящихъ обѣдать въ пріютъ, обыкновенно бываетъ чуть ли не вдвое больше. Въ новомъ помѣщеніи пріюта находится просторная столовая, гостиная съ балкономъ, кабинетъ для чтенія, ванная и спальня для 15-ти живущихъ; смотря по величинѣ комнаты, въ ней помѣщаются двѣ и три кровати. Устроительницы пріюта прежде всего имѣли въ виду доставить наивозможныя удобства тяжело работающимъ женщинамъ, которыя въ пріютѣ находятъ все, что нужно. Къ ихъ услугамъ имѣются четыре швейныя машины, очень недурная библіотека, разныя газеты и піанино; всѣмъ этимъ онѣ могутъ пользоваться въ свои свободные часы. Плата очень умѣренная: отъ 4-хъ съ половиною марокъ до 9-ти въ мѣсяцъ, смотря по величинѣ комнаты; удобствами же пользуются всѣ одинаково. Также дешевы цѣны и за завтраки и обѣды. Кромѣ того въ пріютѣ устроены и безплатные курсы шитья, пѣнія и гимнастики, а по воскресеньямъ читаются лекціи и устраиваются музыкальные вечера. По случаю перехода пріюта въ новое помѣщеніе, берлинскія газеты печатаютъ сочувственныя статьи и одобряютъ идею его устройства. Фабричныя работницы этого района, гдѣ находится пріютъ (Berlin, N. W.), по собственному почину выразили благодарность его устроительницамъ. Даже тѣ изъ нихъ, которыя живутъ въ семьяхъ и не имѣютъ нужды въ такомъ пріютѣ, съ удовольствіемъ посѣщаютъ устраиваемые въ нихъ вечера.

Ирландскій билль.—Рѣчь Карнеджи о проблемахъ промышленности. Подавляющимъ большинствомъ голосовъ (443 противъ 26) палата общинъ приняла во второмъ чтеніи ирландскій аграрный законопроектъ, внесенный Циндгемомъ. Большинство, вотировавшее законопроектъ, состояло изъ депутатовъ министерской партіи, ирландцевъ и либераловъ, меньшинство—изъ нѣкоторыхъ непримиримыхъ уніонистовъ и радикаловъ, протестующихъ противъ того, чтобы въ карманы ирландскихъ землевладѣльцевъ попадали деньги англійскихъ плательщиковъ податей. Это голосованіе вызвало, конечно, много толковъ въ англійской печати. Газеты всѣхъ направленій указываютъ на него какъ на побѣду либеральной идеи въ англійской политикѣ, но въ то же время констатируютъ окончательный расколъ либеральной партіи. Дальнѣйшее обсужденіе законопроекта, конечно, должно будетъ вызвать очень оживленные и горячіе дебаты, но тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвается, что законопроектъ пройдетъ громаднымъ большинствомъ голосовъ, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями. По общему отзыву министерство Бальфура избрало очень удобный моментъ для рѣшенія аграрнаго вопроса въ Ирландіи, такъ какъ въ первый разъ землевладѣльцы и арендаторы оказались согласны между собой насчетъ принциповъ закона, цѣль котораго—положить конецъ давнишнимъ раздорамъ, существующимъ между ними. Какъ бы то ни было, но кабинетъ Бальфура осуществилъ все-таки часть программы Гладстона и то, что не удалось совер-

шить либеральному министерству, будетъ сдѣлано консервативнымъ. Джонъ Морлей въ блестящей рѣчи, произнесенной имъ по поводу принятія аграрнаго билля, постарался все-таки поставить эту побѣду на счетъ либеральной партіи. «Въ данномъ случаѣ торжествуетъ никакъ не консервативная, а либеральная политика. Новый аграрный законъ знаменуетъ собой полный переворотъ въ ирландской правительственной политикѣ, такъ какъ онъ стремится къ уничтоженію ландлордизма въ Ирландіи», сказалъ Морлей.

Либеральная печать указываетъ, однако, что аграрный законопроектъ не исчерпываетъ всего ирландскаго вопроса. Ирландскій вопросъ чисто практическій и какъ таковой можетъ быть рѣшенъ съ большею легкостью, несмотря на всѣ затрудненія, вызываемыя аграрными порядками Ирландіи. Не въ примѣръ труднѣе рѣшеніе политическаго вопроса. Многіе полагаютъ, что когда ирландскій крестьянинъ сдѣлается владѣльцемъ клочка земли, который онъ обрабатываетъ, то ирландскимъ политическимъ агитаторамъ, встрѣчающимъ теперь благопріятную почву, не такъ легко будетъ воздѣйствовать на него. Но если это и справедливо до нѣкоторой степени, то все-таки нельзя отрицать, что въ ирландскомъ народѣ національстскія чувства весьма сильны и ирландская идея пустила глубокіе корни въ душѣ ирландцевъ, такъ что вырвать ее оттуда довольно трудно. Уніонистскіе органы печати утверждаютъ теперь, что аграрный законъ нанесетъ смертельный ударъ гомрулю, какъ только будетъ вотированъ, но на это можно возразить, что такъ какъ принудительная система оказалась не въ силахъ водворить спокойствіе въ Ирландіи, то пришлось волей-неволей обратиться вспять. Послѣ почти двадцатилѣтняго крутого управленія въ странѣ, консервативное министерство предлагаетъ ей либеральную мѣру—выкупъ земель. Возможно, что это только первый шагъ къ дальнѣйшимъ, вынужденнымъ обстоятельствами, уступкамъ и большинство либераловъ убѣждены, что аграрный билль проложитъ дорогу къ реализаціи политическихъ мечтаній Ирландіи.

Много шума возбудила въ англійской печати рѣчь знаменитаго нынѣ архимилліардёра Карнеджи, произнесенная имъ въ собраніи представителей желѣзной и стальной промышленности. Карнеджи былъ единогласно избранъ предсѣдателемъ и поблагодаривъ за эту честь, сказалъ, что онъ особенно цѣнитъ ее, такъ какъ еще никогда институтъ желѣзныхъ и стальныхъ промышленниковъ не выбиралъ своимъ предсѣдателемъ иностраннаго подданнаго. Тѣмъ не менѣе, институтъ носитъ вполнѣ космополитскій характеръ и насчитываетъ среди своихъ членовъ много громкихъ именъ ученыхъ изобрѣтателей, какъ Бессемеръ, Сименсъ и др. «Я не имѣю никакихъ правъ занимать мѣсто рядомъ съ ними,—сказалъ Карнеджи.—Я не ученый, не изобрѣтатель, не химикъ и не механикъ, я просто «дѣлецъ» (business man) и буду говорить съ вами, какъ дѣлецъ. Поэтому я, прежде всего, хочу обратить ваше вниманіе на организацію и управленіе самымъ сложнымъ изъ всѣхъ механизмовъ—человѣческимъ трудомъ». Далѣе Карнеджи весьма подробно изложилъ свой взглядъ на отношенія между трудомъ и капиталомъ. Великая тайна успѣха промышленности заключается, по его словамъ, въ привлеченіи къ участію къ барышахъ всѣхъ

*

тѣхъ, кто своимъ трудомъ помогаетъ реализировать эти барыши. Слѣдуя этому принципу, Карнеджи сдѣлалъ своихъ лучшихъ рабочихъ участниками въ дѣлѣ и благодаря такой системѣ реализировалъ громадные барыши. Заработная плата служитъ большею частью однимъ изъ главныхъ поводовъ къ столкновенію между трудомъ и капиталомъ, но если каждый рабочій будетъ въ то же время акціонеромъ дѣла, для котораго работаетъ, то это положитъ конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ. «Рабочій и работодатель—это сіамскіе близнецы,—сказалъ Карнеджи въ заключеніе,—и связь между ними такова, что благоденствіе одного невозможно безъ благоденствія другого. Они должны жить и умирать вмѣстѣ, и отдѣленіе ихъ другъ отъ друга также равносильно смерти!»

Эти заключительныя слова были покрыты громкими аплодисментами и вызвали оживленные толки въ обществѣ. Сравненіе съ сіамскими близнецами, повидимому, понравилось. Одна изъ газетъ, впрочемъ, ядовито замѣчаетъ, что Карнеджи не всегда раздѣлялъ эти взгляды на отношенія труда и капитала и въ 1892 году прибѣгнулъ къ весьма крутымъ мѣрамъ въ Питтсбургѣ для рѣшенія конфликта съ рабочими. Очевидно, онъ былъ далекъ тогда отъ мысли о сіамскихъ близнецахъ, но опытъ навелъ его на эту мысль.

Вообще Карнеджи снова заставляетъ много говорить о себѣ, особенно по поводу своего послѣдняго пожертвованія полутора милліона долларовъ на сооруженіе дворца для третейскаго суда въ Гаагѣ.

Лондонскія картинки. Вопросъ объ эмиграціи иностранцевъ въ Англію давно уже интересуетъ англійскую печать и даже въ палату общинъ былъ внесенъ билль, имѣющій цѣлью ограничить эмиграцію, которая начинаетъ стѣснять коренныхъ жителей страны. Иностранцы, ищущіе работы или тѣснимые законами своей страны, отправляются въ Англію, куда ихъ въ особенности привлекаютъ свободныя англійскія учрежденія и неприкосновенность личностей. Но изъ всѣхъ народностей, чаще всего ищутъ убѣжища въ Англіи евреи, эмигрирующіе изъ тѣхъ странъ, гдѣ законы относятся къ нимъ слишкомъ сурово. «Лондонъ переполненъ евреями», говоритъ англійскій журналистъ описывающій въ «Birmingham Post» посѣщеніе квартала, населеннаго евреями. «Бѣдняки» воображаютъ, что лондонскія улицы вымощены золотомъ!—замѣтилъ ему секретарь еврейскаго общества вспомоществованія бѣднымъ. Сколькихъ намъ пришлось отправить назадъ на родину! Въ прошломъ году, мы истратили на это 1.200 фунтовъ».

Иностранные евреи, впрочемъ, всегда пріѣзжаютъ въ Лондонъ съ какою-нибудь рекомендаціей, адресомъ какой-нибудь мастерской или какого-нибудь знакомаго. И тѣмъ не менѣе первые шаги для нихъ бываютъ трудны, такъ какъ очень часто случается, что пріятель, адресъ котораго имѣется у эмигранта, переѣхалъ въ Америку, а въ мастерской его не принимаютъ, потому что онъ «новичокъ». Обыкновенно такіе новички становятся жертвою такъ называемыхъ «Sweater»—«кровопійцевъ портняжнаго или башмачнаго ремесла». Но у бѣдняка, оставшагося съ нѣсколькими грошами въ карманѣ, нѣтъ выбора. Въ извѣстное время года нѣтъ недостатка въ работѣ, но въ другія времена

работу бываетъ очень трудно достать. Бѣднякъ работаетъ часовъ 18 въ день, хотя это и является нарушеніемъ фабричнаго закона, но тутъ законъ совершенно безсиленъ. Фабричный инспекторъ можетъ быть не разъ видѣлъ черезъ окно, что швеи работаютъ далеко за полночь, но лишь только онъ показывается въ мастерской, какъ работы уже нѣтъ и слѣда—ее прячутъ необыкновенно быстро и искусно и онъ застаетъ только мирно бесѣдующихъ мастерицъ. Между тѣмъ законъ требуетъ, чтобы онъ засталъ людей на мѣстѣ преступленія, т.-е. за работой, и то, что онъ видѣлъ въ окно, недостаточно и не можетъ служить законною уликой. Большею частью хозяева такихъ мастерскихъ—пройдохи, умѣющіе прятать концы въ воду и обходить законы, но еще лучше они умѣютъ высасывать соки изъ своихъ жертвъ и этими жертвами обыкновенно бываютъ иностранцы. Условія труда такъ тяжелы, рабочее время такъ длинно, что англійскій рабочій лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ является тутъ конкурентомъ иностранцу. Кромѣ того англичанинъ далеко не отличается такою покорностью и всегда требуетъ опредѣленной заработной платы; иностранецъ же, въ особенности еврей, отличается выносливостью и скорѣе покоряется своей участи, соглашаясь глодать корку хлѣба. Впрочемъ, въ сущности ему ничего другого и не остается.

«Я долженъ сознаться, говоритъ англійскій журналистъ—что при ближайшемъ знакомствѣ съ населеніемъ этого квартала, чувство антипатіи, которое я испытывалъ сначала къ этимъ чужеземцамъ, почти совершенно исчезло. Я даже позабылъ, что передо мною были чужеземцы и видѣлъ только человѣческія существа, которыя боролись съ голодомъ. Въ «Great Pearl Street»—улицѣ, которую генералъ Бутсъ причисляетъ къ самымъ ужаснымъ трущобамъ, гдѣ порокъ и преступленіе свили гнѣздо, я разговорился съ однимъ маленькимъ мастеровымъ. Это былъ башмачникъ, работавшій по контракту на одну фабрику, которой онъ долженъ былъ поставлять готовую обувь. Онъ все дѣлалъ отъ руки и эта ручная работа должна была въ цѣнѣ конкурировать съ машинною работой фабрики. Когда работы было много, то ему помогала жена и четверо подмастерьевъ. Конечно ему приходилось трудно и въ его маленькой квартирѣ царила нужда. Больше всего онъ жаловался на конкуренцію машинъ и сообщилъ мнѣ, что получаетъ работу только тогда, когда фабрика не въ состояніи выполнить всѣ заказы. Все что можно было заложить изъ вещей—было заложено: часы, праздничная одежда. «Мнѣ надо кормить и одѣвать моихъ дѣтей,—сказалъ онъ.—Я могу обходиться и безъ часовъ, и безъ праздничнаго платья. Надо только хорошенько умыться послѣ работы и тогда нѣтъ надобности перемѣнять одежду!»

«Вездѣ, куда я ни заглядывалъ, я встрѣчалъ такую же точно нужду и и такую же заботливость о дѣтяхъ. Дѣтей было изобиліе; въ каждой улицѣ, въ каждомъ переулкѣ, въ каждомъ домѣ! И надо отдать справедливость, что еврейскія матери, несмотря на нищету, заботятся о нихъ такъ, какъ не умѣютъ заботиться о своихъ дѣтяхъ англійскія матери, находящіяся въ такихъ же точно условіяхъ.

«Странное зрѣлище для англичанина представляетъ въ настоящее время

лондонскій Истъ-Эндъ. Это какъ будто чужая страна. Надъ лавками виднѣются вывѣски на русскомъ, польскомъ, румынскомъ, еврейскомъ или нѣмецкомъ языкахъ. Афиши, наклеенныя на стѣнахъ, также на половину еврейскія и даже англійскій театръ выпускаетъ еврейскія афиши. Тутъ же издается и газета на еврейскомъ языкѣ. Англійскаго языка почти не слышно. Я переходилъ изъ одной улицы въ другую и всѣ онѣ были исключительно населены чужеземцами. Мнѣ указали на домъ, въ которомъ обитала англійская семья, какъ на достопримѣчательность. Чужеземцы въ этомъ кварталѣ вытѣснили совершенно англичанъ. Въ домахъ, гдѣ прежде помѣщались не болѣе какъ двѣ англійскія семьи, теперь живутъ пять или шесть семействъ чужеземцевъ. И эти чужеземцы платятъ за помѣщеніе гораздо больше англичанъ, такъ что квартирная плата за послѣднія десять лѣтъ возросла на 100 проц. Въ стеинейской общинной школѣ обучаются 89 англійскихъ дѣтей и 991 чужеземцевъ. Каждый только что отстроенный домъ, моментально наполняется чужеземцами.

«Я провелъ очень интересное послѣобѣда въ еврейской школѣ, въ которой обучается болѣе 3.000 дѣтей. Главный наставникъ сказалъ мнѣ, что 90 проц. поступаютъ не понимая ни слова по-англійски. Въ старшемъ классѣ изъ 40 мальчиковъ только одинъ имѣлъ родителей уроженцевъ Англіи. Двѣ трети мальчиковъ родились за границей и большинство въ Россіи.

«Во время перерыва 2.000 дѣтей съ шумомъ устремились на улицу. Точь-въ-точь англійскія дѣти! Трое изъ каждаго класса несли флагъ «Union Lacks»— это былъ признакъ, что въ теченіе цѣлой недѣли весь классъ велъ себя примѣрно и никто изъ учениковъ ни разу не былъ наказанъ.

«Въ противоположность другимъ иностранцамъ, поселяющимся въ Англіи, русскій и польскій еврей никогда не превращается въ англичанина. Нѣмецъ, пріѣзжающій въ Англію, скоро вступаетъ въ національную жизнь. Онъ усвоиваетъ англійскіе обычаи, женится и, такъ сказать, «растворяется въ англійскомъ народѣ»; его потомки становятся уже истыми англичанами. Но евреи держатся между собою. Строгіе религіозные законы не допускаютъ ихъ ассимиляціи съ англійскимъ народомъ и въ этомъ отношеніи евреи отличаются отъ всѣхъ другихъ иностранцевъ, высаживающихся на берегахъ Англіи. Англія никогда не дѣлается ихъ родиной.

«Цѣлыя улицы и цѣлые кварталы заселены теперь чужеземцами. Англичане почти совершенно вытѣснены ими. Впрочемъ, домовладѣльцы не желаютъ отдавать свои квартиры внаймы англичанамъ, такъ какъ съ чужеземца они могутъ брать высшую плату и притомъ они не такъ требовательны, не обращаютъ, напр., вниманія на то, что сырость покрываетъ стѣны и никогда не жалуются властямъ на домовладѣльцевъ. Я посѣтилъ одну такую квартиру, сырую, низкую, темную. Выбитое стекло въ окнѣ было заткнуто тряпкой. Вездѣ по стѣнамъ облупилась штукатурка. Внутренность квартиры состояла изъ грязной кухни и двухъ, похожихъ на ящикъ, спаленъ. Тутъ жило семейство, состоящее изъ мужа и жены и девяти дѣтей. Старшая дѣвочка уже работала, дѣлала папиросы и получала два шиллинга за тысячу штукъ. Въ то же время

она должна была няньчить свою четырехмѣсячную сестренку. Прежде плата за это помѣщеніе была 6 съ половиною шиллинговъ въ недѣлю, а теперь 10.

«Въ предмѣстьи Стеиней вмѣсто 8.000 англичанъ поселились 20.000 чужеземцевъ. Англичане покинули это предмѣстье именно вслѣдствіе чрезмѣрнаго повышенія наемной платы. Стеиней переполненъ русскими и польскими евреями. Изъ 38.000 русскихъ евреевъ въ Лондонѣ, $^{19}/_{20}$ живутъ въ Стеинеѣ; 12.500 изъ нихъ портные, 3.200 башмачники и 1.200 столяры.

«Еврейскія благотворительныя общества употребляютъ неимовѣрныя усилія, чтобы какъ-нибудь заставить жителей этихъ перенаселенныхъ кварталовъ перебраться въ другую болѣе здоровую мѣстность. Комитетъ посылаетъ такихъ, которые могутъ работать, въ Лидсъ и даже устраиваетъ фабрики за предѣлами Лондона, чтобы отвлечь туда избытокъ населенія. Но все напрасно, потому что каждую недѣлю въ Лондонъ прибываютъ новыя толпы чужеземцевъ, ищущихъ работы и убѣжища...»

Новое примѣненіе доктрины Монроё. Англійская и въ особенности германская печать съ большимъ жаромъ обсуждаетъ предложеніе, сдѣланное аргентинскою республикою вашингтонскому кабинету. Воспользовавшись раздраженіемъ, которое вызвалъ въ Америкѣ венецуэлльскій конфликтъ, аргентинская республика предлагаетъ Соединеннымъ Штатамъ присоединиться къ декларацiи, заявляющей, что государственный долгъ не можетъ служить поводомъ къ вмѣшательству европейской державы, являющейся кредиторомъ какой-нибудь американской республики. Чтобы склонить Соединенные Штаты въ пользу своей декларацiи, Аргентина выразила согласіе признать безъ всякихъ оговорокъ столь дорогую сердцу сѣвероамериканцевъ доктрину Монроё, т.-е. право Соединенныхъ Штатовъ покровительственнаго вмѣшательства и нравственной опеки надъ всею испанскою Америкой и Новымъ міромъ.

Конечно, такой планъ нельзя не признать весьма остроумнымъ. Доктрина Монроё, еще такъ недавно совершенно игнорируемая европейскою традиціонною дипломатіей, все болѣе и болѣе начинаетъ выдвигаться на первый планъ, становясь центромъ тяжести политики первоклассной державы. Въ англійскихъ газетахъ даже высказывается опасеніе, что она будетъ руководить судьбами цѣлаго полушарія. Имперіализмъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ нѣкотораго времени принялъ широкое и неожиданное развитіе. «Благодаря этой доктринѣ,—замѣчаетъ одна изъ нѣмецкихъ газетъ,—Соединенные Штаты не только получаютъ преимущественныя права и нравственную власть надъ всею латинскою Америкой, но какъ будто бы владѣютъ гипотекой на различныя американскія государства». Вполнѣ объяснимо поэтому, что европейская печать съ напряженною тревогой ожидала отвѣта вашингтонскаго кабинета на это предложеніе. Нѣкоторая часть американской печати высказывалась въ пользу него и вашингтонскій кабинетъ сначала какъ будто нѣсколько колебался. Другія же газеты предостерегали американское правительство отъ этой ловушки, указывая, что это признаніе фундаментальнаго принципа внѣшней политики Соединенныхъ

Штатовъ—не болѣе какъ вынужденное обстоятельствами и поэтому Соединеннымъ Штатамъ не стоитъ изъ-за этого рисковать своимъ нравственнымъ авторитетомъ и финансовымъ кредитомъ, которые неминуемо должны будутъ пострадать, если сѣверо-американская республика будетъ оказывать поддержку всѣмъ обанкротившимся американскимъ государствамъ.

Послѣдняя точка зрѣнія, очевидно, восторжествовала. Вашингтонскій кабинетъ отказалъ аргентинской республикѣ въ ходатайствѣ, отославъ ее къ заявленію, сдѣланному президентомъ Рузвельтомъ: «Мы не можемъ гарантировать безнаказанность никакому государству,—сказалъ Рузвельтъ,—если оно ведетъ себя дурно, лишь бы только наказаніе не принимало формы территоріальнаго вознагражденія и пріобрѣтенія въ Америкѣ территоріи державой «неамериканской».

На этотъ разъ доктрина Монроё не вывезла латиноамериканскую республику, пожелавшую сыграть при ея помощи свою партію. Но тѣмъ не менѣе эта доктрина озабочиваетъ европейскихъ государственныхъ дѣятелей и въ особенности императоръ Вильгельмъ часто наталкивается на нее въ своихъ гигантскихъ планахъ міровой политики.

Демократія въ американскихъ университетахъ. Близкія отношенія и согласіе, существующія между людьми, стоящими во главѣ американскаго просвѣщенія и крупными промышленными дѣятелями, составляетъ одну изъ выдающихся чертъ американской жизни. Щедрые дары, которыми осыпаютъ милліонеры американскіе университеты, поддерживаютъ постоянную связь между финансовымъ міромъ и міромъ культуры и благодаря этой связи между практическими дѣятелями и воспитателями возникаетъ полная гармонія во взглядахъ и поступкахъ. Архимилліонеры, въ родѣ Карнеджи и Рокфеллера, создаютъ новыя каѳедры въ университетахъ, помогаютъ увеличить число учащихся и отводятъ этимъ послѣднимъ все больше и больше мѣста въ дѣловой жизни, университеты же, съ своей стороны, чувствуютъ свою отвѣтственность и долгъ передъ промышленниками, которые въ награду за свою щедрость въ отношеніи университетовъ имѣютъ право требовать отъ нихъ, чтобы они подготовляли практическихъ дѣятелей. Въ Америкѣ укоренилось мнѣніе, что лучшій дѣятель—это тотъ, который долженъ былъ съ юныхъ лѣтъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и лишь «въ потѣ лица» достигъ ученыхъ степеней, поэтому американскіе университеты стараются все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ бѣдныхъ юношей, занимающихся какимъ-нибудь ремесломъ. Въ настоящее время, благодаря повышенію престижа высшаго образованія, американскіе университеты осаждаются ремесленниками, желающими попасть въ число студентовъ. Университеты охотно принимаютъ ихъ, такъ какъ престижъ ручного труда также очень повысился въ американскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и, такимъ образомъ, дѣловой міръ и міръ науки работаютъ вмѣстѣ надъ созданіемъ новаго класса «служащихъ студентовъ», и «дипломированныхъ ремесленниковъ», который въ Соединенныхъ Штатахъ займетъ, вѣроятно, въ будущемъ первенствующее мѣсто

Въ демократической организаціи университетовъ наиболѣе дѣйствительною мѣрой явилось учрежденіе студенческаго бюро для найма и пріисканія занятій. Въ Іолѣ такое бюро существуетъ два года, а въ колумбійскомъ университетѣ—годъ. Въ первый годъ существованія этого бюро въ Іолѣ 30 студентовъ покрыли всѣ свои расходы своимъ заработкомъ, а 69 — только часть своихъ издержекъ въ университетской коллегіи. Во второй годъ 400 студентовъ обратились за работой и 300 получили ее. Самый обыкновенный заработокъ студента составляетъ прислуживаніе за столомъ; рестораны и маленькіе пансіоны охотно даютъ имъ столъ и комнату взамѣнъ ихъ услугъ въ часы обѣда. Демократическій духъ настолько силенъ, что въ Іолѣ даже въ университетской столовой, гдѣ обѣдаютъ большинство студентовъ, роль кѣльнеровъ исполняютъ ихъ товарищи. Другіе ихъ товарищи устраиваютъ крохотныя кооперацiи и сами являются ихъ администраторами, закупаютъ провизію, наблюдаютъ за кухаркой и, взамѣнъ этихъ услугъ, пользуются даровымъ обѣдомъ. Но они, въ свою очередь, нанимаютъ другихъ студентовъ, чтобы прислуживать за столомъ.

Другимъ, наиболѣе распространеннымъ заработкомъ студентовъ служитъ присмотръ за калориферами въ городскихъ домахъ. Одинъ французскій журналистъ разсказываетъ въ «Temps», что онъ познакомился въ Нью-Іоркѣ съ молодымъ зулусомъ-студентомъ, который такимъ образомъ зарабатываетъ себѣ пропитаніе. На своей родинѣ, въ Наталѣ, онъ слышалъ, что «студентъ, не боящійся труда», всегда можетъ пропитать себя въ Америкѣ. Онъ рѣшилъ ѣхать туда, хотя ему нужно имѣть англійскій дипломъ, для того, чтобы получить право заниматься медицинскою практикой въ Южной Африкѣ. Но зулусъ надѣется заслужить потомъ одну изъ стипендій Сесиля Родса въ Оксфордѣ, а пока онъ старается получить дипломъ колумбійскаго университета, такъ какъ тамъ онъ имѣетъ возможнотть зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Его примѣръ можетъ служитъ доказательствомъ, до какой степени американская демократія представляется привлекательной даже очень отдаленнымъ и различнымъ расамъ. Его письмо въ университетское бюро труда замѣчательно своею трогательною простотой: «Я — молодой африканецъ, зулусъ по рожденію,—пишетъ онъ. — Я зарабатываю возможность получить образованіе, которое дастъ мнѣ возможность съ Божьею помощью и руководствомъ, воспитать мою расу. Я могу исполнять разныя обязанности, смотрѣть за лошадьми, топить калориферы, присматривать за садомъ; кромѣ того я умѣю прислуживать за столомъ и мыть посуду и т. д. Я сдѣлалъ нѣсколько переводовъ съ англійскаго на зулусскій языкъ, но врядъ ли въ Нью-Іоркѣ можетъ существовать спросъ на такой трудъ. Но я не требователенъ и готовъ исполнять все что могу».

Обязанности, которыя исполняютъ студенты, нуждающіеся въ заработкѣ, необыкновенно разнообразны. Газовыя и водопроводныя общества нанимаютъ ихъ въ качествѣ инспекторовъ. Похоронныя бюро также обращаются къ ихъ услугамъ. Въ церкви они раздуваютъ мѣха органовъ; садовники поручаютъ имъ подрѣзывать газонъ и кусты, нѣкоторые же исполняютъ должность метръ д'отелей въ ресторанахъ въ случаѣ большихъ пріемовъ. Есть и такіе, которые

служатъ сторожами, присматриваютъ за домомъ въ отсутствіе хозяевъ, отбираютъ билеты и деньги у входа въ концертный залъ, служатъ разсыльными и т. д. Нѣтъ такого предложенія труда, на которое не нашлось бы желающихъ; американскіе студенты совершенно лишены какъ ложнаго самолюбія, такъ и ложнаго стыда и отказываются отъ какой-нибудь обязанности только въ томъ случаѣ, если она лишаетъ ихъ возможности слѣдовать за курсомъ въ университетѣ и посѣщать занятія, но въ свободные отъ лекцій часы они готовы исполнять всякое дѣло, которое имъ дадутъ. Бюро колумбійскаго университета недавно разослало всѣмъ негоціантамъ въ Нью-Іоркѣ письма слѣдующаго содержанія: «Многіе студенты колумбійскаго университета выразили желаніе заработать средства для уплаты за свое содержаніе и квартиру... Они заявляютъ, что могутъ присматривать за калориферами, чистить, мыть посуду, служить разсыльными, присматривать за лошадьми и вообще исполнять всякую работу, какую только они въ состояніи дѣлать... Если вамъ самимъ не нужны ихъ услуги, то не будете ли вы такъ добры рекомендовать лицо, которому могли бы они понадобиться».

Во время учебнаго года студенты располагаютъ временемъ только настолько чтобы покрыть расходы на пропитаніе и квартиру. Но сезонъ вакацій даетъ имъ возможность даже дѣлать сбереженія. Многіе изъ нихъ служатъ проводниками въ разныхъ городахъ и курортахъ или кѣльнерами и метръ-д'отелями въ ресторанахъ и отеляхъ. Въ прошломъ году лѣтомъ 50 студентовъ іолскаго университета служили кондукторами на трамваяхъ.

Ручной трудъ не заключаетъ въ себѣ ничего унизительнаго въ глазахъ студентовъ, и напротивъ, они даже гордятся тѣмъ, что сами работаютъ. Болѣе счастливые изъ ихъ товарищей, имѣющіе достатокъ, всегда относятся съ уваженіемъ къ нимъ и никто не позволилъ бы себѣ насмѣяться надъ товарищемъ, какимъ бы трудомъ онъ ни зарабатывалъ себѣ кусокъ хлѣба. Какъ относятся къ этому общество и печать, доказываетъ, между прочимъ, слѣдующая замѣтка, появившаяся нынѣшнею весной въ одной нью-іоркской газетѣ: «Пребываніе въ Бруклинѣ будетъ представлять въ этомъ году лѣтомъ еще одно преимущество: общество трамваевъ нуждается въ 800 добавочныхъ служащихъ и предпочтеніе будетъ отдано студентамъ. Какая реклама для Бруклина! Университетъ распространится и на трамваи и ѣдущіе въ нихъ должны почитать себя счастливыми, имѣя дѣло съ вѣжливыми и образованными студентами, вмѣсто грубыхъ зачастую кондукторовъ».

Американскіе университеты гордятся своею демократическою организаціей, понимая, что именно она развиваетъ въ молодежи энергію и способность къ труду. Одинъ изъ администраторовъ іолскаго университета, наиболѣе демократичнаго изъ всѣхъ американскихъ университетовъ, пріѣхавшій въ Англію, на обѣдѣ у одного профессора въ Оксфордѣ, разсказывалъ присутствующимъ о порядкахъ въ іолскомъ университетѣ и о томъ, какъ студенты работаютъ, чтобы заплатить за себя въ университетъ. «Они не отказываются ни отъ какой работы, прибавилъ онъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, нѣтъ унизительнаго труда и работа эта нисколько не мѣшаетъ имъ пользоваться дружбою и ува-

женіемъ своихъ товарищей. Возможно ли что-нибудь подобное въ Оксфордѣ?»— «Нѣтъ!» отвѣчалъ профессоръ оксфордскаго университета, послѣ минутнаго колебанія.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Шекспиръ на японской сценѣ.—Положеніе артистическаго пролетаріата въ Германіи.—Англійская герцогиня въ УайтъЧэпелѣ.—Жилищный вопросъ въ Европѣ.

Въ этомъ году, въ мартѣ, Шекспиръ въ первый разъ появился на японской сценѣ, въ театрѣ Токіо. «Это событіе огромной важности, имѣющее значеніе историческаго факта и открывающее новую эру въ японской литературѣ» говоритъ французскій журналъ «La Revue». До сихъ поръ произведенія Шекспира не только никогда не ставились на сценѣ японскихъ театровъ, но не было даже переводовъ его трагедій на японскій языкъ, кромѣ четырехъ отрывковъ, появившихся въ 1882 году въ онтологіи англійскихъ поэтовъ составленной профессоромъ японскаго университета Тойяма Масакору и его двумя коллегами Ятабе Ріокичъ и Инуе Летсуциро. Но эта смѣлая попытка произвести нѣчто въ родѣ литературной революціи въ Японіи не прошла безслѣдно и сдѣлалась источникомъ движенія, которое уже не прекращалось въ теченіи одинадцати лѣтъ и результатомъ котораго явилось представленіе «Отелло» на японской сценѣ. Театръ «Меіji-za», гдѣ совершилось это важное въ литературномъ отношеніи событіе, былъ исключительно переполненъ японскою публикой. Англичане и другіе иностранцы, проживающіе въ Японіи, блистали своимъ отсутствіемъ. Впрочемъ театръ этотъ не можетъ особенно привлекать иностранцевъ, такъ какъ онъ малъ, оченъ неудобенъ, бѣдно обставленъ, но въ то же время очень дорогъ, такъ, напр., ложа на троихъ, очень тѣсная стоитъ около 55 франковъ. Большинство зрителей вынуждено сидѣть по японской модѣ, на циновкахъ и только цѣною золота можно добыть для себя грязное и запыленное кресло. Зимою въ этомъ театрѣ очень холодно, такъ какъ отопленіе совершенно отсутствуетъ. Представленіе длится обыкновенно безъ всякихъ антрактовъ, съ половины второго до половины восьмого вечера и поэтому надо обладать поистинѣ изумительными силами, чтобы вынести подобное испытаніе, при такой низкой температурѣ и такихъ неудобствахъ. Между тѣмъ, несмотря на всѣ эти неудобства и неблагопріятныя условія, успѣхъ «Отелло» былъ такъ великъ, что труппа Каваками, вызвавшая самые бурные апплодисменты публики, проигравъ нѣсколько дней подрядъ въ Токіо, отправилась оттуда въ Кіото и Осаку, и вездѣ вызывала такой же точно энтузіазмъ среди зрителей.

Однако, Шекспиръ все-таки подвергся нѣкоторой передѣлкѣ въ примѣненіи къ японской сценѣ. Авторъ этой передѣлки Эми Суійнъ, впрочемъ, строго придерживался текста Шекспира, но только перенесъ мѣста дѣйствія изъ Венеціи на Формозу, а мавръ превратился у него въ генералъ-губернатора этого острова и называется «Муро». Вмѣсто дожа въ пьесѣ фигурируетъ первый японскій министръ подъ именемъ маркиза Уенисли. Дездемона называется «Томэне»,

Яго—лейтенантъ Ия Гоцо, Кассіо—маіоръ Катцу Тотіо, Біанка—Гейела Біаки и т. д. Трудно конечно распознать дѣйствующихъ лицъ шекспировской трагедіи, скрывающихся подъ этими именами, въ японскихъ костюмахъ и въ японской обстановкѣ. Однако, кромѣ этихъ переодѣваній и перемѣны именъ, шекспировская трагедія не подверглась никакимъ измѣненіямъ. Роль Дездемоны и Отелло исполняли двое извѣстныхъ европейской публикѣ артистовъ Сада Якко и Каваками. Къ несчастью, для талантливой японской артистки ея полному успѣху помѣшало ея прошлое. Сада Якко была прежде гейшей и поэтому въ глазахъ японской публики она оставалась все-таки не болѣе, какъ авантюристкой. Японская критика отнеслась къ ней очень сурово, но тѣмъ не менѣе она все-таки одержала побѣду и обратила на себя вниманіе. Сада—по словамъ японскаго журналиста Гаяши, создала Дездемону японскаго типа, достигающую идеальнаго совершенства. Правда, это не была итальянка, а японка, кроткая, скромная, сохраняющая покорное спокойствіе, вмѣсто того чтобы громко заявлять о своихъ страданіяхъ оскорбленной женщины и протестовать противъ обвиненій. Сада однимъ словомъ, придала Дердемонѣ національный характеръ, японскую душу.

Сада и Кумегаши, исполняющая роль жены Яго,—единственныя актрисы, участвующія въ представленіи японской передѣлки Шекспира. Роль Біанки, или, вѣрнѣе, нагассакской гейши Біаки поручена актеру Ямада, который вкладываетъ въ нее столько изящества и чисто женскаго кокетства, что непосвященные зрители ни за что не догадаются, что эту роль исполняетъ мужчина. Впрочемъ исполненіе женскихъ ролей мужчинами составляетъ въ Японіи самое обыденное явленіе и прежде только мужчины имѣли право выходить на театральные подмостки.

«Первое представленіе Шекспира на японскомъ театрѣ имѣетъ значеніе какъ первый шагъ къ ознакомленію японскаго народа съ великими произведеніями западной драматической литературы,—говоритъ Гаяши. Японскіе образованные люди, читающіе въ оригиналѣ шедѣвра англійской литературы, охотно говорятъ о Шекспирѣ, а романисты, какъ, напримѣръ, Судо Нансуи, часто его цитируютъ. Ихъ читатели такъ же разнообразны, какъ разнообразна ихъ эрудиція и не рѣдкость, поэтому, слышать отъ нихъ намеки на Стюарта Милля, Герберта Спенсера, Канта, Диккенса, Виктора Гюго. Съ другой стороны, извѣстно то очень замѣтное вліяніе, которое оказываютъ Байронъ и Нитцше на современную японскую литературу. Въ настоящее же время переводная литература въ Японіи очень умножилась и японцы пользуются для этого не только произведеніями англійской литературы, но и французской, нѣмецкой и русской. Начало этого движенія въ японской литературѣ относится еще къ 1879 году и съ тѣхъ поръ оно все разросталось, но соприкосновеніе съ литературнымъ западомъ не имѣло реальныхъ послѣдствій для страны и отразилось только на избранныхъ. Массы, не читающія по неумѣнью или же по недостатку времени, оставались до сихъ поръ въ сторонѣ отъ этого движенія и только театръ, болѣе непосредственно привлекающій ихъ, можетъ пріобщить ихъ къ идеямъ Европы. Авторъ передѣлавшій «Отелло», очевидно, пришелъ къ заключенію, что

наступилъ такой моментъ, когда душа японскаго народа въ состояніи понять и оцѣнить Шекспира. Вотъ поэтому-то онъ и нарядилъ шекспировскихъ героевъ въ японскіе костюмы и присвоилъ имъ японскія чувства, такъ какъ имѣлъ въ виду придать произведенію великаго англійскаго писателя такую форму, которая сдѣлаетъ его болѣе удобнымъ для усвоенія японскою аудиторіей. Критика теперь единогласно признаетъ, что онъ достигъ своей цѣли.

Артистическій пролетаріатъ существуетъ, конечно, во всѣхъ странахъ и вездѣ первые шаги на театральномъ поприщѣ бываютъ затруднительны. Содержаніе начинающихъ артистовъ всегда бываетъ не велико и едва обезпечиваетъ существованіе впроголодь. Странствующія труппы актеровъ также часто терпятъ большія лишенія, но, по словамъ Анри Пари (La Revue), положеніе артистическаго пролетаріата въ Германіи все-таки лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ Германіи существуетъ много обществъ взаимопомощи актеровъ, которыя обезпечиваютъ имъ поддержку въ трудныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. И въ другихъ отношеніяхъ положеніе актеровъ лучше въ Германіи, нежели во Франціи, благодаря децентрализаціи. Въ Германіи существуетъ множество городовъ, совершенно независимыхъ отъ Берлина и не прислушивающихся къ голосу берлинской критики. Эти города имѣютъ собственные хорошіе театры и не ожидаютъ, какъ манны небесной, посѣщенія ихъ какою-нибудь звѣздой берлинскаго театра съ труппой изъ второстепенныхъ актеровъ. Кромѣ того, въ разныхъ княжествахъ, герцогствахъ и т. д. дворы всегда имѣютъ хорошія труппы актеровъ и театры содержитъ казна. Притомъ вообще во всѣхъ нестоличныхъ городахъ Германіи, гдѣ существуетъ частная театральная антреприза, театры находятся подъ контролемъ городского управленія въ финансовомъ отношеніи, что, во всякомъ случаѣ, является гарантіей для артиста.

Несмотря, однако, на то, что карьера актера лучше обставлена въ Германіи, чѣмъ во Франціи, положеніе его все-таки весьма непрочное; продолжительная болѣзнь, лишающая актера возможности заниматься своею профессіей, неминуемо превращаетъ его въ пролетарія, если только онъ не успѣлъ раньше скопить себѣ капиталъ, что бываетъ, конечно, очень рѣдко. Германскіе артисты въ этомъ отношеніи выказали большую предусмотрительность. Въ 1871 году въ Веймарѣ была основана ассоціація «Genossenschaft deutscher Bühnenangehöriger» представляющая синдикатъ драматическихъ артистовъ, насчитывающій теперь 5.000 членовъ. Этотъ синдикатъ поставилъ себѣ цѣлью оберегать артистическіе, юридическіе и соціальные интересы своихъ членовъ и достигъ уже въ этомъ направленіи весьма важныхъ результатовъ. Каждый членъ уплачиваетъ взносъ 13 марокъ и получаетъ газету, издаваемую ассоціаціей, и альманахъ, въ которомъ заключаются свѣдѣнія рѣшительно о всѣхъ театрахъ, находящихся въ германской землѣ. Кромѣ этого синдиката, существуетъ еще нѣсколько обществъ взаимопомощи, пенсіонныхъ какъ и т. д. Ассоціаціи «Einigkeit» и «Künstlerheim» оказываютъ вспомоществованіе своимъ членамъ въ случаѣ болѣзни. Касса взаимопомощи, основанная Маріей Зеебахъ, обезпечиваетъ воспитаніе дѣтей отъ 8 до 18 лѣтъ, употребляя на это проценты съ капитала въ 60.000 марокъ. Очень интересное общество взаимопомощи драматическихъ артистокъ

было основано въ 1899 году. Это общество снабжаетъ артистовъ необходимыми туалетами для сцены. Берлинскія артистки соединились для этой цѣли и образовали ассоціацію, которая старается добывать туалеты по дешевой цѣнѣ, скупая ихъ у свѣтскихъ дамъ, знаменитыхъ и богатыхъ актрисъ и т. д. Члены этой ассоціаціи платятъ три марки и за это пользуются правомъ получать туалеты и всѣ принадлежности къ нимъ по дешевой цѣнѣ и уплачивать за нихъ въ разсрочку и вообще какъ пожелаютъ, это значительно облегчаетъ актрисамъ ихъ положеніе, такъ какъ иначе имъ приходилось тратить большую часть своего жалованья на свои туалеты для сцены. Въ настоящее время въ этой ассоціаціи находится уже 300 членовъ и учреждены филіальныя отдѣленія въ Франкфуртѣ, Гамбургѣ, Мюнхенѣ и многихъ другихъ городахъ.

Девятнадцать театровъ въ Германіи обладаютъ своими собственными спеціальными кассами взаимопомощи, существующими независимо отъ только что названныхъ ассоціацій. Въ Касселѣ, напр., есть пенсіонная касса актеровъ на случай старости или болѣзни и вспомогательная касса для вдовъ и сиротъ артистовъ. Такія же учрежденія существуютъ въ Кёльнѣ и въ Кобургѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Ганноверѣ, Мюнхенѣ, Мангеймѣ Штутгартѣ, и др. городахъ. Какъ бы то ни было, но благодаря всѣмъ этимъ кассамъ взаимопомощи въ Германіи, положеніе артистовъ въ этой странѣ болѣе обезпечено отъ всякихъ случайностей, нежели въ другихъ государствахъ Европы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ кардиналъ Воганъ учредилъ соціальный союзъ (Social Union) и созвалъ въ архіепископскомъ дворцѣ митингъ, на которомъ предложилъ великосвѣтскимъ дамамъ организовать соціальную дѣятельность въ юго-восточной части Лондона, гдѣ находятся бѣднѣйшіе кварталы. На его призывъ откликнулась вдовствующая герцогиня ньюкэстльская, которая и переселилась въ Уайтчэпель, въ самый центръ рабочаго населенія. Вмѣстѣ съ другими двумя дамами она основала клубъ для дѣвочекъ въ 1893 году, а въ 1896 году помѣщеніе клуба уже оказалось слишкомъ тѣснымъ и пришлось значительно расширить его. Описывая въ «Pall Mall Magazine» свою жизнь въ Уайтчэпелѣ, герцогиня говоритъ, что она научилась очень многому въ той средѣ, въ которой она теперь вращается. Она не находитъ, чтобы населеніе Уайтчэпеля было болѣе безнравственнымъ, нежели населеніе какого-либо другого лондонскаго квартала, гдѣ живутъ зажиточные люди. Но лондонское общество, по ея словамъ, допустило нищету пустить слишкомъ глубокіе корни, такъ что теперь уже трудно искоренить ее, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ главною основою ея является пьянство. Прежде всего надо спасать дѣтей, родители которыхъ пьютъ и это можетъ сдѣлать только школа. Соціальная дѣятельность поселеній (Settlements) полезна уже въ томъ отношеніи, что она научаетъ живущихъ въ этихъ поселеніяхъ преклоняться передъ героическимъ мужествомъ и терпѣніемъ тѣхъ, для которыхъ жизнь составляетъ сплошное мученіе и которые работаютъ безъ отдыха и безъ надежды на лучшее. Среди этихъ людей герцогиня встрѣчала удивительные примѣры самопожертвованія и готовности идти на помощь другимъ страдальцамъ, не ожидая за это никакого вознагражденія. Можетъ быть, нигдѣ такъ не развито чувство соли-

дарности, какъ среди этихъ обездоленныхъ людей, и блестящій лондонскій Вестъ-Эндъ можетъ многому поучиться у Истъ-Энда, гдѣ гнѣздится самая непроглядная нищета и гдѣ, по общему мнѣнію, порокъ свилъ себѣ гнѣздо. Только жизнь въ этомъ кварталѣ, ближайшее знакомство со всѣми этими людьми, можетъ раскрыть глаза предубѣжденному человѣку и заставить его убѣдиться, что въ этомъ гнѣздѣ нищеты и порока драгоцѣнныя свойства человѣческой души встрѣчаются, можетъ быть, даже чаще, чѣмъ тамъ, гдѣ жизнь протекаетъ гладко и не представляетъ такого сплошного страданія.

«Nouvelle Revue» посвящаетъ статью жилищному вопросу въ Европѣ. Во всѣхъ странахъ вопросъ объ устройствѣ жилищъ для рабочихъ классовъ выдвигается теперь на первое мѣсто. Въ столицѣ Франціи, напримѣръ, согласно новѣйшей статистикѣ, 256.000 семействъ занимаютъ только одну комнату, и хотя государство, повидимому, не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ такой скученности, на многія частныя торговыя фирмы взялись за это дѣло и самостоятельно заботятся о томъ, чтобы служащіе у нихъ не были вынуждены тѣсниться въ углахъ и каморкахъ. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ было основано французское общество дешевыхъ квартиръ и эта крупная строительная ассоціація принесла много пользы и даже содѣйствовала проведенію нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію положенія рабочихъ классовъ. Тѣмъ не менѣе во Франціи до сихъ поръ еще насчитывается 200.000 домовъ, не имѣющихъ оконъ, потому что существуетъ такса на окна.

Англія, за послѣднія 60 лѣтъ, сдѣлала очень много для разрѣшенія этой проблемы, и авторъ съ большою похвалой отзывается о дѣятельности англійскаго общества въ этомъ отношеніи. Деревни рабочихъ шоколаднаго фабриканта мистера Кэдбюри могутъ служить образцомъ устройства жилищъ для рабочихъ. Въ Германіи же только теперь начинаютъ серьезно заниматься этимъ вопросомъ. Въ Берлинѣ сотни семействъ помѣщаются въ одной тѣсной конурѣ, зачастую лишенной воздуха и свѣта, и до 100.000 рабочихъ живутъ въ подвальныхъ помѣщеніяхъ. Заводы Круппа, однако, показали примѣръ, устроивъ колоніи рабочихъ, и прусское правительство послѣдовало ему, учредивъ нѣчто въ родѣ такихъ же колоній въ Шпандау. Въ Голландіи правительство позаботилось о томъ, чтобы рабочіе имѣли за небольшую плату здоровое помѣщеніе. Тѣмъ не менѣе жилищный вопросъ представляется настолько сложнымъ, что подобныя отдѣльныя мѣропріятія, несмотря на приносимую ими пользу, не могутъ все-таки разрѣшить его, тѣмъ болѣе, что онъ находится въ тѣсной связи съ соціальнымъ вопросомъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Іюнь 1903 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія и политическая экономія.—Естествознаніе и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Библіотека великихъ писателей“. Шекспиръ II и III. — *Р. Киплингъ.* „Смѣлые мореплаватели“.

Библіотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Шекспиръ, тома II и III Спб. 1903 г. (изд. Брокгаузъ-Ефрона). Въ эти два тома новаго раскошнаго изданія Шекспира въ русскихъ переводахъ вошли уже созданія полной художественной зрѣлости великаго драматурга. Во второмъ томѣ передъ нами проходятъ «Король Джонъ», «Ричардъ II», обѣ части «Генриха IV», «Конецъ всѣму дѣлу вѣнецъ», «Много шуму изъ ничего», «Генрихъ V», «Виндзорскія кумушки» и «Двѣнадцатая ночь». Третій томъ открывается комедіей «Какъ вамъ это понравится», и за ней идутъ «Гамлетъ», «Юлій Цезарь», «Мѣра за мѣру», «Отелло», «Король Лиръ», «Макбетъ» и «Тимонъ Аѳинскій». По самому содержанію эти томы такимъ образомъ вызываютъ особый интересъ. Въ центрѣ второго тома стоитъ любимецъ Шекспира, славный король Гарри, Генрихъ V, и рядомъ съ нимъ остроумный и безпутный, геніальный гуляка и бездѣльникъ Фальстафъ, котораго автора предисловія къ обоимъ частямъ, «Генрихъ IV» и къ «Виндзорскія кумушки», проф. Ѳ. А. Браунъ, мѣтко охарактеризовалъ, назвавъ его «олицетвореніемъ абсолютной свободы духа, связаннаго съ землею однимъ только желудкомъ». Въ третьемъ томѣ среди великаго трагическаго тріумвирата: Отелло, Лиръ и Макбетъ, высится спутникъ самыхъ завѣтныхъ и самыхъ задушевныхъ думъ Шекспира, вѣчно живой и вѣчно юный въ своей скорби философъ-мститель Гамлетъ. Предисловіе къ этой трагедіи, занявшее больше печатнаго листа, принадлежитъ ученику Н. И. Стороженка, приватъ-доценту московскаго университета М. Розанову.

На предисловіяхъ къ «Генриху IV» и къ «Гамлету» я и остановлюсь нѣсколько дольше.

Ѳ. А. Браунъ все свое вниманіе сосредоточилъ на Фальстафѣ. Критикъ полагаетъ, что въ обѣихъ частяхъ «Генриха IV» интересъ зрителя совершенно поглощенъ сэромъ Джономъ, и это заставляетъ его даже съ нѣкоторымъ безразличіемъ относиться ко всѣмъ тѣмъ сценамъ, гдѣ участвуютъ лишь остальные герои драмы. «Передъ нами,—пишетъ Ѳ. А. Браунъ,—совершаются великія событія, выступаютъ настоящіе герои, но нѣтъ Фальстафа—и все намъ кажется постылымъ. Гдѣ же Фальстафъ? Скоро ли будетъ Фальстафъ?» Сообразно такому взгляду, проф. Браунъ какъ-то немного замолчалъ будущаго короля Ген-

риха V. Даже Генрихъ IV Бокинброкъ, перенесенный, по его словамъ, «прямо изъ хроники», и тотъ оказался гораздо болѣе тщательно очерченнымъ. Если принять въ соображеніе, что и въ предисловіи къ «Генриху V», написанномъ П. О. Морозовымъ, было бы напрасно искать всесторонней характеристики молодого короля; то придется съ сожалѣніемъ отмѣтить, что въ этомъ изданіи Шекспира побѣдителя при Азенкуръ, любимца англійской публики елизаветинскихъ временъ, героя балладъ и безусловно одного изъ наиболѣе интересныхъ созданій Шекспира, русскій читатель не прочувствуетъ и не продумаетъ такъ полно и сознательно, какъ онъ это сдѣлалъ бы, если бы имъ руководили авторы предисловій. И какъ ни ярко очерченъ проф. Брауномъ Фальстафъ, и его фигура остается, вслѣдствіе этого невниманія къ его царственному собутыльнику, понятой только односторонне. Вѣдь Фальстафъ не даромъ введенъ въ исторію молодости Генриха V, въ тотъ моментъ, когда его отвага и его дарованія неожиданно впервые должны развернуться съ такой силой. Проф. Браунъ напрасно оставилъ такъ мало вниманія на связь обоихъ сюжетовъ Генриха IV. Всесторонне понять и Фальстафа можно, лишь выяснивъ себѣ, почему его тучная фигура возникла въ воображеніи Шекспира какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній взялся за изображеніе короля—національнаго героя. Что Генрихъ V національный герой и что такимъ именно и изобразилъ его Шекспиръ, на этомъ едва ли надо настаивать. Это вѣдь бросается въ глаза и это достаточно разъяснено и проф. Брауномъ, и П. О. Морозовымъ. Но какъ понималъ національнаго героя Шекспиръ? Вотъ вопросъ въ высшей степени интересный для всякаго читателя, въ сознаніи котораго запечатлѣлись созданія великаго драматурга. И понять это лучше всего поможетъ именно разборъ того, что собственно влекло молодого Генриха къ Фальстафу въ пору его шального безпутства, какова была среда, окружавшая стараго рыцаря-кутилу, и что могла она дать наслѣднику престола. Разсказы о бурной молодости Генриха и о дурномъ обществѣ, среди котораго онъ вращался, Шекспиръ понялъ по своему, сообразно своимъ собственнымъ мыслямъ и чувствамъ. Отвѣтомъ на нихъ и явилась эта загадочная и яркая, безобразная и великолѣпная фигура сэра Джона. Приблизительно около 1597 г., когда имъ былъ купленъ Нью-Плесъ въ Страффордѣ, Шекспиръ вновь побывалъ на родинѣ. И въ пьесахъ этого времени «Укрощеніе строптивой», во 2-й части «Генриха IV» и въ «Виндзорскихъ кумушкахъ», въ первый и въ послѣдній разъ появляются у Шекспира намеки на личныя знакомства и личныя отношенія поэта у себя дома, тамъ, въ родномъ Страффортѣ, гдѣ онъ особенно чувствовалъ себя самимъ собой, гдѣ онъ получилъ первыя впечатлѣнія отъ реальной, настоящей жизни. Этотъ періодъ драматической дѣятельности Шекспира вообще можно было бы назвать реалистическимъ. Изображая національнаго героя, Шекспиръ создалъ и героя народнаго. Изъ разсказовъ о похожденіяхъ Генриха въ молодости онъ сдѣлалъ повѣствованіе о столкновеніяхъ короля съ самой «веселой Англіей», съ самимъ англійскимъ народомъ. Вѣдь именно англійская жизнь встаетъ передъ нами и въ кабачкѣ, гдѣ царилъ Фальстафъ, и въ деревнѣ у судьи Шалло, и среди мѣщанокъ Виндзора. Эта жизнь англійскихъ захолустій освѣщается неистощимымъ, геніальнымъ, общечеловѣческимъ юморомъ Фальстафа, но и самое его остроуміе чисто англійское. Черезъ Фальстафа и въ его обществѣ Генрихъ узналъ немного больше о жизни, чѣмъ если бы молодость его протекала лишь среди льстецовъ его придворныхъ, говорящихъ высокопарнымъ слогомъ и юфуизмами. Острота ума самого Генриха изощрилась въ обществѣ толстаго философа-бражника, и самая ихъ дружба, несмотря на жестокую сцену изгнанія Фальстафа, должна была прибавить несомнѣнно симпатичную, задушевную черточку къ фигурѣ побѣдителя при Азенкурѣ,—черточку, которую должны были особенно цѣнить не только придворные

поклонники Фальстафа съ самой Елизаветой во главѣ, но всѣ эти «приказчики» и «мастеровые», «клерки» и «торговые люди», которые апплодировали Шекспиру, не развязно раскинувшись на сценѣ въ своихъ роскошныхъ нарядахъ, а снизу, изъ партера, куда щеголи тѣхъ временъ пренебрежительно бросали пригоршнями мелкія монеты и откуда по ихъ адресу тѣмъ не менѣе летѣли не совсѣмъ лестныя замѣчанія. Не политика и даже не исторія занимали умъ Шекспира въ періодъ написанія послѣднихъ хроникъ. Θ. А. Браунъ справедливо замѣчаетъ, что—«политика мало интересуетъ Шекспира въ этой драмѣ». Надо было прибавить, что если Шекспиръ «останавливаетъ вниманіе исключительно на борьбѣ ради династическихъ интересовъ», то и это только канва, только внѣшность драмы, которая обезпечивала успѣхъ хроники при дворѣ. Самого художника увлекаетъ именно изображеніе жизни, самой жизни родной Англіи. Поэтъ съ наслажденіемъ изощряетъ свое остроуміе надъ своими сосѣдями и земляками, и сквозь добродушный его смѣхъ сквозитъ то теплое чувство къ родинѣ, которое заставило его не только постоянно возвращаться въ родной Страффордъ, но и вовсе порвать съ Лондонскими связями, чтобъ кончить жизнь простымъ обывателемъ въ глухомъ уголкѣ «зеленого острова». И черезъ это чувство къ родинѣ ведетъ Шекспиръ зрителя непосредственно къ восторгу передъ своимъ героемъ.

Политика вообще осталась чуждой Шекспиру. Онъ былъ человѣкомъ Возрожденія. Ему человѣкъ былъ важнѣе группы людей; прослѣдить жизнь личности казалось ему заманчивѣе, чѣмъ изучить жизнь общины. Оттого, когда, начитавшись Плутарха, онъ примется за «Юлія Цезаря» и тутъ обнаружитъ болѣе вдумчивое отношеніе къ вопросамъ управленія, чѣмъ во времена мечтаній о королѣ —народномъ героѣ, онъ все-таки всей силой своего творческаго проникновенія вопьется въ самую личность Брута, въ чисто личную моральную проблемму, которая встала передъ этимъ новымъ героемъ и героемъ уже трагическимъ. И Брутъ даже выведетъ Шекспира изъ сферы политическихъ интересовъ и подведетъ его вплоть къ Гамлету. Въ изданіи С. А. Венгерова «Юлій Цезарь» помѣщенъ, однако, почему-то послѣ «Гамлета» и это тѣмъ болѣе странно, что авторъ интереснаго предисловія къ «Юлію Цезарю» Л. Шестовъ, повидимому, также склоненъ видѣть въ Брутѣ какъ бы подготовительный эскизъ къ Гамлету.

Остановимся и мы немного на Брутѣ раньше, чѣмъ переходить къ Гамлету.

Г. Шестовъ толкуетъ Брута сквозь призму своихъ исканій въ области морали, возникшихъ въ немъ послѣ долгихъ занятій Нитцше. Его предисловіе можно было бы назвать поэтому скорѣе размышленіями современнаго нитцшеанца о шекспировскомъ Брутѣ, чѣмъ введеніемъ къ лучшему пониманію Шекспировскаго произведенія и возбуждаемыхъ имъ сомнѣній, нужно признать, что образы поэта пріобрѣли какъ-бы самостоятельное развитіе за три вѣка, въ теченіе которыхъ они живутъ въ сознаніи мыслящаго человѣчества.

Эту дальнѣйшую жизнь художественныхъ образовъ такъ ясно и такъ наглядно показываетъ намъ исторія «Гамлета» отъ того момента, когда онъ впервые появился на сценѣ елизаветинской Англіи, черезъ его послѣдовательныя передѣлки Шекспиромъ и вплоть до самыхъ послѣднихъ, современныхъ намъ толкованій его, будь то философомъ Паульсономъ или Куно Фишеромъ, будь то критикомъ Брандесомъ или какимъ-либо изъ современныхъ шекспирологовъ-спеціалистовъ.

Эту исторію очень удачно представилъ намъ М. Розановъ. Въ его предисловіи читатель найдетъ отвѣты на всѣ основные вопросы, возникающіе при изученіи «Гамлета». И появленію этого изслѣдованія порадуется всякій русскій читатель, привязанный къ безсмертному генію Шекспира. Гамлетъ уже вызы-

валъ замѣчанія у насъ Бѣлинскаго, Тургенева и Гончарова; г. Розанова нельзя не поблагодарить за то, что онъ не забылъ о нихъ. И въ изложеніи г. Розанова ярко выступаетъ вдумчивость этихъ замѣчаній. Но именно потому, что предисловіе г. Розанова мнѣ кажется вполнѣ удачнымъ, я не могу не пожалѣть, что на составленіи его не отразились, повидимому, три маленькихъ событія, которыми ознаменовались послѣднія десять лѣтъ изученія «Гамлета». Я разумѣю книжку Саразина о Томасѣ Кидѣ, изслѣдованіе американскаго молодого шекспиролога, Корбина, о елизаветинскомъ «Гамлетѣ» и, наконецъ, тянувшуюся нѣсколько лѣтъ, отъ конца 80-хъ годовъ до самой середины 90-хъ, полемику между Тюркомъ и Куно Фишеромъ. Г. Розановъ, установивъ, что «кровавая трагедія о Гамлетѣ» конца 80-хъ годовъ XVI в., о которой упоминаютъ Натъ и Лоджъ, вѣрнѣе всего принадлежитъ Киду, замѣчаетъ, однако, что заимствованія Шекспира у его предшественника «едва ли были значительны». Напротивъ, Саразинъ, мнѣ кажется, воочію доказалъ какъ разъ обратное. По его мнѣнію, если мы и не можемъ точно установить зависимость шекспировскаго «Гамлета» отъ кидовскаго, потому что этотъ послѣдній до насъ не дошелъ, то сличая «Гамлета» Шекспира съ другими произведеніями Кида, мы не можемъ не придти къ заключенію, что великій драматургъ вначалѣ просто передѣлалъ кровавую трагедію Кида и только постепенно все больше и больше сталъ вкладывать въ нее своего собственнаго. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени важное значеніе и имѣетъ сличеніе «Гамлета» 1603 года съ «Гамлетомъ» 1604 г. Первый «Гамлетъ», такъ называемый текстъ А, ближе къ Киду, чѣмъ второй. И эти же самыя соображенія Саразина въ истинномъ свѣтѣ представляютъ и отношеніе «Гамлета» къ античной «Орестейи», съ которой его такъ часто сопоставляли. Кидъ былъ поклонникомъ и подражателемъ Сенеки. Старый разсказъ о «Гамлетѣ», датскомъ принцѣ, оттого такъ и плѣнилъ его, что онъ былъ похожъ на «Орестейю». Сходство между обоими мировыми трагическими замыслами, такимъ образомъ, не случайно; оно есть результатъ сознательнаго новаго претворенія старинной темы. И въ эпоху королевы Елизаветы оно было понято и воспроизведено именно сообразно запросамъ того времени. Въ упомянутой работѣ Корбина ясно выступаетъ «Гамлетъ» именно начала XVII в. еще слишкомъ для насъ грубый, производившій чисто комическій эффектъ сценами сумасшествія. Шекспировскій «Гамлетъ» стоитъ, такимъ образомъ, на перепутьи между новымъ воспроизведеніемъ античной «Орестейи», прошедшей черезъ перемолъ ритора Сенеки и обновленной новой фабулой Кидомъ и нашей, близкой намъ «Орестейи», нарождавшейся постепенно съ того момента, когда Шекспиръ сталъ передѣлывать своего перваго «Гамлета» 1603 года во второй (1604 года), черезъ всѣ безконечныя толкованія и поясненія «Гамлета», отъ XVIII в. до начала XX, и всѣ воспроизведенія «Гамлета» отъ Гаррика до Ирвинга, Росси и Сальвини. Конечно, текстъ «Гамлета» застылъ и не измѣняется съ его изданія in-folio 1623 г. въ полномъ собраніи сочиненій Шекспира. Но этотъ текстъ насилуетъ и не можетъ не насиловать толкователь; этотъ текстъ неравномѣрно отражается въ сознаніи читателя, актера, зрителя, толкователя. Вотъ почему, кому бы ни принадлежало новое, уже болѣе не гётевское толкованіе «Гамлета», Тюрку или Куно Фишеру, это толкованіе законно, если оно не насилуетъ текстъ, а органически развиваетъ его сообразно современному міровоззрѣнію. Саразинъ (самъ держащійся гораздо ближе къ Гетевскому толкованію, распространенному у насъ извѣстной тургеневской статьей «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ») справедливо замѣчаетъ, что современный толкователь не долженъ вовсе педантически принимать во вниманіе каждый поступокъ «Гамлета», каждое приписанное ему дѣйствіе. Очень часто поступки «Гамлета» не болѣе какъ атавизмы стараго «Гамлета», когда онъ былъ еще мстителемъ-притворщикомъ. Современный

Гамлетъ, Гамлетъ-философъ, все еще притворщикъ и мститель, но мы въ правѣ любить и цѣнить въ немъ именно философа, представлять себѣ его мщеніе черезъ наше современное міровоззрѣніе. И «современный «Гамлетъ», какъ справедливо замѣчаетъ Корбинъ, — и есть настоящій Гамлетъ. Въ истинномъ смыслѣ слова онъ Гамлетъ шекспировскій, и онъ останется такимъ и тогда, когда новыя поколѣнія прибавятъ новыя красоты къ его толкованію». Вѣдь философъ-эволюціонистъ опредѣляетъ явленіе не на основаніи его первобытной, начальной формы, а по тому виду, какой она приняла въ своемъ современномъ, на время кажущемся конечнымъ, выраженіи. Толкованіе г. Розанова значительно опередило гёте-тургеневское толкованіе: путемъ удачно скомбинированныхъ выдержекъ изъ отголосковъ «Гамлета» въ современной литературѣ г. Розановъ заставляетъ насъ подойти вплоть къ современному Гамлету-философу, какимъ онъ выступаетъ у Куно Фишера. Но дальше онъ уже насъ не ведетъ, мы останавливаемся въ преддверіи. И, можетъ быть, отъ «историко-литературнаго» предисловія ничего большаго, ничего дальнѣйшаго не слѣдуетъ и требовать.

Изъ остальныхъ предисловій надо прежде всего отмѣтить очеркъ Н. И. Стороженки къ «Королю Лиру», высказавъ сожалѣніе, что только относительно этого произведенія русскій читатель воспользуется руководствомъ нашего маститаго и глубоко симпатичнаго шекспиролога. Интересны также предисловія Л. Полонскаго къ «Отелло» и Э. Радлова къ «Тимону Аѳинскому». Добавочную замѣтку Ѳ. Зѣлинскаго къ «Юлію Цезарю», въ которой онъ стремится указать значеніе знакомства съ античной литературой (въ данномъ случаѣ съ Плутархомъ) для развитія шекспировскихъ пріемовъ творчества будетъ удобнѣе разсмотрѣть, когда мы будемъ имѣть возможность ознакомиться и съ его же очеркомъ объ «Антоніи и Клеопатрѣ» въ слѣдующемъ томѣ.— До окончанія изданія я оставлю и разборъ новыхъ переводовъ шекспировскихъ драмъ, вошедшихъ въ настоящее изданіе. Новыхъ ихъ вышло всего три: переводъ «Ричарда II» Холодковскаго, переводъ обѣихъ частей «Генриха IV» Зин. Венгеровой и Н. Минскаго, и «Генриха V» А. Ганзенъ. *Е. А.*

Смѣлые мореплаватели. Повѣсть Рэдіарда Киплинга. Полный переводъ съ англійскаго А. Каррикъ. Москва. 1903 года. Давно извѣстно, что самый трудный и отвѣтственный родъ литературы—это произведенія, предназначенныя для дѣтства и юношества. Русская литература, которую ужъ никакъ нельзя назвать бѣдной, и которая съ каждымъ годомъ завоевываетъ все болѣе и болѣе почетное положеніе на міровомъ рынкѣ, почти ничего не дала въ этомъ направленіи. Попытокъ, правда, и теперь достаточно много, но всѣ онѣ пріурочены къ предпраздничной широкой торговлѣ дѣтскими книгами и представляютъ изъ себя или жалкія и грубыя компиляціи съ иностраннаго, или неуклюжія доморощенныя произведенія, въ которыхъ даже дѣтскій умъ, не смотря на свою нетребовательность, гибкость и легкую приспособляемость ко всякимъ перспективамъ и освѣщеніямъ, невольно чувствуетъ фальшивое заигрываніе, поддѣлку, слащавое и болтливое сюсюканье.

О дѣтяхъ, правда, у насъ изрѣдка пишутъ, и пишутъ тонко, умно, съ нѣжнымъ, добрымъ юморомъ, но, мнѣ кажется, я не ошибусь, сказавъ, что изъ современныхъ нашихъ художниковъ только одинъ г. Маминъ-Сибирякъ умѣетъ и можетъ писать тѣ прелестные разсказы для дѣтей, тайна которыхъ заключается въ томъ, что они одинаково неотразимо захватываютъ и взрослыхъ.

Послѣднее условіе можно считать самымъ безошибочнымъ признакомъ того, что произведеніе написано талантливо, и что оно найдетъ вѣрный путь къ дѣтскому сердцу, и въ этомъ отношеніи разсказъ «Смѣлые мореплаватели» смѣло можно поставить рядомъ съ Давидомъ Копперфильдомъ и съ прекраснымъ

разсказомъ Марка Твэна,—«Принцъ и нищій», который такъ широко, во множествѣ переводовъ и въ тысячахъ экземпляровъ расходится среди читающей публики.

Интересно,—что какъ Твэнъ, такъ и Киплингъ положили въ основу своихъ разсказовъ почти одинъ и тотъ же замыселъ. Оба автора заставляютъ своихъ героевъ,—юношей, богато взысканныхъ милостями судьбы, но совершенно незнакомыхъ съ суровымъ существованіемъ сѣрой и бѣдной массы, зависящей въ будущемъ отъ этихъ счастливчиковъ,—пройти временно, благодаря сплетенію всякихъ случайностей, желѣзную школу жизни, полной нужды, опасностей, огорченій и обидъ. Въ обоихъ произведеніяхъ зановѣсъ опускается какъ разъ послѣ счастливаго возвращенія скитальцевъ въ родные дома; какъ станутъ поступать въ будущемъ умудренные опытомъ и просвѣтленныя видомъ народной нужды и народной силы юные герои,—авторы этого не говорятъ, но читатель остается при непоколебимой увѣренности, что оба юноши заплатятъ народу сторицей за ту науку, которую они почерпнули изъ его нѣдръ.

Здѣсь впрочемъ не мѣсто говорить о разсказѣ Твэна, героемъ котораго является наслѣдный англійскій принцъ, но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи, вкратцѣ сообщить содержаніе «Смѣлыхъ мореплавателей».

Гарвей Чэнъ мальчикъ лѣтъ 15-ти, сынъ американскаго милліонера, которому принадлежитъ полдюжины желѣзныхъ дорогъ и половина лѣсныхъ дворовъ на берегу Тихаго океана,—ѣдетъ на почтовомъ пароходѣ въ Европу съ цѣлью кончить свое образованіе, которое еще не начиналось, какъ насмѣшливо замѣчаетъ одинъ Филаделфіецъ. Какъ на пассажировъ, такъ и на читателя этотъ молодой человѣкъ производитъ довольно противное впечатлѣніе. Онъ куритъ, хвастаетъ своими карманными деньгами, которые безъ нужды постоянно вынимаетъ и пересчитываетъ, говоритъ жестокія и глупыя вещи и фамильярничаетъ со взрослыми—серьезными и занятыми людьми. Однако путешествіе его кончается плохо. Сильная качка и крѣпчайшая черная сигара, предложенная ему шутникомъ-нѣмцемъ, дѣлаютъ то, что Гарвей въ страшномъ припадкѣ морской болѣзни лишается сознанія и падаетъ за бортъ.

Но будущій милліардеръ не погибъ, (что, въ сущности является почти невѣроятнымъ). Его спасъ рыбакъ съ Глочестерской шхуны «Мы здѣсь», и съ этого момента для Гарвея началась жизнь, исполненная самыхъ неожиданныхъ и подчасъ весьма тяжелыхъ испытаній.

Разсказамъ его о богатствѣ отца никто не вѣритъ; весь экипажъ твердо убѣжденъ, что мальчикъ во время паденія ударился о бортъ головой, и что съ тѣхъ поръ у него «приключилась непріятность въ верхнемъ этажѣ». Шкиперъ судна, по имени Диско Трупъ—старый, честный морской волкъ,—былъ даже вынужденъ однажды, какъ онъ выразился, собственноручно «прочистить Гарвею мозги», когда молодой человѣкъ, забывшись, высказалъ подозрѣніе, что его карманные деньги вытащены кѣмъ то изъ экипажа шхуны. Именно съ этого эпизода, окончившагося кровопролитіемъ изъ Гарвеева носа, и началось нравственное перерожденіе молодого Чэна.

Гарвей—по натурѣ чистый, смѣлый и добрый мальчикъ, но избалованный безалабернымъ воспитаніемъ чувствительной матери,—сначала поневолѣ, а потомъ и съ горячимъ увлеченіемъ втягивается, подъ руководствомъ своего сверстника, веселаго и бойкаго Дена, въ трудовую, но полную своеобразной поэзіи жизнь рыбаковъ въ открытомъ океанѣ. Онъ безропотно, съ сознанізмъ выполняемаго долга, моетъ палубу, подаетъ старшимъ матросамъ обѣдъ, ловитъ и чиститъ рыбу, воруетъ у кока жаренный горохъ, учится ставить парусъ, управлять рулемъ и бросать лотъ-линь. Понемногу онъ дѣлается признаннымъ членомъ экипажа, имѣетъ свое мѣсто за столомъ, участвуетъ въ долгихъ разговорахъ въ бурную погоду, когда всѣ охотно слушаютъ «волшебныя сказки»

объ его прежней жизни, и вообще нападаетъ на мысль что его настоящее положеніе много лучше того, когда онъ выслушивалъ насмѣшки надъ собой въ курительной комнатѣ почтоваго парохода. И чѣмъ больше онъ узнаетъ своихъ невольныхъ спутниковъ среди опасностей и трудовъ долгаго плаванія, тѣмъ большей любовью и уваженіемъ проникается онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и читатель, къ этимъ простымъ и великодушнымъ людямъ, соединяющимъ дѣтскую чистоту сердецъ съ хладнокровной отвагой закаленныхъ моряковъ и откровеннос невѣжество съ житейской мудростью. И, когда наконецъ послѣ долгихъ и разнообразныхъ приключеній, разсказъ о которыхъ неудержимо захватываетъ читателя, Гарвей опять встрѣчается съ отцомъ и матерью, уже отчаявшимися его отыскать, то передъ нами совсѣмъ другой юноша,—серьезный, бодрый, съ несокрушимымъ здоровьемъ и съ дѣловымъ уваженіемъ къ чужому и своему труду. Само собою разумѣется, что авторъ вложилъ много трогательнаго и забавнаго въ счастливую развязку своего разсказа, который въ общемъ производитъ такое же сильное, ясное и свѣжее впечатлѣніе, какъ и навѣявшее его морская стихія. Переведена книга отличнымъ языкомъ и снабжена многими рисунками. Цѣна 1 р. 25 к. *А. К—ринъ.*

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Андреевскій. „Литературные очерки“.—*А. И. Кирпичниковъ.* „Очерки по исторіи новой русской литературы“.—*Е. Соловьевъ.* „Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка“.

С. А. Андреевскій. Литературные очерки. Спб. 1902 г. Выходящее въ свѣтъ подъ новымъ заглавіемъ 3-е дополненное изданіе «Литературныхъ чтеній» г. Андреевскаго содержитъ въ себѣ рядъ живо и интересно написанныхъ критическихъ статей и замѣтокъ, разнообразныхъ по содержанію, но объединенныхъ одною общею для нихъ всѣхъ и характерною для г. Андреевскаго чертой. Черта эта—односторонняя, исключительно эстетическая оцѣнка такихъ различныхъ во всѣхъ отношеніяхъ художественныхъ дарованій, какъ Баратынскій и Лермонтовъ, Некрасовъ и Достоевскій, Мопассанъ и Гаршинъ.

Какъ своего рода эстетическое «profession de foi» г. Андреевскаго интересны его «Замѣтки о современной поэзіи», носящія нѣсколько рискованное названіе «Вырожденіе риѳмы». «Считая отъ середины истекшаго столѣтія, пишетъ Андреевскій, внутренняя поэтичность стихотворныхъ произведеній обратно пропорціональна ихъ близости къ нашему времени, т.-е. чѣмъ дальше стихотвореніе отъ нашихъ дней, тѣмъ болѣе шансовъ найти въ немъ истинную поэзію». По мнѣнію автора только еще г. Фофановъ и г-жа Лохвицкая—потомки Аполлона по прямой линіи; только они пишутъ еще «подлинные» стихи и знаютъ «истинную поэзію»; муза Некрасова, тоскующая муза мести и печали, находитъ себѣ откликъ лишь въ рядахъ того «Ландвера», который «борется за гражданскую свободу» и, быть можетъ, Тургеневъ былъ не совсѣмъ не правъ называя ее «жеваннымъ папьемаше съ поливкой изъ острой водки». Впрочемъ Некрасову г. Андреевскій посвятилъ особую статью. Въ ней онъ пытается дать оцѣнку некрасовскаго творчества не только по формѣ, но и по содержанію, не только со стороны стиля, но и со стороны тѣхъ идей, которыя исповѣдывалъ Некрасовъ. И къ чему же приходитъ г. Андреевскій? «Всѣ русскіе люди, конечно, прочтутъ книгу Некрасова, и мѣстами съ удивленіемъ передъ его талантомъ; но по собственному побужденію брать и перечитывать её можно лишь въ особенномъ, исключительномъ настроеніи». И дальше: «его прозвали поэтомъ-гражданиномъ, что это значитъ?.. Лестно ли для поэтической

славы сказать: поэтъ—гласный думы или даже поэтъ-полководецъ?!» Итакъ, гласный думы и гражданинъ—для г. Андреевскаго, какъ будто синонимы?..

Не лучшаго мнѣнія г. Андреевскій о неуспѣвшей расцвѣсть музѣ Надсона. «Надсонъ, пишетъ онъ, разсказалъ самого себя въ стихахъ простыхъ, милыхъ и музыкальныхъ, иногда юношески болтливыхъ, съ немудреными мыслями, съ ученическими сравненіями, подчасъ со звонкими либеральными фразами объ идеалѣ, наукѣ, родинѣ». Зато стихотворенія г-жи Гиппіусъ «вещи безспорно талантливыя, оригинальныя, а иногда и глубокія»; Башкирцева—«мученица славы», «несчастная юная жрица искусства», «упавшая замертво къ подножію своей богини», «едва только завидѣвъ глубокія тайны истиннаго творчества», а Баратынскій не болѣе не менѣе, какъ «отецъ современнаго пессимизма въ русской поэзіи». Конечно, нельзя отрицать необыкновенной талантливости такъ рано угасшей Башкирцевой или метрическихъ недосатковъ Некрасовской музы, какъ нельзя отрицать и того, что риѳма имѣетъ свою исторію и стихъ современныхъ поэтовъ не похожъ на стихъ Пушкина, Тютчева и Лермонтова; но пѣть отходную «великой покойницѣ-риѳмѣ», съ легкимъ сердцемъ играть словомъ «гражданинъ», въ совершенно неумѣренныхъ выраженіяхъ восхвалять дарованія г-жи Лохвицкой, г. Фофанова и г-жи Гиппіусъ и рядомъ съ этимъ называть такого несомнѣнно талантливаго художника, какъ Бальмонтъ, лишь «искуснымъ версификаторомъ»,—все это—не болѣе, какъ рядъ гиперболъ, часто красивыхъ и остроумныхъ, но всегда узкихъ и односторонніхъ, какъ узка и односторонія исходная точка зрѣнія г. Андреевскаго—эстетическая, критика произведеній искусства чуждая всякихъ общественныхъ запросовъ. *Б. Савинковъ.*

А. И Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Т. I. Изд. 2-ое. М. 1903 г. Стр. 483. Цѣна 2 р. Появленіе перваго изданія «Очерковъ» проф. Кирпичникова было отмѣчено въ нашемъ журналѣ (1896 г., іюнь). Новое изданіе значительно отличается отъ прежняго: выпущены двѣ статьи о Пушкинѣ, которыя предположено помѣстить во II томѣ «Очерковъ», и вновь помѣщены шесть статей: двѣ о Жуковскомъ («Жуковскій, какъ поэтъ-воспитатель» и «Послѣдніе годы и дни Жуковскаго»), двѣ о Гоголѣ (объ отношеніяхъ его къ Погодину и Бѣлинскому), восторженныя воспоминанія о Буслаевѣ и небольшая замѣтка о повѣсти Мельгунова «Да или нѣтъ?», интересной тѣмъ, что въ ней читающая публика тридцатыхъ годовъ нашла детальное изображеніе суда присяжныхъ. Всѣ прежнія статьи, за исключеніемъ біографическаго очерка, посвященнаго Гоголю, оставлены безъ измѣненія, несмотря на то, что отдѣльные взгляды и выводы проф. Кирпичникова въ свое время вызвали серьезныя возраженія. Даже въ статьѣ о Дружининѣ не сдѣлано никакихъ поправокъ, и онъ попрежнему величается «царемъ фельетонистовъ» и сопоставляется съ Лукіаномъ, Эразмомъ Роттердамскимъ, Свифтомъ и даже съ Вольтеромъ.

Статьи проф. Кирпичникова о Жуковскомъ и Гоголѣ не возвышаются надъ обычнымъ уровнемъ юбилейныхъ статей, наскоро написанныхъ. Наибольшій интересъ представляетъ статья, излагающая исторію знаменитаго столкновенія Гоголя и Бѣлинскаго изъ-за «Переписки съ друзьями». Но и тутъ дѣло не обошлось безъ преувеличенія того вліянія, которое было произведено на Гоголя знаменитымъ письмомъ Бѣлинскаго изъ Зальцбрунна.

Что касается прежнихъ «Очерковъ» проф. Кирпичникова, то, при всѣхъ своихъ недочетахъ, многіе изъ нихъ представляютъ несомнѣнный интересъ, сообщая давно позабытые и даже совсѣмъ новые историко-литературные факты. Поэтому извѣстіе о внезапной смерти проф. Кирпичникова, имѣвшаго въ виду выпустить 2-ой томъ «Очерковъ», куда должно было войти все относящееся къ Пушкину и нѣкоторымъ его друзьямъ, въ томъ числѣ къ Чаадаеву, пред-

ставляется особенно прискорбнымъ. Надо надѣяться, что друзья покойнаго озаботятся о посмертномъ изданіи трудовъ почтеннаго ученаго, такъ преждевременно унесеннаго въ могилу. *С. А.*

Евг. Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. (Третья и четвертая тысячи, исправленныя и дополненныя). Спб. 1903 г. Стр. XXXIV + 566. Цѣна 2 руб. Первое изданіе книги г. Соловьева было встрѣчено крайне несочувственными отзывами критики. Автору этой книги пришлось выслушать упреки и въ непомѣрной претенціозности, съ одной стороны, и въ непомѣрномъ верхоглядствѣ, съ другой. Кромѣ того, было указано на крайне беззастѣнчивую манеру автора пользоваться чужими мыслями и взглядами, не указывая источниковъ. Въ газетѣ «Курьеръ» (1902 г. № 42) книгѣ г. Соловьева былъ посвященъ цѣлый фельетонъ г. В. Шулятикова съ очень характернымъ заглавіемъ «Литературный хищникъ». Но всѣ эти крайне неблагосклонныя для г. Соловьева рецензіи не помѣшали первому изданію его книги разойтись въ теченіе одного года. Очевидно, у г. Соловьева есть своя публика, знающая его по цѣлому ряду книжекъ біографической библіотеки Павленкова и по журнальнымъ статьямъ.

Второе изданіе книги г. Соловьева «исправлено и дополнено». Но дополненія сдѣланы только въ предисловіи и въ заключеніи. Текстъ же книги, напечатанный стереотипомъ, остался безъ всякихъ измѣненій, исключая нѣсколькихъ страницъ, гдѣ говорится о Герценѣ и Гончаровѣ.

Въ предисловіи и въ заключеніи книги мы находимъ болѣе полное, по сравненію съ первымъ ея изданіемъ, изложеніе взглядовъ автора на ходъ литературнаго развитія Россіи въ теченіе XIX-го вѣка. «Основная идея русской литературы,—говоритъ г. Соловьевъ,—религіозно-нравственная и основана на сознаніи святости человѣческой личности и человѣческой жизни вообще. Эта идея, зародившаяся еще въ концѣ XVIII-го вѣка, выросла и окрѣпла, какъ сталь, выкованная булатомъ, въ безконечно долгой борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ и духомъ крѣпостничества, еще и теперь далеко не исчезнувшимъ изъ нашей жизни» (с. IV). Этой же самой идеей была проникнута и русская критика съ тою только разницею, что «религіозно-нравственная идея нашей художественной литературы не обходилась безъ нѣкоторой примѣси мистицизма, безъ нѣкотораго содроганія передъ тайнами и загадками жизни» (с. IX), въ критикѣ же нашей ничего мистическаго нѣтъ. Указанная основная идея русской литературы придала ей «особый проповѣднический характеръ», обусловила преобладаніе въ ней «мотивовъ совѣсти и покаянія» и заставила ее стремиться къ освобожденію жизни и личности человѣка отъ всякаго рода опеки.

Отсюда и та «формула главнаго русла русской литературы», которую г. Соловьевъ даетъ въ новомъ изданіи своей книги. «Борьба съ крѣпостнымъ правомъ и его переживаніями во имя освобожденія общинно-земледѣльческаго строя народной жизни и общинно-земледѣльческаго мышленія, какъ дѣятельное начало славянофильскаго теченія,—борьба съ тѣми же устоями во имя эмансипаціи личности и ея развитія, какъ дѣятельное начало теченія западническаго,—таковъ смыслъ исторіи нашей литературы въ ея главномъ руслѣ, такова формула нашего литературнаго развитія за XIX вѣкъ» (XXXIII).

Эту формулу г. Соловьевъ изложилъ «въ процессѣ ея діалектическаго развитія». «Я далъ сначала,—говоритъ онъ въ заключеніи, общую характеристику барской литературы, затѣмъ ея противоположности литературы разночинной и, наконецъ, литературы, созданной кающимся дворяниномъ. Эти три фигуры—барина-идеалиста 40-хъ годовъ, разночинца 60-хъ и кающагося дворянина 60-хъ, 70-хъ годовъ я считаю основными въ исторіи нашего литературнаго развитія. Вражда принциповъ, внесенныхъ въ литературу баріномъ и разночинцемъ, и затѣмъ примиреніе этихъ принциповъ вотъ схема, по

которой я расположилъ свою книгу» (549). «Литература барина-идеалиста,— говорится въ другомъ мѣстѣ, какъ выраженіе идеи прекраснаго въ условіяхъ нашего общественнаго строя и въ ея столкновеніяхъ съ нимъ; литература разночинца, какъ выраженіе идеи полезнаго, какъ голоса сословно недифференцированной, непривилегированной Руси; литература кающагося дворянина, какъ выраженіе идеи героическаго, вотъ діалектическая схема нашего литературнаго развитія за 100 лѣтъ» (561).

Въ приведенныхъ цитатахъ заключаются основныя идеи «Очерковъ» г. Соловьева. Эти идеи, въ сущности, не представляютъ ничего новаго; даже термины, вошедшіе въ схему г. Соловьева, не принадлежатъ ему. Въ этомъ признается и самъ авторъ, настаивая только на томъ, что до него «никто не устанавливалъ діалектической связи между этими тремя терминами». Но установить связь между терминами, которая сама бросается въ глаза, не такая большая заслуга, чтобы ее нужно было подчеркивать. Если же раньше никто не рѣшился изложить развитіе русской литературы по схемѣ г. Соловьева, то, по всей вѣроятности, по тому же самому, почему творцу этой схемы не удалось втиснуть въ нее всю русскую литературу XIX-го вѣка, несмотря на всѣ натяжки и старанія.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что эта схема не охватываетъ всей русской литературы истекшаго столѣтія. Литературы барина-идеалиста, разночинца и кающагося дворянина, и по признанію самого г. Соловьева, охватываютъ не болѣе полъ-столѣтія. «Барину-идеалисту» или, по другой терминологіи, «эстетику-гуманисту», по словамъ г. Соловьева, предшествуетъ въ русской литературѣ XIX-го вѣка «личность въ пониманіи сентименталиста» и «личность въ пониманіи романтика» (с. XXVIII). Литература же кающагося дворянина, по словамъ того же г. Соловьева, ограничивается семидесятыми годами. Но даже и въ предѣлахъ полъ-столѣтія схема г. Соловьева не охватываетъ всѣхъ главнѣйшихъ литературныхъ явленій. Въ этой схемѣ не оказалось мѣста для цѣлаго ряда русскихъ писателей, въ томъ числѣ даже для такихъ дѣятелей, какъ Островскій и Писемскій.

Но схема литературнаго развитія далеко не самый главный недостатокъ «Очерковъ» г. Соловьева. Текстъ этой книги представляетъ собою нѣчто небывалое въ русской литературѣ. Прежде всего читателя поражаетъ обиліе длиннѣйшихъ цитатъ изъ книгъ и статей самыхъ разнородныхъ авторовъ. Если бы цитаты приводились съ цѣлью характеризовать тѣхъ лицъ, у которыхъ онѣ взяты, это было бы понятно. Но дѣло въ томъ, что вмѣсто собственныхъ своихъ мнѣній о томъ или иномъ литературномъ явленіи г. Соловьевъ даетъ намъ мнѣнія другихъ лицъ. Такимъ образомъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ оказывается солидарнымъ съ писателями самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ направленій. Цитаты въ «Очеркахъ» напечатаны иногда мелкимъ, иногда обыкновеннымъ шрифтомъ, иногда онѣ заключены въ кавычки, иногда не заключены, что и послужило поводомъ къ обвиненію автора въ плагіатѣ. Относительно однѣхъ цитатъ указано, кому онѣ принадлежатъ и откуда онѣ извлечены, относительно другихъ—никакихъ указаній не дается. Если же любопытный читатель захочетъ узнать, чьи мнѣнія ему преподносятся, то поиски приведутъ его иногда къ сочиненіямъ Н. К. Михайловскаго, иногда къ «Новѣйшей исторіи русской литературы» г. Скабичевскаго, иногда къ книжкамъ г. Розанова, а иногда даже къ статьямъ г. Фаресова. Нѣкоторыя цитаты такъ понравились г. Соловьеву, что онъ перепечаталъ ихъ по два и даже по три раза въ разныхъ мѣстахъ своей книги (ср. напр. сс. XIV, 333, 380). Не только чужія мысли, но и свои собственныя любитъ повторять г. Соловьевъ, притомъ безъ всякихъ оговорокъ и указаній. Кто знакомъ съ его краткими біографіями русскихъ писателей въ изданіи Павленкова, тотъ найдетъ въ

«Очеркахъ» цѣлыя главы, перепечатанныя напр. изъ книжекъ о Сенковскомъ, Писаревѣ, Достоевскомъ, Толстомъ и др. Нѣкоторыя свои мнѣнія г. Соловьевъ перепечатываетъ уже въ третій разъ. Такъ, напримѣръ, сдѣланная имъ характеристика Сенковскаго изъ біографическаго очерка перешла и въ книгу о Бѣлинскомъ и въ разбираемые «Очерки». Не трудная, кажется, работа, переписывать изъ одной книжки въ другую, но и тутъ дѣло не всегда обошлось благополучно. Встрѣчается въ «Очеркахъ» чисто-механическая спайка цитатъ, повергающая читателя въ недоумѣніе, которое можетъ быть разрѣшено только при обращеніи къ оригиналу (см. напр. с. 494).

Но наборъ цитатъ, откуда ни понало, «числомъ поболѣе», содержаніемъ подлиннѣе, не избавилъ автора отъ высказыванія собственныхъ мнѣній. Цитаты нужно было скрѣпить собственнымъ цементомъ, а цементъ этотъ оказался очень не высокаго качества. Прежде всего въ книгѣ г. Соловьева бросаются въ глаза вопіющія противорѣчія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, иногда на одной и той же страницѣ и даже въ одномъ и томъ же предложеніи. О Радищевѣ въ одномъ мѣстѣ говорится, что «онъ горячо убѣждаетъ современниковъ приступить къ освобожденію крестьянъ», а въ другомъ мѣстѣ сказано: «нигдѣ не выражаетъ онъ требованія уничтожить это гнусное состояніе, а только возмущается имъ» (сс. IV и 4).

Первые годы царствованія императора Александра I на стр. 22 характеризуются такъ: «Надо представить себѣ ту ужасающую бѣдность общественной жизни, ту духовную нищету, которая ничѣмъ не интересовалась, никуда не стремилась, ничего не искала, совершенно довольная своей рабской обстановкой и приходившая въ восторгъ отъ разрѣшенія носить фраки и круглыя шляпы... Только 12-й годъ заставилъ встряхнуться это стоячее болото». Но не далѣе, какъ черезъ десять страницъ говорится уже совершенно иное: «Многіе помнили еще первыо годы царствованія императора Александра I, ихъ радужныя надежды, ихъ несбывшіяся мечтанія, ихъ общій радостный тонъ» и т. д. О смерти Пушкина сначала говорится: «было почти полное единодушіе въ общемъ сожалѣніи», а потомъ утверждается, что современники, «съ постыднымъ равнодушіемъ» отнеслись къ смерти великаго поэта (сс. 40 и 81). По одному мнѣнію г. Соловьева, Карамзинъ въ своей «Исторіи» «старается въ особенности возвеличить русскія духовныя качества—покорность и смиреніе», а по другому мнѣнію то же самое сочиненіе представляетъ собою «панегирикъ внѣшней силѣ и внѣшнему могуществу» (сс. 20 и 55). На стр. 53 мы читаемъ: «Во всякомъ случаѣ одинаково можно говорить о вліяніи Полевого на Бѣлинскаго, какъ о вліяніи Надеждина. Въ сущности «Отечественныя записки» были прямымъ продолженіемъ «Московскаго Телеграфа», а не «Телескопа». А черезъ восемь страницъ говорится: «Однако, Чернышевскій и притомъ съ очень значительнымъ основаніемъ видитъ въ Надеждинѣ предшественника Бѣлинскаго... Г. Венгеровъ это отрицаетъ, но я предпочитаю держаться мнѣнія Чернышевскаго» (с. 61). Не угодно ли разобраться въ этой путаницѣ? О Бѣлинскомъ на стр. 94 говорится, что онъ «до конца дней никакъ не могъ взять въ толкъ» славянофильской «премудрости», а черезъ пятнадцать страницъ оказывается, что «позже Бѣлинскій призналъ здоровое зерно славянофильской доктрины».

Основами міросозерцанія шестидесятыхъ годовъ на стр. 206 признаются матеріализмъ въ философіи и утилитаризмъ въ этикѣ и въ искусствѣ, а черезъ двадцать страницъ движеніе шестидесятыхъ годовъ формулируется, какъ «бьющій черезъ край идеализмъ». На стр. 364 сказано, что «отвлеченный, въ юности воспринятый идеалъ красоты, добра, истины, человѣчности, идеалъ Щедрина нашелъ свое воплощеніе въ крестьянскомъ царствѣ». А черезъ двѣ съ половиной страницы оказывается, что «совершенно неправы, тѣ, кто на-

вязывалъ Щедрину идеалы крестьянскаго быта или преклоненіе передъ его устоями». Но, помилуйте! какъ же не преклоняться передъ устоями той жизни, въ которой воплотились идеалы красоты, добра, истины, человѣчности, если только это вѣрно? О Глѣбѣ Успенскомъ на стр. 416 утверждается, что съ его точки зрѣнія для русскаго крестьянина «не только культуртрегера, а и вообще никого и ничего не нужно, кромѣ власти земли и крѣпостной отъ нея зависимости». А дальше говорится, что у того же Успенскаго была «вѣра въ интеллигенцію, созданную цивилизаціей» и «почти мистическая надежда на барина-интеллигента, который вотъ-вотъ придетъ въ деревню и устроитъ тамъ благораствореніе воздуховъ» (сс. 509, 558). На одной и той же страницѣ сначала Достоевскій защищается отъ упрековъ въ преувеличеніи, а потомъ его проекты соціальнаго преобразованія называются «дикими» (с. 487). Въ одномъ и томъ же предложеніи сначала Страховъ названъ «замѣчательнымъ и глубокомысленнымъ русскимъ публицистомъ», а далѣе говорится, что онъ «всегда какъ-то удивительно ловко и остроумно приходитъ къ утвержденію тѣхъ выводовъ, которые онъ взялся отрицать!» (с. 325). Удивительное глубокомысліе!

Противорѣчія можно найти даже тамъ, гдѣ г. Соловьевъ излагаетъ свои основные взгляды на ходъ литературнаго развитія Россіи. На стр. XVII предисловія говорится, что русская литература и до шестидесятыхъ годовъ «въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей вовсе не думала о забавѣ и развлеченіи, не думала о виртуозности слова: она учила, вела, указывала путь и притомъ обыкновенно въ довольно тяжеловатой формѣ». А въ «заключеніе» вся литература барина-идеалиста считается выраженіемъ идеи красоты, которая распространялась и на словесную форму выраженія мыслей. Въ концѣ «заключенія» г. Соловьевъ говоритъ, что жажда абсолютнаго и презрѣніе къ относительному—вотъ настроеніе нашей литературы» (с. 562). Но развѣ ненависть къ крѣпостному праву и борьба съ нимъ свидѣтельствуютъ о «жаждѣ абсолютнаго и презрѣніи къ относительному»? Въ предисловіи г. Соловьевъ строго различаетъ «литературу» и «словесность». «Словесность — по его словамъ—это все безбрежное море написаннаго и напечатаннаго; литература выражаетъ общественно-историческія идеи и общественно-историческое настроеніе въ каждую данную эпоху развитія. Чеховъ, напр.,—это литература, а Боборыкинъ — словесность» (стр. IV). Далѣе, г. Соловьевъ заявляетъ, что въ своихъ очеркахъ онъ занимается исключительно литературой. Но въ концѣ своей книги онъ забываетъ сдѣланное въ предисловіи заявленіе и представителю «словесности» г. Боборыкину удѣляетъ столько же вниманія, сколько Гоголю, и больше, чѣмъ Грибоѣдову и Лермонтову. Здѣсь же кстати будетъ упомянуть, что для г. Соловьева и В. Г. Короленко—представитель «словесности», а не «литературы», поэтому для него не нашлось мѣста въ «Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XIX вѣка»!

Не особенно строго исполняетъ авторъ и свое обѣщаніе излагать «лишь исторію литературныхъ идей» (стр. 67). Сплошь и рядомъ отвлекается онъ въ стороны, сообщая мало характерные или общеизвѣстные біографическіе факты и заполняя цѣлыя страницы характеристиками стиля того или другого писателя. Правда, въ погонѣ за «идеями», авторъ довольно пренебрежительно относится къ фактическому матеріалу. По части фактовъ его «Очерки» не особенно богаты, но и съ немногочисленными сравнительно фактами далеко не всегда дѣло обстоитъ благополучно. Рецензенты перваго изданія «Очерковъ» отмѣтили цѣлый рядъ довольно грубыхъ ошибокъ, которыя отчасти оговорены въ предисловіи ко второму изданію. Но и послѣ пересмотра «Очерковъ» въ нихъ осталось не мало фактическихъ ошибокъ. Авторъ увѣряетъ насъ, что Пушкину позволили напечатать «Деревню» въ полномъ видѣ (стр. 74), тогда

какъ на самомъ дѣлѣ это стихотвореніе съ знаменитымъ окончаніемъ появилось только въ 1870 году. На стр. 130-й говорится, что «Пушкинъ хотѣлъ было переслать первый № своего «Современника» Бѣлинскому такъ, чтобы никто, никто не зналъ объ этомъ, да все же не переслалъ, боясь mésaillance'a». На самомъ же дѣлѣ «Современникъ» былъ посланъ Бѣлинскому и полученъ имъ, что подтверждается цѣлымъ рядомъ показаній, въ томъ числѣ письмомъ самого Пушкина къ Нащокину. Имя Бѣлинскаго не упоминается только въ первыхъ «Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы», а изъ словъ г. Соловьева можно сдѣлать такой выводъ, что Чернышевскій нигдѣ въ названной книгѣ не называетъ великаго критика (см. стр. 220). «Любопытно,—говоритъ г. Соловьевъ,—что на «Войну и миръ» критика передового лагеря почти не откликнулась» (стр. 281). На самомъ же дѣлѣ въ 1868 году о романѣ Льва Толстого появились статьи и въ «Вѣстникѣ Европы», и въ «Отечественныхъ Запискахъ», и въ «Недѣлѣ», и въ «Дѣлѣ», причемъ авторами отдѣльныхъ статей были такіе представители передового лагеря, какъ Писаревъ, Шелгуновъ, Флеровскій и др. Въ поэмѣ Некрасова «Морозъ—красный носъ» Дарья замерзаетъ въ лѣсу въ тотъ же самый день, когда похоронила мужа, а у г. Соловьева «эта Дарья послѣ смерти мужа беретъ на себя всю мужскую работу и справляется съ ней стоически и самоотверженно, чудно, красиво справляется съ ней» (стр. 316).

Значеніе подобныхъ ошибокъ въ разбираемой книгѣ усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что на ошибочныхъ фактахъ авторъ нерѣдко строитъ довольно важные выводы. Отсюда необычайное обиліе въ книгѣ г. Соловьева парадоксальныхъ, сомнительныхъ, крайне преувеличенныхъ и прямо невѣрныхъ и даже курьезныхъ выводовъ и мнѣній. Онъ преувеличиваетъ значеніе крѣпостного права, приписывая ему и созданіе понятій о дворянской чести и гордости, и порчу народнаго характера, и нарожденіе славянофильства, и расцвѣтъ русской художественной литературы (стр. 14—15). Жуковскій, который рѣдко былъ доволенъ собой и окружающими, у г. Соловьева является человѣкомъ «удивительно довольнымъ собой и всѣмъ окружающимъ» (стр. 46—47). Пушкинъ, если вѣрить г. Соловьеву, «не интересовался ни политикой, ни общественностью и не любилъ ихъ» (стр. 47). Григорій Данилевскій, какъ историческій романистъ, для г. Соловьева не лучше Лажечникова и «хуже Загоскина» (стр. 68). Грибоѣдовъ, по увѣренію г. Соловьева, возмущается продажей людей только въ розницу, а къ продажѣ ихъ оптомъ онъ отнесся бы совершенно спокойно, «никакъ» (стр. 72). О Гоголѣ говорится, что «онъ какъ бы не замѣчалъ преступленій, жестокостей, которыя ежедневно и ежеминутно творились возлѣ него, не замѣчалъ человѣческой злобы, взаимной ненависти, зависти и т. д., словомъ, всего того, что дѣлаетъ существованіе невыносимымъ и преступнымъ. Не замѣчалъ онъ и слезъ людскихъ, людского страданія» (стр. 74). «Западничество,—по заявленію г. Соловьева,—съ самаго начала выбирало своихъ руководителей изъ разночинцевъ. Дворяне-западники *всегда* тяготѣли и тайно, и явно къ славянофильству» (стр. 82). Въ доказательство приводятся Герценъ и Чаадаевъ, но умалчивается о Грановскомъ и Тургеневѣ. Погодинъ, этотъ ученый, профессоръ, педагогъ, публицистъ, авторъ повѣстей и драмъ, ораторъ, путешественникъ, журналистъ, если повѣрить г. Соловьеву, широко пользовавшемуся извѣстнымъ трудомъ г. Барсукова — «всю свою жизнь просидѣлъ за Несторомъ и другими лѣтописями» (стр. 101). Литературнымъ предкомъ образованнаго и развитого Обломова г. Соловьевъ считаетъ грубаго и невѣжественнаго Митрофанушку Простакова (стр. 182). Характеризуя писателей-народниковъ, г. Соловьевъ говоритъ: «часто это человѣкъ полуграмотный, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, едва преодолѣвшій азы» (стр. 207). О Рѣшетниковѣ говорится, что «духъ, помыслы, интересы и

идеалы народа были его собственными» (стр. 310). Но Тургеневъ все-таки «зналъ мужика не хуже нашихъ народниковъ, а пожалуй, что и получше ихъ» (стр. 337). О Глѣбѣ Успенскомъ въ «Очеркахъ» напечатаны такія строки: «Возьмете ли вы слогъ Успенскаго, или его юморъ, или его міросозерцаніе, или его манеру писать, куда бы, словомъ, вы ни обратили свой взглядъ— вездѣ мужикъ, вездѣ вліяніе его жизни, интересовъ, характера» (стр. 401). Въ талантѣ Достоевскаго никакой жестокости и никакого мучительства не признается (стр. 439). О. М. Горькомъ сказано, что онъ «вышелъ изъ Толстого», что онъ «не побоялся во всеуслышаніе сказать то слово, которое, быть можетъ, всю жизнь вертѣлось на языкѣ у Толстого» (стр. 532). И т. д., и т. д. Подобными парадоксами и голословными утвержденіями переполнены всѣ страницы «Очерковъ», принадлежащія перу г. Соловьева. И всѣ эти сужденія произносятся самымъ авторитетнымъ тономъ, какъ нѣчто несомнѣнное и не нуждающееся въ доказательствахъ и объясненіяхъ.

Авторъ разбираемой книги неоднократно называетъ себя не критикомъ, а историкомъ литературы. На самомъ же дѣлѣ передъ нами бойкій журналистъ, сплошь и рядомъ приносящій истину въ жертву хлесткимъ, а иногда даже такимъ грубымъ выраженіямъ, какъ «сволочь», «мразь», «чортъ знаетъ» и т. п. Иногда г. Соловьевъ превращается даже въ памфлетиста, когда, напримѣръ, изображаетъ русскаго консерватора, или характеризуетъ литературу восьмидесятыхъ годовъ, или излагаетъ взгляды Н. К. Михайловскаго. По адресу послѣдняго въ книгѣ г. Соловьева разсыпано не мало ядовитыхъ замѣчаній. Тутъ мы находимъ такія выраженія, какъ «невыработавшійся художникъ», «поражающая самоувѣренность тона», «случайный гость высотъ теоріи», «разрушенная храмина» въ видѣ шести томовъ его сочиненій, «глубина его научныхъ открытій», которыхъ на стр. 374 г. Соловьевъ не рѣшается оцѣнить, но дальше цѣнитъ очень сурово.

Для пополненія нашей коллекціи перловъ всякаго рода, щедрою рукой разсыпанныхъ въ книгѣ г. Соловьева, можно было бы привести еще цѣлый рядъ такихъ курьезныхъ выраженій, какъ, напримѣръ: «гигантская черепаха вдохновенія», «барская связка чувствъ», «шишка двуперстія» и т. п. Можно было бы указать рядъ такихъ гиперболизмовъ, какъ монологи въ пятнадцать страницъ, найденные г. Соловьевымъ въ юношеской драмѣ Бѣлинскаго, или заявленіе, что Помяловскаго «редакціи рвали на части» (стр. 293). Можно было бы спросить автора, что такое «гомерическій дактиль», найденный имъ у Златовратскаго, и что такое «александрійскій стихъ», къ которому будто бы «не перешелъ» Пушкинъ (стр. 37). Можно было бы привести даже грамматически неправильныя предложенія изъ книги г. Соловьева. Но и приведенныхъ примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы видѣть, какъ небрежно составлена книга г. Соловьева и какъ неуважительно онъ относится и къ русской литературѣ и къ русскому читателю. *С. Ашевскій.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Рагозина. „Древнѣйшая исторія Востока.—*Костинскій.* „Желѣзнодорожная политика".—*Оглоблинъ.* „Красноярскій бунтъ„.

З. А. Рагозина. Древнѣйшая исторія востока. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. Съ 113 рисунками и 2-мя картами. Спб. Изд. А. Ф. Маркса (XVI+423 стр.) Ц. 2 р. 50.

Ея же. Древнѣйшая исторія востока. Исторія Ассиріи. Отъ возвышенія ассирійской державы до паденія Ниневіи. Съ 101 рисункомъ и 2-мя кар-

тами, печат. красками. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. (XVI+500 стр.) Ц. 2 р. 50 к. Г-жа Рагозина задалась цѣлью познакомить русскую публику въ общедоступномъ изложеніи съ древнѣйшей исторіей востока, и два тома, излагающіе исторію Вавилоніи и Ассиріи, уже появились въ хорошемъ, обильно иллюстрированномъ изданіи. Нечего и говорить о томъ, насколько своевременно появленіе трудовъ г-жи Рагозиной въ настоящее время, когда интересъ къ результатамъ изслѣдованій ассиріологовъ началъ широко распространяться въ публикѣ, особенно благодаря извѣстнымъ докладамъ Фридриха Делича о «Babel und Bibel». Поэтому книгамъ г-жи Рагозиной мы можемъ пожелать только самаго широкаго распространенія и надѣемся, что это распространеніе имъ легко удастся завоевать. Г-жа Рагозина обладаетъ несомнѣннымъ талантомъ живого и яснаго изложенія, ея книги читаются очень легко и съ большимъ интересомъ. Она не предполагаетъ въ читателѣ почти никакихъ знаній и потому нерѣдко останавливается на разъясненіи того, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ ея темѣ. Хотя это обстоятельство и нарушаетъ стройность изложенія, однако, едва ли автору можно поставить это въ упрекъ. Такія отступленія дѣлаютъ книгу дѣйствительно общедоступной, или по крайней мѣрѣ значительно расширяютъ кругъ ея читателей. Особенно много такихъ отступленій въ первомъ, по времени появленія, томѣ, въ «Исторіи Халдеи». Какъ на примѣръ, можно указать на V главу этого тома, носящую заглавіе «Кочевники и осѣдлые. Четыре степени культуры» (стр. 140 — 150). Здѣсь нѣтъ ничего, что бы непосредственно касалось исторіи Халдеи: здѣсь разъясняются главныя черты кочевого и осѣдлаго быта народовъ вообще. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 114 слл.) разсказывается о томъ, что побудило людей «писать книги» и т. д. Подобныя отступленія всегда имѣютъ въ виду указать связь исторіи вавилонской и ассирійской культуры съ общимъ ходомъ культурнаго развитія человѣчества вообще. Далеко не всегда можно согласиться съ тѣмъ, что говоритъ г-жа Рагозина; но мотивы, заставляющіе ее держаться того или другого порядка, всегда заслуживаютъ вниманія.

Другое достоинство изложенія заключается въ томъ, что г-жа Рагозина кромѣ результатовъ раскопокъ въ Мессопотаміи излагаетъ и ихъ исторію. Благодаря этому, читатель какъ бы дѣлается свидѣтелемъ того, какъ шагъ за шагомъ однѣ находки пополняли и разъясняли другія и какъ изъ этихъ обломковъ возсоздана была довольно полная и стройная исторія Вавилона и Ассиріи.

Въ изложеніи обращено вниманіе не только на политическую исторію, но и на культурную: религіи, миѳологіи и тѣсно съ ними связанному исскуству отведено въ книгѣ значительное мѣсто. Можно сказать даже, что политическая исторія вмѣстѣ съ общественной организаціей даже нѣсколько потерпѣла вслѣдствіе преобладанія въ изложеніи другихъ культурныхъ сторонъ. Такъ напр., о законахъ Хаммураби не упомянуто вовсе, между тѣмъ какъ даже одинъ фактъ существованія этого кодекса законовъ въ XXIII вѣкѣ до Р. Х. заслуживалъ бы упоминанія.

Излагать содержаніе о книгѣ г-жи Рагозиной мы не будемъ: одно заглавіе ихъ даетъ достаточное представленіе объ ихъ содержаніи; не будемъ мы также отмѣчать отдѣльные промахи, которые во всякомъ случаѣ не измѣнятъ общаго хорошаго впечатлѣнія. Мы хотѣли только еще указать на нѣкоторую переоцѣнку, которую самъ авторъ дѣлаетъ своимъ произведеніямъ въ предисловіи къ «Исторіи Халдеи». «Если неподготовленный читатель, заинтересовавшись даннымъ предметомъ, прочтетъ эту книгу, онъ—можно смѣло сказать—будетъ знать все существенно интересное въ этой области... Однимъ словомъ, читатель, ознакомившись съ моимъ трудомъ, сдѣлается настолько свѣдущъ по исторіи востока, что ему будетъ доступно и понятно все, что онъ ни встрѣтитъ по этому предмету и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ періодической

печати». Этого, однако, мало, и авторъ продолжаетъ: «Если же моя исторія настолько увлечетъ читателя, что онъ пожелаетъ спеціализировать свои занятія, то она же послужитъ ему лучшимъ, надежнѣйшимъ введеніемъ въ спеціальныя занятія древнѣйшей исторіей Востока». Въ этомъ увѣрена г-жа Рагозина потому, что къ «Исторіи Халдеи» приложенъ «подробный списокъ крупнѣйшихъ сочиненій по исторіи востока». Я думаю, однако, что это послѣднее мнѣніе автора далеко не имѣетъ того значенія, какое ему придается. Алфавитный указатель книгъ, статей и журналовъ не можетъ быть названъ «введеніемъ въ спеціальныя занятія»; для этой цѣли нуженъ не алфавитный порядокъ, а нѣсколько иной. Во всякомъ случаѣ, чтобы служить «введеніемъ въ спеціальныя занятія», къ указателю книгъ слѣдовало бы прибавить еще хотя бы самыя краткія указанія, что читатель найдетъ въ каждой изъ указываемыхъ книгъ. Такъ, напр., можно бы указать, что въ 2-хъ томахъ «Лекцій по наукѣ о языкѣ» Макса Мюллера читатель едва ли найдетъ и 5 страницъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Ассиріи и Вавилоніи. Полезно, конечно, познакомиться и съ языкознаніемъ; но право трудно угадать, чѣмъ руководилась г-жа Рагозина, помѣщая въ свой списокъ и этотъ трудъ М. Мюллера. Этими замѣчаніями мы не хотимъ, однако, дѣлать упрекъ библіографическому списку г-жи Рагозиной: для той скромной цѣли, которой долженъ служить ея трудъ этотъ списокъ, быть можетъ, даже слишкомъ обширенъ и подробенъ; наши замѣчанія имѣютъ въ виду только слишкомъ смѣлыя притязанія г-жи Рагозиной. Она думаетъ научить читателя *всему*. Мы же хотимъ сказать читателю, чтобы онъ никогда не вѣрилъ тѣмъ людямъ, которые убѣждены, что знаютъ *все*, хотя бы даже только существенное.

Внѣшность изданія обоихъ томовъ можно назвать прекрасною: хорошая бумага, четкій шрифтъ, многочисленныя, хорошо исполненныя иллюстраціи, географическія карты, вполнѣ удовлетворяющія своей цѣли и при всемъ томъ сравнительно недорогая цѣна—большаго и требовать невозможно. Этими двумя томами «Древнѣйшая исторія востока» однако не заканчивается. Сколько будетъ еще томовъ и какъ будетъ въ нихъ расположенъ матеріалъ, мы пока не знаемъ; но слѣдующій томъ, насколько можно судить по словамъ автора въ «Ист. Ассир.» на стр. 398, «будетъ посвященъ главнымъ образомъ древней иранской расѣ», т.-е. исторіи Ирана. Искренне желаемъ полнаго успѣха начинанію г-жи Рагозиной. *Д. Кудрявскій.*

Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива комитета министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія канцеляріи комитета министровъ, Н. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Томъ третій. Изданіе канцеляріи комитета министровъ. Спб. 1902 г. Давая отзывъ о первыхъ двухъ томахъ труда г. Кислинскаго (см. «Міръ Божій» за 1902 годъ, іюль, библіографическій отдѣлъ, стр. 89—90), мы отмѣтили, какъ главный недостатокъ его, то обстоятельство, что, увлекаясь конкретными подробностями, лицами и событіями, авторъ нерѣдко заслоняетъ ими болѣе общія теченія и вліянія. Въ третьемъ томѣ этотъ недостатокъ выступаетъ особенно выпукло вслѣдствіе предвзятой и, по нашему мнѣнію, совершенно невѣрной мысли автора, что царствованіе императора Александра III-го въ отношеніи къ желѣзнодорожной политикѣ представляетъ собою нѣчто цѣльное и единое съ начала до конца (см. стр. 3—4). Исходя изъ этой мысли, авторъ отказывается отъ хронологическаго разсмотрѣнія желѣзнодорожной политики во всѣхъ ея проявленіяхъ въ теченіе 1881—1894 гг. и предпочитаетъ вести систематическій обзоръ отдѣльныхъ сторонъ дѣла, которыхъ онъ различаетъ три: 1) общія законодательныя и административныя мѣры, 2) выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну, 3) постройка казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и предъявленіе частнымъ желѣзнодорож-

нымъ обществамъ видоизмѣненныхъ условій сооруженія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ (стр. 4). Нельзя не признать, что такой планъ изложенія стираетъ индивидуальныя черты, свойственныя отдѣльнымъ моментамъ желѣзнодорожной (и не одной только желѣзнодорожной) политики правительства въ минувшее царствованіе. Поэтому, обозрѣвая существенные результаты труда г. Кислинскаго, мы постараемся различить эти моменты, ясно обозначающіеся, если расположить богатый матеріалъ, использованный авторомъ, въ надлежащемъ порядкѣ, опредѣляемомъ самимъ ходомъ дѣла.

Первый хронологическій моментъ желѣзнодорожной политики императора Александра III-го—это первая половина 80-хъ годовъ. Въ сущности этотъ моментъ совершенно искусственно отдѣленъ отъ конца царствованія Александра II-го, потому что, какъ мы видѣли при разборѣ первыхъ двухъ томовъ сочиненія г. Кислинскаго, уже въ концѣ 70-хъ и въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ намѣтились основныя черты, характерныя для всей первой половины 80-хъ годовъ. Уже при Александрѣ II-мъ правительство пришло къ сознанію необходимости усилить свой надзоръ за дѣйствіями частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, строить желѣзныя дороги на средства казны и подъ ея распоряженіемъ и выкупать старыя линіи въ казну. Все это стало исполняться въ первые годы новаго царствованія. Потребность въ усиленіи надзора вызвала усиленную законодательную и административную работу по желѣзнодорожному дѣлу. Прежде всего въ 1883 году было установлено Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, что всѣ вопросы желѣзнодорожной политики подлежатъ разсмотрѣнію комитета министровъ, а затѣмъ финансовая сторона дѣла подвергается обсужденію департамента государственной экономіи государственнаго совѣта. Въ 1885 г. былъ утвержденъ вырабатывавшійся нѣсколько лѣтъ «Общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ», по которому учреждался желѣзнодорожный совѣтъ при министерствѣ путей сообщенія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, устанавливались правила о перевозкѣ пассажировъ и грузовъ и т. д. Въ 1884 году положено начало контрольному надзору правительства за частнымъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ. Наконецъ, въ тотъ же періодъ поставлена на очередь тарифная реформа. Этой оживленной административной и законодательной дѣятельности по желѣзнодорожному дѣлу соотвѣтствовалъ приступъ правительства къ выкупу частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну. Онъ не достигъ, правда, пока большихъ размѣровъ, но начало было сдѣлано: именно выкуплены были досрочно, по соглашенію съ желѣзнодорожными обществами, четыре дороги (Харьково-Николаевская, Тамбово-Саратовская, Муромская и Путиловская) протяженіемъ болѣе 1.300 верстъ. Наконецъ, въ первой половинѣ 80-хъ годовъ наблюдается нѣкоторое оживленіе желѣзнодорожнаго строительства,—казеннаго и частнаго: правительство построило Криворогскую, Бискунчакскую, часть стратегическихъ полѣсскихъ дорогъ и т. д.; частными обществами сооружены дороги Ивангородо-Домбровская, Обоянская и др. Средства для постройки были получены путемъ правительственныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ и выпуска облигацій частныхъ обществъ. Въ общемъ періодъ времени съ конца 70-хъ до половины 80-хъ годовъ можно характеризовать какъ эпоху ликвидаціи старыхъ порядковъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и установленія порядковъ новыхъ, отличительною чертою которыхъ является планомѣрная организація прежде нестройнаго и пестраго желѣзнодорожнаго хозяйства.

Вторая половина 80-хъ годовъ существенно отличается отъ только что разсмотрѣннаго періода. Законодательная и административная работа по желѣзнодорожному дѣлу потеряла въ это время прежнюю напряженность, сводясь къ выполненію ранѣе намѣченнаго. Важнѣйшей мѣрой надо признать въ этомъ отношеніи изданіе въ 1889 году «Временнаго положенія о желѣзнодорожныхъ

тарифахъ и объ учрежденіяхъ по тарифнымъ дѣламъ». Съ тѣхъ поръ началась важная работа по выработкѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Далѣе: стремленіе правительства къ установленію бюджетнаго равновѣсія и къ подъему кредита Россіи на европейскихъ денежныхъ рынкахъ, а также экономическій кризисъ повели къ сильнѣйшему сокращенію, можно сказать, почти полному прекращенію желѣзнодорожнаго строительства: въ этотъ періодъ были построены очень немногія дороги, какъ, напр., частная Ярославско-Костромская и казенная Псково-Рижская и Ржево-Вяземская. Зато выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну усилился и повелъ къ весьма большому увеличенію протяженія казенной желѣзнодорожной сѣти: досрочно выкуплены были дороги Уральская, Ряжско-Вяземская, Моршано-Сызранская, Закавказская; по истеченіи означеннаго въ уставахъ срока для выкупа—Рижско-Моршанская, Курско-Харьковско-Азовская, Варшаво-Тереспольская, Московско-Курская, Балтійская.

Съ 1890 года начинается третій моментъ русской желѣзнодорожной политики въ новѣйшее время, продолжающійся и теперь. Въ экономической жизни Россіи это было время, когда она сдѣлала нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ по дорогѣ, ведущей страну къ преобразованію въ хозяйственный организмъ высшаго типа, съ развитымъ и глубоко проникшимъ въ народныя массы товарнымъ оборотомъ, съ растущей обрабатывающей промышленностью. Желѣзнодорожная политика, естественно, поэтому направлена была главнымъ образомъ къ одной цѣли,—къ поощренію промышленнаго, по преимуществу фабричнаго и торговаго развитія страны. Въ это время не было уже нужды въ интенсивной законодательной и административно-учредительной дѣятельности по желѣзнодорожному дѣлу, потому что все главное было уже намѣчено и въ значительной своей части завершено. Заслуживаютъ вниманія лишь начатая уже раньше тарифная реформа, постоянно подвергающаяся пересмотрамъ и поправкамъ въ силу тѣсной связи тарифнаго вопроса съ перемѣнами въ хозяйственной жизни страны, и образованіе въ 1891 году высшаго законосовѣщательнаго учрежденія по желѣзнодорожнымъ дѣламъ—соединеннаго присутствія комитета министровъ и департамента государственной экономіи государственнаго совѣта. Зато въ двухъ другихъ областяхъ желѣзнодорожной политики—въ дѣлѣ выкупа частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну и въ желѣзнодорожномъ строительствѣ—наблюдается большое оживленіе: до одиннадцати большею частью очень важныхъ частныхъ желѣзнодорожныхъ линій было выкуплено правительствомъ въ послѣднія пять лѣтъ царствованія императора Александра III-го, такъ что общая протяженность выкупленныхъ казною желѣзныхъ дорогъ достигла въ 1894 году почти $12^1/_2$ тысячъ верстъ; въ то же время на казенныя средства стала строиться Сибирская желѣзная дорога, сооружались казной также нѣкоторые подъѣздные пути и стратегическія желѣзныя дороги; частныя компаніи построили рядъ линій, какъ Уманскія, Новоселицкія, Раненбургскія вѣтви, Ириновская, Рязанско-Казанская, Воронежско-Курская, Пермь-Котласская, Архангельско-Вологодская и др. линіи. Усиленію частной дѣятельности по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ содѣйствовало сліяніе мелкихъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ крупныя компаніи: такихъ компаній къ концу 1894 года образовалось шесть. Такимъ образомъ къ концу минувшаго царствованія въ Россіи было уже болѣе 31 тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ около 17 тысячъ верстъ принадлежало казнѣ.

Такова грандіозная и поучительная картина, развертывающаяся передъ глазами всякаго, кто дастъ себѣ трудъ прочитать третій томъ разбираемаго сочиненія и раздѣлить на отдѣльные періоды матеріалъ, въ немъ изложенный. Недостатокъ порядка, отсутствіе раздѣленія на хронологическіе моменты, мѣшающее цѣльности и ясности впечатлѣнія, не представляютъ собою, однако, единственнаго повода для упрека по адресу автора. Въ связи съ этимъ недо-

статкомъ, зависящимъ отъ того, что авторъ—собственно не изслѣдователь, а собиратель и систематизаторъ матеріала, находится другой дефектъ: поверхностное объясненіе, иногда даже необоснованное толкованіе отдѣльныхъ фактовъ. Не въ силахъ будучи возвыситься надъ частностями, авторъ склоненъ важныя явленія приписывать мелкимъ причинамъ и преувеличиваетъ часто вліяніе отдѣльныхъ личностей. Такъ, напр., нельзя не замѣтить, что вопросъ о личной роли императора Александра III-го въ желѣзнодорожной политикѣ его царствованія, не разъ затрогиваемый авторомъ, разсматривается имъ безъ достаточныхъ фактическихъ данныхъ: на стр. 18-й совершенно не доказано ничѣмъ, что уже въ 1881 году императоръ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ выкупа частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну; слабы также доказательства личнаго почина Александра III-го въ дѣлѣ постройки стратегическихъ дорогъ (стр. 189—190). Вопросъ такимъ образомъ остается открытымъ; между тѣмъ, оффиціальное положеніе автора и наличность живыхъ свидѣтелей описываемыхъ имъ событій могли бы бросить на него больше свѣта и если не рѣшить его вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, поставить его болѣе правильно. Поражаетъ затѣмъ своей невѣрностью и поверхностностью объясненіе основного направленія желѣзнодорожной политики до конца 70-хъ годовъ: недостатокъ планомѣрности, господство частной иниціативы и слабость правительственнаго вліянія на желѣзнодорожное дѣло объясняется «французскими и англійскими идеями о необходимости развитія самодѣятельности отдѣльныхъ общественныхъ группъ» (стр. 15), тогда какъ на дѣлѣ причина лежала глубже, въ условіяхъ народнаго и государственнаго хозяйства и въ новизнѣ самаго дѣла желѣзнодорожнаго строительства.

Указанные недостатки, свойственные и первымъ двумъ томамъ разбираемаго труда и лишь рѣзче выразившіеся въ третьемъ томѣ, не мѣшаютъ намъ, однако, признать за сочиненіемъ г. Кислинскаго важное значеніе по богатству изучаемаго и приведеннаго авторомъ въ первоначальную систему матеріала. Книга будетъ настольнымъ пособіемъ въ рукахъ каждаго изслѣдователя исторіи русскаго экономическаго быта, русскихъ финансовъ и путей сообщенія.

Н. Рожковъ.

Н. Н. Оглоблинъ. Красноярскій бунтъ 1695—1698 годовъ. Очеркъ изъ исторіи народныхъ движеній въ Сибири. Томскъ 1902. г., in 8-vo. Въ нашей литературѣ Сибирь совершенно справедливо привлекаетъ значительное вниманіе писателя; она интересуетъ его съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, и за послѣднее время этотъ интересъ выигрываетъ и въ силѣ, и въ значеніи. Прошлое Сибири изучено очень недостаточно, и нельзя не признать, что Н. Н. Оглоблинъ положилъ прочный фундаментъ для научнаго изученія исторіи Сибири XVII-го вѣка по архивнымъ документамъ. Ему принадлежитъ капитальный въ русской археографіи трудъ *«Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа» (1592—1768 гг.)*, четвертая часть котораго вышла въ свѣтъ года два тому назадъ; каждый, занимающійся исторіей Сибири XVII-го вѣка, принужденъ исходить изъ названнаго «Обозрѣнія», какъ изъ первоисточника, и подъ его руководствомъ быстро и легко продвигаться среди пыльныхъ архивныхъ полокъ; своимъ «Оборѣніемъ» авторъ оказалъ незамѣнимыя услуги московскому архиву министерства юстиціи, и послѣдняя представляетъ любопытный образецъ того, что въ силахъ создать у насъ *частная* иниціатива и глубокая преданность научнымъ интересамъ среди бюрократическаго равнодушія и канцелярскаго произвола, еще царящихъ въ нѣкоторыхъ архивахъ. Работая много лѣтъ надъ документами Сибирскаго приказа съ спеціальною цѣлью дать имъ систематическій и подробный обзоръ, г. Оглоблинъ нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе общеинтересные по своему содержанію, подвергалъ особому изслѣдованію: такъ, въ печати появилась цѣлая серія его мелкихъ ра-

ботъ, болѣе или менѣе популярнаго характера; всѣ эти работы примыкаютъ къ «Обозрѣнію» и состоятъ съ нимъ въ родственной связи. Такою же работой является и выпущенная недавно въ свѣтъ отдѣльною брошюрой статья г. Оглоблина о красноярскомъ бунтѣ 1695—1698 годовъ. Красною нитью проходитъ по исторіи Сибири печальное раздвоеніе между элементами «жилецкимъ» и «приказнымъ», т.-е. между населеніемъ и администраціей. Мартирологъ населенія, грабежи и звѣрства приказныхъ, частью неумѣнье, а частью и нежеланіе центра справиться съ послѣдними—вотъ тема, которая надолго обезпечила себѣ право гражданства въ литературѣ и до нѣкоторой степени увлекла г. Оглоблина. Читатели помнятъ, конечно, чѣмъ былъ въ Сибири приказный хотя бы для протопопа Аввакума. Для этого стоитъ переглядѣть цѣнныя страницы перваго очерка въ книгѣ В. А. Мякотина «*Изъ исторіи русскаго общества*» (см. о ней нашъ отзывъ на стр. 135 и слѣд. первой книги журнала «Научное Слово»). Аввакумъ противопоставлялъ разбойнику-воеводѣ величайшую *нравственную* силу, и передъ этой силой порой останавливался самъ Аѳанасій Пашковъ. Гораздо чаще населеніе противопоставляло силу *физическую*, и тогда происходило то, что не совсѣмъ правильно называютъ народнымъ бунтомъ. Исторію одного изъ такихъ бунтовъ и разсказываетъ г. Оглоблинъ въ своей интересной работѣ по архивнымъ документамъ. Движенія противъ воеводской власти въ Сибири XVII вѣка были часты и рѣзки. «Нигдѣ, пишетъ нашъ авторъ, кромѣ Сибири, злоупотребленія воеводъ не доходили до той грандіозной степени, когда населенію становилось *не можно жить*, и оно послѣ безплодныхъ воплей къ государю о смѣнѣ воеводъ, открыто поднимало противъ нихъ бунтъ и пыталось своими силами и средствами оградить себя отъ *воеводъ-раззорителей, грабителей, мучителей*. Насколько грандіозны были воеводскія злоупотребленія въ Сибири, настолько же поражаютъ своими размѣрами и вызванные ими бунты. Иногда бунты длились по нѣсколько лѣтъ, переходя въ открытыя военныя дѣйствія противъ воеводъ и ихъ сторонниковъ, которыхъ возставшее населеніе держало *въ осадѣ* и преслѣдовало всячески,—воеводамъ *отказывали отъ воеводства* или прямо изгоняли ихъ изъ городовъ. На мѣсто упраздненной воеводской власти или совмѣстно съ нею, служилые люди избирали своихъ выборныхъ властей—*выборныхъ судеекъ* и др., заводили *мірскіе круги, совѣты, думы*, руководившіе борьбою съ воеводами и всѣмъ, вообще, движеніемъ. При отсутствіи воеводъ, эти *думы* брали на себя всѣ функціи воеводской власти и отправляли на мѣстѣ всякія *государевы дѣла*». Такова общая схема сибирскихъ бунтовъ, создававшихся своеобразною атмосферой сибирскаго житья-бытья. Читателю приходится ставить рядъ вопросовъ, незатронутыхъ этою схемою, но сильно подчеркиваемыхъ той массой цѣнныхъ фактовъ и подробностей, которые приводятся г. Оглоблинымъ относительно красноярскаго бунта. Каковъ соціальной составъ «бунтовщиковъ», что соединяло вмѣстѣ разнородные соціальныя группы, почему сибирскія движенія не привели къ установленію порядка и внѣдренію хотя бы отдаленныхъ признаковъ законности въ странѣ—все это вопросы, на которые читатель или вовсе не получаетъ отвѣта, или находитъ только намеки на отвѣтъ въ брошюрѣ г. Оглоблина. Этимъ замѣчаніемъ мы не думаемъ отрицать интереса или вниманія къ нимъ г. Оглоблина, а хотимъ лишь посѣтовать на литературную манеру почтеннаго автора, который спѣшитъ говорить «фактами», предоставляя ихъ анализъ другимъ; г. Оглоблинъ удѣлилъ себѣ горькіе корни, а вкушать вкусные плоды онъ предоставилъ другимъ, тѣмъ, которые будутъ опираться на его работы, вскрывшія массу новаго и значительнаго по своей научной цѣнности матеріала. Ловкіе «приказные», жадные до легкой добычи, уже начинаютъ пользоваться добромъ г. Оглоблина, не считая необходимымъ не только поблагодарить почтеннаго труженика, но даже открыто сослаться на

*

него!.. Мы не будемъ пересказывать фактическихъ нитей красноярскаго бунта 1695—1698 гг., отсылая читателей къ самой брошюрѣ г. Оглоблина. Послѣднимъ къ кругу упомянутыхъ выше вопросовъ придется прибавить еще два, намѣренно выдѣленныхъ нами особо. Недовольство сибирскимъ житьемъ-бытьемъ и полная неспособность московскаго правительства установить какой-либо порядокъ въ сибирскихъ земляхъ создавали не одни только народныя движенія, которыя въ настоящее время требуютъ самаго внимательнаго научнаго изученія и не могутъ быть объясняемы дѣтскими средствами, путемъ разнаго рода страшныхъ словечекъ. Недовольные шли искать «новыхъ землицъ», гдѣ можно было бы, по словамъ г. Оглоблина, *жить особо* и отъ *лихихъ воеводъ*, и отъ всѣхъ вообще московскихъ порядковъ. Эти банды вольныхъ охочихъ людей сыграли видную роль въ исторіи Сибири, а нѣкоторые изъ представителей этихъ бандъ попадаютъ нынѣ въ школьные учебники, въ родѣ, напр., Семена Дежнева, открывшаго Беринговъ проливъ (въ обширномъ литературномъ формулярѣ г. Оглоблина имѣется особая монографія, посвященная Дежневу). Когда же случалось, что сбили воеводу, и на мѣстѣ уже готово свое мірское управленіе съ выборными судейками: цѣлый городъ съ уѣздомъ, по удачному выраженію г. Оглоблина, «добровольно и охотно» признавалъ власть выборныхъ судейскъ и руководительство думы. Это мірское самоуправленіе—явленіе, которое возбуждаетъ высокій интересъ ученаго изслѣдователя; къ его изученію надо подойти рѣшительно, и кто знаетъ, не будетъ ли въ результатѣ этого безстрастнаго научнаго изученія воспитываться въ насъ необходимое уваженіе и безграничная преданность принципу самоуправляющейся общественной единицы. Еще такъ недавно г. Покровскій совершенно справедливо указывалъ въ своей статьѣ *мѣстное самоуправленіе въ древней Руси*, напечатанной въ сборникѣ «Мелкая земская единица», на то, что въ наше время можно было бы поискать слѣдовъ общественной самодѣятельности въ московской Руси. «По справедливому замѣчанію одного русскаго ученаго, идеи лишь тогда начинаютъ двигать массами, когда онѣ превращаются въ нѣчто такое, о чемъ уже не спорятъ, въ своего рода черноземъ мысли. Разсматривая то, что дѣлали и думали мелкіе люди въ мелкихъ дѣлахъ уѣзднаго городка или деревни, мы легче получимъ анализъ этого чернозема, нежели изучая журналы, газеты, крупныя научныя и литературныя произведенія той или другой эпохи». Мы, конечно, не склонны раздѣлять во всемъ объемѣ основную мысль этой цитаты, мы не откажемся отъ изученія журналовъ и газетъ, но что современное изученіе можетъ и должно направиться вглубь народной жизни, представляется совершенно безспорнымъ.

Брошюра г. Оглоблина представляется намъ имѣющей большой интересъ. И въ разбираемой книжкѣ, и въ цѣломъ рядѣ другихъ работъ г. Оглоблинъ даетъ цѣнную канву для изученія очень многихъ очередныхъ вопросовъ, литературная манера автора, условія, при которыхъ ему пришлось работать, не дали ему возможности произвести *изслѣдованіе* въ собственномъ смыслѣ этого слова; онъ остановился на искусной передачѣ архивнаго первоисточника и съумѣлъ въ этомъ послѣднемъ отобрать для опубликованія именно то, что можетъ представлять широкій научный и общественный интересъ. Нельзя не пожелать очень настойчиво, чтобы г. Оглоблинъ собралъ въ одно цѣлое свои многочисленные очерки и этюды и издалъ ихъ въ большомъ томѣ. Богатый матеріалъ разбросанъ имъ по разнымъ изданіямъ послѣдняго тридцатилѣтія, и было бы грѣшно хоронить его и заставлять рыться изслѣдователя по печатнымъ источникамъ.

В. Сторожевъ.

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Катаевъ. „Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія“.—*Максимовъ.* „Что сдѣлано по исторіи семьи“.—*А. Колонтай.* „Жизнь финляндскихъ рабочихъ“.

Николай Катаевъ. Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія. (Въ виду недавняго увлеченія утопическимъ фатализмомъ). Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1903 г. Стр. 192 Ц. 80 к. Книга г. Катаева ставитъ себѣ цѣлью окончательно опровергнуть марксистскую программу и замѣнить ее другою, новой. О жизнеспособности и практичности этой новой программы можно быть разныхъ мнѣній. Но одно для насъ несомнѣнно: программа, предлагаемая г. Катаевымъ, не *замѣнитъ* марксизма, если даже ей и суждено *смѣнить* его; она не удовлетворяетъ тѣмъ запросамъ и потребностямъ, которымъ удовлетворялъ марксизмъ, она не способна вызвать того повышеннаго свѣтлаго настроенія, которое вызывалъ марксизмъ. Торжество подобной или подобныхъ программъ обозначало бы не только отказъ отъ заблужденій марксизма, но и отказъ отъ его достоинствъ, отъ его положительныхъ завоеваній, которыя достались не легко, и которыя еще могутъ сослужить хорошую службу въ будущемъ.

Г. Катаевъ слишкомъ увлекся опроверженіемъ и упустилъ изъ виду тѣ наиболѣе существенныя черты марксизма, которыя именно и доставили ему торжество въ недавнемъ прошломъ. И, проглядѣвъ въ марксизмѣ самое существенное, онъ естественнымъ образомъ вернулся къ тѣмъ же заблужденіямъ, въ борьбѣ съ которымъ выросъ марксизмъ. Эти заблужденія сводятся къ преувеличенному мнѣнію о значеніи національной и политической борьбы. Международное соперничество значительно ослабило въ образованномъ обществѣ XIX в. сознаніе общечеловѣческой солидарности, приглушило мысль объ общихъ основахъ и общихъ задачахъ христіанской культуры и вредно отразилось на судьбѣ народныхъ массъ. Успѣхи каждаго отдѣльнаго народа разсматривались только какъ опасность для другихъ народовъ и потому не принесли міру всей той пользы, какую могли бы принести при иныхъ условіяхъ. Успѣхи Англіи казались опасностью для остальной Европы, также какъ впослѣдствіи успѣхи Германіи были названы «германской опасностью» для англичанъ, а успѣхи Америки—«американской опасностью» для Европы. Ущербъ, наносимый Англіей, Германіей, Франціей, другъ другу и другимъ странамъ, заслонялъ собою огромную культурную работу, которая дѣлалась и въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи и въ другихъ странахъ на пользу всего человѣчества. Общечеловѣческій прогрессъ пересталъ радовать и воодушевлять людей, потому что каждый думалъ не о прогрессѣ, а о томъ, чтобы не остаться позади другихъ. Интересы трудящейся массы, почти одинаково бѣдной и невѣжественной во всей Европѣ, приносились въ жертву «національному богатству», которое имѣло реальное значеніе только для командующихъ классовъ. И вотъ какъ протестъ противъ этой національной точки зрѣнія, явилось ученіе Маркса, который снова установилъ, что современную международную и классовую борьбу нужно разсматривать только какъ временное выраженіе и переходную ступень общаго поступательнаго движенія всего человѣчества, и снова показалъ, что людямъ разныхъ національностей можно работать вмѣстѣ надъ общими задачами, не заботясь о взаимныхъ распряхъ, коалиціяхъ и столкновеніяхъ сильныхъ міра сего. Какъ Гегель въ послѣдовательномъ торжествѣ отдѣльныхъ великихъ народовъ видѣлъ обнаруженіе единаго всемірнаго духа, такъ и Марксъ въ успѣхахъ капиталистическихъ странъ видѣлъ особую форму рѣшенія всемірно-исторической задачи, названной у него «развитіемъ производительныхъ

силъ». И какъ бы ни была ошибочна и пристрастна данная Марксомъ критика капитализма, великая заслуга его заключалась въ томъ, что онъ изучалъ капитализмъ какъ общечеловѣческую проблему, и боролся съ капитализмомъ во имя общечеловѣческихъ идеаловъ.

Подобнаго же рода заслуга останется за Марксомъ и въ области чисто политическихъ вопросовъ. Политическія «права гражданина» такъ же повредили естественнымъ «правамъ человѣка», какъ «народное богатство»—благосостоянію трудящагося человѣчества. Преувеличенная вѣра въ силу законодательныхъ реформъ привела къ политическимъ экспериментамъ, къ процвѣтанію экономическаго рабства подъ флагомъ политической свободы и къ глубокому отчаянію лучшихъ представителей общественной мысли, разочаровавшихся въ своихъ политическихъ мечтаніяхъ. И вотъ усталыхъ борцовъ, потерявшихъ вѣру въ свободу, равенство и братство, снова ободрило ученіе Маркса, гласившее, что политическая свобода, политическое равенство и политическое братство вовсе не самое существенное въ исторіи, что политическія реформы это только косвенное поверхностное отраженіе глубокихъ внутреннихъ перемѣнъ, медленно назрѣвающихъ въ современномъ обществѣ, перемѣнъ, которыхъ уже ничто не можетъ остановить, въ которыхъ уже нѣтъ мѣста произволу и случаю, которыя рано или поздно приведутъ къ полному торжеству правды. Политическія права это только частичное, неполное выраженіе вѣчныхъ незыблемыхъ правъ человѣка. Исторію пойметъ только тотъ, кто будетъ оцѣнивать политическія реформы по ихъ значенію для цѣлостнаго и всесторонняго развитія всей человѣческой личности. Сознательно дѣлать исторію будетъ только тотъ, кто въ политическихъ реформахъ будетъ видѣть лишь средство, а не самостоятельную цѣль. Права человѣка Марксъ отожествилъ съ правами рабочихъ. Въ этомъ была его ошибка. Но права рабочихъ онъ отожествилъ съ правами человѣка. Въ этомъ было его оправданіе. И вѣчныя права человѣка онъ защитилъ противъ злободневныхъ притязаній политики. Въ этомъ была его заслуга.

Несомнѣнно, однако, что увлекаясь своей схемой общечеловѣческаго развитія, Марксъ слишкомъ низко оцѣнилъ значеніе національныхъ различій, національной борьбы и политическихъ реформъ. Это то заблужденіе и составляетъ предметъ язвительной критики въ книгѣ г. Катаева. Если бы при этомъ г. Катаевъ ограничился тѣмъ, что впалъ въ противоположную крайность, если бы онъ только преувеличилъ значеніе политическаго и національнаго факторовъ, то это было бы понятно и простительно: одна крайность всегда вызываетъ другую. Но г. Катаевъ не просто преувеличиваетъ. Онъ уничтожаетъ самую задачу, которую рѣшалъ марксизмъ. У него исчезаетъ самая идея объ общечеловѣческомъ развитіи. А безъ идеи общечеловѣческаго развитія какую цѣну имѣетъ сравненіе національныхъ и политическихъ особенностей разныхъ странъ и разныхъ эпохъ? Вся книга наполнена негодованіемъ противъ Англіи, но авторъ не разъясняетъ: въ какой степени другія страны повинны въ тѣхъ же преступленіяхъ, что и Англія, и если совсѣмъ неповинны, то почему? Марксъ призналъ Англію классическимъ образцомъ общечеловѣческаго развитія. Г. Катаевъ совершенно справедливо опровергаетъ это мнѣніе, но вмѣсто того, чтобы отвести Англіи другое болѣе подходящее мѣсто въ общечеловѣческомъ развитіи, онъ не отводитъ никакого мѣста, а просто бранитъ. Марксъ преувеличилъ преимущества Англіи передъ другими странами, но онъ изучалъ на явленіяхъ англійской жизни общія черты человѣческой исторіи, которыя остаются одинаковыми и у передовыхъ, и у отсталыхъ странъ. Г. Катаевъ, преувеличивая національные недостатки англичанъ, не находитъ въ ихъ исторіи ничего общечеловѣческаго, или, вѣрнѣе, усматриваетъ въ ней одну только нечеловѣческую звѣриную дикость. Г. Катаевъ говоритъ, что вся исторія

Англіи представляетъ сплошное насиліе однихъ расъ надъ другими. Но г. Катаевъ не говоритъ, что же такое представляетъ исторія другихъ странъ и что представляетъ исторія человѣчества. Г. Катаевъ говоритъ, что англійскіе рабочіе раздѣляютъ съ англійскими капиталистами прибавочную цѣнность, выколачиваемую изъ колоній (стр. 94, 112) и потому поддерживаютъ существующій въ Англіи строй, хотя послѣдній и обреченъ на близкое крушеніе (118, 88). Но г. Катаевъ умалчиваетъ, откуда берется прибавочная цѣнность, напр., въ Сѣверной Америкѣ, которая, по его мнѣнію, «представляетъ, очевидно, національный типъ соціальной эволюціи, отличный отъ Англіи, отвѣчающій идеямъ Фр. Листа и Ад. Вагнера» (128). Умалчиваетъ г. Катаевъ и о томъ, почему американскіе рабочіе, по крайней мѣрѣ, столь же терпимо относятся къ американскому капитализму, какъ и англійскіе рабочіе—къ англійскому капитализму, хотя американскіе капиталисты до послѣдняго времени не собирали колоніальныхъ поборовъ, которыми могли бы дѣлиться съ своими рабочими.

Что-нибудь одно—или нужно признать, что вся человѣческая исторія до сихъ поръ не представляла ничего иного, кромѣ насилія однихъ народовъ надъ другими, но тогда исчезаетъ всякая разница между Англіей и другими странами, на которой настаиваетъ г. Катаевъ, и нѣтъ никакой гарантіи, что Германія, которой г. Катаевъ обѣщаетъ столь блестящее будущее, а также Соединенные Штаты не повторятъ съ буквальной точностью начальной исторіи Англіи, или нужно признать, что на ряду съ національной борьбой въ исторіи происходитъ накопленіе культуры, ростъ производительныхъ силъ, развитіе международной солидарности и общій прогрессъ человѣчества. Въ послѣднемъ случаѣ нужно допустить, что одинъ и тотъ же народъ можетъ имѣть великія вины передъ другими слабѣйшими народностями и въ то же время великія заслуги передъ человѣчествомъ въ дѣлѣ укрѣпленія всемірной цивилизаціи, что одна и та же страна можетъ быть родиной и хищныхъ колонизаторовъ и самоотверженныхъ піонеровъ культуры. Симпатіи къ нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ не должны закрывать отъ него того факта, что нѣмецкіе феодалы и капиталисты столь же охотно прибѣгали къ политикѣ «огня и крови», какъ и командующіе классы Англіи. А съ другой стороны антипатіи къ англійскимъ колонизаторамъ не должны уничтожать изъ нашей памяти того, что англійскіе рабочіе честно и мужественно боролись за свои человѣческія права и давали и продолжаютъ давать примѣръ для подражанія рабочимъ всѣхъ странъ. И всѣ классы Англіи, начиная съ лордовъ и кончая безработными, которыхъ г. Катаевъ сравниваетъ съ «голодной чернью» римской имперіи, во многомъ были учителями цивилизованныхъ народовъ а въ томъ числѣ и учителями нѣмцевъ, настойчиво рекомендуемыхъ г. Катаевымъ въ качествѣ учителей Россіи.

Но г. Катаевъ умѣетъ считаться съ національнымъ вопросомъ только до тѣхъ поръ, пока опровергаетъ заблужденія Маркса. Когда же онъ защищаетъ собственный идеалъ, тогда—долой все разнообразіе національныхъ особенностей! Историческія традиціи, сложность международныхъ отношеній, экономическія условія, высота достигнутаго народомъ умственнаго развитія и нравственныхъ его качествъ—все пренебрегается и урѣзывается ради облюбованной г. Катаевымъ программы. А программа эта вся умѣщается въ рамкахъ одного недавняго историческаго факта—дарованія Бисмаркомъ всеобщаго избирательнаго права молодой германской имперіи. Опять-таки скажемъ: если бы г. Катаевъ только преувеличивалъ значеніе политическаго фактора, и, въ частности, значеніе дарованныхъ германскому народу политическихъ правъ, это было бы съ полъ-бѣды. Но г. Катаевъ не только преувеличиваетъ. Онъ дѣлаетъ изъ политической реформы какую-то самодовлѣющую цѣль, какой-то кумиръ. Велико,

огромно значеніе современнаго государства. Но народъ, который надѣется исключительно только на государство, исключительно на помощь свыше, не съумѣетъ воспользоваться никакими политическими правами и недостоинъ ихъ. А законодатели, которые воображаютъ, что здоровье, сила и счастье народа зависятъ только отъ совершенства законодательной работы, способны погубить въ мертвечинѣ бюрократизма самыя благія намѣренія. Г. Катаевъ произвольно выдергиваетъ изъ исторіи одинъ фактъ—нѣмецкое всеобщее избирательное право и въ немъ видитъ все, а внѣ его—ничего. Почему именно всеобщее избирательное право въ той формѣ, въ какой оно существуетъ въ Германіи, является наивысшимъ проявленіемъ политической свободы,—это остается загадкой для читателя...

Вѣдь и сами нѣмцы вовсе не такъ ужъ удовлетворены своими политическими правами. «Всеобщее прямое избирательное право», даже если разсматривать его съ чисто политической точки зрѣнія, не есть нѣчто вполнѣ опредѣленное, а наоборотъ можетъ принимать различныя формы и имѣть различное значеніе. Въ частности, въ Германіи, всеобщее избирательное право далеко еще не осуществляетъ всѣхъ требованій полной и послѣдовательной демократій: во-первыхъ, оно тамъ существуетъ только для имперскаго законодательства, но не для законодательства отдѣльныхъ союзныхъ государствъ, а во-вторыхъ германской имперіей управляютъ министры, свободно назначаемые короной и не отвѣтственные передъ народными представителями, такъ что волѣ избирателей не обезпечено прямое вліяніе на ходъ имперской политики. Наконецъ, примѣръ другихъ странъ съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ—Франціи и Соединенныхъ Штатовъ,—показываетъ, что не вездѣ, гдѣ есть всеобщее избирательное право, есть и тѣ успѣхи, которые такъ радуютъ г. Катаева.

Г. Катаевъ откровенно признаетъ, что его національно-государственная точка зрѣнія приводитъ къ политическому оппортюнизму. Эта откровенность, въ отсутствіи которой г. Катаевъ съ полнымъ основаніемъ упрекаетъ нѣкоторыхъ вождей рабочаго движенія на западѣ, составляетъ, безспорно, большую заслугу автора. Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что его симпатіи до нѣкоторой степени раздваиваются. Съ одной стороны, онъ сочувствуетъ, напримѣръ, дальнѣйшему сближенію нѣмецкой соціалъ-демократіи съ буржуазными партіями. Съ другой же стороны, сочувствуя идеямъ Ад. Вагнера, г. Катаевъ возстаетъ противъ его «консервативнаго и шовинистскаго эклектизма» и находитъ у «современныхъ нѣмецкихъ соціалъ-политиковъ», «типичныхъ оппортюнистовъ», «значительную дозу филистерскаго тумана въ ихъ національномъ» (161). Самъ г. Катаевъ еще мечтаетъ о концѣ «товарно капиталистической формы производства», концѣ, который наступитъ вмѣстѣ съ окончаніемъ насилія международнаго и плутократически государственнаго (156). Такое раздвоеніе симпатій автора позволяетъ намъ высказать надежду, что со временемъ, когда яснѣе опредѣлится необходимость сдѣлать выборъ между двумя направленіями, г. Катаевъ откажется отъ соблазновъ политическаго оппортюнизма. Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ заслугой книги г. Катаева, что въ ней довольно ясно и откровенно опредѣлилось одно изъ двухъ возможныхъ направленій—именно этотъ самый политическій оппортюнизмъ. Мы потому такъ долго и остановились на книгѣ г. Катаева (не претендующей, конечно, на научныя достоинства), что соблазны политическаго оппортюнизма дѣйствительно велики и, воплотившись въ тѣ или иныя программы, способны будутъ завоевать симпатіи многихъ изъ тѣхъ, которыхъ раньше объединяли наши многоразличныя «недавнія увлеченія» вплоть до развѣнчаннаго «утопическаго фатализма». И если можно согласиться съ г. Катаевымъ, что русскій марксизмъ былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, явленіемъ безпочвеннымъ, то, къ сожалѣнію, будущій русскій оппортюнизмъ съ преувеличенными надеждами на бюрократію найдетъ себѣ

достаточно подготовленную почву. Русское подражаніе заграничнымъ утопіямъ было увлеченіемъ. Но русское подражаніе заграничному бюрократизму было традиціей. Горькіе плоды этой традиціи на лицо: русскій человѣкъ плохо привыкаетъ въ самодѣятельности. Землевладѣніе, торговля и промышленность, мѣстное самоуправленіе—все у насъ постоянно обращаетъ взоры наверхъ и ждетъ отъ государства и денежной помощи, и поученія, и руководства.

Г. Катаевъ, конечно, мало заботится о землевладѣльцахъ и капиталистахъ. Главной задачей въ Россіи онъ считаетъ заботы о крестьянахъ. Но вѣдь и по отношенію къ крестьянамъ можно преувеличивать роль государства и строить бюрократическія утопіи. Намъ кажется, что примѣръ подобной утопіи можно найти у самого г. Катаева въ его брошюрѣ о «Сельскомъ кредитѣ и крестьянскомъ хозяйствѣ» (М. 1902 г.), гдѣ предсказывается чуть ли не полный переворотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ отъ культурнаго воздѣйствія государственнаго и земскихъ банковъ и гдѣ авторъ такъ низко оцѣниваетъ способность нашего крестьянства къ самодѣятельности и самопомощи.

Закончимъ пожеланіемъ г. Катаеву подольше сохранить и наилучшимъ образомъ развить то общее, что еще соединяетъ его съ «утопическими фаталистами». Затѣтимъ еще, что слогъ г. Катаева оставляетъ желать лучшаго. Нельзя сказать, чтобы ясность изложенія выигрывала отъ такихъ, напр., оборотовъ: «механико-физіологически-натуралистическая почва трудовой теоріи мѣновой цѣнности» (150); «Положительный базисъ реально-идейно-идеалистической цѣлесообразности» (20). *А. Рыкачевъ.*

А. Максимовъ. Что сдѣлано по исторіи семьи? Очеркъ современнаго положенія вопроса о первобытныхъ формахъ семьи и брака. Изд. В. Линдо и Д. Байкова. 1901 г. Ц. 80 к. Вопросъ объ исторіи семьи, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ въ соціологіи, привлекъ къ себѣ у насъ особенно широкое вниманіе публики послѣ опубликованія перевода извѣстной книги Энгельса «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства». Огромное значеніе этой книги заключается въ томъ, что она дала картину развитія формъ семьи въ тѣсной связи со всей эволюціей общества, выяснила зависимость ея отъ этой эволюціи. Большая часть положеній Энгельса далеко не была нова, книга его заключаетъ много односторонняго, слишкомъ легко рѣшаетъ нѣкоторыя сложныя проблемы, но эти недостатки, быть можетъ и весьма крупные съ точки зрѣнія ученаго спеціалиста, рѣшительно отступаютъ на второй планъ передъ ясностью общей мысли, выдержанностью проведенія ея широкими, блестящими обобщеніями, дѣлающими ее прекраснѣйшей популяризаціей предмета.

Книга г. Максимова можетъ служить хорошимъ дополненіемъ для лица, ознакомившагося съ трудомъ Энгельса. Она представляетъ изъ себя добросовѣстный, сжатый обзоръ массы взаимно противорѣчивыхъ фактовъ, теорій и мнѣній, накопившихся у различныхъ писателей по вопросу объ исторіи семьи. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью дать не новое, оригинальное построеніе этой исторіи, а точную сводку старыхъ мнѣній и посильную, также не претендующую на оригинальность ихъ оцѣнку, и въ этихъ предѣлахъ онъ хорошо выполнилъ свою задачу. Напрасно было бы искать у него широкихъ выводовъ, освѣщенія общей эволюціи семьи. Но зато лицо, уже имѣющее эти свѣдѣнія, найдетъ здѣсь богатый (сравнительно съ небольшимъ объемомъ книги) фактическій матеріалъ, иллюстрирующій различныя формы семейныхъ отношеній, и безпристрастное изложеніе взглядовъ разныхъ авторовъ на каждое явленіе. Безпристрастіе это, думается, идетъ даже слишкомъ далеко, заставляя его нѣсколько эклектично относиться къ различнымъ, сообщаемымъ имъ, мнѣніямъ, и слишкомъ осторожно критиковать ихъ, отчего и зависитъ указанное отсутствіе у него яркой картины развитія семейныхъ формъ и взаимной ихъ связи.

Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, трудъ г. Максимова является полезнымъ обогащеніемъ нашей популярной литературы по исторіи семьи. *Б. В.*

А. Коллонтай. Жизнь финляндскихъ рабочихъ Экономическое изслѣдованіе. Спб. 1903 г. (Первая часть). Стр. 335. Ц. 2 р. 35 к. Книга г. Коллонтая принадлежитъ къ числу сочиненій, которыхъ достоинства и недостатки зависятъ не столько отъ автора, сколько отъ имѣющагося у автора матеріала. Г. Коллонтай даетъ сводку существующихъ въ печати данныхъ (главнымъ образомъ статистическихъ) объ условіяхъ жизни финляндскихъ рабочихъ, пользуясь источниками шведскими, финскими, русскими, нѣмецкими и французскими. А такъ какъ матеріалъ этотъ, въ общемъ, скудный и авторъ не оживляетъ его сообщеніемъ какихъ-либо личныхъ наблюденій, то картина получается довольно блѣдная. Среднія цифры и голые факты мало даютъ для знакомства съ жизнью общественнаго класса даже тогда, когда данный классъ ясно отграниченъ отъ другихъ рѣзкими внѣшними признаками. Поэтому статистики и экономисты, пользуясь результатами массовыхъ наблюденій; стараются по возможности освѣщать ихъ отдѣльными живыми, на глазъ выхваченными картинами типичныхъ хозяйствъ. Къ сожалѣнію, г. Коллонтай почти совсѣмъ не пользуется этимъ методомъ. А между тѣмъ, именно, по отношенію къ финляндскимъ рабочимъ такой методъ особенно необходимъ. Финляндскій капитализмъ — явленіе молодое, недавно народившееся, неустановившееся, а потому и обусловленный капитализмомъ особый классъ рабочихъ-пролетаріевъ, на которомъ сосредоточено вниманіе г. Коллантая, не успѣлъ вполнѣ опредѣлиться. По всѣмъ вѣроятіямъ и самъ финляндскій рабочій хорошенько не знаетъ, что такое финляндскій рабочій. Тѣмъ менѣе знаютъ это посторонніе наблюдатели. Описывать же жизнь финляндскаго рабочаго, не зная, что такое финляндскій рабочій, — трудъ довольно неблагодарный. Поэтому, тутъ особенно умѣстно было бы вмѣсто описанія жизни «рабочаго» вообще. давать описанія отдѣльныхъ типичныхъ хозяйствъ трудящагося люда.

Г. Коллонтай сообщаетъ много свѣдѣній о заработной платѣ, длинѣ рабочаго дня, о бюджетахъ, о жилищахъ рабочаго класса, но читателю трудно судить о значеніи приводимыхъ свѣдѣній, потому что изъ книги не видно, насколько однородную массу представляетъ финляндскій рабочій классъ. Напр., авторъ говоритъ, что «заработокъ финляндскаго рабочаго выше, чѣмъ у русскаго рабочаго» и что «по своимъ потребностямъ онъ значительно опередилъ своего русскаго собрата и по культурнымъ запросамъ стоитъ почти на одномъ уровнѣ съ рабочими западно-европейскими» (81). Однако, цифры, на основаніи которыхъ сдѣланъ этотъ выводъ, не позволяютъ судить, о комъ здѣсь идетъ рѣчь: только о рабочихъ фабрично-заводской промышленности или также о чернорабочихъ и о ремесленникахъ, и слѣдуетъ ли преимущества финляндскихъ рабочихъ передъ русскими поставить на счетъ финляндскому капитализму или общимъ условіямъ финляндской жизни. Какое разстояніе отдѣляетъ въ Финляндіи чернорабочаго отъ обученыхъ рабочихъ съ повышеннымъ заработкомъ? Какая связь существуетъ между городскими и сельскими рабочими? Насколько сохранилось соединеніе сельскихъ занятій съ кустарными, ремесленными и фабрично-заводскими? Какое отношеніе существуетъ между ремесленниками-одиночками, ремесленниками-хозяевами, ремесленниками-рабочими и фабрично-заводскими рабочими? Какая разница въ благосостояніи и умственномъ развитіи всѣхъ этихъ категорій? Всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта. Мало помогаютъ дѣлу и старанія автора «прослѣдить за отраженіемъ капиталистическаго духа, въ общихъ и частныхъ его проявленіяхъ, на экономическомъ укладѣ жизни финляндскихъ трудящихся массъ», что выставлено въ предисловіи, какъ задача предпринятаго изслѣдованія (стр. 5). Ибо «капиталистическій духъ» принимаетъ у автора форму шаблоновъ, скорѣе украшающихъ

изложеніе, чѣмъ объединяющихъ содержаніе. Многія данныя, приводимыя авторомъ (напр., почти всѣ данныя главы III—о бюджетахъ), относятся къ ремесленникамъ, а не къ рабочимъ, занятымъ въ крупной промышленности, причемъ авторъ совершенно не останавливается на вопросѣ о борьбѣ крупной промышленности съ мелкой, и о томъ, насколько «капиталистическій духъ» проникаетъ въ ремесло.

Невыгодно отразилась на книгѣ и принятая авторомъ система изложенія. Въ настоящей первой части своего труда, авторъ обходитъ молчаніемъ фабричное законодательство, фабричную инспекцію, страхованіе рабочихъ, рабочіе союзы, кассы взаимопомощи, отмѣтивъ все это для второй части. Между тѣмъ, описаніе «условій труда въ промышленныхъ заведеніяхъ» (гл. 6) много выиграло бы, если бы читатель тутъ же могъ узнать объ организаціи фабричной инспекціи, а исторія стачекъ и вообще отношеній между предпринимателями и рабочими (гл. 8) стоитъ въ самой тѣсной связи съ исторіей рабочихъ союзовъ, о которыхъ въ первой части сообщаются лишь случайныя отрывочныя свѣдѣнія.

Но, во всякомъ случаѣ, книга г. Коллонтая содержитъ много интереснаго. Русскій издатель найдетъ достаточно матеріала для поучительныхъ сопоставленій съ русскими условіями. Также какъ и Россія, Финляндія — страна по преимуществу земледѣльческая. Также какъ и въ Россіи, крупный капиталъ въ Финляндіи еще только начинаетъ по настоящему расправлять свои крылья. «Еще лѣтъ 20 тому назадъ,—говоритъ г. Коллонтай, — Финляндія гордилась мирнымъ, патріархальнымъ духомъ, царившимъ въ сферѣ ея индустріальной жизни» (стр. 1). Насчетъ «патріархальности» наступило быстрое разочарованіе. Тяжелый для промышленности 1901 г. ознаменовался рядомъ серьезныхъ стачекъ. Отношенія между предпринимателями и рабочими обостряются болѣе и болѣе. И тѣмъ не менѣе чувство законности этимъ обостреніемъ не уничтожается. Основой взаимныхъ отношеній предпринимателей и рабочихъ все-таки служатъ, по удостовѣренію автора, «взаимное уваженіе, отсутствіе произвола и приверженность съ обѣихъ сторонъ къ законному образу дѣйствій» (247). Г. Коллонтай приходитъ къ общему оптимистическому заключенію, что и «Финляндія во-время успѣла уловить призракъ надвигающейся опасности и въ лицѣ своего правительства, общества и самихъ рабочихъ вступила въ борьбу съ темными сторонами капитализма» (3). *А. Рыкачевъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГИГІЕНА.

Э. Лесгафтъ. „Краткій курсъ физической географіи“.—*Van't Hoff.* „Химическое равновѣсіе“.—*N. Helmholtz.* „Два изслѣдованія по гидродинамикѣ“.—*Кузнецовъ.* „Флора Кавказа“.—*Л. Бюхнеръ.* „Психическая жизнь животныхъ“.—*Л. Морганъ.* „Изъ міра животныхъ“.—*С. Сегенъ.* „Воспитаніе, гигіена и пр.“.

Краткій курсъ физической географіи. Составилъ Э. Лесгафтъ. Спб. 1903 г. Цѣна 80 к. «Дать учебную книгу, стоящую на уровнѣ современныхъ знаній и воспроизводящую въ миніатюрѣ научную систему физической географіи»—такова задача автора. Нельзя не привѣтствовать такого почина! Въ то время какъ большинство нашихъ учебниковъ—и не одной только физической географіи—представляетъ собою сборники какъ бы случайно понадерганныхъ свѣдѣній по излюбленнымъ оффиціальными программами отдѣламъ науки, книга г. Лесгафта, не смотря на свой небольшой объемъ (всего 160 стр. in 8°), дѣйствительно оказывается законченнымъ цѣлымъ, на основаніи котораго можно составить довольно полное представленіе о содержаніи той науки, элементы которой здѣсь сообщаются. Къ числу особенностей «Краткаго курса»,

предназначеннаго для учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, а также для цѣлей самообразованія, нужно прежде всего отнести то, что авторъ не ограничивается одной фактической стороной дѣла: всюду, гдѣ возможно, онъ старается познакомить учащихся съ главнѣйшими изъ существующихъ въ наукѣ мнѣній по каждому данному вопросу, избѣгая такимъ образомъ излишней догматичности и дѣлая свое изложеніе занимательнымъ, несмотря на его крайнюю сжатость. Правда, такой пріемъ можетъ вызвать нападки со стороны педагоговъ, полагающихъ рѣзкую грань между курсомъ средней школы и высшей. Но естествознаніе и догматизмъ—двѣ вещи несовмѣстныя и г. Лесгафту нужно было бы отказаться отъ намѣренія воспроизвести научную систему въ миніатюрѣ, если бы ему пришлось тщательно избѣгать всѣхъ гипотетическихъ, зачастую противорѣчивыхъ толкованій...

Что касается чисто научной стороны учебника, то, кромѣ нѣсколькихъ маловажныхъ упущеній (напримѣръ ни слова не сказано о присутствіи въ атмосферѣ газовъ группы аргона), намъ кажется нѣсколько страннымъ то предпочтеніе, которое авторъ отдаетъ механической теоріи вулканизма (стр. 103—104). Вопросъ, конечно, спорный, но приводимая авторомъ аргументація въ пользу упомянутой теоріи на нашъ взглядъ не выдерживаетъ критики. Новѣйшія изслѣдованія Таммана касательно различнаго аггрегатнаго состоянія тѣлъ при громадныхъ давленіяхъ дѣлаютъ существованіе жидкаго ядра земного шара не такимъ ужъ проблематичнымъ; съ другой стороны факты, собранные геологами, въ значительной степени поколебали зависимость, которая будто бы существуетъ между образованіемъ трещинъ и возникновеніемъ очаговъ вулканической дѣятельности, между тѣмъ, какъ для механической теоріи такая зависимость является непремѣннымъ условіемъ.

Книга издана небрежно: бумага и рисунки плоховаты, встрѣчаются опечатки, на что мы совѣтовали бы автору обратить вниманіе при слѣдующемъ изданіи его прекраснаго учебника. *Дм. Мон—ій.*

Vant-Hoff. Химическое равновѣсіе. Переводъ съ французскаго подъ редакц. А. Н. Щукарева. Цѣна 40 к. Helmholtz. Два изслѣдованія по гидродинамикѣ. Перев. подъ ред. С. А. Чаплыгина. Цѣна 60 коп. Книгоиздательство «ПАЛЛАС». Москва. 1903 г. Эти двѣ изящно изданныя брошюры являются первыми выпусками серіи научныхъ сочиненій, предназначаемыхъ книгоиздательствомъ «Палласъ» «преимущественно для студентовъ физико-математическаго факультета, а вмѣстѣ съ тѣмъ для лицъ, интересующихся этой областью знанія въ цѣляхъ самообразованія». Мы нѣсколько затрудняемся точно опредѣлить «эту область знанія», такъ какъ въ спискѣ книгъ, предположенныхъ къ выпуску этой фирмой преобладаютъ сочиненія по физикѣ, но помѣчены и такія, какъ: L. Galvani. «Электрическая сила и ея дѣйствіе на мускулы» и «Кантовская исторія мірозданія и теорія неба» и H. S. Williams. «Исторія науки XIX-го вѣка». Вѣроятно, характеръ этого изданія будетъ приближаться къ извѣстной нѣмецкой серіи «классиковъ» науки, издаваемой подъ редакціей Оствальда. Такое предпріятіе можно, конечно, только привѣтствовать, хотя врядъ ли оно можетъ разсчитывать на широкое распространеніе въ нашемъ малокультурномъ еще отечествѣ. Пока, и, вѣроятно, еще долго, намъ нужна болѣе широкая популяризація.

Изданныя работы Гельмгольца и Вантъ-Гоффа—одни изъ основныхъ въ области современныхъ физическихъ наукъ и, конечно, не требуютъ никакой рекомендаціи; для прочтенія или, вѣрнѣе, изученія они требуютъ основательнаго знакомства съ высшей математикой, физикой и химіей. *В. А.*

Н Кузнецовъ. Н. Бушъ. А. Ѳоминъ. Матеріалы для флоры Кавказа. Вып. 1—4. Юрьевъ. 1901—1902 г. Цѣна каждаго выпуска 50 коп. Профессоръ юрьевскаго университета, Н. И. Кузнецовъ слишкомъ десять лѣтъ уже

занимается интереснѣйшей и богатѣйшей флорой Кавказа; неоднократно посѣщалъ онъ Кавказъ, а кромѣ того—собралъ громадные матеріалы по кавказской флорѣ трудами своихъ ближайшихъ учениковъ—Н. Буша и А. Ѳомина, а также многочисленныхъ другихъ сотрудниковъ.

Результатомъ всѣхъ этихъ изслѣдованій и являются издаваемые нынѣ «Матеріалы для флоры Кавказа», которые должны, по мнѣнію авторовъ, послужить основой для флоры популярной, предназначенной для начинающихъ или для публики. Разумѣется, это такъ, и необходимо начинать именно съ такой критической переработки всего имѣющагося матеріала, которую предприняли г. Кузнецовъ, Бушъ и Ѳоминъ. Но намъ думается, что и это изданіе представляетъ интересъ не для однихъ лишь спеціалистовъ, а для гораздо болѣе широкой публики. Уже въ томъ неполномъ видѣ, въ какомъ имѣются сейчасъ «Матеріалы» (изданіе будетъ закончено черезъ 20—30 лѣтъ) оно представляетъ необходимое пособіе для всякаго «любителя и начинающаго», кто поѣдетъ на Кавказъ и вздумаетъ ознакомиться съ флорой. Въ разсматриваемыхъ выпускахъ описываются, между прочимъ, рододендроны, первоцвѣты (описанные проф. Кузнецовымъ) и лютиковыя (описанныя Н. А. Бушемъ). Не ограничиваясь однимъ описаніемъ растеній, авторы даютъ ключи для ихъ опредѣленія, а также весьма подробныя указанія распространенія ихъ по Кавказу и, наконецъ, въ примѣчаніяхъ приводятъ весьма любопытныя указанія по систематикѣ и географическому распространенію описываемыхъ видовъ.

Пожелаемъ этому изданію самаго широкаго распространенія среди русскихъ ботаниковъ и любителей, а авторамъ—энергіи, необходимой для доведенія начатаго предпріятія до конца. *Б. Федченко.*

Л. Бюхнеръ. Психическая жизнь животныхъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. Успенской, подъ редакціей М. А. Энгельгардта. Изд. Ф. Павленкова. Цѣна 1 р. 25 к. 472 стр. + XVI. Это произведеніе знаменитаго бойца за матеріализмъ не оригинальное научное изслѣдованіе, а интересная популяризація, довольно полная сводка фактовъ, касающихся жизни и психики муравьевъ, термитовъ, пчелъ, осъ и нѣкоторыхъ пауковъ и жуковъ. Книга написана съ обычной для Людвига Бюхнера талантливостью, легко, занимательно и доступно для самой широкой публики; неудивительно, что она выдержала нѣсколько изданій въ Германіи и переведена почти на всѣ европейскіе языки.

Авторъ является рѣзкимъ противникомъ ученыхъ, которые видятъ въ психической жизни насѣкомыхъ только одно проявленіе инстинкта и не считаютъ возможнымъ проводить аналогіи между духовными способностями человѣка и этихъ животныхъ; онъ вмѣстѣ съ Форелемъ и многими другими учеными утверждаетъ, что всѣ элементы нашей психики находятся въ той или иной степени развитія и въ психикѣ муравьевъ и пчелъ. По мнѣнію Бюхнера «большіе круги или отдѣлы животнаго царства располагаются не другъ *подъ* другомъ, а другъ подлѣ друга, и что, слѣдовательно, высшіе представители одного, болѣе низкаго отдѣла могутъ подниматься, и дѣйствительно, поднимаются, физически и духовно, очень высоко надъ низшими или средними ступенями другого, въ цѣломъ болѣе высокаго круга... Въ сущности, можно смѣло сказать, что муравей—высшій типъ высшаго класса членистыхъ — по своей общей организаціи далеко превосходитъ представителей низшихъ классовъ позвоночныхъ животныхъ, напр., рыбъ и амфибій, а въ отношеніи духовныхъ способностей поднимается до уровня птицъ и высшихъ млекопитающихъ» (стр. 53 и 54).

И дѣйствительно авторъ приводитъ массу примѣровъ изъ жизни муравьевъ, термитовъ и пчелъ, которые указываютъ на такое высокое психическое развитіе этихъ насѣкомыхъ, что какъ-то странно и неловко становится сваливать все это на пресловутый «инстинктъ». Пусть инстинктомъ построены

сложные муравейники и еще болѣе удивительные «холмы» термитовъ съ міріадами комнатъ, камеръ, помѣщеній для дѣтвы, запасныхъ магазиновъ, сторожекъ, переходовъ, корридоровъ, арокъ, мостовъ, подземныхъ улицъ и каналовъ, трубъ, сводовъ, лѣстницъ, куполовъ и проч., пусть только инстинктомъ обусловлены мужество и самоотверженность всѣхъ этихъ насѣкомыхъ, ихъ стратегія въ битвахъ, ихъ сложная общественная жизнь, однимъ словомъ всѣ ихъ нравы и навыки, но какое отношеніе имѣетъ инстинктъ къ тѣмъ проявленіямъ умственной дѣятельности, которыя уже выходятъ изъ круга данныхъ нравовъ и навыковъ, которыя указываютъ на индивидуальное, сознательное отношеніе къ явленіямъ.

Термиты, чтобы добраться до мѣшка съ мукой, хорошо защищеннаго снизу, продѣлали дыру въ крышѣ и провели къ мѣшку отвѣсную трубу; вскорѣ они убѣдились, что по этой трубѣ имъ не унести муки; тогда они выстроили рядомъ съ нею другую, спирально изогнутую и благодаря ей могли воспользоваться своей добычей. Развѣ это инстинктъ?!

Форель помѣстилъ колонію дерновыхъ муравьевъ внутри валика изъ сухого гипса. Въ теченіе двухъ недѣль муравьи тщетно пытались перелѣзть черезъ этотъ барьеръ—гипсъ осыпался, и плѣнники скатывались внизъ. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли они стали рыть въ этомъ гипсовомъ валѣ туннель. Первыя попытки не удавались, вслѣдствіе осыпанія рыхлой гипсовой массы, но, въ концѣ концовъ, животнымъ удалось прорыть насквозь весь барьеръ. Форель снова засыпалъ туннель, но, очевидно, муравьи успѣли усовершенствоваться въ своей работѣ такъ, что въ короткое время возстановили разрушенный туннель. Форель оставилъ ихъ въ покоѣ и они убѣжали съ своими личинками и куколками. Также несомнѣнно вліяніе индивидуальнаго опыта на психику муравьевъ-рабовъ. Они сначала противодѣйствуютъ новымъ набѣгамъ своихъ господъ, но мало-по-малу привыкаютъ къ этому и, по увѣренію нѣкоторыхъ наблюдателей, даже плохо принимаютъ своихъ повелителей, если послѣдніе возвращаются изъ похода съ пустыми руками.

Бюхнеръ приводитъ въ своей книгѣ массу подобныхъ фактовъ, которые заставляютъ допустить въ психикѣ муравьевъ, пчелъ, термитовъ и нѣкоторыхъ другихъ насѣкомыхъ наличность элементовъ сознанія. Также несомнѣнно присуща имъ и индивидуальная память, благодаря которой пчелы отыскиваютъ, напр., дерево или цвѣтокъ, гдѣ они разъ нашли медъ, и отличаютъ свой улей отъ множества другихъ; присуща и способность отличать однихъ людей отъ другихъ,—хозяина отъ постороннихъ и т. п.

Все это такъ и, конечно, только предвзятая мысль можетъ видѣть въ жизни этихъ насѣкомыхъ только проявленіе видовой, автоматической психики, но съ другой стороны нельзя и слишкомъ увлекаться аналогіей «духовнаго міра» насѣкомыхъ и человѣка. А въ этомъ грѣхѣ нѣсколько повиненъ старый матеріалистъ Бюхнеръ.

Такъ, онъ утверждаетъ (стр. 310), что «вся жизнь улья держится исключительно идеальнымъ, существующимъ въ мозгу маленькихъ животныхъ, представленіемъ о будущемъ событіи (выходъ царицы), и притомъ событіи исключительномъ, такъ что вліяніе его не можетъ быть объяснено ни «инстинктомъ», ни «наслѣдственностью», а только мыслительнымъ процессомъ».

Своевременное избіеніе рабочими пчелами трутней авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Прилежныя рабочія пчелы *знаютъ*, что въ теченіе всей долгой зимы трутни, какъ безполезные ѣдоки, будутъ только вредить благосостоянію улья, такъ какъ въ это время царица уже оплодотворена и они, стало быть, не могутъ принести никакой пользы. Оттого ихъ и истребляютъ» (стр. 300). Ненависть старой царицы къ появляющимся соперницамъ, побуждающую ее къ убійству послѣднихъ, Бюхнеръ объясняетъ «унаслѣдованнымъ

отъ поколѣнія къ поколѣнію стремленіемъ или влеченіемъ къ единодержавію, соединеннымъ съ *тревожнымъ сознаніемъ* того, что съ появленіемъ соперницы придется отказаться отъ власти въ старомъ гнѣздѣ и отыскивать новое пристанище» (стр. 317). Такого рода объясненія, конечно, не оправдываются никакими соображеніями о большей общедоступности и картинности; это — грубый антропоморфизмъ, недопустимый и въ популяризаціи.

Къ счастью такихъ мѣстъ относительно немного и книгу А. Бюхнера, съ сдѣланной нами оговоркой, можно рекомендовать для самой широкой публики, желающей ознакомиться съ жизнью и нравами муравьевъ, пчелъ и другихъ соціальныхъ насѣкомыхъ.

Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно, издана книга хорошо.

В. Агафоновъ.

Ллойдъ Морганъ. Изъ міра животныхъ. Съ 53 рисунками художника В. Рау. Переводъ М. К. Ланге. Изданіе П. А. Беркоса. Спб. 1903 г. Цѣна 1 р 50 к. Книжка заключаетъ въ себѣ рядъ отдѣльныхъ очерковъ изъ жизни самыхъ разнообразныхъ животныхъ—отъ слона до пчелы. Цѣлью этихъ очерковъ, предназначенныхъ для дѣтей, «было скорѣе вызвать интересъ и, если можно, побудить къ наблюденію, чѣмъ научить». Сообщаемыя въ книгѣ свѣдѣнія распадаются на двѣ группы: наряду съ анатомическими особенностями животныхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, авторъ говоритъ объ ихъ привычкахъ, образѣ жизни и т. д., пускаясь при случаѣ въ экскурсіи болѣе общаго характера. Такъ напр., на стр. 225 онъ знакомитъ читателя даже съ такимъ широкимъ обобщеніемъ въ біологіи, какъ знаменитый біогенетическій законъ. Послѣднее обстоятельство вызываетъ въ насъ крайнее недоумѣніе: для кого же собственно предназначается эта книга? Если для дѣтей младшаго возраста, то врядъ ли тѣ поймутъ, что «развитіе особи есть болѣе или менѣе сокращенное повтореніе развитія расы» (вида?), если же имѣется въ виду старшій возрастъ, то зачѣмъ было автору поддѣлываться подъ языкъ малышей? Возьмемъ для контраста начало третьей главы: «Изъ всѣхъ животныхъ въ зоологическомъ саду кого ты больше всего любишь?» спросилъ я прелестную маленькую дѣвочку съ прекрасными волосами, которой я помогалъ сойти со слона. «Я думаю, что я люблю длинноносаго, длинношея и чурбана за то, что они такіе громадные и странные, а длинноносаго больше всѣхъ за то, что онъ меня покаталъ. Знаете ли вы, что это у него носъ?» И т. д. въ томъ же духѣ. Очеркъ называется: «Длинноносый, длинношей и чурбанъ». Иногда этотъ дѣланный языкъ, которымъ написана вся книга, становится на придачу еще слащавымъ. Такъ на стр. 132 читаемъ: «... бѣдная, глупая синевато-металлическая муха (безъ сомнѣнія молодая и незнакомая съ естественной исторіей летучихъ мышей) прогуливалась съ невиннымъ довѣріемъ по летучей мыши». И вдругъ среди этого младенческаго лепета мы наталкиваемся на такіе термины, какъ «параличъ въ нервныхъ центрахъ, общее истощеніе и коллапсусъ» (стр. 181), которые даются безъ объясненія, или даже на своеобразный критическій разборъ... теоріи Дарвина (стр. 126).

Несмотря на отмѣченныя несуразности въ способѣ изложенія, книга Моргана все-таки сообщаетъ массу свѣдѣній, могущихъ возбудить въ дѣтяхъ интересъ къ самостоятельному наблюденію. Освѣщеніе фактовъ дается въ большинствѣ случаевъ правильное: даже говоря о психикѣ животныхъ, авторъ не сбивается на обычный антропоморфизмъ — камень преткновенія большинства популяризаторовъ. Но стараніями переводчика книга сдѣлана окончательно никуда негодной. Какихъ только ошибокъ и перловъ грамотности вы здѣсь ни найдете! На стр. 71, гдѣ описывается устройство тазобедреннаго сочлененія у антропоморфныхъ обезьянъ, читатель узнаетъ, что «въ этой гибкой свободѣ есть большое преимущество для лазанія»; «О, дьявольская, одушевленная

помпа!» раздается восклицаніе по адресу гвіанскаго вампира на стр. 129; «никогда не было видно болѣе разсвирѣпѣлыхъ чудовищъ» (стр. 216); «докторъ Гиксонъ недавно разработалъ съ большой тщательностью строеніе оптическаго пути, который лежитъ между конусами хрусталика и мозгомъ» (стр. 259). И такъ на каждой страницѣ. Рисунки скверные, нѣкоторые изъ нихъ кажутся прямо-таки загадочными картинками, наприм. «левъ и ориксъ» на стр. 88 и на обложкѣ. Въ общемъ можно лишь пожелать, чтобы поменьше появлялось такихъ книгъ. *Дм. Мон—ій.*

Е. Сегенъ. Воспитаніе, гигіена и нравственное лѣченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей. Пер. съ фр. М. П Лебедевой, подъ редакціей В. А. Енько. Спб. 1903 г. Ц. 2 руб. Нельзя не быть благодарнымъ группѣ лицъ, не пожалѣвшихъ труда и средствъ на переводъ и изданіе замѣчательной книги д-ра Сегена, написанной около 60-ти лѣтъ тому назадъ.

Пусть многое въ ней устарѣло въ смыслѣ научномъ, пусть многое изъ того, что въ то время казалось новымъ и требовало доказательствъ, уже осуществлено, тѣмъ не менѣе въ книгѣ осталось не мало такого, что еще ждетъ своего осуществленія, что придаетъ ей большой интересъ современности.

Развѣ не покажутся читателю вполнѣ современными слѣдующія, напр., слова Сегена о воспитаніи: «У народовъ, которые провозглашаютъ себя стоящими во главѣ прогресса и скромно мнятъ себя уже достигнувшими послѣднихъ возможныхъ ступеней цивилизаціи, у такихъ народовъ воспитаніе состоитъ въ томъ, что тысячи дѣтей запихиваются въ своего рода казармы, гдѣ, не обращая вниманія ни на физическія особенности, ни на разнообразныя физіологическія потребности, ни на несходныя интеллектуальныя склонности, всѣмъ имъ даютъ каждый день четыре или пять порцій интеллектуальной пищи, обременяющей ихъ память, и при этомъ нисколько не заботятся о томъ, вызываются ли къ дѣйствію или не вызываются другія интеллектуальныя ихъ способности, нисколько не думаютъ о развитіи ни органовъ чувствъ, ни мышечной системы, болѣе или менѣе атрофированныхъ всѣмъ этимъ сидячимъ существованіемъ, при этомъ гибнетъ личность психическая, физическая и моральная, и культивируютъ только одну способность, именуемую памятью, истинный символъ равенства, какъ мы понимаемъ его, настоящее воспитаніе *средняго* человѣка, человѣка обыкновеннаго, дюжиннаго воспитанія, при которомъ подрѣзывается все, что поднимаетъ голову, и топчется ногами все, что склоняетъ ее, это воспитаніе большинства, воспитаніе, въ которомъ всякая мысль отвергается до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается настолько обыкновенной и ничтожной, что ее сможетъ вмѣстить всякая голова, въ то время какъ люди, мыслящіе самостоятельно, независимо отъ ходячихъ идей, третируются какъ вредныя животныя, и изгоняются, какъ дикіе звѣри» (89 стр.). «Оно (воспитаніе) должно быть поставлено на другихъ основаніяхъ, если мы не хотимъ, чтобы человѣческій разумъ спустился съ высоты свободной мысли до повторенія однообразныхъ credo передовыхъ статей наиболѣе распространенныхъ газетъ, еще болѣе подчеркивающихъ умственную банальность эпохи. И когда я требую, чтобы воспитаніе охватывало всего человѣка, включая сюда всѣ его способности, функціи и наклонности, вмѣсто того, чтобы развивать одну только способность память, то я не считаю себя слишкомъ требовательнымъ, потому что я желаю только, чтобы въ воспитаніе французскаго юношества была внесена та же заботливость, какою въ Англіи и Нормандіи уже окружены воспитанники породы бычачьей, лошадиной и другихъ» (стр. 90).

Говоря о гимнастикѣ, преслѣдующей только развитіе мускульной системы, Сегенъ говоритъ, что «такъ направляемая гимнастика—ничто для воспитанія: она имѣетъ одинъ только результатъ, очень далекій отъ соціальныхъ задачъ нашего времени», а между тѣмъ, правильно поставленная, она содѣйствуетъ.

равновѣсію функцій, ведетъ ребенка отъ упражненій чисто физическихъ къ упражненіямъ физіологическимъ или, говоря точнѣе, отъ упражненія мускуловъ къ упражненіямъ чувствъ въ той непрерывной послѣдовательности, которая уже въ силу инерціи предупреждаетъ остановку». Не правда ли, что всѣ эти разсужденія — а такихъ въ книгѣ Сегена очень много — сохраняютъ до сихъ поръ всю прелесть новизны?

Врачъ по образованію и воспитатель по призванію, Сегенъ посвятилъ всю свою жизнь выработкѣ системы ухода за умственно-отсталыми дѣтьми и проведенію этой системы въ жизнь. Принадлежа по своимъ воззрѣніямъ къ лучшимъ педагогамъ психологической школы XIX столѣтія, Сегенъ, при воспитаніи отсталыхъ дѣтей, придаетъ огромное значеніе нравственному воздѣйствію на нихъ, причемъ онъ прежде всего индивидуализируетъ всякій случай.

Въ русскомъ переводѣ книги, въ которомъ допущены переводчиками нѣкоторые пропуски и сокращенія, имѣются 4 части: первая часть, въ сокращенномъ изложеніи прив.-доц. М. Ю. Гольдштейна, посвящена идіотіи съ чисто медицинской точки зрѣнія, вторая — гигіенѣ умственно-ненормальныхъ дѣтей, третья — ихъ воспитанію и четвертая — нравственному леченію.

Явившись въ свое время новаторомъ въ дѣлѣ воспитанія обойденныхъ природой дѣтей, Сегенъ встрѣтилъ очень холодный пріемъ среди своихъ соотечественниковъ и, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ покинуть родину и переселиться въ Америку, гдѣ его приняли съ распростертыми объятіями и гдѣ онъ получилъ возможность широко примѣнить свои теоретическія возрѣнія въ жизни.

Русскій переводъ книги Сегена очень хорошо выполненъ и снабженъ горячо написанной вступительной статьей издательницы, г-жею **М. Л. Лихтенштадтъ**, и можно только пожалѣть, почему издательница, очевидно, хорошо знакомая съ дѣломъ, не приложила къ книгѣ хотя бы краткой біографіи д-ра Сегена, которая, безъ всякаго сомнѣнія, крайне интересна и поучительна во многихъ отношеніяхъ.

Врачъ *В. И. Б—ъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го апрѣля до 15-го мая.

Альманахъ книгоиздательства Грифъ. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.

Германъ Баръ. Апостолъ. Комедія. Перев. и изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

В. Н. Разуваевъ. Скромныя картинки. Разсказы и стихотворенія. Козловъ. 1903 г. Ц. 40 к.

К. Станюковичъ. Блестящій капитанъ. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1903 г. Ц. 5 к.

В. Г. Дмитріева. На скалѣ. Изданіе то же. Ц. 10 к.

И. К. Гордикъ-второй. Дѣти провинціи. Очерки и разсказы. Екатеринодаръ. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Максъ Дрейеръ. Кандидатъ. Драма. Перев. Н. Сыцянко. Изд. Раппъ и Потапова. 1903 г. Ц. 30 к.

Алексѣй Мошинъ. Штрихи и настроенія. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Мск. 1903 г. Ц. 75 к.

Ataiena. Въ студенческой богемѣ.

П. А. Травинъ. Разсказы и стихотворенія. Мск. 1903 г. Ц. 10 к.

Образовательная библіотека. № 1. Воздушныя, свѣтовыя и солнечныя ванны. Книгоизд. «Наука и Жизнь». Спб. Ц. 10 к.

Образовательная библіотека. № 2—3. Политическая и общественная жизнь Англіи. Изд. то же. Ц. 15 к.

Элизе Реклю. Земля и люди. Вып. VI. Франція. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Г. В. Демченко. Судебный прецедентъ. Варшава. 1903 г. Ц. 2 р.

Азіатская Россія. Иллюстр. географическій сборникъ. Изд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Мск. 1903 г. Ц. 2 р.

В. Ѳ. Боцяновскій. Максимъ Горькій. Критико-біографич. этюдъ. Спб. Изд. Т-ва «Литература и Наука» Ц. 60 к.

С. Ѳ. Платоновъ. Статьи по русской исторіи. Спб. Изд. Суворина. Ц. 1 р. 75 к.

Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Т. II. Спб. Изд. Суворина. 1903 г. 2 р.

Шарль Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Т. I и II. Ц. 3 р. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1903 г.

Георгъ Брандесъ. Т. XII. Литературныя характеристики. Изд. Фукса. Кіевъ. 1903 г. Ц. за 12 т. 6 р.

Б. П. Вейнбергъ. Физика частичныхъ силъ. (Публ. лекціи съ математ. приложеніями). Одесса. 1903 г. Ц. 1 р. 70 к.

В. И. Никольскій. Объ алкогольномъ опьяненіи, объ алкоголизмѣ и мѣрахъ противъ нихъ. Варшава. 1903 г.

Карлъ Менгеръ. Основанія политической экономіи. Общая часть. Пер. подъ ред. Оржецкаго. Одесса. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Евгеній Чабель. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Литер.-біогр. очеркъ. Перев. съ нѣм. Григоровича. Кіевъ. 1903 г. Ц. 80 к.

Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ. Подъ ред. А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Спб. Изд. Т-ва «Общественная Польза» Т. II. Вып. VI.

Ф. Гизель. О радіоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Мск. Ц. 35 к.

Н. В. Ельмановъ. Борьба съ туберкулезомъ у животныхъ въ хозяйствахъ. Новгородъ. 1903 г. Ц. 10 к.

А. Дмитревскі. Методическія замѣтки по чтенію, письму и счету. Нѣжинъ. Ц. 25 к. 1903 г.

К. Очуиковъ. Былинная поэзія на Печорѣ. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

Земля Объясненіе къ атласу географическихъ картинъ. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Вып. XI. Мск. Изд. П. Юргенсона.

П. Руссофилъ. Къ вопросу о малоуспѣвающихъ учащихся въ начальныхъ школахъ. Харьковъ. Ц. 20 к.

333 загадки. Сборникъ для дѣтей школьнаго возраста. Изд. И. Ѳ. Жирнова. Ц. 15 к.

В. В. Рюминъ. Краткій очеркъ главнѣйшихъ органическихъ соединеній. Харьковъ. 1903 г. Ц. 35 к.

А. Г. Клинге. Сборникъ избранныхъ прописей по фармацевтич. и технич. производствамъ. Вып. I, II и III. Ц. кажд. вып. 70 к. Спб. Изд. К. Л. Риккера. 1903 г.

А. Ѳ. Музыченко. Творчество учениковъ земскихъ школъ. Одесса. 1903 г. Ц. 40 к.

С. Я. Яновскій. Еврейская благотворительность. Изъ журн. «Трудовая Помощь». 1902 г. Спб.

А. Чарвинскій. Пороки произношенія. Руководство къ самоизлеченію. 1903 г. Ц. 50 к.

Григорій Москвичъ. Практич. путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностямъ. Ц. 1. р. 50 к.

Доклады вологодской губернской земской управы по санитарн. отдѣленію. 1903 г.

Отчетъ правленія екатеринославск. о-ва взаимнаго вспоможенія приказчиковъ за 1902 г.

Отчетъ перваго московскаго о-ва трезвости за 1901 г.

Труды пятаго кіевскаго областного сельско-хозяйств. съѣзда.

Отчетъ правленія о-ва попеченія о безплатной школѣ В. П. Острогорскаго въ Валдаѣ за время съ 24-го октября 1903 г. по 1-е января 1903 г.

Записка о раціональной постановкѣ государственнаго хозяйства въ связи съ использованіемъ неудобныхъ земель предсѣд. казанск. губ. земск. упр. В. В. Марковникова и учен. лѣсовода В. В. Перцова.

Программа Орловской областной земской сельско-хозяйст. и кустарно-промышл. выст. 1903 г.

Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощн. прис. повѣр. при московск. мировъ. съѣзда за 1902 г.

Сельско-хозяйственный обзоръ псковской губерніи за 1902 г.

Врачебная помощь на пріискахъ Томской горной области.

Г. Н. Лявчанъ. Колейныя дорожныя панели, какъ средство помочь нашему бездорожью.

Θ. Р-а. Прогрессъ школы. Нижній-Новгородъ. 1903 г. Связь вѣроученія евреевъ съ ихъ экономической дѣятельностью.

Городскія безплатныя санаторіи.

Два года дѣятельности комитета содѣйствія молодымъ людямъ въ нравственномъ и физическомъ развитіи. Спб. 1903 г.

Основы изготовленія ортопедической обуви. А. И. Годземба-Высоцкаго. Ц. 50 к. Спб. Книготорговля «Помощь».

Отчетъ херсонской общественной библіотеки за 1902 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Political Parties and Party Problems in the United States*» *by Iames Albert Woodburn* (*Putuam's Sons*). *9 s.* (*Политическія партіи и партійныя проблемы въ Соединенныхъ Штатахъ*). Авторъ глубокій знатокъ американской исторіи и политики. Онъ начинаетъ свой трудъ съ изученія условій происхожденія американскихъ партій въ Англіи и затѣмъ уже переходитъ къ разсмотрѣнію этихъ партій и ихъ дѣятельности въ Соединенныхъ Штатахъ. Значительная часть книги посвящена и изслѣдованію механизма выборовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а заключительныя страницы представляютъ разсужденіе объ этическихъ проблемахъ въ политикѣ партій.

(Morning Post).

«*A Diary of a Turk*» *by Halil Halid* (*A. and C. Black.*) *5 s.* (*Дневникъ турка*). Авторъ этой книги родился и воспитывался въ Турціи и усвоилъ себѣ всѣ обычаи, чувства и религію турокъ. Онъ кончилъ курсъ въ турецкой коллегіи, изучалъ мусульманское богословіе и турецкое законовѣдѣніе и хотѣлъ поступить на правительственную службу. Однако, онъ все-таки не зараженъ пристрастіемъ въ своихъ сужденіяхъ объ отечествѣ, хотя въ молодости и пережилъ таки періодъ слѣпой ненависти ко всему иностранному. Впослѣдствіи его начали подозрѣвать въ слишкомъ близкихъ сношеніяхъ съ партіей реформъ и тогда онъ счелъ за лучшее укрыться въ Англіи. Нѣсколько главъ книги посвящены авторомъ разсказу о его собственныхъ испытаніяхъ, причемъ читатель знакомится съ обычаями и взглядами, характерными для турецкаго народа. Очень интересно описаніе гарема, относительно котораго по словамъ автора, существуютъ въ Европѣ совершенно неправильныя представленія. Но самую важную часть книги составляетъ то, гдѣ говорится о султанѣ, его положеніи и политикѣ. Осуждая очень многое, авторъ все таки не отчаивается въ будущности Турціи и находитъ, что турки вполнѣ созрѣли для новыхъ идей и готовы воспринять ихъ.

(Times).

«*Thoughts on Some Social Questions, Past and Present*» *by Louisa Twining* (*Elliot Stock*) *6 s.* (*Мысли о нѣкоторыхъ соціальныхъ вопросахъ*). Въ книгѣ помѣщаются статьи, касающіяся самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ вопросовъ, которые составляютъ въ настоящее время злобу дня въ Англіи и другихъ мѣстахъ.

(Morning Post).

South Africa: Old and New by Thomas Kirkup. (*Macdonald and Martin*) (*Южная Африка: старая и новая*). Очеркъ исторіи буровъ и теперешняго положенія Южной Африки. Цѣль книги: выяснить условія, при которыхъ могло бы состояться соглашеніе между бурами и англичанами.

(Morning Post).

«*The Sand of the Boxers*» *by Captain Gordon Casserly* (*Longmans, Grun and C°*) *10 s.* (*Страна боксёровъ*). Эта книга должна занять видное мѣсто среди обширной литературы о Китаѣ и снова возбудить интересъ къ дѣламъ азіатскаго востока. Очень занимательно описываетъ авторъ жизнь въ разоренномъ Пекинѣ во время и послѣ осады. Къ китайцамъ авторъ относится очень симпатично.

(Times).

«*A Doctor and his Dog in Uganda*» *from the Letters and Journal of A. T. Cook. Medical Missionary. London* (*Religions Tract Society*) (*Докторъ и его собака въ Угандѣ*). Въ этой маленькой книгѣ разсказывается о приключеніяхъ миссіонера-медика въ Угандѣ на основаніи его писемъ и дневника.

(Bookseller).

«*Social Origins*» *by Andrews Lang. London.* (*Longman Green*) *10 s. 6 d.* (*Соціальныя начала*). Антропологическая наука, повидимому, дѣлаетъ большіе успѣхи, судя по количеству вышедшихъ въ послѣднее время книгъ, посвященныхъ изслѣдованію теоретической эволюціи различныхъ человѣческихъ учрежденій. Названная книга также занимается этимъ вопросомъ. Авторъ изучаетъ происхожденіе соціальныхъ учрежденій у самыхъ первобытныхъ народовъ, австралійскихъ дикарей, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, и старается выяснить эволюцію человѣчества въ этомъ отношеніи. Въ дополненіе къ своему изслѣдованію авторъ печатаетъ статью Аткинсона о первоначальномъ законѣ, въ которой го-

ворится объ образованіи соціальныхъ группъ и возникновеніи обычаевъ, сдѣлавшихся закономъ.

(Daily News).

«Die Erde und das Leben» von Friedrich Matzel. Eine vergleichende Erdkunde. Zweiter Band. Leipzig und Wien (Bibliographisches Institut) (Земля и Жизнь). Вышелъ второй объемистый томъ сравнительнаго землевѣдѣнія, въ которомъ авторъ изучаетъ въ первыхъ главахъ дѣйствіе воды и воздуха на земную кору и ея поверхность, а затѣмъ переходитъ къ изслѣдованію водной стихіи и ея разнообразныхъ проявленій на землѣ, вліяніе рѣкъ и морей на развитіе жизни и т. п. Очень интересны главы, въ которыхъ говорится о рѣкахъ, какъ о путяхъ сообщенія и ихъ вліяніи на цивилизацію, о передвиженіяхъ народовъ, о сношеніяхъ и столкновеніяхъ расъ, о націи и національности, о народѣ и государствѣ и т. п.

(Frankfurter Zeitung).

«Lomai of Lenakel: a Hero of the New Hebrides» by Fiank H. L. Paton (Hodder and Stoughton) 6 s. (Герой Ново-Гебридскихъ острововъ). Авторъ этой книги миссіонеръ—поселился на островѣ Танна (Ново-Гебридскій архипелагъ) и постепенно сдѣлался другомъ туземцевъ, принявшихъ его сначала очень недружелюбно. Проведя нѣсколько лѣтъ среди туземцевъ Ново-Гебридскихъ острововъ, авторъ хорошо изучилъ ихъ нравы и описываетъ перемѣны, которыя произошли въ туземной жизни подъ вліяніемъ миссіонерской пропаганды. Авторъ разсказываетъ чрезвычайно интересную исторію одного молодого ново-гебридскаго вождя, который является настоящимъ героемъ.

(Daily News).

«Les devoirs des hommes envers les femmes» Par l'abbé de Gibergues (Ch. Poussielque) 2 fr. 50 (Долгъ мужчинъ по отношенію къ женщинамъ). Въ книгѣ заключается изслѣдованіе съ нравственной точки зрѣнія взаимныхъ отношеній мужчины и женщины въ семьѣ и обществѣ.

(Journal des Débats).

«The New Nation» A sketch of the present Conditions of Life and of the Economic and Political Ootlook in the Australian Commonwealth, by Percy F. Rowland (Imilh, Eldes and C°) 7 s. 6 d. (Новая нація). Эта книга представляетъ попытку общедоступнаго изложенія исторіи австралійской федераціи. Авторъ лично изучилъ колоніальную жизнь въ Австраліи и условія ея развитія и хорошо знакомъ съ исторіей страны, ея обществомъ, политикой, литературой, воспитаніемъ и экономическимъ положеніемъ.

(Bookseller).

«The Development of Modern Philosophy, with other Lectures and Essay» by Robert Adamson. 2 vol. (Blackwood Sons) (Развитіе современной философіи). Лекціи профессора Адамсона, собранныя въ этой книгѣ, представляютъ большой интересъ, не только вслѣдствіе своего содержанія, но и потому, что въ нихъ изображается весьма замѣчательная эволюція мысли. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи лекціи по психологіи, полныя критическихъ и смѣлыхъ замѣчаній о Кантѣ и Гегелѣ.

(Athaeneum).

«The True History of the American Revolution» by Sydney George Fishes (I. B. Lippincott Company) (Истинная исторія американской революціи). Авторъ этой книги съ большимъ стараніемъ изслѣдовалъ историческіе документы, относящіеся къ ссорѣ, возникшей между Англіей и ея американскими колоніями и постарался исторически вѣрно представить зарожденіе великой республики и ея первые шаги.

(Athaeneum).

«Voyages en Maroc, 1899 — 1901» Par le Marquis de Ségonzal. Paris (Armand Colin) (Путешествіе въ Марокко). Книгу эту можно было бы раздѣлить на двѣ части. Въ первой заключается дорожный журналъ, служащій какъ бы дополненіемъ къ фотографіямъ и картамъ, находящимся въ книгѣ, а во второй добавочныя и очень подробныя статьи о разныхъ народностяхъ, населяющихъ Марокко, ихъ обычаяхъ и нравахъ и т. д. Авторъ посѣтилъ такія области, гдѣ по его словамъ, никогда не ступала нога бѣлаго человѣка и такъ какъ онъ переодѣлся туземцемъ для большаго удобства, то, конечно, не разъ подвергался опасности быть узнаннымъ и жизнь его висѣла на волоскѣ. Нѣкоторые эпизоды изъ его путешествія проникнуты драматизмомъ.

(Bookseller).

«The Art of Living» by I. E. Buckrose (Murray) (Искусство жить). Въ книгѣ обсуждаются самыя разнообразныя темы, касающіяся соціальной и домашней жизни, причемъ авторъ вкладываетъ свои разсужденія въ уста молодой замужней женщины, которая такимъ образомъ вводитъ читателя въ жизнь своей семьи, въ свои интересы и т. п. Нѣсколько главъ написано въ формѣ діалоговъ и самая интересная изъ нихъ та, въ которой говорится о нѣкоторыхъ условіяхъ жизни съ точки зрѣнія нравственности. Многіе читатели прочтутъ эту книгу не только съ интересомъ, но и съ пользою.

(Athaeneum).

«The Mystery of Sleep» by Iohn Bigelow. New-York and London (Harpes and Brothers) 1903 (Тайна сна). Авторъ этой книги разсматриваетъ тайну сна съ точки зрѣнія философа-спиритуалиста. Съ этой

же точки зрѣнія онъ разсматриваетъ всѣ аналогичныя явленія, сновидѣнія, галлюцинаціи и т. п. Книга читается съ интересомъ, хотя многіе взгляды автора сами напрашиваются на возраженія.

(Daily News).

«*Art in the Nineteenth Century*» *by Charles Waldstein. Cambridge, (University Press) 1903* (*Искусство въ XIX-мъ вѣкѣ*). Эта небольшая книга заключаетъ въ себѣ лекцію, произнесенную авторомъ въ присутствіи студентовъ Кэмбриджскаго университета, въ августѣ 1902 года. Лекція эта вызвала такой энтузіазмъ среди слушателей, что по ихъ просьбѣ она была напечатана.

(Daily News).

«*Das Recht zu leben und die Phlicht zu sterben*» *von Iosef Popper, Social philosophische Betrachtungen. III Auflage. Dresden und Leipzig. (Verlag von Karl Reissner)* (*Право жить и обязанность умереть*). Авторъ изыскиваетъ средства сдѣлать человѣчество болѣе счастливымъ, уменьшить или даже совсѣмъ уничтожить преступленія, войны и т. д. Онъ говоритъ, что пока огромное большинство обитателей земли ведетъ борьбу съ экономическою нуждой, пока существуютъ преступленія, войны и другія бѣдствія и пока призракъ смерти до такой степени пугаетъ людей, что они должны призывать на помощь всякія метафизическія и религіозныя утѣшенія, до тѣхъ поръ человѣчество не можетъ быть счастливымъ на землѣ. Авторъ предлагаетъ довольно оригинальные способы борьбы со всѣмъ этимъ зломъ. Что же касается страха смерти, то по мнѣнію автора, онъ можетъ быть уничтоженъ лишь посредствомъ постепеннаго развитія у людей сознанія своего «долга умереть», т.-е. спеціальнаго воспитанія.

(Frankfurt. Zeitung).

«*The Last Days of Great Men*» (*Oromwel, Napoleon, Mahomet*) *by W. Quartermaine East. (Sampson Low) 6 s.* (*Послѣдніе дни великихъ людей*). Названіе этой книги можетъ ввести въ заблужденіе. Авторъ вовсе не ограничивается только описаніемъ послѣднихъ минутъ жизни своихъ героевъ; онъ изображаетъ вообще конецъ ихъ карьеры и особенности, характеризующія жизненную карьеру каждаго изъ нихъ.

(Times).

«*Über das Pathologische bei Nietzsche*» *von Paul Möbius (Verlag I. F. Borgmann)* (*О патологическомъ у Ницше*). Эта обширная монографія посвящена очень трудному вопросу,—особенно трудному потому, что при разрѣшеніи каждой научной проблемы непремѣнно приходится принимать во вниманіе массу побочныхъ обстоятельствъ. Авторъ старается въ сочиненіяхъ Ницше отыскать границы между его второю нормальною и болѣзненною мозговою дѣятельностью. Съ этой точки зрѣнія изслѣдованіе автора имѣетъ научно-критическій интересъ, но переходя отъ чисто медицинскаго разбора произведеній писателя, часто высказывающагося подъ вліяніемъ патологическаго возбужденія, къ литературно-критическому анализу, авторъ дѣлаетъ слишкомъ поспѣшные выводы, съ которыми нельзя согласиться.

(Berliner Tageblatt).

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

О природѣ человѣка и о «сущности» жизни.

I.

О „дисгармоніяхъ" человѣческой природы и о борьбѣ съ ними, предлагаемой И. Мечниковымъ.

«Несмотря на значительный прогрессъ, осуществленный наукой, противъ нея часто выражаютъ нѣкоторое неудовольствіе. Наука, говорятъ, дѣйствительно, улучшила въ значительной степени условія человѣческаго существованія, но она проявляетъ полное безсиліе, когда дѣло заходитъ о разрѣшеніи вопросовъ нравственныхъ и философскихъ, которые въ высокой степени интересуетъ культурныхъ людей; въ этомъ отношеніи наука не сдѣлала ничего, но разрушила религіозныя основы. Она вырвала у человѣчества утѣшеніе, которое ему доставляла религія и не поставила на ея мѣсто ничего болѣе цѣннаго и болѣе устойчиваго». Такими словами начинаетъ знаменитый біологъ *И. Мечниковъ* свою интересную книгу—«Etudes sur la nature humaine» *).

«Дѣйствительно, — продолжаетъ онъ,—человѣчество переживаетъ какое-то общее недомоганіе. Несмотря на то, что для отправленія большей части своихъ функцій человѣкъ поставленъ въ условія гораздо болѣе благопріятныя, чѣмъ прежде, онъ все же находится въ затрудненіи, когда ему нужно выяснить себѣ основу своего нравственнаго поведенія и своего отношенія къ различнымъ категоріямъ индивидуумовъ—къ семьѣ, къ народу, къ человѣчеству. Это недомоганіе выражается недовольствомъ существующими условіями жизни и ведетъ къ пессимизму и мистицизму. Извѣстно, что большинство философскихъ системъ XIX-го вѣка имѣютъ очень меланхолическую окраску и приводятъ въ концѣ не только къ отрицанію счастья, но даже и къ подавленію существованія. Мы знаемъ, что число самоубійствъ возросло въ очень сильной степени во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Чтобы исцѣлить человѣчество отъ этого тяжелаго недуга пытались воскресить религіозную вѣру и мистицизмъ. Мы видимъ, что всюду появляются попытки основать новыя религіи или улучшить старыя».

Мечниковъ полагаетъ, что эти попытки будутъ безуспѣшны и что только одна наука можетъ дать тѣ устои, на которыхъ человѣчество должно

*) „Etudes sur la nature humaine. Essai de philosophie optimiste" par Elie Metchnikoff, professeur á l'Institut Pasteur. Paris. Masson et C-ie. 1903.

строить какъ свое міровоззрѣніе, такъ и свою нравственность. Та основа, которой руководились въ своей жизни древніе греки и которую Сенека выразилъ въ извѣстномъ положеніи: «возьмите себѣ въ проводники природу, пусть разумъ наблюдаетъ ее и съ ней совѣтуется; тогда ваша жизнь будетъ счастлива и согласна природѣ», эта основа, по мнѣнію Мечникова, также недостаточна для осуществленія человѣкомъ возможнаго счастья; и вотъ почему: руководиться природой при построеніи своей жизни человѣкъ можетъ только въ томъ случаѣ, если бы эта природа, какъ міровая, такъ и человѣческая, была бы гармонична во всѣхъ своихъ частяхъ,—между тѣмъ, рядомъ съ проявленіемъ въ природѣ гармоніи и цѣлесообразности мы видимъ также и случаи рѣзкой дисгармоніи и избытокъ различныхъ ненужностей въ видѣ рудиментарныхъ органовъ, произведенія громадныхъ массъ элементовъ размноженія, изъ которыхъ только ничтожная часть послужитъ для созданія новаго организма, дисгармоніи, въ видѣ далеко не рѣдкаго въ природѣ извращенія инстинктовъ: полового, материнскаго и даже инстинкта самосохраненія.

Мечниковъ не признаетъ закона всеобщаго прогресса, въ доказательство чего приводитъ, напримѣръ, слѣдующіе факты. Въ третичный періодъ въ Европѣ существовало большое количество видовъ различныхъ обезьянъ, даже антропоидныхъ; мы знаемъ, что эти животныя, несмотря на свою организацію гораздо болѣе сложную, чѣмъ организація скорпіоновъ и таракановъ, все же исчезли съ нашего материка, а скорпіоны и тараканы, на наше несчастье, остались; то же можно сказать про мамонтовъ и мастодонтовъ. Человѣкъ—одинъ изъ послѣднихъ видовъ, появившихся на землѣ, и, въ то же время, онъ безспорно наиболѣе прогрессивный организмъ, но имѣются виды еще болѣе молодые: напримѣръ, весьма вѣроятно, что нѣкоторые виды вшей появились послѣ человѣка. Между настоящими паразитами, которые живутъ только въ человѣческомъ тѣлѣ, нѣкоторые пріобрѣли свои специфическія свойства только послѣ появленія человѣка; таковы нѣкоторые виды глистовъ и различные микробы, напримѣръ, гонококъ трипера. Такимъ образомъ, паразиты, а не человѣкъ, являются послѣднимъ словомъ созданія. «Въ природѣ не существуетъ слѣпого стремленія къ прогрессу, громадное количество организмовъ рождается ежедневно съ неодинаковыми свойствами. Тѣ изъ нихъ, которые хорошо приспособляются къ внѣшнимъ условіямъ, выживаютъ и производятъ потомство, подобное родителямъ, но большое число организмовъ не достигаетъ этого и, неспособное къ продолжительной жизни, умираетъ, не оставивъ потомковъ» (стр. 22).

Такимъ образомъ задолго до появленія человѣка, на землѣ жили существа счастливыя, хорошо приспособленныя къ условіямъ существованія и существа несчастныя, которыя слѣдуя своимъ дисгармоническимъ инстинктамъ калѣчили или даже совсѣмъ теряли свою жизнь. Если бы эти существа могли бы разсуждать и разсказать намъ о своихъ ощущеніяхъ, то организмы хорошо приспособленные оказались бы оптимистами и объявили бы, что міръ построенъ наилучшимъ образомъ и что нужно только повиноваться естественнымъ, природнымъ инстинктамъ, чтобы достигнуть наиболѣе полнаго удовлетворенія и счастья;

наоборотъ—существа съ инстинктами дисгармоническими, плохо приспособленныя къ условіямъ жизни, проявили бы настроеніе рѣзко пессимистическое, такими оказались бы, напримѣръ, насѣкомыя, которыхъ инстинктъ гонитъ на огонь, гдѣ они обжигаютъ себѣ крылья и гибнутъ.

Такого рода вредные для организма инстинкты, а также и рудиментарные органы, не приносящіе данному виду никакой пользы, а чаще вредъ, являются печальнымъ наслѣдіемъ даннаго вида отъ его далекихъ предковъ, у которыхъ эти инстинкты и эти органы играли, въ большинствѣ случаевъ, благотворную роль.

У человѣка имѣются органы, какъ вполнѣ рудиментарные, такъ и близкіе къ этому состоянію, но отправляющіе еще, хотя и неполнымъ образомъ, свои физіологическія функціи, и наконецъ, органы, показывающіе значительный прогрессъ сравнительно съ соотвѣтственными органами антропоморфныхъ обезьянъ. Такихъ эволюціонировавшихъ органовъ Видерсгеймъ насчитываетъ у человѣка 15; это: нижняя конечность, хорошо приспособленная къ вертикальному положенію тѣла и продолжительной ходьбѣ, тазъ и крестецъ, развившіеся въ ширину, ходъ въ малый тазъ у женщины, претерпѣвшій значительное расширеніе, изгибъ поясничной части позвоночника, развившіеся мускулы ягодицы и икряные, нѣкоторые проводящіе пути спиннаго и головного мозга (полушарій и затылочныхъ долей), появившіеся впервые, корковый слой головного мозга и мускулы лица, носа и гортани, претерпѣвшіе значительную дифференціацію. Органовъ вырождающихся, но все же способныхъ еще къ физіологическимъ отправленіямъ, Видерсгеймъ насчитываетъ 17; изъ нихъ укажемъ на мускулы голени и ступни, обнаруживающіе упрощеніе, на 11-ю и 12-ю пару реберъ, на большіе пальцы ноги, на слѣпую кишку и т. д. Рудиментарныхъ же органовъ въ человѣческомъ организмѣ находится, по крайней мѣрѣ, 107; они не отправляютъ уже никакихъ физіологическихъ функцій; это: копчикъ, 13-я пара реберъ у взрослаго человѣка, ушные мускулы, червеобразный отростокъ слѣпой кишки и т. д.

Существованіе этихъ рудиментарныхъ органовъ является одной изъ «дисгармоній человѣческой природы», обусловливающихъ, по мнѣнію Мечникова, несчастія человѣка и влекущихъ его къ пессимизму и къ мистицизму.

Разсмотримъ же подробнѣе эти «дисгармоніи». Мечниковъ раздѣляетъ ихъ на слѣдующія главныя группы: дисгармоніи, коренящіяся въ строеніи нашего пищеварительнаго аппарата; дисгармоніи, зависящія отъ строенія и отправленій полового аппарата; дисгармоніи инстинктовъ семейнаго и соціальнаго; дисгармоніи инстинкта самосохраненія.

Дисгармоніи пищеварительнаго канала начинаются уже съ нашей зубной системы; здѣсь нужно указать на безполезность четырехъ зубовъ мудрости, жевательная способность которыхъ очень слаба; даже потеря всѣхъ четырехъ этихъ зубовъ не обнаруживаетъ никакого вліянія на жевательный процессъ и, какъ показали изслѣдованія Шмидта, у 10% европейцевъ они отсутствуютъ; прорѣзаются зубы мудрости у людей въ большинствѣ случаевъ послѣ 30-ти лѣтъ, а иногда даже на 60-мъ или 70-мъ году. Между тѣмъ, несмотря на свою ненужность, эти зубы чаще, чѣмъ всѣ остальные подвергаются порчѣ, которая

влечетъ за собою очень серьзныя послѣдствія (флегмоны, гніеніе челюстей и даже смертельное гнилостное зараженіе крови). Извѣстно нѣсколько случаевъ менингита, опасныхъ опухолей и даже рака, явившихся вслѣдствіе порчи зубовъ мудрости.

Слѣдующій рудиментарный органъ человѣческаго организма заслуживаетъ еще большаго вниманія. Это—такъ называемый червеобразный отростокъ слѣпой кишки, тоже, какъ и зубы мудрости, генеалогическій документъ нашего родства съ антропоморфными обезьянами. Стѣнки этого органа состоятъ изъ железъ, мускульнаго слоя и лимфатическихъ узловъ, но, несмотря на такое сложное строеніе не играютъ никакой полезной роли для человѣка; это доказано многими хирургическими случаями, когда отростокъ слѣпой кишки вырѣзался и оперированные люди не испытывали никакого ухудшенія въ процессѣ ихъ пищеваренія. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ лицъ замѣчается и природное вырожденіе слѣпой кишки, когда просвѣтъ ея почти исчезаетъ и она какъ бы отдѣляется отъ остальныхъ кишекъ. Физіологическая слабость червеобразнаго отростка является главной причиной частаго его заболѣванія; такъ, напримѣръ, въ одномъ парижскомъ госпиталѣ за 5 лѣтъ наблюдалось 433 случая апендицита; болѣзнь эта обусловлена тѣмъ, что отростокъ слѣпой кишки обладаетъ, какъ вырождающая часть кишечника, весьма слабой сократительной способностью, благодаря чему постороннія тѣла, попавшія въ него, остаются тамъ, повреждаютъ стѣнку органа и даютъ возможность проникнуть въ ткань многочисленнымъ микробамъ, наполняющимъ нашъ кишечникъ; иногда въ эти поврежденныя мѣста проникаютъ и паразитные черви, живущіе въ нашемъ пищеварительномъ органѣ и тоже вызываютъ серьезныя заболѣванія.

Сама слѣпая кишка находится у человѣка также въ періодѣ вырожденія. Она крайне незначительно развита сравнительно съ слѣпой кишкой травоядныхъ; даже у человѣческаго зародыша эта часть кишечника развита относительно больше, чѣмъ у взрослаго человѣка.

Но не только эти рудиментарные органы пищеварительнаго аппарата говорятъ о дисгармоніи внутренней организаціи человѣка. Даже нѣкоторыя части нашего пищевого канала, достигнувшіе полнаго своего развитія, должны, по мнѣнію Мечникова, разсматриваться какъ безполезное наслѣдство, доставшееся намъ отъ нашихъ животныхъ предковъ. Всѣ толстыя кишки можно считать органомъ излишнимъ для нашего организма; значеніе ихъ въ процессѣ пищеваренія человѣка ничтожно: даже какъ органъ предназначенный для поглощенія продуктовъ пищеваренія, толстыя кишки имѣютъ второстепенное значеніе. Поэтому неудивительно, что почти полное удаленіе или отсутствіе толстыхъ кишекъ переносится весьма легко человѣкомъ. Въ хирургіи извѣстно много случаевъ, когда у больныхъ вырѣзалась большая часть толстыхъ кишекъ и оперированные не только выздоравливали, но пищевареніе ихъ даже улучшалось послѣ этой операціи; извѣстенъ даже одинъ случай, когда операція обнаружила полную атрофію толстыхъ кишекъ у одной женщины, которая, несмотря на это, жила около 40 лѣтъ.

Какъ извѣстно, толстыя кишки сильно развиты у травоядныхъ и прино-

снятъ имъ несомнѣнную пользу въ процессѣ пищеваренія, такъ какъ громадное количество клѣтчатки, поглощаемое этими животными въ видѣ растительной пищи, не могло бы быть переварено безъ помощи безчисленнаго количества микробовъ, населяющихъ столь объемистыя толстыя кишки. Съ другой стороны, сравнительная анатомія показываетъ намъ, что этотъ пищеварительный органъ хорошо развитъ только у млекопитающихъ. Это объясняется Мечниковымъ слѣдующимъ образомъ. Большинство млекопитающихъ—животныя наземныя и проворныя; частью для того, чтобы достигнуть добычу, частью для того, чтобы избѣжать преслѣдованія, они должны бѣгать очень быстро; поэтому вмѣстительный кишечникъ является для нихъ очень полезнымъ, такъ какъ позволяетъ долго не опоражнивать пищеварительваго аппарата и потому долго не прерывать бѣга. Ни у птицъ, ни у пресмыкающихся, ни у амфибій толстыхъ кишекъ не имѣется. Такимъ образомъ, мы получили въ наслѣдство отъ травоядныхъ совершенно ненужный намъ органъ; не только ненужный, но опасный для нашего здоровья и для жизни. Толстыя кишки служатъ вмѣстилищемъ для отбросовъ нашей пищи, которые тамъ застаиваются и загниваютъ; продукты этого гніенія часто весьма вредны для нашего здоровья, они поглощаются нашимъ организмомъ и вызываютъ иногда очень сильныя отравленія. Извѣстно, что запоръ у родильницъ и у лицъ, только что оперированныхъ, вызываетъ повышеніе температуры и другіе лихорадочные симптомы; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ послѣдствіями поглощенія вредныхъ продуктовъ, выработанныхъ микробами толстыхъ кишекъ; эти же яды вызываютъ иногда различныя болѣзни кожи. Вообще, этотъ органъ является очагомъ многихъ очень тяжкихъ болѣзней, изъ которыхъ главное мѣсто занимаетъ дезинтерія; въ Тонкинѣ 30% смертей отъ внутреннихъ болѣзней приходится на дезинтерію. Тѣ же толстыя кишки являются и избраннымъ мѣстомъ для злокачественныхъ опухолей. Такъ, на 1.148 случаевъ рака въ кишкахъ, наблюденныхъ въ 1895 и 1896 годахъ въ госпиталяхъ Пруссіи, 1.022 случая, т.-е. 89% были обнаружены въ толстыхъ кишкахъ. Вѣроятно, это обусловливается еще и тѣмъ, что продукты пищеваренія задерживаются въ толстыхъ кишкахъ гораздо дольше, чѣмъ въ тонкихъ.

Этой же причиной, должно быть, объясняется и тотъ фактъ, что изъ всего числа раковыхъ заболѣваній пищеварительныхъ органовъ, констатированныхъ въ госпиталяхъ Пруссіи, 40% приходится на желудокъ. Желудокъ далеко не такъ безполезенъ для человѣческаго организма, какъ толстыя кишки, такъ какъ онъ служитъ, главнымъ образомъ, для перевариванія бѣлковыхъ веществъ, но все же и онъ легко можетъ быть замѣненъ тонкими кишками. Извѣстны многіе случаи, когда желудокъ, пораженный ракомъ, удалялся хирургами цѣликомъ и результатъ былъ вполнѣ благопріятенъ въ томъ смыслѣ, что оперированные выживали и могли питаться удовлетворительнымъ образомъ: имъ приходилось только ѣсть гораздо чаще и переваривать пищу только при посредствѣ тонкихъ кишекъ и панкреатической железы.

Понятно, что животнымъ—нашимъ предкамъ,—питавшимся сырой и грубой пищей, нужны были болѣе объемистые и сложные органы пищеваренія;

человѣкъ, научившійся приготовлять гораздо болѣе удобоваримую пищу, не нуждается въ большей части этихъ органовъ. Нѣкоторые животные виды, напримѣръ, паразитные черви—солитеры потеряли въ своей регресивной эволюціи пищеварительные органы. Человѣкъ не претерпѣлъ этой эволюціи и поэтому онъ не можетъ внести въ свое питаніе возможныя для него усовершенствованіи; такъ, наша пища не можетъ состоять только изъ веществъ легко перевариваемыхъ и не дающихъ отбросовъ, потому что въ этомъ случаѣ толстыя кишки опоражнивались бы съ большимъ трудомъ и причиняли бы организму большія хлопоты; поэтому въ нашу пищу мы поневолѣ должны вводить растительныя вещества, которые даютъ значительное количество отбросовъ.

Животныя руководятся въ выборѣ своей пищи инстинктомъ; въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ ихъ не обманываетъ; даже у высшихъ животныхъ инстинктъ играетъ главную роль при выборѣ пищи. Извѣстно, какъ трудно отравить мышей, собакъ и волковъ; обезьяны производятъ самый детальный осмотръ предлагаемой имъ пищи, но не смотря на это они часто отравляются всевозможнаго рода ядовитыми веществами. У человѣка такія уклоненія инстинкта при выборѣ пищи въ особенности часты: дѣти поднимаютъ и тянутъ въ ротъ всевозможные предметы, которые только попадаются имъ подъ руку, да и позже они часто объѣдаются сырыми и ядовитыми ягодами и фруктами; но и взрослые люди зачастую отравляются рожью съ спорыньей, испорченнымъ маисомъ и нѣкоторыми бобовыми растеніями. Этимъ же уклоненіемъ, слѣпотою инстинкта, объясняетъ Мечниковъ, отравленіе людей алкоголемъ, эфиромъ, морфіемъ и т. п. «Громадная и печальная роль алкоголизма является, по мнѣнію знаменитаго ученаго, наиболѣе демонстративнымъ и постояннымъ примѣромъ той дисгармоніи, которая существуетъ между инстинктомъ выбора пищи и инстинктомъ сохраненія жизни».

Но не одни органы пищеваренія человѣка указываютъ на существованіе дисгармоніи въ его организмѣ. Уже давно Гельмгольцъ говорилъ по поводу нашего глаза, что природа при устройствѣ этого органа какъ будто нарочно собрала все, чтобы разрушить идею о гармоніи, существующей между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ. Мечниковъ утверждаетъ, что такую же дисгармонію обнаруживаютъ и всѣ остальные органы нашихъ внѣшнихъ воспріятій, а также и органы воспроизведенія. Послѣдніе имѣютъ самое различное происхожденіе: рядомъ съ частями очень древними имѣются относительно недавнія пріобрѣтенія. Внутренніе половые органы указываютъ на гермафродитный источникъ происхожденія: у мужчины мы встрѣчаемъ слѣды женскихъ половыхъ органовъ—матки и фаллопіевыхъ трубъ, у женщинъ—слѣды мужскихъ половыхъ органовъ. Эти рудиментарные органы (органы Вебера, Розенмюллера и т. д.) совершенно безполезны и, разростаясь, образуютъ либо уродливости, либо опухоли, всегда болѣе или менѣе опасныя; таковы, напримѣръ, уродливыя разростанія органа Вебера у мужчинъ, благодаря которому образуется анормальная матка, нѣкоторыя кисты, развивающіяся на рудиментарныхъ органахъ мочеполового аппарата мужчины,—нѣкоторыя кисты у женщинъ, происходящія тоже благодаря патологическому разростанію рудиментарныхъ остат-

ковъ, не свойственныхъ женщинѣ частей половыхъ органовъ; иногда эти кисты являются причиной весьма тяжелыхъ заболѣваній. Такъ какъ рудиментарные половые органы встрѣчаются у всѣхъ позвоночныхъ, то это указываетъ, что гермафродитизмъ существовалъ у этихъ животныхъ въ очень далекія отъ насъ времена.

Рядомъ съ этими рудиментарными органами въ нашемъ половомъ аппаратѣ существуетъ органъ, такъ сказать, весьма недавняго пріобрѣтенія — это дѣвственная плева, присущая только одному человѣку, она отсутствуетъ даже у антропоморфныхъ обезьянъ и является, по словамъ Мечникова, наиболѣе рѣзкимъ анатомическимъ отличіемъ между ними и человѣкомъ. Казалось бы, что столь недавнее появленіе новаго органа должно было бы обусловливаться его опредѣленной полезностью для организма, между тѣмъ ясно, что онъ совершенно не нуженъ человѣку, настолько не нуженъ, что у многихъ народовъ (нѣкоторыя народности Китая, Бразиліи, Камчатки, Филиппинскихъ острововъ и мног. др.) издревле установился обычай искусственно различнымъ образомъ отдѣлываться отъ него. Дѣвственная плева не только органъ ненужный, но она является даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиной опасныхъ заболѣваній; разрывъ ея вызываетъ иногда разрывъ промежности, а также сильныя и даже смертельныя кровотеченія, кромѣ того она задерживаетъ кровь во время менструацій и потому способствуетъ развитію микробовъ. Многіе случаи анеміи у дѣвушекъ обязаны дѣятельности микробовъ, развившихся на этой почвѣ. Но въ силу чего же появился этотъ органъ, совершенно ненужный и даже опасный для здоровья? Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ еще въ области гипотезъ. Мечниковъ предполагаетъ, что на зарѣ жизни человѣчества люди начинали совершать половой актъ очень рано, когда половые органы ихъ далеко не достигали своего полнаго развитія, при этихъ условіяхъ дѣвственная плева не являлась препятствіемъ для coitus'a и неразрывалась во время его, а въ то же время вызывала болѣе сильное половое ощущеніе. Дѣйствительно, и въ настоящее время у многихъ некультурныхъ народовъ браки заключаются необычайно рано, задолго до наступленія половой зрѣлости. Такъ напр., на Цейлонѣ браки заключаются, когда мальчикамъ наступаетъ 7—10 лѣтъ, а дѣвочкамъ не болѣе 8.

Также дисгармоніей въ сферѣ половыхъ отправленій Мечниковъ считаетъ и менструаціи, во время которыхъ женщина теряетъ отъ 100 до 600 граммовъ крови и которыя также присущи только человѣческому роду; менструаціи имѣютъ только слабую аналогію съ течкой животныхъ и съ слизистыми истеченіями, весьма бѣдными кровью, обезьянъ. Менструаціи нельзя считать признакомъ способности къ дѣторожденію; такъ, почти у всѣхъ некультурныхъ народовъ бракъ совершается до наступленія менструацій и, вѣроятно, наши доисторическіе предки незнали этой «дисгармоніи»: за беременностью слѣдовалъ періодъ кормленія, затѣмъ опять беременность и такъ до тѣхъ поръ, пока не наступала половая старость. Эта непрерывающаяся половая способность и необыкновенная плодовитость людей, вѣроятно, и была причиной, по мнѣнію Мечникова, столь широкаго распространенія человѣческаго рода. Когда же человѣкъ вышелъ изъ пер-

вобытнаго состоянія и принужденъ былъ ограничить свою плодовитость и замедлить время вступленія въ бракъ, тогда-то и начало прогрессировать развитіе менструацій и достигло современнаго состоянія съ громадными потерями крови, съ сильными нервными и общими физіологическими потрясеніями. Ту же дисгармонію видитъ Мечниковъ и между инстинктомъ размноженія и тѣми болѣзненными явленіями, которыми сопровождаются роды у женщины.

Вообще исходя изъ идеи цѣлесообразности слѣдовало бы ожидать, что всѣ части процесса полового размноженія должны были бы протекать гармонично, идти такъ сказать рука-объ-руку, на самомъ же дѣлѣ этого далеко не наблюдается. Половая зрѣлость вовсе не совпадаетъ съ общей зрѣлостью человѣческаго индивидуума. Прежде всего развивается половое чувство. И изъ жизни, и изъ литературы мы знаемъ, какъ рано оно проявляется. Данте былъ влюбленъ 9, Канова 5, Байронъ 7 лѣтъ. Половая возбудимость проявляется еще раньше, когда не можетъ быть и вопроса о зрѣлости воспроизводительныхъ элементовъ; извѣстные клиницисты обнаруживали ее у дѣтей моложе пяти лѣтъ. Вотъ гдѣ основная причина онанизма, котóрый обыкновенно опредѣляютъ, какъ «удовлетвореніе половой потребности при помощи средствъ, противныхъ природѣ». «Но это сама природа,—говоритъ знаменитый біологъ,—сдѣлала то, что половая чувствительность развилась преждевременно, задолго до зрѣлости производительныхъ элементовъ» и Мечниковъ соглашается съ Летурно, что половыя уклоненія анормальны, но ихъ нельзя считать противными природѣ, такъ они встрѣчаются и у животныхъ. И дѣйствительно, мы видимъ широкое распространеніе онанизма у многихъ животныхъ, а у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ (готтентоты) этотъ «порокъ» настолько вошелъ въ нравы, что ему предаются открыто, не стѣсняясь. А между тѣмъ онанизмъ безспорно приноситъ большой вредъ и здоровью, и способностямъ человѣка и часто, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, угрожаетъ даже жизни.

Половая чувствительность развивается раньше (у мужчинъ, по крайней мѣрѣ) зрѣлости половыхъ элементовъ (сперматозоидовъ); но вѣдь и половая зрѣлость не есть зрѣлость мужчины (особенно въ культурныхъ странахъ); она наступаетъ еще позже; но для вступленія въ бракъ и этого мало, нужна зрѣлость психическая, нужно получить образованіе, «сдѣлать карьеру» и пр. и мы видимъ, что европейцы мужчины женятся обыкновенне въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ, тогда какъ половая ихъ зрѣлость наступаетъ между 12 и 14 годами.

При угасаніи воспроизводительной способности возникаютъ подобныя же дисгармоническія явленія: организмъ старца вырабатываетъ еще сперматозоидовъ, половое чувство еще сильно, но возможность удовлетворить это чувство нормальнымъ путемъ исчезло.

Эта дисгармонія, говоритъ авторъ, является источникомъ столькихъ золъ, начиная съ наиболѣе нѣжнаго возраста вплоть до старости, что почти всѣ религіи относятся къ половому акту болѣе или менѣе сурово, и не удивительно, что онѣ объявили природу человѣка извращенной.

Разъ половой инстинктъ, столь глубоко внѣдренный въ организованный

міръ, все же представляетъ въ человѣческой природѣ столько уклоненій, то, конечно, заранѣе можно ожидать, что семейный инстинктъ, гораздо болѣе молодой, проявитъ у человѣка еще болѣе рѣзкую дисгармонію. И Мечниковъ даетъ намъ довольно полную картину этихъ уклоненій. У большинства первобытныхъ и некультурныхъ народовъ выкидыши производятся совершенно открыто и не считаются предосудительными; семьи многихъ племенъ не имѣютъ больше двухъ, трехъ дѣтей; даже и нѣкоторые болѣе культурные народы считаютъ выкидыши дозволенными въ извѣстныхъ предѣлахъ; такъ, турки, исходя изъ того предположенія, что зародышъ до 5 мѣсяцевъ не владѣетъ еще дѣйствительной жизнью, производятъ выкидыши съ совершенно легкимъ сердцемъ: въ Константинополѣ въ теченіе 6 мѣсяцевъ въ 1872 г. было констатировано болѣе 3.000 искусственныхъ выкидышей. Древніе греки также не считали выкидышъ предосудительнымъ и ихъ философы—Платонъ и Аристотель придерживались того же мнѣнія. Впрочемъ, нѣкоторые народы (какъ, напр., персы, мидяне, евреи) съ самыхъ древнихъ временъ относились очень сурово къ искусственнымъ выкидышамъ. У культурныхъ европейскихъ народовъ выкидыши считаются уголовнымъ преступленіемъ, но всѣ хорошо знаютъ, что они производятся тайно и если число ихъ уменьшилось, то только благодаря тому, что люди стали предусмотрительнѣе и образованнѣе и создали цѣлую «науку презервативахъ», благодаря которой могутъ не допускать и самаго зачатія; мы видимъ, что во всѣхъ культурныхъ странахъ этими «неуголовными» средствами регулируется дѣторожденіе и утверждается система de deux enfants; во Франціи благодаря этой системѣ число рожденій не превышаетъ числа смертей и народонаселеніе ея не возрастаетъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ статистиковъ даже уменьшается.

Еще болѣе рѣзко нарушается семейный инстинктъ дѣтоубійствомъ; въ современныхъ культурныхъ странахъ дѣтоубійство считается преступленіемъ и конечно далеко не имѣетъ столь широкаго распространенія, какое имѣло у древнихъ грековъ, римлянъ и германцевъ. Арабы до Магомета большое число новорожденныхъ дѣвочекъ закапывали живыми въ землю, то же практикуется еще и нынѣ въ Индіи, а въ нѣкоторыхъ областяхъ Китая (Хакъ-Ло) туземцы убиваютъ около $^2/_3$ новорожденныхъ дѣвочекъ; многіе первобытные народы придерживаются подобной же практики.

Такимъ образомъ мы видимъ, что семейный инстинктъ, хотя и глубоко присущій природѣ человѣка и достаточный для сохраненія человѣческой расы, все же часто претерпѣваетъ такія рѣзкія извращенія, которыя могутъ привести и, вѣроятно, приводили уже къ исчезновенію цѣлыхъ народностей.

Безъ сомнѣнія, говоритъ Мечниковъ, человѣкъ животное соціальное, но соціальный инстинктъ такъ еще молодъ (даже у самыхъ высшихъ млекопитающихъ—у антропоморфныхъ обезьянъ обнаруживаются только зачатки этого инстинкта), что уклоненія отъ него еще болѣе значительны, чѣмъ для инстинктовъ полового и семейнаго, и Мечниковъ не думаетъ, подобно Бюхнеру и Геккелю, что можно было бы строить и происхожденіе и развитіе морали на одномъ этомъ инстинктѣ. Недостаточно сказать, что соціальный инстинктъ свойствененъ всякому человѣку,—вѣдь воры и разбойники тоже имѣютъ его,

но ихъ соціальныя чувства распространяются только на подобныхъ себѣ,— нужно установить, на кого должны быть направлены наши соціальныя чувства: на семью, на единоплеменниковъ, на единовѣрцевъ? Самъ по себѣ соціальный инстинктъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ и въ разныя эпохи, при различныхъ условіяхъ люди различно на него отвѣчали: каждый понимаетъ ближняго по своему.

Часто думаютъ, что соціальный инстинктъ, чувства симпатіи будутъ охватывать все болѣе и болѣе широкіе круги и наконецъ эти чувства сдѣлаются столь общими, что всѣ люди станутъ братьями. Но негрскій и китайскій вопросъ въ Америкѣ, колоніальныя звѣрства европейцевъ, китайская экспедиція, та полная потеря соціальнаго инстинкта, которая наблюдается у большинства людей во время какихъ нибудь катастрофъ, когда власти бездѣйствуютъ и законъ молчитъ, показываютъ какъ далеки мы отъ этого времени и какъ слабо развитъ въ насъ этотъ инстинктъ.

По мнѣнію Мечникова, вопросъ гораздо сложнѣе. Чувство симпатіи, идущее слишкомъ далеко, можетъ оказаться вреднымъ. Чувствомъ симпатіи руководились многія кровавыя войны, не приведшія къ тому же ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ; такъ же гибельна можетъ быть симпатія, проявляемая по отношенію къ злымъ и опаснымъ людямъ. Часто, даже въ интересахъ счастья той группы лицъ, которая стремится къ одной съ вами цѣли, полезно ограничить соціальный инстинктъ. Но что такое счастье? Есть ли это чувство благополучія, испытываемое самимъ индивидуумомъ или это мнѣніе другихъ людей о цѣнности подобнаго чувства? Какъ противоположны эти точки зрѣнія и какъ трудно часто сказать, счастливъ ли данный человѣкъ или нѣтъ! Также безсиленъ соціальный инстинктъ разрѣшить проблему справедливости, подчиненную въ свою очередь проблемѣ о цѣли существованія человѣческаго рода. Одно несомнѣнно, что въ настоящее время неизбѣжно совершать, а особенно быть объектомъ различнаго рода несправедливостей.

Для того, чтобы найти основной принципъ для руководства въ проявленіи соціальнаго инстинкта необходимо, по мнѣнію Мечникова, прежде всего опредѣлить что такое индивидуальное счастье и истинная справедливость,— тогда только можно было бы сказать, что̀ нужно дѣлать, чтобы существованіе людей сдѣлалось возможно болѣе счастливымъ...

Казалось бы, инстинктъ сохраненія жизни долженъ представлять въ высокой степени гармоническое развитіе; и дѣйствительно мы видимъ, что онъ рѣзко проявляется на всѣхъ степеняхъ организованнаго міра и въ эволюціи получилъ яркое выраженіе въ различнѣйшихъ формахъ приспособленій, при помощи которыхъ организмы охраняютъ себя отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ воздѣйствій. Всѣ эти приспособленія пріобрѣтены ими, такъ сказать, безсознательно: ни одно изъ животныхъ не имѣетъ представленія о смерти, большинство изъ нихъ остается совершенно индифферентными рядомъ съ трупомъ своихъ сородичей, и даже часто пожираютъ ихъ съ рискомъ погибнуть отъ той же заразной болѣзни. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ позвоночныхъ наблюдается какъ бы слабый намекъ на представленіе о смерти. Такъ, напримѣръ, лошади,

проходя мимо трупа своего сородича обнаруживаютъ явное безпокойство и пытаются бѣжать; также быки на бойнѣ—свидѣтели смерти подобныхъ,—проявляютъ чувства паническаго ужаса. Но несомнѣнно, что ни у одного изъ самыхъ высшихъ животныхъ не имѣется никакого представленія о неизбѣжности смерти, какъ своей, такъ и всего живого. Это сознаніе является пріобрѣтеніемъ человѣческаго рода.

У человѣка инстинктъ самосохраненія развитъ самымъ несомнѣннымъ образомъ; хотя онъ слабо проявляется въ началѣ жизни человѣка, но уже замѣтенъ у очень маленькихъ дѣтей: при видѣ человѣческаго трупа они испытываютъ ощущеніе паники, совершенное аналогичное тому, которое вызываетъ въ нихъ видъ змѣи или другого отвратительнаго животнаго. У юношей этотъ инстинктъ самосохраненія, вообще неразрывно связанный съ инстинктомъ смерти, развитъ еще не слишкомъ сильно. Молодые люди, когда они здоровы, совершенно не чувствуютъ страха смерти, но зато во время болѣзни, или при какихъ-либо необыкновенныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ на войнѣ, это чувство проявляется у нихъ необыкновенно сильно. Слабымъ развитіемъ инстинкта самосохраненія Мечниковъ объясняетъ и то, что молодые люди такъ часто рискуютъ своей жизнью изъ-за незначительныхъ причинъ и совершаютъ различнаго рода безразсудства, опасныя не только для ихъ здоровья, но и для жизни. Иногда, говоритъ онъ, ихъ влечетъ къ этому какой-нибудь идеальный мотивъ, но чаще они расточаютъ свои силы для удовлетворенія инстинктовъ довольно низкаго порядка. Съ другой стороны, удовольствія и радости, которыя они испытываютъ, возбуждаютъ въ нихъ менѣе сильныя реакціи, чѣмъ страданія, обусловленныя часто совершенными пустяками; въ силу этого молодежь такъ легко переходитъ отъ эпикуреизма къ пессимизму. Интересно, что творцы наиболѣе выдающихся пессимистическихъ произведеній были относительно молодые люди: Шопенгауэръ опубликовалъ свою теорію пессимизма 31 года, Гартманъ—26; наоборотъ, оптимистическія воззрѣнія развивались или людьми уже пожилыми, или лицами, которыя, въ силу особенныхъ обстоятельствъ, могли оцѣнить счастье существованія: такъ Леббокъ опубликовалъ свою книгу «Счастье жизни» 53-хъ лѣтъ, а Дюрингъ свою «Цѣнность жизни» писалъ слѣпымъ.

Уже давно было отмѣчено, что старики цѣнятъ жизнь гораздо болѣе, чѣмъ молодые; еще Жанъ-Жакъ Руссо говорилъ: «Мы начинаемъ заботиться о своей жизни по мѣрѣ того, какъ она теряетъ свою цѣнность». Но конечно не нужно стать старикомъ, чтобы чувствовать, что смерть есть большое зло. Мечниковъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, когда люди, утверждавшіе противное, оказывались просто больными, которыхъ измучили страданія.

Инстинктъ жизни и страхъ смерти, который есть только проявленіе перваго инстинкта, имѣютъ необыкновенную важность въ изученіи природы человѣка. Отсюда вышли, по мнѣнію Мечникова, всѣ религіи и, можетъ быть, всѣ философскія системы. Мечниковъ приводитъ знаменитый разсказъ о первомъ выѣздѣ Сакья-Муни изъ дома своего отца и разсужденія, высказанныя этимъ творцомъ буддійской религіи по поводу смерти, и указываетъ, что эти

чувства и мысли создали, какъ буддизмъ, такъ и пессимизмъ. Авторъ сообщаетъ много примѣровъ изъ жизни выдающихся людей—философовъ, писателей; примѣры эти показываютъ, какое громадное вліяніе на міровоззрѣніе и на всю жизнь людей накладывалъ страхъ смерти. Особенно много мѣста отводитъ Мечниковъ Льву Толстому. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что страхъ смерти является тѣмъ основнымъ мотивомъ, изъ котораго вытекли всѣ философскія и религіозно-моральныя произведенія нашего великаго писателя, несмотря на то, что онъ въ своемъ произведеніи о страхѣ смерти считаетъ этотъ страхъ результатомъ ложнаго представленія о жизни. По Толстому человѣкъ не долженъ бояться смерти больше, чѣмъ какой-либо другой перемѣны, которую онъ испытываетъ во время всей своей жизни. Никто не боится заснуть, говоритъ Толстой, и однако во время сна, какъ и во время смерти, дѣло идетъ о потери сознанія; и Толстой думаетъ, что страхъ смерти является самовнушеніемъ, которое исчезаетъ, когда начинаешь постигать истинный смыслъ своей жизни.

Мечниковъ же утверждаетъ, что страхъ смерти совершенно инстинктивенъ и не зависитъ ни отъ какихъ разсужденій; такого же мнѣнія придерживался Шопенгауеръ и Байронъ. Этотъ инстинктъ развивается медленно и прогрессивно, вмѣстѣ съ жизнью и въ этомъ отношеніи отличается отъ другихъ инстинктовъ. Существуютъ, впрочемъ, исключенія изъ этого общаго правила, и у многихъ дикихъ народовъ старики и старухи достигнувъ извѣстнаго возраста сами убиваютъ себя; у другихъ народовъ, такихъ стариковъ убиваютъ сыновья и внуки, часто ихъ даже погребаютъ живыми. Въ культурныхъ странахъ мы также видимъ, что самоубійства стариковъ очень часты, но это происходитъ, по мнѣнію Мечникова, не потому, что у нихъ утраченъ инстинктъ самосохраненія, но главнымъ образомъ потому, что на старости лѣтъ они лишились средствъ къ существованію и легче другихъ подвержены различнымъ тяжелымъ заболѣваніямъ; авторъ посѣщалъ многія убѣжища для стариковъ, разговаривалъ съ престарѣлыми женщинами, находившимися въ Сальпетріерѣ, и вынесъ убѣжденіе, что у всѣхъ этихъ лицъ не исчезъ страхъ смерти и что они цѣпляются всѣми силами за свою печальную жизнь.

Такимъ образомъ, къ разсмотрѣннымъ уже нами дисгармоніямъ человѣческой природы прибавляется еще дисгармонія инстинкта жизни, который съ такою силою проявляется въ тотъ періодъ, когда смерть уже близка.

Человѣчество съ давнихъ поръ стремилось найти ключъ къ этой трагической загадкѣ. Религія и философія всегда сильно занимались этимъ вопросомъ. «Религія,—говоритъ Гюйо,—въ большей своей части есть размышленіе о смерти, если мы не должны были бы умирать, у насъ все же были бы суевѣрія, но, вѣроятно, не было бы ни систематизированныхъ суевѣрій, ни религіи». Съ другой стороны многіе философы древности выражали мысль, что философія есть не что иное, какъ размышленіе о смерти. Шопенгауеръ тоже высказывалъ мысль, что безъ смерти не существовало бы философіи.

Итакъ Мечниковъ приходитъ къ заключенію, что природа человѣка, во многихъ отношеніяхъ совершенная и высокая, все же представляетъ

многочисленныя и рѣзко выраженныя дисгармоніи, которыя являются источникомъ нашихъ несчастій. Даже въ самыя отдаленныя эпохи, когда человѣчество не имѣло никакого представленія о человѣческой природѣ, у людей все же существовало смутное представленіе объ ея дисгармоніяхъ и оно пыталось найти средство излечить этотъ недугъ. Средствами этими были религія и философія.

Желаніе жить, сохранять здоровье и удовлетворять инстинктамъ заставило людей съ первыхъ же шаговъ ихъ сознателей жизни изыскивать средства противъ несовершенствъ человѣческой природы. Человѣкъ давно замѣтилъ, напр., что инстинктъ плохой руководитель при выборѣ пищи и пытался найти какіе-нибудь другіе, болѣе точные способы отличать полезные для него пищевые продукты отъ вредныхъ; вся мудрость первобытнаго человѣка была направлена на выработку примитивной гигіены; также пытался онъ бороться съ несовершенствами воспроизводительныхъ функцій. Но самыми сильными стимулами, заставлявшими его искать выходъ изъ его тяжелаго положенія были инстинктъ жизни и страхъ смерти: первобытный человѣкъ создавалъ свою первобытную пищевую гигіену и регулировалъ половыя функціи, прежде всего, для того, чтобы сохранить здоровье и жизнь.

Съ самаго возникновенія своего интеллекта человѣкъ былъ поставленъ въ необходимость судить о неизвѣстномъ по аналогіи съ тѣмъ, что онъ зналъ лучше всего, т.-е. съ самимъ собою; поэтому всѣмъ предметамъ его окружавшимъ, онъ приписывалъ свойства и мотивы, подобные своимъ; не только всѣ живыя вещества, но и всѣ окружавшіе его неодушевленные предметы представлялись ему дѣйствовавшими такъ же, какъ человѣкъ. Отсюда явился «анимизмъ» — эта основа философіи и религіи. Когда человѣкъ умираетъ, говоритъ анимизмъ, то онъ въ дѣйствительности не исчезаетъ совершенно, но только переходитъ въ новое состояніе; трупъ продолжаетъ жить особымъ, но всеже аналогичнымъ намъ образомъ. Такое представленіе отвѣчало потребности сохраненія жизни и ослабляло страхъ смерти. Отсюда развилась идея о загробной жизни, о душѣ и ея безсмертіи, культъ мертвыхъ и предковъ, появились боги и религія. Религія утѣшаетъ человѣка, отвлекаетъ его отъ мыслей о несовершенствахъ человѣческой природы, отъ мысли о смерти.

Дѣйствительно, мы видимъ, что многіе первобытные народы, которые вѣрятъ въ загробную жизнь, какъ въ непререкаемый фактъ, не боятся смерти; напримѣръ, фиджійцы убѣждены, что въ загробномъ мірѣ они возродятся совершенно такими же, какими отошли въ него, и потому, лишь только замѣтятъ наступленіе первыхъ признаковъ старости, спокойно идутъ на самоубійство; въ нѣкоторыхъ городахъ о-въ Фиджи нѣтъ людей старше сорока лѣтъ. Но у болѣе цивилизованныхъ людей, даже высоко религіозныхъ, такое отсутствіе страха смерти встрѣчается, по мнѣнію Мечникова, очень рѣдко, и потому уже съ давнихъ поръ различныя религіи искали еще какой-нибудь другой идеи, кромѣ перспективы вѣчной жизни, для того, чтобы ослабить эту главную дисгармонію человѣческой природы. Авторъ подробно останавливается на буддизмѣ и указываетъ, что такой идеей въ этой религіи явилось отреченіе отъ жизни: страданіе исчезнетъ, если подавить въ себѣ жажду удовольствій, жажду

*

существованія, жажду властолюбія, достигнуть такого состоянія, чтобы не имѣть никакихъ желаній.

Помимо основной своей цѣли, религіи шли на помощь человѣку въ борьбѣ его и съ другими дисгармоніями его природы: онѣ пытались регулировать отправленія его органовъ пищеваренія и размноженія и лечить его отъ болѣзней. Всѣмъ извѣстно, какъ точно регламентировали нѣкоторыя религіи пищевой режимъ человѣка: въ книгахъ Моисея находятся, напримѣръ, даже рецепты для приготовленія нѣкоторыхъ блюдъ. Вліяніе религій на половую жизнь людей было еще сильнѣе. Большинство основателей религій особенно живо чувствовало дисгармонію этой части человѣческой природы, но такая повышенная чувствительность приводила ихъ, какъ, напр., Будду, только къ проповѣди полнаго воздержанія.

Постепено гигіена и медицина, выработанныя нѣкоторыми религіями, должны были уступить мѣсто наукѣ и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, основной, если не единственной, проблемой религій остался вопросъ о смерти. Мы не послѣдуемъ за ученымъ біологомъ въ его анализѣ значенія тѣхъ средствъ, которыя предлагаютъ религіи для уничтоженія дисгармоній человѣческой природы, скажемъ только, что Мечниковъ не видитъ, чтобы въ жизни людей исчезъ или ослабѣлъ страхъ смерти въ зависимости отъ того, какой религіи они придерживаются, буддистское же отреченіе отъ жизни не можетъ удовлетворить человѣчество, которое жаждетъ жить и въ страхѣ останавливается передъ неизбѣжностью смерти.

Съ религіей неразрывно связана философія и немудрено, что въ теченіе долгаго времени идея о загробной жизни являлась одной изъ важнѣйшихъ концепцій различныхъ философскихъ системъ, стремившихся разрѣшить проблему смерти, но въ тоже время уже у Платона мы видимъ нѣкоторые зачатки сомнѣнія въ безсмертіи души, у Аристотеля они выражены уже рѣзче, и въ концѣ концовъ эта идея замѣняется у него вѣрою въ неразрушимость «дѣятельнаго разума». Постепенно скептицизмъ окончательно изгоняетъ изъ философскихъ системъ идею о безсмертіи души и замѣняетъ ее довольно туманными пантеистическими воззрѣніями и стоическою моралью; блестящимъ выразителемъ послѣдней является Маркъ-Аврелій; философъ, говоритъ онъ, ожидаетъ смерть съ спокойнымъ сердцемъ и видитъ въ ней только раствореніе элементовъ, изъ которыхъ состоитъ каждое существо. Если эти элементы не испытываютъ никакого зла въ своихъ безпрерывныхъ взаимныхъ превращеніяхъ, почему же намъ смотрѣть огорченнымъ взоромъ на измѣненіе и раствореніе всѣхъ вещей. Это соотвѣтствуетъ природѣ, а все что согласно природѣ не можетъ быть зломъ.

Такимъ образомъ, стоическая мораль свелась къ покорности судьбѣ: пусть съ покорностью умираетъ не только старикъ, но и юноша—безразлично созерцаешь ли происходящее сто лѣтъ или три года.

Появленіе христіанской религіи измѣнило это направленіе философіи и послѣдняя въ теченіе многихъ вѣковъ занималась только тѣмъ, что пыталась подкрѣпить религіозные догматы разсужденіями, не исходящими изъ божествен-

наго откровенія, и разрѣшить важную и гнетущую людей проблему смерти, доказывая безсмертіе души.

Реакціей противъ этихъ идеалистическихъ системъ явился матеріализмъ, уступившій затѣмъ мѣсто скептическому позитивизму или что то же агностицизму; смерть снова трактуется, какъ явленіе, вытекающее изъ законовъ природы, которое нужно принимать безъ всякаго протеста; такимъ образомъ снова выплываетъ идея покорности природѣ или судьбѣ.

Въ сторонѣ отъ этихъ философскихъ теченій стоитъ пессимизмъ. Мечниковъ удѣляетъ изложенію философскихъ пессимистическихъ системъ очень много мѣста, но мы не можемъ слѣдовать за нимъ въ этомъ обзорѣ; какъ всѣмъ извѣстно, пессимисты приходятъ въ конечномъ выводѣ къ отреченію отъ жизни въ той или иной формѣ, къ проповѣди безбрачія и даже самоубійства (Мейландеръ). Мечниковъ признаетъ за философами пессимизма большую заслугу: они впервые не побоялись предъявить природѣ человѣка обвинительный актъ и не допустили насъ до самодовольнаго фатализма и квіетизма. Конечно, говоритъ онъ, пессимизмъ не есть послѣднее слово человѣческой мудрости, и многіе философы пытаются дать проблемѣ жизни и смерти разрѣшеніе, болѣе соотвѣтствующее нашимъ инстинктамъ, но эти попытки носятъ скорѣе поэтическій, чѣмъ философскій характеръ (Гёте, Гюйо, Мейеръ Бенфи).

«Обозрѣвъ всѣ философскія системы, затратившія столько силъ для разрѣшенія проблемы объ индивидуальной смерти, Мечниковъ приходитъ къ выводу, что всѣ онѣ, или почти всѣ, отрицаютъ будущую жизнь и безсмертіе души, и наоборотъ—большинство принимаетъ нѣкоторый общій принципъ, неясный, но вѣчный, который долженъ поглотить въ себѣ индивидуальныя души. Исходя изъ этихъ туманныхъ идей, неспособныхъ утѣшить бѣдное человѣчество, которое боится уничтоженія послѣ смерти, философы не перестаютъ проповѣдывать о резиньяціи, возможно болѣе полной».

Болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до появленія точныхъ наукъ, Будда формулировалъ наиболѣе важные виды человѣческихъ страданій: «рожденіе есть страданіе, старость есть страданіе, болѣзнь — страданіе, смерть — страданіе и т. д.».

Наука въ своемъ медленномъ прогрессивномъ движеніи отъ частнаго къ общему, до сихъ поръ осмѣливалась браться только за наименѣе трудныя изъ этихъ проблемъ, мы говоримъ о болѣзни. Религія также занималась этой проблемой; причину болѣзни она видѣла въ воздѣйствіи злыхъ духовъ или гнѣвѣ боговъ, лекарствами ея были жертвоприношенія и молитвы. И теперь еще, напримѣръ, на Суматрѣ приписываютъ кровотеченіе, которое не можетъ быть остановлено, вмѣшательству злого духа; онъ сосетъ рану и дѣлаетъ ее неизлечимой; а въ Ніасѣ на кровотеченіе изъ носа у дѣтей смотрятъ, какъ на наказаніе отца за то, что онъ убилъ свинью во время беременности своей жены. Лекарствомъ служитъ жертвоприношеніе божеству.

Впрочемъ, нужно сказать, что рядомъ съ такими способами леченія въ религіозныхъ рецептахъ первобытныхъ народовъ имѣются и весьма полезные, легшіе въ

основу такъ называемой народной медицины; но, конечно, она не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ научной медициной, основанной на строгомъ и систематическомъ наблюденіи и опытахъ. Эта медицина потребовала для своего развитія много времени, но теперь достигла уже такой высоты, что человѣчество можетъ ею гордиться. Вѣдь прошло всего 70 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Шопенгауеръ—однимъ изъ главныхъ аргументовъ своего основного утвержденія, что нашъ міръ есть наихудшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, считалъ распространеніе эпидемическихъ болѣзней и думалъ, что «измѣненіе атмосферы настолько слабое, что оно не можетъ быть открыто химическимъ анализомъ, вызываетъ холеру, желтую лихорадку, черную смерть и т. п. болѣзни, которыя уносятъ милліоны людей; нѣсколько болѣе сильное измѣненіе атмосферы въ состояніи было бы уничтожить всю жизнь». Еще позже Гартманъ увѣрялъ, что сколько бы ни находили средствъ противъ болѣзней, послѣднія всегда останутся; особенно хроническія, не очень опасныя, но болѣзненныя заболѣванія будутъ прогрессировать быстрѣе, чѣмъ медицина.

Въ настоящее время мы хорошо знаемъ, что холера и чума не имѣютъ ничего общаго съ химическимъ составомъ воздуха, а обязаны своимъ появленіемъ двумъ микробамъ, природа и свойства которыхъ изучены также точно, какъ любое растеніе. Холера вызывается вибріономъ, открытымъ Кохомъ, микроскопическимъ организмомъ, живущимъ въ водѣ и переходящимъ въ пищеварительный каналъ человѣка вмѣстѣ съ пищей; до сихъ поръ неизвѣстно лѣкарства противъ холеры, но уже выработаны вѣрныя средства для того, чтобы воспрепятствовать ея распространенію; наиболѣе простое изъ нихъ—это варить все, что мы принимаемъ во внутрь, и избѣгать всякой грязи, происходящей отъ отбросовъ, воды и другихъ веществъ, въ которыхъ могутъ развиваться холерные вибріоны; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ можно пользоваться и сыворотками, способными бороться съ холерой. Относительно чумы мы также знаемъ, что она производится особымъ микробомъ, открытымъ одновременно Китазато и Іерсиномъ въ 1894 году;—чумная бацилла производитъ эпидеміи среди нашихъ крысъ и мышей, а эти животныя передаютъ чумныхъ зародышей намъ. Поэтому борьба съ чумой сосредоточивается на истребленіи крысъ и мышей, что является достаточной мѣрой для того, чтобы оградить культурныя страны отъ чумныхъ эпидемій; но кромѣ того также пользуются уже прививками противочумной сыворотки, не только какъ предохранительной мѣрой, но и какъ лекарствомъ, если болѣзнь не приняла еще угрожающаго развитія.

Также невѣрнымъ оказалось утвержденіе Гартмана о прогрессивномъ увеличеніи болѣзней; это утвержденіе находится въ полномъ противорѣчіи съ хорошо установленными фактами; наоборотъ, можно утверждать, что съ прогрессомъ гигіены и съ популяризаціей ея предписаній, болѣзни стали менѣе частыми и менѣе смертельными. Громадное вліяніе на прогрессъ медицины и хирургіи оказалъ Пастеръ, выяснивъ, что броженіе, т.-е. измѣненіе органическаго вещества, происходитъ, благодаря вмѣшательству микроскопическихъ организмовъ, распространенныхъ въ громадномъ количествѣ въ окружающей человѣка средѣ. Это открытіе прежде всего было примѣнено къ хирургіи; зна-

менитый шотландскій хирургъ Листеръ доказалъ, что гніеніе ранъ происходитъ, благодаря громадному количеству микробовъ, развивающихся въ нихъ. Прибѣгнувъ къ соотвѣтственнымъ перевязкамъ и предохраняя раны отъ всякой грязи, онъ достигъ необыкновеннаго уменьшенія числа послѣопераціонныхъ заболѣваній. Когда къ этому присоединилось еще открытіе анастэзирующихъ веществъ, то развитіе хирургіи пошло гигантскими шагами и въ настоящее время она производитъ операціи во всѣхъ областяхъ человѣческаго тѣла. Какъ за это время понизилась смертность послѣ операцій, видно изъ слѣдующаго факта: во время франко-итальянской войны въ 1859—1860 гг. послѣ операцій погибало болѣе 17%, во время же недавней войны между испанцами и американцами эта смертность была всего 6,64%. Наконецъ, относительно недавно, Пастеръ, работая въ сообществѣ съ Шемберленомъ и Ру открылъ, что возможно предупреждать многія заразныя болѣзни при помощи особо приготовленныхъ животныхъ ядовъ. Такъ, ему удалось особыми прививками вылечивать людей, укушенныхъ бѣшеными собаками, болѣзнь, считавшуюся до тѣхъ поръ безусловно смертельной. Въ этомъ новомъ направленіи медицина развивается съ необыкновенной быстротой и осуществила уже цѣлый рядъ новыхъ открытій. Укажемъ, напримѣръ, на открытіе дѣйствія кровяной сыворотки животныхъ, подвергнутой дѣйствію нѣкоторыхъ микробовъ и ихъ растворимыхъ продуктовъ. Такъ, Берингъ, въ сотрудничествѣ съ японцемъ Китазато, показалъ, что подобная сыворотка, приготовленная при воздѣйствіи на нее яда дифтеритнаго микроба, способна не только предохранять здоровыхъ людей отъ дифтерита, но даже излечивать уже зараженныхъ этой болѣзнью, если только захватить болѣзнь во-время. Примѣненіе антидифтеритной сыворотки за послѣднія 8 лѣтъ понизило смертность отъ дифтерита отъ 50%, даже 60%, до 12—14%. Тотъ же методъ серотерапіи начинаетъ примѣняться уже къ нѣкоторымъ другимъ болѣзнямъ. Благодаря Коху, выясненъ также микробный характеръ туберкулеза, и хотя до сихъ поръ еще не найдено прямого лекарства для борьбы съ этимъ бичомъ человѣчества, но уже одно выясненіе причины болѣзни дало возможность гигіенѣ установить различные способы борьбы съ ея распространеніемъ. И если еще туберкулезъ распространяется, то это вина не медицины, а невѣжества и бѣдности, препятствующихъ слѣдовать предписаніямъ гигіены.

Мечниковъ указываетъ, конечно, и на тѣ болѣзни, причины коихъ не выяснены еще медициной и борьба съ которыми поэтому представляется болѣе затруднительной. Таковы ракъ и различныя злокачественныя опухоли, но и здѣсь нельзя отчаяваться, такъ какъ первые шаги къ выясненію вопросовъ уже сдѣланы: Моро, Іенсену и Борелю удалось искусственно вызвать ракъ у бѣлыхъ мышей. Кромѣ того, нужно замѣтить, что оперативное леченіе рака могло бы принести гораздо болѣе удачные результаты, если бы больные обращались къ медицинѣ своевременно.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній Мечниковъ утверждаетъ, что одна изъ дисгармоній человѣческой природы, съ которой тщетно боролись древнія религіи и которая являлась однимъ изъ обоснованій пессимизма, сильно ослаб-

лена научной медициной и можно надѣяться, что съ теченіемъ времени послѣдняя справится со всѣми болѣзнями.

Но, говорятъ противники науки, болѣзнь только одинъ эпизодъ человѣческой жизни, а основныя проблемы ея остаются неразрѣшенными наукой. Каково назначеніе человѣка, почему онъ долженъ стариться и умирать тогда, когда онъ такъ еще жаждетъ жить?

Эти возраженія высказывались уже давно. Руссо былъ первый, который формулировалъ ихъ съ необыкновенной ясностью и талантливостью. Въ настоящее время съ особенной страстностью стремится показать всю безполезность науки въ разрѣшеніи основныхъ вопросовъ человѣческой жизни Левъ Толстой; онъ утверждаетъ, что всѣ научныя изслѣдованія о происхожденіи живыхъ существъ, о строеніи ткани и т. п. не представляетъ никакого значенія для человѣчества. Все, что мы зовемъ культурой, наши науки и искусства, всѣ усовершенствованія удобствъ жизни—это попытки, чтобы обмануть моральные запросы человѣка. Все, что мы зовемъ гигіеной и медициной—это попытки обмануть естественныя человѣческія нужды. До сихъ поръ наука не только не улучшила, но скорѣе ухудшила положеніе большинства т.-е. рабочихъ. Безъ знанія смысла жизни и того, въ чемъ состоитъ счастье всѣхъ людей, всѣ остальныя наши знанія и искусства становятся безполезной и даже вредной забавой.

За Толстымъ слѣдуютъ и нѣкоторые другіе писатели, напр., Брюнетьеръ. Впрочемъ, даже ученые, отстаивающіе науку отъ нападокъ этихъ писателей, какъ, напримѣръ, Шарль Рише, согласны, что, хотя «каждый день приноситъ намъ какую-нибудь новую побѣду, но послѣдняя загадка — назначеніе человѣка—остается и, вѣроятно, останется навсегда неразрѣшенной».

Понятно,—говоритъ Мечниковъ,—что если наука является безсильной разрѣшить вопросы наиболѣе важные, которые мучатъ человѣчество, послѣднее, даже въ лицѣ своихъ выдающихся представителей, отвертывается отъ нея и ищетъ утѣшенія въ объятіяхъ метафизики и мистицизма; мы видимъ, что во всѣхъ слояхъ современнаго общества проявляется какая-то жажда сверхъестественнаго. Даже такой позитивный и скептическій умъ, какимъ былъ Золя и тотъ, по свидѣтельству Гонкура, поддавался иногда этой волнѣ мистицизма; «этотъ вечеръ послѣ обѣда у подножія кровати изъ скульптурнаго дерева, гдѣ подаютъ обыкновенно ликеры, Золя началъ говорить о смерти, мысль о которой не покидаетъ его со времени похоронъ матери. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ прибавляетъ, что эта смерть произвела проломъ въ нигилизмѣ его религіозныхъ убѣжденій; такъ ему ужасна мысль о вѣчной разлукѣ».

В. Агафоновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ТУМАННОСТИ.

Съ примѣненіемъ фотографіи къ астрономіи началась новая эра въ изученіи туманностей, которая отмѣчена богатыми результатами. На страницахъ «Міра Божія» уже упоминалось объ изслѣдованіяхъ съ новыми свѣтосильными инструментами на Ликской обсерваторіи и на обсерваторіи въ Кёнигштулѣ близъ Гейдельберга. Теперь вниманіе астрономовъ опять привлекается въ эту интересную область. Профессоръ Вольфъ директоръ астрофизическаго отдѣленія обсерваторіи въ Кёнигштулѣ сдѣлалъ интересное открытіе. Онъ обнаружилъ, что существуютъ на небѣ области, чрезвычайно густо усыпанныя маленькими туманными пятнами. Въ созвѣздіи Дѣвы, напримѣръ, вокругъ звѣзды *Иты* на пространствѣ одного квадратнаго градуса, т.-е. приблизительно четырехъ лунныхъ дисковъ, оказалось 130 отдѣльныхъ туманностей, въ другихъ мѣстахъ неба встрѣчаются подобныя же скопленія туманностей. Ничего подобнаго раньше не знали. Даже въ большую трубу эти туманности не видны не только отдѣльно каждая, но и въ общей массѣ, на фотографической же пластинкѣ Вольфа можно измѣрять положенія каждаго незначительнаго пятна. Вольфъ очень заинтересовался открытыми имъ скопленіями туманностей и рѣшился заняться детальнымъ изученіемъ ихъ сначала въ предѣлахъ трехъ созвѣздій: Дѣвы, Льва и Волосъ Вероники, гдѣ они встрѣчаются въ большомъ числѣ. Въ опубликованномъ теперь томѣ даны положенія и описанія 1.528 туманныхъ пятенъ, а это лишь только тѣ объекты, которые оказались на фотографической пластинкѣ, снятой въ ночь на 20-ое апрѣля 1901 года. Сколько труда пошло на обработку этого матеріала! Самое фотографированіе продолжалось $2^1/_2$ часа, а измѣреніе пластинки нѣсколько мѣсяцевъ. Формы этихъ туманностей самыя разнообразныя, Есть круглыя съ центральнымъ уплотненіемъ, круглыя съ спиральнымъ строеніемъ овальныя съ центральнымъ уплотненіемъ, подобныя извѣстной большой туманности въ созвѣздіи Андромеды, туманности на подобіе планетнаго диска, т.-е круглыя, размытыя но безъ всякаго ядра; есть и неправильныя формы. Вольфъ отмѣчаетъ туманности въ видѣ отдѣльныхъ прямолинейныхъ лучей, исходящихъ изъ нѣкотораго центра, туманности въ видѣ прямыхъ полосъ, отдѣленныхъ болѣе или менѣе темными промежутками. Особенно интересны такъ называемыя цѣпи, встрѣчающіяся довольно часто. Онѣ исходятъ всегда изъ центра звѣзды *) или туманнаго пятна и на далекомъ протяженіи, постоянно извиваясь, соединяютъ удаленныя другъ отъ друга туманныя массы или свѣтлыя звѣзды съ туманностями. Эти цѣпи по большей части очень тонки, имѣютъ видъ разлившейся слизи или нитей въ желатинѣ. Часто онѣ состоятъ изъ большого числа маленькихъ узловъ, которые напоминаютъ жемчугъ на ниткѣ. Поразительный видъ имѣютъ эти образованія въ стереокомпараторѣ. Цѣлая область неба какъ бы покрыта сѣткой.

Изъ 1528 туманностей, описанныхъ Вольфомъ, раньше было извѣстно

---

*) На фотографической пластинкѣ звѣзды представляются различной величины кружочками.

только 79, т.-е. приблизительно всего 5 процентовъ. Девяносто пять процентовъ обнаружено теперь съ помощью фотографіи. Уже В. Гершель отмѣтилъ, что малыя туманности разбросаны на небѣ не повсюду равномѣрно, а находятся въ нѣкоторомъ отношеніи къ млечному пути — онѣ группируются вокругъ сѣвернаго полюса его, т.-е. точки, въ которой небо пересѣкается линіей, перпендикулярной къ средней плоскости млечнаго пути. Подтвержденіе этого дано, между прочимъ, недавно въ прекрасномъ изслѣдованіи ташкентскаго астрофизика Стратонова «Строеніе вселенной». Группа туманностей Вольфа какъ разъ тоже оказывается близъ полюса млечнаго пути. Вольфъ постарался графически представить относительную густоту ихъ распредѣленія и получилъ слѣдующую картину. Въ серединѣ полюсъ млечнаго пути. Онъ совершенно пустъ. Но вокругъ него идутъ туманности неправильнымъ кольцомъ, которое наибольшую плотность имѣетъ къ сѣверовостоку. Въ этомъ широкомъ уплотненіи замѣтна закономѣрность: чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ гуще и гуще распредѣляются туманности. Центральная часть выдается по своему богатству. Разстояніе ея отъ принятаго полюса млечнаго пути немного больше $1^1/_2$ градуса. Но млечный путь есть сложное образованіе, о полюсѣ его, какъ точкѣ, говорить нельзя. Вольфъ задаетъ поэтому вопросъ: нельзя ли, за полюсъ «Млечнаго Пути» принять этотъ центръ скопленія туманностей. Отмѣчая несомнѣнную правильность въ распредѣленіи отдаленныхъ міровъ во вселенной, онъ рѣшается назвать его «полюсомъ міра».

Поразило Вольфа и видимое сходство въ распредѣленіи овальныхъ туманностей, внѣшній видъ которыхъ напоминаетъ туманность Андромеды. Большинство изъ нихъ наклонены своими большими осями къ небесному экватору подъ угломъ приблизительно въ 60 градусовъ. Чѣмъ ближе къ центральному уплотненію, тѣмъ лучше оправдывается этотъ законъ. Конечно, еще рано дѣлать изъ этого факта какія-либо общія заключенія, но онъ во всякомъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе.

Наконецъ, Вольфомъ указанъ еще одинъ интереснѣйшій фактъ. Большія туманности, какъ оказывается, обыкновенно граничатъ съ пустотами, вокругъ нихъ на нѣкоторомъ протяженіи совсѣмъ нѣтъ мелкихъ звѣздъ. Это было отмѣчено еще В. Гершелемъ. Но явленіе, отмѣченное геніемъ великаго наблюдателя, было слишкомъ сложно для разслѣдованія въ деталяхъ, замѣчаніе Гершеля осталось неоцѣненнымъ и даже забылось со временемъ. Теперь фотографія раскрываетъ предъ нами картину наглядно. На фотографической пластинкѣ мы сразу охватываемъ глазомъ и большую туманность на всемъ ея протяженіи и всѣ ея окрестности.

Проф. Вольфъ высказываетъ заключеніе, что большія туманности всегда граничатъ съ темными пустотами или, по крайней мѣрѣ, съ областями очень бѣдными мелкими звѣздами. Въ этихъ пустотахъ могутъ быть звѣзды, но болѣе яркія. Особенно поразительно такое явленіе въ млечномъ пути. Безчисленныя, равномѣрно разбросанныя малыя звѣзды пропадаютъ сразу, когда приближаемся къ туманности, и широкое темное пространство съ нѣсколькими яркими звѣздами выступаетъ съ поразительной опредѣленностью.

Знаменитая туманность Ориона и широкое туманное пятно *Америка*, въ созвѣздіи Лебедя, представляютъ наиболѣе рѣзкіе примѣры указаннаго явленія.

Туманность въ Стрѣльцѣ, поставленная въ каталогѣ Мессье подъ № 8, и примыкающая къ ней туманная масса, которая тянется на 10 кв. градусовъ, съ южной стороны охвачены пустой отъ звѣздъ каймой, такія же полосы прорѣзываютъ широкую туманность около *гаммы* Щита Собіескаго, туманность вокругъ *ро* Змѣеносца и туманность къ сѣверу отъ Антареса. Въ послѣднемъ случаѣ эти полосы особенно рѣзко очерчены и совершенно черны, онѣ совсѣмъ лишены звѣздъ, но при тщательномъ разслѣдованіи оказываются заполненными слабыми туманностями. Поразительно, что онѣ несомнѣнно находятся въ связи съ пустотой, примыкающей къ туманности, которая лежитъ къ сѣверу отъ *ни* Скорпіона, отстоящей отъ Антареса почти на 10 градусовъ.

Но имѣется, конечно, много туманностей, около которыхъ не замѣтно никакихъ пустотъ. Въ этомъ отношеніи опредѣленно вполнѣ обособленны тѣ, которыя имѣютъ форму туманности Андромеды. Никакого уменьшенія числа звѣздъ около нихъ не выступаетъ, чувствуется непосредственно, что окружающія звѣзды связи съ туманностью не имѣютъ. Изъ такого рода большихъ туманностей, кромѣ туманности Андромеды, здѣсь можно назвать спиральную туманность въ треугольникѣ, стоящую въ каталогѣ Мессье подъ № 33, рабообразную туманность въ Тельцѣ, длинную туманность Гершеля V 19 Андромеды, безформенную туманную массу Гершеля V 14 Лебедя.

Мы встрѣчаемся такимъ образомъ съ двумя совершенно различными родами образованій. Однѣ туманности, очевидно, принадлежатъ къ нашей звѣздной системѣ и находятся въ непосредственной связи съ окружающими ихъ звѣздами. Другія ничего общаго съ нашей звѣздной системой не имѣютъ, представляя сами иногда подобныя же системы безчисленныхъ міровъ. Чтобы имѣть болѣе надежное основаніе для выводовъ въ первомъ случаѣ, когда туманность сказывается въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ областью, бѣдной звѣздами, проф. Вольфъ предложилъ г. Копфу произвести тщательное статистическое разслѣдованіе относительно звѣздъ около туманности *Америка* и большой туманности въ созвѣздіи Ориона. По тѣмъ числамъ, которыя онъ получилъ на основаніи счета звѣздъ на фотографической пластинкѣ съ помощью сильной лупы, составлены были графики, показавшія наглядно, какъ распредѣляются пустоты.

По ихъ направленію, какъ оказывается, можно чрезвычайно точно выяснить даже контуры туманностей. Устанавливается интересный фактъ, что большая туманность Ориона находится въ связи съ туманностью около *дзиты* Ориона, лежащей довольно далеко отъ нея въ направленіи къ сѣверо-востоку. Но особенное значеніе, по мнѣнію Вольфа, имѣетъ то обстоятельство, что, какъ въ этихъ двухъ случаяхъ, такъ и въ другихъ, пустоты не охватываютъ собственно туманностей со всѣхъ сторонъ, но примыкаютъ къ нимъ съ какой-либо одной стороны, хотя всегда вокругъ идетъ узкая полоска безъ звѣздъ. Повидимому, въ этомъ мы имѣемъ указаніе на ходъ тѣхъ процессовъ, которые производятъ пустоты въ пространствѣ. Рядомъ съ пустотой мы ви-

димъ сгущеніе матеріи, блѣдноватую туманность. Сюда, въ этомъ направленіи гонится матерія, сзади остается свободное пространство. Такимъ образомъ туманность *Америка*, какъ будто бы перемѣщается на сѣверо-востокъ, туманность Оріона на сѣверо-западъ, двѣ туманности въ Единорогѣ на юго-востокъ или югъ, туманность при звѣздѣ *хси* Персея на юго-востокъ. Возможны и дальнѣйшія заключенія. Молодой астрономъ Курвуазье отмѣчаетъ, что, принявъ указанныя Вольфомъ смѣщенія туманностей за реальныя явленія, можно судить объ относительныхъ разстояніяхъ отъ насъ этихъ интереснѣйшихъ образованій. Онъ разсчиталъ, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ движеніе туманности, оказывается, происходитъ по большому кругу, проходящему черезъ точку неба, къ которой видимо несется наша солнечная система. Туманность Оріона движется какъ разъ по направленію къ этой точкѣ, четыре остальныя наоборотъ отъ нея. Видимыя смѣщенія звѣзды или въ данномъ случаѣ туманности могутъ быть отраженіемъ движенія солнечной системы. Когда мы ѣдемъ въ поѣздѣ, то деревья, телеграфные столбы, сторожевые домики вдоль полотна желѣзной дороги кажутся намъ бѣгущими въ направленіи, обратномъ движенію поѣзда. Далекіе предметы смѣщаются меньше. Если мы констатируемъ, что туманности перемѣщаются относительно окружающихъ звѣздъ въ направленіи, обратномъ движенію солнечной системы, мы можемъ предположить, что онѣ ближе къ намъ, чѣмъ звѣзды. Но туманность Оріона, наоборотъ, должна находиться дальше тѣхъ звѣздъ, которыя разсыпаны на небѣ вокругъ нея. Конечно, возможны смѣщенія самихъ звѣздъ такъ называемыя собственныя движенія ихъ, но эти движенія очень разнообразны и по величинѣ и по направленію. Если выступаетъ подобіе для большого числа звѣздъ, приходится искать общую причину, или физическую связь звѣздъ въ извѣстной группѣ, или отраженія движенія нашей солнечной системы. По отношенію къ туманностямъ, поэтому, мы дѣйствительно можемъ развивать соображенія объ ихъ относительномъ удаленіи отъ насъ, разъ констатируемъ ихъ смѣщенія въ ту или другую сторону отъ сосѣднихъ звѣздъ.

Такимъ образомъ фотографія не только показала намъ существованіе безконечнаго числа туманныхъ пятенъ, не только обнаружила интересное строеніе многихъ изъ нихъ, она заставляетъ насъ теперь перерабатывать наши общія воззрѣнія на эти образованія, вызываетъ новыя идеи о ихъ отношеніи къ нашей звѣздной системѣ, различнымъ группамъ звѣздъ, о ихъ относительномъ разстояніи.

К. Покровскій.

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

— Сосѣдка, что это, у тебя пищитъ?

— Прислушайтесь-ка!

— Сосѣдка, гдѣ это пищитъ?

— Прислушайтесь!

— Послушай, сосѣдка, что у тебя пищитъ въ груди!

Тогда она встала передъ дѣтьми на колѣни, разстегнула платье на груди и показала имъ маленькаго цыпленочка, котораго она нашла полузамерзшимъ и теперь отогрѣвала на своей груди. Когда она, вмѣстѣ съ шерстянымъ платкомъ, въ который онъ былъ завернутъ, выложила его на землю, онъ громко запищалъ.

Дѣти удивились, а Лена Тарнъ начала смѣяться и сказала:

— Скажите вашей матери: «мама! у сосѣдки что-то пищитъ!»

Въ этихъ краяхъ существуетъ обычай говорить такимъ образомъ, когда молодая женщина находится въ ожиданіи ребенка.

У Лены Тарнъ не было никакой склонности безпокоиться и тревожиться. Она жила, какъ ребенокъ, изо дня въ день. Вѣроятно поэтому-то она и понравилась Іёрну, что въ этомъ важномъ пунктѣ она была совершенною противоположностью ему. Она жила безпечно, какъ птица. Взгляните на птицы небесныя: онѣ не сѣятъ, не жнутъ, а все-таки сыты. Ничего она для себя не желала, ничего на себя не тратила,— поэтому, думала она, все должно идти хорошо. Она думала, что можетъ все преодолѣть своимъ честнымъ трудомъ.

Однажды осенью ей вдругъ пришло на умъ, что у него все-таки есть заботы. Онъ шелъ изъ деревни черезъ дворъ, и она замѣтила въ дверное окно, что онъ остановился въ тяжеломъ раздумьѣ. Она вышла къ нему и сказала:

— Развѣ у тебя такъ много заботъ, Іёрнъ? Поди, посиди со мной здѣсь, на скамейкѣ.

— Я не люблю здѣсь сидѣть. Это слишкомъ торжественно; какъ будто на показъ людямъ: посмотрите, молъ, вонъ хозяинъ сидитъ со своей женой.

— Ты хозяинъ, а я жена твоя! До чего это странно, какъ подумаешь!

Она поставила локоть на круглый столъ, оперлась щекой на руку и задумчиво поглядѣла на него:

— Да, въ этомъ-то и была ошибка. Тебѣ надо было бы имѣть богатую жену, тогда у тебя и заботъ не было бы, бѣдный ты мой Іёрнъ!

Онъ ничего не сказалъ.

Тогда она тихо продолжала:

— Работать я люблю и умѣю. И смѣяться тоже. И если бы дѣло было только въ хлѣбѣ насущномъ да въ платьѣ, такъ я съумѣла бы собственными руками накормить и одѣть и тебя, и нѣсколькихъ дѣтей. Но тутъ этого мало. Вотъ, если бы мои руки творили серебро а мое пѣнье—золото!

— Успокойся! — сталъ онъ утѣшать ее.—Я соберу проценты. Правда, мнѣ придется продать двухгодовалокъ, а я бы охотно продержалъ ихъ еще годикъ.

Она уже снова начала смѣяться!..

— Смотри только, не ошибись какъ-нибудь потомъ, и не продай собственныхъ дѣтей!

— Сколько *это* будетъ стоить?

— Ахъ, ты, бѣдный мой Іёрнъ Уль! Сколько это будетъ стоить? Немного. Я лягу въ комнату Витенъ, и Витенъ въ продолженіи четырехъ, пяти дней придется ухаживать за двумя больными. А потомъ я встану и примусь за свою работу.

Онъ съ дѣтства привыкъ размышлять въ одиночествѣ. Такъ онъ и выросъ, и теперь напоминалъ собою домъ, окруженный высокимъ заборомъ. Молодая жена его смѣялась, пѣла, работала, любила его, но при всемъ томъ не проникала въ его душу дальше ея преддверія. Иногда она принималась стучаться въ его душу; но онъ не впускалъ ее. Она была слишкомъ хороша, слишкомъ мила ему, слишкомъ весела. Зачѣмъ ей было заглядывать въ его темную, тревожную душу.

Если бы она дожила до болѣе зрѣлаго возраста и до болѣе свѣтлыхъ дней, изъ нея выработалась бы одна изъ тѣхъ изрѣдка встрѣчающихся прекрасныхъ крестьянскихъ женщинъ, которыя, со своей постоянной веселостью, находчивостью и ловкими руками, со своей не-

торопливой энергіей, являются центромъ и силой всего двора. Но теперь она была еще слишкомъ молода, чтобы вполнѣ проявить весь свой характеръ, и слишкомъ находилась подъ впечатлѣніемъ своей бѣдной молодости, чтобы сознавать свое настоящее значеніе.

Но, какъ будто предчувствуя, что времени у нея оставалось немного, она всему и всѣмъ, окружавшимъ ее, отдавала всю полноту своего любящаго сердца и своей жизнерадостной натуры.

Вечеромъ, когда она оставалась съ нимъ наединѣ, она была его радостью. Она лежала въ его объятіяхъ и задавала всегда одинъ и тотъ же вопросъ:

— Сегодня вѣдь все хорошо, не правда ли?

— Да.

— У меня ужъ все бѣлье высохло... Ты тоже?

— Что? я... высохъ?

— Ахъ!.. я говорю, много ли ты наработалъ?

— Да!.. поле подъ бобы вспахано.

— Ахъ какъ это непріятно! Ты вѣдь знаешь, что меня такъ злитъ?

— Знаю.

— Что я изъ-за людей пѣть не могу. Прежде, когда я еще въ дѣвушкахъ была, я цѣлый день пѣла. И никому-то до этого дѣла не было, даже и тебѣ, хотя ты всегда проходилъ мимо меня, задравъ носъ. Ну, а теперь, я должна сдерживаться. И говорить все, что мнѣ взбредетъ на умъ, тоже нельзя. Это, пожалуй, еще хуже!

— Да вѣдь ты сегодня весь день мурлыкала!

— Мурлыкала, но не пѣла!.. Ну?.. скажи же что-нибудь!

— Ну, валяй! Только не слишкомъ громко.

Тогда она начинала пѣть разныя новыя и старыя пѣсни, по преимуществу старыя народныя, но понизивъ голосъ. Потомъ прятала свою голову ему подъ руку и смѣялась:

— Если-бъ это люди узнали!

Потомъ, подперевъ голову рукой и прижавшись къ нему, она разсказывала ему всѣ свои выдумки и наслаждалась, какъ наслаждается мать, играя пестрой гирляндой передъ своимъ ребенкомъ.

Утромъ она еще заботилась о людяхъ и поила молокомъ только что родившагося теленка: у нея былъ особый даръ и склонность помогать новорожденнымъ. Потомъ она поспѣшно, быстрыми руками поставила воду на огонь. Потомъ пошла къ Витенъ:

— Молодая пеструха отелилась прекраснымъ теленкомъ, а теперь и я...— она хотѣла размѣяться, но не смогла.

Витенъ была уже около нея и обхватила ее руками.

— Ты дѣлаешь глупости! — сказала она. — Поди ложись. Часъ твой наступилъ!

* * *

Это былъ красивый и сильный мальчикъ, и хотя все произошло согласно изрѣченію: «въ страданіяхъ будешь рождать дѣтей» и хотя она, къ своему удивленію, была измучена и ослабѣла, но на другое же утро она уже мурлыкала ребенку первую колыбельную пѣсенку; и, несмотря на то, что Витенъ предостерегала ее и требовала отъ Іёрна, чтобы онъ рѣшительно запретилъ ей это, она все-таки на шестой день встала. Весь день она одна ухаживала за ребенкомъ и пошла даже въ кухню за водой, чтобы выкупать его и была счастлива и горда, какъ королева. Іёрнъ Уль не противился этому. Онъ былъ гордъ тѣмъ, что у него такая здоровая жена: «не такая нѣженка, какъ другія». Іёрнъ Уль былъ слишкомъ молодъ и глупъ.

Она говорила потомъ, что въ кухнѣ былъ сквознякъ. Это было ранней весной, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда дуетъ холодный и сырой вѣтеръ, и воздухъ влажный, и солнца еще нѣтъ, и кажется, будто настоящая весна никогда не наступитъ. Но обвинять Бога и природу легко. Правда заключалась въ томъ, что они не были достаточно чистоплотны...

Въ тотъ же вечеръ она лежала въ постели съ пылающими щеками и была совершенно безучастна къ окружающему, а ночью стала бредить. Она, эта ласковая, никогда никого не обидѣвшая женщина, въ своемъ бреду заходила ко

всѣмъ въ домъ,—даже къ мальчишкѣ, что былъ у нихъ на побѣгушкахъ, ко всѣмъ сосѣдямъ и у всѣхъ просила прощенія:

— Если я въ чемъ-нибудь виновата передъ тобой...

Какъ бы услыхавъ призывъ ея испуганной души, собрались къ ней лучшіе изъ ея друзей. Тисъ Тиссенъ неожиданно появился въ ея комнатѣ. Мартовскій вѣтеръ еще больше изсушилъ его сморщенное лицо. Онъ сказалъ, что Лисбета убѣдила его уѣхать съ ней изъ Гамбурга и провести первые весенніе дни въ Гезгофѣ. Онъ подошелъ къ постелѣ и тотчасъ же отступилъ, дрожа всѣмъ тѣломъ—такъ онъ испугался, — и, уйдя въ сѣни, принялся растерянно ходить взадъ и впередъ, и теръ себѣ руки, и качалъ головой.

Утромъ пришла свѣтловолосая молодая дѣвушка. Она подошла къ Іёрну Улю, который безпомощно стоялъ у постели больной, подала ему руку и сочувственно поглядѣла на него:

— Послушай, Лена,—сказалъ онъ,— это Лисбета Юнкеръ, съ которой я въ дѣтствѣ игралъ. Я разсказывалъ тебѣ объ ней.

Но Лена Тарнъ осталась попрежнему безучастной. Когда Витенъ подала ей ребенка, она поглядѣла на него долгимъ спокойнымъ взглядомъ. Послѣ этого мать и дитя никогда уже больше не видали другъ друга.

Къ вечеру жаръ усилился. Она занимала всю широкую кровать. Люди ходили по комнатѣ, шли въ кухню, возвращались. Лисбета Юнкеръ стояла у окна и глазами, полными слезъ, глядѣла въ темноту. Тисъ Тиссенъ стоялъ въ кухнѣ у очага и мѣшалъ кочергой тлѣющіе уголья. Докторъ пришелъ въ третій разъ и скоро снова уѣхалъ. Когда кучеръ, знавшій его раньше, обернулся къ нему, онъ увидѣлъ, что глаза у доктора были озабоченные.

Пришелъ также и пасторъ и сталъ говорить съ Іёрномъ Улемъ; онъ съ такимъ же успѣхомъ могъ бы говорить съ одной изъ дубовыхъ вѣшалокъ, стоявшихъ въ сѣняхъ. Это была долгая тревожная ночь, тяжкая, горестная ночь.

Къ утру она стала спокойнѣе, но страшно ослабѣла и съ трудомъ могла говорить.

— Скажи отцу, что я его любила.

Іёрнъ Уль зарыдалъ.

— Вѣдь онъ не сказалъ тебѣ ни одного ласковаго слова, милая.

Она попробовала улыбнуться.

— Кромѣ хлопотъ и труда, у тебя вѣдь ничего не было!—сказалъ онъ.

Тогда она коснѣющимъ языкомъ попыталась высказать ему, что она была очень счастлива. Онъ низко наклонился къ ней. Она попробовала погладить его руку. На другихъ она уже не обращала вниманія; даже и о своемъ ребенкѣ словно позабыла.

Къ вечеру, когда лихорадка возвратилась, онъ разсказалъ ей, что во дворъ приведены обѣ новыя коровы. Тогда она захотѣла увидѣть ихъ. Она попросила его объ этомъ. Ей хотѣлось показать, что она еще не безучастна: она думала утѣшить его этимъ, но въ полубреду не поняла, какъ это высказанное ею желаніе отзовется въ его душѣ.

Работникъ и старшая работница провели обѣихъ рослыхъ коровъ по комнатѣ. Она взглянула на нихъ и улыбнулась.

Вечеромъ лихорадка снова охватила все ея существо, и она боролась съ ней до поздней ночи. Тутъ силы ея истощились. Ночью пріѣхалъ докторъ. Фонари у его экипажа мерцали и колебались на холодномъ вѣтру. Онъ осмотрѣлъ больную, отозвалъ Іёрна Уля въ сторону и сказалъ, что надежды больше нѣтъ. Если надо еще привести что нибудь въ порядокъ...

Іёрнъ Уль снова подошелъ къ кровати, у которой онъ стоялъ вотъ уже шестнадцать часовъ. Да, тутъ надо было привести кое-что въ порядокъ. Кое-что. Онъ наклонился къ ней и неловкими, неумѣлыми словами сказалъ ей, какъ онъ ее любилъ.

Она попробовала взглянуть на него.

Это былъ долгій удивленный взглядъ. Вѣдь она впервые заглянула въ самую его душу, но вѣки ея были слишкомъ тяжелы.

Послѣ полуночи она пришла немного въ себя. Она проговорила нѣсколько

словъ, указывавшихъ на то, что она вспомнила о дѣтскихъ годахъ, проведенныхъ ею въ Тодумской степи. Можно было разобрать что-то въ родѣ: «У тебя босыя ноги»... и «Тамъ есть змѣи»...и «Вотъ опять красивые, голубые»... Сначала она разговаривала со своими школьными товарищами. Они бѣгали среди кустарника. Степь тянулась безконечно. Тогда остальные испугались и захотѣли вернуться домой. «Да, — говорила она, значитъ, мнѣ придется идти одной?» — И она стала подавать всѣмъ руку. Но, переходя отъ одного къ другому, она вдругъ замѣтила, что это совсѣмъ не школьники... А около нея стоялъ старый учитель Карстензенъ, и его красивые, темные глаза блестѣли, какъ это бывало съ нимъ иногда во время уроковъ закона Божьяго, когда онъ отодвигалъ въ сторону катехизисъ Лютера и начиналъ отъ себя говорить о вѣрѣ и духовной силѣ Христа. Онъ гладилъ ее по головѣ, которая была горяча отъ солнечнаго свѣта, и говорилъ:

— Ну, теперь смотри—не заблудись, чтобы не пропустить усадьбу Улей.

И Іёрнъ Уль стоялъ тутъ же и подалъ ей на прощанье руку, и цѣловалъ ее, и плакалъ, и она не понимала, какъ могъ этотъ большой, могучій, сильный человѣкъ дойти до слезъ. Она ясно слышала это. И Витенъ Пеннъ была тоже тутъ и ходила по саду съ какимъ-то ребенкомъ, который уже умѣлъ ходить. И много еще было народу, и всѣ плакали. Она ясно слышала горькія рыданья вокругъ себя. Тогда она отвернулась и пошла одна по степи, прочь отъ людей, все дальше и дальше. И кругомъ было пустынно, становилось темно, и ей дѣлалось страшно. Но въ то время, какъ она шла дальше, все прояснялось, свѣтлѣло, какъ будто тяжелая черная туча, затмевавшая солнце, отодвигалась въ сторону. И мало-по-малу, вмѣстѣ съ увеличивающимся свѣтомъ, вокругъ нея стали появляться какіе-то призраки. Они шли съ обѣихъ сторонъ, безпрерывно, но для того, чтобы не испугать ее, они шли по одиночкѣ и подходили сзади и сбоку, безшумно. Они походили на людей, но глаза ихъ были гораздо яснѣе и чище, и у нихъ была такая легкая походка, какъ будто они никогда не знали заботъ, и одежда ихъ была какъ бы изъ бѣлаго шелка И наконецъ ихъ собралось такъ много, и они такъ близко стояли къ ней, что вокругъ нея образовалось какъ бы кольцо, и всѣ были ласковы съ ней. И тутъ ей захотѣлось смѣяться. Но они сказали, что смѣяться пока еще нельзя. Дорога стала подыматься въ гору, спереди до нея доносилось что-то въ родѣ свѣта или пѣнія. Что то кроткое и сильное настигало ее. Множество рукъ охватили ее и вели впередъ, и она очутилась передъ какимъ-то Свѣтлымъ Существомъ. Она протянула руку, и вдругъ въ рукѣ этой оказался большой букетъ свѣтящихся красныхъ цвѣтовъ, и она подала ихъ этому Существу и сказала:

— Вотъ все, что у меня есть. Пожалуйста, оставь меня у себя. Я страшно устала. Я потомъ буду работать, сколько могу. И если ты согласенъ, я бы очень хотѣла при этомъ пѣть...

Когда на деревнѣ узнали, что Лена Тарнъ умерла въ родахъ, всѣ женщины забѣгали отъ одного дома къ другому, и всѣхъ охватила сильная печаль. Во всемъ Маріендоннѣ не было ни одного дома, въ которомъ бы окно, справа отъ входной двери, не было завѣшано бѣлой простыней. Даже старый Іохенъ Ринкманъ, который обыкновенно поступалъ какъ разъ наоборотъ тому, какъ поступали остальные, и всегда былъ такой несговорчивый, что даже во время пожара тушилъ только свой уголъ и сердился на того, кто хотѣлъ тушить огонь на томъ же мѣстѣ,—и онъ взялъ свой синій столярный фартукъ, потому что ничего другого у него не было подъ рукой, и завѣсилъ въ своей маленькой мастерской окно, бывшее ближе всего къ входной двери, и цѣлый день работалъ въ полутьмѣ. А вѣдь даже и гробъ дѣлалъ не онъ.

Когда Іёрнъ Уль на четвертый день возвратился съ кладбища и увидѣлъ, что дѣвушки и работники стоятъ всѣ вмѣстѣ, онъ велѣлъ каждому идти къ своему дѣлу. Въ среднихъ сѣняхъ онъ остановился и сталъ прислушиваться. Онъ

часто стаивалъ здѣсь и прислушивался, откуда доносится пѣніе и слышится легкая, смѣлая походка? въ кухнѣ ли она, или въ комнатѣ? Въ то время, какъ онъ прислушивался, онъ услыхалъ тонкій плачъ ребенка. Тогда онъ вошелъ въ комнату. Тутъ за печкой сидѣлъ отецъ и держалъ въ рукѣ потухшую трубку и бранился, что Витенъ не заботится больше о немъ, а у постели стояла Витенъ, склонившись надъ ребенкомъ. И въ комнатѣ царилъ безпорядокъ.

Глава двадцатая.

Въ нашей странѣ встрѣчаются иногда крестьянскіе дворы, которые кажутся вымершими. Скупость или долги, или продолжительная неизлечимая болѣзнь хозяина убили всякую жизнь, бывшую въ домѣ, и гонятъ прочь все, что хотѣло бы войти въ него извнѣ. Земля вертится, культура идетъ впередъ, нравы и обычаи мѣняются, народъ ведетъ войны, экономическія условія окрестнаго населенія то улучшаются, то ухудшаются, а пустой дворъ, около безлюднаго поля, подъ тѣнью высокихъ, темныхъ деревьевъ, остается въ томъ же положеніи. Словно заржавѣвшій гвоздь, въ сырой стѣнѣ, торчитъ этотъ одинокій дворъ. Работница въ кладовой или конюхъ въ конюшнѣ забудутся минутой и зальются громкимъ смѣхомъ, а затѣмъ все снова стихнетъ.

Былъ пасмурный ноябрьскій день. Сырой западный вѣтеръ уже нѣсколько дней свистѣлъ въ тополяхъ, которые стонали и шумѣли, точно тяжелыя морскія волны. Въ это то время изъ Гамбурга вдругъ пріѣхали домой оба брата.

Они сдѣлали видъ, будто хотятъ только провѣдать больного отца и посмотрѣть, что дѣлается въ отцовской усадьбѣ. Но отецъ отвернулся отъ нихъ къ стѣнѣ. Когда они вышли, онъ сталъ браниться и говорить, что всѣ нынѣшніе Ули ничего не стоятъ, что онъ былъ единственный настоящій Уль. Послѣ этого они перестали обращать на него вниманіе, ходили по всему дому и заглядывали въ конюшни и въ хлѣва, кое-что хвалили, но больше порицали и разсказывали о торговлѣ сѣномъ и соломой, которую они вели, и о крупныхъ дѣлахъ своихъ. Въ тотъ же вечеръ они отправились въ трактиръ, выманивъ предварительно у Іёрна двадцать марокъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что «у нихъ не было мелкихъ». Поздно ночью они возвратились домой.

Іёрнъ Уль не спалъ эту ночь; онъ лежалъ на спинѣ, не смыкая глазъ, лежалъ, вперивъ глаза въ потолокъ, и думалъ. Онъ зналъ, что братья дошли до крайности и что они хотятъ получить отъ него деньги. Онъ замѣтилъ, что платье ихъ все въ пятнахъ и сильно потерто. Краска бросалась ему въ лицо при мысли, что сыновья Улей сидѣли и пили въ трактирѣ.

На другой день, передъ обѣдомъ, они, какъ бы мимоходомъ, сказали ему:

— Послушай, мы хотимъ взять немного денегъ у Франца Раппа. Онъ самъ намъ предложилъ. Деньги въ Гамбургѣ важное дѣло; свои ли, чужіе ли— все равно. Такъ вотъ мы и беремъ у него. А ты на всякій случай—вѣдь всѣ мы подъ Богомъ ходимъ—подпиши вексель.

— Еще бы!—сказалъ Іёрнъ Уль.— Какъ не подписать!.. Самъ я по уши въ долгахъ. Да и какой я поручитель!

— Это одна формальность,—сказалъ Генрихъ.

И младшій братъ не нашелся, что на это отвѣтить.

Въ тотъ же вечеръ дѣло было сдѣлано, и Гансъ снова уѣхалъ; ему было необходимо заплатить этими деньгами по фальшивому векселю, за который его могли привлечь къ суду. А Генрихъ остался. Онъ жаловался на ревматизмъ въ больной ногѣ и говорилъ, что влажный, мягкій воздухъ Марша полезенъ ему. Онъ принялся шататься по мѣстнымъ трактирамъ и купилъ себѣ новое платье на счетъ брата.

Какъ-то разъ вечеромъ передъ Рождествомъ онъ вошелъ въ комнату, гдѣ Іёрнъ сидѣлъ одинъ въ полутьмѣ, и объявилъ, что ему, молъ, нужны десять марокъ. Іёрнъ спокойно отвѣтилъ, что ничего не дастъ. Тогда глаза Генриха

злобно засверкали: деньги онъ все-таки достанетъ; онъ взялъ уже у Раппа триста марокъ на имя брата. Іёрнъ Уль все еще оставался спокойнымъ, хотя голосъ его дрожалъ, когда онъ заговорилъ: онъ больше никогда и ничего не дастъ брату, который только и дѣлаетъ, что шатается по трактирамъ и позоритъ всю семью. Генрихъ раскричался и поднялъ руку на брата. У того закипѣла кровь; онъ бросился на пьянаго, схватилъ его и вытолкалъ за дверь.

Съ этихъ поръ хромоногій притихъ. Онъ приказывалъ работницѣ или случайно попадавшимся работникамъ приносить себѣ скамейку и сидѣлъ съ работникомъ сосѣда, извѣстнымъ кутилой, въ своей комнатѣ, а потомъ бросался на постель и спалъ пьянымъ сномъ. Къ обѣду онъ рѣдко появлялся. Казалось, водка замѣняла ему пищу.

Іёрнъ переносилъ это молча, съ мрачнымъ, угрюмымъ видомъ. Старый Дрейеръ сказалъ ему:

— Не спускай его съ глазъ, Іёрнъ! У Фрица Раппа недоброе на умѣ противъ тебя, потому что ты не хочешь платить долга Гейнриха. Они сказали, что двѣ недѣли будутъ поить его кюммелемъ.

Когда пьяница собирался куда-нибудь уходить, Іёрнъ загораживалъ ему дорогу и сурово заявлялъ:

— Сиди дома.

Но въ одинъ прекрасный день, весной, ему все-таки удалось уйти. Послѣ этого онъ цѣлый годъ таскался повсюду, какъ настоящій бродяга, работалъ настолько, чтобы хватало на выпивку, пугалъ отца и брата, по временамъ проходилъ со своими товарищами, пропойцами, мимо усадьбы, кричалъ и грозился.

Весной старый Уль сталъ вставать со своего кресла и ходить, хотя и съ трудомъ, опираясь на палку. Онъ часто стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ дома, и глядѣлъ на дорогу. Потомъ, засунувъ руки въ карманы, безъ шапки, съ спутанными сѣдыми волосами, бродилъ онъ вокругъ дома, высматривая, не идетъ-ли кто-нибудь по пустынной дорогѣ, кому бы онъ могъ пожаловаться на то, какъ разоряютъ усадьбу Клаусъ Уль и его сыновья. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что онъ тотъ самый Генрихъ Уль, который основалъ усадьбу и заставилъ уважать свое имя. Одинъ разъ старикъ стоялъ около дома какъ разъ въ ту минуту, когда мимо проходилъ хромой Генрихъ; они принялись браниться такъ, что Іёрнъ Уль не могъ скрыть своего негодованія передъ работникомъ, съ которымъ онъ встрѣтился въ проходѣ: онъ съ отчаяніемъ покачалъ головой и съ такимъ бѣшенствомъ всадилъ въ стѣну вилы, что рукоятка расщепилась.

Такіе припадки бѣшенства не разъ нападали на него въ этомъ году. Характеръ его становился неровнымъ, въ немъ начинала развиваться мрачность и суровость.

Старая Витенъ, волоса которой посѣдѣли и порѣдѣли, съ прежнимъ усердіемъ, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ, занимается не легкимъ домашнимъ хозяйствомъ; она сидитъ и шьетъ, и чинитъ на троихъ: на старика, на Іёрна и на ребенка. Когда больной возвращается со двора, онъ грузно опускается въ большое кресло и отрывисто, сердито произноситъ:

— Разскажи что-нибудь.

Тогда она принимается разсказывать ему разныя сказки, созданныя народной фантазіей. Нѣкоторыя изъ нихъ необыкновенно нелѣпы, другія необыкновенно чудесны, третьи необыкновенно страшны. А вечеромъ старушка беретъ Библію и надѣваетъ очки. Она всегда выбираетъ что-нибудь изъ Ветхаго Завѣта. Таинственныя чудеса, великія подвиги, вотъ что ей особенно нравится.

Новаго завѣта она никогда не читала. Отъ природы въ душѣ ея было много свѣтлаго, веселаго: въ то время, когда она играла на лѣтней полянкѣ съ Анной Штуръ и ея дѣтьми въ цыганскій таборъ, она была кроткимъ, ласковымъ ребенкомъ. Но всѣ ужасы которые ей пришлось пережить впослѣдствіи, долгіе годы одиночества и службы на большихъ крестьянскихъ дворахъ, несчастья, выпавшія на долю Улей, къ которымъ она была сильно привязана,—все это на-

бросило мрачную тѣнь на ея душу. Эмблему міра и жизни она находила не въ залитой солнцемъ лѣсной прогалинѣ, а въ темной чащѣ старыхъ, высокихъ и густыхъ елей.

Хозяинъ дома, несмотря на свою молодость,—мрачный, задумчивый человѣкъ; губы его такъ плотно сжаты, точно срослись вмѣстѣ. Онъ не ходитъ въ деревню, не знаетъ, что тамъ дѣлается, да и не интересуется этимъ. Въ церкви онъ тоже не бываетъ. Его думы не идутъ дальше двора, дальше полей, принадлежащихъ къ усадьбѣ Улей. Когда онѣ залетаютъ за границу владѣній Улей, то останавливаются только въ трехъ мѣстахъ: на могилѣ Лены Тарнъ, въ канцеляріи прихода, гдѣ уплачиваются подати, или же у новаго дома Вейскопфа, около церкви въ Шенефельдѣ.

Если бы кто-нибудь сказалъ Іёрну, что отечество въ опасности и что нужно его спасать, онъ отвѣтилъ-бы: «Отечество? Развѣ вы не знаете, что у меня руки завалены работой, и что мысли мои заняты совсѣмъ другимъ. Усадьба вся въ долгахъ, отецъ сумасшедшій, братъ негодяй, Лена Тарнъ въ могилѣ. Что мнѣ до отечества!

Чтобы не платить рабочимъ, онъ самъ чинилъ ясли въ хлѣву, двери и заборы. Онъ ходилъ вокругъ дома съ ведромъ извести и, вставлялъ выпадающіе камни, хотя стыдился этой работы передъ рабочими. Но усадьба не должна приходить въ упадокъ. Вейскопфъ вдругъ придетъ и скажетъ: Усадьба не въ порядкѣ! прочь отсюда, съ этого двора!

Прочь съ того двора, изъ-за котораго онъ мучился еще ребенкомъ. И куда же онъ дѣнетъ тогда вонъ тѣхъ двоихъ, что сидятъ и разсказываютъ другъ другу сказку про работника, который пахалъ поле и нашелъ желѣзный горшокъ, до верху наполненный деньгами?

Ребенокъ, предоставленный самому себѣ, бѣгалъ по конюшнямъ и хлѣвамъ. Окруженный всегда молчаливыми людьми, онъ самостоятельно знакомится со всѣмъ окружающимъ, и поэтому въ немъ есть что-то недѣтское: онъ говоритъ о дороговизнѣ скота на простомъ народномъ языкѣ и пробуетъ въ углу конюшни играть въ «шестьдесятъ шесть» съ старымъ конюхомъ.

Каждый годъ изъ Гамбурга пріѣзжала Лисбета Юнкеръ и гостила нѣсколько дней въ домѣ школьнаго учителя. Она всякій разъ навѣщала и Улей, «чтобы взглянуть на маленькаго Юргена».

Ея волосы и глаза сохраняли прежнее свѣтлое, ясное выраженіе: попрежнему въ нихъ чувствовалась какая-то нетронутость и чистота; фигура ея сохраняла свою гордую осанку. Въ сѣрыхъ глазахъ ея и у плотно сжатыхъ красныхъ губъ лежала черточка серьезной мысли. Усадивъ маленькаго Юргена къ себѣ на колѣни и робко оглядываясь по сторонамъ, она разсказывала ему своимъ высокимъ, нѣжнымъ голосомъ о жизни въ городѣ. Она все еще жила у тетки и ей было тамъ хорошо, какъ она говорила.

— Наша маленькая лавочка недалеко отъ гимназіи и отъ большой народной школы. И маленькіе, и большіе мальчики покупаютъ у насъ всякую мелочь, тетради, чернила и все что нужно, а ученики старшихъ классовъ и учителя иногда дѣлаютъ черезъ насъ большіе заказы.

Іёрнъ съ благоговѣніемъ глядѣлъ на ея тонкую, гордую красоту и думалъ:

«Какъ она далека отъ тебя! Она—принцесса, а ты бѣдный, неотесанный работникъ. Что ей нужно здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, гдѣ ты такъ несчастенъ?».

Онъ вѣжливо и съ нѣкоторымъ смущеніемъ замѣтилъ:

— Ты слишкомъ молода для такой жизни, Лисбета.

Она покачала головой:

— Что же мнѣ дѣлать, Іёрнъ? Вѣдь у меня нѣтъ цѣли въ жизни. Все-таки это гораздо лучше, чѣмъ быть гдѣ-нибудь приживалкой.

На этомъ разговоръ кончался. Она пробовала заговорить о прошломъ; но это прошлое ушло отъ него такъ далеко,—словно за большой, темный лѣсъ. Его слишкомъ угнетали собственныя тяжелыя думы, чтобы онъ могъ ощутить робкое пожатіе ея руки и замѣтить страданье въ глазахъ ея, когда она прощалась съ нимъ. Иногда черезъ день она опять

приходила «взглянуть на ребенка». Снова заводился односложный разговоръ. Она разсказывала и разспрашивала и своимъ тонкимъ чутьемъ угадывала, что его мысли блуждали гдѣ-то далеко отъ этого разговора. Она уходила, и на обратномъ пути горячая краска стыда заливала ея щеки. Возвратясь въ Гамбургъ, она долго, долго плакала.

Однажды мальчикъ, которому было три-четыре года, игралъ на дорогѣ; онъ пришелъ домой, держа за руку молодого, бѣлокураго человѣка и крикнулъ:

— Отецъ, это пасторъ!

Прежній пасторъ, который нѣкогда съ такимъ сознаніемъ своего достоинства ходилъ по деревнѣ и такъ громко и увѣренно проповѣдывалъ истинную вѣру, былъ переведенъ въ большой городъ. Новый пастырь былъ еще молодой человѣкъ, по натурѣ совсѣмъ ребенокъ, и откровенно высказывалъ свое мнѣніе обо всемъ. Все, что онъ говорилъ, было справедливо, но не все было пріятно слышать. Онъ былъ не подъ стать Улямъ, какъ и всѣмъ этимъ жесткимъ, разсчетливымъ и осторожнымъ людямъ, у которыхъ правда всегда скрывалась гдѣ то въ сторонѣ отъ ихъ словъ. Въ теченіе года количество противниковъ его все росло. Подъ конецъ весь приходъ кричалъ, требуя себѣ другого пастыря, спокойнаго, солиднаго, который говорилъ бы елейныя рѣчи и въ то же время хорошо бы игралъ въ карты. Послѣ смерти Лютера прошло больше 350 лѣтъ, а до сихъ поръ многія евангелическія общины не могутъ еще выносить пастора, который хочетъ быть просто скромнымъ, честнымъ человѣкомъ. Въ сельскихъ домикахъ пастырей скрывается не мало тяжелыхъ и совершенно ненужныхъ душевныхъ мукъ.

Въ то время, о которомъ мы начали разсказывать, новый пасторъ былъ еще молодой человѣкъ и служилъ въ этомъ приходѣ всего полъ-года; онъ былъ полонъ свѣтлыхъ надеждъ, онъ былъ увѣренъ, что добьется своего: своимъ честнымъ трудомъ и искреннимъ чувствомъ онъ всѣхъ привлечетъ на свою сторону—значитъ, и на сторону Евангелія.

Пасторъ поговорилъ немного о погодѣ, объ урожаѣ и потомъ сказалъ:

— Мы хотимъ въ будущее воскресеніе поставить въ церкви мраморную доску, въ память убитыхъ на войнѣ. Я пришелъ и васъ пригласить. Я знаю, что вы не богомольны, но на торжество вамъ надо бы придти.

Іёрнъ Уль отвѣчалъ безъ всякаго неудовольствія, опустивъ глаза въ землю:

— Мнѣ не до того, чтобы принимать участіе въ чемъ-нибудь подобномъ, господинъ пасторъ. Развѣ вы не знаете, что съ моимъ отцомъ очень не ладно, и что мнѣ, вообще, пришлось много вытерпѣть, и что мое положеніе очень тяжело. У меня прошла всякая охота къ какимъ бы то ни было празднествамъ.

— Я васъ понимаю,—сказалъ пасторъ и сочувственно поглядѣлъ на него,—но вѣдь мы не танцовать собираемся. На это я бы и не пригласилъ васъ. Но вѣдь мы устраиваемъ торжественныя поминки.

Тогда Іёрнъ Уль поднялъ глаза и дружелюбно взглянулъ на него:

— Право, я не могу придти,—сказалъ онъ,—это выше моихъ силъ. Но я буду думать объ этомъ торжествѣ въ то самое время, когда вы будете въ церкви. Всѣ четверо, имена которыхъ будутъ выставлены на доскѣ, были славные малые. Вѣдь я былъ при Геертѣ Дозе, когда онъ умиралъ... Потомъ я приду и взгляну на доску.

Пасторъ посмотрѣлъ на него и почувствовалъ къ нему расположеніе.

— Приходите,—сказалъ онъ.—Я и тѣмъ буду доволенъ.

Они подали другъ другу руку и разошлись.

Въ воскресенье вечеромъ Іёрнъ Уль взялъ мальчика за руку и пошелъ съ нимъ черезъ поле по дорогѣ къ церкви, въ деревню, и совершенно незамѣтно пришелъ на кладбище и въ церковь. Тамъ, въ полумракѣ, на стѣнѣ висѣла свѣтлая мраморная доска въ дубовой рамкѣ и вѣнкѣ изъ дубовыхъ листьевъ. Онъ еще могъ разобрать имена. Подъ именами стояло: «Они умерли за родину». Онъ кивнулъ головой. Скромная доска и краткая надпись понравились ему.

Тутъ въ церковь вошелъ еще кто-то, и когда Іёрнъ оглянулся, то оказалось, что это былъ пасторъ, который сейчасъ же спросилъ:

— Нравится вамъ?

— Слова хороши,—сказалъ Іёрнъ Уль.

— Многимъ—сказалъ пасторъ,—хотѣлось бы, чтобы надпись была возвышеннѣе, торжественнѣе... Но, по правдѣ говоря, — продолжалъ онъ серьезно,— вѣдь каждый порядочный человѣкъ дѣлаетъ то же, что сдѣлали эти четверо. Вся разница въ томъ, что они окончили свое дѣло въ три дня или въ три недѣли. Такъ было и съ вашей молодой женой, Уль: она кончила свое дѣло въ нѣсколько дней; она отдала свою жизнь за васъ и за ребенка. Другіе дѣлаютъ это впродолженіи долгихъ лѣтъ: одни отдаютъ жизнь за своихъ дѣтей, другіе за идею, или, вообще, за что нибудь благородное, за что-нибудь, ради чего человѣческая душа несетъ страданіе по доброй волѣ. Вчера мы похоронили жену одного работника. Она рѣдко приходила въ церковь, но вся ея жизнь была сплошной усердной заботой о мужѣ и о дѣтяхъ. Самопожертвованіе, служба на пользу ближнимъ, вотъ въ чемъ заключается настоящая человѣчность и настоящее христіанство.

— Это я понимаю,—сказалъ Іёрнъ Уль.—Это такъ просто и ясно!—Онъ кивнулъ головой и взглянулъ на пастора, какъ бы ожидая отъ него еще слова.

— Спаситель,—продолжалъ пасторъ,—своей чистой и прекрасной жизнью, своей потрясающей смертью и своимъ благимъ ученіемъ вызвалъ въ человѣчествѣ несмѣтное богатство мыслей и жизненныхъ силъ; онъ былъ горящій свѣтильникъ, какъ самъ говорилъ. Одинъ беретъ себѣ изъ его ученья одно, другой—другое, одна церковь выбираетъ это, другая—то, и каждый садится со своимъ огонькомъ въ уголокъ и присматриваетъ за огонькомъ, и онъ либо коптитъ, либо ярко пылаетъ, смотря по тому, что человѣкъ больше любитъ: огонь или дымъ. «Вотъ въ чемъ истина Христова», говоритъ человѣкъ, а нѣкоторые прибавляютъ къ этому еще и свою мудрость, другіе—свою неправду, а третьи—и ихъ не мало—свою злую волю. И вотъ истинный образъ Христа у однихъ окаменѣлъ, у другихъ видоизмѣнился, у третьихъ такъ исказился, что его благородныя черты и узнать нельзя. А между тѣмъ, совсѣмъ не такъ трудно, даже для человѣка необразованнаго, по первымъ евангеліямъ составить себѣ точное и ясное представленіе о немъ, опредѣлить основныя черты его существа, его воли и его жизни. На сколько я понимаю, вотъ что онъ говоритъ намъ: мы должны вѣрить, что Богъ всегда готовъ придти къ намъ на помощь, даже когда насъ окружаетъ самая густая тьма, и, исходя изъ этой радостной вѣры, мы должны всегда бодро бороться со всякимъ зломъ, какъ внутри себя самихъ, такъ и внѣ насъ. Подъ защитой этой вѣры въ Бога, точно высокой прочной стѣны, мы должны бороться за добро и никогда не сомнѣваться въ конечной побѣдѣ, которая дастся намъ сначала по сю сторону, а затѣмъ и по ту сторону жизни. Вотъ въ чемъ, думаю я, и состоитъ все христіанство. Если же кто-нибудь не можетъ достигнуть такой вѣры въ Бога—не каждому это дано—но творитъ добро ближнимъ, дѣлаетъ дѣла любви и безъ этой вѣры, то и этимъ слѣдуетъ удовлетвориться, и этому нужно радоваться.

— Каждый порядочный человѣкъ долженъ согласиться съ тѣмъ, что вы говорите,—сказалъ Іёрнъ Уль.—Незачѣмъ долго стоять на одной ногѣ да размышлять; у насъ на это и времени не хватаетъ. Съ какой стати самому калѣчить разумъ, данный намъ Богомъ, а потомъ принимать безъ разбора все то, что тебѣ предлагаютъ.

Пасторъ весело разсмѣялся:

— Несомнѣнно,—сказалъ онъ—то, что Христосъ хотѣлъ дать людямъ, очень просто, первобытно и ясно. И по моему это именно то, о чемъ я только что говорилъ.

Они дошли вмѣстѣ до конца кладбища. Пасторъ принялся разспрашивать о походѣ. Іёрнъ Уль разсказалъ о путаницѣ при Гравелотѣ и о сыромъ лагерѣ у Метца и о долгомъ, тяжеломъ времени въ Орлеанѣ; наконецъ, онъ объявилъ, что ему некогда.

— У насъ въ конюшнѣ жеребая кобыла, а мальчику, который долженъ смотрѣть за нею, нельзя вполнѣ довѣрять.

Такъ разстались эти два человѣка, и каждый изъ нихъ составилъ себѣ благопріятное мнѣніе о другомъ. Пасторъ ушелъ въ деревню, Іёрнъ Уль пошелъ къ себѣ домой, гдѣ его ждала самая тяжелая полоса его жизни.

Въ то время, какъ онъ былъ въ церкви, пришелъ его братъ, который провелъ цѣлое воскресенье въ одномъ изъ трактировъ, и узнавъ отъ мальчика, стоявшаго у дверей въ конюшнѣ, что хозяина нѣтъ дома, съ проклятіями и ругательствами ворвался въ домъ, ввалился въ комнату старика отца и вылилъ передъ нимъ всю свою ненависть и негодованіе.

Старикъ былъ уже въ постели; онъ привсталъ и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на сына.

— Что тебѣ надо? —сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ.—Я мучился, работалъ, всю свою жизнь провелъ дома, а когда мнѣ нужно было въ городъ, я шелъ туда пѣшкомъ. Я ужъ старикъ... Я проклинаю васъ и вашего отца. Деньги и земля, которыя я зарабатывалъ тяжкимъ трудомъ, помутили вашъ разумъ. Уходи: вы недостойны того, чтобы на васъ свѣтило солнце.

— Ты сошелъ съ ума! — вскричалъ пьяница, и оперся на стулъ, стоявшій у постели.—Совсѣмъ сошелъ съума! Ты такой же безумный, какъ свинья, которая поѣдаетъ собственныхъ поросятъ. Но это безуміе для тебя очень выгодно. Ты вѣдь всегда выбиралъ для себя, что повыгоднѣе: прежде ты хозяйничалъ, какъ настоящій негодяй, а когда все прогуллялъ, сошелъ съ ума и вообразилъ себя благороднымъ человѣкомъ.

Онъ взялъ бутылку, которая лежала въ карманѣ его изорваннаго платья, и сталъ изъ нея пить.

— Весь свѣтъ изъ колеи вышелъ: если человѣкъ не хочетъ больше быть тѣмъ, что, онъ есть, такъ онъ себѣ устраиваетъ сумашествіе, какое ему пріятно. Я тоже хочу стать другимъ, чѣмъ я есть. И мнѣ пора вылѣзти изъ собственной шкуры! Тоже износилась! — Онъ стащилъ съ себя платье и бросилъ его на кровать.—Прощай, дѣдушка, прадѣдушка, старый Адамъ! Я хочу содрать съ себя кожу. Въ такой жизни смысла нѣтъ!

Онъ, спотыкаясь, направился въ большія сѣни. Тамъ было темно.

Когда Іёрнъ Уль возвратился домой, отецъ спалъ. Витенъ не было видно. Онъ вышелъ въ большія сѣни.

Тамъ, на глиняномъ полу около лѣстницы, лежалъ Генрихъ Уль, а надъ нимъ стояли Витенъ Беннъ и старый работникъ.

Витенъ разсказывала, какъ онъ вошелъ въ домъ.

— Я пошла за нимъ и сначала не могла его найти. Потомъ я нашла его здѣсь, на лѣстницѣ...

Работникъ пошелъ въ конюшню и, увидѣвъ мальчика, который съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ стоялъ въ дверяхъ, сказалъ ему:

— Ступай въ конюшню. Нечего тебѣ тутъ дѣлать.

Когда они оба ушли, Іёрнъ Уль вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія. Онъ тяжело оперся на лѣстницу и поднялъ руку. А Витенъ сказала:

— Ахъ, не плачь такъ, Іёрнъ, не плачь такъ, мой мальчикъ.

Пришелъ судебный приставъ, и старшина тоже пришелъ, а Іёрнъ Уль былъ холоденъ, какъ ледъ. Старшина спросилъ, кто будетъ дѣлать гробъ. Онъ отвѣчалъ:

— А мнѣ что за дѣло?

— Да вѣдь не можешь же ты хоронить его, какъ нищаго?

Іёрнъ Уль сурово взглянулъ на него:

— Почему же нѣтъ? Кто здѣсь поддерживаетъ трактиры, въ которыхъ люди напиваются до того, что становятся свиньями. Я или община? Такъ пусть община и хоронитъ сама тѣхъ свиней, которыхъ воспитываетъ.

Въ тотъ же вечеръ привезли гробъ и поставили его въ каморку, что была справа отъ хлѣва. Прежде здѣсь дѣлали сѣчку для скота.

Іёрнъ Уль и столяръ Финке положили тѣло въ гробъ:

— Гробы для бѣдныхъ дѣлаются за-

ранѣе,—сказалъ онъ.—Покойникъ слишкомъ великъ... Вѣдь онъ служилъ въ гвардіи.

— И такъ будетъ ладно!

Пришла Витенъ; она привела за руку, точно маленькаго, старика, котораго съ трудомъ одѣла. Въ другой рукѣ у нея была бутылка и веревка.

— Мы дадимъ ему съ собой все это;— сказала она.—Бога не обманешь! Богъ сразу увидитъ, какова была его смерть, и жизнь, и она положила обѣ вещи въ ногахъ у него.

Іёрнъ Уль покачалъ головой и вышелъ на улицу; онъ ходилъ взадъ и впередъ, какъ часовой, точно стерегъ домъ, чтобы въ него не вошло новое несчастье, новый позоръ. Когда онъ возвратился въ домъ, чтобы положить отца въ постель, какъ онъ это дѣлалъ почти каждый вечеръ, тотъ былъ уже уложенъ. Витенъ сидѣла у его кровати и читала изъ Ветхаго Завѣта исторію первосвященника Илія, который плохо воспитывалъ своихъ дѣтей.

— Іёрнъ,—сказала она,—мнѣ кажется, сегодня онъ понялъ, что онъ Клаусъ Уль. Онъ меня спрашивалъ, онъ ли упалъ на плугъ.

Іёрнъ Уль подошелъ къ постели, взглянулъ на своего отца и сказалъ:

— Хорошо тебѣ лежать, отецъ?

Старикъ нечего не отвѣчалъ.

— Брось читать, Витенъ—сказалъ Іёрнъ,—не стоитъ! Это нужно было дѣлать раньше.

— Пожалуй!—сказала она, и положила книгу на мѣсто.—Я думала, что это можетъ привести его въ себя.

— Зачѣмъ?—сказалъ Іёрнъ.

* * *

Свѣтило солнце. Дулъ вѣтеръ. Маленькій мальчикъ бѣгалъ, въ солнце и вѣтеръ, по двору и держалъ руки высоко надъ головой, какъ будто хотѣлъ взлетѣть.

Но въ усадьбѣ Улей все было мертво.

Глава двадцать первая.

Въ садьбѣ Улей все было мертво. Люди, живущіе на мертвомъ дворѣ, большею частью становятся скупыми и грязными. Этого въ данномъ случаѣ не было.

У Витенъ волосы гладко и аккуратно причесаны, маленькій мальчикъ одѣтъ опрятно, какъ сынъ работника, у котораго есть хорошая заботливая жена; хозяинъ ходитъ лѣтомъ въ синей холстинной блузѣ, зимой въ плисовой куртке; жилетка его застегнута до самаго горла. Въ сундукѣ на самомъ днѣ, лежитъ суконная синяя пара, которую онъ заказалъ себѣ, когда собирался играть свадьбу съ Леной Тарнъ.

Въ душѣ обитатели усадьбы Улей тоже не дичаютъ. До этого не допускаетъ ихъ съ одной стороны воспоминаніе о Ленѣ Тарнъ, этой доброй, простой Ленѣ, и серьезный, твердый характеръ Витенъ Пеннъ, съ другой—прирожденное чувство чести и порядочности хозяина. Имъ грозитъ другая опасность: хозяинъ легко можетъ превратиться въ отшельника, въ чудака. Это уже чуть не случилось съ нимъ, когда первая любовь его окончилась такъ несчастно. Теперь та же опасность снова приближается. Въ своемъ печальномъ уединеніи, онъ снова чувствуетъ прежнюю склонность къ раздумью, изслѣдованіямъ и разсужденіямъ. И на этотъ разъ опасность приближается къ человѣку, душа котораго измучена, озлоблена и почти охвачена отчаяньемъ. Но въ первый разъ ему пришлось бороться съ собою въ полномъ одиночествѣ, теперь ему помогаютъ и люди и звѣзды.

Позади фруктоваго сада, на краю рва, стояла бесѣдка, стѣны которой были еще крѣпки, но крыша развалилась. Онъ снесъ эту крышу и сдѣлалъ самъ новую, которая повертывалась изъ стороны въ сторону, продѣлалъ въ ней отверстія, а внутри бесѣдки поставилъ два каменныхъ столба и на одинъ изъ нихъ установилъ рефракторъ, а на другой пассажный инструментъ; на широкомъ подоконникѣ онъ разставилъ книги и часы, по стѣнамъ развѣсилъ таблицы и небесныя карты. Все это онъ сдѣлалъ самъ, безъ посторонней помощи.

Въ этой бесѣдкѣ отецъ его, въ былыя времена, игралъ и кутилъ съ веселыми гостями, а старшіе братья наз-

начали свиданья гулящимъ женщинамъ, теперь младшій братъ утолялъ здѣсь свою жажду знанія. Случалось, что онъ цѣлую ночь просиживалъ съ картами и телескопомъ или читалъ очень ученую книгу; при этомъ онъ часто покачивалъ головой, лобъ его покрывался морщинами, а иногда, изумляясь прочитанному, онъ сильно хлопалъ ладонью по колѣну. И это было хорошо. Это былъ прыжокъ съ поля, заросшаго терномъ и крапивой, на высокій валъ, гдѣ запыленнаго работника обдувалъ свѣжій вѣтерокъ.

Люди тоже пришли ему на помощь.

Приходъ собирался предпринять новый дренажъ всей мѣстности. Это дѣло нешуточное, требующее серьезной подготовительной работы; она тянется обыкновенно нѣсколько лѣтъ, стоитъ нѣсколько тысячъ марокъ и даетъ кусокъ хлѣба многимъ работникамъ. Старшины думали цѣлыхъ три года, какъ бы устроить все похитрѣе да подешевле, собственными средствами, безъ содѣйствія ученыхъ людей, которые всегда составляютъ громадные счета. И вотъ они пришли къ молодому, молчаливому, ученому крестьянину, который сидѣлъ въ своей усадьбѣ, словно паукъ въ паутинѣ, и попросили его дать имъ совѣтъ. Онъ цѣлую недѣлю обдумывалъ вопросъ и цѣлыя ночи на пролетъ, дѣлалъ отмѣтки на большихъ земельныхъ картахъ прихода, при чемъ часто прикладывалъ къ своему длинному носу не менѣе длинный указательный палецъ, какъ бы желая вымѣрить, который изъ нихъ длиннѣе. Потомъ онъ пошелъ къ старшинамъ прихода и объявилъ имъ, что онъ самъ готовъ руководить всѣми работами, подъ ихъ собственнымъ наблюденіемъ; а они должны платить ему за его работу вотъ столько-то, но лишь передъ новымъ годомъ когда намѣченая работа окажется удовлетворительно выполненной. Они очень удивились, попросили его выйти и долго оживленно обсуждали его предложеніе. Наконецъ, они приняли его весьма небольшимъ большинствомъ голосовъ.

Онъ выполнилъ всю работу въ теченіе пяти лѣтъ, какъ было условлено, и получилъ отъ этого двойную пользу. онъ пріобрѣлъ небольшое вспомоществованіе для своей всегда пустой кассы, и у него оказалось лишняя работа, которая мѣшала ему предаваться своимъ безцѣльнымъ заботамъ и нарушала теченіе его тяжелыхъ думъ.

Работа эта дала ему, кромѣ того, поводъ заняться ботаникой и минералогіей. Ему приходилось очень много ходить пѣшкомъ для почвенныхъ изслѣдованій, а почва въ приходѣ была разнообразная: попадался и песокъ, и черноземъ, и болото; онъ собиралъ всевозможныя растенія и преподносилъ городскому учителю тщательно сдѣланные препараты ихъ; а когда были проведены новые глубокіе рвы, имъ вдругъ овладѣло желаніе опредѣлить различныя породы и слои почвы, и онъ сталъ посылать старому учителю чисто исполненные чертежи и очень аккуратно написанныя поясненія къ нимъ. Такимъ образомъ люди помогли ему.

Маленькій мальчикъ росъ и безъ устали предлагалъ вопросы отцу, слѣдуя за нимъ повсюду своими мелкими шажками: они вмѣстѣ ходили по дому и вмѣстѣ ѣздили на кузницу. А въ одинъ прекрасный день мальчикъ одинъ отправился въ деревню и возвратился съ другимъ мальчикомъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ водить знакомство съ другими дѣтьми, и, благодаря этому, его мысли и разговоры стали болѣе дѣтскими. Іёрнъ Уль, который все время напрасно искалъ вѣрнаго тона для бесѣдъ съ сыномъ, теперь сидѣлъ между обоими мальчуганами на скамейкѣ, у воротъ сарая, и внимательно прислушивался, о чемъ они говорили между собой, и самъ заговаривалъ съ ними, а потомъ выстроилъ имъ домикъ для кроликовъ, наполовину въ землѣ, наполовину надъ ней, все какъ слѣдуетъ!

Когда мальчику минуло пять лѣтъ, онъ сталъ носить за отцомъ землемѣрную цѣпь и колышки съ одного поля на другое. А когда ему стукнуло шесть, и онъ въ началѣ жатвы услыхалъ, какъ отецъ жаловался Витенъ, что придется взять мальчика въ погонщики, онъ

объявилъ, что можетъ быть отличнымъ погонщикомъ, и, дѣйствительно, въ теченіе всей жатвы цѣлый мѣсяцъ ѣздилъ съ возомъ. Онъ очень гордился и наслаждался своею ролью. Съ веселымъ смѣхомъ запрыгалъ онъ отъ радости, когда старый работникъ опрокинулъ послѣдній большой возъ у воротъ, гдѣ въѣздъ былъ особенно затруднителенъ. Съ нимъ этого не случалось ни разу! Іёрнъ Уль стоялъ на поворотѣ дороги, видѣлъ радость мальчика и чуть самъ не расхохотался.

Фигурой родители мальчика были одинаковы; высокіе, стройные, широкоплечіе; но глаза у него были материнскіе; повидимому, онъ также унаслѣдовалъ ея ласковость и услужливость. Когда онъ, играя либо съ дворовой собакой, либо съ дѣтьми, заливался веселымъ смѣхомъ, отецъ всегда подходилъ къ дверямъ и задумчиво глядѣлъ на ребенка.

Люди помогли ему.

Однажды вечеромъ, это было черезъ годъ послѣ разговора въ церкви, Іёрнъ Уль рѣшился сходить и въ пасторскій домъ. Это было послѣ ужина. Хозяева съ изумленіемъ отворили входные двери, недоумѣвая, кто это пришелъ такъ поздно. На крыльцѣ стоялъ Іёрнъ Уль въ своей нарядной темносиней парѣ и со своей угловатой, но стройной фигурой. Его попросили войти, и онъ вошелъ, сильно нагнувшись, въ низкую дверь стараго дома.

Посреди низкой комнаты стоялъ четырехъугольный столъ, и всѣ четыре стороны его были заняты: съ одной стороны сидѣлъ пасторъ и читалъ. Съ другой сидѣла его жена, красивая, немного хрупкая женщина. Дѣтей у нея не было. Она тоже читала. Съ третьей стороны сидѣла помощница хозяйки, молодая веселая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, дочь какого-нибудь учителя; она тоже читала.

Съ четвертой стороны сидѣлъ отецъ пастора. Это былъ старый человѣкъ, который въ молодости былъ раненъ при Идштедтѣ, а потомъ не мало настрадался на своемъ вѣку; живя въ деревнѣ въ качествѣ ремесленника, и не мало видѣлъ дурного и хорошаго; онъ обыкновенно говорилъ:

— Мнѣ не надо книжки читать; моя жизнь все-равно что книга!

Онъ сидѣлъ сбоку стола, курилъ и разсказывалъ: никто его не слушалъ и только иногда, когда онъ говорилъ что-нибудь новое и занимательное, всѣ подымали головы отъ своихъ книгъ и спрашивали:

— Что ты говоришь, отецъ?

Между большими у стола сидѣлъ маленькій, веселый десятилѣтній мальчуганъ; у него не было родителей и онъ пасъ у пастора жеребятъ. Онъ тоже читалъ.

Вошелъ Іёрнъ Уль, низко согнувшись въ дверяхъ. Для него не было мѣста. Тогда молодая дѣвушка встала, сдѣлала тихонько знакъ мальчику, и оба они сѣли въ глубинѣ комнаты на диванѣ, поставили между собой шашечную доску и принялись съ жаромъ играть, причемъ поочередно погружали кончики пальцевъ въ большой картузъ съ изюмомъ, который случайно былъ позабытъ на диванѣ.

Итакъ, для Іёрна Уля тоже нашлось мѣсто, и бесѣда могла начаться. Сначала, думая, что это посѣщеніе имѣетъ опредѣленную цѣль, пасторъ поговорилъ объ общихъ вопросахъ и ждалъ, что гость выскажетъ, зачѣмъ пришелъ. Разговоръ не клеился. Потомъ, когда ничего не выяснилось, а гость не уходилъ, пасторъ понялъ, что Іёрнъ Уль, дѣйствительно, пришелъ только для того, чтобы провести нѣсколько пріятныхъ часовъ, какъ онъ самъ не разъ приглашалъ его. Разговоръ перешелъ къ внѣшнимъ событіямъ, а потомъ, по иниціативѣ молчаливой хозяйки, къ звѣздамъ. И вотъ передъ Іёрномъ Улемъ очутился кусокъ бумаги, и онъ, держа карандашъ, какъ рукоятку лопаты, уже набрасывалъ карту звѣзднаго неба и, говоря нѣсколько медленно на совершенно правильномъ, верхненѣмецкомъ нарѣчіи, прогуливался со всѣмъ пастырскимъ семействомъ черезъ все небо по млечному пути.

Вся семья облегченно вздохнула, когда затворилась за нимъ дверь. Пасторъ сказалъ:

— Ну, что, развѣ я не правду разсказалъ о немъ? Развѣ это не умный и не образованный человѣкъ?

Жена отвѣчала:

— На этотъ разъ ты былъ правъ: съ нимъ было очень пріятно.

Черезъ двѣ недѣли Іёрнъ снова пришелъ и потомъ сталъ приходить раза два въ мѣсяцъ.

Когда бесѣда не клеилась—вѣдь ни Іёрнъ Уль, ни пасторъ, ни жена его не были свѣтскими людьми—тогда приносилась книга и начиналось чтеніе. Случалось даже и такъ, что пасторъ былъ сильно заинтересованъ какой-нибудь книгой, которую читалъ въ это время, и сразу заявлялъ, что не можетъ разстаться съ ней сегодня. Тогда Іёрнъ Уль говорилъ со старикомъ о войнѣ и походахъ или съ женой пастора о разныхъ превратностяхъ въ жизни людей.

Сначала пасторъ очень неудачно выбиралъ книги для чтенія вслухъ. Онъ принесъ «Фауста», потомъ «Рейнеке-Лиса». Іёрнъ Уль слушалъ; но когда чтеніе кончилось и спросили его мнѣніе, онъ сильно покачалъ головой:

— Нѣтъ, господинъ пасторъ,—сказалъ онъ—это не для меня; такими вещами Витенъ Пеннъ меня съ дѣтства обкормила. Она обыкновенно разсказывала такія же дикія и невѣроятныя исторіи, а Фите Крэй,—онъ до сихъ поръ держалъ маслодѣльню въ Вискотилѣ, а теперь начинаетъ въ Чикаго дровяную торговлю, онъ мнѣ писалъ объ этомъ,—такъ вотъ онъ и сестра моя съ удовольствіемъ слушали ихъ; но меня это не занимало. Я въ это время дѣлалъ шпалы изъ штопальныхъ иголокъ и клалъ рельсы изъ вязальныхъ спицъ Витенъ и строилъ желѣзную дорогу, а когда я старше сдѣлался, я сталъ читать «Чудеса неба» Литтрова. Вотъ къ такимъ вещамъ у меня слабость. Но мнѣ всегда приходилось заниматься чѣмъ-нибудь другимъ.

Тогда пасторъ попробовалъ взять путешествія и жизнеописанія. Дѣло пошло на ладъ. Они прочли описаніе одного путешествія къ сѣверному полюсу, другое по пустынямъ, жизнеописаніе одного государственнаго дѣятеля, переданное имъ самимъ, и жизнь Христа, разсказанную Маркомъ. Они прочли эту книжечку, также какъ читали и остальныя, обсуждали ее и очень много спорили по ея поводу.

Потомъ, на третій годъ знакомства, дѣло дошло до того, что пасторъ сказалъ:

— У насъ обоихъ, Уль, течетъ въ жилахъ кровь фризовъ, поэтому мы должны понимать философію. Соберемся-ка съ духомъ, да примемся читать толстую и тяжелую книгу, которую написалъ сынъ крестьянина изъ Лангенгорна, онъ теперь сталъ извѣстнымъ профессоромъ.

И они принялись за чтеніе. Иногда оба они взглядывали другъ на друга въ полномъ недоумѣніи. А иногда казалось, будто мужикъ понималъ больше пастора. Пасторъ совсѣмъ не былъ философомъ.

Такимъ-то образомъ люди и звѣзды помогли Іёрну Улю прожить эти тяжелые годы одиночества.

Глава двадцать вторая.

Долго онъ колебался, но, наконецъ, рѣшился и засѣялъ пшеницей тридцать гектаровъ своей лучшей земли. Если опытъ окажется удачнымъ, у него, послѣ жатвы, будетъ возможность уплатить часть большого долга; до сихъ поръ онъ все еще возился съ векселями братьевъ. Пшеница зиму перенесла хорошо. Всходы оказались густые и ровные. Надежда была большая. Надежда была очень близка къ осуществленію. И вдругъ она рушилась. Это былъ всѣмъ извѣстный годъ неурожая на пшеницу.

То, что произошло съ Іёрномъ Улемъ, произошло не съ нимъ однимъ. Мы передаемъ здѣсь исторію многихъ. Намъ такъ и кажется, что передъ нами встаетъ много печальныхъ, суровыхъ лицъ и что они говорятъ:

— Ты разсказываешь о нашей бѣдѣ.

Это было время, когда треть всей земли засѣвалась пшеницей, и пшеница рѣшала дѣло, когда одинъ годъ могъ поставить землевладѣльца на ноги или

окончательно разорить его. Теперь дѣло обстоитъ иначе. Теперь на нашихъ низинахъ уже не волнуется пшеница своими крупными, какъ на морѣ, волнами: теперь онѣ зазеленѣли. Мы стали заниматься скотоводствомъ и поглупѣли.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, примѣрно въ послѣднихъ числахъ іюля, Іёрнъ Уль вышелъ въ поле и встрѣтился тамъ со старымъ Дрейеромъ. Тотъ остановился, тяжело оперся на палку и громко вздохнулъ:

— Слушай-ка, Іёрнъ,—сказалъ онъ—видѣлъ ты, что въ пшеницѣ мыши завелись?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ,—я третьяго дня былъ тамъ и ни одной мыши не видѣлъ.

— Третьяго дня ихъ было мало; вчера было уже много; сегодня ихъ безчисленное множество. Мнѣ страшно за пшеницу, Іёрнъ. Онѣ обыкновенно появляются разъ въ пять-десять лѣтъ. Сто лѣтъ назадъ, разсказывалъ мнѣ отецъ, онѣ три года подрядъ истребляли пшеницу и траву на лугахъ; и тогда хорошая дитмаршская усадьба стоила не дороже понюшки табаку.

Іёрнъ Уль оставилъ старика, пошелъ къ овсамъ и ничего дурного не увидѣлъ; пошелъ дальше, всталъ у изгороди и сталъ приглядываться къ своей пшеницѣ. Направо отъ него струилась довольно широкая Ау. Въ то время, какъ онъ стоялъ и глядѣлъ на широкое волнующееся поле, ему показалось, что неподалеку отъ него вдругъ исчезъ пшеничный колосъ, вотъ опять... теперь тамъ... теперь вонъ тутъ... Какъ будто изъ земли протягивалась невидимая рука и срывала колосья.

Онъ протеръ глаза: онъ думалъ, что это ему почудилось. Но скоро онъ понялъ, въ чемъ дѣло: мышь поднялась на заднія лапки, куснула... еще разъ; колосъ упалъ и прислонился къ своему сосѣду. Это была тонкая, изящная работа. Онъ окинулъ взглядомъ все поле и увидѣлъ даже больше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ: ему показалось, что все поле живетъ.

— Вотъ какъ!—подумалъ онъ.—Ну, это конецъ.

Онъ все еще стоялъ, погруженный въ размышленія: вдругъ онъ услыхалъ, что въ темной водѣ что-то легонько плещется; онъ взглянулъ внизъ и увидалъ, какъ тысячи, сотни тысячъ мышей бѣгутъ и плывутъ и перебираются по водѣ... Онъ повернулся и пошелъ домой.

«Ахъ, если бы хоть отца въ живыхъ не было! Если бы онъ умеръ сегодня или завтра! Неужели его придется на креслѣ вынести изъ усадьбы? Неужели нельзя скрыть отъ людей свою бѣдность, свою сломанную и разорванную мебель».

Онъ сейчасъ же отправился домой, чтобы посмотрѣть, какъ чувствуетъ себя отецъ. Его встрѣтила Витенъ:

— Все такъ же, какъ всегда, Іёрнъ; но сегодня онъ не хочетъ вставать; мнѣ кажется, онъ теперь воображаетъ, что для него всего безопаснѣе лежать въ постели.

— Въ постели безопаснѣе! Ахъ, Витенъ, Витенъ, у насъ нашествіе мышей, такое нашествіе, какого еще не было въ нынѣшнемъ столѣтіи. Мыши поѣдаютъ пшеницу; онѣ заберутся на дворъ, онѣ сгрызутъ постели, онѣ живьемъ съѣдятъ насъ. Приходитъ нашъ конецъ, Витенъ.

— Іёрнъ,—сказала она—Боже мой, Іёрнъ! Не говори такъ.

Она покачала головой и вышла изъ комнаты. Она—такая маленькая, идетъ, немного наклонившись впередъ, и въ ней есть что-то безпомощное, робкое. Бѣдная Витенъ! вся твоя жизнь одна сплошная работа. Скорѣе надо что-нибудь придумать скорѣе! Потому что каждую секунду сваливаются десять колосьевъ пшеницы! Съ каждой минутой мы становимся бѣднѣе!.. Нѣтъ, ничего не придумаешь! Рѣшительно ничего! Только чудо можетъ спасти.

Онъ снова пошелъ въ поле, чтобы еще разъ увидѣть бѣдствіе. На встрѣчу ему шелъ человѣкъ, у котораго тоже было пшеничное поле и долги по самое горло. Онъ просто состарился за нѣсколько дней.

— Что скажешь, Іёрнъ?

— Да что тутъ говорить, Петръ? Мы тутъ не при чемъ; это выше нашей власти!

Тотъ кивнулъ головой и прошелъ мимо. У него дома было шесть человѣкъ дѣтей.

Въ началѣ августа полили дожди и явилась надежда, что на мышей найдетъ падежъ и онѣ исчезнутъ такъ же быстро, какъ и появились. Но дождь идетъ теплый, мелкій, затяжной. Такой дождь, что даже дѣти теряютъ надежду на хорошую погоду и стоятъ кучкой у водосточной трубы и разсказываютъ другъ другу: «это было когда еще свѣтило солнышко...». Прошла недѣля, еще недѣля, третья! Настало время жатвы. Когда же засверкаетъ серпъ на солнцѣ?

А тамъ внизу копошится и ведетъ свою работу маленькая жизнь. Не все ли равно, маленькая или крупная жизнь? Но жизнь эта противоестественна: мыши въ рыхлой землѣ творятъ беззаконіе, и зерно, прибитое дождемъ къ мягкой, мокрой землѣ, слѣдуетъ ихъ примѣру. Оно еще молодо, еще въ колыбели—и уже пускаетъ ростки. Спѣлый колосъ даетъ начало новой жизни, первый и второй плодъ тѣснятъ и губятъ другъ друга.

Теперь ужъ незачѣмъ ходить на пшеничное поле: нечего тамъ искать.

Іёрнъ возвратился домой съ сильною головною болью и думалъ про себя:

« У меня просто голова скоро треснетъ отъ мыслей!.. Глупо вѣчно спрашивать: почему да зачѣмъ? А между тѣмъ странная вещь! Не могу я отъ этого отдѣлаться. Совсѣмъ, точно будто тебя тащатъ насильно въ темный домъ. Ты вырываешься на солнце, а тебя сейчасъ же тащатъ назадъ въ домъ—и приходится пробираться черезъ какія-то дырки».

Онъ пошелъ въ свою комнату, сѣлъ на стулъ и съ такой силой положилъ ноги на ларь, что тотъ затрещалъ.

« Какъ тамъ сказано? «Благословеніе Господне и безъ работы сдѣлаетъ богатымъ». Неужели это правда? Ну, такъ я прошу себѣ маленькаго благословенія безъ работы или хоть съ работой, все равно! Нѣтъ, не вѣрю я этому. Я прошу только благословенія при работѣ!»

Онъ провелъ рукой по головѣ, какъ будто ему нужно было что-то тамъ раскрыть и освободить отъ какой-то давящей тяжести. Онъ чувствовалъ себя, точно человѣкъ, лежащій подъ тяжелой, высокой кучей соломы, которая все увеличивается; въ головѣ стоитъ туманъ; дыханіе ускоряется. Онъ продолжалъ сидѣть и размышлять, тяжко и тревожно, проводя рукой по волосамъ, какъ будто онъ искалъ тамъ ключъ, которымъ могъ бы открыть что-то и освободиться отъ этой мучительной тяжести. Съ этимъ ощущеніемъ онъ заснулъ и съ нимъ же проснулся.

Вдругъ ему показалось, что онъ заблудился, что жизнь его идетъ невѣрнымъ путемъ. Онъ почувствовалъ то, что чувствуетъ работникъ, который стоитъ около повозки и видитъ, что его лошади бѣсятся, взвиваются на дыбы и куда-то несутся. Іёрнъ Уль старается сдержать свои мысли. Онъ схватываетъ ихъ подъ узцы, зубы его скрежещатъ; онъ озирается дикими глазами. Напрасно. Онъ отброшенъ, онъ падаетъ на колѣни. Онѣ бѣшено несутся впередъ. Кто можетъ ихъ удержать? Никто! Ну и пусть себѣ мчатся, куда хотятъ!

Какъ это случилось? Вѣдь онъ хотѣлъ идти въ гимназію? Какъ же случилось, что онъ теперь сидитъ здѣсь со своими заботами? Кому должна достаться усадьба? Не Генриху,—Генрихъ умеръ; онъ самъ видѣлъ его мертвымъ въ гробу. Кому же? Старшему, конечно. Какъ же онъ не зналъ этого?

Но все-таки одно было несомнѣнно: онъ много лѣтъ прожилъ въ усадьбѣ. Какъ же это случилось? Да... это случилось... вотъ какъ! Отецъ пилъ, онъ не попалъ въ гимназію и ему пришлось провести нѣсколько тяжелыхъ лѣтъ... Но вѣдь бѣда миновала; съ Леной Тарнъ вошло счастье. Онъ получилъ мѣсто при обсерваторіи, онъ поступилъ слугой къ профессору... Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, ему хотѣлось радоваться, а онъ все-таки безпокоился и отворилъ дверь, чтобы спросить Лену Тарнъ, хватитъ ли ей на хозяйство маленькаго, но опредѣленнаго содержанія въ девятьсотъ марокъ и думалъ про себя:

каническую пыль. «Пока теченіе во всей своей силѣ, то большая часть твердаго матеріала поддерживается въ водѣ; когда же энергія движенія уменьшается вслѣдствіе того, что потокъ становится шире или же натыкается на препятствіе, то значительная часть матеріала осѣдаетъ на дно, и по прошествіи длиннаго ряда лѣтъ, на такомъ мѣстѣ образуются отложенія, далеко превосходящія сосѣднія по своей мощности. Посреди океановъ появляются значительныя горы съ поразительно незначительными склонами, а края твердой земли должны дѣлаться все ниже и ниже».

Съ другой стороны, быстрыя теченія въ неглубокихъ мѣстахъ не допускаютъ образованія отложеній ила, такъ напр., благодаря сильному теченію изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ, дно Гибралтарскаго пролива совершенно свободно отъ какихъ бы то ни было отложеній. Во всякомъ случаѣ, надо признать, что вліяніе морскихъ теченій на отложенія незначительно. Гораздо значительнѣе въ геологическомъ отношеніи работа морской и озерной воды при непосредственномъ соприкосновеніи съ твердой землей, съ береговой полосой. Мы займемся подробнѣе именно этой стороной дѣятельности моря, потому что берегъ имѣетъ большое значеніе въ жизни человѣка. Характеръ береговой полосы зависитъ во многомъ отъ поверхностнаго движенія воды: безразлично, будь это волненіе, вызванное вѣтромъ, одинаково свойственное и морю и озеру, или же движенія прилива и отлива, вызываемыя періодически притягательной силой луны; приливы и отливы только въ моряхъ достигаютъ замѣтныхъ размѣровъ. Въ открытомъ морѣ волны двигаются параллельно другъ другу по направленію вѣтра; при этомъ отдѣльныя водяныя частички не подвигаются впередъ, а остаются все время на одномъ и томъ же мѣстѣ, подобно колосьямъ волнующейся нивы, сильно напоминающей поверхность моря при вѣтрѣ. Сравненіе это еще дѣлалъ Леонардо да Винчи. Если волны наталкиваются на препятствіе въ видѣ мели или береговой полосы, то возникаетъ прибой. Если берегъ спускается въ море вертикальнымъ обрывомъ, то движеніе волнъ существенно нарушается какъ только онѣ доходятъ до такого берега; при спокойномъ, тихомъ морѣ водяныя частички поднимаются и опускаются вдоль береговыхъ утесовъ; во время же волненія вода съ яростью ударяется въ высокій берегъ; брызги и пѣна взлетаютъ высоко вверхъ. Если берегъ пологій и морское дно повышается постепенно, то поступательное движеніе волнъ задерживается вблизи берега; волны становятся короче, передняя сторона волны дѣлается очень крутой, почти отвѣсной и, наконецъ, обрушивается, вода набѣгаетъ на берегъ и затѣмъ уходитъ опять обратно—это береговой прибой. Чѣмъ больше волны, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе прибоя: въ озерахъ оно меньше, чѣмъ въ морѣ, въ бухтахъ незначительнѣе, чѣмъ вдоль береговъ, выходящихъ въ открытое море. Когда волны ударяютъ въ утесистый берегъ, то вода сжимается, сдавливаетъ воздухъ и вталкиваетъ его въ трещины, находящіяся въ каменныхъ породахъ, которыя подъ этимъ вліяніемъ разрушаются и обрушиваются; вода подхватываетъ обломки, швыряетъ ими въ скалистыя стѣны и такимъ путемъ ведетъ разрушеніе ихъ все дальше и дальше. Такъ прибой дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ на берега; каменные же обломки, употребляемые въ видѣ разрушительныхъ снарядовъ, обтачиваются и округляются, а бомбардируемыя ими скалы сглаживаются. Какъ бы ни была крѣпка порода, она не въ силахъ долго сопротивляться разрушающему дѣйствію воды въ союзѣ съ камнями,—въ скалахъ образуются углубленія и пещеры, наконецъ,

подмытыя, нависшія скалистыя массы обрушиваются, и процессъ начинается снова; и только одиночные, особенно крѣпкіе или поставленные въ болѣе благопріятныя условія, утесы стоятъ неприкосновенными, напоминая собою о прежнемъ протяженіи береговой линіи.

Если утесы состоятъ изъ болѣе мягкой или легко размываемой породы, то разрушительная работа моря совершается поразительно быстро; земля, лежащая выше уровня моря, смывается, сносится; оторванные, снесенные куски загромождаютъ морское дно и, въ свою очередь, помогаютъ разрушительной дѣятельности воды; образуются береговыя террасы, уступы; разрушительное вліяніе моря сказывается иногда очень далеко въ глубь берега, при благопріятныхъ условіяхъ на разстояніе 700—100 метровъ.

Рис. 73. Прибой въ заливѣ Монтерей (Калифорнія). По фотогр.

Если берегъ состоитъ вперемежку изъ твердыхъ и мягкихъ породъ, то естественно, что море проникаетъ въ землю глубже на мѣстѣ мягкихъ породъ и образуетъ здѣсь заливы, между тѣмъ какъ твердыя породы образуютъ мысы. У высокихъ скалистыхъ береговъ обрушившіеся камни нѣкоторое время защищаютъ берегъ отъ дальнѣйшаго разрушенія, вслѣдствіе чего море проникаетъ въ землю въ низменныхъ мѣстахъ и долинахъ значительно быстрѣе, чѣмъ въ горахъ, такъ что первыя уступаютъ мѣсто бухтамъ, а вторыя обращаются въ мысы. Дѣйствіе прибоя усиливается приливами и бурями.

Такъ, впродолженіи среднихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ сильныхъ бурь произошли значительныя измѣненія по нѣмецкому и голландскому побережью—въ 1218 году создался заливъ Яде, въ 1277 г. Доллартъ, а въ 1395 г. проливъ между Зюдерзее и океаномъ.

Чѣмъ продолжительнѣе была работа прибоя, тѣмъ шире береговая терраса, тѣмъ незначительнѣе сила прибоя и, въ концѣ концовъ, только самыя большія волны доходятъ до береговыхъ утесовъ. Если же береговая полоса медленно опускается и погружается въ воду, то вліянію прибоя подвергаются все новыя и новыя породы; цѣлыя горы могутъ быть цѣликомъ разрушены волнами, какъ это утверждаетъ Рихтгофенъ относительно многихъ мѣстностей въ Китаѣ.

Жиро Суляви (1781) впервые описалъ дѣятельность прибоя; позднѣе она была основательно изучена Генри де-ла-Бемъ въ тридцатыхъ годахъ XIX-го вѣка, а въ 1847 году Рамзай указалъ на тотъ фактъ, что работа морскихъ волнъ заключается въ уравненіи земной поверхности; Рихтгофенъ же въ 70-хъ годахъ обратилъ вниманіе на то, что необходимо опусканіе земли для того, чтобъ море могло съ успѣхомъ производить дальнѣйшую абразію земной поверхности; цѣлый рядъ геологовъ, съ Гейки во главѣ, утверждаютъ, напротивъ, что морская денудація не имѣетъ большого значенія въ исторіи образованія земной поверхности; удовлетворительный отвѣтъ въ этомъ дѣлѣ можетъ дать только будущее. Въ теоріи, конечно, нельзя отрицать возможности могущественной абразіи, но только болѣе точныя геологическія изысканія съумѣютъ разрѣшить вопросъ, насколько значительна эта работа за періодъ геологическихъ временъ.

Между тѣмъ какъ насчетъ разрушительной дѣятельности морского прибоя существуетъ еще сомнѣніе, подъемная и переносная дѣятельность воды не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Если волны набѣгаютъ на берегъ немного вкось, то и камни приносятся ими въ томъ же направленіи; стекая обратно, вода слѣдуетъ уклону берега и такимъ образомъ возвращается не на старое свое мѣсто; это явленіе повторяется при каждой волнѣ, и такимъ путемъ получается передвиженіе галекъ по одному опредѣленному направленію—Филипсонъ называетъ это явленіе «перемѣщеніемъ берега». Но такъ какъ волны слѣдуютъ за направленіемъ вѣтра, то передвиженіе это можетъ совершаться вдоль берега, то въ одну, то въ другую сторону; вслѣдствіе этого послѣдняго условія «перемѣщеніе берега» получаетъ важное геологическое значеніе только въ тѣхъ странахъ, гдѣ преобладаетъ одно какое-нибудь направленіе вѣтра напримѣръ, въ областяхъ, гдѣ господствуютъ пассатные вѣтры. Въ такихъ случаяхъ перенесеніе валуновъ можетъ происходить даже вопреки встрѣчнымъ береговымъ теченіямъ, какъ это мы видимъ по берегу Атлантическаго океана около Костарика и Никарагуа.

Высчитано, что тамъ же, около Грейтона, приносится и откладывается ежегодно около 600.000 куб. метровъ песку и что берегъ, вслѣдствіе этого, увеличивается ежегодно въ сторону моря почти на 23 метра.

Самый значительный результатъ получается тамъ, гдѣ и береговое теченіе, и береговое перемѣщеніе дѣйствуютъ одновременно, во время бури работа эта становится особенно интенсивной.

Если берегъ послѣ продолжительнаго почти прямолинейнаго протяженія вдругъ дѣлаетъ крутой изгибъ, передвиженіе валуновъ и галекъ не измѣняетъ своего первоначальнаго направленія, но приносимой во-

дой матеріалъ отлагается въ мелкомъ мѣстѣ и образуютъ какъ бы дамбу или косу, которыя иногда бываютъ такой значительной длины, что могутъ отрѣзать часть моря, которая и обращается въ лагуну.

Но не однѣ только волны оказываютъ вліяніе на форму береговъ, здѣсь играютъ также значительную роль приливы и отливы. Во-первыхъ, они доставляютъ большой просторъ морскому прибою, причемъ во время прилива волны работаютъ при повышенномъ уровнѣ, а во время отлива онѣ могутъ оказывать существенное вліяніе на морское дно. Во время отлива вода стекаетъ потоками или ручейками, которые бываютъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ ниже уровень въ обыкновенное время и чѣмъ выше приливъ; эта стекающая въ море вода оказываетъ размывающее вліяніе, вслѣдствіе чего узкія бухты, посѣщаемыя высокими приливами, оказываются совершенно свободными отъ какихъ бы то ни было осадковъ; по этой же причинѣ устья рѣкъ, при своемъ впаденіи въ море развѣтвляющіяся на рукава, очищаются приливами отъ наноснаго песку и другихъ матеріаловъ. Если же отливъ изъ болѣе узкаго русла попадаетъ въ болѣе широкое, то быстрота его теченія уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подъемная сила; лишній матеріалъ осѣдаетъ на дно и передъ входомъ въ узкое русло получается иногда довольно значительный порогъ.

Осаждается также и матеріалъ, приносимый приливомъ; когда приливъ достигнетъ своей наивысшей точки, вода стоитъ нѣкоторое время неподвижно и затѣмъ начинается отливъ; отложенія достигаютъ вскорѣ такой высоты, что послѣ начала отлива они возвышаются надъ уровнемъ воды; каждый приливъ увеличиваетъ ихъ немного, появляется растительность, которая и укрѣпляетъ вновь образовавшуюся такимъ путемъ сушу. Между полосами такой земли (по берегамъ Сѣвернаго моря называемой «ватта») остаются свободныя пространства заполненныя водой (каналы) по которымъ свободно гуляетъ приливъ и отливъ.

Геологическая дѣятельность волнъ и теченій имѣетъ громадное вліяніе на внѣшній видъ береговъ; съ другой стороны имѣетъ значеніе и прежняя геологическая исторія примыкающей къ морю земной поверхности. Совокупность этихъ факторовъ и опредѣляетъ характеръ берега. Изъ всѣхъ формъ берега для человѣка важнѣе всего заливы, на нихъ мы легче всего уяснимъ себѣ совмѣстную дѣятельность двухъ вышеупомянутыхъ факторовъ.

Долинныя бухты образуются изъ тѣхъ углубленій земной коры, которыя на сушѣ развиваются въ долины, а затѣмъ, вслѣдствіе опусканія земной поверхности или же благодаря эрозивной дѣятельности стоячихъ водъ покрываются водой. Среди такихъ заливовъ можно различить нѣсколько характерныхъ типовъ, изъ которыхъ наиболѣе интересны слѣдующіе: 1) фіорды—длинные, узкіе, съ крутыми берегами, сильно развѣтвленные заливы; встрѣчаются они въ обоихъ полушаріяхъ отъ 49° сѣверной широты до 41° южной; это погрузившіяся въ воду долины; онѣ образовались, въ свою очередь, или исключительно подъ вліяніемъ ледниковъ или же, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, глетчеры только отчасти принимали участіе въ ихъ образованіи.

Самые типичные и красивые представители фіордовъ встрѣчаются по берегамъ Норвегіи, Гренландіи, Британской Колумбіи, Патагоніи и Новой Зеландіи. Съ другой стороны вліяніе льда сказалось въ образованіи мелко развѣтвленныхъ шведскихъ и финскихъ фіордовъ съ ихъ пустынными островками (шкерами), равно какъ и въ образованіи такихъ же заливовъ у береговъ Голштиніи. Если въ море опускается

скалистый берегъ, горныя цѣпи котораго идутъ перпендикулярно къ линіи воды, то получаются воронкообразные заливы; образчики такихъ заливовъ мы видимъ по берегамъ Китая и Кореи, Ирландіи и испанской провинціи Галиціи. Если же по берегу идутъ горы параллельно морю, то море заливаетъ болѣе низкія части земной поверхности, и у насъ получаются параллельные ряды гористыхъ острововъ, между которыми на мѣстѣ прежнихъ долинъ и ущелій проходятъ каналы (Kanalküste).

Такіе продольные берега обыкновенно очень бѣдны заливами. Но ровнѣе всего тѣ берега, вдоль которыхъ морской прибой оказываетъ равномѣрное вліяніе, а обрушивающіеся обломки породъ уносятся береговыми теченіями, какъ мы это видимъ на мѣловыхъ берегахъ Рюгена и Довера. Тамъ, гдѣ дѣятельность моря оказываетъ наиболѣе сильное вліяніе на форму береговъ, образуются многочисленные заливы красивой закругленной формы (круглые заливы). Тамъ, гдѣ созидательная, наносная дѣятельность моря или озера проявляется долгое время въ одномъ и томъ же направленіи, образуются простые дюнные берега, которые иногда простираются на значительное разстояніе (по зап. берегу Сѣверной Африки болѣе, чѣмъ на 1.000 километровъ); дюны эти страшно затрудняютъ судоходство, благодаря незначительной глубинѣ морского дна, частымъ песчанымъ мелямъ, сильному прибою и отсутствію гаваней. Мѣстныя условія, а также незначительная продолжительность геологической работы обусловливаютъ цѣлый рядъ существенныхъ различій въ характерѣ наносныхъ береговыхъ полосъ—гафы, внутренніе заливы, ватты и т. п. чего мы здѣсь касаться не будемъ. Нѣкоторые берега теплыхъ морей пріобрѣтаютъ особенный характеръ вслѣдствіе коралловыхъ построекъ, которыя то начинаются у самыхъ береговъ (береговые рифы) или же отдѣляются отъ нихъ каналомъ различной ширины.

Послѣднія, достигающія иногда значительной длины (напр., у сѣверныхъ береговъ Австраліи), образуютъ какъ бы внѣшній берегъ и, защищая воду въ каналѣ отъ морскихъ волнъ предоставляютъ такимъ образомъ кораблямъ спокойный фарватеръ. Но съ другой стороны эти коралловые рифы затрудняютъ кораблямъдоступъ къ землѣ, куда можно добраться только окольными путями или черезъ опасные проливы, пересѣкающіе мѣстами рифы. Какъ ни важна для мореплаванія форма береговъ и, главнымъ образомъ присутствіе заливовъ, но этого еще мало—въ хорошо защищенныхъ бухтахъ должны быть еще особенно удобные пункты, такъ называемыя морскія гавани. Чтобы получилась удобная гавань долженъ быть осуществленъ цѣлый рядъ условій. Прежде всего гавань должна имѣть защиту противъ вѣтра и наносныхъ песковъ, защита эта бываетъ или естественная, въ видѣ ряда острововъ или выступающей въ море косы, или же искусственная, въ видѣ дамбы. Наносные берега рѣдко отвѣчаютъ условіямъ хорошихъ гаваней, зато вмѣсто нихъ встрѣчаются здѣсь открытые рейды, т.-е. участокъ моря удобный для стоянки судовъ на якорѣ, сообщеніе между берегомъ и судами поддерживается съ помощью лодокъ или болѣе легкихъ пароходовъ, сообщеніе это зачастую облегчается сильнымъ прибоемъ. Кромѣ того, гавань должна быть легко доступна какъ со стороны суши, такъ и со стороны моря. Доступность со стороны моря достигается и искусственно—расширеніемъ и углубленіемъ фарватера, иногда и сама природа заботится объ этомъ съ помощью приливовъ и отливовъ. Далѣе, хорошая гавань не должна быть особенно глубокою, а прилегающій къ ней берегъ долженъ быть удо-

бенъ для людскихъ поселеній. Такъ, напр., фіорды были бы прекрасными гаванями, если бы не ихъ, въ большинствѣ случаевъ, значительная глубина и крутизна береговъ; въ глубинѣ фіордовъ очень немного такихъ хорошихъ гаваней, какъ Христіанія или Дронтгеймъ.

Едва ли гдѣ-нибудь еще на свѣтѣ человѣкъ находится въ такой зависимости отъ благопріятныхъ или враждебныхъ вліяній медленно дѣйствующихъ геологическихъ условій, какъ въ мѣстахъ гаваней. Правда, искусственное углубленіе можетъ поддерживать свободный доступъ, дамба можетъ не допустить занесеніе песку и илу, но никакія человѣческія сооруженія не въ состояніи защитить гавань отъ обмеленія, если дно моря начинаетъ подниматься или если наносное количество илу и песку достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Даже въ историческія времена, благодаря поднятію земной поверхности, многія гавани Скандинавіи совершенно исчезли; въ продолженіи среднихъ вѣковъ, вслѣдствіе громаднаго количества наноснаго матеріала Равенна оказалась ушедшей отъ моря на значительное разстояніе; а въ теченіе XIX-го вѣка Грейтонъ (С.-Жуанъ-дель-Норте)—исходный пунктъ проектируемаго канала въ Никарагуа, былъ отрѣзанъ отъ моря: въ 1809 году тамъ еще былъ хорошій, глубокій, но небольшой рейдъ сзади песчаной косы, которая росла постепенно, а въ 1852 году достигла твердой земли и отдѣлила лагуну Грейтонъ. Если будетъ вырытъ предполагаемый каналъ Никарагуа, то для поддержанія прохода на рейдъ придется выстроить дамбу, чтобы защититься отъ наноснаго песку, и дамбу эту придется удлиннять ежегодно на 23 метра.

Геологическая дѣятельность вѣтра.

Уже въ XVI вѣкѣ Георгъ Агрикола имѣлъ довольно точное представленіе о геологической дѣятельности вѣтра; объясненіе образованія дюнъ въ западной Африкѣ заимствовано имъ у арабскихъ писателей, причемъ онъ указалъ на то, что подобное же явленіе, только въ меньшемъ масштабѣ, можно наблюдать и въ окрестностяхъ Люнебурга. Помимо этого, уже въ средніе вѣка имѣли понятіе о настоящей природѣ дюнъ по морскому побережью. Но знаніе это не достигло всеобщаго распространенія, и въ 1605 году Мерула въ своей общей космографіи высказывалъ предположеніе, не были ли дюны произведеніемъ рукъ человѣческихъ, но склонялся скорѣе къ тому мнѣнію, что дюны созданы не человѣкомъ, Вареніусъ же въ своей общей географіи предполагалъ, что дюны представляютъ собою холмы затопляемой моремъ земли, выступающіе изъ воды. Аѳанасій Кирхеръ имѣлъ болѣе точное представленіе (1664): по его словамъ, песокъ, приносимый рѣками въ море, отлагался на берегу, и подъ вліяніемъ вѣтра сметался въ дюны; Кирхеръ зналъ и о дюнахъ, поросшихъ травою и кустарниками въ устьѣ Тибра у Остіи, и о континентальныхъ дюнахъ громадныхъ пустынь Африки и Азіи, гдѣ каменныя породы распадаются на мелкія песчинки, сметаемыя вѣтромъ въ холмы, которые позднѣе снова развѣваются и разносятся по обширной равнинѣ. Большія песчаныя и каменистыя пустыни сѣверной Африки и Аравіи считаются имъ за прежніе морскіе бассейны, существовавшіе до потопа; потопъ принесъ необъятныя количества песку и щебня, оставшіеся на поверхности земли послѣ ея поднятія и ухода моря.

Послѣ Аѳанасія Кирхера было сдѣлано много наблюденій надъ распространеніемъ пустынь и возникновеніемъ континентальныхъ и бе-

реговыхъ дюнъ, но сдѣланные выводы еще долгое время не отличались существенно отъ взглядовъ А. Кирхера.

Еще въ 1834 г. Гофъ высказывался за морское происхожденіе песковъ пустыни, хотя Аѳ. Кирхеръ указывалъ уже на возможность происхожденія ихъ изъ находящихся здѣсь же каменныхъ породъ, и только впервые изысканія Циттеля и Ролландса въ Сахарѣ подтвердили континентальное происхожденіе тамошнихъ песчаныхъ холмовъ. Позднѣе І. Вальтеръ необычайно картиннымъ образомъ изобразилъ измѣненія, которымъ подвергается поверхность пустыни подъ вліяніемъ разрушительной и переносной дѣятельности вѣтра «дефлаціи»; дѣйствіе это сказывается повсюду начиная съ отвѣсныхъ скалистыхъ горъ, прорѣзанныхъ глубокими ущельями, и кончая одно-

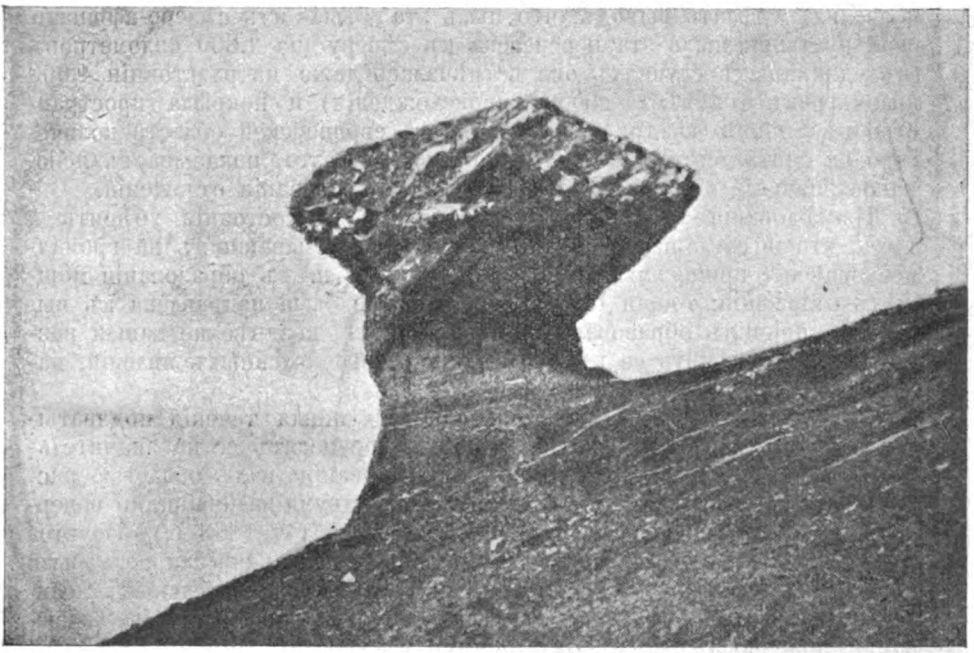


Рис. 74. Скала въ видѣ гриба. По фотографіи Вальтера.

образной каменистой пустыней Гамадой; но какъ ни увлекательно его изображеніе, какъ ни убѣдительны его доводы, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые ученые отказываются раздѣлять его воззрѣнія. Если развитая Вальтеромъ теорія возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе, то, съ другой стороны, всѣ согласны съ «корродирующимъ» вліяніемъ воздушныхъ теченій несущихъ песокъ; такой вѣтеръ дѣйствуетъ на подобіе мѣховъ. Въ 1847 году Науманъ далъ описаніе одной скалы въ Саксоніи (въ Гобургѣ), всей изрѣзанной желобками и царапинами, раньше онъ думалъ, что это слѣды льда, но Геймъ въ 1870 году убѣдилъ его, что это работа вѣтра, несущаго песокъ. На такіе слѣды, оставляемые вѣтромъ, указываютъ и другіе ученые: Блэкъ (1855) и Жильбертъ въ сѣверо-американскихъ пустыняхъ, Цитель, Ролландъ, Вальтеръ и др. въ Сахарѣ. Обращали также вниманіе и на цѣлый рядъ другихъ явленій—на трехгранные конусы дюнъ въ пу-

стыняхъ и степяхъ сѣверной Европы, на скалистые грибы Аравійской пустыни и т. п. причудливыя скалистыя формы; все это относится къ вліянію и работѣ вѣтра.

Образованіе дюнъ въ континентальныхъ и приморскихъ областяхъ было тщательно изучено впродолженіи XIX вѣка сначала Лайеллемъ, де-ля-Бешемъ, Эли-де-Бомономъ, а позднѣе Г. Рольфсомъ, Циттелемъ и многими другими, пролившими яркій свѣтъ на строеніе, способъ образованія и передвиженіе дюнъ.

Обращено было вниманіе и на переносные пески, и только недавно, благодаря удачнымъ трудамъ и наблюденіямъ Гельмана и Мейнардуса надъ громадными дождями песку 9—12-го марта 1902 г. въ сѣверной Африкѣ, южной и средней Европѣ удалось впервые опредѣлить размѣръ площади и количество выпавшей пыли. Составъ пыли и другія условія позволилъ сдѣлать выводъ, что пыль эта была изъ сѣверо-африканской пустыни; пыль эта перенесена къ сѣверу на 2.800 километровъ (въ единичныхъ случаяхъ она встрѣчалась даже на разстояніи 4.000 километровъ отъ мѣста своего происхожденія) и покрыла пространство въ 800.000 квадр. километровъ; на европейской области количество ея считается до 1.800.000 тоннъ, число это показываетъ ясно, какое значеніе можетъ имѣть песокъ въ образованіи отложеній.

Изслѣдованія Гельмана и Мейнардуса въ состояніи убѣдить и тѣхъ, кто не соглашался съ Рихтгофеномъ, указывавшимъ на громадное значеніе приносимыхъ вѣтромъ массъ пыли въ образованіи мощныхъ отложеній; теорія Рихтгофена впервые была направлена къ выясненію причинъ образованія лёсса въ Китаѣ, позднѣе же нашли возможнымъ примѣнить ее къ объясненію многочисленныхъ явленій, наблюдаемыхъ и въ другихъ мѣстахъ.

Уже древнимъ было извѣстно, что воздушныя теченія подхватываютъ выбрасываемую вулканами золу и переносятъ ее на значительныя разстоянія; болѣе же точныя изслѣдованія надъ областью распространенія золы были сдѣланы вслѣдъ за двумя величайшими изверженіями XIX вѣка (Косегвина 1835 г. и Кракатау 1883 г.). Во второмъ случаѣ было доказано, что тончайшая вулканическая зола была разнесена по всему земному шару, хотя и въ незначительныхъ количествахъ. Большее геологическое значеніе вулканическая зола оказываетъ, конечно, только въ ближайшихъ мѣстностяхъ отъ вулкана, гдѣ она можетъ образовать существенныя отложенія.

Послѣ этого короткаго историческаго очерка перейдемъ къ современнымъ взглядамъ на геологическую дѣятельность вѣтра.

Вѣтеръ, какъ геологическая сила, въ извѣстномъ смыслѣ является противникомъ воды, потому что тамъ, гдѣ вода работаетъ продолжительное время, вѣтеръ, какъ самостоятельный агентъ, не имѣетъ большого значенія, тамъ же, гдѣ воды совсѣмъ нѣтъ и ея очень мало, вѣтеръ находится въ безпрерывной дѣятельности: безводныя пустыни, гдѣ годами не бываетъ водяныхъ осадковъ, находятся въ полномъ владѣніи вѣтра; и въ бѣдныхъ осадками степяхъ онъ разгуливаетъ на просторѣ и имѣетъ не мало работы, но чѣмъ влажнѣе мѣстность, чѣмъ богаче растительный покровъ, тѣмъ ограниченнѣе дѣятельность и вліяніе вѣтра, а въ влажныхъ лѣсистыхъ областяхъ онъ не можетъ унести ни одной частички земной поверхности, но оставляетъ тамъ почти каждую приносимую имъ пылинку.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ земного шара вода и вѣтеръ дѣйствуютъ поперемѣнно—это бываетъ по преимуществу въ тропическихъ

странахъ, отличающихся продолжительной засухой, во время которой большинство ручьевъ и рѣкъ пересыхаютъ или текутъ медленно и спокойно, растительность выгораетъ и желтѣетъ, и вѣтеръ, гдѣ только возможно, вздымаетъ частички земли и мельчайшія песчинки и разноситъ ихъ по полямъ; въ дождливое же время года поразительно быстро развивающаяся растительность защищаетъ поверхность земли отъ покушеній вѣтра, а въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ растительности, земля подъ вліяніемъ влаги размокаетъ, и вѣтеръ оказывается безсильнымъ. Теперь начинается господство воды: по всѣмъ углубленіямъ текутъ мутные ручьи и высоко вздувшіяся рѣки несутъ громадныя количества твердаго матеріала и въ видѣ мелкихъ частицъ, и въ видѣ довольно крупныхъ галекъ и обломковъ.

Рис. 75. Качающійся камень около Буеносъ-Айреса. По фотографіи.

Хотя вѣтеръ и вода работаютъ или въ разное время, или въ разныхъ мѣстахъ и въ своей дѣятельности взаимно исключаютъ другъ друга, тѣмъ не менѣе въ характерѣ ихъ вліянія замѣчается нѣкоторое родство: конечно, текучая вода дѣйствуетъ по совершенно инымъ законамъ, чѣмъ вѣтеръ, но быстро текущая по поверхности вода имѣетъ то сходство съ вѣтромъ, что дѣйствуетъ только поверхностно и можетъ смывать только маленькіе камушки и частички земли. Между тѣмъ какъ текучая вода строго слѣдуетъ закону тяжести и течетъ только внизъ, вѣтеръ повидимому обходитъ этотъ строгій законъ, причемъ онъ поднимаетъ пыль, песокъ и даже небольшіе камушки, уноситъ ихъ въ воздухъ и только при уменьшившейся скорости, напримѣръ передъ какимъ-нибудь препятствіемъ, роняетъ ихъ на землю: большіе камни или куски земли, которые онъ не въ силахъ поднять,

подталкиваются и увлекаются вѣтромъ до тѣхъ поръ, пока слѣдуя закону тяжести, они не скатятся внизъ по уклону.

На высокихъ горахъ или на морскомъ берегу, а также и въ пустыняхъ, гдѣ успѣшнѣе всего можетъ дѣйствовать вѣтеръ, пыль не скопляется на одномъ мѣстѣ, но тотчасъ же уносится дальше. Но не смотря на это путешественники по пустынѣ утверждаютъ единогласно, что воздухъ тамъ часто бываетъ полонъ пыли; это происходитъ оттого, что благодаря безпрерывному вывѣтриванію, въ распоряженіе вѣтра поступаютъ все новыя и новыя частички. Но такъ какъ съ поверхности удаляются все новыя массы каменныхъ породъ, а нѣкоторыя части этихъ породъ не такъ легко поддаются вывѣтриванію и разрушенію, какъ другія сосѣднія съ ними, то образуются самыя разнообразныя и причудливыя формы скалъ; формы эти съ теченіемъ времени становятся все разнообразнѣе и разнообразнѣе. Такимъ путемъ возникаютъ болѣе или менѣе обширныя углубленія въ гранитныхъ, песчанистыхъ или известковыхъ скалахъ, иногда даже получаются и

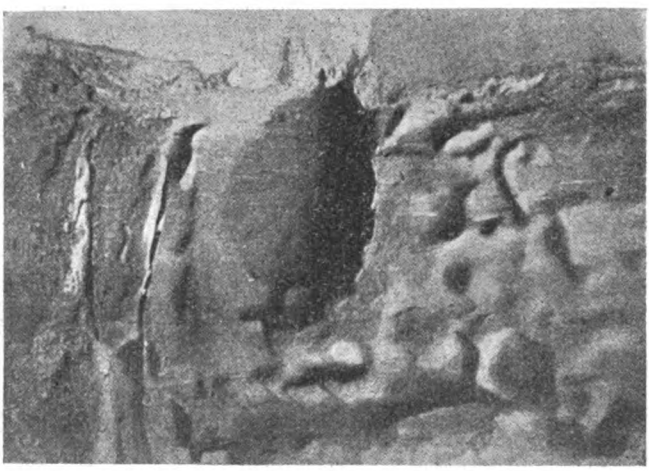


Рис. 76. Углубленіе, образовавшееся подъ вліяніемъ вѣтра и песку въ глыбѣ песчаника въ Гейдельбергскомъ замкѣ. По фотографіи.

значительныя пещеры; обыкновенно такія углубленія находятся въ большомъ количествѣ, одно рядомъ съ другимъ, отдѣляясь тонкими перегородками: получается подобіе пчелиныхъ сотовъ; иногда случается, что ямки эти расширяются и углубляются по направленію внутрь и образуютъ какъ бы рѣшетку неправильнаго рисунка; или же съ высокихъ стѣнъ спускаются цѣлыя гирлянды каменныхъ цвѣтовъ; образуются иногда корридоры и ходы (какъ, напр., въ Нубійскомъ песчаникѣ), а въ скалахъ со слоистымъ строеніемъ углубленія, причемъ нависшія глыбы украшаются зачастую каменными сосульками (сталактиты).

Если въ пустынѣ вывѣтрившіяся поверхности представляютъ разнообразныя формы, то отдѣльно стоящія скалы бываютъ еще причудливѣе: то странный каменный столбъ стоитъ одиноко на широкомъ фундаментѣ, то возвышаются цѣлыя группы ихъ въ самыхъ оригинальныхъ сочетаніяхъ. Если на вершинѣ такого столба находится болѣе твердый каменный слой, то этотъ послѣдній выступаетъ въ видѣ покрышки и получается фигура, напоминающая собою грибъ; подпорка

вывѣтривается все болѣе и болѣе, такъ что камень только своей незначительной частью опирается на нее, затѣмъ она можетъ совершенно исчезнуть—вывѣтриться и при благопріятныхъ условіяхъ получается иногда «качающійся камень».

Какое громадное вліяніе оказываетъ работа вѣтра на каменныя породы пустыни можно судить уже и потому, что и въ Европѣ замѣтно это вліяніе, несмотря на влажный климатъ этой части свѣта. Въ Германіи Футтереръ дѣлалъ наблюденія надъ стѣнами замка въ Гейдельбергѣ, построенномъ въ 1533 году; въ одной башнѣ, разрушенной въ 1689 году, сохранился узкій крытый ходъ; сюда черезъ два отверстія врывается вѣтеръ, крутится и съ помощью мелкихъ песчинокъ выдалбливаетъ въ стѣнѣ углубленія, изъ которыхъ нѣкоторыя доходятъ до 15 сантиметровъ въ глубину.

Вальтеръ вполнѣ послѣдовательно дѣлаетъ выводъ, что не только мелкія формы земной поверхности, но и болѣе крупныя формы ландшафта пустыни обязаны своимъ происхожденіемъ работѣ вѣтра (вывѣтриванію); этой же работой вѣтра объясняетъ онъ существованіе изолированныхъ, одиноко стоящихъ на плоскогоріяхъ, утесовъ, а также и углубленій въ пустыняхъ уадисовъ и оазисовъ.

По мнѣнію Вальтера, въ образованіи углубленій земли принимали участіе и очень рѣдкіе, но сильные дожди, воды которыхъ оказывали могущественное вліяніе и затѣмъ быстро испарялись или просачивались въ глубь земли. Но такъ какъ эти случайно образовавшіяся углубленія по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ не видѣли воды, то за работу принимался вѣтеръ: «вода испаряется, притекаетъ холодный воздухъ, а быстро несущійся степной вѣтеръ дѣйствуетъ, какъ аспираторъ. Маленькія вывѣтрившіяся песчинки подхватываются вѣтромъ, соль выдѣляется изъ скалистыхъ утесовъ и прежнія гладкія, обточенныя водой поверхности становятся шероховатыми. Отламываются куски, падаютъ на дно оврага и лежатъ безпорядочной массой. Вновь наступившій колоссальный дождь совершенно очищаетъ оврагъ и разноситъ обломки по лежащей здѣсь пустынной равнинѣ. Ущелье становится шире, вода погребла нѣсколько скалъ, и снова наступаетъ сухое вывѣтриваніе и разрушеніе. Вѣтеръ дѣйствуетъ еще съ большей силой. Колебанія температуры начинаютъ оказывать свое разрушительное вліяніе на скалы, а затѣмъ измѣняется и форма выдолбленныхъ желобковъ. Хотя весь болѣе крупный матеріалъ уносится ливнемъ, но въ общемъ, масса, которую можетъ унести впродолженіи часа водяной потокъ разъ въ 10 лѣтъ по объему уступаетъ тому количеству мелкихъ песчинокъ, тончайшей пыли, нѣжныхъ иголъ и плоскихъ чешуекъ, уносимыхъ вѣтромъ день-изо-дня. Мы входимъ въ лощину, откосы которой подвержены вліянію сухого вывѣтриванія и дефлаціи, при каждомъ новомъ поворотѣ мы наталкиваемся на новыя поразительныя картины. На совершенно сухой поверхности долины мы видимъ глубокія углубленія, а рядомъ съ ними гладкія поверхности, отшлифованныя пескомъ; здѣсь сохранились остатки рѣчного русла, тамъ лежатъ груды вывѣтрившихся каменныхъ глыбъ. Иногда отъ главной долины идутъ глубокіе боковые ходы, которые оканчиваются или тупикомъ широкимъ и круглымъ, съ гладкими стѣнами, или же, образуя дугу, возвращаются въ главную долину».

По сравненіи съ величественной разрушительной дѣятельностью вѣтра, обтачивающая, корродирующая работа песку кажется незначительной: песокъ шлифуетъ скалы и камни, образуя изъ круглыхъ кам-

ней съ помощью ясно выраженныхъ отполированныхъ имъ плоскостей, усѣченныя трехгранныя пирамидки. Подъ ударами песка откалываются маленькіе кусочки каменныхъ породъ, скалы уменьшаются, но все это ничто наряду съ простымъ вывѣтриваніемъ—дефлаціей.

Вѣтеръ уноситъ всѣ мелкіе продукты вывѣтриванія, какъ песокъ и пыль, на мѣстѣ же бывшихъ значительныхъ отложеній остается громадное количество камней, покрывающихъ поверхность. Если камни имѣютъ острые края, то такія пустыни называются Гамада, если же они закруглены, то Сериръ.

Поднятые вѣтромъ песокъ и пыль падаютъ на землю, когда уменьшается сила воздушнаго теченія; но новый порывъ вѣтра подхваты-

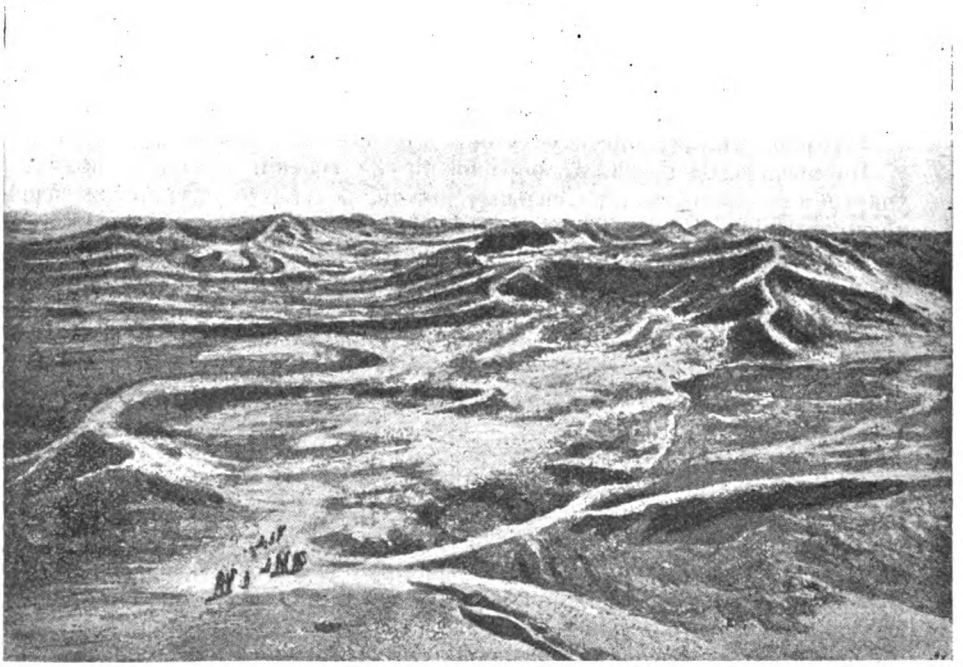


Рис. 77. Образованіе дюнъ въ Сахарѣ. Изъ книги «Le tour du monde».

ваетъ ихъ и несетъ дальше; но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ вѣтеръ дуетъ порывами, то вслѣдствіе этого большая часть песку переносится надъ землею какъ бы прыжками, другая же часть передвигается непосредственно по землѣ непрерывнымъ движеніемъ. Если же песокъ сметается передъ какимъ-нибудь препятствіемъ (горою, горнымъ гребнемъ), то онъ можетъ образовать здѣсь значительныя и продолжительныя отложенія, какъ это мы встрѣчаемъ въ каменистыхъ областяхъ Синая, гдѣ свѣтлыя блестящія поля на подобіе снѣга, покрываютъ всѣ углубленія почвы. Такія же скопленія песку мы можемъ встрѣтить и тамъ, гдѣ какое-нибудь постоянное препятствіе (въ видѣ куста, столба, скалы и т. п.), задерживаетъ вѣтеръ или ослабляетъ его силу—здѣсь образуются дюны. При неподвижномъ препятствіи вѣтеръ задерживается, и песокъ отлагается передъ препятствіемъ; возникаютъ

песчаные холмы, а между ними и самимъ препятствіемъ остается свободное пространство, гдѣ крутится вѣтеръ; когда песчаный холмъ становится выше препятствія, то и свободное пространство начинаетъ заполняться пескомъ, а самъ холмъ растетъ выше; вѣтеръ гонитъ песокъ внизъ по холму и заставляетъ его отлагаться по ту сторону вершины; такъ образуется стѣна изъ песку, подвѣтренная сторона которой отлога и плотна, а противоположная крута и рыхла. При недостаточно устойчивомъ препятствіи (кусты) песокъ отлагается сзади него: подъ защитою куста образуется отлогій холмъ, который и растетъ постепенно. Вѣтеръ, наталкиваясь на него, обходитъ его по краямъ, посредині же подхватываетъ песокъ и сметаетъ его по другому склону; возникаетъ песчаный холмъ полулунной формы (барханы, дугообразныя дюны), холмы эти достигаютъ иногда до 30 метровъ въ вышину и служатъ характернымъ признакомъ континентальныхъ дюнъ. Наряду съ барханами встрѣчаются плоскія летучія дюны. Барханы часто перемѣщаются, причемъ песокъ сдувается съ выпуклой стороны и переносится на вогнутую, такъ что вся дюна двигается по направленію вѣтра.

Барханы иногда стоятъ рядомъ и такъ близко другъ къ другу, что соприкасаются своими краями, но гораздо чаще они стоятъ одинъ за другимъ и образуютъ въ такомъ случаѣ идущую по направленію вѣтра стѣну до 150—200 метровъ вышиною, съ барханообразнымъ гребнемъ.

Береговыя дюны имѣютъ форму стѣны и идутъ параллельно направленію берега: онѣ достигаютъ до 100 метровъ въ вышину и подобно континентальнымъ дюнамъ, могутъ перемѣщаться. Но какъ только дюны покрываются растительностью, то утрачиваютъ свою способность къ передвиженію, чѣмъ и пользуются съ успѣхомъ, чтобы удержать дюны на мѣстѣ.

Хотя песокъ и переносится вѣтромъ на значительныя разстоянія, но все-таки въ этомъ отношеніи онъ далеко уступаетъ пыли, которая можетъ переноситься черезъ поразительно громадныя пространства; но въ концѣ концовъ подъемная сила вѣтра уменьшается и пыль осѣдаетъ на землю; падая на воду пыль погружается въ нее и осаждается на дно наряду съ другими отложеніями; падая на пространства, покрытыя растительностью, пыль окутываетъ отдѣльные экземпляры ея густымъ слоемъ: въ болѣе мелкомъ масштабѣ мы можемъ наблюдать такое явленіе и у насъ во время сухого лѣта.

Дождь смываетъ пыль съ растеній и она вмѣстѣ съ пылью, бывшей въ воздухѣ, осаждается на землю, гдѣ она и удерживается корнями растеній. Благодаря этимъ осадкамъ повышается почва, растительный покровъ приподнимается тоже, ходы бывшихъ корней сохраняются въ болѣе уплотнившихся отложеніяхъ и обусловливаютъ наклонность такихъ земныхъ слоевъ къ образованію вертикальныхъ трещинъ или овраговъ подъ вліяніемъ эрозивной дѣятельности воды. Въ Китаѣ отложенія образовавшіяся изъ пыли, такъ называемый лёссъ, достигаютъ значительной мощности; образованіе лёсса выяснено впервые Рихтгофеномъ. Лёссъ въ Сѣверномъ Китаѣ и Центральной Азіи оказываетъ громадное вліяніе на земледѣліе,—лёссъ удобряетъ поля, такъ что здѣсь вѣтеръ играетъ такую же роль, какъ въ Египтѣ вода, которая во время половодья приноситъ плодотворный илъ. Если въ пустыняхъ вѣтеръ является силою разрушающею, то здѣсь онъ сила созидающая, накопляющая; во многихъ областяхъ, какъ, напр., въ цен-

тральныхъ частяхъ Азіи, вѣтеръ стремится сравнять неровности земной поверхности, заполнить углубленія между горными цѣпями.

Вѣтеръ создаетъ мощныя отложенія и заполняетъ большія углубленія не только съ помощью тѣхъ массъ песку и пыли, которые самъ же вздымаетъ съ лица земли, онъ пользуется также и матеріаломъ, выбрасываемымъ вулканами во время изверженія. Въ сосѣднихъ съ вулканами мѣстностяхъ встрѣчаются обширныя долины и котловины, заполненныя рыхлыми вулканическими отбросами; получаются слои до сотенъ метровъ въ толщину, а вода прорываетъ здѣсь такія же ущелья и долины, какъ и въ лёссѣ, съ которымъ вулканическія отложенія имѣютъ много общаго и по своимъ физическимъ свойствамъ и по своему значенію для земледѣлія. Сходство это простирается такъ далеко: что небольшія отложенія вулканической золы (вслѣдствіе вулканическаго изверженія или заноса вѣтромъ) являются толчкомъ для развитія человѣческой культуры. Такимъ образомъ вѣтеръ, являющійся врагомъ культуры въ пустыняхъ и по песчанымъ морскимъ берегамъ, въ иныхъ мѣстахъ оказываетъ человѣку же дружескія услуги.

Важнѣйшія отрасли прикладной геологіи. Отыскиваніе источниковъ и горное дѣло.

Источники. Изъ всѣхъ сокровищъ, заключенныхъ въ земной корѣ, ничто такъ не привлекаетъ человѣка, какъ вода и полезные минералы. Въ большинствѣ областей, богатыхъ атмосферными осадками и гдѣ слои почвы не отличаются особенной водопроницаемостью, отыскивать и находить родники воды дѣло не трудное, и потому копанье колодцевъ здѣсь не представляетъ такой важной отрасли, какъ въ мѣстностяхъ болѣе бѣдныхъ дождями или по временамъ совсѣмъ лишенныхъ осадковъ, какъ это мы видимъ въ Африкѣ и Азіи, гдѣ возможность осѣдлой жизни вполнѣ зависитъ отъ условія имѣть воду въ достаточномъ для жизни количествѣ. Китайцы и древніе египтяне шли навстрѣчу благодаря случайнымъ счастливымъ открытіямъ, уже въ древнія времена добывали себѣ воду съ помощью артезіанскихъ колодцевъ, а тамъ, гдѣ они не могли примѣнить этого средства, то собирали дождевую воду въ цистерны и сохраняли ее такимъ образомъ во время засухи. Въ періодъ классической древности въ южно-европейскихъ странахъ цистерны, ключи и источники играли важную роль, а болѣе значительные города даже устраивали искусственные водопроводы, до извѣстной степени независимые отъ мѣстныхъ водяныхъ источниковъ.

Въ болѣе сѣверныхъ странахъ поселенія обыкновенно возникали только тамъ, гдѣ легко можно было получать питьевую воду; въ средніе же вѣка, когда болѣе обширныя поселенія обносились стѣною и даже укрѣплялись (города, монастыри, замки), то и здѣсь легкость добыванія воды имѣла большое значеніе; въ такихъ мѣстностяхъ старались добраться до уровня подземныхъ водъ и затѣмъ добывали оттуда воду съ помощью насосовъ или ведеръ на веревкѣ. Въ позднѣйшее время когда наступилъ болѣе мирный періодъ, и крестьяне стали селиться разбросанными поселками, снова явилась необходимость рыть колодцы, и, какъ и въ средніе вѣка, старались обращаться за помощью и совѣтомъ къ опытнымъ въ этомъ дѣлѣ людямъ. Довѣріе питали не къ опытности только этихъ людей, но и къ такъ называемому «волшебному пруту», который имѣлъ чудное свойство указывать мѣсто нахожденія воды. Уже во времена древности существовала вѣра въ

чудодѣйственную силу вѣтокъ съ нѣкоторыхъ древесныхъ породъ; достаточно указать на общеизвѣстный случай съ Моисеемъ и его жезломъ, съ помощью котораго потекла изъ скалы вода. Вѣра въ силу прута держалась очень долго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и сами изыскатели, въ большинствѣ случаевъ, были убѣждены въ таинственной силѣ своей палочки, и такъ какъ они, благодаря своей опытности, дѣйствительно почти всегда находили воду, то убѣжденіе это жило очень долго, а въ нѣкоторыхъ странахъ сохранилось и доселѣ. Бороться противъ этого было трудно, пока существовало невѣрное представленіе о циркуляціи подземныхъ водъ, и только съ тѣхъ поръ, какъ признали, что путь водѣ указывается исключительно силою тяжести и геологическими условіями мѣстности, были получены научныя основанія, на которыя можно опираться при отыскиваніи воды. Прикладная геологія получила широкое примѣненіе въ устройствѣ артезіанскихъ колодцевъ въ Африкѣ, Австраліи и др. частяхъ свѣта. При выборѣ мѣста, гдѣ буравить колодецъ прежде всего слѣдуетъ обратиться за совѣтомъ къ спеціалисту-геологу; конечно, въ малокультурныхъ странахъ совѣтъ этотъ иногда не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, тогда можно воспользоваться прежнимъ опытомъ мѣстныхъ жителей. Такъ, напримѣръ, древніе жители Юкатана уже въ первое тысячелѣтіе по Р. Х. выкапывали колодцы въ известковыхъ бѣдныхъ водою плоскогоріяхъ, пока не добирались до водохранилищъ, залегавшихъ надъ непроницаемыми для воды пластами мергеля, точно такъ же поступаютъ тамъ и въ настоящее время; только вода теперь доставляется наверхъ не руками человѣка, но съ помощью быковъ или даже самодѣйствующихъ вѣтряныхъ двигателей.

Существенное облегченіе въ копаньи колодцевъ было внесено въ XIX вѣкѣ примѣненіемъ желѣзныхъ цилиндрическихъ трубъ, которыя устроены такъ, что могутъ ввинчиваться одна въ другую; нижняя труба имѣетъ стальной наконечникъ и исколота на подобіе сита для того, чтобъ вода могла проникать въ трубу; если вода находится на значительной глубинѣ, и одной трубы недостаточно, то къ ней привинчиваютъ вторую и т. д., пока не доберутся до воды, которую и добываютъ съ помощью насосовъ. Такой способъ добыванія находитъ себѣ широкое примѣненіе во время путешествій, во вновь устраиваемыхъ поселкахъ.

Въ тѣхъ цивилизованныхъ странахъ, гдѣ геологическими изысканіями доказаны невозможность или невыгода колодцевъ, приходится прибѣгать къ другимъ способамъ добыванія необходимой для жизни воды, что при настоящемъ положеніи техники не представляетъ особыхъ затрудненій. Напримѣръ, виртембергское правительство снабжаетъ бѣдныя деревни прекрасной питьевой водой, для чего, благодаря цѣлой системѣ насосовъ, вода ручьевъ и рѣкъ сосѣднихъ долинъ передается въ опредѣленныя мѣста.

Горное дѣло. Раньше всего при отыскиваніи воды люди руководились только непосредственнымъ опытомъ, затѣмъ къ нему присоединилась чудесная сила волшебнаго прута, а въ новѣйшее время въ разсчетъ принимаются почти исключительно научныя данныя геологіи: тѣ же самые три метода наблюдаемъ мы и въ горномъ дѣлѣ въ различныя эпохи его существованія: опытъ играетъ роль руководителя въ древности у культурныхъ народовъ и въ настоящее время у дикарей, въ средніе вѣка и въ первыя столѣтія новаго времени рѣшающимъ элементомъ является волшебный прутъ, а въ новѣйшее время

чудесная сила прутика уступаетъ мѣсто изысканіямъ, систематическимъ геологическимъ изслѣдованіямъ, которыя въ плодотворной связи съ другими науками, а именно съ химіей, физикой и ихъ техническимъ примѣненіемъ въ области машиностроительства, сдѣлали такіе гигантскіе успѣхи за послѣднее столѣтіе.

Цѣль горнаго дѣла находить въ нѣдрахъ земли полезные минералы, извлекать ихъ оттуда на свѣтъ Божій и обращать въ годное для техники состояніе. Но въ различные періоды, при различныхъ состояніяхъ культуры или подъ вліяніемъ вѣчно измѣняющейся моды добывали разнообразныя минеральныя вещества, вслѣдствіе чего мѣнялись существенно и задачи горнаго дѣла. Древнѣйшіе народы, не знавшіе еще руды занимались добываніемъ полезныхъ камней, какъ напр., кремень, яспись, обсидіанъ и др. и выдѣлывали изъ нихъ оружіе и посуду. Да и въ настоящее время у народовъ стоящихъ на низкой степени культуры добываніе такихъ камней составляетъ единственную цѣль ихъ примитивной горной промышленности. Съ развитіемъ культуры руда, главнымъ образомъ желѣзо, не могла вполнѣ замѣнить камни, которые употреблялись въ видѣ жернововъ для размола зеренъ и въ большинствѣ мѣстностей земного шара приводились въ движеніе рукою человѣка; даже тамъ гдѣ мука приготовляется механическимъ способомъ съ помощью воды, вѣтра или пара, камень не является лишнимъ. Базальтъ, андезитъ, порфиръ и др. родственные имъ камни добываются и теперь частью изъ нѣдръ земли, частью съ поверхности и обрабатываются для надобностей человѣка.

Предметами собственно горной промышленности являются соль, уголь, благородные камни и, главнымъ образомъ, руда. Важнѣе всего для непосредственныхъ потребностей человѣка—соль, добываніе ея не представляетъ особыхъ затрудненій, и потому оно происходило уже въ очень отдаленныя времена; добываютъ соль или выпариваніемъ соленаго раствора на огнѣ или на солнцѣ, или же производятъ непосредственную разработку пластовъ каменной соли. Остатки старыхъ соляныхъ копей принадлежатъ къ самымъ древнѣйшимъ свидѣтелямъ горнаго дѣла; въ Гейденгебирге найдено пять соляныхъ шахтъ, спускающихся отвѣсно въ гору и содержащихъ многочисленные остатки рабочихъ орудій и обгорѣлыхъ лучинъ; по остаткамъ этимъ можно судить, что работа здѣсь происходила во времена галльскаго періода, и даже въ доисторическія времена.

Кромѣ добыванія соли, въ доисторическія времена существовала разработка рудъ: мѣдной, желѣзной и оловянной, а также и добываніе серебра, золота и нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ камней; у народовъ же исторической древности горная промышленность достигла уже значительныхъ размѣровъ: египтяне разработывали серебряные, золотые и мѣдные рудники уже въ III-мъ столѣтіи до Р. Х. въ мѣстностяхъ Верхняго Египта, Эѳіопіи и Синайскаго полуострова; въ Индіи, затѣмъ по верхнему теченію Тигра и въ Тибетѣ въ очень древнія времена промывали золото въ рѣкахъ; ассирійцы уже за 2000 лѣтъ до Р. Х. владѣли мѣдными рудниками въ Арменіи и Суданѣ, а другія азіатскія племена за 1000 лѣтъ до Р. Х. обрабатывали мѣдные и серебряные рудники въ Алтайскихъ и Уральскихъ горахъ: китайцы добывали олово въ громадномъ количествѣ. Финикійцы занимались тѣмъ же въ Аттикѣ, Малой Азіи, Италіи и Испаніи и передали свои практическія свѣдѣнія и свою опытность грекамъ и римлянамъ, кото-

AP 50
.M67
v.12
no. 6
June1903

Mir ozhii

AP 50
.M67
v.12
no. 6
June1903

Mir ozhii

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

U of Chicago
55015573